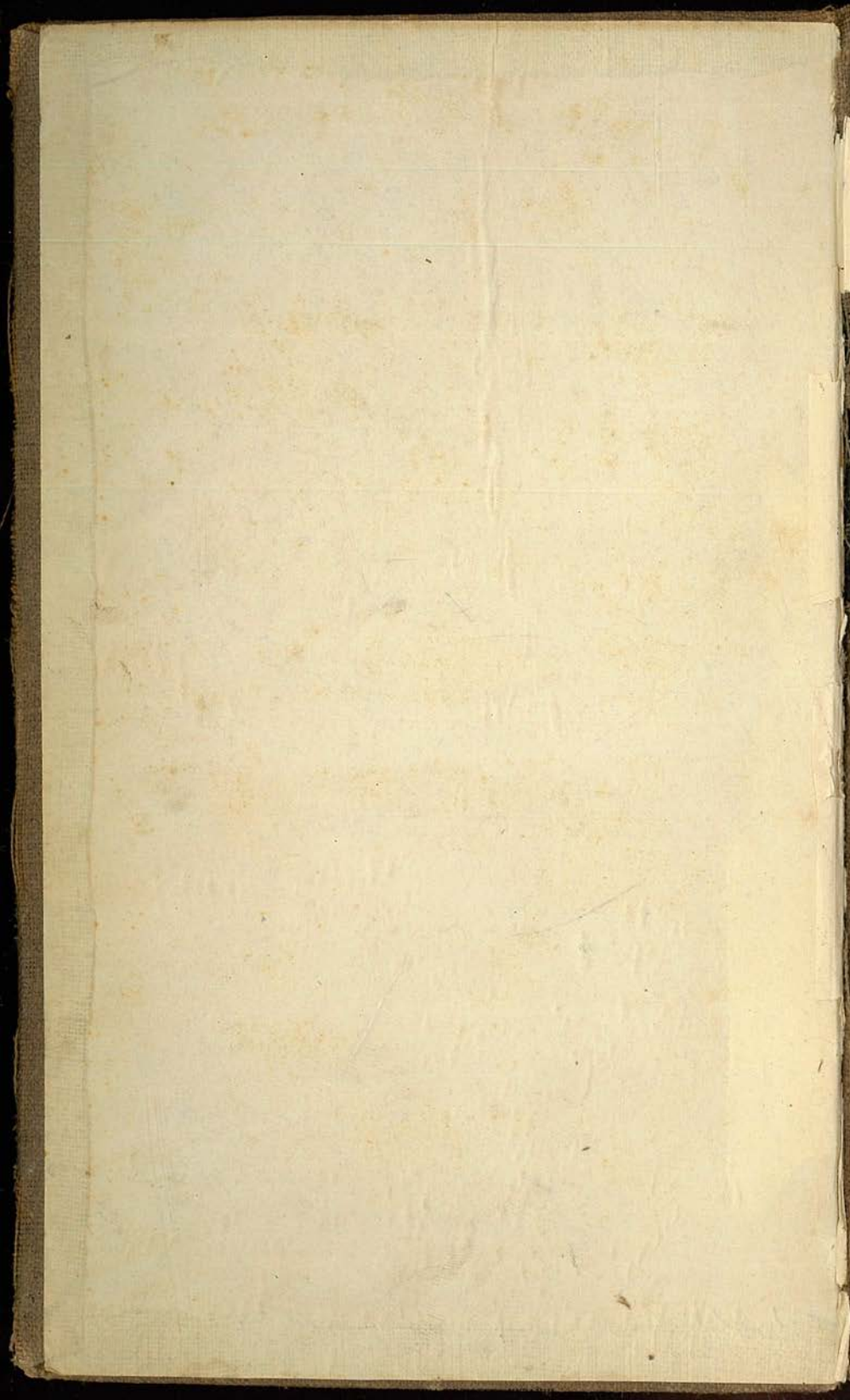

Исторический
вестник

1891 №12

Съездъ. Сост. Карт. мурт. мурт.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

ДЕКАБРЬ, 1891

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАВРЬ, 1891 г.

	СТР.
I. Тальянская чертовка. Историческая повѣсть. Главы XVIII—XXII. (Окончаніе). И. Н. Полевого	555
II. Воспоминанія театрального антрепренера. Главы X—XIII. (Окончаніе). И. И. Иванова	581
III. Остроумно. (Разсказъ). И. Н. Потапенко	606
IV. Воспоминаніе объ И. А. Гончаровѣ. И. И. Барсова	624
V. Первый Лжедимитрій. Д. И. Иловойскаго	636
VI. Мои литературные дебюты и редакція «Азіатскаго Вѣстника». (Отрывокъ изъ воспоминаній). Г. Г. Ясинскаго	668
VII. Старый конногвардеецъ. К. Д. Иксуль	676
VIII. Одинъ изъ русскихъ пионеровъ на далекомъ Востокѣ. М. С. Робуша . Иллюстраціи: Портретъ адмирала Г. И. Невельскаго. — Памятникъ адмиралу Невельскому въ Владивостокѣ.	692
IX. Голодъ и наша публицистика. Р. И. Сементковскаго	713
X. Черты русской исторіи и быта эпохи императора Петра II-го. Главы IV—VI. (Окончаніе). И. И. Барсова	732
XI. По поводу выставки народныхъ картинъ. Пено	760
XII. Ростовскій Борисоглѣбскій монастырь, что на Устьѣ, Ярославской епархіи. А. А. Титова	767
Иллюстраціи: Общій видъ Борисоглѣбскаго монастыря. — Колокольня и соборъ св. Бориса и Глѣба. — Церковь Благовѣщенія. — Церковь св. Сергія и святыхъ врата. — Церковь Срѣтенія съ Водяными вратами. — Знамя, данное Сапѣгой преподобному Иринуху.	
XIII. Русскій дворъ въ 1826—1832 годахъ. А. Г. Брикнера	783
XIV. Салютисты въ Бельгіи. Н. А. Дингельштедта	796
XV. Критика и библиографія: Н. М. Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное состояніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія. Спб. 1891. И. С. — Н. П. Лихачевъ. Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Историко-археографическій очеркъ. Спб. 1891. В. Б. — Сибирская библиографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Т. II. Составилъ И. В. Межовъ. Издалъ И. М. Сибиряковъ. Спб. 1891. С. А — ва. — Американская республика Джемса Брайса, автора книги «Священная римская исторія» и члена палаты депутатовъ отъ Абердина. Часть III. Пер. В. Н. Невѣдомскій. Изд. К. Т. Солдатенкова, Москва, 1890. А. Н. — В. С. Карповъ и М. Н. Мазяевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. Спб. 1891. С. А — ва. — Слутинь-голмачъ по Индіи, Тибету и Японіи. Составилъ А. В. Старчевскій. Спб. 1891. В. З. — Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1888 годъ. Спб. 1891. В. Б. — Ариостъ. Нейстовый Роландъ. Переводъ подъ редакціею В. Р. Зотова. Спб. 1892. В — а. — А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Томъ III. Этнографія малорусская. Спб. 1891. С. — Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный иркутскимъ городскимъ головой В. П. Сукачевымъ. Москва, 1891. С. А — ва. — Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ Ея иконъ, чтимыхъ православною церковію на основаніи св. Писанія и церковныхъ преданій. Составила Софья Швецорева. Съ изображеніями въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Спб. 1892. Н. Ш. — Вл. Волянскій. Публичная Библіотека въ Житомирѣ. По поводу ея двадцатипятилѣтія. Кіевъ, 1891. С. А — ва	810

См. слѣд. стр.

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ШЕСТОГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ).

	СТР.
Тальянская чертовка. Историческая повѣсть. Главы VI—XXII. (Окончаніе). П. Н. Полевого	5, 289, 555
Русскій дворъ въ 1728—1733 годахъ. По донесеніямъ англійскихъ резидентовъ. А. Г. Брикнера	36
Воспоминанія театральнаго антрепренера. Н. И. Иванова	64, 321, 581
Что такое салютизмъ. (Салютисты въ Швейцаріи). Н. А. Дингельштедта	99
На зарѣ моей жизни. (Воспоминанія абхазскаго крестьянина изъ времени послѣдней русско-турецкой войны). И. Ладаріи	109
М. Ю. Лермонтовъ въ изданіяхъ 1891 года. А. И. Введенскаго	119
Нѣскольکو замѣчаній о лицахъ въ Лермонтовской поэзіи. Е. В. Пѣтухова	137
Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности А. В. Старчевскаго. В. З.	149
Сибирскіе дипломаты XVII вѣка. (Посольскіе «статейные списки»). Н. Н. Оглоблина	156
Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Оренбургскомъ краѣ въ 1837 году. П. Л. Юдина	172
Шестисотлѣтній юбилей Швейцаріи. В. А. Крылова	183
Парижъ трехъ мушкетеровъ	200
<p><i>Иллюстраціи:</i> Кавалеры временъ д'Артаньяна. (Въ саду Люксембурга). — Костюмъ мушкетеровъ. (Съ изображеніемъ Лувра XVII вѣка). — Заговоръ. — Случайная дуэль. — Костюмъ отряда черныхъ мушкетеровъ во времена Ришелье. — Любезное приглашеніе къ стычкѣ. — Женскій костюмъ временъ Фронтъ. (Съ современной гравюры).</p>	
Персидскій шахъ и его дворъ. С. И. Уманца	223
Восточная политика императора Николая I-го. В. Ф.	346
Бѣлогорскій панъ. (Разсказъ старой Станиславы). М. И. Баранова	359
Изъ воспоминаній стараго кавалериста. Н. А. Попова	369
Итальянскій походъ 1799 года и кронштадтская встрѣча 1891 года. Р. И. Сементковскаго	388
Черты русской исторіи и быта эпохи императора Петра II-го. Н. И. Барсова	409, 732

Раскопки кургановъ въ бассейнѣ рѣкъ Орели и Самари. Д. И. Эварницкаго	440
Иллюстраціи: Раскопки Орельскаго кургана.—Скелеты, найденные въ Орельскомъ курганѣ.—Скелеты каменнаго вѣка по рѣкѣ Орели Екатеринославской губерніи.—Скелеты, найденные въ Самарской могилѣ.	
Первая попытка иллюстрировать Лермонтова. Пепо	450
Профессоръ Парротъ и вершина Большаго Арарата. (По архивнымъ документамъ). Д. Д. Пагирева	460
Послѣдній игорный притонъ въ Европѣ. В. Р. Зотова	472
Неизданныя карикатуры Теккерея. Ѳ. Б.	483
Иллюстраціи: Двѣнадцать подлинныхъ набросковъ-карикатуръ Уильяма Теккерея, изображающихъ «Героическія приключенія Будэна».	
Воспоминаніе объ И. А. Гончаровѣ. Н. И. Барсова	624
Первый Лжедимитрій. Д. И. Иловайскаго	636
Мои литературные дебюты и редакция «Азиатскаго Вѣстника». (Отрывокъ изъ воспоминаній). І. І. Ясинскаго	668
Старый конногвардеецъ. К. Д. Иксуль	676
Одинъ изъ русскихъ пионеровъ на далекомъ Востокѣ. М. С. Робауша	692
Иллюстраціи: Портретъ адмирала Г. И. Невельскаго.—Памятникъ адмиралу Невельскому въ Владивостокѣ.	
Голодъ и наша публицистика. Р. И. Сементковскаго	713
По поводу выставки народныхъ картинъ. Пепо	760
Ростовскій Борисоглѣбскій монастырь, что на Устьѣ, Ярославской епархіи. А. А. Титова	767
Иллюстраціи: Общій видъ Борисоглѣбскаго монастыря.—Колокольня и соборъ св. Бориса и Глѣба.—Церковь Благовѣщенія.—Церковь св. Сергія и святыхъ врата.—Церковь Срѣтенія съ Водяными вратами.—Знамя, данное Сапѣгой преподобному Иринарху.	
Русскій дворъ въ 1826—1832 годахъ. А. Г. Брикнера	783
Салютисты въ Бельгіи. Н. А. Дингельштедта	796

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

Д. А. Корсаковъ. «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка». Казань. 1891. С. И. — Вексе. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Казань. 1891. И. С. — Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). А. М. Скабичевскаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1891. В. А. — Помощь самообразованію. Сборникъ публичныхъ лекцій, популярно-научныхъ статей и литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ, издаваемый и редактируемый врачомъ А. Ѳ. Тельнихинимъ. Выпуски І и ІІ. Саратовъ. 1889—1890. Помощь самообразованію. Популярно-научный и литературный иллюстрированный журналъ, издаваемый и редактируемый А. Ѳ. Тельнихинимъ. Саратовъ. 1891. №№ 1 и 2. Н. П. Загоскинъ. «Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература». («Библиографическій указатель»). Казань. 1891. В. Латкина. — Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31-го іюля по 18-е августа 1877 г. Т. II. Казань. 1891. И. С. — Марціалъ. Біографическій очеркъ графа Олсуфьева. Москва. 1891. А. К. — Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отча-

сти Курской и Воронежской губерній въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные Д. И. Богатѣемъ. Т. II. Харьковъ. 1890. В. Б. — М. Н. Пинегинъ. Свадебные обычаи казанскихъ татаръ. Казань. 1891. И. С. — Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія. М. Довнора-Запольскаго. Кіевъ. 1891. В. Б. — Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка. Томъ III-й, съ 1843—1878. Переводъ М. В. Лучицкой подъ редакціей проф. Лучицкаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1890. А. Н. — Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXVI. Изданіе Риккера. 1891. В. З. — Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ четвертый. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Спб. 1891. В. Б. — Н. З. Тиховъ. Матеріалы для исторіи славянскаго жилища. Волгарскій домъ и относящіяся къ нему постройки по даннымъ языка и народной поэзіи. Казань. 1891. И. С. — Разговоры Гёте, собранные Эккерманомъ. Переводъ Д. Аверкіева. Часть вторая. Спб. 1891. В. а. — Louis Leger. Russes et Slaves. Etudes politiques et Litteraires. Paris. 1891. Е. П. — Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца. Книга пятая. Издана подъ редакціей М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Кіевъ. 1891. В. Б. — Харьковский сборникъ подъ редакціей члена-секретаря В. И. Касперова. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому Календарю» на 1891 годъ. Выпускъ 5-й. Харьковъ. 1891. В. Б. — Сборникъ русской старины Владимірскаго губерній. Составилъ и издалъ И. Гольшевъ. Гольшевка, близъ слободы Мстеры. 1890. Рукописный синодикъ 1746 года. Изданіе И. Гольшева. Гольшевка. 1891. В. Б. — Д. Смышляевъ. Сборникъ статей о Пермской губерніи. Пермь. 1891. И. С. — Хронологическія таблицы къ исторіи русской литературы новаго періода. Составилъ Н. Марковъ. Вып. I-й. Писатели XVIII столѣтія. Елисаветградъ. 1890. В. Б. — Н. М. Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное состояніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія. Спб. 1891. И. С. — Н. П. Лихачевъ. Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Историко-археографическій очеркъ. Спб. 1891. В. Б. — Сибирская бібліографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Т. II. Составилъ И. В. Межовъ. Издалъ И. М. Сибиряковъ. Спб. 1891. С. А—ва. — Американская республика Джемса Брайса, автора книги «Священная римская исторія» и члена палаты депутатовъ отъ Абердина. Часть III. Пер. В. Н. Невѣдомскій. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1890. А. Н. — В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. Спб. 1891. С. А—ва. — Спутникъ-толмачъ по Индіи, Тибету и Японіи. Составилъ А. В. Старчевскій. Спб. 1891. В. З. — Отчетъ Императорской Публичной Бібліотеки за 1888 годъ. Спб. 1891. В. Б. — Аріостъ. Неистовый Роландъ. Переводъ подъ редакцію В. Р. Зотова. Спб. 1892. В. а. — А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Томъ III. Этнографія малорусская. Спб. 1891. С. — Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный иркутскимъ городскимъ головой В. П. Сукачевымъ. Москва. 1891. С. А—ва. — Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ Ея иконъ, чтимыхъ православною церковью на основаніи св. Писанія и церковныхъ преданій. Составила Софія Снегосорева. Съ изображеніями въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Спб. 1892. Н. Ш. — Вл. Воляновскій. Публичная Бібліотека въ Житомирѣ. По поводу ея двадцатипятилѣтія. Кіевъ. 1891. С. А—ва 239, 492, 810

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

Большіе маневры 200 лѣтъ назадъ.—Подлинный протоколъ вскрытія тѣла Людовика XVII.—Письмо Людовика XVI къ «графу Прованса» 1-го іюля 1792 г.—Боевые кони Наполеона I.—Вызвды Фридриха Великаго.—Происхожденіе названія Америки.—Мѣсто битвы Вара.—Что требовалось для сожиганія людей.—Папа и Савойская династія.—Причины южно-американскихъ революцій.—Политическое завѣщаніе Гарибальди.—Мольбѣ и Гарибальди.—Культъ Высшаго Существа.—Изь воспоминаній о политикѣ Наполеона III-го.—Изь дневника Карлейля: о Тьерѣ, Ламартинѣ и Мериме.—Знаки позора въ Средніе вѣка.—Принцъ Люи-Лукианъ Бонапартъ.—Романъ генерала Дюмурье, какъ прототипъ романа Буланже.—Тайное общество лже-Богородицы во время французской революціи.—Вѣгство прусскаго принца въ 1848 году 263, 516, 830

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ 272, 526, 838

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

I. Тамбовскій вотчинникъ XVII вѣка. И. Д.—II. Къ исторіи русскаго театра. В. Мустафина.—III. Голодъ въ Нижегородской губерніи въ 1754—1755 гг. Н. Оглоблина.—IV. Анекдотъ объ императорѣ Александрѣ I. И. К. А. 534, 847

СМБСЬ:

Открытіе подземнаго монастыря.—Какъ мы охраняемъ наши древности.—Подтавскія подземелья.—Закрытіе склена съ остатками Бирона.—Тысячелѣтіе Георгіевскаго монастыря.—Присужденіе премии митрополита Макарія.—Присужденіе наградъ графа Уварова.—Памятникъ Н. М. Пржевальскому.—Реставрація Успенскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ.—Седьмое присужденіе пушкинскихъ премій.—Историческое Общество.—Экономическое Общество.—Археологическое Общество.—Общество Любителей Древней письменности.—Некрологи: П. В. Жадовскаго, Н. Е. Митропольскаго, М. О. Кояловича, Н. И. Бахметева, И. Т. Наумовича, И. А. Жукова, П. И. Пашино, С. Е. Рождественскаго, Л. Ф. Костенко, А. А. Сорневой, А. И. Граве, А. З. Теляковскаго, В. Г. Трирогова, Е. Ф. Каль, И. С. Кони, О. М. Августиновича, архимандрита Леониды, А. А. Гатчуга, И. И. Пальмина 279, 540, 853

Иванъ Александровичъ Гончаровъ 549

Иллюстрація: Портретъ И. А. Гончарова.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

Къ воспоминаніямъ Н. И. Иванова. Николая Рубцова 864

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Альберта Викентьевича Старчевскаго. 2) Портретъ Николая Ивановича Иванова. 3) Портретъ Марины Мнишекъ съ картины (находящейся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ), писанной въ 1606 году и изображающей коронованіе Марины Мнишекъ въ Москвѣ. 4) Александрійская куртизанка (Thais). Романъ Анатоля Франса. Изъ первыхъ вѣковъ христіанства. Переводъ съ французскаго. Гл. IV. Молочай. (Окончаніе). 5) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1891 года и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника». 6) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина. Объявленія.

МАРИНА МНИШЕКЪ

Съ картины (находящейся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ) писанной въ 1606 году и изображающей коронованіе Марины Мнишекъ въ Москвѣ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СВѢ., 9 НОЯБРЯ 1891 Г.

О ПОДПИСКѢ

НА

9(05)
И 90

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

въ 1892 году

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1892 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двѣнадцать лѣтъ (1880—1891).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всеми приложеніями) десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

Съ январской книжки «Историческаго Вѣстника» 1892 года начнется печатаніе большого романа Н. И. Мердеръ, подъ заглавіемъ «Послѣдній изъ Воротынцевыхъ».

Кромѣ того, въ отдѣлѣ беллетристики будутъ помѣщены: «Клубъ козицкаго дворянства» повѣсть М. Басанина; «Типы современной деревни» очерки А. В. Круглова; «Военная гроза» повѣсть А. И. Лемана; «Птичка-невеличка» — историческій рассказъ П. Н. Полевого; «До и послѣ» очерки бурсацкой жизни И. Н. Потепенко; «Засѣкинскій домъ» повѣсть графа Е. А. Салиаса; «Кума» неизданная поэма (изъ волжскихъ преданій) Д. Н. Садовникова; «Шукуръ» рассказъ изъ туркестанскихъ нравовъ Н. В. Сорокина; «Чайная роза» повѣсть С. Н. Терпигорева; «Илья Игнатьевичъ, богатый человѣкъ» рассказъ Его же; «Завоеваніе рая» историческій романъ (XVIII вѣкъ) Ю. Готье; «Королева» историческій романъ (XIX вѣкъ) Ж. Лермина и др.

Изъ имѣющагося въ распоряженіи редакціи обширнаго запаса разнообразныхъ воспоминаній, путешествій, историческихъ очерковъ и т. п. въ ближайшихъ книжкахъ журнала 1892 г. предполагается помѣстить:

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1891 г., т. XLVI.

ЗВІР 1

Державна історична
БІБЛЮТЕКА УРСР

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Воспоминанія» артиста императорскихъ театровъ **А. А. Алексѣева**; «Непристойныя рѣчи» рассказы изъ дѣлъ Преображенскаго Приказа **А. В. Арсеньева**; «Стихійныя бѣдствія и борьба съ ними въ старину» **Д. И. Багалѣя**; «Одинъ изъ предковъ Пушкина» (по неизданнымъ документамъ) **Н. А. Бѣлозерской**; «Современныя литературныя дѣятели» очерки **А. И. Введенскаго**; «Гоголь въ 1831 году» **Ө. А. Витберга**; «Сороковые годы» воспоминанія **А. Д. Галахова**; «Эпизодъ изъ Пугачевщины» **К. П. Горбунова**; «Княгиня **А. П. Волконская** и ея друзья» (по неизданнымъ документамъ) **Г. В. Есипова**; «Воспоминанія» **Р. М. Зотова**; «Языкъ мой—врагъ мой» рассказы изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи **П. П. Каратыгина**; «Послѣдніе дни жизни **М. Ю. Лермонтова**» (по новымъ свѣдѣніямъ) **П. К. Мартынова**; «Воспоминанія» генераль-лейтенанта **А. И. Михайловскаго-Данилевскаго**; «Воспоминанія» инженеръ-маіора **В. И. Погожева**; «Янъ Сапѣга» очеркъ **П. Н. Полевого**; «Марина Мнишекъ, какъ драматическій характеръ» **Его же**; «Два педагога» отрывокъ изъ воспоминаній **Его же**; «Воспоминанія» генераль-маіора **В. А. Полторацкаго**; «Въ Оренбургскихъ степяхъ» очерки **В. А. Потто**; «Въ странѣ полуденнаго солнца» воспоминанія о поѣздкѣ на крайній сѣверъ въ 1889 году, **М. С. Робуша**; «Воспоминанія пропащаго человѣка» **Н. И. Свѣшникова**; «Погоня за свободой» **Р. И. Сементковскаго**; «Обрусѣніе инородцевъ и задачи обрусительной политики» **И. Н. Смирнова**; «Кузьма-мордовскій пророкъ» **В. И. Снѣжневскаго**; «Воспоминанія стараго литератора» **А. В. Старчевскаго**; «Воспоминанія» **С. Н. Терпигорева**; «Дипломатическій разрывъ Россіи съ Турціей въ 1853 году» **С. С. Татищева**; «Театръ въ Персіи» **С. И. Уманца**; «Воспоминанія одиночно-заключеннаго» **А. И. Фаресова**; «Юность императора **Александра Павловича**» **Н. К. Шильдера**; «Катастрофа на балѣ у князя Шварценберга въ 1810 году» **Его же**; «Изъ записной книжки старожила» **С. Л. Ширяева**; «Одинъ изъ дѣятелей былого времени» **Его же**; «Воспоминанія» **А. В. Эвальда**; «Церковныя памятники Запорожья» **Д. И. Эварницкаго**; «Воспоминанія польскаго повстанца 1861—1863 годовъ» **Ягмина** и др.

Многія изъ названныхъ статей будутъ иллюстрированы.

Въ книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“ продаются оставшіеся въ незначительномъ количествѣ экземпляры „**Систематическаго указателя содержанія „Историческаго Вѣстника“ за 1880—1889 годы**“. Цѣна за экземпляръ 2 р. с.

ТАЛЪЯНСКАЯ ЧЕРТОВКА ¹⁾.

Историческая повѣсть.

XVIII.

На поискахъ чертовки.

СНБІЙ, солнечный и морозный денекъ разгорѣлся, разрумянился надъ Нѣмецкою слободою, обливая красноватымъ свѣтомъ опрятные домики, въ струнку вытянутые палисадники и фигурно-подстриженные деревья, подернутыя пушистымъ слоємъ инея, блиставшимъ милліонами алмазныхъ искорокъ. Тонкія струйки синеватаго дыма поднимались изъ выбѣленныхъ трубъ и, не колеблясь, расходились въ прозрачномъ, словно застывшемъ, воздухѣ. Почтенные бюргеры, опрятно одѣтые, и ихъ супруги и дочки, по праздничному принаряженные, попарно и чинно расходились по домамъ изъ кирокъ и изъ костела, занимавшаго одну изъ небольшихъ площадей слободы. День былъ воскресный и аккуратные нѣмцы, выслушавъ проповѣди своихъ пасторовъ и напитавъ сердца свои тою казенною моралью, которая преподавалась имъ съ церковной кафедрѣ, спѣшили домой — чтобы наполнить свои желудки «пищею тлѣнною» и освѣжить себя доброю кружкою пива. Можетъ быть, поэтому именно въ толпѣ расходив-

¹⁾ Окоцаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVI, стр. 289.

шихся изъ кирки прихожанъ и не замѣтно было никакого оживленія: отдѣльныя супружества и семейства, встрѣчаясь, обмѣнивались только краткими и лаконическими «Mo-o-en» и «Wie geht's» — и степенно расходились, направляясь по домамъ. Только у католическаго костела замѣтно было нѣкоторое движеніе: нѣмцы, французы, швейцарцы и итальянцы, составлявшіе паству этого прихода, собрались въ небольшія кучки на паперти и около крыльца костела, и очень оживленно, даже шумно, о чемъ-то толковали между собою, между тѣмъ какъ колоколь, повѣшенный въ одномъ изъ пролетовъ костельной стѣны и раскачиваемый дюжимъ клерикомъ, безтолково звенѣлъ и дребезжалъ, однообразно болтая языкомъ, и покрывая своимъ звукомъ разноголосую рѣчь толпы.

Вотъ, наконецъ, и глухой старикъ-органистъ вышелъ изъ церкви на паперть, кутаясь въ шубу и жмурясь на солнце. Немного спустя и самъ патеръ Фабьянусъ, сѣденькій, маленькій, худенькій старичокъ, въ широкополой темной шляпѣ и въ темной суктанѣ, поверхъ которой была накинута теплая шуба на лисьемъ мѣху — появился на порогѣ выходной двери съ четками и молитвенникомъ въ рукахъ. Привѣтливо раскланиваясь направо и налево со всѣми прихожанами, онъ спустился съ церковнаго крыльца и направился къ своему дому.

Но почтенный патеръ не успѣлъ пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ услышалъ за собою чьи-то тяжелые шаги по снѣгу, и, оглянувшись, увидѣлъ высокаго мужчину въ военной треуголкѣ и темной епанчѣ.

На вопросительный взглядъ почтеннаго патера Фабьянуса, военный приложилъ руку къ треуголкѣ и сказалъ довольно чисто польски:

— Я вчера прибылъ изъ Воронежа въ Москву и привезъ вамъ поклонъ отъ того итальянскаго патера, который тамъ при адмиралѣ Змаевичѣ служить...

— А! Отъ патера Лауренціо? Какъ же знаю, знаю! — привѣтливо отозвался патеръ Фабьянусъ. — Ну, что? Какъ онъ тамъ поживаетъ?

Незнакомецъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ довольно общими и неопредѣленными фразами, изъ которыхъ патеръ Фабьянусъ немного узналъ новаго о своемъ коллегѣ-итальянцѣ; но за то, вглядываясь въ смуглое и усатое лицо незнакомца, онъ невольно самъ себя спрашивалъ:

— Не странно-ли? Лицо знакомо мнѣ... А между тѣмъ припомнить не могу, гдѣ я его видалъ?

Проницательный взглядъ стараго патера, должно быть, не очень понравился незнакомцу, потому что онъ нахмурилъ брови, нахлобучилъ треуголку на самыя глаза и, плотнѣе закутавшись въ свою епанчу, сказалъ, понизивъ голосъ:

— Мнѣ надо бы поговорить съ вами наединѣ... Здѣсь неудобно... Потому что этотъ патерь... патерь Лауренціо просилъ меня при свиданіи съ вами, поразспросить васъ объ одной... женщинѣ... Она ему землячкой, что ли, приходится...

Старичокъ пристально посмотрѣлъ въ лицо офицеру, и затѣмъ сказалъ съ улыбочкой:

— Для патера Лауренціо, моего закадычнаго пріятеля, я готовъ вамъ дать всякія справки... Пожалуйте ко мнѣ... До дома моего—тутъ два шага.

И патерь Фабьянусъ, поспѣшно перейдя площадь, ввелъ незнакомца въ свою опрятную маленькую квартирку. Здѣсь они сдали свое верхнее платье на руки старухи-ключницы, встрѣтившей патера въ сѣняхъ, и затѣмъ вошли въ пріемную, гдѣ патерь Фабьянусъ тотчасъ опустился въ кожаное черное кресло около стола и указалъ незнакомцу мѣсто противъ себя на стулѣ.

— Чѣмъ могу служить пану? — спросилъ онъ довольно сухо, продолжая вглядываться въ лицо незнакомца своими рысьими глазками.

— Я хотѣлъ знать... т. е. не я, а патерь Лауренціо хотѣлъ бы знать,—началъ незнакомецъ, нѣсколько запинаясь и видимо подыскивая слова.

— Господинъ офицеръ говоритъ, что пріѣхалъ изъ Воронежа?— перебилъ его патерь на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, довольно лукаво улыбаясь и прищуривая лѣвый глазъ.—А я только теперь припомнилъ, гдѣ я видѣлъ господина офицера:—я видѣлъ его въ домѣ его сіятельства, господина генераль-губернатора!..

— Ну, коли видѣлъ, такъ и видѣлъ, господинъ патерь!—отвѣчалъ, не смутившись, офицеръ, также по-русски.—Мнѣ, значить, у тебя и скрывается нечего. Я Преображенскаго полка каптенармусъ Лакостовъ и къ твоей милости точно отъ графа Семена Андреевича съ приказомъ присланъ...

И Лакостовъ, сунувъ руку въ боковой карманъ полукафтаныя, вынулъ изъ него сложенную бумагу и подалъ ее патеру, который развернулъ ее и быстро пробѣжалъ глазами.

— Его сіятельтельство изволить мнѣ приказывать,—спокойно произнесъ патерь Фабьянусъ, откладывая бумагу на столъ,—чтобы я увѣдомилъ тебя о женѣ князь Михаила Голицына, на которой онъ женился въ Италіи... и здѣсь жилъ потомъ съ нею скрытымъ образомъ?

— Вотъ-вотъ,—подтвердилъ Лакостовъ, готовясь слушать.

— Итальянка — Джуліей ее зовутъ! Какъ мнѣ ее не знать?—въ грустномъ раздумьѣ проговорилъ старый патерь, перебирая четки и вздыхая.

— Та самая! О ней-то мнѣ бы и нужно было разузнать:—гдѣ

она нынѣ проживаетъ, и на чьемъ коштѣ, и отъ кого пропитаніе имѣеть?

— Ее давно здѣсь нѣтъ — въ слободѣ. Какъ только князь ее покинулъ—такъ и ей не стало здѣсь житья... Нѣмцы начали опасаться, чтобы она имъ не надѣлала какихъ хлопотъ... Какъ только однажды ночью, въ одеждѣ князя, забрался къ ней какой-то негодяй, который хотѣлъ ее ограбить—такъ тотчасъ нѣмцы переполошились и не захотѣли въ слободѣ ее терпѣть... И очутилась вдругъ, несчастная, на улицѣ, безъ денегъ, безъ хлѣба, всѣмъ чуждая, всѣмъ ненавистная... Живетъ она теперь въ такой нуждѣ, что и подумать страшно! Приходила еще въ Рождество ко мнѣ—въ ногахъ валялась у меня, Христовымъ именемъ просила, чтобы я ей хоть кусокъ хлѣба подаль... Я далъ ей въ то время семь алтынъ—и отпустилъ ее...

— Да гдѣжь, и у кого она живетъ? — нетерпѣливо перебилъ старика Лакостовъ.

— Изъ жалости, я нанялъ ей квартиру, за три рубля въ годъ—да, кажется, ее и съ той хозяйка тоже гонить...

— За что же такъ? — спросилъ Лакостовъ, пытливо взглядываясь въ лицо патера.

— За что? Повѣрила нелѣпымъ выдумкамъ, будто эта Джулія — колдунья! Колдунья!? А она чуть съ голода не умираетъ... Давно пора бы о ней подумать и спасти ее отъ гибели. А какъ это случилось, что о ней провѣдалъ его сіятельство? На что она ему понадобилась?

Лакостовъ, неожиданный этого вопроса, нѣсколько опѣшилъ отъ него и отвѣтилъ неохотно:

— Кто ихъ знаетъ? Къ мужу, что ли, хочеть отослать?

— Къ мужу? Да развѣ онъ живъ? Здѣсь слышно было, что онъ сошелъ съ ума... или умеръ...

— Нѣтъ, онъ... при Дворѣ... на службѣ—и мѣсто какое-то большое занимаетъ,—отвѣчалъ не запинаясь Лакостовъ, видимо стараясь отдѣлаться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ. — Жену, должно быть, хочеть повидать... Такъ гдѣ бишь она живетъ-то?

— Живетъ она въ Старой Басманной, въ домѣ сержантской жены Маріи Полозовой; но ты ее не сыщешь, если я не дамъ тебѣ къ ней провожатаго.

— Скажу спасибо, если дашь... потому мнѣ приказано сыскать ее сегодня, либо завтра, — проговорилъ Лакостовъ, поспѣшно поднимаясь.

Старый патеръ кликнулъ изъ кухни мальчишку лѣтъ двѣнадцати, велѣлъ ему одѣться потеплѣе и сказалъ по-польски:

— Проводишь нана туда, куда ты хлѣбъ носилъ дней пять тому назадъ.

Потомъ, обращаясь къ Лакостову, добавилъ:

— Благословляю тебя на доброе дѣло!.. Спаси несчастную, всѣми покинутую... и не сдѣлай ей никакого зла...

И онъ, кивнувъ головою Лакостову, снова опустился въ кресло у стола и задумался, перебирая четки. А Лакостовъ, отвѣсивъ ему поклонъ, бысто повернулся къ дверямъ, спѣшно накинულъ въ сѣняхъ епанчу, нахлобучилъ на самыя брови треуголку и вышелъ изъ дому патера Фабьянуса съ мальчишкой провожатымъ, видимо довольный тѣмъ, что та загадочная «Тальянская чертовка», которую онъ уже дня три безуспѣшно разыскивалъ въ Москвѣ, теперь была имъ наконецъ отыскана.

Онъ шагаль такъ быстро по улицамъ слободы, что мальчишка-провожатый еле поспѣвалъ за нимъ бѣгомъ, въ припрыжку...

— Живѣе, братецъ! Ходу прибавь—на пряники получишь! — говорилъ Лакостовъ запыхавшемуся мальчишкѣ, въ видѣ ободренія.—Живѣе—тутъ насъ подъ слободой извозчикъ ждетъ...

Но на выѣздѣ изъ слободы оказался не одинъ извозчикъ, а еще и четыре конныхъ драгуна. Лакостовъ быстро взялъ мальчишку въ охапку, усадилъ его на извозчика, и самъ сѣлъ съ нимъ рядомъ; а потомъ, обращаясь къ драгунамъ, сказалъ въ полголоса:

— Двое слѣдуйте за нами поодоль и гдѣ мы выйдемъ, тамъ станьте у воротъ — и чтобы муха изъ нихъ не вылетѣла... Слышите?

— Слушаемъ!—отвѣчали усачи.

— А тѣ двое пусть скачутъ прямо къ губернатору на дворъ и тамъ прикажутъ заложить покоевой возокъ, что на конюшенномъ дворѣ стоитъ... Да чтобы мигомъ, во весь махъ, на уголъ Старой Басманной и Кожаного переулка пріѣхали — оба съ коляской пріѣзжайте, и ждите моего приказа!..

— Слушаемъ!—отвѣчали драгуны, и, тронувъ коней, прорысили мимо дрожекъ, бряцая удилами и оружіемъ.

— Ну, теперь съ Богомъ!—крикнулъ Лакостовъ извозчику. — На Старую Басманную!

И въ то же время самъ подумалъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ:

— Теперь ужъ не уйдетъ! Спасибо этому попу... Кабы не онъ, пожалуй, и не найти бы было чертовки этой—а приказано сыскать, гдѣ хочешь, хошь на днѣ морскомъ!

XIX.

Нѣкая посылка отправлена.

Сержантская жена Марья Полозова была баба не промахъ. Мужъ ея, сержантъ Андрей Полозовъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ безъ вѣсти пропалъ, а она жила себѣ припѣваючи... Отъ ма-

тери, торговавшей на базарѣ старымъ тряпьемъ, ей досталось на Старой Басманной огородное мѣсто съ дворомъ и всякимъ полуразвалившимся строеніемъ; часть строенія выходила и на улицу въ видѣ длиннаго, предлиннаго флигеля, покосившагося на одну сторону, подпертаго въ трехъ-четырехъ мѣстахъ толстыми кольями, почернѣвшаго отъ времени и непогодъ и проросшаго бархатисто-зелеными прослойками моха во всю длину драницъ, которыми была покрыта крыша этого якобы жилого зданія. Очистивъ себѣ въ углу двора небольшую площадочку, поближе къ воротамъ, счастливая наслѣдница этого дома, двора и огорода, выстроила себѣ нѣчто въ родѣ не то избышки, не то сторожки, около самыхъ воротъ и поселилась въ ней на жительство; а ветхій флигель стала отдавать въ наймы «фатѣрами», т. е. комнатами, и «углами» разному уличному сброду, преимущественно питавшемуся Христовымъ именемъ. Благодаря такому составу жильцовъ, домъ Маріи Полозовой не требовалъ никакой починки и ремонта, и всегда былъ биткомъ набитъ жильцами, которые очень аккуратно вносили домохозяйкѣ плату (въ сущности очень дорогую) за право проводить ночь въ Полозовскомъ притонѣ, въ которомъ и крыша протекала, и въ углы, и въ окна дуло, какъ изъ пропасти... Въ результатѣ оказалось, что Марья Полозова получала со своей руины отличный доходъ, который она еще увеличивала тѣмъ, что содержала въ своей сторожкѣ нѣчто въ родѣ лавченки для своихъ жильцовъ. Въ этой лавчонкѣ всякая съѣдобная дрянь продавалась для всѣхъ жильцовъ въ кредитъ, въ три-дорога; кредитъ былъ открытъ, правда, самый широкій, но при помощи этого кредита домохозяйка держала всѣхъ своихъ жильцовъ не только въ стражайшемъ повиновеніи, а даже въ подчиненіи и страхѣ.

— Ты это что выдумалъ—мнѣ денегъ не отдавать?—говаривала неоднократно Полозиха (такъ звали свою домохозяйку жильцы Полозовскаго притона) которому-нибудь изъ своихъ жильцовъ.—Винище покупаешь, пьянъ напиваешься и табакъ пьешь—а мнѣ отдать нечѣмъ?!..

— Виновать, матушка Марья Ѳедоровна!—говорилъ провинившійся жилецъ, снявъ шапку и кланяясь ей въ поясъ.—Какъ раздобудусь—такъ всѣ тебѣ отдамъ.

— Я твоей раздобытки ждать не стану, а прикажу тебя твоимъ же христарадникамъ раздѣть, разуть—да нагишомъ на морозъ и выгоню... Будешь меня помнить!

И страшная угроза дѣйствовала. Христарадники собирали между собою, съ міру по ниткѣ, и выкупали сотоварища изъ бѣды, до новаго окрика и острастки.

Но въ послѣднее время жильцы Полозихи были сильно вооружены противъ нея и не упускали случая къ тому, чтобы высказывать ей на каждомъ шагѣ свое неудовольствіе. Дѣло въ томъ,

что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Полозиха пріютила у себя на огородѣ какую-то нищую, которой отдала въ наемъ развалившуюся пустую баню за три рубля въ годъ. Баня была такимъ страшнымъ вертепомъ, что никто изъ жильцовъ Полозихина дома и даромъ не рѣшился бы въ ней поселиться; но когда наплась жилища для этой пустой, давно заброшенной бани, то всѣмъ жильцамъ и кредиторамъ Полозихи показалось, что за три рубля въ годъ въ ней «даже и очень жить можно».

— И вѣдь нашла кого пріютить?. Диви бы русскую — свой своему поневолѣ другъ! А то иноземку, да еще какую! Отъ которой и иноземцы-то отказались...

— Полно врать! Кто сказалъ: отказались? За ея фатеру католицкій поць изъ Нѣмецкой слободы и деньги-то платить!

— А почему платить? Потому она ему была полюбовницей — а въ слободѣ ему нѣмцы при себѣ полюбовницу держать не дозволили. Вотъ оно что!

— Эхъ, братъ! Слыхалъ, что звонъ, а не знаешь—гдѣ онъ! Не за то ее изъ слободы нѣмцы выжили, что съ попомъ блудно жила, а за то, что колдовствомъ промышляла...

— Колдовствомъ? Что же она гадала—что ли?

— И гадала, и порчу напущала... Родомъ-то она изъ Тальянской земли, а въ ихъ землѣ, что ни баба, то вѣдьма! Ее и въ слободѣ-то, сказываютъ, все «тальянской чертовкой» звали...

— Такъ чего же Полозиха-то смотреть? Чего она ее сюда пустила? Сомнительницу-то?

— Вотъ то-то и оно! А на нее посмотри—сейчасъ видать, что за птица! Черна, словно въ смолѣ кипѣла, волосища—копна копной, словно змѣи... А глаза-то! глаза-то! Какъ уголь горять!

На бѣду новой жилищѣ, векорѣ послѣ ея поселенія въ банѣ на Полозовскомъ огородѣ, на весь Полозихинъ притонъ обрушилась какая-то «лихая болѣсть»... Одна изъ такихъ эпидемій, которыя такъ охотно ютятся среди бѣдности и грязи, вдругъ налетѣла на жалкихъ обитателей всѣхъ этихъ «фатеръ» и «угловъ» ветхаго, полуразваленнаго флигеля и пожала обильную жатву смерти и страданій... Переболѣли всѣ, умерло въ теченіе мѣсяца трое-четверо взрослыхъ и нѣсколько человѣкъ дѣтей...

— Вотъ ты какъ насъ со своей новой жиличкой подвела! — заворчали на Полозиху въ одинъ голосъ всѣ ея жильцы.—Мало тебѣ того, что ты съ насъ, съ нищей братіи, наживаешь! Захотѣлось еще и съ чорта барышекъ взять—чертовку къ себѣ въ баню пустила! А?

— Вотъ-вотъ! Говорили — а теперь и на, поди! Полюбуйся — каково она насъ всѣхъ перепятнала! Отъ нея на насъ порчу понесло! Потому чертовка она!

— Да полно врать! — пробовала окриковать бѣдноту грозная

Полозиха. — Будь она чертовка либо колдунья — такъ ли бы она жила? Вонъ Прошиха, что въ Бронной живетъ — на бобахъ гадаетъ — посмотри, какая гладкая да сытая! И Карпушиха тоже... А эта смотри-ка, дня по два безъ хлѣба ино время сидить!

Но жильцы твердили свое, и стали выбираться изъ своей руины; а «чертовка», забытая и покинутая всѣми, задолжала въ лавчонку болѣе рубля и не вносила третьяго рубля за квартиру... Полозиха поколебалась: изъ-за «чертовки» не стоило ссориться съ жильцами, и она пригрозила ей какъ-то утромъ:

— Ступай къ своему попу, проси, чтобы за квартиру третій рубль доплатилъ, да на пропитанье бы тебѣ далъ... А то убирайся отъ меня! Держать тебя мнѣ не рука! Изъ-за тебя другіе хорошіе жильцы у меня съѣзжаютъ!

Несчастливая бродила гдѣ-то цѣлый день, слоняясь по Москвѣ, и всѣмъ протягивала руку изъ-подъ своихъ лохмотьевъ, но вернулась домой съ какими-то жалкими грошами, которые и передала изъ рукъ въ руки Полозихѣ. Та приняла гроши и сунула ихъ въ кошель подъ фартукомъ, но раскричалась на «чертовку»:

— Убирайся отъ меня, безпрокая дура! Куда ты годна, коли и прокормить себя не можешь! Убирайся: — чтобы завтра утромъ здѣсь и духу твоего не было!

— Куда я пойду? Мнѣ некуда идти! — отвѣчала несчастная, поникнувъ головою.

— А хошь въ прорубь! Не уйдешь завтра — окна и двери въ твоей фатерѣ выставить велю: все одно, подохнешь, какъ собака!

На другой день, страшная угроза была приведена въ исполненіе. Пять молодцовъ изъ Полозихиныхъ постояльцевъ направились, по приказу хозяйки, на огородъ, высадили въ банѣ оконную раму, сняли двѣ двери съ петель и съ хохотомъ поволокли свою добычу къ хозяйской сторожкѣ.

— Вотъ такъ! Вотъ и ладно! — одобряли всѣ остальные обыватели притона, высыпавшіе на дворъ изъ своихъ логовищъ. — Добромъ не уйдетъ, такъ мы ее, какъ таракана выморозимъ... Ха! ха! ха!

И вся эта голь перекатная разбрѣлась на свой промыселъ, очень довольная собою, словно доброе дѣло сдѣлала.

Но каково же было изумленіе Полозихи, когда часу во второмъ пополудни она слышала топотъ на улицѣ около своихъ воротъ и, выглянувъ изъ окошечка своей сторожки, увидѣла, что къ воротамъ подѣхалъ извозчикъ, изъ котораго выпрыгнулъ какой-то военный въ треуголкѣ и въ епанчѣ, и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ бараньей шубѣ и въ теплой шапкѣ съ ушами.

— Вотъ здѣсь! Навѣрно здѣсь! — сказалъ мальчикъ, входя вмѣстѣ съ военнымъ во дворъ Полозовскаго притона черезъ полуотворенныя ворота.

— Кого вамъ надо? — недовольнымъ тономъ опросила хозяйка незваныхъ гостей, пріотворяя дверь сторожки съ нѣкоторою тревогою.

— Ты, что ли, хозяйка? — спросилъ Полозиху военный.

— Вѣстимо, я, — съ большимъ достоинствомъ отвѣчала Полозиха.

— Ну, такъ веди меня, показывай! Гдѣ тутъ живетъ у тебя иноземка, изъ Тальянской земли, что прежде въ Нѣмецкой слободѣ жила?

У Полозихи сердце такъ и ёкнуло. Она попробовала было отдѣлаться незнаніемъ...

— Какая иноземка? Знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю! И не бывала у меня...

— Здѣсь, здѣсь она! На огородѣ, въ избушкѣ! — заговорилъ мальчикъ, указывая Лакостову на узкій проходъ между развалившимися службами. — Я проведу...

— Такъ что же это ты, чортова ступа! Укрывать вздумала? А! — грозно крикнулъ Лакостовъ.

— Я тебѣ не ступа, а сержантская жена, — попробовала огрызнуться Полозиха.

Но Лакостовъ схватилъ ее за плечо и тряхнулъ такъ энергично, что Полозиха еле на ногахъ устояла...

— Знай съ кѣмъ говоришь! — проговорилъ онъ грозно, наклоняясь къ ней и поднося весьма внушительныхъ размѣровъ кулакъ къ самому носу оторопѣвшей Полозихи. — Я отъ генераль-губернатора, отъ его сіятельства присланъ; а за угломъ у меня и команда... Только гукну — твою лачугу по бревну растащатъ...

— Отецъ родной, прости дуру-бабу! Не знала — не вѣдала! — взмолилась Полозиха, низко кланяясь. — Есть, есть — точно, что есть какая-то чертовка, должно быть и точно иноземка?.. Тамъ, на огородѣ, въ баенкѣ...

Лакостовъ выглянулъ за ворота, махнулъ кому-то рукой и крикнулъ:

— Здѣсь станьте! И никого отсюда не выпускать!

Потомъ обратился къ Полозихѣ и сказалъ:

— Веди! Указывай дорогу!

Еле-живая отъ страха, хозяйка побѣжала впередъ, вывела Лакостова и мальчика на огородъ, покрытый слоємъ снѣга, изъ-подъ котораго торчали почернѣвшія кочерыжки и стебли бурьяна и крапивы.

— Вотъ, батюшка, и баенка! — сказала она, боязливо оглядываясь на Лакостова, и указывая ему пальцемъ на какое-то подобіе избушки, до половины вросшей въ землю и открытой всѣмъ вѣтрамъ и морозу.

Лакостовъ не повѣрилъ указанію Полозихи.

— Что ты врешь! Развѣ это жильѣ!—воскликнулъ онъ съ невольнымъ содроганіемъ.—Да тутъ собаки добрый хозяинъ не помѣститъ! Ни оконъ, ни дверей...

— Сегодня, батюшка, ей-ей, сегодня только озорники какіе-то высадили,—старалась оправдаться хозяйка.

— Ну, ладно! Послѣ я велю тебя своей командѣ въ этой банѣ по-своейски выпарить... А теперь ступай въ свою избу, запишись въ ней, и носу высунуть не смѣй, пока не прикажу.

Полозиха мигомъ юркнула въ сторону и скрылась между строениями; а Лакостовъ съ мальчикомъ направился къ банѣ.

Согнувшись въ три погибели, онъ вошелъ въ бывшій передбанникъ, оглядѣвъ въ немъ все углы, потомъ перешагнувъ черезъ высокій порогъ въ смежное полутемное помѣщеніе и сталъ вглядываться въ темную впадину,—на полкѣ, прилаженномъ къ полуразсыпавшейся каменкѣ.

— Вонъ, вонъ! Она тамъ,—прошепталъ мальчикъ, боязливо хватаясь за епанчу Лакостова и указывая пальцемъ на какую-то темную грудь, которая копошилась на полкѣ.

— Кто тутъ живъ человѣкъ — отзовися! — проговорилъ не сохвѣмъ твердымъ голосомъ Лакостовъ.

Темная грудь зашевелилась, и изъ нея вдругъ поднялась въ полумракѣ голова какого-то живого существа съ копною вклоченныхъ волосъ, которые темными, длинными космами опускались во все стороны, почти прикрывая страшно-исхудалое лицо, изможенное страданіями. Это лицо, съ широко-раскрытыми, огромными глазами смотрѣло на Лакостова, молча и не разжимая усть...

Лакостовъ невольно попятился къ дверямъ.

— Съ нами крестная сила!—пробормоталъ онъ, крестясь подъ епанчей.

— Ты ли, иноземка изъ Тальянской земли, князя Михаила Голицына жена? — почти крикнулъ онъ, стараясь себѣ придать бодрости.

— Я жена... князя... Голицына, — чуть слышно проговорила несчастная глухимъ, замирающимъ голосомъ.—Я—мать сына его... Ивана,—добавила она, минуту спустя.

— Я къ тебѣ присланъ,—сказалъ Лакостовъ, оправившись отъ тягостнаго впечатлѣнія.—И ты не пугайся...

— О! Если ты... самъ дьяволь... все равно!—вдругъ завопила Джулія, въ невыразимомъ порывѣ отчаянія.—Дай мнѣ ѣсть—ѣсть дай мнѣ! Я два дня не ѣла!

И она до половины вылѣзла изъ-подъ грязной кучи лохмотьевъ, дрожа отъ холода и ломая руки.

— Сейчасъ тебя накормимъ и согрѣемъ,—сказалъ Лакостовъ.—Я за тобою... отъ начальства присланъ... въ Питеръ тебя везти—къ мужу...

— Къ мужу?.. Онъ живъ... Онъ не забылъ меня?—проговорила Джулія, съ трудомъ сползая съ полка и падая на колѣни передъ Лакостовымъ...— О! спаси... спаси меня! Я умираю отъ голода...

Лакостовъ распорядился по-военному. Мигомъ сбѣгалъ въ сторожку, схватилъ со стола у Половихи краюшку ржаного хлѣба и чашку горячихъ щей, за которыя она только-что собиралась приняться, послалъ все это въ баню, съ мальчикомъ, а самъ приказалъ подвести къ воротамъ крытый возокъ, запряженный тройкой почтовыхъ коней, спѣшилъ двоихъ драгунъ и приказалъ имъ за собою слѣдовать.

Когда несчастная княгиня съ жадною поспѣшностью опорожнила чашку со щами, и принялась съ наслажденіемъ доѣдать краюху хлѣба, Лакостовъ приказалъ драгунамъ забрать ея лохмотья съ полка, окуталъ ее рванымъ овчиннымъ полушубкомъ, который служилъ ей изголовьемъ, и сказалъ:

— Ну, княгинюшка—поѣдемъ! Намъ пора!

Джулія, дико озираясь и не произнося ни слова, двинулась изъ бани, поддерживаемая подъ руки драгунами... Она шаталась на ходу, какъ пьяная... Къ тому, что ожидало ее, она относилась съ полнѣйшимъ равнодушіемъ... Она боялась только, что эти солдаты отнимутъ у нея завѣтную краюшку—и крѣпко прижимала ее къ своей исхудалой груди.

Когда они поровнялись со сторожкой, Лакостовъ увидѣлъ Половиху, которая, пріотворивъ легонько дверь, выглядывала изъ-за нея съ опасливымъ любопытствомъ. Онъ погрозилъ ей кулакомъ и крикнулъ:

— Ну, чортова ступа—припомнишь ты меня! Еще разочекъ заверну къ тебѣ:—ты такъ и знай, что баня для тебя за мной не пропадетъ!

Затѣмъ, выйдя за ворота, онъ бережно усадилъ Джулію въ возокъ, далъ мальчикѣ пять алтынъ на пряники и приказалъ извозчику отвезти его въ Нѣмецкую слободу, къ католицкому попу; а самъ сѣлъ на козлы, рядомъ съ ямщикомъ, проговоривъ въ полголоса:

— Пошелъ!

Возокъ закрипѣлъ полозьями по снѣгу и, переваливаясь по по ухабамъ, покатился впередъ. О-бокъ его, мелкой рысцей, потрусили и четыре драгуна.

Въ тотъ же день, съ особымъ нарочнымъ, послано было Салтыковымъ въ Петербургъ къ его свѣтлости герцогу Бирону доношеніе, въ которомъ значилось, что «изъ Москвы, къ ея императорскому величеству, всемиловѣйшей государынѣ, отправлена нѣкоторая посылка, почтою, съ солдатомъ лейбъ-гвардіи Измай-

ловскаго полка, Иваномъ Раевскимъ, и оному приказано, какъ скоро въ Петербургъ прїѣдетъ, явить ту посылку генералу и кавалеру г. Ушакову тайнымъ образомъ...»

XX.

Очная ставка.

Въ сѣверо-восточномъ углу петербургской Петропавловской крѣпости, около самой стѣны одного изъ бастіоновъ, стоялъ небольшой, укромный домикъ, подъ черепичною крышею, вымазанный казенною желтою краскою. Домикъ былъ въ два жилья, или какъ теперь принято говорить, въ два этажа, и десяткомъ небольшихъ, узенькихъ оконъ смотрѣлъ на улицу. Окна нижняго жилья были всегда плотно закрыты желѣзными ставнями; окна верхняго жилья—прикрыты толстыми и крѣпкими желѣзными рѣшотками. Входъ въ верхнее и нижнее жилье этого дома былъ изъ-подъ воротъ, всегда на-глухо припертыхъ толстыми и тяжелыми дубовыми створами, съ наружной стороны обитыми желѣзомъ. Съ обѣихъ сторонъ, къ дому примыкали высокія и толстыя каменные стѣны, которыя огибали обширный дворъ, расположенный позади домика; изъ-за этой стѣны до половины выглядывали кровли какихъ-то низенькихъ зданій, которыми дворъ былъ застроенъ. По обѣ стороны воротъ поставлены были будки для часовыхъ, которые тяжелыми и мѣрными шагами ходили взадъ и впередъ по мосткамъ мимо дома, держа ружье на плечѣ и изрѣдка позѣвывая въ руку. Надписи на этомъ домѣ не было никакой, и, по внѣшнему виду, его нетрудно было принять за какой-нибудь казенный складъ или магазинъ; но во всемъ Петербургѣ отлично было извѣстно, что въ этомъ домѣ помѣщается страшная Тайная Канцелярія, находящаяся въ вѣдѣніи не менѣе страшнаго генераль-маіора и кавалера Андрея Ивановича Ушакова.

Днемъ укромный домикъ Тайной Канцеляріи смотрѣлъ сумрачно и молчаливо; ворота его никогда и ни для кого не отпирались; въ окнахъ никого не было видно; на дворѣ не слышно было ни шума, ни движенія; рѣдкіе и немногіе посѣтители этого дома, прежде чѣмъ войти въ него, долго переговаривались черезъ небольшое окошко въ воротахъ съ какимъ-то внутреннимъ стражемъ и затѣмъ незамѣтно проскальзывали въ пріотворенную имъ калитку. Но зато ночью случалось, что этотъ страшный домъ вдругъ оживалъ... Сквозь щели притворенныхъ ставень нижняго жилья видѣнь былъ яркій свѣтъ; за рѣшотками оконъ въ верхнемъ жильѣ по спущеннымъ темнымъ занавѣсамъ мелькали тѣни суетливо и быстро перебѣгавшихъ людей; въ широко-раскрытыя ворота часто вѣзжали плотно-прикрытыя покоевыя коляски или возки, изъ ко-

торыхъ бережно высаживались и сдавались на руки мѣстной канцелярской командѣ тайные арестанты, иногда безслѣдно пропадшіе подъ тяжкими сводами казематовъ Тайной Канцеляріи. Нерѣдко случалось даже, что до ушей часовыхъ, шагавшихъ около воротъ, доносились откуда-то издалека, со двора Тайной Канцеляріи, крики и стоны несчастныхъ, которыхъ суровый Ушаковъ «училъ по-своему» или «допрашивалъ съ пристрастіемъ»...

— О-охъ, не дай-то Богъ сюда попасть! — говаривали обыкновенно тѣ рѣдкіе прохожіе, которымъ случалось иногда проходить мимо укромнаго домика. — Сюда попадешь — такъ и пропадешь! — добавляли они, украдкою и боязливо поглядывая на толстыя рѣшотки и желѣзныя ставни Тайной Канцеляріи.

Сюда-то, въ этотъ укромный и для всѣхъ страшный домикъ, два или три дня назадъ, привезена была изъ Москвы Джулія и тайно явлена генераль-маіору Андрею Ивановичу Ушакову, который, послѣ краткаго предварительнаго допроса, выдалъ капралу, привезшему въ Петербургъ «Тальянскую чертовку», особую бумагу въ томъ, что «нѣкая посылка въ Тайной Канцеляріи получена».

Выдавъ эту росписку и отдавъ приказъ объ отводѣ «чертовки» въ одну изъ секретныхъ камеръ, умный и осторожный Андрей Ивановичъ задумался. Онъ не былъ никѣмъ предупрежденъ о привозѣ этой новой арестантки, не зналъ поводовъ къ ея арестованію и не совсѣмъ понималъ, почему именно это арестованіе и перевозка были сопряжены съ такою чрезвычайною таинственностью? Написавъ его высокогерцогской свѣтлости докладъ о прибытіи въ Тайную Канцелярію «секретной посылки», Андрей Ивановичъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы уяснить себѣ намѣренія императрицы относительно Джуліи. Съ этою цѣлью онъ позвалъ къ себѣ Осипова на тайную бесѣду и сдѣлалъ распоряженіе о приводѣ князя Михаила Голицына на слѣдующее утро въ Тайную Канцелярію, для очной ставки съ Джуліей.

Осиповъ тотчасъ явился къ страшному начальнику Тайной Канцеляріи и, самъ того не вѣдая, доставилъ ему всѣ необходимыя свѣдѣнія о положеніи князя-шута при дворѣ:

— Совсѣмъ было государыня-матушка его на Бужаниновой, на нашей, просватала — и ужъ насчетъ машкарадной свадьбы распоряженіе было написано... Татищеву приказала смѣту сдѣлать и къ его прожектору очень благоволила изволила; а Артемию Петровичу приказала заказать на сей случай господину Тредьяковскому приличныя вирши... И вдругъ... это... онъ и проворись: такъ и такъ моль — женать!

— На комъ женать-то? — спросилъ Андрей Ивановичъ, весьма естественно прикидываясь ничего не знающимъ.

— А кто его знаетъ? на тальянкѣ, говорить, какой-то?

— Да гдѣ же она у него схоронена? — переспросилъ Андрей Ивановичъ, внимательно вглядываясь въ лицо Осипова.

— Говорятъ, будто въ Москвѣ... въ Нѣмецкой слободѣ живеть... У насъ и слухъ прошелъ, что тамъ приказано порыться, сыскать ее и сюда, что ли, доставить...

— Хм! Для чего же? Не слыхалъ ли? Подшутить съ нимъ хочеть, что ли, государыня?

— Нѣтъ... не похоже на шутку... Гнѣваться изволила... И Бужанинова-то тоже ей докучаетъ... Если бы эта тальянка здѣсь подъ рукой была — несдобровать бы ей... Мы такъ всё и мереемъ...

— Хм! — проворчалъ Андрей Ивановичъ и, не обмолвясь ни словечкомъ, отпустилъ Осипова во-свояси.

На другой день Ушаковымъ былъ полученъ, въ отвѣтъ на его докладъ, такой ордеръ отъ его высокогерцогской свѣтлости:

«Ея императорскому величеству благоугодно было приказать вашему превосходительству строжайше разыскать объ оной обманщицѣ, именующей себя законною женою князя Квасина; а буде на очной ставкѣ онъ ее своей женою не признаетъ — немедля сдѣлать распоряженіе о высылкѣ оной обманщицы за предѣлы Россійской имперіи, съ тѣмъ, чтобы и впредь возвращаться не дерзала...»

— Хм! — проговорилъ Андрей Ивановичъ, уже успѣвшій составить себѣ полное представленіе о томъ, что ему надлежало предпринять. Онъ положилъ ордеръ на столъ передъ собою и захопалъ въ ладоши.

Дверь кабинета приотворилась и высокій, сухощавый и плѣшивый старикъ — капралъ, извѣстный по прозванію «Лебяжья Шея» — показался на порогѣ.

— Что милости твоей угодно будетъ? — спросилъ онъ довольно развязно у своего начальника, который удостоивалъ его полного довѣрія, потому что ужъ много лѣтъ сряду (со времени суда надъ несчастнымъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ) выказывалъ изумительную исполнительность и смѣтку въ той страшной работѣ, которую постоянно вершилъ Андрей Ивановичъ.

— Завтра въ малой канцелярской каморѣ все приготовить къ допросу тальянки, что изъ Москвы привезена... И ширму около боковыхъ дверей поставь; и какъ только крикну тебѣ: эй, кто тамъ? такъ тотчасъ введешь шута Голицына, за которымъ пошлешь сегодня повозку во дворецъ.

— А батожья, либо розочекъ, заготовить не прикажешь ли? — спросилъ Лебяжья Шея, прищуривая свои злые каріе глазки.

— Когда прикажу — такъ и приготовишь, а теперь — не забѣгай впередъ! — рѣзко добавилъ Ушаковъ, и указалъ ему на дверь.

На другое утро, рано застучали затворы дверей въ секретной каморѣ, въ которую посажена была Джулія, и Лебяжья Шей явился на порогѣ.

— Пожалуй-ка, матушка княгиня, за мною, къ его превосходительству, — сказалъ онъ весьма привѣтливо.

Джулія, послѣ страшныхъ терзаній московской жизни, относилась къ своему нынѣшнему положенію совершенно равнодушно. Она поднялась съ жесткой постели, прикрытой овчиннымъ одѣяломъ, кое-какъ оправила свои лохмотья, подобрала свои беспорядочно-растрепанные косы, наматывъ ихъ около затылка, и послѣдовала за Лебяжьей Шеей, даже не спросивъ его, куда ее ведутъ?

Послѣ разныхъ переходовъ по темнымъ и сырымъ коридорамъ, тускло освѣщенныхъ жирниками, прикрѣпленными къ стѣнамъ, послѣ двухъ или трехъ подъемовъ по какимъ-то крутымъ и скользкимъ лѣстницамъ, старый капралъ подвелъ Джулію къ двери, окованной желѣзомъ, отодвинулъ засовъ, другой, брякнулъ какою-то цѣпью, и потянулъ дверь къ себѣ. Тяжелая дверь заскрипѣла на петляхъ и медленно отворилась передъ Джуліей, которая должна была зажмурить и прикрыть на мгновеніе глаза рукою: такъ больно билъ ей въ глаза свѣтъ изъ трехъ большихъ оконъ, расположенныхъ въ стѣнѣ прямо противъ двери.

Когда она открыла глаза и окинула быстрымъ взглядомъ комнату, то увидѣла около себя четыре сѣрые и голыя стѣны, тяжелый сводъ надъ головою, дверь направо и другую дверь налево, прикрытую ширмой. Сквозь рѣшетчатыя окна видно было только сѣрое небо и обнаженныя вершины какихъ-то деревьевъ. Около оконъ стоялъ столъ, покрытый темнымъ сукномъ, и два кресла; около двери, направо, простая деревянная скамья, какія-то доски и ящики, прикрытые грязнымъ рядномъ; а надъ скамьею толстый крюкъ, къ которому привязана была веревка съ петлями и рычагомъ, пропущенная въ кольцо, вбитое въ сводъ потолка. Незнакомая съ порядками Тайной Канцеляріи, Джулія окинула всѣ эти подробности сводчатой комнаты весьма равнодушнымъ взглядомъ...

— Постой здѣсь, голубка! — сказалъ ей старый капралъ. — А я пойду и доложу о тебѣ его превосходительству.

Минуту спустя, за ширмою налево послышались чьи-то шаги, а потомъ нѣсколько словъ, сказанныхъ въ полголоса и въ «малую канцелярскую камору» вошли два человѣка: одинъ, пожилой, полный мужчина, съ просѣдью въ темныхъ волосахъ, съ прозрачно-желтымъ, одутловатымъ лицомъ и темно-кариими глазами; другой — маленькій, худенькій, сѣденькій старичокъ, съ крючкова-тымъ, острымъ носикомъ и румяными щечками. На обоихъ были темныя, форменныя полукафтаны, съ свѣтлыми пуговицами; у обоихъ пачки бумагъ подъ мышкою. Сѣденькій, юркій старичокъ быстро обѣжалъ кругомъ стола, разложилъ на немъ бумаги,

поставилъ чернильницу и песочницу и пододвинулъ кресло своему начальнику, который опустился въ него медленно и спокойно.

— Подойди сюда поближе—поближе! — засуетился старичокъ, привставая на мѣстѣ и обращаясь къ Джуліи. — Къ столу—поближе!

Джулія переступила два-три шага и остановилась, чувствуя направленный на нее внимательный и острый взглядъ Андрея Ивановича. Этотъ пронизательный, испытующій взглядъ, который немногіе умѣли вынести—тяготилъ, подавлялъ, тревожилъ и приковывалъ Джулію къ мѣсту... Она не смѣладохнуть, не смѣла двинуться... Она въ дѣтствѣ слышала отъ матери, что такимъ взглядомъ смотрять на птичекъ ядовитыя змѣи, готовясь броситься на нихъ и проглотить ихъ...

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Джулія,—отвѣчала она чуть слышно, между тѣмъ какъ съдѣнькій старичокъ, доставъ перо изъ-за-уха, приготовился писать.

— Итальянка? Католичка?

— Да. Родилась въ Италіи... Католичка...

— Замужняя или дѣвка?—рѣзко произнесъ Ушаковъ, какъ-то особенно ударяя на послѣднемъ словѣ.

— Я замужемъ...

— Гдѣ же твой мужъ, и кто онъ таковъ?

— Гдѣ онъ—не знаю; онъ меня бросилъ... уѣхалъ... Но я жена князя... русскаго князя Микель Голицына...

— Ты это лжешь! Обманнымъ образомъ показываешь!—строго замѣтилъ Ушаковъ.—Князь Михаилъ Голицынъ могъ ли на тебѣ жениться—на католичкѣ? И гдѣ же онъ на тебѣ женился? Какой попъ тебя вѣнчалъ?

Черныя очи Джуліи вдругъ загорѣлись яркимъ пламенемъ.

— Не знаю, кто ты—и почему ты меня спрашиваешь? Почему ты меня судить хочешь?—глухо, прерывающимся отъ волненія голосомъ заговорила Джулія.—Но я не лгу и не могу лгать! Душею моею... и душею милаго ребенка моего... сына Ивана, который родился у меня отъ мужа моего, князя Голицына—клянусь, что насъ обвѣнчали съ нимъ въ Римѣ, въ церкви Санта-Марія-дель-Фьоре...

— Опять тебѣ скажу, что все это неправда!—твердо и строго повторилъ Ушаковъ.—Русскаго князя, православнаго, не могли вѣнчать въ вашей католической киркѣ; а если и повѣнчали, то повѣнчали обманомъ—и та свадьба не свадьба, а ты князю не жена...

— Не свадьба!... Не жена?—въ какомъ-то странномъ недоумѣніи повторила Джулія.—Не понимаю... объясни мнѣ... Князь Голицынъ, мой мужъ, былъ тоже—католикъ...

— Никогда онъ не былъ католикомъ!—перебилъ Джулію Уша-

ковъ.—А это ты его такъ околдовала, такъ опутала, что онъ съ тобою къ вашему католицкому попу пошелъ и мужемъ твоимъ назвался... И за это колдовство тебѣ отвѣчать придется, коли ты еще станешь клясться, что князь Михайлъ Голицынъ тебѣ законный мужъ.

— Я ни въ чемъ не виновата... онъ... онъ самъ хотѣлъ... просилъ, плакалъ... общалъ мнѣ счастье,—твердила Джулія дрожащимъ голосомъ, рѣшительно не понимая, чего отъ нея требуетъ этотъ суровый и строгій судья.

— И этотъ твой обманъ теперь покончить надо,—внушительно проговорилъ Ушаковъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на волненіе Джуліи.—Князь Михайлъ давно ужъ отъ тебя отрекся и сказалъ, что ты не жена ему, что ты чертовка и его околдовала... Теперь и ты должна ему сказать, что онъ не мужъ тебѣ и никогда съ тобою повѣнчанъ не былъ... Слышишь?

Но Джулія не слышала его и продолжала озираться въ недоуменные, не зная, чего отъ нея хотятъ, и въ чемъ ее обвиняютъ.

— Эй! кто тутъ есть!—крикнулъ Ушаковъ, стуча кулакомъ по столу.

Изъ-за ширмы выглянулъ Лебяжья Шея.

— Введи сюда князя Михаила Квасина.

Капраль скрылся за ширмы и ввелъ въ камору князя Михаила въ его новомъ шутовскомъ нарядѣ—въ голубомъ кафтанѣ съ желтымъ подбоемъ и въ колпакѣ съ побрякушками. Глаза князя Михаила странно блуждали; мертвенная блѣдность покрывала его лицо. Лебяжья Шея, подъ руку выведя князя Михаила изъ-за ширмы, прямо подвелъ его къ столу, за которымъ сидѣлъ грозный Ушаковъ... Несчастный не успѣлъ даже бросить взглядъ въ сторону Джуліи; его руки замѣтно дрожали, колѣна подгибались:—онъ понималъ, куда его привели!

— Князь Михайлъ!—строго сказалъ ему Ушаковъ, обмѣривая его взглядомъ.—По указу ея императорскаго величества, въ Москвѣ, въ Нѣмецкой слободѣ, была разыскана обманщица, колдунья итальянская, дерзавшая именовать себя твоею женою...

Князь Михайлъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и оперся руками о столъ, чтобы не упасть...

— И ту обманщицу и колдунью приказано намъ въ Тайной Канцеляріи строго-на-строго допросить,—а буде нужно, то и съ пристрастіемъ,—продолжалъ съ особеннымъ удареніемъ Ушаковъ, не сводя глазъ съ князя Михаила.—И если оная обманщица станетъ на своей джи настаивать и утверждать, что ты ей мужъ, то я сейчасъ же назначу ей первый застѣнокъ.

— Что я... могу?.. Что долженъ?—пролепеталъ князь Михайлъ, рѣшаясь наконецъ взглянуть въ лицо Ушакову.

— А вотъ—взгляни на нее—и скажи, жена ли она тебѣ?— тихо и съ нѣкоторой разстановкой произнесъ Ушаковъ, указывая рукой въ сторону Джуліи.

Князь Михаилъ быстро глянулъ въ ту сторону и остолбенѣлъ... Ему прежде всего бросилась въ глаза веревка съ петлями и рычагомъ, пропущенная въ кольцо, вбитое въ сводъ потока... И эти ящики, эти доски, прикрытыя рядомъ... Онъ понялъ съ ужасомъ, что это—дыба! И подъ этой дыбой, поглотившей все его вниманіе, онъ увидѣлъ не Джулію, а что-то страшное, исхудалое, взерошенное, покрытое лохмотьями... Въ этомъ пожелтѣломъ, истощенномъ лицѣ, когда-то сіявшемъ такою неотразимою красотою, только глаза,—большіе, черные, тревожные и изумленные—еще напоминали ему прежнюю Джулію.

— Жена ли она тебѣ?—съ прежнею разстановкою повторилъ Ушаковъ.

Князю Михаилу почудилось, что онъ ужъ видитъ, какъ Джулію вздернули на дыбу, ужъ слышитъ, какъ хрустятъ ея суставы, какъ свищетъ кнутъ въ опытной рукѣ заплечнаго мастера... Онъ весь похолодѣлъ, и, не сводя глазъ съ Джуліи, не могъ произнести ни слова...

— Жена ли она тебѣ? Говори!—строго и сухо проговорилъ Ушаковъ.

— Н... н-нѣтъ,—нерѣшительно отвѣтилъ князь Михаилъ чуть слышнымъ голосомъ.

— Семенычъ! Пиши особо допросные пункты князю,—сказалъ Ушаковъ, обращаясь къ старичку; и за тѣмъ продолжалъ допросъ:

— Коли ты не признаешь женою сію обманщицу и самозванку, значить, ты съ ней не жилъ и сына Ивана съ нею не приживаль?

— Н... не жилъ... не приживаль,—пролепеталъ попрежнему чуть слышно князь Михаилъ.

Что-то похожее на стонъ вырвалось изъ груди Джуліи, и закончилось нервнымъ, злобнымъ смѣхомъ...

— И ты съ нею въ католицкой киркѣ не вѣнчивался и отъ православной церкви греческаго закону не отрекался?—холодно и спокойно продолжалъ Ушаковъ.

— Нѣтъ... не отрекался,—отвѣчалъ несчастный князь, дрожа, какъ въ лихорадкѣ...—И ради Христа молю—не мучьте ни ее, ни меня...

И онъ униженно кланялся Ушакову, снимая свой полосатый колпакъ и позвякивая дурацкими побрякушками.

— Н-ну? А ты—что скажешь? Мужъ ли онъ тебѣ?—съ самодовольною улыбкою обратился Андрей Ивановичъ къ Джуліи, устремляя на нее свой холодный и не добрый взглядъ.

Джулія вдругъ выпрямилась—словно выросла на цѣлую голову... Глубоко впалые глаза ея метали молніи...

— Этошь?—произнесла она громко и отрывисто, задыхаясь от злости и волненія.—Этошь низкій, подлый трусь никогда не былъ... не могъ быть моимъ мужемъ!

— Ну вотъ, и давно бы такъ!—сказалъ Ушаковъ.—Такъ и напишемъ...

Но онъ не успѣлъ еще обратиться къ своему секретарю, какъ Джулія вскрикнула, запаталась и упала замертво на холодныя плиты каморы:—пытка была слишкомъ жестока... Она ее не могла выдержать...

XXI.

Послѣдній исходъ.

Джулія очнулась отъ обморока въ своемъ тѣсномъ казематѣ—на той же жесткой постели—прикрытая тѣмъ же рванымъ овчиннымъ одѣяломъ... Все испытанное ею въ то утро, на мгновенье, показалось ей тяжелымъ, страшнымъ сномъ—и только. Она смотрѣла на сырыя стѣны своего каземата, на грязь и лохмотья, которыя ее окружали, на рѣшотчатое оконцо, пробитое подъ самымъ сводомъ потолка и пропускавшее блѣдную, скудную полосу сѣроваатаго свѣта—да, на все это она смотрѣла почти съ удовольствіемъ, когда ей стали приходить на память страшныя, возмущавшія душу подробности допроса и вынесенной ею нравственной пытки...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Быть не можетъ!—думала несчастная женщина.—Этого не было! Это все пригрезилось мнѣ... Я много страдала изъ-за него, но я его любила, я на все была для него готова!... Я все для него покинула—позабыла... Нѣтъ! Онъ не можетъ, не можетъ быть такимъ подлымъ трусомъ и предателемъ... Нѣтъ! Не вѣрю!..

Но, чѣмъ болѣе уяснялось ея сознаніе, тѣмъ болѣе начинала работать ея память и возстановляла въ ея воображеніи весь ужасъ тѣхъ образовъ, которые прошли передъ ея глазами, всю страшную дѣйствительность и осязательность впечатлѣній, испытанныхъ ею измученною душою. Она чувствовала себя вновь подъ обаяніемъ этого холоднаго, темнаго и недобраго взгляда, который не сводилъ съ нея тайный судья; она еще слышала тотъ ровный и спокойный голосъ, которымъ онъ задавалъ ей вопросъ за вопросомъ, точно и ясно отдѣляя и отбѣняя каждое слово...

— И подъ каждымъ словомъ его крылась змѣя—ехидна ядовитая!—говорила себѣ Джулія, которой припоминались болота ея родины, полныя зловредныхъ, шипящихъ гадовъ.

— О!.. страшный человѣкъ!.. Онъ также спокойно и твердо произнесъ бы мой приговоръ... и его приговоръ! Ему ни-по чѣмъ—разрушить чужое счастье... Жизнь отнять... О!

И она закрывала лицо руками, и ежилась отъ холода подъ своимъ рванымъ одѣяломъ, стараясь заснуть и отогнать отъ себя поскорѣе всѣ эти страшныя, гнетущія воспоминанія... Вотъ наконецъ она кое-какъ согрѣлась и дремота стала уже понемногу одолаживать ее, какъ вдругъ застучали, заскрипѣли засовы дверей ея каземата, и старый плѣшивый капральъ появился на порогѣ съ чашкою горячихъ щей и краюхою хлѣба на деревянномъ лоткѣ. Притворивъ за собою дверь, онъ поставилъ лотокъ на толстый обрубокъ дерева, замѣнявшій въ казематѣ Джуліи и столъ, и стулъ, а затѣмъ подошелъ къ узницѣ, потрепалъ ее за плечо своею жесткою рукою, и проговорилъ, ослабляя свой беззубый старческій ротъ:

— Вставай, княгинюшка, похлѣбай нашихъ солдатскихъ щецъ съ тараканами, да поѣшь хлѣбца съ закальцемъ... Хе! хе! хе!

Джулія приподнялась на кровати и посмотрѣла на Лебяжью Шею мутными, хмурыми очами.

— Что? Не бось испужалась тамъ... на верху-то? Не въ терпѣежъ стало? А?—продолжалъ капраль, сложивъ руки на груди и видимо желая вызвать узницу на разговоръ.

Но Джулія молчала и все также пристально и хмуро смотрѣла въ очи своему тюремщику.

— Ну, да теперь ужъ пужать тебя больше не станемъ,—сказалъ онъ, хихикая попрежнему;—теперь еще мѣсяць-другой тебя здѣсь подержимъ, да съ первымъ кораблемъ за море и сплавимъ... Опять на родной сторонѣ заживешь...

Джулія вдругъ поднялась во весь ростъ и крѣпко схватила капрала за руку, вѣдши всѣхъ въ рукавъ его полукафтаныя:

— А онъ? онъ?.. Что съ нимъ? Гдѣ онъ будетъ?

— Онъ-то?... Онъ здѣсь будетъ, во Дворцѣ—на своей службѣ. Ты ему не нужна больше—другую жену себѣ сыскаль... Потому-то тебѣ и абшидъ дать приказано... Да ну, ну! Выпусти рукавъ-то... Ишь, цѣпкая какая, чертовка! Ей-ей, чертовка!—смѣясь, добавилъ Лебяжья Шея, легонько отталкивая Джулію и высвобождая свой рукавъ.

— Другую жену... сыскаль?.. А меня—меня погубилъ... бросилъ?—шептала Джулія, опускаясь на кровать и закрывая лицо руками.

— Ну, да! Сыскаль другую, а тебя бросилъ! Потому такъ приказано—такъ и быть должно... А ты нешто опять ревѣть?.. Э-э, прахъ тебя побери—не радъ, что и разболтался съ тобой!

И онъ, махнувъ рукою, вышелъ изъ каземата. Дверь хлопнула, застучали задвижки и засовы—и шаги его раздались въ коридорѣ, постепенно удаляясь и замирая вдали.

А Джулія все сидѣла на кровати, закрывъ лицо руками, въ оцѣпенѣнннй отчаянія... Всѣ впечатлѣнія допроса и грозный образъ

судьбы, который подавлялъ ее своимъ взглядомъ и терзалъ своими мучительными вопросами—все это теперь отодвинулось на задній планъ. Она видѣла передъ собою только приниженный, жалкій образъ князя Михаила, въ его шутовскомъ костюмѣ и колпакѣ съ побрякушками; она впивалась глазами въ его лицо, искаженное страхомъ, покрытое смертною блѣдностью, въ его глаза—растерянные, блуждающіе, не дерзавшіе взглянуть ей въ лицо, по-прежнему, прямо, искренно и ласково. Жалость, возбужденная въ ея сердцѣ самою внѣшностью князя Михаила—его униженіями, поклонами, его испугомъ—подавлялась теперь чувствомъ презрѣнія къ обману, къ коварству, къ предательству человѣка, котораго она когда-то такъ горячо, такъ страстно любила... И всѣ эти противоположныя чувства, боровшіяся въ груди Джуліи, мало-по-малу, поглощались однимъ главнымъ, преобладающимъ и безраздѣльно овладѣвшимъ ею чувствомъ ревности, чувствомъ оскорбленнаго самолюбія женщины... О!—если бы онъ былъ теперь около нея—какъ охотно, какъ радостно она задушила бы его своими косами!—какъ наслаждалась бы она его послѣдними, предсмертными содроганіями!—какъ жадно всматривалась бы въ его тускнѣющій взоръ, заволакиваемый пеленою смерти...

— Но нѣтъ!—Онъ живъ!.. Онъ будетъ жить—онъ женится!.. Онъ только меня растопталъ и бросилъ въ сторону, какъ ненужный соръ! И вотъ—они изгоняютъ меня изъ его земли, они возвращаютъ меня на родину,—покинутою, опозоренною, униженною... Нѣтъ!—я не допущу до этого... Я съумѣю найти исходъ!..

И она, съ какою-то особенною, лихорадочною поспѣшностью, то озираясь на оконцо, прорѣзанное въ дверяхъ, то хватаясь за голову и отбрасывая назадъ свои спутанныя косы, стала рыться въ своихъ лохмотьяхъ, разостланныхъ по жесткому соломеннику... Ея исхудалые, тонкіе пальцы съ страстнымъ, сосредоточеннымъ трепетомъ ощупывали каждую складку грубой одежды, каждый шовъ грубой холстины, покрывавшей изголовье—и вотъ, наконецъ, она сыскала то, чего желала!.. И ея очи въ послѣдней разъ загорѣлись радостно! Даже нѣкоторое подобіе усмѣшки на мгновеніе промелькнуло на ея устахъ...

— А! Вотъ онъ! Вотъ мой послѣдній... мой неизмѣнно-вѣрный другъ!—прошептала Джулія, вынимая изъ-подъ изголовья знакомый намъ стилетъ, который съумѣла сберечь, какъ дорогую память о родинѣ, какъ орудіе мести врагамъ, какъ послѣднюю надежду на избавленіе отъ тяжкаго жизненнаго плѣна, отъ униженій и преслѣдованій,—отъ жестокости людей и неумолимости судьбы...

Она долго и любовно смотрѣла на эту тонкую и острую полосу стали, покрывшуюся ржавчиной во время ея послѣднихъ скитаній... Она припоминала, какъ много разъ и прежде мыслъ о само-

убійствѣ приходила ей въ голову, и какъ она отгоняла ее отъ себя отчаяннымъ усиленіемъ воли, надеждою когда-нибудь вновь съ нимъ свидѣться, съ нимъ соединиться...

— А теперь? Нѣтъ надежды—жизнь не нужна!—прошептала Джулія, и въ этихъ словахъ ей самой послышался приговоръ— послѣдній и неотразимый приговоръ.

Она опустилась на холодныя плиты пола, стала на колѣни около своей кровати, быстрымъ и сильнымъ движеніемъ обнажила грудь, сбросила одежду съ лѣваго плеча, уперла стилеть рукоятію въ соломенникъ, а остріе его направила въ то мѣсто, гдѣ чувствовала подъ пальцами своими трепетныя біенія сердца...

— Прощай, жизнь... Прощай, Италія!—прошептала несчастная и, собравъ послѣднія силы, налегла на стилеть, который вонзился въ грудь ея до самой рукоятки. Горячая кровь брызнула изъ сердца и тоненькой, извилистой струйкой потекла по ея исхудалой груди, темными пятнами окрашивая грубыя ткани одежды... Джулія въ послѣдній разъ обвела потухающимъ взоромъ стѣны своего каземата, сдѣлала еще усиліе, чтобы приподняться и прилечь на постель; но уже не могла... Съ слабымъ стономъ взмахнула она безсильными руками и навзничь опрокинулась около своей кровати, разсыпавъ по полу свои темныя косы.

Въ тотъ же день, въ самую полночь, какіе-то два инвалида, въ темныхъ овчинныхъ шубахъ, подпоясанные ремнями и въ шапкахъ, надвинутыхъ на самыя брови, перешагнули черезъ порогъ калитки въ крѣпкихъ воротахъ укромнаго домика Тайной Канцеляріи, бережно выволакивая за собою большой куль, туго набитый какою-то кладью и перевязанный толстой веревкой. Прислонивъ куль къ воротамъ, инвалиды вновь вошли въ калитку, и черезъ нѣсколько минутъ вернулись оттуда съ салазками, на которыя и ввалили свою кладь.

— Пешню аль ломъ прихватить бы!—сказалъ одинъ изъ инвалидовъ, обращаясь къ другому.

Тотъ побѣждалъ и принесъ ломъ. Затѣмъ оба, впрягшись въ лямку и налегая на нее плечомъ, потащили салазки къ Иоанновскимъ воротамъ.

Ночь была лунная, звѣздная и морозная. Снѣгъ блестѣлъ яркими, переливчатыми блестками и хрустѣлъ подъ ногами и ползьями салазокъ.

— Кто идетъ?—крикнулъ хриплымъ голосомъ часовой у воротъ, и брякнулъ ружьемъ.

Инвалиды сказали часовому пропускъ, и воротный сторожъ отперъ имъ крѣпко-припертую калитку, звякая задвижками и брэнча

связкою ключей. Салазки съ кладью были благополучно перенесены инвалидами черезъ высокій порогъ калитки...

— Ну, теперъ — сворачивай влѣво! Да и съ Богомъ, по морозцу!—сказаль одинъ изъ инвалидовъ; и оба, бережно спустившись съ берега на ледь, бѣгомъ потащили салазки къ проруби, которая чернѣлась шагахъ въ пятидесяти отъ берега.

Вотъ добѣжали они и до проруби и дотащили до нея салазки съ грузнымъ кулемъ. На краю проруби оба остановились, обошли ее кругомъ, внимательно оглядывая ея края и не безъ страха заглядывая въ черную гладь воды, которая отражала полный и яркій ликъ луны, все обливавшей кругомъ своимъ серебристымъ блескомъ.

— Узка будеть... Я говорилъ, что узка!.. Пооббей еще края ломомъ-то!—сказаль одинъ изъ инвалидовъ.

Другой молча взялъ ломъ и расширилъ имъ прорубь.

— Ну-ка, теперъ, берись—сымай съ салазокъ! Ставь на попа! Волоки полегоньку...

Оба, кряхтя и пожимаясь отъ мороза, подтащили куль къ краю проруби, положили его на бокъ—и потомъ, переглянувшись, разомъ спихнули въ воду...

Пучина разверзлась съ плескомъ и ропотомъ, тяжелый куль окунулся въ прорубь и нырнулъ подъ ледь. Темная гладь воды зарыбила кругами—но черезъ минуту сгладилась и полный ликъ луны попрежнему сталъ въ ней отражаться, ярко блестя и слегка колыхаясь.

Инвалиды сняли шапки и перекрестились.

— Упокой ее, Господи!.. Прости согрѣшенья наши!—шептали ихъ уста.

XXII.

Смѣхъ и слезы.

Когда князь Михаилъ вернулся изъ крѣпости въ свою каморку въ надворномъ флигелѣ Зимняго дворца, онъ былъ неузнаваемъ... Блѣдный, измозженный, растерянный, онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ, пугливо оглядывался по сторонамъ и весь съеживался, когда къ нему кто-нибудь подходилъ или обращался съ вопросомъ. Самъ Осиповъ надъ нимъ сжалился и поспѣшилъ уложить его на лежанку, приговаривая покровительственно:

— Ложись, ложись, князь! Отдохни да очухайся!... Сутки только въ Ушаковскихъ лапахъ побываль, а вонъ каковъ воротился? Знаемъ мы тоже, слыхали—каковы тѣ лапы!...

Онъ не на шутку думаль, что князь побываль въ застѣнкѣ и что его, пожалуй, тамъ «погладили»;—даже намекнулъ Сеньгѣ, чтобы тотъ, укладывая князя вечеромъ въ постель, осмотрѣлъ бы у него бока и спину...

— Капустнаго листа не приложить ли?—сказаль онъ Сенькѣ, уходя.—Онъ помогаетъ, въ случаѣ, ежели...

Но Сенька доложилъ потомъ Осипову, что «князь-батюшка тѣломъ здоровъ, неповрежденъ ни въ чемъ, только духомъ очень упалъ и въ должное чувствіе придти не можетъ».

— Пусть Бога благодарить, что цѣль ушелъ и шкуру цѣлою унесъ! А только ты его не спрашивай и обо всемъ объ этомъ ему не поминай...

Князь Михаилъ и весь слѣдующій день пролежалъ на лежанкѣ съежившись подъ шубой, не откликаясь на зовъ, не отвѣчая ни на чьи вопросы... А между тѣмъ государыня уже справлялась о немъ черезъ Лакосту и Балакирева—и Осиповъ, не зная, что отвѣтить, начиналъ ужъ хмуриться и покачивать головою. Пропустивъ еще сутки, онъ рѣшился дѣйствовать...

— Князь! а, князь! Вставай, полно валяться, князь! Сегодня всей вашей братіи на верху быть приказано!—такъ обратился онъ къ князю Михаилу подъ вечеръ третьяго дня.

Князь поднялся на лежанкѣ, молча, словно на пружинахъ, и установился на Осипова неподвижными, какъ бы застоявшимися глазами.

— Подай одѣться князю!—сердито крикнулъ Осиповъ, обращаясь къ Сенькѣ и видимо избѣгая этого страшнаго взгляда.

Сенька подаль своему господину парадное шутовское платье, помогъ ему одѣться, обдернулъ складки кафтанца, надвинулъ ему парикъ на голову и подаль въ руки колпакъ...

Князь Михаилъ все еще стоялъ неподвижно, какъ бы не отдавая себѣ отчета въ томъ, что съ нимъ происходитъ.

— Ну, ну, идемъ скорѣе!—крикнулъ Осиповъ, подхватилъ князя Михаила подъ руку и почти потащилъ за собою.

Въ сѣняхъ встрѣтили ихъ всѣ шуты и шутихи, которые давно уже толпились около дверей каморки князя Михаила, ожидая его выхода:—всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, каковъ онъ вернулся изъ крѣпости, побывавъ въ лапахъ Ушакова?

— А! Солнышко наше красное! Князёкъ-гоголёкъ! Живъ и здоровъ къ намъ вернулся!—раздались кругомъ смѣшки, возгласы и привѣтствія веселой братіи, на встрѣчу князю Михаилу.

А онъ—ко всему и ко всѣмъ невнимательный и безучастный, какъ каменный истуканъ,—молча шелъ рядомъ съ Осиповымъ, устремивъ взоръ куда-то въ пространство... Еслибы Осиповъ не вель его подъ руку, онъ вѣроятно не нашель бы дороги до той пріемной, гдѣ имъ назначено было собраться, а уткнулся бы въ первый уголъ и простоялъ бы тамъ, пока его оттуда не вынудили выйти.

— А гдѣ же Педрило?... Всѣ въ сборѣ, а его все не видать?—раздались голоса шутовъ, когда они заняли свои обычныя мѣста въ одной изъ аванъ-залъ.

— Гдѣ? Вѣстимо гдѣ! Около карточныхъ столовъ околачивается! Навѣрняка кого-нибудь въ карты обыграть норовить! — откликнулся кто-то въ толпѣ.

Какъ разъ въ это время дверь въ сосѣднюю залу приотворилась и Педрило выбѣжалъ оттуда въ припрыжку, похлопывая себя по бокамъ и головѣ мандолиною. Въ поныхахъ подбѣжалъ онъ къ Осипову и произнесъ въ полголоса скороговоркой:

— Monsieur Озигъ, monsieur Озигъ! Мнѣ есть секретъ... Venez-ici!

Оттащивъ Осипова отъ князя Михаила въ сторону, онъ сталъ что-то скоро-скоро шептать ему на ухо, указывая глазами на князя Михаила и, по обычаю своему, мѣшая русскія слова съ французскими, нѣмецкими и итальянскими.

Все смолкли и насторожились, готовясь къ какой-нибудь важной новости или къ мудреной затѣѣ, которую Педрило успѣлъ внушить государынѣ и готовился привести въ исполненіе для ея потѣхи.

Попештавшись съ Осиповымъ, Педрило быстро повернулся на цыпочкахъ и точно также, въ припрыжку, ловко и граціозно размахивая мандолиной, выбѣжалъ въ ту же дверь, изъ которой явился въ аванъ-залу.

Осиповъ съ минуту простоялъ въ раздумѣ, молча обвелъ всѣхъ глазами, и потомъ прямо подошелъ къ князю Михаилу.

— Князь Квасинъ! — сказалъ онъ ему съ нѣкоторою запинкою, — тебѣ приказано передать добрую вѣсть... Та самая... обманщица-тальянка, что звалась... женой твоей... волей Божьею помре...

Князь Михаилъ вскинулъ на Осипова глазами, опустилъ ихъ, — и вдругъ измѣнился въ лицѣ. Осиповъ это замѣтилъ, и съ еще большимъ замѣшательствомъ добавилъ:

— А какъ теперича... она умерла... и ты отъ той неправды очистился... такъ государынѣ угодно, чтобы въ воскресенье быть сговору твоему съ Авдотьей Бужаниновой...

— У-у-у! Вотъ оно!... Давно пора! Веселымъ пиркомъ да за свадьбу! — раздались кругомъ среди общаго радостнаго гама возгласы шутовъ и шутихъ.

— Сговоръ!.. Свадьба?! — вдругъ крикнулъ князь Михаилъ, злобно сверкая глазами. — Кто сказалъ? Кто сказалъ?.. Убью!!

И онъ накинута со стиснутыми кулаками на Волконскаго, опрокинулъ его на полъ, ударилъ въ грудь Лакосту, схватилъ Апраксина за горло...

Все бросились на помощь къ Апраксину и съ трудомъ высвободили его изъ рукъ разсвирѣпѣвшаго князя Михаила.

— Опомнись! Чтò ты это? — сталъ говорить ему Осиповъ, стараясь его успокоить и отводя въ сторону отъ шутовъ.

— Сговоръ! Свадьба! — въ какомъ-то безсознательномъ порывѣ повторялъ князь Михаилъ. — А ее, небось, замучили... за-

мучили!.. Да! И я... я виною... Изъ-за меня замучили!.. Проклятый я, проклятый! О-о-о!

Бросившись ничкомъ на полъ, онъ зарыдалъ во весь голосъ—судорожно, нервно, порывисто—то всхлипывая, то прерывая рыданія стопами, то вновь принимался рыдать неутѣшно.

— Воды! Дайте воды ему! — слышалось въ толпѣ шутовъ и шутихъ, столпившихся около него съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ и участіемъ.

— Ахъ, батюшки! Да что я буду съ нимъ дѣлать?—суетился, обращаясь ко всѣмъ, растерявшійся Осиповъ.—Ну, какъ тамъ-то ревъ его слышать? Всѣмъ на орѣхи попадетъ!

— А зачѣмъ реветъ? — крикнула вдругъ, выступая впередъ, Авдотья Бужанинова.—Глупъ, какъ есть!.. Все равно мой мужъ будетъ! Вотъ!

— Вѣрно, вѣрно!—подхватилъ догадливый Балакиревъ.—Ай-да Авдотья Ивановна! Порѣшила! Эй-вы, шуты гороховые! Что носы-то повѣсили, словно помѣй нахлебались! Хватимъ-ка веселую... сговорную!.. Споемъ, какъ молодыхъ нареченныхъ князя со княгинею величать на сговорѣ станемъ! А ну-ка —всѣ за мной!

«Ахъ, какъ чашечка витѣ, витѣ, витѣ!

«Пѣна медомъ налита, лита, лита!

«Ужъ и кто же наливалъ, наливалъ?

«Да кому же подносилъ, подносилъ?

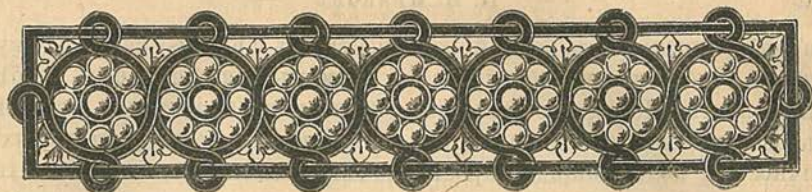
«Свѣтъ-Михайло наливалъ, наливалъ,

«Свѣтъ-Авдотѣ подносилъ, подносилъ!»

И громкая пѣсня, лихо подхваченная хоромъ, покрыла раздражающіе душу вопли и неутѣшныя рыданія несчастнаго князя Михаила...

П. Полевой.

ВОСПОМИНАНІЯ ТЕАТРАЛЬНОГО АНТРЕПРЕНЕРА¹⁾

X.

Кое-что о продѣлкахъ провинціальныхъ актеровъ.—Н. К. Милославскій, какъ анекдотистъ.—Антрепренеръ М—ій.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ актеры великіе мастера на всевозможнаго рода продѣлки. «Въ жизни» они на амплуа не дѣлятся, — всѣ они «безбожные» комики. Понятія о преклонности лѣтъ, а слѣдовательно о степенности и серьезности, у нихъ довольно-таки смутныя: сѣдые волосы не удерживаютъ ихъ отъ мальчишескихъ выходокъ. Куралесить, шалить, проказить, иногда даже злонамѣренно, врожденная актерская страсть, слишкомъ рѣзко бросающаяся въ глаза людямъ непричастнымъ къ театру. Кажется, нѣтъ такого города, въ которомъ артистическая семья не оставила бы о себѣ нѣсколько десятковъ анекдотовъ, преисполненныхъ либо не одолимою глупостью, или не благовиднымъ остроуміемъ. Изъ этихъ-то анекдотовъ и вытекаетъ не лестное мнѣніе и не симпатичное сужденіе публики о жрецахъ высокаго искусства. Провинціальная публика такъ вооружена противъ актеровъ, что нигдѣ, можно сказать положительно нигдѣ, нѣтъ ровно никакого довѣрія къ этимъ свободнымъ художникамъ, долженствовавшимъ бы являться свѣтлымъ лучемъ въ полутемномъ царствѣ русскихъ захолустій. Публика смотритъ на актеровъ съ двухъ точекъ зрѣнія: съ одной — какъ на уличныхъ мальчишекъ, способныхъ когда угодно

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVI, стр. 321.

накаверзничать безъ всякой надобности, съ другой—какъ на жуликовъ, способныхъ посягнуть на карманъ ближняго безъ зазрѣнія совѣсти. Послѣднее было бы обидно и несправедливо, если бы въ свою семью господа артисты не принимали предосудительныхъ личностей, пользующихся простотою закулисныхъ отношеній и пускающихся на слишкомъ не красивыя продѣлки подъ видомъ шалости, такъ свойственной игривой актерской натурѣ. А такихъ личностей въ театральнѣй сферѣ въ данное время масса, отъ нихъ настоящимъ актерамъ, кажется, уже никогда не отбиться. Что этихъ людей ведетъ на сцену? Разумѣется, ужъ не любовь къ искусству. Что же?—Странное общественное положеніе актера, постоянно бездѣльничавшаго, вѣчно балаганничавшаго, на котораго всѣ смотрятъ, хотя и не довѣрчиво, но за то ужъ черезчуръ снисходительно, («ну его, молъ, къ чорту? Что съ него взять? Связываться съ нимъ не стоитъ, и такъ-то онъ Богомъ убитый человѣкъ»...)¹⁾. Это не положительное положеніе (извиняюсь за невольный каламбуръ), какъ хотите, очень удобно для многихъ, занимающихся не совсѣмъ симпатичными дѣлишками. Вотъ они и полѣзли на сцену. А какъ легко нынче, при поголовной бездарности и при невѣжественномъ отношеніи къ искусству, сдѣлаться актеромъ!—Только имѣй нѣкоторый запасъ нахальства! Рѣшительно ничего нѣтъ легче нынѣшнихъ условій актерства, потому что теперь на сцену принимается всякій, безъ разбора, и къ нему не предъявляются никакія требованія относительно его предварительной подготовки, а тѣмъ болѣе—ума, образованія, воспитанія, происхожденія и даже паспорта. На счетъ паспорта въ провинціи очень не строго: есть—хорошо, нѣтъ—тоже хорошо. Полицію обойти никогда не трудно, всегда ее сбить можно благодаря тому, что на афишахъ проставляются вымышленныя фамиліи. Этому у меня есть прекрасный примѣръ: нѣкая актриса въ продолженіе восьми лѣтъ путешествовала по Россіи безъ всякихъ бумагъ о личности, и мужъ ея, отъ котораго она сбѣжала, все время не имѣя о ней никакихъ свѣдѣній, съ похвальнымъ усердіемъ каждый праздникъ подавалъ въ церковь записочку «за упокой ея души».

¹⁾ А что мнѣніе постороннихъ объ актерѣ именно таково, т. е. самое жалкое, существуетъ анекдотъ, переходящій въ нашей актерской линіи изъ поколѣнія въ поколѣніе, который, какъ говорятъ, есть дѣйствительный фактъ, случившійся много лѣтъ тому назадъ.

Мимо какого-то провинціального театра гнали партію арестантовъ въ Сибирь. У театральнаго подъѣзда стояли актеры и съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на несчастныхъ переселенцевъ. Вдругъ одинъ изъ арестантовъ, молодой парень, обращается къ своему сосѣду, пожилому преступнику и говоритъ:

— Смотри-ка, смотри!... Ха-ха-ха!.. Актеры, стоятъ...

Тотъ его вразумительно остановилъ:

— Чаво, дуракъ, смѣешься? Погоди! Може самъ хуже будешь...

Какая злая пронія?

Не хорошіе личности появились за кулисами по винѣ самихъ актеровъ, никогда неумѣвшихъ жить тѣснымъ кружкомъ, въ мирѣ да согласіи, а главное—не умѣвшихъ быть людьми серьезными, заслуживающими уваженія. Ихъ, хотя и невинныхъ, продѣлки стараго времени привлекли вниманіе людей чрезвычайно неодобрительнаго свойства, позорящихъ и безъ того-то не важнее актерское званіе. Я крѣпко держусь того мнѣнія, что всѣ неурядицы, всѣ пошлости жизни провинціальныхъ лицедѣевъ, образуются именно изъ того, что представители сцены слишкомъ много фиглярничаютъ и на подмосткахъ, и въ жизни, и не умѣютъ поставить себя на тотъ благородно возвышенный базисъ, на которомъ бы имъ подобало стоять.

О продѣлкахъ современниковъ я ничего не буду говорить, такъ какъ я отъ нихъ отсталъ; вотъ уже скоро минетъ десять лѣтъ, какъ я покончилъ расчеты со сценой.

Я приведу нѣсколько анекдотическихкихъ эпизодовъ изъ жизни Милославскаго, когда-то знаменитаго актера и антрепренера на югѣ Россіи. Онъ былъ типичный представитель добраго стараго времени актерскаго житія-бытія. Его жизнь дала бы богатый матеріалъ для закулиснаго бытописателя. Я ограничусь не многими строками про него, такъ какъ объемъ моихъ воспоминаній не позволяетъ слишкомъ распространяться объ одной личности.

Охарактеризовать Милославскаго можно не многими словами: онъ былъ актеромъ на сценѣ и артистомъ въ жизни. Благодаря уму и хитрости, всѣ продѣлки его имѣли видъ забавнаго случая и почти никогда не влекли за собою «серьезныхъ» послѣдствій. Всѣ свои плутни онъ умѣлъ чрезвычайно ловко замаскировать въ шалость и обращать ее въ пріятельскую шутку.

Случай, о которомъ я хочу рассказать, имѣлъ мѣсто въ Нижнемъ-Новгородѣ, лѣтъ тридцать пять тому назадъ.

Наканунъ своего бенефиса, Николай Карловичъ былъ пасмуренъ и ажитированъ, должно быть потому, что «въ воздухѣ не пахло подаркомъ». Это характерное выраженіе провинціальныхъ бенефициантовъ имѣетъ значеніе, такъ какъ подношенія любимцамъ почти никогда не случаются сюрпризомъ и самому бенефицианту бываетъ извѣстно о подаркѣ чуть ли не первому. На этотъ разъ, противъ чаянія, такового не предвидѣлось. Въ подобныхъ случаяхъ, крайне не учтивыхъ со стороны публики, тщеславные любимцы обыкновенно легко выходятъ изъ «непріятнаго положенія», выбравъ изъ своего старья какія-нибудь драгоценности и торжественно поднеся ихъ себѣ, какъ бы отъ почитателей таланта. Это такъ часто практикуется на сценѣ, что даже вошло въ обычай. Милославскій же хотя и признавалъ это обыкновеніе, но не находилъ его для себя матеріально выгоднымъ, почему и придумалъ такую тонкую комбинацію.

Отправляется онъ къ знакомому купцу, очень состоятельному комерсанту, и заводитъ рѣчь о завтрашнемъ своемъ бенефисѣ.

— Не авантажный у меня завтра праздникъ будетъ...

— Почему?

— Придется на сухую играть...

— То-есть какъ это?

— А такъ: никакой признательности отъ нижегородцевъ не будетъ...

— А вы почему знаете?

— Знать не знаю, а предчувствую...

— А можетъ и будетъ?!

— Нѣтъ, мое сердце никогда не ошибается,—глубоко вздохнувъ, сказалъ Милославскій и прибавилъ,—разумѣется, мнѣ не подарокъ нуженъ, а вниманіе, поощреніе, такъ сказать... И вниманіе-то не для меня лично, а для той толпы, которая явится завтра въ театръ, чтобы видѣла и понимала, какъ надо чествовать артиста... Хоть бы для шутки что-нибудь поднесли, я и за то былъ бы безгранично благодаренъ...

— Какъ это для шутки?

— Публично поднесли бы, а потомъ въ тихомолку назадъ отняли бы. Это очень часто продѣлываютъ...

— Ну, ужъ назадъ за чѣмъ же... Я отъ себя что-нибудь подарю, пожалуй, только прошу не взыскать, такъ какъ подписку начинать поздно, а единолично прожертвовать могу не великую толику...

— Ахъ, что вы!—приневолилъ себя Милославскій сконфузиться.— Вы, чего добраго, еще думаете, что я напрашиваюсь на подарокъ! Не въ немъ дѣло! Для меня-то его хоть и не будь совсѣмъ, была бы только честь оказана. Поэтому, отъ подарка вашего я отказываюсь наотрѣзъ, а вашимъ очевиднымъ расположеніемъ ко мнѣ воспользуюсь безотлагательно.

— Чѣмъ въ силахъ быть полезнымъ, къ вашимъ услугамъ...

— Окажите такого рода благодѣяніе, о которомъ я только-что упоминалъ: поднесите мнѣ что-нибудь для виду, съ обязательнымъ возвратомъ... Вотъ хоть часики свои—уложите въ просторный футлярчикъ, да при всей честной компаніи и поднесите мнѣ, а послѣ спектакля зайдите ко мнѣ въ уборную и возьмите ихъ съ моею благодарностью. Для васъ это, конечно, большого труда не составить, а для меня это будетъ необыкновенно важно, я, такъ сказать, тогда воспряну духомъ...

Купецъ было замаялся:

— Часы-то золотые, пятисотрублевые, не равно какъ-либо брякнутся, да поломаются...

Но Милославскій самымъ убѣдительнымъ образомъ доказалъ ему, что ничего подобнаго быть не можетъ, что онъ приметъ все-

возможныя предосторожности и возвратить ихъ ему въ цѣлости и невредимости.

На другой день, согласно уговору, между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ состоялось подношеніе золотого хронометра расстроганному бенефицианту. Публика сопровождала подношеніе неистовыми аплодисментами, а Николай Карловичъ, умиленный до слезъ энтузіазмомъ почитателей, крѣпко прижималъ часы къ сердцу и низко раскланивался, выражая этимъ безпредѣльную благодарность всѣмъ присутствующимъ за вещественное доказательство ихъ симпатій къ нему. Эта сцена, не входившая въ программу спектакля, была такъ мастерски разыграна, что произвела сильное впечатлѣніе и на публику, и на купца-мецената, и даже на самого Милославскаго...

По окончаніи спектакля, пробирается на сцену купецъ и ищетъ виновника торжества.

— Да ихъ ужъ нѣтъ-съ, — объявилъ ему театральный сторожъ, — они уѣхали...

— Какъ уѣхаль? Онъ хотѣлъ меня ждать въ уборной...

— Можетъ запомнили они объ этомъ, но только уѣхали...

На слѣдующее утро невольный меценатъ ѣдетъ на квартиру къ Милославскому и укоризненно ему замѣчаетъ:

— Обѣщали меня подождать въ уборной, а не подождали...

— Голова разболѣлась отъ всѣхъ этихъ триумфовъ, — потянуло неодолимо къ постели...

— Не хорошо-съ!... А теперь я къ вамъ за своими часиками, — позвольте ихъ получить?

— Часики? Какіе часики?

— Да мои-съ...

— Ваши? — удивленно протянулъ Николай Карловичъ. — У меня никакихъ вашихъ часиковъ нѣтъ.

— Да полноте, что за шутки...

— Это, кажется, вы изволите шутить, а не я...

— Да вы это что же, смѣяться надо мной вздумали, что ли?

— Съ подобнымъ вопросомъ я къ вамъ хотѣлъ обратиться...

— Ну, довольно баловаться, — перемѣнилъ свой тонъ купецъ, — подавай мой хронометръ...

— Какой вамъ хронометръ? — продолжалъ удивляться Милославскій. — Вы попали ко мнѣ просто по ошибкѣ... Никакого вашего хронометра я не знаю...

— Какъ не знаю? — уже серьезно накинулся на него комерсантъ. — А вчера чьи часы тебѣ на сцену подали?

— Не знаю чьи, но знаю отъ кого, — совершенно хладнокровно отвѣтилъ Милославскій.

— Ну, отъ кого?

— Отъ публики.

— Врешь! Это я тебѣ въ шутку преподнесъ...

— Въ шутку? Извините-сь, такими вещами не шутятъ... А если вы мнѣ не вѣрите, что это подарокъ публики, разспросите капельмейстера, товарищей, антрепренера, — они все видѣли при какихъ обстоятельствахъ я получилъ эти часы...

Такъ купецъ и не получилъ своего хронометра отъ находчиваго Милославскаго.

Въ томъ же Нижнемъ-Новгородѣ Николай Карловичъ «пошутилъ» со мной, когда я, будучи антрепренеромъ Костромскаго театра, пріѣхалъ въ Нижній за актерами, долженствовавшими пополнить мою труппу.

Нижегородскимъ антрепренеромъ въ то время былъ заика Смольковъ, который не любилъ, чтобы ему задавали подъ рядъ нѣсколько вопросовъ, онъ въ нихъ путался и ни на одинъ впадець не могъ отвѣтить.

Съ этимъ Смольковымъ я былъ знакомъ, почему безъ стѣсненія заходилъ въ его театръ во время репетицій и видѣлся съ нужными мнѣ лицами, между прочимъ съ Милославскимъ, Константиномъ Оедоровичемъ Бергомъ (впослѣдствіи артистъ Московскаго Малаго театра), Оедоромъ Алексѣевичемъ Бурдинымъ (впослѣдствіи артистъ Александринскаго театра) и др., поѣхавшими изъ Нижняго служить ко мнѣ въ Кострому. Въ первое свое посѣщеніе репетиціи, я позвалъ будущихъ членовъ моей труппы въ трактиръ выпить чаю.

Проведя въ трактирѣ добрый часъ въ мирной бесѣдѣ, я позвалъ слугу и, вручая ему трехрублевую бумажку, приказываю получить съ меня, что слѣдуетъ. Слуга, къ моему крайнему удивленію, отъ этого отказывается.

— Уже заплачено, — сказалъ онъ и, указывая на Милославскаго, прибавилъ: — вотъ они отдали.

— Николай Карловичъ, съ какой же это стати! — замѣтилъ я ему съ укоризной.

— Ну, что за счеты между товарищами!

— Однако, пригласилъ васъ я — я и долженъ расплачиваться!

— Все равно, въ другой разъ заплатите!

На слѣдующій день снова захожу на репетицію и снова увлекаю свою компанію въ трактиръ на бесѣду. При расплатѣ повторяется вчерашняя исторія.

— Нѣтъ, ужъ сегодня очередь моя, — сказалъ я Милославскому и, обращаясь къ слугѣ, приказалъ: — возврати назадъ Николаю Карловичу деньги и получи съ меня...

Слуга въ нерѣшительности поглядывалъ на Милославскаго, а тотъ отрицательными знаками удержалъ его отъ поползновенія исполнить мой настоятельный приказъ.

— Какъ вамъ угодно, Николай Карловичъ,—сказаль я,—а это допустить не могу. Онъ долженъ получить съ меня...

— Не безпокойтесь, мы и на вашъ счетъ еще успѣемъ погулять...

Послѣ продолжительныхъ распрей, пришлось невольно уступить Милославскому, въ чайнѣй отплатить ему тѣмъ же при слѣдующей встрѣчѣ. Я далъ себѣ слово ни подѣ какимъ предлогомъ въ будущій разъ ни на одну минуту не отпускать его отъ нашего стола, чтобы не было ему возможности снова учинить расплату, ставившую меня передъ актерами положительно въ неловкое положеніе.

Являемся опять въ трактиръ и, несмотря на мой строгій надзоръ за Милославскимъ, въ концѣ концовъ оказывается, что за все уже опять уплачено. Я уже сталъ сердиться и доказывать не въ мѣру услужливному и любезному Николаю Карловичу, что подобная его предупредительность можетъ серьезно рассорить насъ, и если онъ сейчасъ же не возьметъ изъ буфета обратно своихъ денегъ, то я принужденъ буду избѣгать его компаніи въ такихъ потребительныхъ мѣстахъ.

— Я за вами ухаживаю, какъ за будущимъ своимъ антрепренеромъ,—шутливо отвѣтилъ онъ,— а потому претендовать на меня вы не вправѣ за то, что я, можетъ быть, и не умѣло, но искренно стараюсь проявить во всемъ мою къ вамъ привязанность...

— Счетъ дружбы не портить,—сказаль я и снова примирился съ продѣлкой Милославскаго.

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Нижняго, я опять созваль пріятелей въ трактиръ, предупредивъ Милославскаго, чтобы онъ не наживаль въ моемъ лицѣ себѣ врага...

За чаемъ Николай Карловичъ обращается къ актерамъ и говоритъ:

— А какъ вы думаете, господа, нужно учинить проводы Николаю Ивановичу или нѣтъ!

— Нужно!—отвѣтили хоромъ присутствующіе.

— Человѣкъ! Шампанскаго заморозить!—скомандоваль онъ.— Да не закусить ли передъ шампанскимъ чѣмъ-нибудь лакомымъ? Какъ вы полагаете, господа?

«Господа» охотно согласились закусить.

— Человѣкъ! — снова воскликнулъ Милославскій, — учини-ка намъ уху изъ живыхъ стерлядей, да непременно изъ живыхъ... -

Послѣ этого послѣдовало еще нѣсколько гастрономическихъ заказовъ и когда все было уничтожено, Милославскій потребоваль подать счетъ, который достигаль пятидесятирублевой цифры. Наскорю пробѣжавъ его, Николай Карловичъ вручилъ мнѣ этотъ трактирный документъ и съ свойственной ему улыбкой сказаль:

— Вотъ теперь можете заплатить!

Тутъ только я сообразилъ къ чему клонились его предварительные полтинничные расходы. Разумѣется, мнѣ болѣе ничего не оставалось дѣлать, какъ погасить этотъ счетъ и намотать на усъ вообще «шутливую» натуру Мирославскаго.

Отъ Мирославскаго перехожу къ болѣе современному факту, изображающему уловки нынѣшнихъ антрепренеровъ.

Одно время было обращено строгое вниманіе властимущихъ на антрепренеровъ, въ виду ихъ частыхъ прогаровъ, отъ которыхъ терпѣли исключительно одни бѣдняки-актеры. Стали требовать отъ нихъ залогъ въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей. Требованіе это имѣло положительную силу закона: никто не имѣлъ права взять на себя антрепризу безъ представленія губернатору означенной суммы.

Антрепренеры пригорюнились-было, но не на долго. Скоро они изобрѣли средство обходить это требованіе. Они стали набирать не «труппу», а «товарищества», т. е. будто бы актеры берутъ театръ на собственный рискъ. Подобнымъ «товариществамъ» разрѣшено было брать на себя театры безъ всякихъ залоговъ.

Это было уже положительнымъ зломъ, такъ какъ антрепренеры не стали заключать съ актерами ни контрактовъ, ни условій. Поэтому, актеръ всегда рисковалъ, даже при хорошихъ дѣлахъ, не получить ни копѣйки, при малѣйшемъ столкновеніи съ патрономъ. Стали возрождаться рабы и владыки. Жаловаться властямъ не представлялось возможности, потому что актеръ самъ принималъ участіе въ антрепренерскомъ мошенничествѣ, выражавшемся въ обходѣ установленнаго правила обезпеченія извѣстной суммой...

Одинъ изъ «находчивыхъ» (въ театральномъ міркѣ, кажется, непереводающихся) антрепренеровъ, нѣкто М—скій, набравъ инкогнито труппу, держалъ въ N—ѣ театръ. На афишахъ его крупнымъ шрифтомъ печаталось: «товариществомъ провинціальныхъ артистовъ будетъ исполнено то-то...» и т. д.

Однажды, одинъ изъ обывателей N—а, не посвященныхъ въ мудрую механику закулисныхъ дѣлъ и дѣлишекъ, спросилъ антрепренера:

— Почему вы печатаете на афишахъ «товарищество», вѣдь у васъ антреприза?

— Да, но вѣдь актеры-то между собою товарищи?

— Товарищи...

— Ну, такъ чегожъ вамъ еще надо?!

XI.

Н. Х. Рыбаковъ.— «Гамлетъ». — Страсть Рыбакова къ вранью.— Оригинальное знакомство съ нимъ.— Анекдоты про него.

Знаменитый трагикъ, сперва провинціальной, потомъ московской сцены, Николай Хрисанфовичъ Рыбаковъ былъ прекрасною личностью во всѣхъ отношеніяхъ. Отличаясь безпредѣльною добротою, общительностью, выдающимся талантомъ и глубокимъ уваженіемъ къ искусству, онъ снискивалъ себѣ не лицемѣрную любовь отъ всѣхъ его знавшихъ. Въ свое время онъ былъ типичнымъ представителемъ театральной богемы, тогда мало распространенной и поэтому казавшейся слишкомъ рельефнымъ явленіемъ въ общественной жизни. Онъ былъ способенъ роздать все до послѣдней копѣйки и, оставшись ни съ чѣмъ, отправиться по образу пѣшаго хожденія изъ одного города въ другой, причемъ разстояніе не могло его смутить, будетъ ли то десять верстъ, или тысяча—это все равно. Такія прогулки для него не были рѣдкостью, особенно въ молодости. Покойный драматургъ А. Н. Островскій, рисуя типъ провинціального пѣшаго трагика Несчастливцева въ своей несравненной комедіи «Лѣсъ», имѣлъ въ виду изобразить другого не менѣе извѣстнаго въ провинціи актера Горева-Тарасенкова, всю свою жизнь пропутешествовавшаго, точно по общацію, изъ города въ городъ пѣшкомъ, но на самомъ дѣлѣ далъ образъ именно симпатичнаго Николая Хрисанфовича. Въ особенности въ Несчастливцевѣ напоминаетъ намъ много Рыбакова сердечность, участливость, безкорыстность и доброта, все то, чѣмъ такъ избыточно былъ одаренъ случайный оригиналь замѣчательной копіи.

Всѣ великіе люди имѣли маленькія слабости. У Рыбакова ихъ было двѣ: пить и врать. Пилъ онъ сильно и это много вредило ему въ развитіи его таланта; кромѣ того, непомѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ подъ старость вредно отозвалось на здоровьи, не говоря уже о слухѣ и зрѣніи, которые покидали своего обладателя безсовѣстнымъ образомъ. Живительная влага частенько заставляла его манкировать обязанностями и режиссеръ долженъ былъ быть всегда на сторожѣ, чтобы во время предотвратить препятствія къ представленію спектакля, могущія встрѣтиться вслѣдствіе внезапнаго загула трагика. И не только передъ спектаклемъ приходилось ожидать какихъ-либо случайностей, но даже и во время его. Однажды, въ Рыбинскѣ, Николай Хрисанфовичъ учинилъ такую штуку: играетъ онъ одну изъ лучшихъ своихъ ролей—Гамлета, совершенно трезвымъ; проходитъ актъ, второй, третій, начинается четвертый,—подходитъ явленіе Гамлета, а его на мѣстѣ нѣтъ. Сценаріусъ хватился Рыбакова, — бросился въ убор-

ную, режиссерскую, буфетъ — нигдѣ нѣтъ. На сценѣ наступила ужъ пауза, актеры и публика въ замѣшательствѣ. Я сейчасъ же разослалъ людей по всѣмъ направленіямъ въ ближайшіе трактиры непремѣнно розыскать его и въ какомъ бы то ни было видѣ доставить на сцену. Занавѣсъ пришлось опустить на пол-дѣйстви и оставить зрителей въ недоумѣніи. Черезъ нѣсколько минутъ прибѣгаетъ одинъ изъ посланцевъ и докладываетъ, что буфетчикъ трактира подъ названіемъ «Комаръ», сообщилъ ему, что Николай Хрисанфовичъ недавно былъ, поспѣшно выпилъ нѣсколько стаканчиковъ водки и отправился поспѣшно въ театръ. Къ этому прибавили, что онъ былъ въ «особенномъ костюмѣ и вымазанный», т. е. въ тогѣ датскаго принца и нагримированный. Прождавъ его еще нѣкоторое время и потерявъ надежду на его возвращеніе, я приказалъ сдѣлать анонсъ, которымъ, ссылаясь на внезапную болѣзнь Рыбакова, продолженіе спектакля отказывалось.

Когда публика покинула театръ, актеры разгримировались и пошли домой, одинъ изъ нихъ, переходя канавку, пролежавшую неподалеку отъ театра, наталкивается на какой-то предметъ, довольно солидныхъ размѣровъ и, по дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, узнавъ, что этотъ солидный предметъ имѣетъ образъ человѣческой, окликнулъ его:

— Кто тутъ?

Въ отвѣтъ послышался ему расслабленный голосъ Рыбакова:

— Гамлетъ!

Тотчасъ же вернулся онъ въ театръ и сообщилъ объ этомъ мнѣ. Забравъ съ собою двухъ плотниковъ, я отправился на мѣсто временнаго успокоенія Николая Хрисанфовича и нашелъ его валяющимся въ грязи во всей прелести гамлетовскаго одѣянія. Плотники торжественно перенесли его въ бутафорское помѣщеніе, въ которомъ до слѣдующаго утра онъ и пробылъ.

Другая его страсть — къ вранью была положительно непонятною и безпричинною. Вралъ онъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не гоняясь ни за довѣріемъ слушателей, ни за эффектами, которыми непремѣнно должны бы завершаться всѣ изъ ряда вонъ выходящіе его разказы. Его вранье было всегда безобидно, безкорыстно и отнюдь не касалось личностей, это ихъ безусловное достоинство. Но нельзя сказать и того, что свою завѣдомую ерунду онъ создавалъ исключительно для забавы слушателей, — нѣтъ, всѣмъ своимъ фантастическимъ розказнямъ онъ прежде всего вѣрилъ самъ безусловно и полагалъ, по простотѣ своей души, что и слушатели вѣрятъ ему безусловно. Онъ любилъ иногда выставить себя героемъ или такимъ бывалымъ человѣкомъ, которому извѣстны всевозможныя диковины и чудеса. Николай Хрисанфовичъ былъ необыкновенно богатъ воображеніемъ, почему репертуаръ его разказовъ былъ чрезвычайно обширенъ и заключалъ

въ себѣ до того удивительные факты, часто противорѣчившіе одинъ другому, что когда кто-нибудь вздумаетъ, бывало, послѣ даже непродолжительнаго времени рассказать ему его же анекдотическій случай, онъ безапелляціоннымъ тономъ говорилъ:

— Ерунда! Это быть не могло!..

— Да вы же сами это на прошлой недѣлѣ рассказывали,—ловилъ его на словѣ собесѣдникъ.

— Врешь! Я никогда такой глупости не скажу... Это только ты съ своимъ дурацкимъ понятіемъ можешь такую чушь сочинить... А если ты хочешь знать сущую правду, похожую на твою ерунду, такъ я тебѣ сейчасъ расскажу одинъ фактъ, свидѣтелемъ котораго я былъ лѣтъ десять тому назадъ...

И приведетъ экспромтомъ что-нибудь такое несообразное съ здравымъ смысломъ, такъ что первый анекдотъ, переданный собесѣдникомъ и раскритикованный имъ самимъ, блѣднѣлъ передъ этимъ и казался совершенно невиннымъ. Сомнѣвающихся Рыбаковъ не любилъ и если кто позволялъ себѣ по неопытности выразить ему свое недовѣріе къ его словамъ, то онъ безъ всякаго разсужденія называлъ того «дуракомъ». На этомъ обыкновенно бесѣда временно и прерывалась, къ глубокому неудовольствію словоохотливаго рассказчика.

Съ Николаемъ Хрисанфовичемъ я познакомился при исключительныхъ обстоятельствахъ довольно оригинальнымъ образомъ.

Однажды, во время пребыванія моего въ Нижнемъ-Новгородѣ, являюсь я къ знакомому своему купцу, первому театралу въ городѣ, Остапову, впослѣдствіи бросившему свою мучную торговлю и поступившему на сцену подъ именемъ Ярославцева, и застаю у него гостя съ типичной актерской фізіономіей. Хозяинъ, по незнанію свѣтскихъ обычаевъ, не счелъ нужнымъ насъ познакомиться, такъ что мы разговорились, не имѣя никакого понятія другъ о другѣ. Разумѣется, какъ у представителей сцены разговоръ нашъ былъ исключительно театральнымъ. Мой собесѣдникъ между прочимъ упомянулъ о своемъ знакомствѣ со всѣми провинціальными антрепренерами.

— А Иванова вы знаете?—спросилъ я его.

— Да какъ же не знать?—пробасилъ онъ въ отвѣтъ и расхохотался, какъ бы издѣваясь надъ моимъ наивнымъ вопросомъ.— Это мой закадычный другъ, самый старый пріятель...

— Вы, вѣроятно, у него служили когда-нибудь?

— Ну, еще бы! Скольکو разъ! И теперь онъ со слезами меня умоляетъ идти къ нему, да я пока раздумываюсь...

Такая безпримѣрная ложь меня просто поставила втупикъ. Я не зналъ кѣмъ представить себѣ моего небывалаго друга, котораго я со слезами умоляю идти ко мнѣ служить—сумасшедшимъ или наглецомъ?

— Чего же вы раздумываетесь?—наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, обратился я къ нему съ новымъ вопросомъ.

— На счетъ жалованья расходимся... А вы сами-то этого Иванова знаете?

— Знаю.

— А знаете ли вы прошлогдній съ нимъ случай, свидѣтелемъ котораго я былъ самъ?

— Какой случай?

— При какихъ комическихъ обстоятельствахъ пріѣзжій фокусникъ его на три дня усыпилъ?

— Нѣтъ, этого не знаю. Расскажите, пожалуйста...

— Пріѣзжаетъ фокусникъ въ Тверь и обращается къ Иванову съ просьбою уступить ему на одинъ вечеръ театръ. Ивановъ сдать театръ былъ не прочь, но заломилъ что-то очень не суразную цѣну. Фокусникъ, разумѣется, сталъ торговаться, а Ивановъ упрямится и ни копѣйки не уступаетъ. Вотъ фокусникъ и говоритъ ему: «ежели ты по моему не сдѣлаешь, то усыплю тебя на трое сутокъ и не будешь ты ни пить, ни ѣсть, ни свѣжаго воздуха нюхать». А Ивановъ ему отвѣчаетъ, подставляя къ фізіономіи его кулакъ: «а не знаешь ли ты, нѣмецкая кислота, чѣмъ этотъ параграфъ пахнетъ!?» Фокусникъ обозлился и явился вечеромъ на спектакль. «Донъ-Жуанъ» шелъ и Ивановъ въ немъ статую командора изображалъ. И какъ только взобрался командоръ на свой пьедесталъ, тутъ-то нѣмецъ что-то такое и сотворилъ: Ивановъ моментально въ величественной позѣ заснулъ, да такъ трое сутокъ какъ монументъ и простоялъ. Хотѣли его было съ подстановки сорвать, да никакъ нельзя было, точно прилипъ онъ къ ней, ни коимъ образомъ не отставалъ...

— Ну, это вздоръ,—замѣтилъ я, разсмѣявшись.

— То есть какъ вздоръ?—сердито переспросилъ меня собесѣдникъ.—Какой же это вздоръ, если я собственноручно его на пьедесталѣ всѣ три дни ощупывалъ!

— Со мной ничего подобнаго никогда не было,—наконецъ, рѣшился я положить предѣлъ этому беззастѣнчивому вранью.—И васъ никогда не имѣлъ чести знать. Позвольте представиться—я тотъ самый антрепренеръ Ивановъ, о которомъ вы только-что упоминали...

— Ты Ивановъ?—нисколько не смутясь, воскликнулъ онъ.—А я Рыбаковъ. Очень радъ съ тобой познакомиться...

Услыхавъ его фамилію, я пересталъ удивляться той баснѣ, которую онъ рассказывалъ мнѣ про меня, ибо былъ уже раньше наслышанъ объ его странной страсти къ импровизаціи необыкновенныхъ «фактовъ».

— Съ какой стати вы про меня такую чепуху врите?—спросилъ я Рыбакова.

— Дѣйствительно, я совралъ, но только не про тебя совралъ, а про другого Иванова...

Съ этого началось наше знакомство, продолжавшееся до самой смерти его. Я сохраняю о немъ самыя добрыя воспоминанія, какъ о безкорыстномъ, неизмѣнномъ другѣ и лучшемъ товарищѣ изъ всѣхъ, которые попадались мнѣ во все время моей закулисной дѣятельности. Большой похвалы для него я не могу сказать...

Вся жизнь Николая Хрисанфовича преисполнена разнообразными анекдотами забавнаго свойства. Еще и теперь, несмотря на значительную отдаленность времени службы его на частныхъ сценахъ, въ провинціи живо воспоминаніе объ этой талантливой и оригинальной личности. Упомянутіе его имени всегда вызываетъ массу разсказовъ о немъ, до сихъ поръ сохраняющихся за кулисами всѣхъ російскихъ театровъ. Имя Рыбакова такъ крѣпко связано съ провинціальной сценой и традиціи его еще настолько живучи, что даже самый молодой актеръ, только-что вступающій на театральныя подмостки, уже основательно знакомъ съ личностью этого незабвеннаго трагика и живо представляетъ себѣ его массивную фигуру, заключающую доброе сердце и бесконечно анекдотическій характеръ.

Вотъ примѣры его разсказовъ, которые обыкновенно импровизировались имъ во время гримировки.

— Когда служилъ я въ Кіевѣ и посѣщаль Лысую гору, познакомилась со мной одна молоденькая вѣдьма. Мы съ ней больше по любопытству сошлись: она объ актерахъ не имѣла понятія, а я ихъ сестру не могъ себѣ уяснить. Ну, ладно, ходимъ, значить, на свиданія и разные разговоры разговариваемъ. Нашъ братъ актеръ пришелся ей, значить, по самому вкусу, а мнѣ она была безъ всякаго удовольствія, потому что съ хвостомъ и нечесаная. Чесаться имъ по ихнему закону запрещено. Ну, хорошо. Сезонъ театральный подходитъ къ концу и мнѣ нужно было въ Москву на постъ ѣхать. А денегъ-то у меня въ то время—ни одного франка. Прихожу я на Лысую гору, вызываю свою Углядку (это такъ знакомую вѣдьму звали) и говорю ей: «Пѣшкомъ идти въ Москву не хочется, занять денегъ не у кого,—не можешь ли ты у своего начальства малую толику добыть и меня ими подѣ вѣрное обезпеченіе ссудить? Я тебѣ, говорю, свою бібліотеку въ залогъ оставлю». Она мнѣ въ отвѣтъ пропищала: «денегъ мы не признаемъ и при себѣ ихъ не держимъ, но бѣсовскою властью обладаемъ, такъ-что я тебя могу въ лучшемъ видѣ на даровщину въ Москву доставить». За это я выругался: «какъ, говорю, ты смѣешь мнѣ предлагать на помелѣ ѣхать?» «Зачѣмъ на помелѣ, отвѣчаетъ, на какомъ угодно инструментѣ поѣзжай. Вотъ хоть на этомъ бревнѣ отправляйся». «Ну, на этомъ-то, пожалуй, говорю, можно, потому что оно все-таки больше солидности имѣетъ, чѣмъ помело». Уго-

ворились мы съ ней учинить мои проводы на другой день... На слѣдующее утро уложился я, взявъ чемоданъ подъ лѣвую руку, подъ правую на всякій случай зонтикъ захватилъ и отправился на условленное мѣсто, къ бревну. Прихожу, а ужъ вѣдьма-то меня ждетъ съ творожными ватрушками, это она мнѣ ихъ полтораста штукъ на дорогу напекла. «Ну, говорить, садись да и улетай». Обхватилъ я бревно ногами, а она какія-то непонятныя три слова произнесла, плюнула въ мою сторону,—я и взлетѣлъ. Летѣлъ, летѣлъ, летѣлъ—наконецъ, глядь, за что-то лѣвой ногой задѣлъ, оглянулся—Иванъ Великій. «Ну, теперъ спускайся, приказываю я бревну, но только потихоньку». Оно и спустилось, да неудачно—поперекъ Тверскаго бульвара расположилось, такъ-что земли-то я никакъ не могъ достигнуть, пришлось на воздухѣ проболтаться всю ночь, пока утромъ меня оберъ-полиціймейстеръ изъ окна не увидалъ. Бревно-то было такъ велико, что черезъ весь бульваръ съ крыши на крышу перекинулось, какъ воздушный мостъ... Сбѣжались городовые и спасительные круги начали ко мнѣ бросать, но только никакъ не могли ихъ до меня докинуть. Пришлось имъ за пожарной лѣстницей сходить. Приволокли ее и приставили къ бревну. Я и полѣзъ по ней, но только дошелъ до половины, какъ хватъ—лѣстница-то до земли сажени на три не достаетъ. Чтожъ было дѣлать? «Растопырьте, братцы, говорю городовымъ, руки—я спрыгну». Ну, и спрыгнулъ. Повели меня къ полиціймейстеру. «Чтò ты, говорить, за человѣкъ? И откуда, говорить, ты это бревно приволокъ?» Нельзя же обманывать полицію, я и признался, что познакомству съ вѣдьмой на немъ съ Лысой горы въ Москву пріѣхалъ... И вышелъ черезъ это вопіющій скандалъ: меня въ двадцать четыре часа изъ города вонъ выселили...

— Но тутъ вы, вѣроятно, проснулись?—спросилъ кто-то съ улыбкой.

— Дуракъ! Чего лѣзешь, коли тебя не спрашиваютъ!—закричалъ обидчиво Николай Хрисанфовичъ.

Въ другой разъ Рыбаковъ говорилъ:

— Для меня какія плодородныя земли не диковина, потому что я видѣлъ такія удивительныя страны, какихъ вы себѣ и представить не можете. Напримѣръ, когда я былъ въ Олонецкой губерніи, то узналъ, что существуетъ тамъ одинъ такой сверхъестественный уѣздъ, что стоитъ только на какомъ-нибудь полѣ его бросить хотя одну спичку, а черезъ годъ вырастаетъ на этомъ полѣ цѣлый сосновый лѣсъ. Очень земля воспріимчива...

— Ну, это еще чтò!—перебилъ его комикъ Глушковскій.—Я вотъ знаю одинъ изъ уѣздовъ Оренбургской губерніи, такъ много поинтереснѣе. Въ немъ отъ спички-то не лѣсъ вырастаетъ, а прямо спичечная фабрика.

— Ну, и дуракъ!—рѣшилъ Рыбаковъ.

Или вотъ еще о постройкѣ какого-то столичнаго театра, свидѣтелемъ котораго онъ непременно былъ самъ:

— Прежде чѣмъ строить его начали, стали въ землю вбивать сваи... Только войдутъ они, сваи-то, въ землю и сравняются съ площадью, сейчасъ же еще другую партію свай поверхъ тѣхъ бьютъ. И такимъ образомъ штукъ сорокъ ихъ другъ на дружку въ землѣ стоймя ставили. Это всегда такъ фундаментальныя зданія строятъ... Вотъ это вбивали-вбивали и вдругъ изъ Парижа заказное письмо приходитъ. Пишутъ въ немъ: «остановитесь; ваши сваи на самомъ красивомъ мѣстѣ въ лѣтнемъ саду сажени на четыре высунулись и производятъ безобразіе». Ну, наши, конечно, остановились, потому что войны не хотѣли, и послали туда телеграмму: «облѣпите сваю въ статую, и пусть она у васъ будетъ на манеръ памятника, а подпиливать ее не смѣйте, потому что она казенная».

— А вы, Николай Хрисанфовичъ, не видѣли этой высунувшейся сваи?

— Да какъ же, братецъ, не видѣлъ? Разумѣется, видѣлъ, но только тогда, когда ее еще въ русской землѣ вбивали.

Подобное вранье его называли «классическимъ» и всегда нарочно его подзадоривали къ нему, чтобы подивиться его бойкой фантазіи, никогда не стѣсненной никакими рамками.

Но есть анекдоты про Николая Хрисанфовича другого характера, болѣе интереснаго, даже не лишеннаго своеобразнаго остроумія и непринужденнаго юмора.

Однажды, просить онъ меня поставить для него драму «Велизарій», заглавную роль которой онъ считалъ своею коронной.

— Нельзя,—отвѣчаю я,—подходящихъ костюмовъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Мало ли у васъ разнаго тряпья имѣется.

— Кое-какъ «Велизарія» ставить нельзя...

— Зачѣмъ кое-какъ,—мы его на ура разыграемъ...

— Я не относительно актерскихъ силъ говорю, а про костюмы...

— У меня есть свой костюмъ, мнѣ не надо... Можетъ и у другихъ что-нибудь изъ своего наберется...

— Ну, хорошо! А во чтѣ мы одѣнемъ алановъ?

— Алановъ? Да это самая простая штука. Въ древности-то аланы, тоже чтѣ нынѣ уланы. Нарядить ихъ въ гусарскія куртки,—вотъ тебѣ и все...

Въ другой разъ, Николай Хрисанфовичъ, играя роль Швейцера въ излюбленной провинціею трагедіи Шиллера «Разбойники», разрядился самымъ невѣроятнымъ образомъ. Путемъ долгого размышленія онъ дошелъ до того, что передъ публикой явился какою-то пестрой чучелой. На плисовые русскіе шаровары онъ надѣлъ колеть француза, сапоги натянулъ съ испанскими раструбами, на

плечи набросилъ плащъ Альмавивы, голову покрылъ турецкой чалмой...

— На что ты похожъ?—обратился я къ нему, первый разъ въ жизни видя столь оригинальный костюмъ Швейцера.—Развѣ можно одѣваться такимъ уродомъ?

— Почему же не можно?—удивился онъ моею наивности и съ чувствомъ собственного достоинства разъяснилъ:—Нужно всегда вникать въ роли поглубже. Разсуди-ка ты самъ—Швейцерь-то кто?

— Разбойникъ!

— Ага!—радостно воскликнулъ Рыбаковъ, точно уличивъ меня въ сознаниіи.—Разбойникъ! А развѣ для разбойниковъ мода существуетъ? Они что украдутъ—то и носятъ! Даже пословица такая есть: «доброму вору—все въ пору»... Примѣрно, подвернулся разбойнику подъ руку русскій мужикъ—онъ сейчасъ съ него цапъ-царапъ шаровары—и въ носку; удалось стянуть съ проклятаго турки чалму—и въ носку; оплошалъ французъ колетомъ—въ носку; пришлось съ испанца стащить плащъ—въ носку. Вотъ тебѣ самый правдивый костюмъ разбойника и вышелъ!

Рыбаковъ очень любилъ роль Безсуднаго въ комедіи Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ». Игралъ онъ ее не одинъ десятокъ разъ и зналъ всю наизусть превосходно, но тѣмъ не менѣе всегда нуждался въ подсказываньи суфлера. По укоренившейся привычкѣ, многіе актеры, какъ бы хорошо не знали своей роли, безъ суфлера не могутъ двухъ словъ связать на сценѣ. Къ такимъ принадлежалъ и Николай Хрисанфовичъ.

Однажды, когда принималъ участіе въ этой комедіи Рыбаковъ, по оплошности помощника режиссера суфлеръ не былъ посаженъ въ свою будку, а занавѣсъ взвилась. Нужно замѣтить, что суфлерская будка была такъ неудобно устроена, что входъ имѣла со сцены, посредствомъ люка. Такимъ образомъ, при открытомъ занавѣсѣ суфлеру не представляется никакой возможности проникнуть въ подполье и приступить къ своимъ обязанностямъ.

Какъ извѣстно, въ первомъ явленіи два дѣйствующихъ лица: содержатель постоялаго двора Безсудный и ямщикъ Раззоренный. Рыбаковъ, по ремаркѣ, сидѣлъ на аванъ-сценѣ у стола, неподалеку отъ него стоялъ ямщикъ... Какъ только увидалъ, при поднятіи занавѣса, Николай Хрисанфовичъ, что суфлера на мѣстѣ нѣтъ, куда дѣвалось знаніе роли, только и вертѣлся на языкѣ вступительный вопросъ:

— Отпрегъ?

— Отпрегъ,—отвѣтилъ по пьесѣ Раззоренный.

Не зная, что говорить дальше, Рыбаковъ повторилъ въ величайшемъ смущеніи ту же фразу и получилъ на нее тотъ же отвѣтъ. Откашлянувшись онъ и снова пробасилъ:

— Такъ ты говоришь, что отпрегъ?

- Да, отпрегь...
 — Гм... отпрегь... это хорошо... Да вѣрно ли что отпрегь?
 — Вѣрно-сь, отпрегь...
 — Такъ-сь... Такъ, значитъ, ты отпрегь?
 — Да, отпрегь...
 — Гм... совѣмъ отпрегь?
 — Совѣмъ-сь...

Послѣ продолжительной паузы, онъ опять спрашиваетъ:

- Такъ ты отпрегь?
 — Отпрегь!...
 — Отпрегь, говоришь?
 — Отпрегь...

Наконецъ, такое безвыходное положеніе Рыбакову надоѣло и онъ во всеуслышаніе крикнулъ въ порталы къ плотникамъ:

— Не понимаете, черти, что ли, что занавѣсъ нужно дать...

Передъ удивленными зрителями спустилась на одну минуту занавѣсъ. Суфлеръ былъ водворенъ на свое мѣсто и комедія продолжалась благополучно, въ надлежащемъ порядкѣ. Рыбаковъ, по обыкновенію, игралъ такъ, что заставилъ публику забыть комическій прологъ, авторомъ котораго пришлось ему быть по винѣ развѣяннаго сценаріуса.

ХП.

Посѣщеніе покойнымъ великимъ княземъ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ моего театра.—Милостивые подарки его.—Актеръ В.—Служба его у меня въ Самарѣ.—Неудавшаяся шалость.—Служба его у меня въ Костромѣ.—Его поступленіе на казенную сцену.—Продѣлка его съ бенефисомъ.— Опять встрѣча съ нимъ въ Твери.—Его навязчивость.

Въ то лѣто, когда въ Бозѣ почившій великій князь наслѣдникъ цесаревичъ Николай Александровичъ путешествовалъ по Волгѣ, я держалъ театръ на Сергіевскихъ водахъ, находящихся неподалеку отъ Самары.

Незадолго до пріѣзда въ Самару великаго князя, мѣстный губернаторъ, Николай Александровичъ За—нинъ, заѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, чтобы я переѣхалъ вмѣстѣ съ труппой на это время въ Самару, дабы во время пребыванія въ ней высокаго гостя можно было поставить одинъ или нѣсколько казовыхъ спектаклей.

Въ день предполагаемаго прибытія наслѣдника въ Самару, народъ въ громадномъ количествѣ толпился на берегу Волги до самаго вечера, но царственнаго своего гостя такъ и не дождался. Назначенный въ тотъ день спектакль пришлось, разумѣется, отложить. На другой день, съ утра, въ городѣ было тоже суетливое движеніе, какъ и наканунѣ, но съ нетерпѣніемъ ожидаемаго паро-

хода все не было видно. И власти, и жители, уже хотѣли было расходиться по домамъ, какъ вдругъ около восьми часовъ вечера показывается вдали пароходъ, рѣзко выдѣлявшійся отъ всѣхъ другихъ своимъ наряднымъ видомъ и обиліемъ яркихъ флаговъ. Встрѣча великаго князя была торжественная, при громогласныхъ кликахъ народа и колокольномъ звонѣ.

Съ пристани цесаревичъ проѣхалъ прямо въ приготовленное для него помѣщеніе, но тамъ оставался не долго. У сопровождавшаго его полиціймейстера онъ спросилъ:

— Есть ли какія-нибудь увеселенія въ городѣ?

— На сегодня былъ назначенъ спектакль, — отвѣтилъ вопрошаемый, — но за позднимъ временемъ отложенъ до завтра, но если вашему императорскому высочеству угодно, то сейчасъ же можно сдѣлать распоряженіе о немедленномъ возобновленіи его.

Наслѣдникъ выразилъ желаніе провести этотъ вечеръ въ театрѣ. Очевидно онъ хотѣлъ разсѣяться отъ того удручающаго впечатлѣнія, которое произвелъ на него несчастный случай съ одной изъ дамъ, сопровождавшихъ его на пароходѣ. Наканунѣ, Николай Александровичъ былъ въ Симбирскѣ на балу, устроенномъ дворянствомъ въ честь его высочества. Балъ этотъ былъ чрезвычайно оживленнымъ, шумнымъ, и продолжался до разсвѣта. Такъ какъ наслѣдникъ предполагалъ пробыть на балу не долго и прямо съ него отправиться въ дальнѣйшее путешествіе, то на пароходѣ все было готово къ отплытію; несмотря на позднее окончаніе бала, Николай Александровичъ все-таки пожелалъ отправиться въ путь тотчасъ же. Симбирская молодежь, очарованная изысканною любезностью и милостивымъ вниманіемъ великаго князя къ ихъ празднику, въ полномъ своемъ составѣ явилась на пароходную пристань проводить дорогого гостя. У кого-то изъ нихъ явилась мысль испросить у Николая Александровича разрѣшенія на дальнѣйшіе его проводы, т. е. на этомъ же пароходѣ доѣхать съ нимъ до Самары, а ужъ оттуда возвратиться на частномъ суднѣ. Разумѣется, послѣдовало благосклонное разрѣшеніе и вся толпа, преобладающимъ элементомъ которой были дамы, одѣтыя въ легкія бальныя платья, съ берега переселилась на пароходъ. Лица, участвовавшія въ этой затѣѣ, рассказывали, что такого необыкновеннаго молодого, здороваго веселья, которое царило все время путешествія отъ Симбирска до Самары на великокняжескомъ пароходѣ, имъ никогда не приходилось ни видѣть, ни испытать. Самъ наслѣдникъ былъ очень доволенъ этимъ случайнымъ *parti-de-plaisir* и своею ролью гостепріимнаго хозяина воодушевлялъ все общество; простота его обхожденія заставила всѣхъ забыть скучные этикетны и чересчуръ сдерживающія приличія, тѣсныя рамки которыхъ были оставлены въ залѣ симбирскаго дворянскаго собранія.

Въ числѣ барышень, сопровождавшихъ Николая Александро-

вича по Волгѣ, была очень хорошенькая и крайне молоденькая m-lle Языкова (если только я не ошибаюсь). На ея газовое платье попала искра, вылетѣвшая изъ топки парохода, и моментально воспламенила его. Всякая, хотя и скоро поданная, помощь была бесполезна: черезъ нѣсколько минутъ передъ глазами присутствующихъ лежалъ обуглившійся трупъ красавицы. Такимъ печальнымъ происшествіемъ закончился веселый праздникъ...

Вотъ причина грусти Николая Александровича, обладавшаго крайне впечатлительной натурой. Потребность въ развлеченіи являлась необходимою, почему, несмотря уже на поздній часъ, ко мнѣ пріѣхалъ помощникъ полиціймейстера и велѣлъ какъ можно скорѣе собрать всѣхъ, долженствующихъ принять участіе въ этомъ экстраординарномъ спектаклѣ, освѣтить театръ и ждать великаго князя къ началу. Я моментально разослалъ всѣхъ своихъ рабочихъ въ разные концы города оповѣстить актеровъ о немедленномъ ихъ прибытіи на сцену.

Спектакль состоялся; Николай Александровичъ былъ очень доволенъ имъ и черезъ полиціймейстера передалъ мнѣ, чтобы я на другой день явился къ нему.

Принимая во вниманіе поздній часъ, для публики непривычный, я не хотѣлъ было даже открывать кассы, но чуть только самарцы узнали, что высокій гость ихъ присутствуетъ при представленіи, билеты ими брались съ бою, и въ какіе-нибудь полчаса театръ оказался биткомъ набитымъ.

На другой день я былъ удостоенъ милостивымъ разговоромъ Николая Александровича, отзывавшагося о моей труппѣ крайне лестно.

— А вы сами кто?—спросилъ онъ меня.

— Купецъ.

— Чѣмъ же вы торгуете?

— Ничѣмъ. Я плачу гильдію для званія...

Послѣ аудіенціи, я получилъ отъ великаго князя въ подарокъ триста рублей, будто бы за расходы по украшенію ложи, и брилліантовую булавку, а дочь моя Екатерина, въ настоящее время играющая въ провинціи подъ фамиліей Вѣльской, большую золотую брошь, украшенную опалами, изумрудами и брилліантами...

Въ Самарѣ, когда она еще была уѣзднымъ городомъ, служилъ у меня на роляхъ простаковъ юный, хорошенькій, румяный актеръ Б., тогда только начинавшій свою театральную дѣятельность. Нельзя было назвать его даровитымъ исполнителемъ, но и не возможно было отказать ему въ способности къ лицедѣйствію; онъ былъ что называется полезностью: ролей не портилъ, но не въ силахъ былъ и выдвигать ихъ. Онъ отличался шаловливою натурою и однажды передъ началомъ водевиля «Школьный учитель», въ которомъ я игралъ учителя, а онъ одного изъ учениковъ, я слу-

чайно услыхалъ его разговоръ съ товарищемъ. Онъ говорилъ, что пошутить сегодня со мной на сценѣ и сорветъ съ меня парикъ. Я приготовился къ этому и замѣтилъ, что Б. подкрадывается ко мнѣ сзади, съ очевидною цѣлью привести въ исполненіе свою шутку. Только-что онъ протянулъ руку къ моей головѣ, какъ я неожиданно для него, схватилъ его за ухо и подвергъ школьному наказанію, но уже вовсе не театральнымъ манеромъ. Б. сильно разгнѣвался за это и отомстилъ мнѣ совершенно по-мальчишески, воткнувъ въ мой стулъ булавку остриемъ вверхъ. По окончаніи спектакля я сдѣлалъ ему приличное случаю замѣчаніе; онъ на него обидѣлся и до конца сезона старался держаться въ натянутыхъ со мной отношеніяхъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ напросился на службу ко мнѣ въ Кострому, когда я тамъ антрепренерствовалъ.

— А шалить со старшими привычку бросилъ? — спросилъ я его.

— Помилуйте, Николай Ивановичъ,—скромно отвѣтилъ онъ,—тогда я былъ совершенный мальчишка, а теперь...

— Взрослый?

— Какъ видите...

— А можетъ быть у тебя теперь и шутки возмужалы? У тебя былъ всегда дурной характеръ...

— Теперь ужъ я не тотъ!—отвѣтилъ онъ словами Горича изъ «Горе отъ ума»...

Я нехотя взялъ его, точно предчувствуя оправданіе своихъ подозрѣній, и, по истеченіи небольшого времени, оказался правымъ въ своемъ мнѣніи.

Въ срединѣ сезона, Б. показываетъ мнѣ письмо, полученное имъ изъ Петербурга отъ одного изъ многозначущихъ лицъ при театральной дирекціи, въ которомъ намеками предлагались услуги къ устройству его на казенную сцену, за чтò требовалось только для какихъ-то «необходимыхъ мелкихъ расходовъ» пятьсотъ рублей.

— Ну, и что же?—спросилъ я его.—Пошлешь деньги?

— Послалъ бы,—отвѣтилъ онъ печальнымъ тономъ,—да гдѣ ихъ возьму? Развѣ вы мнѣ одолжите?

— У меня, самъ знаешь, свободной копѣйки нѣтъ...

— Бенефисъ мнѣ можете дать...

— Да вѣдь ты недавно его бралъ?!

Послѣ этого разговора онъ отправился къ костромскому губернатору Каменскому и, показавъ ему это письмо, просилъ ссудить его требуемой суммой подъ вексель, обѣщая выплатить весь долгъ немедленно по поступленіи на казенную службу. Губернаторъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе и, призвавъ меня къ себѣ, укорилъ за то, что я отказываюсь помочь ему устройствомъ бенефиса.

— Ваше превосходительство, давъ второй бенефисъ Б., я вынужденъ буду отказать въ таковомъ другому, у котораго не было ни одного, потому что всѣ бенефисные дни у меня уже распределены.

— Ну, другому-то не такъ важны деньги, какъ ему... У него карьера, вся жизнь зависитъ отъ какихъ-нибудь пятисотъ рублей... такъ что я совѣтую вамъ непременно устроить для него все зависящее отъ васъ...

Дѣлать было нечего — пришлось удѣлить одинъ изъ дней для бенефиса Б., который состоялся при полномъ сборѣ, благодаря содѣйствию мѣстныхъ властей, мусировавшихъ благотворительность. По обычному условію, за вычетомъ вечеровыхъ расходовъ, весь сборъ поступаетъ въ дѣлежъ по равной части между антрепренеромъ и бенефициантомъ, и подобная бенефисная система имѣеть въ провинціи особое названіе «половинки».

Б., не дождавшись окончанія спектакля, когда мы должны были приступить къ раздѣлу, въ одномъ изъ антрактовъ явился въ кассу и выманилъ обманнымъ образомъ у кассира весь сборъ, съ которымъ тотчасъ же и скрылся изъ Костромы. Объ этомъ былъ составленъ протоколъ, но такъ какъ обвиняемаго на лицо не было, то и дѣло это кануло въ лету.

— Вотъ, ваше превосходительство, вашъ протеже какъ зарекомендовалъ себя! — сказалъ я Каменскому при первой же встрѣчѣ, вскорѣ послѣ этого происшествія.

— Ну, ктожъ зналъ, что онъ такой пройдоха! — разочарованно произнесъ губернаторъ. — Я думалъ, что и въ самомъ дѣлѣ у него имѣется въ виду нѣчто положительное, вѣчный кусокъ хлѣба... Въ чужую душу не влѣзешь, въ особенности же въ актерскую...

Послѣ этого прошло много лѣтъ. О Б. я слышалъ, что изъ Костромы онъ явился въ Петербургъ и съ помощью «благодарности» пристроился на казенную сцену...

Я не думалъ, чтобы послѣ костромской исторіи онъ не постѣснялся встрѣтиться со мной; по простотѣ своей я предполагалъ, что, завидя меня, онъ сочтетъ за лучшее перебѣжать на другую сторону, но... онъ оказался не изъ таковыхъ...

Очень смѣло и развязно отъявляется онъ ко мнѣ въ Тверь, когда я хозяйничалъ въ мѣстномъ театрѣ, и гордо рекомендуетъ себя «артистомъ Петербургскихъ театровъ».

— Что вамъ отъ меня угодно? — сухо спросилъ его я.

— Сейчасъ я свободенъ — дайте мнѣ прогастролировать у васъ... Мои условія самыя удобныя: девять спектаклей играю я даромъ, а съ десятаго, названнаго моимъ бенефисомъ, сборъ поступаетъ всецѣло, безъ какихъ-бы то ни было вычетовъ, мнѣ...

— У меня труппа полная, дѣла идутъ хорошо, такъ-что въ гастролерахъ я не нуждаюсь...

* «Истор. вѣстн.», декабрь, 1891 г., т. XLVI.

— Но въ какихъ гастролерахъ?!—важно воскликнулъ Б.—Вѣдь я не какой-нибудь, я артистъ и т. д.

— Вы не тотъ артистъ, который добываетъ себѣ лестное званіе артиста казенной сцены упорнымъ трудомъ и признаннымъ талантомъ,—отвѣтилъ я ему рѣзко,—а тотъ, который пробиваетъ себѣ дорогу крайнею развязностью...

Б. не дослушалъ меня и поѣхалъ къ губернатору, къ которому имѣлъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ. Губернаторъ призываетъ меня къ себѣ и говоритъ, что ему было бы желательно видѣть у меня на сценѣ Б. Я передалъ ему причины, по которымъ всякія отношенія съ Б. были для меня невыслымы.

— Но онъ такъ добивается этихъ гастролей въ Твери и за него такъ убѣдительно просятъ, что я пообѣщаль ему непременно уговорить васъ сойтись съ нимъ и согласиться на его, кажется, необременительныя условія.

— Но мнѣ лично онъ крайне антипатиченъ и его услугами, даже бесплатными, мнѣ воспользоваться нежелательно.

— Я понимаю васъ,—сказалъ губернаторъ,—но поборите въ себѣ враждебное чувство и дайте ему сыграть, этимъ вы обяжете меня.

Дѣлать было нечего, пришлось согласиться на его гастроль. Сейчасъ, по выходѣ анонса, въ городѣ сталъ циркулировать слухъ, что Б., мой личный врагъ, участвуетъ въ моемъ театрѣ противъ моего желанія, чуть ли не по приказанію губернатора. Этотъ слухъ сдѣлалъ то, что жители были вооружены противъ гастролера и, собравшись на первый же спектакль въ большомъ количествѣ, встрѣтили его дружнымъ шиканьемъ и свистомъ.

— Это ваши штуки!—сказалъ мнѣ ничуть не смущенный Б., выйдя за кулисы.

И этотъ незаслуженный укоръ, и эта демонстрація (относившаяся исключительно, какъ оказалось потомъ, къ губернатору) смутили меня до крайности, и я не зналъ, что сдѣлать съ бушевавшей толпой, такъ необдуманно вступавшей за стараго своего антрепренера. Б. попробовалъ было еще разъ выйти, но его опять встрѣтили шиканьемъ, тѣмъ не менѣе онъ началъ свою роль, думая силою своего дарованія заставить зрителей раскаяться въ преждевременномъ сужденіи объ его персонѣ; но публика была неумолима—каждый его выходъ сопровождался гробовымъ молчаніемъ, а лучшія мѣста роли приправлялись шипѣньемъ.

На другой же день Б. исчезъ изъ Твери, оставивъ на мое имя коротенькую записку, въ которой говорилось: «Положимъ, виноватъ я передъ вами, но зачѣмъ же такъ безчеловѣчно мстить».

Этотъ укоръ былъ несправедливъ, обидно несправедливъ. Я повторяю и теперь, на склонѣ дней своихъ,—весь этотъ протестъ публики былъ для меня такъ же неожиданъ, какъ и для Б. Не только я не принималъ въ немъ участія, но даже не подозрѣвалъ его...

XIII.

Сынъ мой Григорій.—Д. А. Славянскій.—Мое путешествіе съ нимъ по Россіи и за границей.—Заключеніе.

Самый младшій сынъ мой, Григорій, съ малолѣтства отличался блестящими музыкальными способностями; онъ самоучкою дошелъ до игры на роялѣ, скрипкѣ, виолончелѣ и друг. инструментахъ. Съ двѣнадцати лѣтъ онъ былъ солистомъ въ театральныхъ оркестрахъ, а съ шестнадцати—самостоятельнымъ капельмейстеромъ. Въ настоящее время, имѣя двадцать второй годъ отъ роду, онъ является организаторомъ и управителемъ «Русской пѣвческой капеллы», дающей свои концерты на подмосткахъ петербургскихъ частныхъ сценъ. Вся печать отзывается объ его концертахъ крайне лестно и это безгранично радуешь меня.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отъ кого-то узналъ Дмитрій Александровичъ Славянскій про выдающіяся способности моего сына и упросилъ меня отпустить его къ нему на должность хормейстера. Первоначально я отклонилъ это предложеніе, мотивируя малолѣтствомъ Григорія, отрывать котораго отъ себя было жаль и боязно, но потомъ, когда Славянскій пригласилъ и меня на службу въ свою капеллу, единственно кажется для того, чтобы я могъ не разставаться съ сыномъ, то пришлось сдаться на его увѣщанія и провести нѣсколько лѣтъ въ странствованіяхъ по-бѣлу свѣту. Я при капеллѣ занялъ роль передового, очень важную во всѣхъ артистическихъ путешествіяхъ. На обязанности передового лежитъ устройство концертовъ, начиная съ найма зала или театра и кончая продажей билетовъ. Обыкновенно передовой пріѣзжаетъ за нѣсколько дней раньше капеллы въ тотъ городъ, въ которомъ долженъ быть концертъ и, устроивъ все, отправляется дальше, въ другомъ городѣ продѣлываетъ то же и опять дальше, а по его слѣду ѣдетъ капелла.

Д. А. Славянскій доводится мнѣ старымъ знакомымъ. Въ бытность мою, первый разъ тверскимъ антрепренеромъ, онъ принималъ участіе въ дивертисментахъ, даваемыхъ въ то время часто вмѣсто водевиля. Онъ былъ тогда очень молоденькимъ, стройнымъ юнкеромъ, его теноръ чрезвычайно нравился публикѣ и онъ пользовался солиднымъ успѣхомъ. По выходѣ изъ военной службы, посвятивъ себя театру, и главнымъ образомъ пѣнію, онъ игралъ у меня въ Пензѣ и Самарѣ. Его излюбленною ролью былъ Торопка въ «Аскольдовой могилѣ» и Иванъ въ водевилѣ «Анютинныя глазки». Актеромъ онъ былъ очень недурнымъ, не говоря уже объ его симпатичномъ пѣніи, и публика относилась къ нему чрезвычайно радушно...

Вскорѣ по вступленіи въ его капеллу, сынъ занялъ въ ней выдающійся постъ учителя пѣнія. У Дмитрія Александровича зародилась гуманная идея приучить каждого своего пѣвчаго къ какому-

нибудь оркестровому инструменту, дабы онъ, по потерѣ, голоса не оказался совершенно лишеннымъ куска хлѣба. Кромѣ того, музыкальныя упражненія должны были способствовать большому развитію слуха. Мой сынъ съ терпѣливой энергіей принялся за этотъ трудъ и въ короткое время образовалъ изъ пѣвчихъ довольно недурной оркестръ.

Съ капеллой Славянскаго я объѣхалъ почти всю Россію, побывалъ въ Германіи, Франціи и Англии. Во многихъ городахъ, особенно въ волжскихъ, я встрѣчалъ много старыхъ знакомыхъ своихъ и эти встрѣчи доставляли мнѣ истинное наслажденіе; они напоминали мнѣ минувшіе дни моей кипучей антрепренерской дѣятельности, моего неустаннаго труда. Меня радушно встрѣчали начальствующія лица, къ которымъ приходилось обращаться по разнымъ обстоятельствамъ при устройствѣ концертовъ, и весело вспоминали о «нашемъ старинномъ знакомствѣ». И что же оказывалось? Они знавали меня еще дѣтьми, а ихъ родители со мною дружили нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Называйте это какъ угодно, хоть наивностью, хоть сентиментальностью, но это такъ мило сердцу, такъ пріятно, такъ симпатично самолюбію. Нужно быть непремѣнно старикомъ, чтобы понять всю эту прелесть...

Иностранныя земли не произвели на меня того чарующаго впечатлѣнія, которое выносятъ обыкновенно всѣ туристы. Впрочемъ, это можетъ быть потому, что я посѣтилъ ихъ сѣдовласымъ старцемъ, а не юношей, который обладаетъ по понятной причинѣ большимъ воображеніемъ, меньшею разсудительностью и никакимъ умѣньемъ сравнивать и сопоставлять. Я пожилъ — и мнѣ чужая краюшка хлѣба не вкуснѣе собственной...

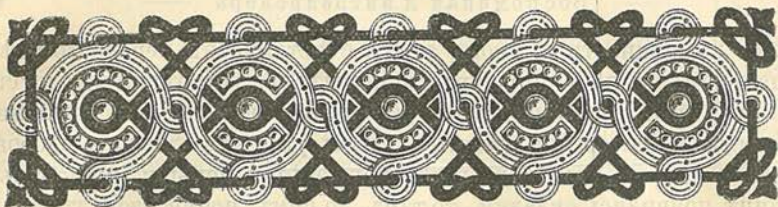
Вотъ все, что уцѣлѣло въ моей памяти. За неполноту, отрывочность и за невольныя погрѣшности, если только таковыя встрѣтятся, еще разъ прошу прощенія. Въ заключеніе не могу обойти молчаніемъ результата моей полувѣковой дѣятельности за кулисами провинціального театра. Какъ вступилъ я на сцену ни съ чѣмъ, такъ и сошелъ съ нея безъ всего. Почти одно и то же, но между тѣмъ разница безъ мѣры. Вступалъ я молодымъ, съ розовыми надеждами на настоящее, мало заботясь о будущемъ и совсѣмъ не думая о перспективѣ старости. Для юноши, полного силъ и энергіи, нужда и недостатки ничо чемъ, онъ смотритъ на нихъ съ насмѣшливой улыбкой, въ полной увѣренности восторжествовать надъ ними, а старикъ падаетъ отъ ихъ назойливаго взгляда, для него нѣтъ ни борьбы, ни исхода. Нѣтъ ничего хуже, мучительнѣе, обиднѣе, какъ сознаніе своей немощи. Не я одинъ изъ актеровъ дожилъ до старости, доживали и другіе, и всѣ поголовно влачили незавидное прозябаніе въ смыслѣ матеріальныхъ средствъ, ибо не было примѣра, чтобы актеръ могъ обезпечить свою старость. Изъ чего? Когда? Пріятное исключеніе составляютъ служители казенныхъ театровъ,

но ихъ въ сущности немного, этихъ счастливицевъ перечесть можно по пальцамъ; а провинціальныхъ лицедѣевъ, устарѣвшихъ, не способныхъ, безъ крова и хлѣба, разбросано по Россіи безчисленное множество... Актерская участь — самая ужасная: молодь, здоровь, веселье — лавры, оваціи до головокруженія и деньги; чуть только на лицѣ появились складки, то тамъ, то сямъ, почувствовалъ боль — оказываешься лишнимъ, дармоѣдомъ, на твое мѣсто есть такой же претендентъ, какимъ и ты былъ прежде, тоже въ свою очередь кого-то замѣнившій, молодой, здоровый, веселый. Видя цыганскую жизнь, придавая легко доставшимся деньгамъ малое значеніе, въ вихрѣ вѣчно свѣжихъ впечатлѣній не представляя себѣ старости, — ты ничего не сохранилъ. Ты сошелъ съ театральныхъ подмостковъ на рыхлую почву и въ первый разъ задумался: «мнѣ нуженъ сухой уголь и кусокъ хлѣба!» Мимо тебя пробѣжалъ твой бывший поклонникъ и не узналъ тебя: при дневномъ свѣтѣ и въ житейской обстановкѣ ты совсѣмъ не тотъ, что при газовомъ освѣщеніи и въ мишурномъ блескѣ театрального тряпья. Первая мысль, осѣняющая тебя, безъ сомнѣнія: «работать!» Но на какую работу ты способенъ? Чему ты учился?...

Это тяжелые вопросы, наводящіе на серьезные размышленія. И пусть бы каждый, чье сердце рвется за рампу, кто хочетъ сложить свою жизнь на алтарь искусства, призадумался о завтрашнемъ днѣ, и можно быть увѣреннымъ, что хоть десятая часть спасется. Дайте мнѣ этихъ благоразумныхъ людей, и я преклонюсь предъ ними своей сѣдой головой!...

Н. Ивановъ.

ОСТРОУМНО.

(Разсказъ).

I.

ЛАВА БОГУ, все обошлось благополучно. Гроза пронеслась, не оставивъ никакихъ зловредныхъ слѣдовъ. Всѣ остались на своихъ мѣстахъ и въ прежнихъ званіяхъ. Можетъ быть, потомъ придетъ что-нибудь неожиданное, въ родѣ замѣчанія или выговора, или даже перемѣненія, но по всѣмъ видимостямъ ничего подобнаго не предвидится. По крайней мѣрѣ архіерей все время, что провелъ онъ въ Токмакахъ, былъ въ добромъ духѣ, никого не бранилъ и ни за что не сердился и ко всему приговаривалъ: «Благо, благо!» А это означало, что онъ доволенъ. Были, конечно, грѣхи, ибо за всѣмъ не услѣдишь и всего не предусмотрить.

Но, однако, все сошло вполне благополучно, и когда архіерей уѣхалъ изъ Токмакскихъ предѣловъ, діаконъ Стефанъ Ревущій, отъ природы человѣкъ легкой, не взирая на свой санъ и свое семейное положеніе (ибо онъ былъ отецъ семерыхъ дѣтей), всенародно трижды подпрыгнулъ на мѣстѣ и воскликнулъ: «Вотъ ужъ по-истинѣ благо!»

Однакожь все это нисколько не относится къ дѣлу. А дѣло-то самое въ томъ, что была вторая половина августа, т. е. такое время, когда хуторяне уже до половины засыпали свои засѣки

зерномъ. И давно уже звали діакона Стефана Ревущаго хуторяне «ильновать» къ нимъ. Приѣзжайте, да приѣзжайте, о. Стефанъ! А гдѣ тутъ поѣхать, когда со дня на день ждали архіерея. Архіерей давно уже ѣздилъ по епархіи и такой у него былъ обычай, чтобъ никакого маршрута не назначать. Такимъ образомъ въ иныхъ уголкахъ духовныя лица два мѣсяца трепетали, и случалось, что и напрасно. О. Стефанъ ѣздилъ къ хуторянамъ ежегодно въ началѣ августа. Этимъ, собственно говоря, онъ и кормилъ всю зиму семью. Приходъ Токмакскій былъ изъ плохенькихъ, да, къ тому же, еще коренные прихожане не отличались благочестіемъ. Другое дѣло — хуторяне. Народъ это былъ богатый, гостепріимный. Поѣдешь къ нимъ всего съ однимъ ведромъ водки, а они тебѣ на-таскають такую кучу хлѣба, что въ пять возовъ не умѣстишь. Такой народъ и таковъ обычай.

И вотъ именно въ тотъ день, когда благополучно отъѣхалъ архіерей, о. Стефанъ сказалъ своей женѣ:

— Пошли къ Исайкѣ за ведромъ водки! Завтра ранехонько на хутора ильновать поѣду. Исайкѣ сказать, чтобы въ долгъ отпустилъ, потому денегъ ни гроша нѣтъ. Къ архіерею готовился, — новую рясу справилъ и сапоги купилъ. Всѣ деньги извелъ!

Такъ и было сдѣлано. Исайка, разумѣется, отпустилъ водку въ долгъ, потому что онъ питалъ уваженіе къ духовнымъ особамъ. А на другой день, раньше солнечнаго восхода, о. Стефанъ уже трясся въ своей телѣжкѣ, имѣя въ передкѣ ведерный боченокъ съ водкой, прикрытый сверху для приличія сѣномъ. Захватилъ онъ еще съ собой старшаго сына, двѣнадцатилѣтняго Дмитрія, уже обучавшагося въ духовномъ училищѣ и потому называвшагося не иначе, какъ «студентомъ». Дмитрію надняхъ предстояло ѣхать въ школу, такъ какъ каникулы кончались; въ виду этого ему было позволено сопровождать отца.

Хутора отстояли отъ Токмакъ всего верстахъ въ двѣнадцать. Была въ нихъ дюжина хатъ, а населеніе состояло изъ мѣщанъ, выселившихся изъ города. Все — арендаторы, народъ хлѣбный и гостепріимный. О. Стефанъ даже и не думалъ о томъ, къ которой изъ двѣнадцати хатъ онъ подѣдетъ и чѣмъ гостепріимствомъ воспользуется. Это было рѣшительно все равно. Всѣ хуторяне въ одинаковой степени жаловали его, всѣ по воскресеньямъ, когда приѣзжали къ обѣднѣ, заходили къ нему запросто, пили чай и закусывали, и всѣ въ одинъ голосъ говорили:

— Да когда же вы къ намъ, о. Стефанъ, пожалуете? Ужъ мы ждемъ не дождемся!..

Поэтому о. Стефанъ сошелъ съ телѣги около той хаты, гдѣ случайно остановилась лошадь. Сошелъ онъ и сказалъ сыну:

— Ну, студентъ, слѣзай, да помогай батькѣ лошадь распречь!

«Студентъ» соскочилъ съ телѣги и, несмотря на свой малый ростъ, принялся дѣятельно развязывать черезсѣдельникъ и отпускатъ супонь. Только тогда, когда лошадь была выпряжена, о. Стефанъ оглядѣлся и спросилъ:

— Да чья же это будетъ хата?—и сейчасъ же самъ себѣ отвѣтилъ: — а, это хата Панченка; вотъ, можно сказать, сама судьба къ тезкѣ опредѣлила!.. Э, да вонъ самъ Степанъ Григорьевичъ. Солнце уже вонъ сколько поднялось, а вы еще только глаза протираете...

Степанъ Григорьевичъ вышелъ изъ хаты. Онъ былъ въ жилеткѣ безъ пиджака, въ суконныхъ брюкахъ и въ ботинкахъ; вообще хуторяне, помнившіе еще городскія привычки и считавшіе себя существами высшими по отношенію къ крестьянамъ, имѣли и въ одеждѣ склонность къ городскимъ фасонамъ. Въ полевыхъ работахъ это было неудобно, но хуторяне, за немногими исключеніями, предпочитали терпѣть эти неудобства, чѣмъ лишиться привилегіи носить длинные штаны на выпускъ, ботинки, жилеты, пиджаки и фуражки.

Степанъ Григорьевичъ улыбался на шутливый укоръ о. Стефана и даже не почелъ нужнымъ возразить, что въ дѣйствительности онъ, какъ и весь хуторъ, поднялся раньше солнца и успѣлъ уже обойти пять десятинъ картофеля и баштанъ и надѣлать множество другихъ дѣлъ, а теперь вернулся домой для «сниданка».

— Отъ хорошо сдѣлали, что пріѣхали!—сказалъ онъ, пожимая своей корявой, увѣсистой рукой слабенькую руку о. Стефана.—И школьника привезли!

— Наприсялся! присталъ, никакъ отвязаться не могъ!

Степанъ Григорьевичъ взялъ въ свое вѣдѣнье телѣгу и лошадь о. Стефана, перемѣстивъ ихъ туда, гдѣ, по его мнѣнію, имъ было удобнѣе, далъ лошади зерна и пригласилъ гостей въ хату.

— Я думаю, веѣ на работѣ?—спросилъ о. Стефанъ.

— Да это что! Работа — работой, а расположеніе — расположеніемъ! Эге, да тутъ боченочекъ притаился! Ого-го! Ведерко! Ишь ты, лежить, да помалчиваетъ! Это претлично! Ну, чего даромъ на солнцѣ печься, пойдѣмъ-ка въ хату!

И онъ ладонью какъ-то необыкновенно искусно взялъ боченочекъ и, какъ какой-нибудь полштофъ, одной рукой понесъ его въ хату. Степанъ Григорьевичъ смотрѣлъ здоровякомъ, человѣкомъ громадной силы, имѣлъ три аршина росту и широкую кость.

Въ хатѣ оказалась жена его, какая-то свояченица, масса дѣтей и взрослой родни. Хата была помѣстительнѣе обыкновенной мужицкой хаты, да и въ обстановкѣ было кое-что, изобличавшее городское происхожденіе хозяевъ. Кровать съ множествомъ подушекъ не красовалась на первомъ планѣ, а была углублена въ темное пространство между высокой печкой и стѣнкой, такъ что видна была только часть ея. Образа не были прибиты къ стѣнѣ въ углу, а стояли на угольникѣ, сдѣланномъ шкафчикомъ. Весь простѣнокъ между окнами былъ залѣпленъ фотографіями, между которыми была карточка самого Степана Григорьевича съ женой, о. Стефана и другихъ духовныхъ особъ изъ Токмакъ и изъ города. вмѣсто лавокъ были стулья деревянные, твердые и аляповатые, окрашенные въ желтый цвѣтъ съ коричневой отдѣлкой.

Самъ Степанъ Григорьевичъ сейчасъ же отправился по хатамъ звать земляковъ въ гости.

— Пожалуйте къ намъ, — говорилъ онъ, — на о. Стефана изъ Токмакъ, пожалуйста!

— А, на о. Стефана? Это дѣло! Сейчасъ будемъ! — отвѣчали сосѣди и, прежде чѣмъ одѣтъ пиджаки и причесаться, шли въ за-сѣдку и приготовляли мѣшки, насыпая въ нихъ всякаго зерна и картофеля, и рѣдки, и всякой огородины. Для хуторянъ это было что-то въ родѣ праздника; когда они дарили полные мѣшки излюбленнымъ духовнымъ лицамъ, они чувствовали себя такъ, какъ будто сами получали подарки. Но за то и не было большого оскорбленія, какъ если бы кто вздумалъ отказаться отъ дара.

Хата Степана Григорьевича очень скоро наполнилась хуторянами, которые пришли съ своими женами и очень степенно сѣли за столъ; въ хатѣ была тѣснота и духота невообразимая, но благовоспитанные хуторяне дѣлали видъ, что чувствуютъ себя отмѣнно и что имъ какъ разъ въ пору. Мужчины были въ толстыхъ суконныхъ пиджакахъ, а дамы повязали головы шерстяными платками. Потъ градомъ катился съ тѣхъ и другихъ, но приличіе и хорошій хуторянской тонъ требовали въ присутствіи духовнаго лица полного костюма.

Водка изъ ведернаго боченка переливалась въ полштофъ, который только на одну минуту появлялся на столѣ и затѣмъ исчезалъ для новаго наполненія. Въ искусствѣ пить водку хуторяне оставляли крестьянъ далеко позади себя. Мужикъ съ пятой рюмки уже пьянѣетъ и начинаетъ нести околесину, а хуторянину иному цѣлый полштофъ нипочемъ и только при началѣ второго въ глазахъ у него начинается двоиться. Но о. Стефанъ въ этомъ отно-

шеніи болѣе примыкалъ къ крестьянскому элементу. Онъ очень скоро сталъ видѣть предметы въ превратномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что ему, какъ виновнику торжества, было обязательно чокнуться и выпить со всякимъ. Поэтому онъ первый нарушилъ требованія хорошаго хуторянскаго тона. Онъ нарушилъ ихъ уже тѣмъ, что растегнулъ кафтанъ, такъ что всѣмъ присутствующимъ была видна его рубашка съ вышитой грудью. Но этого оказалось мало, и онъ прямо сказалъ:

— Охъ, Господи! Вотъ ежели бы кафтанъ снять!

— Да сдѣлайте одолженіе, о. Стефанъ! Даже съ удовольствіемъ!— отвѣтили въ одинъ голосъ хозяева и гости:—а мы пиджаки скинемъ!

И тутъ произошло общее разоблаченіе. О. Стефанъ скинулъ кафтанъ, хуторяне пиджаки, а хуторянки платки, и всѣмъ стало легче.

Но по мѣрѣ того, какъ полштофъ появлялся и исчезалъ для того, чтобы опять появиться, а на блюдахъ, мискахъ и тарелкахъ уменьшались ховяйскіе пироги, рыбцы, вареная баранина и т. п. яства, публика отяжелела и опять-таки о. Стефанъ первый запросилъ облегченія.

— А нѣтъ ли у васъ гдѣ-нибудь тѣни?—спросилъ онъ:—на свѣжій бы воздухъ перебраться!

И это было принято съ удовольствіемъ, потому что соответствовало общему желанію. Тѣнь оказалась позади хаты; здѣсь на землѣ была разостлана скатерть, принесены скамеечки и для замѣны ихъ полѣна и большіе камни, и пиршество продолжалось подъ открытымъ небомъ.

Нечего и прибавлять, что боченокъ, привезенный о. Стефаномъ, давнымъ-давно уже опустѣлъ и на скатерти появилась хуторская водка, отчасти городскаго происхожденія, отчасти разлива все того же Исайки Токмаковского, у котораго забирали хуторяне. Компанія душъ въ тридцать, состоявшая изъ стариковъ, молодыхъ хозяевъ и бабъ, представляла довольно живописную картину, оживляемую камышевымъ заборомъ сосѣдней хаты. Разговоры велись теперь очень громко, въ иныхъ уголкахъ пробовали заводить пѣсню, это подмывало другихъ и вдругъ пѣсня какъ-то сама собой наладилась и огласила хуторъ съ окрестностями. Пѣніе было звонкое, раскатистое, хотя не стройное. Пѣли «Грыця», очень печальнаго и заунывнаго Грыця, и чувствительныя хуторянки то-и-дѣло вытирали передниками слезы.

И надъ всѣми голосами и выше ихъ всѣхъ звучалъ тонкій те-

норь о. Стефана Ревущаго, фамилія котораго очень мало подходила къ его голосу, и было бы гораздо справедливѣе, если бы его прозывали, на примѣръ, Вопіющимъ.

Въ то время, какъ хуторянскій праздникъ дошелъ до высшей точки своего развитія и о. Стефанъ имѣлъ уже по крайней мѣрѣ на шесть воевъ опредѣленныхъ обѣщаній, произошло обстоятельство, котораго никто не ожидалъ.

II.

Это было совершенно вѣрно, что архіерей, найдя вчера все въ Токмакахъ въ полной исправности, поѣхалъ дальше, т. е. въ Чимбаровку, а изъ Чимбаровки предполагалъ отправиться на Малые Косяки и т. д. Но надо же было такъ случиться, что какъ разъ въ это время въ городѣ внезапно умеръ губернаторъ, о чемъ архіерею сообщили телеграфомъ. Архіерей уважалъ губернатора, а губернаторъ уважалъ архіерея, поэтому похороны перваго въ губерніи гражданскаго лица никакъ не могли обойтись безъ перваго въ губерніи духовнаго лица. Архіерею оставалось одно: бросить свой маршрутъ и ѣхать обратно въ губернскій городъ и притомъ избравъ для этого самый краткій путь. А краткій этотъ путь и лежалъ какъ разъ черезъ хутора.

Было уже часовъ одиннадцать дня, когда архіерейская карета, запряженная четверкой почтовыхъ лошадей, перерѣзывала хуторъ, проѣзжая неподалеку отъ хаты Степана Григорьевича. Въ каретѣ сидѣлъ архіерей и съ нимъ соборный священникъ и благочинный, молодой и очень ученый академикъ, архіерейскій любимецъ. Рядомъ съ кучеромъ помѣщался келейникъ — безусый паренекъ въ короткомъ кафтанѣ съ ременнымъ поясомъ и съ кудрявыми длинными русыми волосами. Свита архіерейская, состоявшая изъ протодіакона, иподіаконовъ и пѣвчихъ, значительно поотстала.

Проѣзжая хуторомъ, кучеръ попридержалъ лошадей. Архіерей хотѣлъ изъ окна кареты осмотрѣть хуторъ. Въ это время до его ушей долетѣла пѣсня, исполнявшаяся хуторянскимъ хоромъ. Ничего не могъ разобрать архіерей изъ того, что пѣли хуторяне послѣ очищенія ведернаго боченка и многихъ полштофовъ, но вниманіе его обратилъ на себя очень высокій и звучный теноръ, какого, пожалуй, не было и въ его хорѣ. У архіерея было пристрастіе къ высокимъ тенорамъ и онъ сказалъ келейнику:

— Поѣзжай туда, гдѣ поютъ!

Карета медленно направилась къ хатѣ Степана Григорьевича.

И вотъ именно въ тотъ моментъ, когда о. Стефанъ, выразительно закативъ глаза подъ лобъ, съ самымъ искреннимъ чувствомъ выводилъ вмѣстѣ съ другими членами компаніи послѣдній куплетъ «Грыця»:

«А въ неділю ра-а-а-но маты дочку би-п-и-ла:

«За що-жъ ты, до-о-о-ню, Грыця у-троила?...»

Въ этотъ самый моментъ карета остановилась. Хуторяне мгновенно прекратили пѣніе и съ величайшимъ недоумѣніемъ смотрѣли то другъ на друга, то на неожиданное явленіе, которое съ пьяныхъ глазъ готовы были счесть за привидѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ стоялъ хуторъ, — а были здѣсь старики, помнившіе, какъ была построена первая хата, — никогда въ этихъ мѣстахъ не появлялось еще такого богатаго экипажа. Многіе сдѣлали попытку встать и подойти ближе, но это не сразу удалось имъ. Потерявъ надежду догадаться, хуторяне обратили вопросительные взоры на о. Стефана, какъ на человѣка образованнаго и выдавашаго всякіе виды. Положеніе же о. Стефана было совсѣмъ особенное.

Въ первое мгновеніе онъ и самъ ничего не понималъ. Съ одной стороны — архіерей мѣнялъ лошадей на каждой почтовой станціи, а кареты всѣ одинаковы, съ другой же стороны глаза его отдѣлялись отъ всякаго подлежащаго предмета довольно густымъ туманомъ. Но когда келейникъ соскочилъ на землю и, тряхнувъ своими кудрями, раскрылъ дверцу кареты, а внутри экипажа обнаружилось какое-то движеніе, онъ вдругъ понялъ страшную истину и обомлѣлъ.

Прежде всего онъ былъ безъ рясы и даже безъ кафтана — въ такомъ большомъ обществѣ, въ обществѣ своихъ прихожанъ, среди которыхъ были бабы. Это было неприлично и соблазнительно. И затѣмъ — и это самое главное — онъ былъ пьянъ, это было для него ясно, какъ день, и не подлежало никакому сомнѣнію. Между тѣмъ движеніе внутри экипажа усилилось и вотъ изъ него вышелъ молодой благочинный, а затѣмъ, поддерживаемый келейникомъ подъ руку, — самъ архіерей. О. Стефанъ видѣлъ, что они дѣлали шаги по направленію къ компаніи и его начала трясти лихорадка. Первой мыслью его было — удрать за уголь хаты, и это, конечно, было бы самое разумное, но какъ-то въ удобный моментъ у него не хватило на это рѣшимости, а когда рѣшимость явилась, время было уже потеряно, — архіерей подходилъ къ компаніи.

— Миръ вамъ, православные христіане! — сказалъ архіерей, обращаясь ко всѣмъ.

Келейникъ успѣлъ въ это время шепнуть одному изъ хуторянъ: «это архіерей», но и безъ этого важный и почтенный видъ пріѣзжаго, сѣдая борода, клубукъ съ длинной мантией, три креста на груди и шелковая темно-зеленая ряса — произвели должное впечатлѣніе, и хуторяне, сдѣлавъ огромное усиліе, встали и старались выдержать равновѣсіе.

— Что это у васъ, праздникъ?—продолжалъ архіерей.

Хуторяне молчали, такъ какъ никто изъ нихъ не надѣялся на твердость своего языка.

— Должно быть, імянины справляли! — предположилъ благочинный.

— А какая это пѣсня, что вы пѣли?

— Это «грыць», ваше высокопреосвященствіе!—рѣшился, наконецъ, сказать одинъ хуторянинъ, изъ молодыхъ хозяевъ, сосѣдь Степана Григорьевича.

— А кто это у васъ тутъ такимъ высокимъ голосомъ поетъ? Хорошій голосъ!..—спрашивалъ архіерей.

О. Стефанъ стоялъ на самомъ заднемъ планѣ. Впереди его стояли одинъ за другимъ четыре хуторянина и одна хуторянка и онъ считалъ себя достаточно защищеннымъ этими пятью почтенными спинами. Онъ разсуждалъ въ томъ смыслѣ, что, будучи безъ рясы и кафтана, онъ по костюму мало чѣмъ отличался отъ хуторянъ, которые то же были безъ пиджаковъ, а иные и безъ жилетовъ. Одно только смущало его, это длинные волосы, которые онъ для удобства собралъ и заплелъ въ косичку. Но тутъ онъ рассчитывалъ на то обстоятельство, что архіерейскій глазъ не можетъ достигнуть его затылка.

Но когда архіерей спросилъ о высокомъ голосѣ, онъ дрогнулъ. Чувствуя близость величайшей опасности, какая только представлялась въ его жизни, онъ движеніемъ рукъ и всѣми мускулами своего лица началъ дѣлать выразительные знаки хуторянамъ въ томъ смыслѣ, чтобъ они ни за что, ни въ какомъ случаѣ, не выдавали его. Но то, что до этой минуты служило ему спасеніемъ, казалось, теперь должно было погубить его. Бѣда была въ томъ, что онъ стоялъ позади всѣхъ и рѣшительно никто не видѣлъ его жестовъ и знаковъ.

Хуторяне не сразу сообразили, кто собственно у нихъ пѣлъ высокимъ голосомъ. Они всѣ усердно орали и каждому казалось, что онъ выше уже не можетъ взять. Поэтому они промолчали. Архіерей повторилъ вопросъ:

— Я желалъ бы знать, кто изъ васъ обладаетъ такимъ прекраснымъ, высокимъ теноромъ?

Это было другое дѣло. Всѣмъ было извѣстно, что о. Стефанъ обладаетъ именно прекраснымъ, высокимъ теноромъ, онъ и самъ объ этомъ часто говорилъ, и прихожане гордились этимъ. Отчасти, желая похвастаться передъ такимъ важнымъ лицомъ, а съ другой стороны, можетъ быть, рассчитывая оказать услугу о. Стефану, одинъ хуторянинъ съ большой твердостью въ голосъ промолвилъ:

— А этожъ отецъ Стефанъ! Какъ же, это они!...

— Отецъ Стефанъ? Какой отецъ Стефанъ?—спросилъ архіерей, и глаза его заблестали.

Можно было замѣтить, что благочинный и келейникъ вдругъ поблѣднѣли, очевидно почувявъ катастрофу. Хуторянину, столь рѣшительно открывшему ужасную тайну, тоже показалось, что въ глазахъ архіерея явилось недоброе выраженіе и онъ хотѣлъ бы взять назадъ свои слова, но этого никакъ нельзя было сдѣлать.

— Какой у васъ тутъ есть о. Стефанъ?—уже съ раздраженіемъ спрашивалъ архіерей:—Кто же изъ васъ отецъ Стефанъ?

Тогда пять спивъ, защищавшихъ о. Стефана, подвинулись направо и глазамъ архіерея предсталъ діаконъ села Токмаки, о. Стефанъ Ревущій.

Но въ какомъ видѣ предсталъ онъ?

Діаконъ безъ рясы и кафтана, но съ косичкой на затылкѣ, діаконъ не твердо держащійся на ногахъ—въ обществѣ добрыхъ хуторянъ, его хорошихъ знакомыхъ, это ничего. Но такой же точно діаконъ, передъ лицомъ архіерея, это нѣчто ужасное. Лихорадка, которая била о. Стефана, когда онъ былъ защищенъ пятью непроницаемыми спинами, теперь его всего передергивала, что еще болѣе усиливало впечатлѣніе. Лицо о. Стефана было мертвенно-блѣдно, руки висѣли, какъ чужія.

— Такъ это ты, о. Стефанъ? а?—желчно и гнѣвно спросилъ архіерей.

Жертва только замахала головой, но не произнесла ни слова.

— Какой же ты отецъ, ежели ты въ такомъ видѣ? Гдѣ служишь?

О. Стефанъ все-таки молчалъ, но не потому молчалъ онъ, чтобъ не хотѣлъ объявить о мѣстѣ своего служенія, а просто—языка у него не было, да онъ чувствовалъ, что у него нѣтъ языка. Да и къ чему отвѣчать? Развѣ и такъ не все погибло? Передъ архіереемъ и въ такомъ видѣ...

— Гдѣ служишь?—съ усиленной строгостью повторилъ архіерей.

— Онъ въ Токмакахъ діакономъ состоитъ!—отвѣтилъ благочинный.

— Ага, въ Токмакахъ... Знаю... Помню, помню... А фамилія твоя какъ?

— Ревущій!..— произнесъ, наконецъ, о. Стефанъ тончайшимъ какъ бы выдвленнымъ изъ него голосомъ.

— Какъ?

— Ревущій!..—повторилъ онъ еще болѣе тонкимъ голосомъ.

— Экая нелѣпая фамилія! Запиши, однако, эту фамилію, отецъ благочинный... она мнѣ пригодится...

Сказавъ это, архіерей пошелъ обратно, сѣлъ въ карету, благочинный послѣдовалъ за нимъ, келейникъ вскочилъ на козлы и карета быстро умчалась.

Взоры хуторянъ обратились на о. Стефана. Онъ стоялъ нѣкоторое время какъ бы въ столбнякѣ, не перемѣняя позы, потомъ поднялъ правую руку и провелъ ею по глазамъ, а затѣмъ тою же самою рукой махнулъ, да съ такимъ отчаяньемъ, что хуторяне даже перепугались.

— Погубили!—съ глубокимъ укоромъ сказалъ о. Стефанъ, жалостно посмотрѣвъ на всѣхъ разомъ, а особенно на того хуторянина, который изъ излишняго усердія открылъ его инкогнито.

— Какъ есть—погубили! Однимъ словомъ!

И онъ быстро направился туда, гдѣ стояла его телѣжка и съ нервной поспѣшностью началъ готовить запряжку. Хмель весь разомъ вышелъ изъ него, осталась только тяжесть въ головѣ. Хуторяне пошли за нимъ и окружили его.

— Да ну-те, о. Стефанъ! Да что вы! Оставайтесь! Не дадимъ въ обиду! Вы же нашъ, а мы же ваши! А, ей-Богу, оставайтесь, о. Стефанъ!—говорили наперебой другъ передъ другомъ хуторяне, но о. Стефанъ какъ бы ничего не слышалъ и запрягалъ лошадь. Въ порывѣ доброжелательства Степанъ Григорьевичъ захотѣлъ употребить силу и вырвалъ у него изъ рукъ хомутъ.

— Оставьте, прошу васъ, Степанъ Григорьевичъ!—сказалъ о. Стефанъ глубоко серьезнымъ и недопускатившимъ возраженія тономъ:—я такихъ шутокъ не люблю!..

И Степанъ Григорьевичъ оставилъ, а подавленные этимъ тономъ хуторяне стояли и съ болію въ сердцахъ смотрѣли, какъ токмакскій гость вдѣвалъ возжи, взнуздывалъ лошадь и, наконецъ, взбивъ сѣно для сидѣнья, сказалъ:

— Сыщите моего мальчика,—прошу васъ!

«Студента», который игралъ съ хуторянскими дѣтьми, розыскали и привели.

— Садись, Дмитрій!—почти строго приказалъ ему о. Стефанъ и самъ сѣлъ.

Взявъ въ руки возжи, онъ кивнулъ головой хуторянамъ и промолвилъ:

— Прощайте!

И больше ни слова, и уѣхалъ. Хуторяне разошлись по домамъ съ унылымъ, убитымъ видомъ, какъ въ воду опущенные. Они

попробовали было упрекнуть земляка, который открылъ роковую тайну. Но тотъ только развелъ руками и сказалъ:

— Господь его знаетъ. Я располагалъ какъ-бы получше, а оно вышло такое, что и не опомнишься!... Теперь, кажись, всю жизнь буду мучиться!..

О. Стефанъ ѣхалъ всю дорогу молча. Дмитрій приставалъ къ нему съ разными дѣтскими вопросами, но не получалъ никакого отвѣта. О. Стефанъ низко опустилъ голову и размышлялъ: «Охъ, судьбина горькая! Не уйдешь отъ тебя никуда, не спрячешься! Вѣдь вотъ, кажись, все было хорошо. На мѣстѣ тринадцать лѣтъ служу и ни въ чемъ дурномъ не былъ замѣченъ. Архіерей по епархіи ѣздилъ, въ Токмаки прибылъ и остался доволенъ... Къ хуторянамъ поѣхалъ, думалъ—дѣткамъ хлѣбца соберу и на тебѣ!... Собралъ! Пьяницей никогда не былъ, ну вотъ, ей-Богу-же, никогда не былъ пьяницей, одинъ разъ въ годъ развѣ, бывало, подвыпьешь, и то, ежели въ хорошей компаніи. А теперь въ пьяницы произведутъ. А какъ же!? Ужъ непременно произведутъ! И на какомъ моментѣ засталъ! Безъ рясы, безъ кафтана, съ косичкой, передъ на родомъ, передъ бабами, пѣсни пѣлъ, да еще—пьянъ! Даже стыдно вспомнить! И фамилія, говоритъ, нелѣпая... Чѣмъ же я виноватъ, что у меня такая фамилія? Оно, положимъ, фамилія моя дѣйствительно глупая... Ревущій! Что такое? Почему? Точно звѣрь какой!.. Такъ вѣдь не я же себѣ такую фамилію выдумалъ... Чтò же это будетъ? Чтò будетъ?»

Пріѣхавъ домой, о. Стефанъ, даже не распрягнувши лошадь, пошелъ въ комнату и сказалъ женѣ:

— Ну, жена, къ бѣдѣ готовься! Ужъ безъ бѣды не обойдется!

— Какъ такъ? Что такое?

— Что такое? А такое, что ни тебѣ, ни мнѣ, и во снѣ не снилось, да, дай Господи, чтобъ и не приснилось никогда!.. Вотъ какое!..

И о. Стефанъ рассказалъ все какъ было. Выслушавъ рассказъ его, діаконица пришла въ глубокое уныніе и согласилась съ о. Стефаномъ, что это особенное пощущеніе Божіе за какой-нибудь грѣхъ, и что дѣйствительно только одно остается: ждать бѣды.

Съ этой минуты въ домѣ о. Стефана только и дѣлали, что вздыхали и ждали бѣды.

III.

Будь на мѣстѣ о. Стефана другой человекъ, по всей вѣроятности, онъ не ограничился бы вздыханіемъ и ожиданіемъ бѣды. Во-первыхъ—бѣды ожидать нѣтъ надобности, она и сама не замедлитъ придти, а во-вторыхъ—уже извѣстно, что бѣда именно туда и любить приходиться, гдѣ много вздыхаютъ.

Будь на мѣстѣ о. Стефана другой человѣкъ, онъ первымъ долгомъ поѣхалъ бы къ благочинному, тому самому, что записалъ его фамилію, и поговорилъ бы съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Благочинный у нихъ, хотя и очень ученый (академикъ вѣдь онъ), но не гордый и доступный; съ младшимъ духовенствомъ головы не задираетъ, дьяконовъ и даже дьячковъ приглашаетъ къ себѣ въ кабинетъ и просить садиться. Если бы оказалось, что архіерей очень ужъ разгнѣванъ и что бѣду совсѣмъ отвести никакъ нельзя, то можно было бы просить о смягченіи. Наконецъ, если бы даже и на это не оказалось надежды, то по крайней мѣрѣ онъ узналъ бы, что грозитъ ему, какая кара. Но о. Стефанъ былъ не такой человѣкъ. Не любилъ онъ мозолить глаза начальству своей особой, не любилъ просить и клянчить о своихъ нуждахъ. «Что будетъ, то будетъ!» таковъ былъ его принципъ на всѣ случаи жизни.

Поэтому въ домѣ токмакского діакона всѣ бродили, какъ во тьмѣ. Что ожидаетъ этотъ домъ завтра,—неизвѣстно. Самъ о. Стефанъ порядочно-таки поломалъ голову надъ этимъ вопросомъ: что именно ожидаетъ его?

Полагалъ онъ такъ, что, какъ онъ до сего времени ни въ чемъ дурномъ не былъ замѣченъ, поведенія былъ хорошаго и даже однажды получилъ архипастырское благословеніе, — то особенно большой кары ему не положить. Да и велика ли его вина въ самомъ дѣлѣ? Ну, былъ пьянъ, положимъ, дѣйствительно онъ былъ пьянъ; но развѣ архіерей не знаетъ, что причетники пьютъ водку? Знаетъ, конечно. А что при народѣ, и безъ кафтана, и пѣсню пѣлъ, ну тамъ и прочее, такъ это уже все изъ того и вытекаетъ, что былъ пьянъ.

И послѣ такого разсужденія о. Стефанъ начиналъ приходитъ къ мысли, что дѣло, пожалуй, ограничится выговоромъ, развѣ самое большее—съ занесеніемъ въ формуляръ. А что такое ему формуляръ и какой тамъ формуляръ? Всю жизнь былъ дьякономъ, да дьякономъ и умрешь, вотъ и весь его формуляръ. Ну, а теперь будетъ прибавлено еще, что выговоръ получилъ. Не большая важность.

Ходилъ о. Стефанъ и къ настоятелю и къ дьячку и съ учителемъ Баккалаврскимъ совѣтовался, и всѣ говорили одно и то же:

— Больше, какъ выговоръ, полагать надо, не будетъ. Вѣдь вы, о. Стефанъ, до сего времени ни въ чемъ не были замѣчены!

Но каково же было изумленіе и разочарованіе всѣхъ, когда черезъ три дня послѣ памятнаго событія, пришла отъ благочиннаго бумага, которая гласила буквально слѣдующее: «согласно личному приказанію его преосвященства, въ виду непристойнаго поведенія діакона Стефана Ревущаго, который передъ своими же прихожанами состоялъ въ нетрезвомъ видѣ, въ недостойномъ его сана костюмѣ, исполняя притомъ пѣсню свѣтскаго содержанія,

къ соблазну прихожанъ, каковыя его, Ревущаго, дѣйствія были усмотрѣны самимъ его пресвященствомъ,—упомянутому діакону Стефану Ревущему предписывается безотлагательно оставить приходъ и имѣть постоянное мѣстопробываніе въ святодуховскомъ мужскомъ монастырѣ, подъ строгимъ надзоромъ о. настоятеля того монастыря, для исправленія его, Стефана Ревущаго, въ теченіе одного года и двухъ мѣсяцевъ, каковое распоряженіе предлежитъ быть исполнено безотлагательно». Прочитавъ это предписаніе, настоятель Токмакского прихода, человекъ старый и добросердечный, погрузился въ размышленіе. Кара казалась ему жестокой и едва ли справедливой. Но дѣло было не въ томъ. Такъ или иначе, а предписаніе было получено, значить, оставалось только одно: исполнить его. Но вопросъ былъ въ томъ, какъ объявить объ этомъ о. Стефану. Вѣдь у него семеро душъ дѣтей, да какихъ! Двѣнадцатилѣтній Митя—самый старшій. А годъ и два мѣсяца—не шутка. У о. Стефана никакихъ запасовъ нѣтъ. Какіе же могутъ быть запасы у сельскаго дьякона? Все это зналъ настоятель и ему было очень тяжело объявить о. Стефану о его судьбѣ.

Однакожь все-таки пришлось объявить. О. Стефанъ былъ приглашенъ къ настоятелю и собственными глазами прочиталъ роковую бумагу.

— Ну, что же вы скажете на это, о. Стефанъ?—спросилъ настоятель дрожащимъ отъ волненія голосомъ, чувствуя, что вопросъ его глупъ, но что также точно были бы глупы въ этомъ случаѣ и всѣ другіе вопросы и молчаніе.

О. Стефанъ повертѣлъ бумагу въ рукахъ и затѣмъ молча и бережно, какъ вещь, заслуживающую полного уваженія, положилъ ее на столъ.

— М... да!—сказалъ онъ, потряхивая головой:—да, да, да! Выходитъ дѣло такое, что... м... да!...

Послѣ этихъ многозначительныхъ словъ, онъ осторожно опустился въ стоявшее позади его кресло, положилъ руки внизъ на колѣни и поднялъ глаза на настоятеля.

— А что вы, о. Агафонъ, на это скажете? а?—спросилъ онъ своимъ тонкимъ голосомъ, быстро и нервно хлопая вѣками глазъ.

Настоятель только развелъ руками и сказалъ:

— Чтожъ дѣлать? Подчиниться!

— Ага!... А дѣтишки? А кто ихъ прокормить? а?

— Надо полагать—Богъ прокормить!—отвѣтилъ настоятель.

— Оно такъ, конечно!...—сказалъ о. Стефанъ и замолкъ.

Онъ молчалъ долго и внушительно, очевидно сильно работая головой, а настоятель смотрѣлъ въ окно на раскинувшуюся передъ нимъ церковную площадь, на которой его ничто не занимало. Наконецъ о. Стефанъ всталъ и твердымъ, рѣшительныхъ голосомъ промолвилъ:

— Гм... Такъ и сдѣлаю! Гм... Чтожъ, одно только и остается!...
Гм...

И взявъ шапку онъ началъ прощаться съ настоятелемъ.

— Какъ же вы сдѣлаете, о. Стефанъ?—спросилъ тотъ встревоженнымъ голосомъ, потому что, судя по виду о. Стефана, можно было ожидать отъ него какого-нибудь неблагоразумнаго шага.

О. Стефанъ махнулъ рукой.

— Э!... Тамъ уже посмотримъ, что выйдетъ!...

И больше онъ не далъ никакихъ объясненій. Площадь церковную перешелъ онъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ, а придя домой сказалъ женѣ:

— Пришла бумага!... на годъ и два мѣсяца въ монастырь... въ святодуховскій!... На епитимію!...

Діаконица вскрикнула и пошатнулась.

— Въ монастырь? А мы, мы? А дѣти?

— М... да! То-то и оно, то-то и оно!... А ты вотъ что: собирай дѣтей, всѣхъ, всѣхъ до одного... Всѣхъ семерыхъ... И сама собирайся!...

— Куда? Господь съ тобой!

— Нѣтъ ужъ, нѣтъ, ты дѣлай, какъ я говорю!... Я знаю! Ужъ я подумалъ!... Ты мнѣ не перечь!... Ужъ я въ монастырь пойду, это вѣрно, потому подчиненность власти соблюдать надлежить. Я пойду, а ты собирай всѣхъ и сама... М... да!...

Діаконица посмотрѣла на него съ опасеніемъ, не помѣшался ли онъ отъ горя. Но нѣтъ, онъ смотритъ здраво и говоритъ просто, какъ человѣкъ обдумавшій дѣло и рѣшившій.

— Такъ собираться?—спросила она.

— Сію минуту!—подтвердилъ о. Стефанъ и вышелъ во дворъ.

Діаконица покорно приступила къ дѣлу. Вообще она пользовалась большимъ вліяніемъ въ семейныхъ дѣлахъ и умѣла иногда настоять на своемъ. Но теперь, когда на голову о. Стефана свалилась такая большая бѣда, она не хотѣла раздражать его и подчинилась. Она сейчасъ же начала собирать дѣтей въ дорогу.

А о. Стефанъ выкатилъ свою просторную повозку, привелъ ее въ порядокъ, наклалъ въ нее сѣна и запретъ лошадей.

— Ну, живѣй, живѣй!—торопилъ онъ жену и самъ даже помогалъ ей одѣвать дѣтишекъ.—Теперь пользуйте въ повозку, пользуйте! Садитесь въ кучу, одинъ къ одному. Я въ передкѣ сяду. Живо, живо!

Минуть черезъ пять токмакскіе обыватели могли видѣть повозку о. Стефана, наполненную дѣтьми, діаконицей и самимъ о. Стефаномъ. Удивленные обыватели снимали шапки и спрашивали:

— Куда это вы, о. діаконъ? На именины, должно быть, чи на крестины?

— Самъ еще не знаю, что будетъ, именины или крестины!—тенденціозно отвѣчалъ о. Стефанъ.

Діаконица и дѣти всю дорогу молчали. Молчалъ и о. Стефанъ. Когда повозка стала приближаться къ городу, діаконица рѣшилась спросить:

— Да куда же мы ѣдемъ, о. Стефанъ? Пора бы сказать!

— А вотъ сейчасъ и пріѣдемъ! — уклончиво отвѣтилъ дяконъ и ударилъ лошадь возжей по спинѣ.

Вѣхавъ въ городъ, онъ какъ-то встрепенулся, приободрился и даже разгладилъ бороду. И видитъ діаконица, что повозка держитъ направленіе къ той улицѣ, которая начинается у рѣки и доходитъ до соборной церкви, видитъ она дальше, что повозка повернула въ небольшой переулокъ, гдѣ помѣщается архіерейскій домъ, и думаетъ она: «нѣтъ, нѣтъ, мой дяконъ и въ правду съума спятилъ!» А архіерейскій домъ уже близко, вотъ онъ — передъ самымъ ихъ носомъ. Домъ-то собственно они уже проѣхали, вотъ желѣзная рѣшотка высокой ограды, а вотъ и ворота, раскрытыя настезь, и, къ ужасу діаконицы, о. Стефанъ повернулъ лошадь прямо въ ворота, вѣхалъ въ архіерейскій дворъ и остановился посрединѣ его.

Архіерейскій дворъ былъ обширенъ, небольшая часть его была отгорожена деревянной рѣшоткой, окрашенной въ зеленый цвѣтъ и засажена небольшими деревцами, кустами и цвѣточными грядами. Во дворъ выходилъ архіерейскій флигель съ длиннымъ открытымъ коридоромъ, съ цѣлымъ рядомъ оконъ и дверей, которыя вели въ квартиры: эконома, регента, пѣвчихъ-мальчиковъ, іеромонаха и, наконецъ, самая крайняя дверь вела въ покои архіерея.

Появленіе повозки съ столь странной поклажей въ мирномъ архіерейскомъ дворѣ, само собою разумѣется, должно было произвести нѣкоторую сенсацію. Первымъ выбѣжалъ изъ подвального этажа, гдѣ помѣщалась кухня, поваръ въ бѣломъ фартукѣ и въ колпакѣ, за нимъ — мальчишка - поваренокъ. Потомъ выглянули четверо мальчиковъ-пѣвчихъ въ длинныхъ черныхъ сюртукахъ, вмѣстѣ съ ними вышелъ бородатый мужчина съ краснымъ носомъ и большими ушами — октавистъ архіерейскаго хора. Они обступили повозку и съ любопытствомъ разглядывали младенцевъ о. Стефана.

— Вамъ собственно кого? — пробасилъ октавистъ, обращаясь къ о. Стефану.

О. Стефанъ слѣзъ съ повозки и opravилъ смявшуюся въ дорогѣ рясу.

— Мнѣ преосвященнѣйшаго владыку!... — отвѣтилъ онъ.

— Владыка не принимаетъ! Владыка принимаетъ только по вторникамъ и пятницамъ, а нынче среда! — замѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ-пѣвчихъ.

Въ это время вышелъ экономъ — старый монахъ съ длинной сѣдой бородой.

— Это что за товаръ привезли? — шутливо спросилъ экономъ.

Октавистъ подошелъ къ нему и объяснилъ:

— Какой-то батюшка, должно быть деревенскій, желаетъ владыку видѣть...

— Владыку? Теперь наврядъ! Владыка гуляетъ въ садикѣ! — сказалъ экономъ. — Какъ бы еще не разсерчалъ, увидѣвъ эту фуру! Да что онъ придурковатый что ли, этотъ батюшка? Чего онъ вѣхалъ во дворъ со всѣми своими чадами? Послушайте, батюшка, вы бы могли, кажись, карету-то вашу оставить за воротами...

— Мнѣ преосвященнѣйшаго владыку надобно видѣть, а не васъ! — съ достоинствомъ отвѣчалъ о. Стефанъ.

Но въ это время и экономъ, и октавистъ, и пѣвчіе-мальчики, вдругъ торопливо отодвинулись на задній планъ, кто-то произнесъ: «тсс...», а поваръ съ поваренкомъ совсѣмъ скрылись въ подземелье.

Изъ калитки палисадника вышелъ архіерей, окруженный цѣлой стаей всевозможныхъ птицъ, между которыми были гуси, утки, куры, три журавля, одинъ аистъ съ подбитымъ крыломъ, нѣсколько песарокъ и еще какія-то. Архіерей имѣлъ обыкновеніе ежедневно собственноручно кормить ихъ и когда онъ выходилъ во дворъ, птицы окружали его и преслѣдовали, оглашая воздухъ криками, каждая на своемъ языкѣ.

— Пошли, пошли! довольно! Больше у меня нѣтъ! — говорилъ своимъ птицамъ архіерей, отмахиваясь отъ нихъ граненой палкой съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Вдругъ онъ остановился, увидѣвъ посреди двора повозку, биткомъ набитую какимъ-то народомъ. А тутъ еще, какъ на зло, самый младшій изъ младенцевъ, не имѣвшій отъ роду еще и года, началъ плакать, вслѣдствіе чего діаконица принуждена была качать его, приговаривая: «шш... шш... шш...».

— Это что такое? — спросилъ архіерей, указывая палкой на повозку.

Онъ былъ въ домашнемъ легкомъ кафтанѣ, свободно подпоясанномъ шелковымъ шнуромъ съ кистями, въ маленькой малиновой скуфьѣ и въ мягкихъ туфляхъ. Въ первую минуту о. Стефанъ въ этомъ простомъ старикѣ даже не узналъ того сперва величественно-благодущнаго, а потомъ величественно-гнѣвнаго старца, котораго видѣлъ въ Токмакахъ и на хуторѣ.

— Этотъ батюшка, ваше преосвященство, желаетъ.... — началъ было экономъ, но о. Стефанъ перебилъ его.

Убѣдившись, что это архіерей, онъ сдѣлалъ къ нему нѣсколько шаговъ и отвѣсилъ поясной поклонъ, а потомъ подошелъ и взялъ благословеніе.

— Что же тебѣ нужно, батюшка? — спросилъ архіерей, глядя на него и одновременно на повозку съ недоумѣніемъ.

— Я, ваше преосвященство, діаконъ селенія Токмаки, Стефанъ Ревущій! — спокойнымъ голосомъ проговорилъ о. Стефанъ.

— Ревущій?

— Ревущій, ваше преосвященство!—попрежнему спокойнымъ и даже какимъ-то вдумчивымъ голосомъ подтвердилъ о. Стефанъ: — я осужденъ вашимъ преосвященствомъ на епитимію, въ монастырь, на одинъ годъ и два мѣсяца...

— Да, да! По заслугамъ осужденъ, по заслугамъ!...

— По заслугамъ, ваше преосвященство! И во исполненіе предписанія я отправляюсь въ назначенный мнѣ святодуховскій монастырь...

— Благо, благо!... Претерпи! Покаяніе очищаетъ отъ грѣха!...

— Очищаетъ, ваше преосвященство! И я предсталъ предъ вашимъ преосвященствомъ ради полученія архипастырскаго напутствія передъ столь труднымъ испытаніемъ...

— Благо, благо! Ну, чтожъ, блюди за собою, вдумывайся, сосредоточивайся на своихъ грѣхахъ, молись, воспари духомъ къ горнымъ высотамъ, слушайся игумена, подражай жизни иноковъ!

— Слушаю, ваше преосвященство!—покорно сказалъ о. Стефанъ.

— А что же ты это привезъ?—спросилъ архіерей, опять указывая палкой на возъ съ его живой поклажей.

— А это? Это, ваше преосвященство, мое семейство: жена и семеро дѣтишекъ!

— Благо, благо!... семеро, говоришь? Благо! Куда же это ты ихъ везешь? Провожаютъ они тебя, что ли?

— Нѣтъ, не провожаютъ! Я привезъ ихъ къ вамъ, ваше преосвященство!—до послѣдней степени просто и естественно отвѣтилъ о. Стефанъ.

— Ко мнѣ? Какъ ко мнѣ? Чтò же я съ ними буду дѣлать?

— Чтò вамъ Богъ на сердце положить, ваше преосвященство!—кратко проговорилъ о. Стефанъ.

— Да что ты, другъ? Я даже не пойму!

— Ваше преосвященство, у меня нѣтъ ни родни, ни близкихъ людей. Я покораюсь вашей святой волѣ и иду въ монастырь. А ихъ-то семеро, а съ женой восьмеро! Кто же ихъ прокормить, ваше преосвященство? Я единственный ихъ кормилецъ и безъ меня они съ голоду перемрутъ. А какъ ваше преосвященство соблаговолили меня въ монастырь услатъ, то я собралъ ихъ всѣхъ и привезъ, какъ бы къ отцу родному! Вотъ они, мои птенцы, творите надъ ними вашу архипастырскую волю!...

Моментъ былъ, можно сказать, художественный. Все семейство о. Стефана сидѣло въ повозкѣ, дрожало отъ страха и было, что называется, ни живо, ни мертво. Экономъ, октавистъ, мальчишки-пѣвчіе и еще кой-какая публика такого же типа, смотрѣли и слушали доселѣ неслыханно-смѣлыя рѣчи о. Стефана съ крайнимъ напряженіемъ; о. Стефанъ стоялъ передъ архіереемъ, смиренно опустивъ голову, а архіерей, какъ бы чѣмъ внезапно смущенный, молчалъ. Всѣ ждали, чтò же онъ скажетъ и чѣмъ кончится вся

эта сцена. Но уже заранѣе рѣшительно всѣ были убѣждены, что это кончится плохо.

Что же думалъ архіерей? Это никому неизвѣстно. Видѣли только, что лицо его было сурово и онъ, сдвинувъ брови, пристально посмотрѣлъ въ глаза о. Стефану, но о. Стефанъ съ смиренной покорностью выдержалъ этотъ взглядъ; потомъ наблюдали, что лицо архіерея стало понемногу проясняться, и вдругъ всѣ были изумлены, когда онъ довольно добродушно обратился къ отцу Стефану съ слѣдующими словами:

— Однако, остроумную вещь придумалъ ты, отецъ Ревущій!.. Это ты хочешь всю свою семью мнѣ прикинуть?.. Смѣло, но остроумно... Ты мнѣ нравишься, и хоть не слѣдовало бы оказывать тебѣ снисхожденія, но во вниманіе къ твоему семейному положенію, я, на этотъ разъ, тебя прощаю. Экономъ передастъ благочинному, чтобы отмѣнилъ предписаніе... Поѣзжай съ Богомъ, но только впередъ веди себя достойнымъ твоего сана образомъ и больше не пьянствуй. Слышишь?

— Не буду, ваше преосвященство! Ей-же-ей не буду!—отъ глубины души возгласилъ о. Стефанъ.

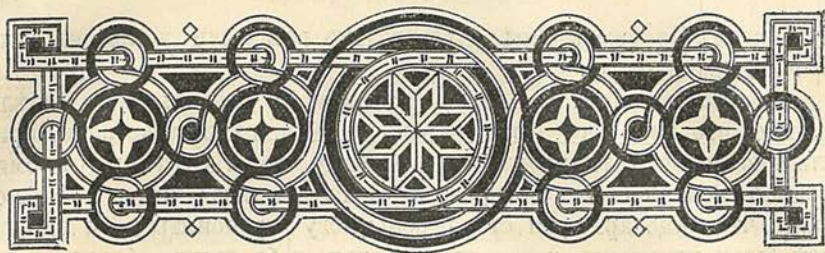
Архіерей пошелъ корридормъ въ свои покои, говоря про себя: «ну, молодець, этотъ дьяконъ! Остроумно придумалъ...»

Отецъ Стефанъ сейчасъ же познакомился съ экономомъ, съ октавистомъ и съ прочими, которые съ удовольствіемъ жали руку героя. Онъ охотно разсказалъ имъ всю свою исторію и разсмѣшилъ ихъ. Потомъ онъ попрощался съ ними, перекрестился, занялъ свое мѣсто въ повозкѣ и не безъ нѣкоторой торжественности выѣхалъ изъ архіерейскаго двора.

Слѣдуетъ ли прибавить, что когда о. Стефанъ съ семействомъ возвратился въ Токмаки, то былъ радостно привѣтствованъ настоятелемъ, дьячкомъ, учителемъ и всѣми, кто успѣлъ узнать о грозившей ему бѣдѣ. А на другой день, рано утромъ, двое хуторянъ привезли ему шесть возовъ собраннаго имъ въ тотъ роковой день хлѣба, и, понятное дѣло, хорошенько выпили вмѣстѣ съ о. Стефаномъ.

И. Потапенко.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБЪ И. А. ГОНЧАРОВЪ.

ВСТРЪТИЛСЯ въ первый разъ съ И. А. Гончаровымъ въ 1867 или 1868 году, у покойнаго Гавріила Васильевича Крылова, протоіерія Пантелеймоновской церкви, его духовника и хорошаго знакомаго, котораго Иванъ Александровичъ очень любилъ и уважалъ, какъ человѣка простаго и добраго и прекраснаго священника. Однажды, въ день именинъ Гавріила Васильевича, у него собрались вечеромъ его родственники и знакомые въ числѣ ихъ—членъ синода, придворный протоіерей Ив. Вас. Рождественскій, протопресвитеръ М. И. Богословскій съ семействомъ, нѣсколько протоіереевъ и священниковъ и нѣсколько лицъ свѣтскихихъ, въ томъ числѣ И. Т. Осининъ и я. Къ Крыловымъ обыкновенно собирались рано, часовъ въ семь, и долго не засиживались, такъ какъ покойный Гавріилъ Васильевичъ былъ человѣкъ хворый, чахоточный, и долженъ былъ ложиться спать во-время, не позже часовъ двѣнадцати. Въ этотъ день всѣ обычные гости уже были на-лицо, какъ часовъ въ восемь раздался въ прихожей звонокъ и въ гостиную вошелъ Гончаровъ. Я его сейчасъ же узналъ, хотя до того никогда его не видалъ и о его предстоящемъ прибытіи не былъ предупрежденъ. Портретъ его (фотографія), бывшій у меня вмѣстѣ съ фотографіями другихъ знаменитостей литературы, удивительно былъ сходенъ съ оригиналомъ. Одѣтъ былъ Иванъ Александровичъ нарядно—изящно: въ новенькой бархатной визиткѣ, въ пестромъ красивомъ галстухѣ. Знаменитаго гостя уса-

дили на главномъ мѣстѣ на диванѣ; общій говоръ смолкъ, большая часть собравшихся гостей, бывшихъ съ нимъ знакомыми, усѣлись около. Послѣ кой-какихъ спросовъ и отвѣтовъ, Гончаровъ одинъ овладѣлъ рѣчью и рассказывалъ—рассказывалъ, главнымъ образомъ, о своихъ путешествіяхъ, о видѣнномъ и слышанномъ, о японскихъ и сибирскихъ нравахъ. Я никогда не слыхалъ такого прекраснаго рассказчика, онъ рисовалъ рядъ живыхъ картинъ, то смѣшныхъ и забавныхъ, то серьезныхъ и важныхъ, пересыпая ихъ то шутками и каламбурами, то совмѣстными съ собесѣдниками разсужденіями... Такъ незамѣтно прошло часа два: подавали чай, потомъ и десертъ; босѣда продолжалась съ непрекращавшимся оживленіемъ. Въ десять часовъ одинъ изъ болѣе видныхъ гостей—И. В. Рождественскій всталъ, чтобы идти домой—онъ никогда нигдѣ не оставался дольше этого часа. При его уходѣ всѣ встали и затѣмъ гости раздѣлились на нѣсколько группъ и паръ. Въ это время хозяинъ дома представилъ Гончарову меня, отрекомендовавъ учителемъ словесности (тогда я проходилъ эту профессію въ женскихъ гимназіяхъ). Онъ взялъ меня подъ руку и мы стали прохаживаться по комнатѣ. Я, въ то время еще почти юноша, признаюсь, былъ необычайно польщенъ его вниманіемъ. Разговоръ, который вели мы съ часъ времени, при чемъ къ намъ подходили и другіе, запечатлѣлся живо въ моей памяти. Послѣ нѣкотораго молчанія, Иванъ Александровичъ обратился ко мнѣ съ замѣчаніемъ:

— Ну обо мнѣ-то, я думаю, вамъ не приходится говорить на вашихъ урокахъ словесности?

— Почему же, отвѣчалъ я: напротивъ, не только на урокахъ исторіи литературы (въ первомъ, т. е. самомъ старшемъ классѣ гимназіи) приходится излагать содержаніе вашихъ сочиненій и дѣлать ихъ общую характеристику, наравнѣ съ Тургеневымъ, Островскимъ и другими современными лучшими писателями, но и на урокахъ теоріи словесности и при другихъ практическихъ работахъ ученицъ, приходится штудировать эпизоды изъ вашихъ романовъ. «Сонъ Обломова» помѣщенъ даже въ хрестоматіи Галахова. А одинъ отрывокъ изъ «Обыкновенной исторіи» — разсужденіе о материнской любви, которое ведетъ авторъ по поводу сцены, происшедшей при отправленіи Адуевой своего сына на службу—я имѣю обыкновеніе заставлятъ ученицъ заучивать наизусть, или писать подъ диктовку, когда оказывается нужной провѣрка ихъ познаній въ орѳографіи.

Гончаровъ былъ какъ-будто изумленъ этимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ Майкова, Тургенева, Островскаго и даже Некрасова и другихъ писателей, тогда (1863—1869 г.), съ легкой руки покойныхъ В. Я. Стоюнина и В. И. Водовозова, штудировали на классахъ словесности при практическихъ занятіяхъ до-

вольно усердно, Гончаровъ и графъ Л. Н. Толстой (котораго «Дѣтство и отрочество», а также «Севастопольскіе рассказы» были уже общеизвѣстны въ то время) были какъ бы въ пренебреженіи, и въ программахъ, и въ христоматіяхъ (Галахова и Филонова), хотя изъ этихъ писателей можно было бы выбрать не мало прекраснаго, вполне педагогическаго, матеріала. — Закончилась наша бесѣда съ И. А. на этотъ разъ приглашеніемъ съ его стороны «быть знакомыми». Но почему-то мнѣ не довелось вскорѣ послѣ того сдѣлать ему визитъ, и мы въ другой разъ встрѣтились съ нимъ — не помню когда — у того же Г. В. Крылова. И въ этомъ собраніи Гончаровъ былъ ораторомъ собравшагося кружка, столь же охотно и непринужденно рассказывая и остроумно разсуждая о важномъ и неважномъ. Помню одинъ любопытный эпизодъ изъ этого вечера. Елизавета Тихоновна Осинина (жена Ивана Терентьевича Осинина, начальника женскихъ гимназій) въ одну изъ паузъ, вдругъ спрашиваетъ Гончарова:

— А скажите, Иванъ Александровичъ, отчего это всё ваши сочиненія начинаются непременно слогомъ *объ*? «Обрывъ», «Обломовъ», «Обыкновенная исторія»?

Гончаровъ расхохотался.

— А въ самомъ дѣлѣ! Ну, я объ этомъ, признаюсь, не думалъ!

Послѣ этой, второй, встрѣчи я сталъ видѣться съ Гончаровымъ чаще; въ домѣ у него былъ, впрочемъ, не больше пяти-шести разъ за все время. На первый разъ я явился къ нему съ экземплярами изданныхъ къ тому времени моихъ сочиненій. Но мой презентъ Иванъ Александровичъ, къ моему удивленію, не отвѣчалъ взаимностью. Гораздо позже, уже въ 1886 году, онъ, посѣтивъ меня (до того времени онъ лишь отдалъ мнѣ визитъ), вручилъ мнѣ превосходный экземпляръ своего портрета, съ весьма лестною для меня надписью. Но, видясь рѣдко на дому у него и у меня, мы за то весьма часто встрѣчались на прогулкахъ, въ Лѣтнемъ саду и — по вечерамъ — на улицахъ. Ему, какъ и мнѣ, предписано было врачами, болѣе или менѣе, продолжительное пребываніе на свѣжемъ воздухѣ. Гулять любилъ онъ преимущественно въ мѣстахъ малолюдныхъ, — чаще всего его можно было встрѣчать вечеромъ на Дворцовой и Гагаринской набережной, или по Фонтанкѣ. Вотъ эти-то совмѣстныя прогулки дали мнѣ возможность ознакомиться до нѣкоторой степени съ внутреннимъ міромъ знаменитаго писателя и съ его взглядами на нѣкоторые предметы. Вообще говоря, заниматься публицистикой и разсуждать о политикѣ, внѣшней ли или внутренней, Гончаровъ не любилъ, и въ этомъ смыслѣ совершенно вѣрно мнѣніе тѣхъ (А. И. Незеленовъ), которые думаютъ, что въ Обломовѣ онъ отчасти изобразилъ себя самого. Но, при разсужденіи о нѣкоторыхъ вопросахъ, онъ обнаруживалъ иногда горячность и даже партійность.

Иванъ Александровичъ имѣлъ въ числѣ своихъ знакомыхъ двухъ министровъ народнаго просвѣщенія—графа Е. В. Путянина и А. В. Головина. О чемъ же приличнѣе было разсуждать съ такимъ человѣкомъ учителю словесности, какъ не объ образованіи, его методахъ и постановкѣ? Такимъ образомъ, произошло, что въ одну изъ первыхъ по времени нашихъ совмѣстныхъ прогулокъ по набережной Невы и Лѣтнему саду я сталъ развивать предъ нимъ свои идеи о способѣ примиренія и соглашенія классицизма съ христіанствомъ чрезъ правильную постановку средняго и высшаго преподаванія древнихъ языковъ съ одной стороны, и обученія религіи съ другой. Въ самомъ дѣлѣ, не есть ли это аномалія, говорилъ я, что съ одной стороны, чрезъ изученіе древнихъ авторовъ, осваиваютъ молодыхъ людей съ древнимъ античнымъ міровоззрѣніемъ, съ доктринами и принципами язычества, и въ то же время думаютъ сдѣлать молодыхъ людей хорошими христіанами чрезъ два недѣльныхъ урока катихизиса, преподаваемыхъ совмѣстно съ десяткомъ уроковъ древнихъ языковъ? Кто же не знаетъ, что эти двѣ доктрины—языческая и христіанская—до противоположности несходны между собою? Какъ укладываются обѣ онѣ въ головѣ юноши, особенно если онъ къ изученію той и другой доктрины относится съ одинаковымъ рвеніемъ и обѣ ихъ съумѣетъ выразумѣть и понять? Если конечная цѣль всякаго образованія—дать людямъ цѣльное и законченное міровоззрѣніе, то какъ достигается эта цѣль при совмѣстномъ изученіи классиковъ и евангелія?.. Объ этомъ предметѣ мнѣ приходилось довольно побесѣдовать и съ графомъ Путянинымъ, съ которымъ я былъ нѣкоторое время знакомъ; покойный министръ отвѣчалъ мнѣ, на вышеизложенное мое недоразумѣніе, объясненіемъ, что въ учебныхъ книжкахъ гимназическихъ собраны лишь отрывки изъ классиковъ, отнюдь не содержащіе міросозерцанія, особенно тѣхъ сторонъ античнаго міросозерцанія, которыя стоятъ во враждебномъ отношеніи къ христіанству, что имѣется въ виду изученіе лишь языковъ древнихъ, а особенно—та гимнастика мысли, которая происходитъ при изученіи языковъ, гимнастика, столь плодотворная для формальнаго логическаго развитія учащихся. Гончаровъ, когда я, передавъ ему свой разговоръ съ Путянинымъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ близко, присоединилъ соображенія и о томъ, что въ видѣ ресурса для изученія религіи христіанской было бы полезно хоть часть авторовъ латинскихъ и греческихъ языческихъ замѣнить изученіемъ нѣкотораго числа авторовъ латинскихъ и греческихъ христіанскихъ (при чемъ христіанство изучалось бы въ первоисточникѣ),—отвѣчалъ приблизительно такъ.

— «Никакого міросозерцанія ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, т. е. ни въ гимназіяхъ, ни въ университетахъ, не изучаютъ и не приобрѣтаютъ: посѣщаютъ классы, учатся хорошо или худо, много или

мало, — а всё почти и по окончаніи университета остаются безъ «міросозерцанія». Нѣчто въ родѣ міросозерцанія, кой-какія правила, кой-какія понятія о предметахъ, не содержащихся непосредственно въ лекціяхъ и учебникахъ, приобрѣтаются болѣе или менѣе внѣ учебныхъ занятій въ школѣ, изъ домашняго быта и изъ домашнихъ традицій, изъ среды, въ которой вращается юноша, наконецъ — изъ элементовъ самообразования, которое, въ лучшихъ случаяхъ, идетъ объ руку съ школьными занятіями. Образовательное и воспитательное вліяніе школы на учащихся у насъ малозначительно; школа, средняя и высшая, сообщаетъ у насъ лишь агрегатъ знаній, представляющихъ нерѣдко полный хаосъ. У насъ учащійся школѣ принадлежитъ всего меньше. Не то, что въ Англіи, гдѣ воспитанникъ, напримѣръ, Итонской школы все время своего воспитанія и образованія — съ дѣтства до самой поздней юности, — принадлежитъ ей одной всецѣло и безраздѣльно, и никому больше; ею одною, образованіемъ, воспитаніемъ и обученіемъ въ ней организованными, вырабатывается весь строй понятій юноши и правилъ жизни, весь его характеръ, все то, что угодно вамъ называть міросозерцаніемъ. У насъ не то. У насъ учатся и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ, лишь для правъ, для аттестатовъ, и приобрѣтаютъ таковые безъ большого труда, нерѣдко не пользуясь ничьими другими услугами, какъ одного Савельича (давнишній знаменитый швейцаръ Петербургскаго университета, занимавшійся между прочимъ продажей профессорскихъ литографированныхъ или писанныхъ лекцій, дарившихся ему, за ненадобностію, оканчивавшими курсъ). Считаю нужнымъ еще разъ замѣтить, что эти сужденія относятся къ прошлому, и можно сказать — къ далекому прошлому. Что касается введенія въ курсъ гимназическаго и университетскаго преподаванія греческихъ и латинскихъ писателей христіанскихъ, продолжалъ И. А., то этой мысли не чуждъ и графъ Путятинъ, — недаромъ его огласили «ханжей». Въ печатныхъ документальныхъ и недокументальныхъ данныхъ о министерствѣ графа Путятина мнѣ впрочемъ не случилось встрѣчать подобнаго указанія на его понятія о значеніи христіанскихъ писателей — латинскихъ и греческихъ — для христіанскаго воспитанія учащагося юношества; въ бесѣдахъ своихъ съ графомъ мнѣ также не случилось слышать отъ него что-либо по этому предмету».

Съ Путятинымъ Гончаровъ, сколько мнѣ извѣстно, былъ очень близокъ и друженъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется его всегдашняя любовь ко всему англійскому. Графиня, женщина высокообразованная, была природная англичанка и самъ графъ долго жилъ въ Англіи. Въ этомъ прекрасномъ семействѣ Гончаровъ и приобрѣлъ вѣроятно свое нѣкоторое англофильство. Путятинъ въ пристрастіи къ англійскому складу общественной и частной жизни уступалъ развѣ одному графу Владиміру Петровичу Орлову-Давыдову, воспитаннику Оксфордскаго (или Кембриджскаго) универси-

тета, учредителю громадной премии за сочиненіе объ устройствѣ русскаго крупнаго землевладѣнія на англійскій манеръ, которая впрочемъ доселѣ еще никому не присуждена, за непоявленіемъ сочиненія.

Гончаровъ имѣлъ—въ цвѣтущую пору своей литературной дѣятельности и, особенно, по возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія—очень много знакомствъ въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ и въ 1870—1875 годахъ, по вечерамъ, рѣдко сиживалъ дома. Но близкаго кружка друзей, которые собирались бы у него, и въ обществѣ которыхъ онъ могъ бы, какъ говорится, отводить душу, у него, можно сказать, почти не было, на сколько мнѣ извѣстно. Меня всегда удивляло, что среди литературнаго міра эта крупная литературная сила стояла какъ-то обособленно, какъ будто въ несовсѣмъ добровольномъ отдаленіи. Кромѣ М. М. Стасюлевича, который сблизился съ нимъ, сколько помню, послѣ того, какъ въ его журналѣ былъ напечатанъ «Обрывъ», я не знаю ни одного литератора или ученаго, который былъ бы съ нимъ даже просто въ пріятельскихъ отношеніяхъ. На литературныхъ вечерахъ въ пользу кого-либо, бывшихъ въ такой модѣ въ недавнее еще время, его совсѣмъ не было видно ни въ роли чтеца своихъ произведеній, ни даже въ качествѣ простого посѣтителя. За все время моего знакомства съ нимъ мнѣ удалось видѣть его лишь на одномъ литературномъ вечерѣ, гдѣ покойный графъ А. К. Толстой читалъ которое-то изъ своихъ драматическихъ произведеній. Аристократическіе знакомые Гончарова принимали его у себя, дѣлали ему утренніе визиты; но жилъ онъ одинокимъ, почти анахоретомъ, въ довольно скучной обстановкѣ, все время въ одной и той же сумрачной квартирѣ на Моховой, во дворѣ, въ первомъ этажѣ, въ которую не проникало солнце. Этимъ его положеніемъ—кто мѣшала ему измѣнить его къ лучшему, если устранить предположеніе, что ему самому присуща была обломовская неподвижность—мнѣ кажется слѣдуетъ исключительно объяснять и относительную скудость его литературной производительности и то, большею частію, сумрачное настроеніе духа, какое въ немъ мною замѣчалось... Были, впрочемъ, газетные антрепренеры, которые даже спекулировали его именемъ въ объявленіяхъ о своихъ литературныхъ предпріятіяхъ. Помню, какъ еще въ 1855 году, когда появлялась такая масса юмористическихъ листковъ, иногда очень глупыхъ, въ объявленіи объ одномъ изъ нихъ, называвшемся «Весельчакъ», издатель, хвастая своими литературными силами, рассказывалъ, какъ онъ посѣщалъ разныхъ литературныхъ знаменитостей, приглашая ихъ къ сотрудничеству, и какъ онъ явился наконецъ къ «самому» Гончарову съ тѣмъ же предложеніемъ и какъ тотъ далъ ему свое согласіе съ особеннымъ удовольствіемъ. Когда, позже, спросилъ я объ этомъ Ивана Александровича, онъ отвѣчалъ, что ни о редак-

торѣ, ни о журналѣ его, онъ даже не слыхиваль. Такова была безцеремонность газетныхъ антрепренеровъ въ недавнее время!

По своимъ убѣжденіямъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, Иванъ Александровичъ былъ скорѣе космополитъ, чѣмъ патріотъ.

— «Народъ нашъ приходится больше жалѣть, чѣмъ любить», — были его слова. — «Въ цѣломъ мірѣ на всемъ пространствѣ исторіи трудно указать другой примѣръ, гдѣ бы было большее разстояніе между простымъ народомъ и культурными классами».

Когда я ему говорилъ, что образованные классы поймутъ же наконецъ и свои собственные интересы и свои общественныя и государственныя обязанности, настолько, чтобы позаботиться стать поближе къ своему кормильцу народу, для котораго они съ своей стороны должны быть пѣстунами, придти на помощь къ этимъ «свободнымъ» младенцамъ, неумѣющимъ еще стать на ноги, — позаботиться о свободномъ добровольномъ личномъ содѣйствіи всѣхъ и каждаго изъ образованныхъ людей его духовному просвѣтленію и матеріальной культурѣ, по примѣру образованныхъ культурныхъ классовъ Западной Европы, Гончаровъ отвѣчалъ:

— «Богъ вѣсть! Въ Западной Европѣ культурные классы не владѣли нашимъ крѣпостнымъ правомъ».

Я сослался на примѣръ Англіи, гдѣ наиболѣе господствуетъ аристократизмъ, и гдѣ, однако же, самыя высокопоставленные лэди и джентльмены не спѣсивятся, хотя иногда и въ видѣ развлеченія, посѣщать коттеджи крестьянъ для того, чтобы оказать поселянамъ помощь въ устройствѣ быта не только словомъ и совѣтомъ, но и дѣломъ, матеріальною помощію, заботами о крестьянскихъ дѣтяхъ и ихъ воспитаніи, леченіемъ больныхъ и т. д., онъ опять отвѣчалъ:

— «Англійскіе лэди и джентльмены не были нашими помѣщиками и не теряли крѣпостныхъ».

Бывъ, если не ошибаюсь, однимъ изъ близкихъ знакомыхъ покойнаго А. В. Головнина, Гончаровъ высказываль горячее сочувствіе стремленію этого министра нѣсколько форсировать способы народнаго образованія. Онъ сочувствовалъ Вороновскому проекту обязательнаго обученія и горячо высказывался за сообщеніе народу возможно большаго количества реальныхъ и техническихъ знаній, столь необходимыхъ для сколько-нибудь сноснаго внѣшняго его существованія. Затѣмъ западничество свое Гончаровъ выражалъ и въ томъ, что желая «отдохнуть отъ зимняго бездѣлья», какъ онъ выражался, въ дачномъ времяпровожденіи, онъ любилъ посѣщать Балтійское побережье — Ревель, Меррикуль, Дуббельнъ и другія тамошнія дачныя мѣста; нѣсколько разъ, если не ошибаюсь, уже послѣ своего кругосвѣтнаго путешествія, онъ ѣздилъ и за границу.

— «Тамъ порядки лучше, спокойнѣе и свободнѣе живется, — не

то что у насъ, гдѣ всякій поровить запустить свою грязную лапу не только въ твою домашнюю обстановку, но и въ твою душу, въ твой внутренній міръ».

Это были его подлинныя слова.

О литературѣ и о писателяхъ Гончаровъ разсуждалъ со мною мало и какъ-то неохотно, какъ ни старался я каждый разъ сводить бесѣду на этотъ предметъ,—словно это для него было дѣло стороннее, словно самъ онъ не былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этой литературы, словно онъ писалъ свои произведенія такъ сказать лишь pro domo sua, для удовлетворенія лишь своей личной потребности, вовсе не имѣя въ виду удовлетворенія умственныхъ и эстетическихъ интересовъ общества. Послѣ этихъ разговоровъ мнѣ всегда казалось, что онъ по своей, конечно, доброй волѣ стоитъ особнякомъ и изолированно отъ всего литературнаго міра. Нѣкоторыхъ нашихъ писателей, напри- мѣръ, Некрасова, казалось мнѣ, онъ прямо не долюбивалъ, о Тургеневѣ высказываться отказывался, критику Бѣлинскаго уважалъ, Л. Толстого любилъ, повидимому, больше другихъ писателей и рекомендовалъ мнѣ для классныхъ занятій въ гимназіи эпизоды изъ его «Дѣтства и отрочества». О Достоевскомъ говорилъ, что онъ мало обрабатываетъ свои сочиненія съ внѣшней стороны, почему въ нихъ мало внѣшней художественности, что онъ слишкомъ спѣшно пишетъ, словно по заказу (изъ позднѣйшихъ писемъ самого Достоевскаго видно, что дѣйствительно такъ и было на самомъ дѣлѣ). Высокаго достоинства идей и идеаловъ Достоевскаго Гончаровъ не отрицалъ,—но, по его словамъ, это «совсѣмъ другого характера писатель», чѣмъ онъ, Гончаровъ. Объ Островскомъ Гончаровъ говорилъ, что каждое новое его произведеніе прочитываетъ немедленно, какъ только оно появится, и ждетъ его комедій съ нетерпѣніемъ. То, о чемъ говорилъ Гончаровъ съ негодованіемъ и почти отвращеніемъ, это—автобіографическіе разказы авторовъ, разныя воспоминанія ихъ о своемъ дѣтствѣ и прошломъ. Я возражалъ, что автобіографіи авторовъ помогаютъ пониманію ихъ твореній, выясняя личный субъективный элементъ въ нихъ и вообще процессъ ихъ творчества. Гончаровъ съ этимъ почти не соглашался и цитировалъ извѣстные стихи Пушкина:

«Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
.....
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ.
И межъ сыновъ ничтожныхъ міра
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ».

— «Частная, обыденная жизнь писателя, даже генія, говорилъ онъ, зависитъ отъ его матеріальнаго достатка и часто бываетъ до того бѣдна и низменна по своей обстановкѣ, что его въ ней и

узнать бываетъ трудно, какъ автора извѣстныхъ идей, носителя тѣхъ или другихъ идеаловъ. Творчество художника хотя количественно и находится въ зависимости отъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій его внѣшняго быта, но возникаетъ и развивается болѣе или менѣе внѣ воздѣйствія этихъ условій.

Стихи Пушкина, вышеприведенные, Гончаровъ съ шутивымъ добродушіемъ примѣнялъ къ себѣ, когда, послѣ «Обрыва», настала долгій періодъ полного бездѣйствія его вдохновенія. Онъ ужасно тяготился этимъ бездѣйствіемъ, приписывалъ его упадку своихъ духовныхъ силъ. «Не могу писать, потому что ничего нѣтъ въ головѣ», говорилъ онъ смиренно не мнѣ одному, когда его спрашивали, скоро ли появится какой-либо его новый романъ. Не столько по своей доброй волѣ, сколько, по видимому, по настоянію другихъ, смущавшихся и недоумѣвавшихъ при видѣ его полного бездѣйствія въ то время, когда онъ далеко еще не былъ старъ, онъ взялся за перо и написалъ «Милліонъ терзаній». Получивъ отъ него экземпляръ этой статьи почти одновременно съ книжкой «Вѣстника Европы», въ которой статья эта была напечатана, я вскорѣ встрѣтился съ нимъ на улицѣ. Пойдя вмѣстѣ совершать свой обычный туръ—по набережной Невы до Главнаго Штаба и обратно, я нашелъ его въ веселомъ и бодромъ настроеніи духа. Начавъ снова писать, онъ видимо ободрился и былъ доволенъ собой, говорилъ, что можетъ быть напишетъ еще нѣсколько подобныхъ этюдовъ—не о новѣйшихъ писателяхъ, изъ которыхъ многихъ онъ, какъ признавался, даже вовсе не читалъ, а о тѣхъ, которыхъ читалъ и изучалъ еще въ молодости, которыхъ переживалъ въ періодъ полной энергіи своихъ художественныхъ силъ, какихъ именно—не сказалъ. Позже, когда я сталъ встрѣчаться съ нимъ рѣже, и наши бесѣды были менѣе продолжительны, а особенно когда, по причинѣ болѣзни глазъ, онъ долженъ былъ надѣть особаго рода окуляры, быстро исхудалъ до неузнаваемости и до того, что могъ ходить лишь въ сопровожденіи «няньки», какъ онъ называлъ водившую его подъ руку даму, когда прогулки его не простирались далѣе Моховой и части Литейной, я, встрѣчаясь съ нимъ, имѣлъ нескромность иногда спросить о предположенныхъ имъ этюдахъ... Появились его воспоминанія о лакеяхъ и объ Иркутскѣ, архіерея котораго, въ послѣдствіи митрополита московскаго, Иннокентія, подъ конецъ жизни подобно ему потерявшаго глаза, онъ особенно хвалилъ за его пастырскія и общечеловѣческія добродѣтели.

Настоящая статья была уже набрана и прислана мнѣ для корректуры, когда я, по поводу фельетона «Жителя» въ «Новомъ Времени», вспомнилъ, что написавъ ее, совершилъ актъ «нарушенія воли» знаменитаго писателя, о которой, признаюсь, совер-

шенно забылъ, когда, руководясь самыми лучшими чувствами, которыя питалъ всегда неизмѣнно къ нашему славному романисту, я рѣшился изложить свои воспоминанія о немъ. Подумавъ, я, однако, пришелъ къ тому убѣжденію, что мое настоящее воспоминаніе не составляетъ дѣла нехорошаго...

Запрещеніе великаго человѣка говорить о немъ въ печати даже послѣ его смерти, говорить одно хорошее, одну правду, составляетъ, по моему мнѣнію, симптомъ «болѣзни воли», ничѣмъ неоправдываемый капризь, совершенно однородный съ тѣмъ патологическимъ душевнымъ состояніемъ, которое привело Гоголя къ сожженію второй половины «Мертвыхъ душъ». Если Гоголя, какъ я думаю, за это «лишеніе жизни» своего лучшаго дѣтища слѣдовало судить—духовнымъ общественнымъ судомъ, тѣмъ судомъ, какимъ судили и (по моему мнѣнію—несправедливо) осудили его за «Переписку съ друзьями»,—и, по меньшей мѣрѣ—послать его на епитимію хоть къ отцу Матвѣю, то «воля» Гончарова о томъ, чтобы о немъ никто не смѣлъ ничего сказать въ печати послѣ его смерти (если дѣйствительно такова была его предсмертная воля) по меньшей мѣрѣ не должна быть приводима въ исполненіе... Когда человѣкъ хочетъ совершить самоубійство (физическое), можно ли не «нарушить его воли» и не слѣдуетъ ли помѣшать, по возможности, исполнить ее? А что такое, если не самоубійство—въ духовномъ смыслѣ—требованіе знаменитаго писателя, чтобы вмѣстѣ съ его физическою смертію, онъ умеръ для насъ и духовно, чтобы послѣ его смерти всѣ непременно забыли его свѣтлый и симпатичный образъ и отнюдь не желали воскресить его въ своихъ воспоминаніяхъ? По какому праву человѣкъ, умирая физически не по своей волѣ (по закону природы), своею волею хочетъ умертвить себя духовно?

Говорить о личности писателя, о его интимной жизни и внутреннемъ мірѣ, противъ его желанія при его жизни, пожалуй, дѣйствительно, предосудительно, потому-что это походило бы на шантажъ. Но послѣ его смерти, его личность во всемъ ея объемѣ составляетъ такое же общественное достояніе, какъ и его сочиненія,—потому-что узнать его внутренній міръ, черты его жизни и характера, поучительно для всѣхъ и необходимо для полнѣйшаго уразумѣнія его твореній, что составляетъ, по моему мнѣнію, непререкаемое право общества. Бывъ членомъ общества, которому сознательно служилъ своею литературною дѣятельностью, пользовавшись правами члена общества, онъ долженъ нести на себѣ и обязанности члена общества, которыя для писателя, между прочимъ, состоятъ и въ томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, послѣ смерти дать узнать себя и свой внутренній міръ возможно полно и всесторонне потому, что, повторяю, и жизнь гениальнаго человѣка поучительна иногда не менѣе, чѣмъ его творенія. Для того, чтобы

изобразить столь гениально людей, хорошихъ и дурныхъ, какъ это сдѣлано Гончаровымъ въ его сочиненіяхъ, онъ наблюдалъ и изучалъ ихъ, безъ ихъ вѣдома и можетъ быть противъ ихъ желанія, и никто ему въ томъ не препятствовалъ, по той простой причинѣ, что таковы условія общественности, неустрашимыя и неизмѣнныя: живя среди людей, нельзя не видѣть и не узнать ихъ, ровно какъ нельзя никоимъ образомъ уклониться отъ наблюденія и изученія себя другими,—для этого необходимо было бы удалиться въ добровольное одиночное заключеніе, или затвориться въ «столпѣ», по примѣру древнихъ аскетовъ. И покойный Иванъ Александровичъ, когда жилъ среди общества, не дѣлалъ изъ своей личности тайны ни для кого изъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, а потому не могъ и отнимать права знать какъ его личность, такъ и его міросозерцаніе, и общество, по моему мнѣнію, имѣетъ неоспоримое и неотъемлимое право отъ лицъ, его знавшихъ, ознакомиться съ внутреннимъ міромъ и внѣшнею жизнію своего нравописателя, послѣ его смерти... Наконецъ, забыть того, кого любишь и уважаешь—а кто не любилъ и не уважалъ Гончарова изъ читавшихъ его сочиненія?—свыше силъ человѣческихъ, и чѣмъ больше кого любишь и чтить, тѣмъ большее желаніе узнать о немъ возможно больше, даже не одно только хорошее. Всякій знаетъ, что и писатель — человѣкъ, и ничто человѣческое ему не чуждо.

De mortuis aut bene, aut nihil,—говорили древніе. Но во-первыхъ, это говорилось не о великихъ людяхъ, а о людяхъ вообще, это было мѣстное правило общежитія, а не органическій законъ изъ кодекса узаконенныхъ естественнымъ, гражданскимъ и государственнымъ правомъ народовъ способовъ духовно-нравственнаго развитія человѣчества. Во-вторыхъ, этимъ правиломъ предписывалось говорить одно хорошее объ умершемъ, но отнюдь не запрещалось говорить о немъ вовсе... Но есть и другое изреченіе на этотъ предметъ, принадлежащее одному изъ великихъ отечественныхъ предшественниковъ Гончарова:

«За слова меня пусть гложетъ

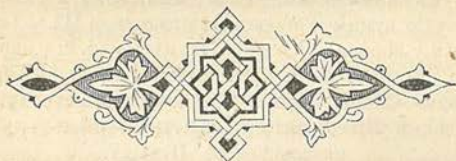
«За дѣла—историкъ—чтить»...

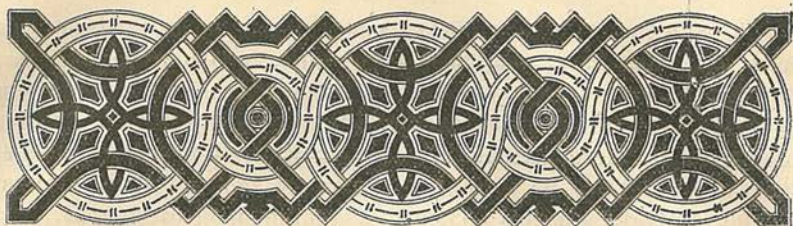
И это желаніе, позволяющее еще при жизни писателя не только «чтить» его, но и «глодать», если онъ того заслуживаетъ, мнѣ кажется, гораздо естественнѣе и разумнѣе со стороны писателя. «Глодать» Гончарова, мнѣ кажется, не придетъ на мысль самому злему его зоилу, потому-что незачто, но чтить его за слова и за дѣла—слова писателя суть также его дѣла—да будетъ позволено.

Конечно Гончаровъ, подобно Горацію, Державину и Пушкину, могъ сказать о себѣ: «Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный... Нѣтъ, весь я не умру» — такъ какъ его сочиненія безъ всякаго сомнѣнія навсегда останутся въ числѣ классическихъ произведеній нашей литературы. Но съ другой стороны слѣдуетъ помнить,

что не одно печатно сказанное слово писателя составляет служеніе его обществу, не то только одно, что написано имъ въ книгѣ, составляет его умственное богатство, долженствующее сдѣлаться достояніемъ общества и цѣлаго человечества. Нерѣдко, и даже очень часто, мысли, выраженные лишь изустно, которыхъ писатель не хотѣлъ, не успѣлъ или почему-либо не могъ изложить печатно, имѣютъ гораздо большее значеніе и достоинство, чѣмъ его печатныя произведенія. Какъ не повѣдать міру этихъ рѣчей тому, кто ихъ слышалъ и вѣрно сохранилъ въ памяти? Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду не то «нѣчто», что сообщаю о Гончаровѣ въ своемъ «воспоминаніи»... Въ самомъ дѣлѣ какого колоссальнаго умственнаго богатства лишилось бы человечество, если бы не существовало накопившейся вѣками массы біографическихкихъ матеріаловъ, изысканій, мемуаровъ, воспоминаній о великихъ людяхъ, появившихся уже послѣ ихъ смерти! Шекспиръ, Шиллеръ, Гете, Байронъ, Гейне и т. д., наши Пушкинъ, Лермонтовъ и т. д. не болѣе ли сдѣлались извѣстными міру—въ своемъ міросозерцаніи, въ своей внутренней и внѣшней жизни—послѣ ихъ смерти, нежели на сколько ихъ знали при жизни по ихъ сочиненіямъ?

Н. Барсовъ.

ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІЙ.

I.

Польскія козни и начало самозванства.

Три фамиліи, виновныя въ самозванческой интригѣ. — Вѣроятное происхожденіе самозванца. — Руководящее участіе Льва Сапѣги и связь его посольства съ сею интригой. — Григорій Отрепьевъ. — Объявленіе названнаго Дмитрія Вишневецкими. — Комедія съ примѣтами. — Роль Мнишковъ и самборское пребываніе Лжедмитрія. — Участіе нунція Рангони и Сигизмунда III. — Лжедмитрій въ Краковѣ. — Его аудіенція у короля. — Участіе іезуитовъ въ его обращеніи. — Его лицемѣріе. — Всесильные покровители и противники обмана. — Янъ Замойскій. — Приготовленія къ походу. — Мѣры Бориса Годунова и его суевѣріе. — Ошибочное отождествленіе въ Москвѣ Лжедмитрія съ Отрепьевымъ. — По сему поводу два посольства въ Польшу.

РОДОЛЖАЯ послѣдовательно свой главный трудъ, т. е. Исторію Россіи и вступивъ въ XVII столѣтіе, естественно я не могъ обойти стоящій у его начала вопросъ о первомъ самозванцѣ, и долженъ былъ подвергнуть новому, возможно тщательному пересмотру этотъ темный, весьма запутанный вопросъ, породившій въ русской исторической литературѣ столько всякихъ толковъ, догадокъ и споровъ. О послѣднихъ скажемъ ниже; а теперь прямо изложимъ исторію возникновенія Лжедмитрія въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется намъ на основаніи помянутаго пересмотра.

Адскій замыселъ противъ Московскаго государства—замыселъ, плодомъ котораго явился самозванецъ — возникъ и осуществился въ средѣ враждебной намъ польской и ополяченной западно-русской аристократіи. Три фамиліи были главными зачинщиками и организаторами этой гнусной польской интриги: коренные католики Мнишки, незадолго измѣнившіе православію Сапѣги и стоявшая уже на пути къ ополяченію или окатоличенію семья Вишневецкихъ. Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга желалъ внести смуту въ Московское государство, чтобы ею могла воспользоваться Рѣчь Посполитая; слѣдовательно дѣйствовалъ въ видахъ политическихъ; Юрій Мнишекъ, воевода Сендомірскій, руководился по преимуществу личными интересами; этотъ старый интриганъ хотѣлъ поправить свое разстроенное состояніе и блистательнымъ образомъ пристроить одну изъ своихъ дочерей. А два брата Вишневецкихъ, Адамъ и Константинъ, повидимому вовлеклись въ интригу по своему съ Мнишками. Адамъ еще держался православія, но отличался распущенными нравами; братъ же его Константинъ, женатый на Урсулѣ Мнишковнѣ, успѣлъ уже перейти въ католичество.

Идея самозванства вытекала почти сама собою изъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась тогда Московская Русь. Эта идея уже носилась въ воздухѣ со времени трагической смерти царевича Дмитрія, которая безъ сомнѣнія продолжала служить въ народѣ предметомъ разнообразныхъ толковъ и пересудовъ. Отъ нихъ недалеко было и до появленія легенды о чудесномъ спасеніи, которому такъ склонна вѣрить всякая народная толпа, особенно недовольная настоящимъ, жаждущая переменъ, и прежде всего конечно переменъ правительственныхъ лицъ. Мы знаемъ, что Борису Годунову и по характеру своему, и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ не удалось ни пріобрѣсти народное расположеніе, ни примирить съ необычайнымъ возвышеніемъ своей фамиліи старыя боярскіе роды. Всякому постороннему наблюдателю была очевидна шаткость его положенія и непрочность новой династіи, еще неуспѣвшей пустить корни въ странѣ. Мысль выставить противъ Годуновыхъ хотя бы одну тѣнь прирожденнаго наслѣдника престолу должна была представиться очень соблазнительною; успѣхъ казался легко достижимымъ. Идея самозванства по всей вѣроятности не малое время носилась въ разныхъ головахъ и внутри Московскаго государства, и видъ его предѣловъ, пока осуществилась на дѣлѣ. Гораздо удобнѣе могла она осуществиться, конечно, не внутри государства, а въ такой сосѣдней и непріязненной ему странѣ, какою была Рѣчь Посполитая съ ея своевольнымъ панствомъ и хищнымъ украинскимъ казачествомъ. Здѣсь уже и прежде практиковались опыты выставять самозванцевъ для сосѣдей, а именно для Молдо-Валахіи. Во второй половинѣ XVI вѣка не одинъ смѣльчакъ, назвавшій себя сыномъ или родственникомъ какого-

либо умершаго господаря, добывалъ, хотя бы и на короткое время, господарскій престоль съ помощью вольныхъ казацкихъ дружинъ. (Къ числу такихъ самозванцевъ принадлежали извѣстные Ивоня и названный его братъ Подкова). Праздная, бурная часть польско-русской шляхты и казацкая вольница представляли готовый матеріаль для всякаго отчаяннаго предпріятія, въ случаѣ успѣха обѣщавшаго богатую добычу и громкую славу. Если для добыванія господарскаго престола какой-нибудь Молдавіи претенденты собирали здѣсь тысячи смѣльчаковъ, то сколько же можно было найти ихъ для такого заманчиваго предпріятія, какъ завоеваніе Московскаго царскаго престола!

Кто былъ первый самозванецъ, принявшій на себя имя царевича Димитрія, можетъ быть навсегда останется тайною для исторіи. Есть темное извѣстіе, которое называетъ его побочнымъ сыномъ Стефана Баторія, вѣроятно отъ какой-нибудь шляхтянки—извѣстіе само по себѣ достойное вниманія; но мы не можемъ ни принять его, ни отвергнуть за недостаткомъ болѣе положительныхъ данныхъ. Можемъ только заключать, что, по разнымъ признакамъ, это былъ уроженецъ Западной Руси и притомъ шляхетскаго происхожденія. Въ какой религіи онъ былъ воспитанъ, трудно сказать: можетъ быть, въ православной; а возможно, что онъ принадлежалъ къ реформаціи и даже къ столь распространенному тогда въ Литовской Руси арианству. Во всякомъ случаѣ на историческую сцену молодой самозванецъ выступилъ изъ среды бѣднаго шляхетства, которое наполняло двory богатыхъ польскихъ и западнорусскихъ пановъ, нерѣдко переходя на службу отъ одного изъ нихъ къ другому. Это былъ хотя и легкомысленный, но несомнѣнно даровитый, предпріимчивый и храбрый человекъ, съ сильно развитой фантазіей и склонностью къ романтическимъ приключеніямъ. Сдается намъ, что и самый толчокъ къ столь отчаянному предпріятію, самая мысль о самозванствѣ явилась у него не безъ связи съ романтическими отношеніями къ Маринѣ, дочери Сендомірскаго воеводы, у котораго нѣкоторое время онъ, повидимому, находился на службѣ. Возможно, что кокетливая, честолюбивая полька, руководимая старымъ интриганомъ отцомъ, вскруживъ голову бѣдному шляхтичу, сама внушила ему эту дерзкую мысль. Какъ бы то ни было, сіе столь обильное послѣдствіями, предпріятіе, по нашему крайнему разумѣнію, получило свое таинственное начало въ семьѣ Мнишковъ, и было ведено съ ихъ стороны весьма ловко. Очевидно они разсчитывали: въ случаѣ удачи воспользоваться всѣми ея выгодами, а въ случаѣ неудачи остаться по возможности въ сторонѣ. Самое объявленіе названнаго царевича должно было совершиться не въ ихъ домѣ, а въ другомъ, хотя и родственномъ, именно у Вишневецкихъ, притомъ не у католика Константина Вишневецкаго, женатаго на Урсулѣ, младшей сестрѣ Марины, и слѣдова-

тельно слишкомъ близкаго къ семьѣ Мнишковъ, а у его православнаго брата Адама. Урсула конечно была въ этой интригѣ усерднымъ агентомъ своей старшей сестры, которая въ ожиданіи Московской короны успѣла уже сдѣлаться зрѣлою дѣвою.

Неизвѣстно, какимъ способомъ Мнишки сумѣли привлечь къ своей интригѣ литовскаго канцлера Льва Сапѣгу; а, можетъ быть, и даже вѣроятнѣе, онъ-то и былъ первымъ инициаторомъ замысла и самихъ Мнишковъ натолкнулъ на это предпріятіе. Во всякомъ случаѣ его близкое участіе въ сей интригѣ не подлежитъ сомнѣнію. Какъ сановникъ, вѣдавшій иноземныя сношенія, онъ хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ; имѣлъ случай наблюдать его и собственными глазами, такъ какъ былъ посломъ въ Москвѣ еще въ царствованіе Ѳедора Ивановича. Радѣя интересамъ Рѣчи Посполитой и своей новой религіи, т. е. католицизму, онъ сдѣлался ярымъ врагомъ Московской Руси и хотѣлъ широко воспользоваться обстоятельствами для своихъ политическихъ видовъ. Можно смѣло предположить, что онъ не только поощрилъ интригу Мнишковъ, но явился главнымъ ея двигателемъ, заставивъ тайно дѣйствовать имѣвшіеся въ его распоряженіи государственныя средства. Въ ноябрѣ 1600 года, какъ извѣстно, Левъ Сапѣга вторично прибылъ въ Москву, въ качествѣ великаго посла отъ польско-литовскаго короля Сигизмунда III къ недавно воцарившемуся въ Москвѣ Борису Годунову, для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Но при семъ онъ выставилъ такія невозможныя требованія и держалъ себя такъ надменно, что вызвалъ большіе споры и пререканія съ московскими боярами. Долго, около девяти мѣсяцевъ, Годуновъ задерживалъ это посольство, — какъ оказалось потомъ, задерживалъ на свою голову, — пока заключено было двадцатилѣтнее перемиріе. Несмотря на строгій присмотръ, которымъ окружено было посольство, Сапѣга сумѣлъ войти въ какія-то тайныя сношенія съ нѣкоторыми противными Годунову дьяками и боярами, вообще развѣдать и подготовить, что было нужно для дѣла самозванца. Мало того, есть полное основаніе полагать, что самъ этотъ будущій самозванецъ участвовалъ въ огромной польской свитѣ (заключавшей въ себѣ до 900 человекъ), и такимъ образомъ имѣлъ возможность ознакомиться съ Москвою, ея дворомъ, населеніемъ и разными порядками. Вѣроятно онъ продлилъ свое пребываніе здѣсь и послѣ отъѣзда посольства, бродилъ по Московской Руси въ товариществѣ съ нѣсколькими монахами, переодѣтый чернецомъ, и при помощи какихъ-то доброхотовъ благополучно переправился назадъ за литовскій рубежъ, сквозь пограничныя русскія заставы.

Въ числѣ помянутыхъ бродячихъ монаховъ, вмѣстѣ съ нимъ или отдѣльно отъ него ушедшихъ за литовскій рубежъ, находился и тотъ Григорій Отрепьевъ, котораго потомъ московское правитель-

ство объявило лицомъ тождественнымъ съ первымъ Лжедмитріемъ. Тождество сіе, по тщательному пересмотру вопроса, оказывается ложнымъ. Тѣмъ не менѣе бѣгство Отрепьева изъ Москвы и его прямое участіе въ дѣлѣ самозванца едва ли подлежатъ сомнѣнію; хотя и нѣтъ пока возможности достаточно выяснить его истинную роль въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно только, что Юрій Отрепьевъ былъ родомъ изъ галицкихъ боярскихъ дѣтей, въ дѣтствѣ остался сиротою послѣ отца Богдана, оказался способнымъ при обученіи грамотѣ, въ юности появился въ Москвѣ, жилъ нѣкоторое время въ услуженіи у бояръ Романовыхъ и ихъ свойственника князя Черкаскаго. Затѣмъ онъ становится монахомъ, принявъ имя Григорія, и попадаетъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ постригся дѣдъ его Замятня; тамъ вскорѣ его посвятили въ дьяконы. Своею грамотностію и сочиненіемъ каноновъ чудотворцамъ Григорій обратилъ на себя вниманіе самого патріарха Іова, который взялъ его къ себѣ; потомъ даже бралъ его съ собою въ царскую думу, гдѣ онъ могъ наблюдать придворные и правительственные порядки Московскаго государства (чѣмъ и могъ впоследствии быть полезенъ самозванцу). Но молодой Отрепьевъ любилъ выпить и былъ не въ мѣру болтливъ. Какія-то похвалы или неосторожныя рѣчи о смерти царевича Димитрія, о возможности того, что царевичъ спасся отъ убійць и скоро объявится, навлекли на него подозрѣніе. Донесли о томъ патріарху; послѣдній не далъ вѣры; тогда донесли самому царю Борису. Тотъ велѣлъ дьяку Смирному-Васильеву сослать нескромнаго монаха подъ начало въ Соловки за его яко бы занятія чернокнижествомъ. Но у Григорія нашлись заступники; дьякъ не спѣшилъ исполнить приказъ, а потомъ о немъ забылъ. Узнавъ о грозящей опасности, Отрепьевъ бѣжалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ двумя другими чернецами, Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ. Послѣ разныхъ странствій и приключеній, бѣглецы перебрались за Литовскую границу, побывали въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ, потомъ жили нѣкоторое время въ Острогѣ у извѣстнаго князя Константина-Василія Острожскаго. Отсюда Григорій отправился къ пану Гойскому въ его мѣстечко Гошу, которая тогда славилась своею аріанскою школою. А затѣмъ слѣдъ Григорія какъ бы пропадаетъ изъ глазъ исторіи. Вскорѣ въ Западной Руси объявился человекъ, назвавшій себя царевичемъ Димитріемъ.

Весьма возможно, что во время пребыванія Сапѣгина посольства въ Москвѣ какіе-то посредники привлекли Отрепьева къ задуманному предпріятію и свели его съ тѣмъ шляхтичемъ, который готовился принять на себя имя Димитрія. Можетъ быть, Отрепьевъ сдѣлался его руководителемъ въ странствованіяхъ и въ ознакомленіи съ Московскою Русью, а также однимъ изъ агенто́въ для распространенія вѣсти о чудесномъ спасеніи царевича Димитрія. По нѣкоторому извѣстію, тотъ же Отрепьевъ изъ Литвы, и, конечно,

не одинъ, ѣздилъ на Донъ, чтобы поднять казаковъ на помощь мнимому царевичу; а самъ этотъ мнимый царевичъ, повидимому, въ то время ѣздилъ на Запорожье съ тою же цѣлю. Наконецъ, имѣемъ довольно достоверное извѣстіе, что Григорій Отрепьевъ сопровождалъ Лжедмитрія при его походѣ въ Московское государство.

Темные слухи о какой-то интригѣ, переплетенной съ именемъ и судьбою царевича, рано дошли до Бориса и сильно его смутили. Едва ли не въ связи съ ними воздвигнуто было извѣстное гоненіе на семью Романовыхъ, а также ихъ родственниковъ и свойственниковъ Черкасскихъ, Репнивыхъ, Сицкихъ и др. Гоненіе это началось какъ разъ во время Сапѣгина посольства. Предлогомъ для того, какъ извѣстно, послужили мѣшки съ какими-то подозрительными кореньями, яко бы найденными въ кладовой одного изъ братьевъ Романовыхъ. Точно также впоследствии, когда гласно объявился названный Дмитрій, Борисъ, узнавъ, что дьякъ Смирной-Васильевъ не исполнилъ его повелѣнія относительно Григорія Отрепьева, придумалъ для наказанія дьяка совѣмъ иной предлогъ: царь велѣлъ провѣрить дворцовую казну; на Смирнова при этомъ сдѣлали большой начетъ, подвергли его правезу и забили до смерти.

И такъ 1600—1601 годы были эпохою первыхъ, темныхъ слуховъ о самозванческой интригѣ. Та же эпоха отмѣчена несомнѣннымъ переломомъ въ поведеніи царя Бориса: онъ становится крайне подозрителенъ, поощряетъ шпіонство и доносы, ищетъ и преслѣдуетъ своихъ тайныхъ враговъ. Очевидно помянутые слухи подѣйствовали на него крайне раздражающимъ образомъ. Современныя свидѣтельства говорятъ, что не рѣшаясь прибѣгать къ явнымъ казнямъ, онъ приказываетъ изводить подозрѣваемыхъ людей разными другими способами: ихъ морили голодомъ въ тюрьмахъ, забивали палками, спускали подъ ледъ и т. п. Борисъ сталъ недовѣрчиво относиться къ сосѣдямъ; особенно опасался поляковъ и ожидалъ отсюда грозы; ибо съ западнаго рубежа уже приходили зловѣщіе слухи о близкомъ появленіи Дмитрія. Эти опасенія и тревожные слухи сообщались окружающимъ, а отъ нихъ проникали и въ народъ. По Москвѣ стали ходить разказы о разныхъ видѣніяхъ и знаменіяхъ, предвѣщавшихъ ужасныя бѣды со стороны Польши. Страшный голодъ, угнетавшій въ то время населеніе, казался только началомъ великихъ бѣдствій, долженствовавшихъ разразиться надъ Русскою землею.

Человѣкъ, принявшій на себя имя царевича Дмитрія, объявился приблизительно во второй половинѣ 1603 года. Объявился онъ въ числѣ слугъ богатаго западнорусскаго вельможи князя Адама Вишневецкаго, въ его мѣстечкѣ Брагинѣ, которое было расположено недалеко отъ Днѣпра, почти на самомъ пограничьи съ Московскою Сѣверщиной. Названный Дмитрій представлялъ изъ себя

хотя молодого человекѣка, но уже не первой молодости, — бывшаго по крайней мѣрѣ на пять лѣтъ старше убитаго царевича. Небольшого роста, худощавый, но крѣпко сложенный, онъ отличался физическою силою и ловкостью въ военныхъ упражненіяхъ; у него были рыжеватые волосы, сѣрые глаза, смуглое некрасивое лицо; за то онъ обладалъ звучнымъ голосомъ, даромъ слова и притомъ нелишенъ былъ нѣкотораго образованія. Вообще онъ былъ способенъ при случаѣ производить впечатлѣніе и убѣждать, увлекать за собой другихъ. Тѣ, которые выставили его, безъ сомнѣнія приняли въ расчетъ всѣ эти качества.

Объявленіе названнаго царевича произошло какъ бы случайно. По этому поводу существуютъ разные рассказы, болѣе или менѣе сомнительнаго свойства. Такъ, по одному сказанію, молодецъ казался опасно больнымъ и позвалъ для предсмертной исповѣди священника; а сему послѣднему за великую тайну сообщилъ, что онъ не тотъ, за кого его принимаютъ, и просилъ послѣ его смерти прочесть скрытый подъ постелью свитокъ, который все разъяснить. Священникъ сообщилъ о семъ самому пану, т. е. князю Адаму; а тотъ поспѣшилъ конечно взять указанный свитокъ, и узналъ изъ него, что въ числѣ его слугъ скрывался никто иной какъ самъ московскій царевичъ Димитрій, яко бы чудеснымъ образомъ спасенный отъ гибели, которую готовилъ ему Борисъ Годуновъ. Обрадованный князь Адамъ тотчасъ началъ оказывать всевозможныя почести мнимобольному, который, разумѣется, не замедлил выздоровѣть. По другой баснѣ, открытіе произошло въ банѣ, гдѣ князь Адамъ, за чтѣ-то разсердясь на слугу, ударилъ его. Тотъ горько заплакалъ и сказалъ, что если бы князь зналъ, кто онъ такой, то иначе обращался бы съ нимъ. И затѣмъ по настоянію пана открылъ ему свое царственное происхожденіе. Само собою разумѣется, что объявленіе мнимаго царевича должно было произойти вслѣдствіе той или другой случайности, заранее условленной между главными дѣйствующими лицами. Рассказъ Лжедимитрія о его спасеніи и послѣдующей судьбѣ заключался въ немногихъ словахъ: какой-то приближенный человекъ или его докторъ, узнавъ о готовившейся царевичу гибели, подмѣнилъ его на ночь другимъ мальчикомъ, который и былъ убитъ вмѣсто него. Затѣмъ доброты царевича скрыли его куда-то и воспитывали въ неизвѣстности; потомъ онъ подъ видомъ чернеца странствовалъ по монастырямъ, пока не ушелъ въ Литву. Не говоря уже о небываломъ ночномъ убійствѣ, никакихъ точныхъ указаній на лица и обстоятельства, никакихъ достовѣрныхъ подробностей онъ не могъ представить; только показывалъ золотой крестъ, украшенный драгоценными камнями и будто бы данный ему крестнымъ отцомъ, покойнымъ княземъ Оед. Ив. Мстиславскимъ. И однако вся эта явно сочиненная, нелѣпая басня имѣла потомъ полный успѣхъ;

ибо нашла вполне благоприятную для себя почву и какъ бы отвѣчала на потребность времени. Даже нѣкоторыя тѣлесныя отличія или примѣты самозванца и тѣ пошли въ дѣло; у него оказалась бородавка на щекѣ, родимое пятнышко на правомъ плечѣ и одна рука короче другой. Эти примѣты объявлены принадлежавшими маленькому царевичу Дмитрію, и съ нихъ начато было удостовѣреніе въ его подлинности.

Распустивъ по окрестностямъ извѣстіе о новоявленномъ царевичѣ, Адамъ Вишневецкій спѣшилъ какъ бы подѣлиться своимъ радостью съ братомъ Константиномъ, и изъ Брагина самъ повезъ мнимаго Дмитрія къ нему на Волинь, гдѣ были обширныя помѣстья Вишневецкихъ и самое гнѣздо фамилии—замокъ Виснѣвецъ, расположенный на берегахъ Горыни. Здѣсь устроена была слѣдующая комедія, съ помощью канцлера Льва Сапѣги. У сего послѣдняго находился въ услуженіи какой-то бѣглый москвитинъ, называвшій себя Юріемъ Петровскимъ. Онъ говорилъ о себѣ, будто бывалъ въ Угличѣ и видалъ маленькаго царевича. Вишневецкіе призвали его и показали ему названнаго Дмитрія. Слуга какъ только осмотрѣлъ вышеназванныя примѣты, такъ и воскликнулъ: «Да, это истинный царевичъ Дмитрій!» Константинъ Вишневецкій тоже не долго мѣшкалъ у себя съ новооткрытымъ царевичемъ, и повезъ его въ Червонную Русь къ своему тестю Юрію Мнишку, въ замокъ Самборъ. Этотъ деревянный замокъ былъ расположенъ въ прекрасной мѣстности, на верхнемъ теченіи Днѣстра, и служилъ средоточіемъ королевскихъ столовыхъ имѣній того края или такъ называемой «экономіи». Мнишекъ, въ молодые годы вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ бывшій любимцемъ и самымъ приближеннымъ челоувѣкомъ короля Сигизмунда II Августа, подъ старость счумѣлъ втереться въ милость Сигизмунда III, получилъ отъ него воеводство Сендомірское, староство Львовское и управление Самборской экономіей.

Старый интриганъ ловко разыгралъ радушнаго хозяина, удивленнаго и обрадованнаго прибытіемъ столь неожиданнаго и высокаго гостя. Повторилась та же комедія съ примѣтами. Въ Самборѣ оказался слуга, при осадѣ Пскова попавшій въ московскій плѣнъ и будто бы во время своего плѣна выдавшій царевича Дмитрія. Теперь онъ призналъ его въ неожиданномъ гостѣ. Потомъ стали пріѣзжать нѣкоторые московскіе выходцы, бѣжавшіе въ Литву при Иванѣ IV или при Годуновѣ, и такъ какъ имъ не было никакого интереса отрицать басню, на которой настаивали въ Самборѣ, то они охотно подтверждали признаніе. Названный Дмитрій замѣшкался здѣсь на продолжительное время; что несомнѣнно выдаетъ значеніе Самборскаго воеводскаго двора какъ главнаго очага интриги. Мнишекъ сталъ приглашать окрестныхъ пановъ съ ихъ семьями и задавать пиры въ честь мнимаго царе-

веча, стараясь какъ можно болѣе сдѣлать его извѣстнымъ, расположить въ его пользу польско-русскую шляхту и подготовить ея участіе въ его предпріятіи. Отъ многочисленныхъ гостей не скрывалось его настойчивое ухаживаніе за панной Мариной Мнишковной, которая играла конечно роль царицы Самборскихъ празднествъ и баловъ, питая сладкую надежду вскорѣ сдѣлаться царицею московскою. По наружности своей Марина была подъ стать Лжедмитрію, ибо отнюдь не представляла изъ себя какой-либо выдающейся красавицы; небольшого роста, худенькая шатинка, съ довольно неправильными чертами лица, она привлекала вниманіе мужчинъ парюю пригожихъ глазъ, живостью характера и истинно польскою кокетливостью.

Пока молодежь предавалась здѣсь танцамъ и веселью, а старшее поколѣніе упивалось венгерскимъ, шла дѣятельная работа по разнымъ тайнымъ сношеніямъ. Съ одной стороны вѣрные агенты ѣздили къ Донскимъ и Запорожскимъ казакамъ поднимать ихъ на службу названному царевичу, обѣщая великія и щедрыя награды; а съ другой велись усердные переговоры съ краковскимъ королевскимъ дворомъ.

Безъ прямого покровительства и содѣйствія короля трудно, почти невозможно было рассчитывать на успѣшный исходъ предпріятія. Коноводы его повели на Сигизмунда III приступы съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны дѣйствовали внушенія канцлера Сапѣги и нѣкоторыхъ единомышленныхъ съ нимъ сановниковъ, напримѣръ виленскаго епископа Венедикта Войны и краковскаго воеводы Николая Зебжидовскаго. Они представили королю тѣ выгоды, которыя могла получить Рѣчь Посполитая, въ случаѣ удачи отъ человѣка, посаженнаго ею на престолъ Московскаго государства, а въ случаѣ неудачи отъ имѣвшей произойти тамъ смуты. Главнымъ образомъ конечно имѣлось въ виду отторженіе отъ Москвы областей Сѣверской и Смоленской, входившихъ когда-то въ составъ великаго княжества Литовскаго. Лично для Сигизмунда являлась надежда отвлечь Москву отъ союза съ его дядею Карломъ, захватившимъ шведскій престолъ, и даже съ ея помощью воротить себѣ этотъ престолъ. Съ другой стороны начинатели дѣла постарались затронуть извѣстную католическую ревность Сигизмунда III и обратились къ помощи высшаго духовенства. У Мнишка и тутъ были сильныя связи; такъ кардиналь-епископъ краковскій Бернардь Мацѣйовскій приходился родственникомъ, и началъ охотно помогать ему въ семь дѣлѣ. Еще важнѣе то, что Мнишку удалось приобрести усерднаго себѣ пособника въ лицѣ папскаго нунція Клавдія Рангони. Юрій Мнишекъ писалъ къ нему самъ, заставляя писать и Лжедмитрія. Рангони пока не отвѣчалъ послѣднему, но письма его сообщалъ въ Римъ при своихъ донесеніяхъ. Въ первыхъ сообщеніяхъ, отправленныхъ въ ноя-

брѣ 1603 года, нунцій приводитъ слышанную имъ отъ самого короля басню о чудесномъ спасеніи царевича, повидимому не настаивая на ея достовѣрности. Самъ папа Климентъ VIII отнесся къ ней въ началѣ недоувѣрчиво, и написалъ на донесеніи нунція: «это въ родѣ воскресшаго короля Португальскаго» (извѣстнаго Лжесебастьяна). Тѣмъ не менѣе католичество и папство не могли конечно устоять противъ, указанной Мнишкомъ, столь соблазнительной перспективы, какъ распространеніе только-что введенной въ Западной Руси церковной уніи и на всю Восточную Русь посредствомъ будущаго самодержавнаго царя, выражающаго явную склонность немедленно перейти въ католицизмъ. По сему вопросу начались дѣятельные переговоры между Краковымъ и Самборомъ съ одной стороны и между Краковымъ и Римомъ съ другой, въ смыслѣ благопріятномъ для самозванца. Изъ роли наблюдателя Рангони скоро перешель къ роли усерднаго его сторонника.

При всей недалковидности своей, Сигизмундъ III понималъ, что имѣеть дѣло съ грубымъ обманомъ; однако уступилъ помянутымъ внушеніямъ и позволилъ вовлечь себя въ это гнусное дѣло. Свое участіе онъ началъ какъ бы съ соблюденіемъ нѣкоторой осторожности. Въ январѣ слѣдующаго 1604 года отъ Краковского двора посланъ былъ въ Самборъ для повѣрки личности Димитрія какой-то ливонецъ, будто бы нѣкогда находившійся у него въ услуженіи въ Угличѣ. Произошла новая комедія взаимнаго признанія. Названный Димитрій узналъ яко бы своего бывшего слугу; а сей послѣдній узналъ Димитрія по его отличительнымъ знакамъ, особенно по его неровой длины рукамъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, и этотъ лжесвидѣтель былъ подставленъ все тѣмъ же Львомъ Сапѣгой. Послѣ того, по приглашенію короля, въ мартѣ 1604 года, Лжедимитрій вмѣстѣ съ Константиномъ Вишневецкимъ прибылъ въ Краковъ, гдѣ остановился въ домѣ Мнишка. Вскорѣ туда же пріѣхалъ самъ хозяинъ, и также усердно началъ задабривать вліятельныхъ лицъ, знакомя ихъ съ мнимымъ царевичемъ, стараясь ласкательствомъ и угощеніями привлечь ихъ на его сторону. 13-го марта Мнишекъ давалъ пиръ для сенаторовъ. На этомъ пирѣ Рангони впервые увидаль Лжедимитрія. Въ его донесеніи Риму, по поводу перваго впечатлѣнія, уже замѣтно явное пристрастіе. «Димитрій—пишетъ онъ—молодой человекъ съ хорошою выдержкой, смуглый лицомъ, большимъ пятномъ на носу противъ праваго глаза; бѣлая продолговатая кисть руки указываетъ на его высокое происхожденіе; онъ смѣлъ въ рѣчахъ, а въ его поступкахъ и манерахъ отражается по истинѣ что-то великое».

Спустя два дня послѣ того, покровители самозванца, съ папскимъ нунціемъ во главѣ, добились самага важнаго: Лжедимитрій былъ принятъ королемъ въ аудіенціи. На ней присутствовали только немногіе сановники, каковы вице-канцлеръ, надворный мар-

шалъ, королевскій секретарь, виленскій епископъ Война и тотъ же нунцій Рангони. Сендомірскій воевода сопровождалъ своего будущаго зятя во дворець; но во время аудіенціи оставался въ передней комнатѣ. Король съ горделивою осанкою, имѣя шляпу на головѣ, стоялъ, опершись одною рукою на маленькій столикъ; а другую протянулъ вошедшему Лжедмитрію. Тотъ смиренно ее поцѣловалъ; а затѣмъ пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ фразъ о своихъ правахъ на московскій престолъ и своемъ спасеніи отъ козней Годунова. Оправясь отъ перваго смущенія, мнимый царевичъ началъ просить короля о помощи и даже напомнилъ ему, какъ онъ самъ родился узникомъ (во время заключенія его отца Іоанна, гонимаго своимъ братомъ королемъ шведскимъ Эрихомъ) и какъ много претерпѣлъ въ своемъ дѣтствѣ. Сигизмундъ далъ ему знакъ удалиться; послѣ чего нѣсколько времени совѣщался съ нунціемъ и вельможами. Мнимаго царевича позвали снова, и тутъ вице-канцлеръ держалъ къ нему отвѣтную рѣчь такого содержанія: король соизволилъ объявить, что вѣритъ словамъ просителя, признаетъ его истиннымъ царевичемъ Димитріемъ, намѣренъ назначить ему денежное вспоможеніе и разрѣшаетъ ему искать совѣта и помощи у королевскихъ дворянъ. Лжедмитрій выслушалъ этотъ отвѣтъ въ почтительной позѣ, съ наклоненной головою и сложенными на груди руками. Подѣйствовали ли на дерзкаго обманщика сухость и торжественность королевскаго приема, вмѣстѣ съ сознаниемъ своего ничтожества, или онъ ожидалъ болѣе существенныхъ знаковъ вниманія; только самозванецъ пришелъ еще въ большее смущеніе, такъ что не сказалъ ни слова, и нунцій за него обратился къ королю съ выраженіемъ благодарности.

Хотя король не обѣщалъ прямой государственной помощи, да и не могъ ея обѣщать безъ согласія сейма; однако означенной аудіенціей предпріятіе Лжедмитрія дѣлало большой шагъ впередъ: онъ былъ признанъ царевичемъ, могъ теперь свободно вербовать себѣ сторонниковъ и готовить военную экспедицію. Спустя нѣсколько дней, онъ вмѣстѣ съ Мнишкомъ сдѣлалъ парадный визитъ папскому нунцію уже какъ московскій царевичъ; при чемъ толпы народа сбѣжались посмотреть на иноземнаго принца, который привлекалъ общее вниманіе вслѣдствіе успѣвшихъ уже распространиться толковъ о его чудесномъ спасеніи. Мнимый царевичъ благодарилъ нунція за его ходатайство передъ королемъ и просилъ о такомъ же передъ римскимъ престоломъ, изъявляя свое глубокое уваженіе къ святѣйшему отцу и обѣщая заодно съ другими европейскими государями вооружиться противъ враговъ св. креста (турокъ), когда онъ возсядетъ на своемъ наслѣдственномъ тронѣ. Нунцій похвалилъ его чувства; но не преминулъ напомнить, что пора исполнить его обѣщаніе, т. е. перейти въ лоно католической церкви. Лжедмитрій не заставилъ себя долго убѣждать, и его

обращеніе вскорѣ совершилось, при помощи извѣстныхъ мастеровъ этого дѣла, т. е. отцовъ іезуитовъ.

Трудно сказать съ точностію, когда именно іезуитскій орденъ вмѣшался въ сію польскую интригу. Если вѣрить извѣстію, выходящему изъ среды самого ордена, то Лжедимитрій впервые вошелъ въ сношенія съ нѣсколькими іезуитами только по приѣздѣ въ Краковъ и при посредствѣ самборскаго священника Помаскаго. Этотъ Помаскій и нѣкоторые монахи францисканскаго ордена или бернардины, какъ ихъ называли въ Польшѣ, подготовили Лжедимитрія къ принятію католицизма; а іезуитамъ нунцій поручилъ собственно довершить его обращеніе. Дѣло это не представляло никакой трудности; ибо самозванецъ отлично понималъ, что только подъ симъ условіемъ онъ могъ рассчитывать въ Польшѣ на покровительство и помощь со стороны короля и могущественнаго духовенства. А потому онъ самъ шелъ на встрѣчу католическимъ убѣжденіямъ, и, ни во что самъ не вѣруя серьезно, показывалъ видъ, что очень занятъ вопросомъ объ истинной церкви, что склоненъ признать таковою католичество, только его будто бы волнуютъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя онъ желалъ бы разсѣять. По его просьбѣ воевода краковскій Зебжидовскій устроилъ ему въ своемъ домѣ свиданіе съ двумя іезуитскими патерами, Гродзицкимъ и Савицкимъ; но свиданіе это было обставлено таинственностію, чтобы не возбуждать подозрѣній со стороны тѣхъ русскихъ людей, которые уже успѣли пристать къ самозванцу и состояли въ его свитѣ. Въ бесѣдѣ съ іезуитами Лжедимитрій высказалъ свои сомнѣнія относительно трехъ извѣстныхъ пунктовъ: догмата о происхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, причастія подъ однимъ видомъ и папы какъ намѣстника Христова. Произшли довольно оживленныя пренія; при чемъ іезуиты замѣтили, что названный царевичъ въ значительной степени напитанъ аріанскою ересью. Несмотря на многія его возраженія, конечно, они постарались устранить все его сомнѣнія и недоумѣнія, такъ что въ концѣ бесѣды онъ казался убѣжденнымъ ихъ доводами и высказалъ желаніе ввести святую унію въ Московскомъ государствѣ, когда возсядетъ на отцовскомъ престолѣ. Однако хитрый самозванецъ сдался невдругъ. Потребовалось еще новое его преніе съ іезуитами, которое происходило въ домѣ отцовъ бернардиновъ. Тутъ онъ изъявилъ наконецъ желаніе исповѣдаться и причаститься по католическому обряду въ самый день наступавшей Пасхи. Все эти тайные переговоры и бесѣды велись подъ руководствомъ нунціа, которому іезуиты подробно обо всемъ доносили. Въ обсужденіи дѣла принимали участіе главнѣйшіе изъ членовъ іезуитскаго ордена, находившихся въ Краковѣ, въ томъ числѣ знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга и духовникъ короля Фридрихъ Барщъ, кромѣ того, воевода Зебжидовскій, сдѣлавшійся усерднымъ покровителемъ

самозванца. По просьбѣ этого плута, воевода устроилъ ему тайное свиданіе съ патеромъ Савицкимъ, котораго тотъ выбралъ себѣ въ духовные отцы.

Въ Краковѣ существовало братство милосердія, которое было основано Скаргою и въ которомъ участвовали нѣкоторые знатнѣйшіе сановники. Въ послѣдніе дни Страстной недѣли братчики имѣли обычай одѣваться въ рубище и собирать милостыню для своего братства. Зебжидовскій, какъ членъ его, вмѣстѣ съ Лжедмитріемъ, переодѣтые нищими и прося милостыню, пробрались 17-го апрѣля въ Страстную субботу къ церкви св. Варвары, находившейся въ вѣдѣніи іезуитской коллегіи. Здѣсь настоятель церкви, патеръ Савицкій, исповѣдалъ самозванца. Патеръ самъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ, что передъ исповѣдью, желая разсѣять сомнѣнія въ подлинности царевича (господствовавшія въ польскомъ обществѣ), краснорѣчиво убѣждалъ его открыть всѣ свои тайные помыслы, если хочетъ получить Божью помощь въ своемъ трудномъ предпріятіи. Лжедмитрій смутился было при этихъ словахъ; но скоро овладѣлъ собою, и началъ увѣрять въ правотѣ своего дѣла; затѣмъ, упавъ на колѣна, сталъ каяться въ грѣхахъ своихъ. Получивъ разрѣшеніе отъ нихъ по правиламъ католической церкви, онъ соединился съ Зебжидовскимъ, который ожидалъ его на хорахъ; принявъ снова видъ нищихъ, они воротились домой.

Спустя нѣсколько дней, т. е. на Святой недѣлѣ, 24-го апрѣля, самозванецъ имѣлъ вторую аудіенцію у короля, прощальную; при чемъ получилъ отъ него разные подарки, какъ-то золотую цѣпь на шею съ медальоннымъ его портретомъ и куски шитой золотомъ и серебромъ парчи на платье. Кромѣ того, король назначилъ ему ежегодную пенсію или субсидію въ 4,000 злотыхъ, которую Мнишекъ долженъ былъ выплачивать изъ доходовъ Самборской экономіи—субсидія не особенно щедрая; но король извинялся тѣмъ, что пока не можетъ дать болѣе, а развѣ увеличить ее впослѣдствіи. Самозванецъ униженно благодарилъ за милости. Изъ королевскаго дворца, по заранѣе условленному плану, онъ отправился къ нунцію какъ бы для того, чтобы проститься съ нимъ, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы тайкомъ отъ своей русской свиты принять изъ его рукъ причастіе. Его вмѣстѣ съ Мнишкомъ провели въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ уже были приготовлены алтарь и всѣ принадлежности для исполненія католической мессы, которую нунцій и совершилъ торжественно; ему прислуживали два капелана; кромѣ нихъ былъ еще только патеръ Савицкій. Во время служенія Рангони причастилъ Лжедмитрія и совершилъ надъ нимъ обрядъ миропомазанія. По окончаніи мессы алтарь вынесли. Нунцій подарилъ новообращенному восковое позолоченное изображеніе Агнца и 25 венгерскихъ золотыхъ. Самозванецъ

горячо благодарилъ его, выражалъ большую радость о своемъ обращеніи; обѣщалъ ввести унию на мѣсто «греческой схизмы» въ своемъ государствѣ, и, упавъ на колѣна, хотѣлъ облобызать ноги нунція, какъ представителя его святѣйшества папы, не имѣя возможности облобызать ихъ у него самого. Рангони однако не допустилъ мнимаго царевича до такого униженія, а поспѣшилъ его поднять и заключить въ свои объятія. При семъ самозванецъ вручилъ ему свое посланіе къ Клименту VIII, которое было имъ написано по-польски, а патеромъ Савицкимъ переведено на латинскій языкъ. Въ посланіи этомъ повторялись тѣ же выраженія радости о своемъ присоединеніи къ святой Римской церкви и тѣ же обѣщанія ввести унию въ московскомъ народѣ по достиженіи прародительскаго престола; для чего мнимый царевичъ умолялъ святѣйшаго папу не лишать его своей поддержки и милости.

Въ наружномъ рвеніи къ католической церкви нашъ неопитъ, ищущій Московскаго престола, пошелъ еще дальше. Онъ выразилъ нунцію свое яко бы тяжкое недоумѣніе по слѣдующему поводу. По существующему въ Москвѣ обычаю, новый царь послѣ обряда коронаціи принимаетъ св. Причастіе изъ рукъ патріарха; какъ теперь ему поступить, т. е. принять ли таинство изъ рукъ схизматика? По такому важному вопросу Рангони отказался выразить собственное мнѣніе, а обѣщалъ донести о томъ въ Римъ. (Откуда впоследствии получился отвѣтъ отрицательный). За то онъ собственно властію разрѣшилъ ему по постамъ кушать скоромное; такъ какъ постное оказывалось вреднымъ для его драгоценнаго здоровья. Далѣе, самозванецъ просилъ назначить къ нему въ Москву священника изъ среды іезуитовъ, и нунцій озаботился сообщить о томъ ихъ польскому провинціалу. Вообще разставанье было трогательное: съ той и другой стороны выражены самыя теплыя чувства, пожеланія и надежды. Надобно отдать справедливость лицедѣйскому таланту молодого Лжедимитрія и дипломатическому искусству его руководителя стараго Мнишка: имъ удалось опутать, провести и заставить служить своимъ личнымъ цѣлямъ даже такихъ знаменитыхъ, искушенныхъ въ политической интригѣ дѣятелей, каковы Римская курія и Іезуитскій орденъ. Этихъ дѣятелей, очевидно, подкупали лицемѣрная преданность католичеству со стороны новообращеннаго искателя приключеній и его якобы искреннія обѣщанія ввести унию въ Московскомъ государствѣ; хотя въ подлинность его царскаго происхожденія тогда въ Краковѣ едва ли кто вѣрилъ, и многіе поляки открыто называли его самозванцемъ; о чемъ помянутый патеръ Савицкій записалъ въ своемъ дневникѣ.

Въ виду невыгодныхъ толковъ о новоявленномъ московскомъ царевичѣ, самъ Сигизмундъ III, какъ ни подстрекали его свѣтскіе и особенно духовные покровители Лжедимитрія, затруднялся выступить въ этомъ случаѣ открыто и рѣшительно. Онъ попытался

заручиться согласіемъ наиболѣе вліятельныхъ сенаторовъ, и разослать имъ письма, приглашая ихъ высказать свои мнѣнія о дѣлѣ царевича; при чемъ указывалъ на тѣ выгоды, которыя могла бы извлечь изъ него Рѣчь Посполитая. Но отвѣты, полученные имъ, большею частію оказались или уклончивые или прямо неблагоприятные: сенаторы не совѣтовали рисковать вмѣшательствомъ въ это дѣло, и ради какого-то сомнительнаго претендента нарушить недавно заключенное перемиріе съ Москвою, утвержденное торжественною присягою. Король по преимуществу старался склонить въ пользу предпріятія короннаго канцлера и гетмана Яна Замойскаго, и думалъ плѣнить его мыслию о будущемъ тѣсномъ союзѣ съ Московскимъ царемъ, о его помощи противъ шведовъ и особенно противъ турокъ, столь еще грозныхъ христіанскому міру; при чемъ внушалъ, что такое щекотливое дѣло не слѣдуетъ подвергать публичному обсужденію на сеймѣ. Но маститый государственный человѣкъ рѣшительно высказался и противъ подлинности Димитрія, и противъ нарушенія перемирія, совѣтовалъ во всякомъ случаѣ отложить это дѣло до ближайшаго сейма, который имѣлъ открыться въ январѣ слѣдующаго 1605 года. Тщетно Юрій Мнишекъ нѣсколько разъ принимался писать Замойскому, убѣждая его принять участіе въ московскомъ царевичѣ, въ подлинности котораго будто бы не слѣдуетъ сомнѣваться, и толковалъ о выгодахъ, могущихъ произойти отъ того для Рѣчи Посполитой. Руководимый Мнишкомъ, Лжедимитрій тоже обращался къ Замойскому съ униженною просьбою о помощи. Канцлеръ отвѣчалъ Мнишку уклончиво, а письма самозванца оставилъ безъ отвѣта. Кромѣ Замойскаго, открытыми противниками дерзкаго предпріятія заявили себя извѣстный ревнитель православія, кievскій воевода, престарѣлый Константинъ Острожскій и сынъ его Янушь, краковскій каштелянъ. Къ противникамъ сего предпріятія, хотя и не столь рѣшительнымъ, принадлежали родственникъ Замойскаго, товарищъ его по гетманству, т. е. польный коронный гетманъ Станиславъ Жолкевскій, воевода брадавскій князь Збаражскій и нѣкоторые другіе. Но покровители превосходили ихъ числомъ, искусствомъ въ интригѣ и усердіемъ въ этомъ дѣлѣ. Напомнимъ, что кромѣ Мнишковъ и Вишневецкихъ, тутъ дѣйствовали нунцій Рангони, кардиналь-епископъ Мацѣйовскій, литовскій канцлеръ Салъга, виленскій каштелянъ Иеронимъ Ходкевичъ, виленскій епископъ Война и братъ его литовскій подканцлеръ, воевода краковскій Збежидовскій, коронный подканцлеръ Петроконскій и еще нѣкоторые менѣе важные сановники; притомъ они имѣли на своей сторонѣ короля.

И такъ въ концѣ апрѣля 1604 года Лжедимитрій съ Мнишкомъ воротился въ Самборъ, и здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они занимались приготовленіями къ походу, т. е. вербовкою военныхъ людей, ихъ снаряженіемъ и организаціей, производившимися

главнымъ образомъ на средства Мнишковъ и Вишневецкихъ. Сборнымъ пунктомъ на вербованныхъ людей сдѣлался Львовъ, главный городъ Русскаго воеводства; ибо Юрій Мнишекъ въ числѣ своихъ сановъ имѣлъ и львовское староство. Рядомъ съ этими приготовленіями, въ Самборскомъ замкѣ пошли опять празднества и угощеніе окрестной шляхты; при семъ хозяинъ уже не скрывалъ своихъ отношеній къ мнимо-высокому гостю какъ къ своему будущему зятю. А съ симъ послѣднимъ онъ заключилъ формальныя письменныя условія, на основаніи которыхъ соглашался жертвовать своимъ состояніемъ при добываніи ему Московскаго престола, а когда онъ сядетъ на этотъ престолъ, то выдать за него дочь Марину. До насъ дошли двѣ такихъ договорныхъ грамоты, въ которыхъ самозванецъ именуется себя «Димитріемъ Ивановичемъ, Божією милостію царевичемъ Великой Россіи, Углицкимъ и пр.». Одною изъ нихъ, данною въ маѣ 1604 года, онъ, по достиженіи престола, обязывается: 1) уплатить воеводѣ Сендомірскому милліонъ золотыхъ на покрытіе его долговъ и на расходы по снаряженію панны Марины въ Москву; при чемъ доставить ей изъ московской царской казны драгоценности и столовое серебро; 2) прислать торжественное посольство польскому королю съ просьбою дать его согласіе на бракъ съ Мариной; 3) отдать ей въ полное владѣніе Великій Новгородъ и Псковъ со всѣми ихъ уѣздами и населеніемъ; 4) предоставить ей полную свободу вѣроисповѣданія съ правомъ держать при себѣ латинскихъ священниковъ и строить латинскіе костелы въ своихъ владѣніяхъ; 5) ввести въ своемъ государствѣ римскую вѣру. Въ другой грамотѣ, данной въ іюнѣ, самозванецъ идетъ еще далѣе по части раздробленія своего будущаго государства: онъ обязывается отдать своему тестю, Юрію Мнишку, часть Смоленской и Сѣверской земли; при чемъ упоминается о какой-то предшествующей грамотѣ, по которой остальная часть этихъ земель уступалась королю и польской Рѣчи Посполитой.

Эти документы ясно свидѣтельствуютъ, до какой степени простиралось легкомысліе и самозванца, и его пособниковъ-руководителей, съ королемъ Сигизмундомъ во главѣ, — которые принялись дѣлать шкуру еще незатравленнаго медвѣдя. Очевидно, Лжедмитрій не стѣснялся ничѣмъ по части обязательствъ: онъ уже такъ далеко зашелъ въ своемъ отчаянномъ предпріятіи, что ничего не оставалось какъ обѣщать направо и налево самыя неисполнимыя вещи, лишь бы не останавливаться и идти впередъ.

Посмотримъ теперь, какъ эти событія отозвались въ Москвѣ.

Когда пришла сюда вѣсть, что въ Литвѣ уже открыто объявился царевичъ Димитрій, царь Борисъ, по выраженію лѣтописца, ужаснулся. Онъ понялъ всю грозившую ему опасность и почувствовалъ, какъ заколебалась подъ нимъ почва. Едва ли эта вѣсть была для него неожиданностью; при своей крайней подозритель-

ности и благодаря многочисленнымъ шпионамъ, онъ могъ заранѣе къ ней приготовиться. Тѣмъ не менѣе она произвела страшное впечатлѣніе, и при всей изворотливости своей Борисъ не могъ придумать ни одной дѣйствительной мѣры для борьбы съ надвигавшейся грозой. Первымъ стараніемъ его было по возможности скрыть грозную вѣсть отъ народа и для того прекратить почти всякія сообщенія съ литовскимъ зарубежьемъ. Около того времени въ Смоленской области распространилось моровое повѣтріе, и по сему случаю учреждены были заставы по дорогамъ, ведущимъ изъ этой области въ Москву. Борисъ воспользовался тѣмъ же предлогомъ и велѣлъ умножить заставы такъ, чтобы изъ Литвы не переходило никакихъ вѣстей въ пограничныя области. Въ то же время онъ разослалъ многихъ лазутчиковъ провѣдывать о самозванцѣ. Слухи о немъ распространились уже за предѣлы Польши. Такъ императоръ германскій, въ іюнѣ 1604 года, чрезъ особаго посланника извѣщалъ Бориса, какъ союзнаго себѣ государя, о появленіи въ Польшѣ Дмитрія и о той помощи, которую поляки намѣрены ему оказать; вообще совѣтовалъ быть осторожнымъ. Борисъ принялъ посла съ обычною торжественностью, и велѣлъ благодарить императора за предупрежденіе; но прибавилъ, что Дмитрія давно нѣтъ на свѣтѣ, а это какой-то обманщикъ, съ помощью котораго поляки думаютъ возмутить его государство, но котораго онъ можетъ уничтожить однимъ пальцемъ.

Разумѣется, такой отвѣтъ былъ только маскою равнодушія и презрѣнія. Въ дѣйствительности Борисъ сильно тревожился и со всѣмъ лишился покоя. Никакія запрещенія и наказанія не прекращали проникшихъ въ народъ толковъ о появленіи Дмитрія. Умножились только доносы и тайныя казни. Всякій, кто неосторожно говорилъ о Дмитріи, подвергался жестокимъ пыткамъ и обрекался на жалкую смерть со всѣмъ своимъ семействомъ и родными, если вѣрить извѣстію современника-иноземца. Отсюда народное недовольство и ропоть противъ Бориса все болѣе возростали и сгущали тучи, нависшія надъ его домомъ. Особенно усилилась его подозрительность въ отношеніи бояръ; онъ предполагалъ ихъ участіе въ приготовленіи самозванца, и прямо говорилъ, что это ихъ дѣло.

Вѣрный сынъ своего вѣка, Борисъ не былъ чуждъ грубому суевѣрію. Въ Москвѣ при какой-то часовнѣ въ землянкѣ жила юродивая, по имени Елена, которую народная молва надѣляла даромъ предсказанія. Борисъ тайкомъ и смиренно посѣтилъ ея пещеру, чтобы спросить о своей судьбѣ. Юродивая взяла обрубокъ дерева, призвала поповъ, велѣла служить панихиду надъ этимъ обруткомъ и кадить ему. Царь въ ужасѣ удалился. Черныя мысли и всякія сомнѣнія терзали его до того, что иногда онъ самъ готовъ былъ усумниться въ смерти царевича Дмитрія. Чтобы

успокоить себя съ этой стороны, онъ велѣлъ тайно привезти изъ дальняго монастыря въ Москву мать царевича инокиню Марю; ѣздилъ къ ней съ патриархомъ въ дѣвичій Воскресенскій монастырь; потомъ призвалъ ее къ себѣ, и, запершись въ спальнѣ, допрашивалъ ее, живъ ея сынъ или нѣтъ. Если вѣрить иноземному свидѣтельству, Марья замаялась, и отвѣчала, что она не знаетъ. При этомъ допросѣ присутствовала супруга Бориса Марья Григорьевна, какъ истая дочь Малюты Скуратова, отличавшаяся жестокосердіемъ и мстительностью, а потому имѣвшая вредное влияние на своего мужа. Отвѣтъ Марьи привелъ ее въ ярость; она схватила горящую свѣчу и съ ругательствами бросилась къ старицѣ, чтобы выжечь ей глаза; мужъ съ трудомъ ее удержалъ. Тогда возмущенная Марья будто бы сказала, что сынъ ея еще живъ. Борисъ велѣлъ отвезти ее въ другой монастырь и стеречь еще строже.

Трудно сказать, откуда произошло въ Москвѣ ложное мнѣніе о личности самозванца: было ли правительство само введено въ заблужденіе собственными неудачными лазутчиками, или оно дѣйствовало умышленно. Первое намъ кажется вѣроятнѣе. Побѣгъ въ Литву чудовскаго монаха Григорія Отрепьева съ нѣсколькими товарищами и его тайное участіе въ дѣлѣ самозванца повели къ тому, что въ Москвѣ Борисъ и его приближенные сего бѣлаго монаха отождествили съ названнымъ Димитріемъ. Чтобы удостовѣриться въ томъ, царь послалъ въ Литву гонцомъ Смирного-Отрепьева, который приходился роднымъ дядею Григорія; но послалъ не отъ своего имени, а отъ имени бояръ для переговоровъ съ важнѣйшими литовскими сановниками, въ особенности съ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою и воеводою виленскимъ Христофоромъ Радивиломъ (въ Москвѣ еще не знали, что послѣдній уже умеръ). Въ грамотахъ, привезенныхъ Смирнымъ, говорилось только о нѣкоторыхъ пограничныхъ недоразумѣніяхъ. Исполнивъ официальное порученіе, гонецъ просилъ канцлера о свиданіи наединѣ; вѣроятно московское правительство догадывалось о роли сего послѣдняго въ дѣлѣ самозванца и желало тѣмъ или другимъ способомъ склонить его на свою сторону. Сапѣга отвѣчалъ, что онъ не можетъ вести переговоры о пограничныхъ дѣлахъ безъ своихъ товарищей, т. е. другихъ королевскихъ комиссаровъ. Тогда Смирной вынужденъ былъ словесно объявить протестъ московскаго правительства противъ нарушенія перемирія помощью, которую польскій король оказывалъ человѣку, принявшему на себя имя Димитрія; называлъ самозванца своимъ племянникомъ и для уваженія его требовалъ очной съ нимъ ставки, а, если онъ окажется истиннымъ сыномъ Ивана IV, то обѣщалъ присягнуть ему. Но подвергать подобному слѣдствію личность названнаго Димитрія было совсѣмъ не въ интересахъ его покровителей и руководителей. Напротивъ въ ихъ интересахъ было поддерживать заблужде-

ніе московскихъ правителей и тѣмъ заставлятъ ихъ дѣлать ложные шаги. Возможно также, что покровители опасались какихъ-либо козней, напимѣръ, подосланныхъ убійць. Есть извѣстіе, что противъ ложнаго Димитрія совершенно было нѣсколько неудавшихся покушеній; послѣ чего поляки стали тщательно его оберегать. Какъ бы то ни было, Сапѣга отвѣтилъ, что на такое слѣдствіе нужно не только разрѣшеніе короля, но и согласіе сейма, до собранія котораго и надобно отложить дѣло. Смирной такъ и уѣхалъ, не выдавъ самозванца.

Въ Москвѣ этотъ отказъ истолковали какъ подтвержденіе своей догадки, что самозванецъ есть Григорій Отрепьевъ и что его побоялись свести на очную ставку съ собственнымъ дядею. Сего послѣдняго Борисъ, вмѣсто обычной въ подобныхъ случаяхъ опалы, сталъ напротивъ держать въ чести, какъ средство уличить самозванца. Здѣсь не оставили безъ вниманія отсрочку вопроса до ближайшаго сейма, и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ январѣ слѣдующаго 1605 года, когда собрался этотъ вальный сеймъ въ Варшавѣ, явился посломъ отъ Бориса дворянинъ Постникъ Огаревъ и представилъ королю грамоту, въ которой, кромѣ разбора пограничныхъ дѣлъ, царь жаловался на помощь самозванцу и прямо требовалъ или казни, или выдачи дьякона-разстриги, принявшаго на себя имя царевича Димитрія; причеиъ излагалась исторія его бѣгства изъ Москвы.

На этомъ сеймѣ между прочими дѣлами обсуждалось и дѣло самозванца; цѣлая партія сенаторовъ (съ Замойскимъ во главѣ) шумѣла противъ помощи, ему оказанной, и противъ нарушенія перемирія. Замойскій прямо смѣялся надъ рассказами о томъ, что въ Угличѣ былъ убитъ другой мальчикъ, вмѣсто царевича. «Помилуй Богъ! — говорилъ онъ, — это комедія Плавта или Теренція, что ли? Вѣроятное ли дѣло: велѣтъ кого убить, а потомъ не посмотреть, тотъ ли убитъ или кто другой. Если никто не смотрѣлъ, дѣйствительно ли убитъ и кто убитъ, то можно было подставить для этого козла или барана». Назначили цѣлую комиссію изъ сенаторовъ для переговоровъ съ Огаревымъ. Такъ какъ въ этой комиссіи участвовали коронный канцлеръ Янъ Замойскій, Янушъ Острожскій и князь Збаражскій, то Огаревъ могъ надѣяться на успѣхъ своего посольства. Но въ той же комиссіи, кромѣ епископа Войны и виленскаго каштеляна Ходкевича, участвовалъ и литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, который, конечно, не допустилъ до гибели дѣло рукъ своихъ. Въ концѣ концовъ Сапѣга, отъ имени короля, отвѣтилъ Огареву, что Рѣчь Посполитая не думала нарушать перемиріе; что не король, а частныя лица и особенно запорожскіе казаки помогаютъ претенденту, и что сей послѣдній находится уже не въ польскихъ предѣлахъ, а въ московскихъ, гдѣ его пусть и ловить московское правительство.

Около того же времени, когда самозванецъ уже вошелъ въ мо-

сковскіе предѣлы, царь Борисъ рѣшился объявить всенародно объ Отрепьевѣ. По его желанію патріархъ разослалъ въ епархіи и монастыри грамоту, въ которой излагалась все та же исторія Гришки и его бѣгства изъ Чудова монастыря съ чернецами Варлаамомъ и Мисаиломъ въ Литву, гдѣ его видѣли еще два московскихъ инока Пимень и Венедиктъ, да третій посадскій человекъ Степанко Иконникъ, которые показали о томъ при допросѣ на освященномъ соборѣ. Въ Литвѣ—говорила грамота—Гришка уклонился въ ересь и «по сатанинскому ученію, по Вишневецкихъ князей воровскому умышленію и по королевскому велѣнію учалъ называться княземъ Димитріемъ». Патріархъ извѣщалъ, что онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ предалъ разстригу Отрепьева вѣчному проклятію, и повѣлѣваетъ его впредь вездѣ проклинать. Послали также соборныя грамоты къ литовскому и польскому духовенству, и особую князю Константину Острожскому, съ обличеніемъ самозванца и увѣщаніемъ дѣйствовать противъ него. Но это были запоздалыя мѣры, принятыя въ разгаръ ошеломляющихъ успѣховъ ложнаго Димитрія. Прежде нежели появились патріаршія посланія, въ Сѣверской Украинѣ уже распространились подметныя грамоты отъ имени яко бы спасеннаго царевича, которыя призывали народъ отложиться отъ Годунова, незаконно похитившаго престолъ, и присягать своему законному государю. Крѣпкія заставы не помѣшали этимъ подметнымъ грамотамъ; ихъ провозили въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, который тогда въ большомъ количествѣ шель изъ Литвы въ Московское государство по причинѣ неурожаевъ въ послѣднемъ. Не помогло также и всенародное на Лобномъ мѣстѣ свидѣтельство князя Василя Шуйскаго о томъ, что истинный царевичъ Димитрій умеръ въ Угличѣ и что онъ самъ былъ при его погребеніи. Народные умы, при общемъ тогда недовольствѣ, недовѣрчиво относились ко всѣмъ подобнымъ увѣщаніямъ и свидѣтельствамъ и наоборотъ легко поддавались увѣреніямъ въ спасеніи царевича. Волненіе умовъ, какъ это бываетъ передъ грозными событіями, еще болѣе усиливалось разными странными явленіями, которыя принимались какъ предзнаменованія грядущихъ смуть и бѣдствій. Такъ по ночамъ видѣли огненные столпы на небѣ, сталкивавшіеся другъ съ другомъ; иногда вдругъ показывались два, три солнца или двѣ, три луны; страшныя бури срывали верхи колоколенъ и городскихъ воротъ; слышался ужасный вой волковъ, которые большими стаями бродили по окрестностямъ Москвы; а въ самой столицѣ поймали нѣсколько чернобурыхъ лисицъ, забѣгавшихъ изъ лѣсовъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело появленіе кометы весною 1604 года. Смущенный Борисъ обратился къ одному иноземцу-астрологу и, посредствомъ дьяка Аванасія Власьева, спрашивалъ его мнѣніе объ этомъ явленіи. Тотъ будто бы отвѣтилъ ему: «Тебѣ грозитъ великая опасность».

II.

Вопросъ о личности и руководителяхъ перваго Лжедмитрія ¹⁾.

Разногласіе источниковъ.—Извѣстіе Буссова.—Обзоръ разныхъ мнѣній въ русской литературѣ.—Вопросъ о тождествѣ самозванца съ Григоріемъ Отрепьевымъ.—Костомаровъ и Бицинь.—О. Пирлингъ.—Послѣдующія мнѣнія.—Сущность моихъ выводовъ.—Несостоятельность предположенія о подготовкѣ самозванца боярами.—Мои доводы противъ тождества съ Гр. Отрепьевымъ, въ пользу происхожденія Лжедмитрія изъ Западной Руси и его ранняго ополченія.—Маржеретъ противъ его подготовки іезуитами.—Свидѣтельства, подтверждающія польскую самозванческую интригу.

Личность перваго Лжедмитрія и происхожденіе его самозванства издавна возбуждали пытлиность историческихъ писателей и породили значительную литературу; мнѣнія и догадки о немъ высказывались очень разнообразныя.

Нѣкоторые иностранные источники называютъ самозванца истиннымъ царевичемъ; именно Маржеретъ, Паэрле, Бареццо-Барецци, Гревенбрухъ, Геркманъ и первыя двѣ записки изъ трехъ, изданныхъ гр. Растопчинымъ въ 1862 г. Склоняются къ тому же мнѣнію вообще писатели-іезуиты; напимѣръ, Поссевинъ (его письмо къ великому герцогу Тосканскому у Чампи въ *Esame critico*) и Велевицкій (пользовавшійся дневникомъ патера Савицкаго), а въ наше время даже такой основательный изслѣдователь какъ о. Пирлингъ. Въ особенности это мнѣніе поддерживали польскіе источники и компиляторы, напимѣръ, такъ называемый «Дневникъ Марины» (Устрялова «Сказ. современ.» IV), Маскевичъ (*ibid.* V), Товянскій (Когновицкаго *Cyсія Sapielchów* II. 63—70) и Нѣмцевичъ (*Dzieje ranowania Cygmunta* III). Но рассказы о спасеніи маленькаго царевича отъ смерти въ Угличѣ такъ противорѣчатъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ и отзываются такимъ баснословіемъ, что не заслуживаютъ даже серьезнаго опроверженія. Затѣмъ всѣ русскіе источники, т. е. лѣтописи, хронографы, сказанія, грамоты, выдаютъ самозванца за Гришку Отрепьева, бѣглаго московскаго монаха, называя его иногда просто «Разстригою». Особенно наглядно и какъ бы фактически подтверждалось это мнѣніе челобитною царю Василию Шуйскому или такъ называемымъ «извѣтомъ» чернеца Варлаама, въ которой довольно подробно рассказываются походженія Лжедмитрія и начало его самозванства. Это мнѣніе о тождествѣ Гришки Отрепьева и самозванца такъ настойчиво проводилось въ Москвѣ того времени, что оно было усвоено и нѣкоторыми иностранцами-современниками въ ихъ за-

¹⁾ Согласно условіямъ даннаго періодическаго изданія, излагаю сей вопросъ по возможности въ сжатомъ видѣ, останавливаясь только надъ фактами и свидѣтельствами, которыя считаю наиболее существенными.

пискахъ, каковы, напримѣръ, Масса, Петрей, Шаумъ, Делявиль и даже Жолкевскій. Оно проникло въ русскую исторіографію и долго въ ней господствовало, какъ у гражданскихъ историковъ, Миллера, Щербатова, Карамзина, Арцыбашева, Бутурлина, Соловьева, гр. Толстого («Католицизмъ въ Россіи»), такъ и у церковныхъ, отчасти у Платона, вполне у Филарета и Макарія. Изъ нихъ только Миллеръ колебался и, если вѣрить свидѣтельству англичанина Кокса, въ частныхъ разговорахъ склонялся къ тому, что самозванецъ былъ истиннымъ царевичемъ. («Рус. Стар.» 1877. № 2, стр. 321).

Только немногіе иностранные источники указываютъ на иноземное происхожденіе Лжедимитрія. Буссовъ сообщаетъ слѣдующее: многіе знатные польскіе вельможи открыли ему, что самозванецъ былъ побочный сынъ Стефана Баторія; а Янъ Сапѣга однажды за столомъ, хвастая польскою храбростію, прямо сказалъ, что поляки посадили на московскій тронъ самозванца (*Reg rossic. script. ext. I. 19 и 63.* И хроника Бера у Устрялова въ «Сказ. соврем.» I. 52 и 104. Тутъ Сапѣга назвалъ самозванца «бродягою»). По словамъ Видекинда, нѣкоторые думали, что Лжедимитрій родомъ валахъ, а другіе приписывали ему итальянское происхожденіе (*Hist. Belli Sveco Moscovitici. 21*) Маржеретъ также упоминаетъ, что нѣкоторые считали его или полякомъ, или трансильванцемъ (у Устрялова 103 стр.). Къ сожалѣнію наиболѣе безпристрастный изъ иноземныхъ источниковъ, итальянецъ Чилли, ничего не говоритъ о происхожденіи Димитрія, а просто считаетъ его самозванцемъ (*Hist. di-Moscovia*).

Въ русской исторической литературѣ критическое отношеніе къ личности Лжедимитрія и къ распространенному разсказу о происхожденіи его самозванства началось собственно съ митрополита Платона, который въ своей «Краткой Россійской церковной исторіи» высказываетъ мнѣніе, что самозванецъ былъ неизвѣстно кто, можетъ быть и Отрепьевъ, но во всякомъ случаѣ лицо, заранѣе подготовленное къ своей роли въ Польшѣ іезуитами, вообще врагами Россіи. Затѣмъ А. Ѳ. Малиновскій отрицалъ тождество этихъ двухъ лицъ («Биографич. свѣд. о кн. Д. М. Пожарскомъ». М. 1817). Археографъ Беренниковъ первый высказалъ сомнѣніе въ достовѣрности «Извѣта» старца Варлаама, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ тождествѣ Лжедимитрія съ Гришкою Отрепьевымъ («Ж. М. Н. Пр.» 1835. Ч. VII. 118—120). Несмотря на сіи критическія попытки, Соловьевъ наоборотъ вполне вѣрилъ въ это тождество и считалъ «Извѣтъ» непререкаемымъ источникомъ. Онъ полагалъ, что самозванца приготовили московскіе бояре, желавшіе свергнуть Годунова, а іезуиты имъ только воспользовались. Относительно подготовки боярами онъ повторяетъ предположеніе кн. Щербатова (Рос. Ист. XIII. 205); но пошелъ еще далѣе въ своихъ догадкахъ,

и утверждалъ, что самозванецъ приготовленъ уже въ дѣтствѣ, а потому самъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ истинный царевичъ Димитрій, слѣдовательно онъ не былъ сознательнымъ обманщикомъ (Ист. Рос. VIII. Гл. 2). Это свое мнѣніе нашъ историкъ пытался построить на весьма шаткихъ основаніяхъ, въ родѣ того, что еслибы самозванецъ зналъ о своемъ обманѣ, то не дѣйствовалъ бы съ такою увѣренностью въ своихъ правахъ. Какъ будто можно назначить предѣлы хорошему актеру, во-первыхъ; а во-вторыхъ видъ увѣренности онъ получилъ только по достиженіи успѣха; первые же его шаги, по всѣмъ признакамъ, совсѣмъ не отличались увѣренностію. Въ третьихъ, ни съ чѣмъ не сообразнымъ является какое-то соглашеніе бояръ съ іезуитами и совсѣмъ непонятнымъ его переходъ отъ бояръ къ іезуитамъ съ увѣренностію въ своемъ царственномъ происхожденіи; въ четвертыхъ, наконецъ, исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ сознательныхъ самозванцевъ съ подобными же чертами.

Костомаровъ посвятилъ особое изслѣдованіе вопросу: «Кто былъ первый Лжедимитрій?» (Спб. 1864). Одинъ изъ главныхъ выводовъ его заключается въ томъ, что Лжедимитрій и Григорій Отрепьевъ были два разные лица. Это положеніе было доказано имъ только до извѣстной степени; причемъ онъ предполагаетъ въ самозванцѣ все-таки человѣка изъ московской Руси. Затѣмъ онъ, подобно Соловьеву, полагаетъ, что самозванца съ дѣтства подготовили московскіе бояре, и что онъ самъ «вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе». Но впоследствии въ своемъ «Смутномъ времени» онъ отказался отъ послѣдняго мнѣнія и ближе подошелъ къ истинѣ, предполагая, что самозванецъ приготовленъ въ Западной Руси поляками; но не опредѣляетъ, кѣмъ именно, и повидимому считаетъ его полякомъ. По поводу перваго изслѣдованія Костомарова появилась брошюра студента (впоследствии профессора) В. С. Иконникова, почти подъ тѣмъ же заглавіемъ: «Кто былъ первый самозванецъ?» (Изъ «Кіев. Универс. Извѣстій». 1865 г.). Брошюра эта склоняется въ пользу мнѣнія, что Отрепьевъ и Лжедимитрій были два разные лица. Одновременно съ изслѣдованіемъ Костомарова вышло пространное разсужденіе Бицина (псевдонимъ Н. М. Павлова), озаглавленный «Правда о Лжедимитріи» (Газета «День». 1864). Разсужденіе это исполнено многихъ остроумныхъ соображеній и догадокъ. А главный его выводъ заключается въ томъ, что бояре въ Москвѣ приготовили Гришку Отрепьева и отправили его въ Польшу; но изъ Польши, къ ихъ удивленію, пришло подъ именемъ Димитрія другое лицо, приготовленное іезуитами съ цѣлю введенія въ Россіи уніи. Любопытна происшедшая отсюда полемика между Костомаровымъ и Бицинымъ (перепечатана въ «Рус. Арх.» 1886 г. № 8). Костомаровъ отказывается отъ нѣкоторыхъ своихъ положеній; онъ отрицаетъ, чтобы бояре приготовили

самозванца въ лицѣ Гришки Отрепьева; отрицаетъ и подготовку его іезуитами. Усердными противниками трехъ названныхъ писателей и поборниками господствовавшаго прежде мнѣнія о тождествѣ перваго Лжедимитрія съ Отрепьевымъ выступили, во-первыхъ, Добротворскій («Вѣстникъ Запад. Рос.» 1866 г. №№ 6 и 7), во-вторыхъ проф. Казанскій («Рус. Вѣстн.» 1877 г. №№ 8—10); но ихъ защита стараго мнѣнія нисколько неубѣдительна.

Весьма видное мѣсто въ исторіи даннаго вопроса заняло сочиненіе члена іезуитскаго ордена изъ русскихъ уроженцевъ о. Пирлинга «Rome et Demetrius d'apres les documents nouveaux». Lyon. 1877. Второе изданіе: Paris. 1878. Авторъ какъ бы считаетъ Лжедимитрія истиннымъ царевичемъ; на этомъ положеніи впрочемъ онъ не особенно настаиваетъ; главная же его задача состоитъ въ томъ, чтобы опровергнуть мнѣніе о подготовкѣ названнаго Димитрія іезуитами. Нѣсколько дѣльных замѣчаній на это сочиненіе сдѣлано проф. Успенскимъ («Ж. М. Н. Пр.» 1884 г. Октябрь), но собственно на первое изданіе. Второе же изданіе богаче обставлено извлеченіями изъ ватиканскихъ архивовъ. По нашему убѣжденію въ этомъ главномъ своемъ тезисѣ о. Пирлингъ приблизительно правъ. Хотя онъ до очевидности преуменьшаетъ вообще участіе іезуитовъ въ дѣлѣ самозванца; но довольно правдоподобно доказываетъ, что они взялись за это дѣло уже послѣ Мнишковыхъ и Вишневецкихъ, уже тогда, когда о немъ стали громко говорить, когда участіе въ немъ приняли нунцій и король. Нельзя не сознаться, что, какъ и при началѣ уніи въ Западной Россіи, наши историческіе писатели доселѣ слишкомъ склонны были преувеличивать роль іезуитовъ и слишкомъ рано приписывать имъ въ Польшѣ и Литвѣ то большое значеніе, которое они приобрѣли собственно позднѣе. Очевидно въ дѣлѣ самозванца іезуиты явились не инициаторами, а только участниками, и притомъ не главными. Уже нѣкоторые современники самозванца считали его лицомъ, приготовленнымъ іезуитами; но такъ говорили собственно протестантскіе писатели, какъ явные враги іезуитовъ. И уже Маржеретъ дѣльно возражалъ имъ въ своихъ запискахъ о Россіи (стр. 109—109 рус. перевода).

Г. Левитскій въ своей монографіи «Лжедимитрій 1 какъ пропагандистъ католичества въ Москвѣ» (Спб. 1886 г.) также представляетъ нѣкоторыя дѣльныя соображенія противъ мнѣнія о подготовкѣ самозванца іезуитами и доказываетъ, что онъ принялъ католицизмъ неискренно. Онъ примыкаетъ къ догадкѣ Щербатова и Соловьева, что самозванецъ былъ приготовленъ боярами для сверженія Годунова. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ X главѣ своей «Русской Исторіи», приводя разныя мнѣнія, съ обычною осторожностію своею не высказывается ни за какое изъ нихъ, и только въ примѣчаніи говорить: «Указаніе на то, что Отрепьевъ и Лже-

димитрій—два лица, едва ли не слѣдуетъ принять»; причемъ ссылается на свидѣтельство Маржерета («Ж. М. Н. Пр.» 1887 г. Июль). Г. Платоновъ въ своей диссертациі «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени» (Спб. 1888 г.) останавливается нѣсколько надъ «Извѣтомъ» старца Варлаама и вслѣдъ за Костомаровымъ скептически относится къ этому источнику; но не старается дойти до корней возобладавшаго въ русскихъ сказаніяхъ отождествленія Гришки Отрепьева съ первымъ Лжедимитріемъ. В. С. Иконниковъ въ своей брошюрѣ «Новыя изслѣдованія по исторіи Смутнаго времени» (Кіевъ. 1889 г., по поводу названныхъ работъ Левитскаго и Платонова) приводитъ много фактическихъ и бібліографическихъ указаній; но также не высказываетъ окончательныхъ выводовъ, и приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Итакъ, очевидно, многіе вопросы Смутной эпохи требуютъ новыхъ изслѣдованій, дополненій и пересмотра».

Теперь повторю вкратцѣ сущность моего собственнаго мнѣнія о происхожденіи самозванства и личности перваго самозванца, а затѣмъ перейду къ изложенію самихъ основаній, на которыхъ это мнѣніе построено.

Я не считаю Лжедимитрія ни Гришкою Отрепьевымъ, ни лицомъ, заранѣе, съ дѣтства подготовленнымъ боярами или іезуитами, а считаю его лицомъ, выставленнымъ нѣкоторыми польско-русскими панами. Я полагаю, что онъ былъ родомъ изъ Западной Руси; что онъ принадлежалъ къ классу мелкой служебной шляхты, наполнявшей дворы знатныхъ пановъ и уже подвергшейся до нѣкоторой степени ополяченію. Польскимъ языкомъ Лжедимитрій владѣлъ, очевидно, не менѣе чѣмъ русскимъ. Мысль назвать себя царевичемъ могла придти ему подъ вліяніемъ той страсти, которую внушила ему Марина Мнишекъ. Повидимому, онъ рано попалъ на службу къ этой фамиліи, и здѣсь-то зародилась въ немъ идея самозванства, поощряемая, а, можетъ быть, и навѣянная самими Мнишками въ ихъ личныхъ интересахъ. Вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ смерти царевича Димитрія и непопулярности Бориса Годунова, самозванство висѣло, такъ сказать, въ воздухѣ. Левъ Сапѣга, уже по своей должности слѣдившій и хорошо знавшій, что дѣлалось въ Москвѣ, а также находившійся въ интимныхъ сношеніяхъ съ Мнишками, едва ли не далъ главный толчекъ идеѣ самозванства, интригуя противъ Москвы въ видахъ политическихъ. Онъ замѣшалъ въ посольскую свиту и взялъ съ собою въ Москву будущаго самозванца, конечно, хорошо зная его недюжинныя способности и отважный, воинственный характеръ. А для такого отчаяннаго предпріятія, какъ добываніе Московскаго трона, требовался, прежде всего, смѣлый искатель приключеній и храбрый рубака, какимъ въ дѣйствительности и явился первый самозванецъ. Но при объявленіи его Сапѣга благоразумно оставался въ сторонѣ;

а только доставлялъ лжесвидѣтелей, которые какъ по нота́мъ разыгрывали комедию съ примѣтами. Близкое участіе свое въ дѣлѣ Сапѣга обнаружилъ еще тѣмъ, что выхлопоталъ у короля награжденіе помѣстьемъ московскимъ выходцамъ пяти братьямъ Хрипуновымъ, признавшимъ названнаго Дмитрія (А. З. Рос., IV, №-160. Грамота отъ 27 марта 1604 г.). Роль первыхъ его глашатаевъ предоставлена братьямъ Вишневецкимъ, обработаннымъ съ помощію жены одного изъ нихъ Урсулы Мнишковны, усердствовавшей ради старшей сестры своей Марины. Затѣмъ уже усиліями этихъ трехъ фамилій привлечены были къ участію въ дѣлѣ нунцій Рангони, король, иезуиты и нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ. Что касается до русскихъ бояръ, то вопросъ о сознательной и самостоятельной подготовкѣ ими самозванца не имѣетъ почти никакой исторической вѣроятности, хотя Борисъ потомъ и ворчалъ на нихъ, говоря, что это ихъ дѣло, и хотя подобное мнѣніе повторялось иногда современниками-иноземцами (напримѣръ, письмо неизвѣстнаго къ герцогу Тоскан. въ «Рус. Ист. Библ.», VIII, № 8, гдѣ, впрочемъ, говорится о сохраненіи боярами истиннаго царевича). Но въ такомъ дѣлѣ трудно было имъ сговориться и дѣйствовать единодушно, при извѣстномъ соперничествѣ знатнѣйшихъ фамилій; а въ числѣ ихъ были и такія, которыя могли претендовать на престолъ, именно Шуйскіе, Мстиславскіе, Голицыны и Романовы. Притомъ подобный обширный заговоръ не могъ бы укрыться отъ бдительныхъ шпионовъ Годунова. Существуютъ только немногіе намеки на то, что нѣкоторыя фамиліи какъ будто или знали, или догадывались о самозванствѣ, готовившемся въ Польшѣ-Литвѣ. Это фамилія Романовыхъ и родственныя съ нею семьи Черкасскихъ, Репниныхъ и Сицкихъ. Опала ихъ и ссылки послѣдовали какъ разъ во время пребыванія Сапѣгина посольства въ Москвѣ, и можно предположить, что отъ шпионовъ Годунова не укрылись какія-либо тайныя сношенія посольства съ сею фамиліей. А извѣстна тактика Бориса: обвинять не прямо въ томъ, въ чемъ онъ подозрѣвалъ, но изыскивать другой поводъ, которымъ въ данномъ случаѣ послужилъ мнимый замыселъ отравленія.

Григорій Отрепьевъ, служившій прежде у Черкасскихъ и Романовыхъ, а потомъ въ Чудовѣ монастырѣ, обратившій на себя вниманіе невоздержными рѣчами и намеками на спасеніе царевича Дмитрія, также является какимъ-то посредствующимъ звеномъ въ этой темной исторіи. Есть какъ будто указанія на то, что о приготавливавшемся у поляковъ-литвы самозванцѣ догадывались и сочувствовали ему дяки Василій Щелкаловъ и Аѳанасій Власевъ, которые уже по своей должности могли входить въ непосредственныя сношенія съ Сапѣгою и его посольствомъ. Дякъ Щелкаловъ послѣ опалы Романовыхъ тоже былъ удаленъ отъ дѣлъ, а при Лжедмитріи является окольничимъ («Росс. Вивл.», XX, 78); а дякъ

Власевъ по воцареніи Лжедмитрія сдѣлался однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ его лицъ. На покровительство братьевъ Щелкаловыхъ во время его дѣтства указывалъ будто бы самъ Лжедмитрій (Щербатовъ, XIII, 211. Изслѣдованіе Костомарова, 41).

Возвращаясь къ мнѣнію о тождествѣ Гришки Отрепьева и Лжедмитрія, можемъ только удивляться, что это мнѣніе могло такъ долго господствовать въ русской исторіографіи, вопреки всѣмъ началамъ здравой критики. Уже самый возрастъ Отрепьева тому противорѣчитъ: онъ былъ слишкомъ старъ для роли царевича. Въ 1602 году, къ которому относится его бѣгство въ Литву, ему было никакъ не менѣе 30-ти лѣтъ, слѣдовательно онъ былъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять старше истиннаго царевича. Всѣ писавшіе о Лжедмитрії (въ томъ числѣ и противники тождества какъ Костомаровъ и Бицинь), обыкновенно упускали изъ виду одно немаловажное обстоятельство: Григорій, пребывая въ Чудовѣ монастырѣ, имѣлъ уже дьяконскій чинъ; а по уставамъ русской церкви онъ не могъ быть посвященъ въ дьяконы ранѣе 25 лѣтъ. Далѣе, мы имѣемъ прямыя свидѣтельства источниковъ о Григоріи Отрепьевѣ или такъ назыв. «Разстригѣ», какъ личности отдѣльной отъ Лжедмитрія. Маржеретъ говоритъ, что Разстрига дѣйствительно убѣжалъ въ Литву съ какимъ-то другимъ монахомъ; что ему, какъ это дознано, было отъ 35 до 38 лѣтъ; что онъ былъ негодяй и горькій пьяница; что Димитрій, воцарившись, сослалъ его въ Ярославль, а Василій Шуйскій потомъ его окончательно куда-то спровадилъ (103—106 рус. перевода). Независимо отъ Маржерета, хроника Буссова-Бера также говоритъ объ Отрепьевѣ, какъ объ отдѣльномъ лицѣ; по ея словамъ, этотъ бѣглый изъ Москвы монахъ въ Бѣлоруссіи нашель какого-то благороднаго юношу и руководилъ первыми шагами сего самозванца, а потомъ отправился къ казакамъ поднимать ихъ во имя названнаго Димитрія; что и выполнилъ съ успѣхомъ (стр. 19 подлинника и 31—33 рус. перевода у Устрялова). Третье свидѣтельство, независимое отъ двухъ названныхъ, встрѣчается въ письмахъ іезуитскихъ патеровъ Чировскаго и Лавицкаго, сопровождавшихъ войско самозванца къ п. Страверию изъ Путивля, отъ 8 марта 1605 года: «Приведенъ Гришка Отрепьевъ, извѣстный чернокнижникъ (*celebris magus*), котораго Годуновъ выдавалъ за принца, пришедшаго съ ляхами; москвитянамъ ясно открылось, что онъ и Димитрій Ивановичъ суть два разные человѣка». (Пирлингъ, 204). Московское правительство, отождествляя самозванца съ Гришкою Отрепьевымъ, какъ извѣстно, въ своихъ грамотахъ говорило, что, живя въ Чудовѣ монастырѣ, онъ былъ уличенъ въ чернокнижествѣ и бѣжалъ, избѣгая наказанія (Дополн. къ Ак. Ист., I, 255). Данное сообщеніе іезуитовъ подтверждается и русскимъ свидѣтельствомъ. По «Иному сказанію о самозванцахъ» въ Москвѣ нѣкоторые говорили, что «идеть Ди-

митрій, а не рострига, да и ростригу же прямо съ собою въ Москву везеть и оказуеть его, чтобы не сумнялись люди». (Времен., XVI, 22). Карамзинъ, а за нимъ и Соловьевъ пытались устранить подобныя свидѣтельства толкованіемъ Морозовской лѣтописи и «Повѣсти о Борисѣ и Разстригѣ», что Лжедимитрій для отвода глазъ передалъ свое имя Григорія Отрепьева другому монаху, по словамъ первой чернецу Пимену, а по другой монаху Крышецкаго монастыря Леониду, который ушелъ въ Литву вмѣстѣ съ нимъ, Варлаамомъ и Мисаиломъ Повадинымъ. Костомаровъ въ своемъ изслѣдованіи указалъ на несообразность и противорѣчія, заключающіяся въ этомъ извѣстіи (стр. 33).

Въ VIII томѣ «Записокъ Петербургскаго Археологическаго Общества» «обнародована была, открытая г. Добротворскимъ въ библиотекѣ Загоровскаго волынскаго (бывшаго униатскаго) монастыря, надпись на сочиненіи Василія Великаго о постничествѣ, Острожской печати 1594 года; надпись отъ имени инока Григорія говорить, что книга эта подарена была ему, Григорію, да Мисаилу и Варлааму княземъ Константиномъ—Василіемъ Острожскимъ. При чемъ, подъ словомъ «Григорію» приписано: «царевичу московскому». Г. Добротворскій на сей припискѣ построилъ свою ревностную защиту тождества Отрепьева съ Лжедимитріемъ. Онъ сопоставляетъ эту надпись съ «извѣтомъ» старца Варлаама и находитъ въ нихъ взаимное подтвержденіе. Но дѣло въ томъ, что приписка («царевичу московскому»), судя по перу и черниламъ, сдѣлана позднѣе самой надписи, хотя, по увѣренію г. Добротворскаго, тою же рукою; но и это увѣреніе очень сомнительное. Приписка свидѣтельствуеть только о томъ, что сдѣлавшій ее, какъ и многіе другіе, на основаніи увѣреній московскаго правительства отождествлялъ Отрепьева съ Лжедимитріемъ, и ничего болѣе. А самая надпись подтверждаетъ «извѣтъ» Варлаама въ томъ смыслѣ, что онъ и Мисаилъ Повадинъ дѣйствительно вмѣстѣ съ Григоріемъ Отрепьевымъ скитались въ Западной Россіи, и нѣкоторое время пребывали въ Острогѣ, и опять ничего болѣе. Едва ли и сами князья Острожскіе на нѣкоторое время не были введены въ заблужденіе московскими грамотами; по крайней мѣрѣ Янушъ Константиновичъ полагалъ, что незадолго гостившій у его отца Отрепьевъ и есть Лжедимитрій (Нѣмцевичъ. II, 197. Примѣчаніе). Возможно, что и самъ Лжедимитрій послѣ своего пребыванія въ Москвѣ въ свитѣ Сапѣгина посольства скитался нѣкоторое время по монастырямъ Восточной и Западной Россіи въ товариществѣ того же Отрепьева и Варлаама. Отсюда и произошла такая путаница въ извѣстіяхъ о немъ и Отрепьевѣ; сами современники, не посвященные въ тайну интриги, не могли разобраться въ этой путаницѣ. Что Лжедимитрій побывалъ въ Москвѣ, замѣшанный въ Сапѣгину свиту, о томъ говоритъ иноземецъ Масса; о томъ и самъ онъ упоминалъ

въ одномъ изъ своихъ манифестовъ по вступленіи въ предѣлы Московскаго государства (по извѣстію Буссова). По окончаніи же посольства онъ, по всеѣмъ признакамъ, нѣкоторое время бродилъ по монастырямъ подъ чьимъ-то руководствомъ. Это должно было входить въ общій планъ интриги: кромѣ такого удобнаго, невозбуждающаго подозрѣнія, способа ознакомиться съ Московскою землею, онъ потомъ, повторяя басню о своемъ спасеніи, недаромъ указывалъ на то, что отъ Борисовыхъ клеветовъ укрывался именно подъ монашескою рясою въ разныхъ монастыряхъ.

Приведемъ и другія доказательства тому, что самозванецъ не только не былъ Григорій Отрепьевъ; но что онъ былъ родомъ изъ польско-литовской, а не московской Руси. Маржереть, пытаясь защитить подлинность названнаго Дмитрія и опровергнуть противныя мнѣнія, дѣлаетъ важное для насъ сообщеніе: «Многіе иноземцы, говоритъ онъ, именуя Дмитрія полякомъ или трансильванцемъ, который рѣшился на обманъ или самъ собою, или по замыслу другихъ людей, въ доказательство своего мнѣнія приводятъ то, что онъ говорилъ по-русски неправильно, осмѣивалъ русскіе обычаи, наблюдалъ русскую вѣру только для виду: однимъ словомъ, говорятъ они, все приемы и поступки обличали въ немъ поляка» (106 рус. перевода). Отсюда мы видимъ, что сами современники, лично знавшіе Лжедмитрія, не мало ломали себѣ голову надъ вопросомъ о его таинственномъ происхожденіи; причемъ явно склонялись къ тому главному предположенію, что онъ былъ не изъ московской Руси. А затѣмъ выставленныя противъ нихъ Маржеретомъ опроверженія являются крайне слабыми; на примѣръ, будто бы невѣроятно, чтобы воевода Сендомірскаго не развѣдалъ прежде, кто будетъ его зятемъ, а король дозволилъ бы помогать обманщику; въ противномъ случаѣ послѣдній отправилъ бы съ нимъ въ Россію многочисленное войско и свабдилъ бы его денежною казною. Но Маржереть какъ будто не зналъ, что польскій король не былъ самодержавнымъ государемъ и зависѣлъ отъ сейма. А что Сигизмундъ III вѣдалъ истину, о томъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, на примѣръ, въ инструкціи своему секретарю Самуилу Грушецкому, отправленному посломъ къ испанскому королю въ 1612 г. «Тотъ, который подъ ложнымъ именемъ Дмитрія съ помощію польскихъ войскъ вторгнулся въ государство, былъ убитъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ самими москвитянами, наскучившими такимъ обманомъ» (Чт. О. И. и Др. 1847. № 4). Сигизмундъ могъ бы оправдываться въ своемъ участіи тѣмъ, что прежде онъ самъ вѣрилъ въ подлинность Дмитрія; но онъ даже не счелъ нужнымъ дѣлать такую оговорку. А что касается до Юрія Мнишка, то для насъ теперь ссылка на добросовѣстность одного изъ главныхъ заводчиковъ дѣла является только наивною. Изъ приведенныхъ выше указаній для насъ особенно важно то, что

Лжедмитрій «не чисто» или «не правильно» выражался по-русски (т. е. по-московски). Маржеретъ (какъ иностранецъ, едва ли компетентный въ семь вопросовъ) утверждаетъ, будто бы онъ говорилъ очень правильно, «только для прикрасы примѣшивалъ иногда польскія поговорки». «Неточное же произношеніе нѣкоторыхъ словъ ни мало не доказываетъ, чтобы сей государь былъ иноземець, если вспомнимъ сколь долго съ юныхъ лѣтъ онъ не видалъ отечества». Ясно, что Гришку Отрепьева никакъ нельзя было бы оправдывать такимъ доводомъ въ неправильномъ произношеніи русскихъ словъ; ибо онъ ушелъ въ Литву не ранѣе 1602 года, когда ему было не менѣе 30 лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно это не былъ Отрепьевъ; но и вообще не былъ москвичъ. Характеристика его рѣчи именно указываетъ на западно-русскаго ополячившагося шляхтича. Уже въ качествѣ западно-русса онъ долженъ былъ отличаться нѣкоторымъ акцентомъ отъ москвичей; а его польскія поговорки указываютъ на большую привычку къ польскому языку, которымъ онъ владѣлъ вполне. Любопытно, что свое письмо къ папѣ Клименту VIII онъ сочинилъ самъ по-польски; а русскія его письма хотя «были безъ ошибокъ», какъ выражается Маржеретъ, но тутъ же сознается, что онѣ были писаны «со словъ Дмитрія», а не имъ самимъ. Очевидно передъ нами полурусскій, полуполякъ.

Далѣе, относительно русскихъ церковныхъ обрядовъ и обычаевъ мы имѣемъ указаніе, что Лжедмитрій, хотя по наружности старался ихъ соблюдать, но иногда невольно выдавалъ неполное, невошедшее въ привычку, съ ними знакомство. Такъ любопытно слѣдующее свидѣтельство Массы. Когда самозванецъ торжественно вступалъ въ Москву, духовенство, встрѣчавшее его со крестами и хоругвями, поднесло ему икону Богородицы (вѣроятно Владимірской), чтобы онъ приложился. Самозванецъ «сошелъ съ коня; приложился къ иконѣ, но не такъ какъ бы слѣдовало по обычаю; нѣкоторые монахи, видѣвши это, усумнились въ томъ, что онъ дѣйствительно родомъ изъ Москвы, а также и въ томъ, что онъ истинный царь» (159 стр. рус. перевода). Если подобные факты обнаруживали вообще его не московское происхожденіе, то они окончательно дѣлаютъ невозможнымъ его тождество съ Отрепьевымъ, бывшимъ московскимъ монахомъ и дьякономъ. Самозванецъ могъ въ общихъ чертахъ исполнять русскіе православные обычаи; но несмотря на предварительное посѣщеніе Москвы и скитаніе по монастырямъ, ему трудно было въ сравнительно короткое время усвоить себѣ всѣ тѣ подробности, которыми Восточная Русь отличалась отъ Западной, а въ языкѣ и манерахъ не обнаружить своего ополяченія.

Маржерету уже извѣстно было мнѣніе тѣхъ протестантовъ, которые считали Лжедмитрія воспитанникомъ и орудіемъ іезуитовъ. Онъ совершенно основательно разсуждаетъ о несообразностяхъ от-

сюда вытекающихъ. Между прочимъ говоритъ слѣдующее: «если бы онъ воспитывался у іезуитовъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать латинскій языкъ; но я увѣряю, что Димитрій не умѣлъ на ономъ говорить и еще менѣе читать или писать, какъ я докажу подписью имени его весьма не твердою. Кромѣ того, онъ оказалъ бы тогда іезуитамъ гораздо болѣе милости: въ Россіи явилось бы ихъ не трое—и то съ польскими войсками, неимѣвшими другихъ патеровъ» (109 стр.). Сообщение Маржерета относительно подписи исполнѣ подтверждается сохранившимися актами: въ одномъ мѣстѣ самозванецъ подписался *Demiistri* вмѣсто *Demetrius*, а въ другомъ *in Perator* вмѣсто *imperator* (Устрялова, 97 примѣч. къ переводу Маржерета и кн. Оболенскаго «*La legende de la vie*» и пр. Приложенія № 4). По воцареніи своемъ Лжедимитрій дѣйствительно менѣе всего заботился объ исполненіи обѣщаній, относившихся ко введенію церковной уніи; папа и іезуиты имѣли полное основаніе жаловаться на его забывчивость. Если бы іезуиты его воспитали и подготовили, то навѣрно онъ не явился бы такимъ индифферентомъ въ дѣлѣ религіи. Папу и іезуитовъ онъ обманулъ, сдѣлавъ ихъ орудіемъ для достиженія своей личной цѣли, какъ обманулъ и короля Сигизмунда, съ которымъ, вмѣсто благодарности, затѣялъ потомъ разныя пререканія. Самозванецъ не обманулъ только Мнишковъ, отца съ дочерью, и остался имъ вѣренъ до конца; чѣмъ и засвидѣтельствовалъ свои тѣсныя, таинственныя связи съ этой семьей. Ясно, что здѣсь находились корни его самозванства; что отецъ и дочь хорошо знали тайну его происхожденія; они одни—или изъ числа немногихъ—могли его выдать; но въ ихъ интересахъ было хранить эту тайну. Что руководящимъ чувствомъ Марины было честолюбивое желаніе сдѣлаться московскою царицею, она наглядно доказала это своимъ дальнѣйшимъ поведеніемъ, незатрудняясь признать своимъ мужемъ и другого бродягу, т. е. второго Лжедимитрія.

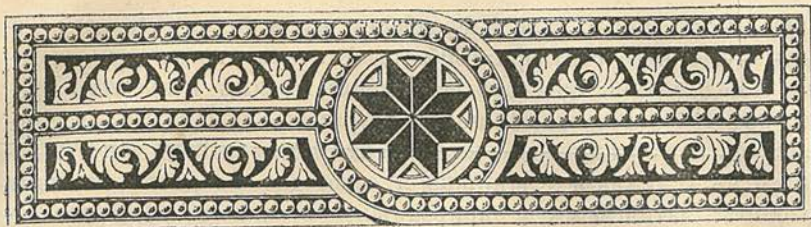
Наконецъ свое не московское, а западно-русское происхожденіе первый Лжедимитрій ясно обнаружилъ всѣмъ своимъ характеромъ, поведеніемъ и привычками. На престолѣ онъ былъ все тотъ же тщеславный, легкомысленный рубака, любитель женщинъ, пировъ и танцевъ, какъ истый шляхтичъ, выросшій при дворѣ польскихъ и опалаченныхъ русскихъ пановъ того времени. Нѣкоторые изъ этихъ польско-русскихъ пановъ (вышеуказанные), по нашему крайнему разумнію, и были настоящими виновниками самозванческой смуты. Хотя они тщательно скрывали истину; но иногда, въ пьяномъ видѣ, проговаривались, что самозванецъ ихъ дѣло; какъ о томъ свидѣтельствуетъ хроника Буссова. Особенно заслуживаетъ вниманія его ссылка на Яна Сапѣгу; трудно предположить, чтобы сему послѣднему осталось неизвѣстнымъ тайное, но вмѣстѣ руководящее участіе въ семь дѣлѣ главы его фамиліи канцлера Льва Сапѣги. Приведемъ также свидѣтельство итальянца Нери Дже-

ральди въ его письмѣ изъ Нюренберга къ великому герцогу Тосканскому, отъ 26 сентября 1605 года, т. е. во время царствованія Лжедмитрія. Со словъ встрѣченныхъ имъ польскихъ купцовъ, онъ говоритъ, что Мнишекъ истратилъ почти все свое состояніе на поддержку «сего князя»; что послѣдній въ юности находился въ услуженіи у Мнишка и «свободно владѣетъ языками польскимъ, латинскимъ и природнымъ русскимъ». Повидимому Джеральди былъ ранѣе въ Польшѣ и видѣлъ самозванца или челоуѣка на него похожаго. «Мнѣ сперва казалось, — продолжаетъ онъ, — что я знавалъ его лично, но убѣдился въ ошибкѣ своей принимая вмѣсто него сына смоленскаго воеводы, который бѣжалъ къ московскому князю Иоанну Васильевичу, отцу нынѣшняго царя». (Сборникъ Чампи въ Архивѣ Калачова). Любопытно, хотя и темно, это вскользь брошенное замѣчаніе о сходствѣ самозванца съ извѣстнымъ автору письма лицомъ. Что касается до обладанія тремя языками, то латинскій, по всѣмъ даннымъ, самозванецъ зналъ очень мало. Кромѣ свидѣтельства Маржерета, напомнимъ извѣстіе іезуита Савицкаго о томъ, что самозванецъ сочинилъ посланіе къ папѣ Клименту VIII по-польски, а іезуитъ перевелъ его по-латыни.

Къ названнымъ сейчасъ свидѣтельствамъ весьма нелишнимъ дополненіемъ служатъ «слова, сказанныя въ польскомъ сенатѣ на сеймѣ 1611 года, по поводу вопросовъ, касавшихся смутнаго времени» — слова, взятые Костомаровымъ изъ одной рукописи бібліотеки Красинскихъ и поставленныя имъ въ видѣ эпиграфа къ своему Смутному времени. Приведемъ ихъ въ русскомъ переводѣ: «Источникъ этого дѣла, изъ котораго потекли послѣдующіе ручьи, по правдѣ заключается въ тайныхъ умышленіяхъ, старательно скрываемыхъ, и не слѣдуетъ дѣлать извѣстнымъ того, что можетъ на будущее время предостеречь непріятели». Только не многіе, болѣе благородные характеры, въ родѣ знаменитаго Яна Замойскаго, не хотѣли участвовать въ этой чудовищной польской интригѣ противъ Московскаго государства. Наконецъ его родственникъ, другой знаменитый гетманъ, Жолкевскій въ своихъ «Запискахъ о Московской войнѣ», прямо заводчикомъ зла называетъ Юрія Мнишка: онъ, изъ честолюбія и корыстныхъ видовъ, упорно поддерживалъ Лжедмитрія, самозванство котораго ему было очень хорошо извѣстно, и, при помощи своего родственника кардинала-епископа Мацѣевскаго, вовлекъ въ это дѣло короля.

Самая фізіономія перваго самозванца, судя по наиболѣе достовернымъ портретамъ, выдаетъ его невеликорусское происхожденіе.

Д. Иловайскій.

МОИ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДЕБЮТЫ И РЕДАКЦІЯ „АЗІАТСКАГО ВѢСТНИКА“.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

В СЕНТЯБРѢ 1870 года, когда я былъ студентомъ Кіевскаго университета, въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ», газетѣ, издававшейся въ Кіевѣ Рокотовымъ, бывшимъ псковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, появилось объявленіе о томъ, что приглашаютъ студента заниматься съ двумя мальчиками ежедневно и предлагаютъ за это пять рублей въ мѣсяць. Объявленіе надѣлало шуму въ нашей, только-что основанной, студенческой столовой. У насъ было два лакея, и они получали по двадцати рублей въ мѣсяць на всемъ готовомъ, работая не болѣе четырехъ часовъ въ день. Начались сравненія, вспомнили студента Базилевскаго или Базилевича, незадолго передъ тѣмъ покончившаго съ собою отъ голодной жизни; и начали мы строчить въ мѣстные газеты обличительныя замѣтки. Одну изъ такихъ замѣтокъ настроилъ и я и снесъ ее въ «Кіевлянинъ». Тогдашній редакторъ «Кіевлянина» Шульгинъ напечаталъ мою замѣтку, но передѣлалъ ее. Замѣтка была написана такъ, что автора, по его словамъ, хотъ сейчасъ въ Сибирь— за неблагонадежность. Передѣлавъ замѣтку, Шульгинъ цѣликомъ подписалъ мою фамилію, и статейка вышла такая, что автора можно было погладить по головкѣ. Чувствуя себя посрамленнымъ, я возгорѣлся полемическимъ жаромъ и разразился возраженіемъ, которое цѣликомъ было напечатано черезъ недѣлю въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ». Редакторъ «Кіевскаго Вѣстника» силою вещей поста-

вленный такъ, что онъ долженъ былъ враждовать съ «Кіевляниномъ», нашель, что слогъ у меня недурной, что есть «жаръ» и есть «нервъ». Онъ предложилъ мнѣ сотрудничать въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ», писать передовыя статьи по такимъ вопросамъ, въ которыхъ я, въ качествѣ естествознателя, ничего не смыслилъ, и вести внутренній отдѣлъ, помимо фельетоновъ. За все это онъ далъ мнѣ пятьдесятъ рублей въ мѣсяць. Я переселился въ комнату при редакціи, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Р., который тоже воспылялъ желаніемъ писать, и мы начали «печататься» въ «Кіевскомъ Вѣстникѣ». Съ большимъ чувствомъ нападали мы на дурное веденіе хозяйства городскимъ головой, на скверное состояніе бульваровъ и мостовыхъ, горячо поднимали вопросы о женскомъ образованіи, о всеобщей воинской повинности, о реальномъ и классическомъ образованіи, о новомъ городскомъ положеніи и о многихъ другихъ матеріяхъ, которыхъ ни одинъ изъ насъ не изучалъ, но о которыхъ спѣшилъ высказываться съ авторитетнымъ задоромъ, свойственнымъ безусой молодости. Былъ у насъ еще товарищъ по газетѣ, отличавшійся острымъ перомъ, нѣкто В.; а затѣмъ присталъ М. Тогда еще молодежь не выступила на тотъ путь, который впоследствии привелъ къ такому трагическому концу многихъ изъ насъ. Мы собирались другъ у друга, читали Кэри и Прудона, Миля съ примѣчаніями Чернышевскаго, и историческія письма Миртова. Все ограничивалось теоретическими разсужденіями и мечтами. Сходки случались часто, и на нихъ полиція смотрѣла сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что, обыкновенно, онѣ кончались истребленіемъ пива въ огромномъ количествѣ. Сходки и студенческое движеніе усиливались къ концу году. Въ мартѣ мѣсяцѣ происходили мартовскія революціи, какъ юмористически называли ихъ нѣкоторые профессора. Ни ректоръ, ни полиція не признавали официальнаго права существованія за студенческой кассой. Изъ-за этого происходили постоянныя недоразумѣнія съ начальствомъ. Нѣсколько сотъ человѣкъ собиралось въ бібліотекѣ, или въ одной изъ залъ университета; поднимался шумъ и крикъ, выступали ораторы, внезапно произносили рѣчи, совсѣмъ не относящіяся къ кассѣ, составлялись адреса или коллективные прошенія; между тѣмъ, какъ другая труппа студентовъ, преимущественно филологовъ, представлявшихъ въ университетѣ консервативный элементъ, подавала контръ-адресы и просила начальство не обращать вниманія на наши мальчишескія домогательства. Бывали студенты, и ихъ было немало, которые подписывались и на адресахъ, и на контръ-адресахъ. Вся эта юношеская сумятица отражалась на «Кіевскомъ Вѣстникѣ», который былъ газетою молодежи и то отличался серьезной научностью своихъ статей, то вдругъ заливался радикальными трелями. По поводу одной статьи, авторъ которой задался статистическими изысканіями, во что

обходятся городу иллюминации, генераль-губернаторъ Дондуковъ-Корсаковъ серьезно пригрозилъ редакціи. Кончилось тѣмъ, что редакторъ предложилъ мнѣ заняться беллетристикой и, хотя я считалъ беллетристику и поэзію дѣломъ пустымъ, тѣмъ болѣе, что въ молодости, которую я называлъ тогда своимъ дѣтствомъ, я ужъ заплатилъ изрядную дань стихамъ и прозѣ, я состряпалъ рассказы подъ заглавіемъ: «Странная женщина». Сюжетъ ея былъ такой: живеть на свѣтѣ необыкновенная дѣвушка, и душу ея разрываютъ порывы къ высокимъ идеаламъ. Въ своей фантазіи она ужъ считаетъ, наконецъ, что эти идеалы осуществились, словно она прожила тысячу лѣтъ, проснулась и увидѣла, какая перемѣна къ лучшему произошла на землѣ. Но тоска по чѣмъ-то, еще болѣе идеальномъ, не оставляетъ ее; она продолжаетъ страдать и въ тѣ мгновенія, когда ея воображеніе позволяетъ ей принимать мечтанія за дѣйствительность. Тутъ вмѣшивается любовь, и тоже необыкновенный молодой человѣкъ требуетъ ея сочувствія и взаимности. Она любитъ молодого человѣка, но любовь представляется ей почти низостью. Чтобы побѣдить это низкое чувство, она сжигаетъ на свѣчномъ пламени палець. Эта идеалистическая чушь многимъ понравилась. Я принялся было за новый опытъ въ томъ же родѣ, но ужъ ничего такого прекраснаго не выходило. Кстати «Кіевскій Вѣстникъ» былъ закрытъ, по желанію самого редактора, рѣшившаго сдѣлаться театральнымъ антрепренеромъ въ Новочеркасскѣ.

Въ 71-мъ году я пріѣхалъ въ Петербургъ и прожилъ въ немъ зиму. Мнѣ хотѣлось заняться литературой и, вѣроятно, я тогда бы погрузился въ журнальныя волны, если бы не встрѣча съ Василиемъ Степановичемъ Курочкинымъ. Очувтившись въ столицѣ безъ средствъ, я сталъ искать корректурной работы, и на второй же или на третій день, П. И. Папино, задумавшій въ то время издавать журналъ «Азіатскій Вѣстникъ», предложилъ мнѣ мѣсто секретаря въ своей редакціи съ жалованьемъ по пятидесяти рублей и съ предоставленіемъ мнѣ всей переводной работы, какая будетъ въ журналѣ. Если же я напишу что-нибудь азіатское (а для этого стоитъ только посидѣть мѣсяць, другой въ Публичной Библіотекѣ), то за статьи компилятивныя и самостоятельныя я буду получать особо. Хотя ничего азіатскаго я написать не могъ и не чувствовалъ въ себѣ для этого достаточно силъ и способностей, тѣмъ не менѣе мѣсто секретаря обезпечивало мнѣ кусокъ хлѣба. Съ 1-го октября я сталъ являться аккуратно на занятія въ редакцію, помѣщавшуюся на Артиллерійскомъ плацу (нынѣ застроенномъ); по занятій никакихъ не было. Редакторъ «Азіатскаго Вѣстника» ходилъ изъ угла въ уголь по своему кабинету, прихрамывая, рассказывалъ мнѣ о своихъ путешествіяхъ, о томъ, что онъ товарищъ Добролюбова и сочинилъ ему псевдонимъ Лайбовъ, передавалъ всевозможныя слухи изъ литературнаго міра, касавшіеся, впрочемъ,

личной жизни писателей, и все ѣлъ какія-то сладкія восточныя лепешки. Прошелъ мѣсяць въ ничего недѣланіи, и мнѣ совѣстно было спросить денегъ. Пашино догадался, что я деликатничаю и, въ свою очередь, былъ настолько деликатенъ, что тоже не предложилъ денегъ. На второй мѣсяць онъ предложилъ мнѣ перевести французскую рукопись—«Записки Якубъ-хана», и за это я получилъ гонораръ.

— Однако же пора приниматься за журналъ,—объявилъ вскорѣ затѣмъ Пашино и пригласилъ меня на редакціонное совѣщаніе.

Я явился вечеромъ. Никого, кромѣ меня, не было. Петръ Ивановичъ подождалъ часъ, подождалъ другой и сказалъ:

— Чтожъ приступимъ. Какъ вы думаете, пригласить мнѣ въ редакторы Курочкина? Онъ отлично велъ «Искру», имѣлъ тысячь тридцать дохода въ годъ и на лѣто уѣзжалъ въ Парижъ. На столѣ у него пепельница — серебряный башмачокъ. А тридцать тысячь у меня есть, и я могу ему дать 250 рублей жалованья; онъ согласится; двѣсти онъ получаетъ отъ Леонтьева (издатель «Искры»). Правый каблукъ на его сапогѣ немножко скривился. Впрочемъ, теперь его можно застать въ театрѣ Берга. Хотите, поѣдемъ?

У меня не было денегъ на театръ, и я отказался. Мы вышли вмѣстѣ. Петръ Ивановичъ сѣлъ на извозчика и поѣхалъ къ Бергу розыскивать Курочкина. На другой день я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ меня извѣщалъ, что у меня есть теперь начальникъ, Василій Степановичъ Курочкинъ, и приказалъ мнѣ отправиться къ нему для инструкцій.

Василій Степановичъ Курочкинъ жилъ на Фурштадской улицѣ. Въ квартирѣ имѣлся особый подъѣздъ, и она была хоть невелика, но хорошо обставлена. Курочкинъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, одѣтый въ персидскій заношенный халатъ. Онъ слегка картавилъ, и въ его черныхъ волосахъ и бородѣ серебрилась сѣдина. Глаза у него были добрые, ласковые и пронизательные. Онъ улынулся, когда услышалъ, что я пришелъ за инструкціями, и спросилъ меня:

— Вы на восточномъ факультетѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я естествоиспытатель.

— Такъ вы такой же помощникъ мнѣ, какъ я Петру Ивановичу: я въ Азіи ни бельмеса не смыслю. Впрочемъ, я ужъ обдумалъ, какъ вести «Азіатскій Вѣстникъ». Мы будемъ его вести такъ, чтобы въ немъ преслѣдовалось все азіатское, чтобы это былъ журналъ, направленный противъ всего дряннаго, азіатскаго, чѣмъ такъ богата наша Русь. У Пашино совсѣмъ другія цѣли; онъ имѣетъ субсидію отъ лицъ, заинтересованныхъ нашими военными успѣхами въ Азіи. Но я не раздѣляю этой точки зрѣнія. Такъ ужъ будемъ врагами Азіи.

Онъ сталъ угощать меня чаемъ; а я съ любопытствомъ, смѣ-

шаннымъ съ благоговѣніемъ, смотрѣлъ на него и его кабинетъ. Надъ широкой отоманкой висѣлъ большой портретъ Беранже. Письменный столъ закрывался, какъ рояль, и, когда Василій Степановичъ открылъ крышку, я увидѣлъ серебряный башмачокъ, о которомъ упоминалъ Пашино. Вышла жена Курочкина, Наталья Романовна, и стала спрашивать о Пашино.

— А вы литераторъ?—спросила она меня.

Я объяснилъ, какіе скромные литературные дебюты были у меня.

— Часто на этомъ и кончается,—произнесъ Курочкинъ.—Сначала все это кажется ново и прекрасно, а втянетесь въ черную журнальную работу, и осточертѣтъ она вамъ такъ, что потомъ всю жизнь будете вздыхать.

— Да, даже если и успѣхъ будете имѣть, проклянете, — вмѣшалась Наталья Романовна.—Вы спросите у Василя Степановича, сколько онъ денегъ перевелъ.

Она стала рассказывать о пышной жизни Василя Степановича. Тотъ кивалъ головой и жаловался на то, что печать убита.

— «Искра», — сказалъ онъ, — когда я ее вель, была, дѣйствительно, органомъ живого и свободного слова; вся Россія читала ее; это былъ тотъ же «Колоколь». А теперь? — пустой листокъ. Я умылъ руки. Да и вообще въ литературѣ никого нѣтъ; только и есть Некрасовъ, я, да Минаевъ.

— Только, только,—подтвердила Наталья Романовна.

Я сталъ часто бывать у Василя Степановича, тѣмъ болѣе, что Пашино, одержимый духомъ издательскаго безпокойства, постоянно посылалъ меня къ нему и интересовался знать, что дѣлаетъ для «Азіатскаго Вѣстника» новый редакторъ. Между тѣмъ редакторъ давалъ мнѣ порученія узнать, что дѣлаетъ для своего журнала Пашино. Оба ничего не дѣлали.

Бывая у Курочкина, я познакомился съ покойнымъ Н. А. Демертомъ. Обыкновенно, онъ увлекалъ куда-нибудь Василя Степановича, и тогда Наталья Романовна жаловалась мнѣ на горькую долю жены литератора и плакала. Мнѣ же казалось, что доля у ней завидная, и будь у меня сестра, я былъ бы счастливъ, еслибъ она вышла за литератора.

— Ахъ, вы думаете, что у насъ богатство большое!—вскричала Наталья Романовна.—Да вотъ у меня салоупъ въ 700 рублей, но развѣ мнѣ тепло въ немъ? Я совершенно одинока, и богатство наше призрачное, мы часто нуждаемся. Я вижу, что долго жалованье платить Василю Степановичу не будутъ; я васъ спрашиваю — за что? Онъ самъ смѣется надъ «Азіатскимъ Вѣстникомъ».

Только въ ноябрѣ началось оживленіе въ нашей редакціи. Были написаны письма и посланы авансы Ядринцеву, который прислалъ повѣсть, Шелгунову въ Калугу, который написалъ статью о Японіи по иностраннымъ источникамъ и совѣтовалъ намъ подражать японцамъ въ ихъ необыкновенномъ стремленіи къ прогрессу. Что-то обѣщаль Глѣбъ Успенскій, далъ статью Скабичевскій, и я былъ посланъ къ Куцевскому, автору «Благополучнаго россиянина», съ авансомъ и съ предложеніемъ что-нибудь написать для «Азіатскаго Вѣстника», такъ какъ Куцевскій былъ родомъ изъ Сибири. Съ сознаниемъ важности своей миссіи, я отправился на Каменный островъ, гдѣ въ небольшомъ деревянномъ домикѣ жилъ, славившійся въ то время, романистъ. Я увидѣлъ молодого человека лѣтъ 25-ти, въ одномъ бѣлѣ и съ раскрытой грудью. Хотя было холодно въ комнатѣ, но онъ отдувался, и его огромное, толстое тѣло привыкло къ стужѣ и было равнодушно къ низкой температурѣ. Жирныя складки рельефно выступали на его короткой шеѣ и груди. Крошечные усики слегка оттягивали губы на его жирномъ, но довольно красивомъ лицѣ. Странно размахивая руками, онъ весело принялъ меня. На его письменномъ столѣ стоялъ графинчикъ съ водкой и нѣсколько кусочковъ сахару. Черезъ каждыя пять минутъ онъ выпивалъ по рюмкѣ и закусывалъ сахаромъ. Я передалъ ему просьбу редакціи и спросилъ, не желаетъ ли онъ денегъ. Денегъ Куцевскій пожелалъ и взялъ у меня пятьдесятъ рублей.

— Только вотъ на счетъ повѣсти не знаю, — сказала онъ, — у меня много срочныхъ работъ. Хорошо, хорошо, я подумаю. Все же надо вамъ дать росписку.

Онъ взялъ клочекъ бумажки и написалъ: «Отъ секретаря редакціи получилъ авансомъ пятьдесятъ рублей серебромъ, за повѣсть, которую обязуюсь доставить въ началѣ года, подъ заглавіемъ...»

Тутъ онъ сталъ думать, выпилъ рюмку водки и, обратясь ко мнѣ, спросилъ:

— Какъ вы думаете? Посовѣтуйте заглавіе.

Я ничего не могъ посовѣтовать и не смѣлъ этого сдѣлать.

Писатель выпилъ еще рюмку, и тогда его осѣнила мысль.

— А! — воскликнулъ онъ. — Нашелъ!

И прописалъ на роспискѣ: «подъ заглавіемъ: «Іоаннъ Креститель»».

Росписку Куцевскаго я сvezъ и отдалъ Пашино, а повѣсти Куцевскій такъ и не доставилъ.

Приближался декабрь. Надо было приступать къ печатанію первой книжки журнала. Курочкинъ разобралъ матеріалъ, и вечеромъ была сдѣлана диспозиція. Мнѣ пришлось быть и корректоромъ журнала. Весь декабрь прошелъ въ печатаніи книжки,

послѣвшей къ первому января. Гонораръ былъ выплаченъ всѣмъ акуратно, тѣмъ болѣе, что большая часть его взята была авторами впередъ. Началась вторая книжка. Но по мѣрѣ того, какъ уходили дни, настроеніе нашего издателя становилось все мрачнѣе и мрачнѣе. Иногда онъ прѣзжалъ ко мнѣ въ Симеоновскій переулокъ, мучительно-медленно пилъ чай, ѣлъ восточныя лепешки, которыя онъ привозилъ съ собой, и уѣзжалъ, не сказавъ ни слова.

Наталья Романовна стала не на шутку тревожиться. «Стоило мараться изъ-за такихъ пустяковъ,—кричала она на мужа.—Посмотришь, онъ не выпуститъ второй книжки. Ему совѣмъ не того нужно было, что ты дѣлаешь. У тебя нѣтъ ни одной патріотической статьи».

Я объ этомъ передалъ Пашино и, заинтересованный своимъ собственнымъ положеніемъ, спросилъ у него, долго ли будетъ издаваться «Азіатскій Вѣстникъ»?

Пашино помолчалъ и сказалъ:

— Неужели ужъ говорятъ о прекращеніи? Это очень вредные слухи. Правда, подписчиковъ мало, однако же 92 человекъ; къ концу года, можетъ быть, и тысяча наберется. Да, да, Василій Степановичъ вовсе не такъ ведетъ, какъ надо. Я напрасно понадѣялся на него. Я ожидалъ огромнаго успѣха при такихъ литературныхъ силахъ. Графъ ***, дѣйствительно, можетъ не дать больше ни гроша. Какое имѣетъ отношеніе къ Азій статья Скабичѣвскаго? Отчего вы не вмѣшались? Вотъ бессарабскій пербетъ—его дѣлають изъ миндальной шелухи.

Понявъ праздность своихъ упрековъ, обращенныхъ ко мнѣ, Пашино одѣлся и отправился объясняться къ Курочкину. По требованію Натальи Романовны, онъ выдалъ ему жалованье впередъ за мѣсяць, и обѣ стороны успокоились недѣли на двѣ. Вторая книжка была ужъ готова, хотя еще не выпущена въ свѣтъ. Я явился къ издателю за деньгами для типографіи и для себя. Увы! Петра Иваныча не было. Онъ счелъ за благо уѣхать изъ Петербурга и предоставить лицамъ заинтересованнымъ изданіемъ «Азіатскаго Вѣстника» развести руками и сказать: «однако!»

— Да вѣдь этого надо было ожидать,—утѣшалъ меня Курочкинъ.

— Мы бы вамъ дали взаймы десять рублей,—сказала Наталья Романовна, тронутая тѣмъ, что я остался безъ гроша денегъ,—но, согласитесь сами, намъ не изъ чего дать. Теперь, того гляди, и Леонтьевъ сбѣжитъ.

И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ издатель «Искры» послѣдовалъ при-мѣру издателя «Азіатскаго Вѣстника».

Я написалъ рассказъ и снесъ его въ «Петербургскій Листокъ», гдѣ онъ былъ напечатанъ подъ псевдонимомъ «Омы Личинкина».

Курочкинъ пробѣжалъ мой рассказъ еще въ рукописи, одобрилъ его, сказалъ, что, пожалуй, можно было бы напечатать въ смѣси въ «Азіатскомъ Вѣстникѣ», да, жаль, ужъ нѣтъ этого журнала; но посовѣтовалъ лѣтъ десять не приниматься за серьезную беллетристику, бросить сотрудничество въ газетахъ ради денегъ, уѣхать въ провинцію, понаблюдать жизнь, и тогда вернуться въ Петербургъ, если ужъ меня такъ тянетъ къ литературѣ.

Я послѣдовалъ его благому совѣту.

І. Ясинскій.

СТАРЫЙ КОННОГВАРДЕЕЦЪ.

А ВЫСОКОМЪ крутомъ берегу рѣки Ворсклы раскинулось большое село Плющи. И красиво же бывало это село по веснѣ, когда его крохотныя бѣленькія хатки тонули въ пушистой, молодой зелени садовъ, а серебристыя воды Ворсклы, освободившись отъ зимнихъ оковъ, заливали на огромное пространство низкій противуположный берегъ рѣки. И какихъ только картинъ не отражала въ себѣ эта зеркальная поверхность! Нарядными, кудрявыми островками во множествѣ видѣлись на этомъ водномъ пространствѣ маленькія рощицы, блестя на весеннемъ солнышкѣ и окрашивая своимъ отраженіемъ воду въ изумрудный цвѣтъ своей листвы; опрятныя хохлацкія мазанки, разбросанныхъ кое-гдѣ по пригоркамъ хуторовъ, рѣзко бѣлѣя на зеленомъ фонѣ своихъ «вишневыхъ садочковъ», смотрѣлись въ подходившія чуть не къ самой ихъ заваленкѣ волны родимой рѣки. Изъ ближайшей къ селу рощи, съ мелкимъ весеннимъ вѣтеркомъ, несся аромат фіалокъ и ландышей. Внизу, у самого съѣзда къ рѣкѣ съ крутого берега, на которомъ расположились Плющи, шумѣла и гудѣла, скрытая отъ глазъ вѣковыми вербами, водяная мельница, далеко разбрасывая колесами куски бѣлой пѣны по водѣ.

Весело было въ ту пору и людямъ въ Плющахъ... Въ одной только хатѣ стараго Грицька Кныша весь день плакали и причитали бабы.

Подъ вечеръ одна изъ обитательницъ этой избы вышла за ворота и стала въ раздумѣ, прислонившись спиной къ плетню.

Черезъ нѣсколько минутъ къ ней подошла старуха-сосѣдка.

— Здорово, Наталко. Що у васъ сѣгодня голосили у хаті? Чи заболівъ хто?—спросила она.

— Ни, бабуся, вси здорови, слава Богу... Та тильки брата Прокипа въ солдаты берутъ, — отвѣтила Наталка и опять стала всхлипывать.

Старуха выразила, какъ умѣла, свое сочувствіе горю Наталки и, покалякавъ съ ней еще немного, пошла домой.

Семья стараго Кныша была многочисленна: кромѣ его самаго съ женой, она состояла изъ двухъ женатыхъ сыновей, третьяго, еще холостого, Прокипа, или по-русски Прокофія, трехъ дочерей, изъ которыхъ одна была замужемъ, другая, Наталка, невѣста, а третья — подростокъ лѣтъ двѣнадцати - тринадцати, потомъ еще штукъ пяти внучать и старухи, матери самого хозяина.

Жили Кныши хорошо, зажиточно; на селѣ слыли за людей тихихъ и трезвыхъ. На молодого же Прокипа охотно заглядывались «дівчата». И дѣйствительно, Прокипъ смѣло могъ считаться паробкомъ-красавцемъ не въ однихъ Плющахъ. Чуть не трехъ-аршиннаго роста, съ черными волосами и бровями, съ карими очами, съ едва пробивавшимися темными усиками, съ здоровымъ, густымъ румянцемъ во всю щеку, онъ былъ парень хоть куда! Одно только портило его молодость: это хохлацкая манера сутуловато держаться и присущая всѣмъ его единоплеменникамъ сонливость движеній. Глядя на этого молодца, такъ и хотѣлось встряхнуть его хорошенько. Но, конечно, Плющинскія красавицы не понимали этихъ недостатковъ, потому что у нихъ и всѣ парни были таковы. И вотъ теперь этого Прокипа брали въ солдаты!.. Шутка ли протянуть двадцать пять лѣтъ военной службы?! Чего тамъ не навидаешься, чѣмъ не приключится! Было о чемъ голосить въ тѣ времена, провожая мужа, сына или брата, на такой срокъ изъ-подъ родной кровли.

Но голоси — не голоси, а дѣлу не поможешь. Такъ и семья Кныша, овлакавъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ своего Прокипа, все-таки должна была съ нимъ разстаться. Однимъ раннимъ утромъ, батька запрегъ черезъ слезы пару сивыхъ воловъ въ телѣгу, и подѣхалъ къ крыльцу. Бабы, наваривъ, нажаривъ и уложивъ въ разныя сумочки всякой всячины путникамъ на дорогу, проводили съ остальными членами семьи своего Прокипа за село, и вернулись домой, таща подъ руки безумно рыдавшую мать. А отецъ съ сыномъ-новобранцемъ потянулись медленнымъ шагомъ къ Чугуеву, гдѣ слѣдовало сдать рекрута.

Оглянулся Прокипъ въ послѣдній разъ на родное село — и защемило сердце. «Що-то буде, якъ до дому вернусь?» — подумалъ онъ. — «Батька, маты, а може и никдо не застану».

Протавившись не мало дней на своихъ волахъ, путники, на-

конецъ-таки, добрались до Чугуева. Много дивовались они тамъ на большіе двухъ-этажные дома, каменные церкви (до того и отецъ и сынъ отродясь не бывали ни въ какомъ городѣ), ахнули и обомлѣли впервые услыхавъ полковую музыку, вдоволь наглазѣлись на разные мундиры, парады, ученья. Прокипъ, глядя на всѣ эти диковины, пріободрился немного, и только всплакнулъ, когда сталъ съ баткой прощаться. Да еще одно крѣпко нудило его: благодаря его трехъ-аршинному росту, его рѣшено было отправить въ Петербургъ, въ гвардію. «Люди кажутъ що се далеко. И тамъ одни москали живутъ», — думалъ онъ, и горька была молодцу эта мысль. А перечить не станешь... Одинъ разъ, именно когда ему объявили, что онъ отправленъ будетъ въ Петербургъ, онъ попробовалъ было высказать свое несогласіе, рѣшительно заявивъ, что: «я туды не поїду, тамъ москали», но полковникъ только погрозилъ ему пальцемъ и сказалъ, что его согласія никто и не спрашиваетъ. Нечего дѣлать! Пришлось покориться судьбѣ.

Теперь представьте себѣ, читатель, моего героя, дальше Плющей до Чугуева ничего не видавшаго на своемъ вѣку, въ Петербургѣ. Глянулъ Прокипъ на Зимній дворецъ—да такъ и обмеръ на мѣстѣ, словно онъ придавилъ его своей громадой; глянулъ на Александровскую колонну—ажно шапку съ головы потерялъ; увидѣлъ стоящаго въ огромной медвѣжьей шапкѣ дворцоваго гренадера на часахъ—и еслибы тотъ не моргнулъ глазами, отъ роду не повѣрилъ бы парень, что это живой человѣкъ; увидѣлъ Казанскій соборъ съ его колоннадой—и не домекнулъ, что то церковь, хотя и ярко горѣлъ золотой крестъ на его куполѣ; а наткнулся случайно на чугунныхъ коней на Аничковомъ мосту—и безъ памяти кинулся домой, въ казармы и, должно быть, ночи три подъ рядъ все мерещились ему во снѣ тѣ мудреные кони.

Прокипа назначили въ лейбъ-гвардію Конный полкъ. Привели его въ казармы; оглянулся онъ кругомъ и тоже диву дался. Хаты-то большущія, прибольшущія, ровно загонъ для скота какого, окна здоровенныя, съ добрую дверь будутъ. Только народу было тутъ мало: полкъ выступилъ уже въ лагерь подъ Красное Село. Пробылъ здѣсь Кнышъ нѣсколько дней, а тамъ и его съ другими новобранцами, въ числѣ которыхъ, къ немалому его удовольствію, попался одинъ тоже хохоль, отправили въ полкъ. Потужилъ маленько Прокипъ, какъ ему чубъ остригли, даже нѣсколько дней боялся на себя въ зеркало глянуть, покривился, когда ему хохлацкую сутулину выправлять стали, замахнулся было на унтера, когда тотъ за ту же сутулину ему въ горбъ тумака далъ, да къ счастью оказался въ полку еще одинъ землякъ (находившійся ужъ лѣтъ двадцать на службѣ), который во время остановилъ его, и взялся уму-разуму учить.

Скоро и обмундировали новобранцевъ. Чудно было Прокипу

натянуть на себя, вмѣсто сѣрой свиты, узкій бѣлый мундиръ, зазорно послѣ широченныхъ хохлацкихъ штановъ, гдѣ изъ одной калоши смѣло могла выйти женская юбка, ходить въ туго обтянутыхъ рейтузахъ, такихъ узенькихъ—что страшно было ногу согнуть; тяжела показалась, замѣнившая мягкую смушковую шапку, металлическая каска съ цѣлой птахой наверху, крѣпко давили непривычныя плечи и спину мѣдныя латы, до боли жали ногу, надѣтые вмѣсто шлепанцевъ-ходаковъ, тѣсныя ботфорты. Примѣривъ всю эту амуницію, Прокипъ рѣшилъ, что «бѣльше нехай хоть убьютъ менэ, а я сѣго добра не надіну. Ни за що на свѣті мучити себэ не стану».

Но опытный землякъ и тутъ помогъ бѣдѣ. Приказавъ Прокипу надѣть опять всю амуницію, онъ подвелъ его къ зеркалу и сказалъ:

— А ну, хлопче, подивись: чи признаешь себэ?

Прокипъ глянулъ въ зеркало—и сразу выпрямился и пріосанился. И чтожъ за красавецъ глядѣлъ на него изъ зеркала! Бѣлый мундиръ необыкновенно шелъ къ его смуглому, съ густымъ румянцемъ, лицу, изъ-подъ горѣвшей какъ жаръ золотой каски, сверкали карія очи, металлическій орелъ на каскѣ еще чуть не на полъаршина прибавлялъ росту.

— Ну що, дядько,—обратился онъ ужъ весело къ земляку,—якъ бы менэ теперь свои побачили? Не призналибъ, зъ роду не призналибъ!

— Якъ тобі те и кажу. А ты кажешь: «не хѣчу носити сѣго». Що трошки важко—не бѣда, обвыкнешь.

И дѣйствительно, Прокипъ скоро привыкъ ко всему: и къ своей тяжелой обмундировкѣ, и къ ходьбѣ размѣреннымъ шагомъ, и ко всевозможнымъ военнымъ приемамъ, и даже сталъ чутьчку дисциплину разумѣть. Приладился онъ чистить и коня, и амуницію, но въ особенности понравилась ему верховая ѣзда. Сѣсть на коня—стало для неповоротливаго хохла настоящимъ удовольствіемъ. Своими необычайно быстрыми успѣхами въ этомъ искусствѣ, онъ просто изумлялъ начальство и къ концу лагернаго сбора, опередилъ въ этомъ дѣлѣ многихъ своихъ товарищей, ранѣе его поступившихъ въ полкъ.

Однажды, вечеромъ, передъ перекличкой, Прокипъ сидѣлъ съ своими однополчанами и разговаривалъ о чемъ-то, когда къ нимъ торопливо подошелъ фельдфебель и скороговоркой, запыхавшись, проговорилъ:

— Ребята, завтра великій князь смотръ дѣлаетъ. Гляди въ оба: чтобы лошади, амуниція, все, все, было въ порядкѣ.

— Кто будэ смотръ робить?—насмѣлился переспросить Прокипъ.

— Великій князь. Братъ царя. Понялъ, мазепа?

— Эге! — промычалъ Кнышь, и отошелъ отъ фельдфебеля къ своему молодому земляку.

— Що винь казавъ? — спросилъ послѣдній. — Кто будэ?

— А бреше, поганій. Усе сміетця зъ насъ, — нехотя отвѣтилъ Прокипъ.

— Та щѡ казавъ?

— Каже царевъ братъ буде. Хибажъ то правда? Хиба царь чоловікъ що у него братъ е? Такъ каляка не зна що.

Но хотя Кнышь и не допускалъ возможности, чтобы у царя, какъ у обыкновеннаго человѣка, былъ родной братъ, а полкъ на другой день, дѣйствительно, долженъ былъ явиться на смотръ великаго князя Михаила Павловича.

Блестя мѣдными касками и латами, въ тщательно сохраненныхъ отъ лѣтней пыли бѣлыхъ мундирахъ, полкъ выстроился часамъ къ девяти утра слѣдующаго дня въ конномъ строю на плацу.

Михаилъ Павловичъ, только-что передъ этимъ возвратившійся изъ поѣздки на югъ Россіи, подскакавъ на сѣромъ конѣ къ линіи войскъ, началъ объѣздъ, здороваясь съ каждой частью отдѣльно. Когда онъ подѣхалъ къ лейбъ-гвардіи Конному полку, Прокипъ совершенно покойно, въ упоръ, поглядѣлъ на него, нашель, что онъ «молодчина», и, вѣроятно, есть самый наибольшій генераль.

Обѣхавъ линію войскъ, великій князь остановился и отдалъ приказаніе пропуститъ войска церемоніальнымъ маршемъ. Вслѣдъ за церемоніальнымъ маршемъ, войска, въ разныхъ построенияхъ, прошли шагомъ, затѣмъ рысью и, наконецъ, пущены были въ карьеръ.

Услыхавъ послѣднюю команду, Прокипъ оживился. По его понятіямъ показать свою удалъ и искусство только и можно было, что летя во весь опоръ. Когда дѣло дошло до его эскадрона, онъ ловко подобралъ коня, далъ шпоры и, самъ не сознавая, ураганомъ пронесся мимо великаго князя.

— Правофланговый кто? — обратился Михаилъ Павловичъ къ стоявшему подлѣ него командиру Коннаго полка.

— Новобранецъ Прокофій Кнышь, ваше императорское высочество, — отвѣтилъ тотъ.

— Изъ хохловъ?

— Такъ точно, ваше высочество.

— Чудной народъ: — едва замѣтно улыбнулся великій князь, — растутъ съ быками, а лучшіе наѣздники изъ нихъ выходятъ.

По окончаніи смотра, Михаилъ Павловичъ объявилъ, что государь будетъ смотрѣть войска красносельскаго лагеря, какъ только возвратится съ большихъ маневровъ подѣ Чугуевомъ.

Въ ожиданіи царскаго смотра, во всѣхъ полкахъ поднялась страшная суматоха; начались безпрестанныя репетиціи, муштровки, осмотръ и чистка амуницій, перековка лошадей.

Кныша тоже волновала мысль, что онъ вдругъ своими глазами увидитъ царя.

— Дядько Панась, — обратился онъ однажды къ своему старшему земляку, — скажи ты мѣні, якій царь?

— Осъ самъ побачишь якій. Такій — що хоть Богу молиси на него.

— А хйба на него не можно Богу молытыся?

На этотъ вопросъ и старый Панась, должно быть, не стумѣлъ вѣрно отвѣтить и только повторилъ: «осъ самъ побачишь».

Сойдясь наканунѣ царскаго смотра съ своимъ молодымъ землякомъ, Прокипъ возобновилъ тотъ же вопросъ:

— А що, Грицько, якъ ты думаешь: якій е взаправду царь?

— Не знаю, — тихо отвѣтилъ тотъ.

— Чи вінъ съ крилами, чи ни? (Или онъ съ крыльями, или нѣтъ?)

— Може и съ крилами.

— Відкиль же вінъ прійдэ? (Откуда же онъ придетъ?)

— А хтожъ ёго зна.

Да не подумаетъ читатель, что я измышляю или преувеличиваю тупоуміе моего героя. Отнюдь нѣтъ. Это подлинный разсказъ самого Кныша, надъ которымъ онъ самъ теперь добродушно посмѣивается. Да принявъ во вниманіе время и обстановку, въ какой онъ выросъ, все это станетъ отчасти понятнымъ. Родился и жилъ Прокипъ въ глухой малороссійской деревнѣ, гдѣ въ ту пору о желѣзной дорогѣ и слухомъ не слыхали, гдѣ только и было на все село два грамотныхъ человекъ: священникъ, да дякъ; гдѣ даже не жили никогда паны, такъ какъ плушечцы не были крѣпостные крестьяне, а «козаки»; а нѣтъ пановъ — нѣтъ и дворовыхъ людей, отъ которыхъ все-таки можно было бы позаимствоваться какими-нибудь свѣдѣніями. При этомъ хохоль и по своему характеру не любознательнъ и не сообщителенъ. Другое дѣло въ наши дни, когда грамотность дала кой-какія понятія о томъ, о семь, а желѣзныя дороги еще болѣе грамоты просвѣтили нашего мужика. Да, пожалуй, и теперь еще найдется не мало темнаго люда, въ своихъ понятіяхъ не далеко ушедшаго отъ героя моего разсказа, въ особенности между хохлами - хуторянами, живущими особнякомъ, и, такимъ образомъ, лишенными общества даже своихъ односельчанъ.

Прокипъ зналъ, что есть царь, который правитъ всей «Москвичиной» и Украиной, зналъ — что онъ чего только пожелаетъ — все можетъ, чуюлъ, что онъ есть что-то иное, отъ другихъ людей отличное, а чѣмъ отличное? Это было ему неизвѣстно. Слышалъ онъ какъ батюшка въ церкви его поминалъ, а молился ли онъ о немъ, или ему — этого онъ понять не могъ. Въ казармахъ говорили, что онъ есть помазанникъ Божій, а что означало это слово —

того ему не домекнуть. Поэтому болѣе чѣмъ естественно, что въ его представленіи личность царя являлась непременно какой-нибудь особенной, необычайной, и ужь никакъ не такой, какъ все люди вообще, начиная съ него Прокипа, самого, и кончая самымъ наибольшимъ генераломъ, Михаиломъ Павловичемъ.

Наконецъ, желанный день насталъ. Войска красносельскаго лагеря выстроились на томъ же плацу, гдѣ передъ этимъ смотрѣли ихъ великій князь.

Прокипъ, сидя на конѣ, обвелъ глазами эту чудную картину, какое-то умиленное, трепетное чувство охватило его.

Русская гвардія, это излюбленное дѣтище, эта гордость покойнаго императора Николая I, въ полной парадной формѣ, блестя и сверкая, развернулась, казалось, безконечной, пестрой лентой, въ ожиданіи пріѣзда государя. Бѣлые съ золотыми латами и касками кавалергарды и конногвардейцы, красные, расшитые шнурами, съ накинутыми на плечи бѣлыми съ темной мѣховой опушкой ментиками, лейбъ-гусары, пестрые уланы, синіе и желтые кирасиры, голубые и малиновые лейбъ-казаки, красногрудые преображенцы, темные артиллеристы; сверкающіе на солнцѣ обнаженные палаша и сабли, стройный рядъ казачьихъ пикъ: блестящіе штыки пѣхоты; длинные съ пушистыми головками, артиллерійскіе баники и тяжело бьющіеся, при легкомъ дуновеніи вѣтерка, о древко своей упругой матеріей, расшитыя знамена.

Передъ строемъ, въ лентахъ и орденахъ, гарцуютъ генералы, ровняя войска и тревожно поглядывая на часы.

Прокипъ, при всей своей простотѣ, замѣтилъ, что вся эта масса, отъ рядового и до самаго высшаго начальства, какъ-то иначе настроена, взволнована. Попробовалъ онъ было обратиться тихонько съ какимъ-то вопросомъ къ своему сосѣду, тотъ только головой мотнулъ: «отстань, молъ, не до того теперь».

Проходитъ часъ томительнаго ожиданія. Наконецъ вдали, по дорогѣ отъ дворца, показалось легкое облако пыли. Войска сразу вострепнулись, словно электрическая искра пробѣжала по линіи. Начальство засуетилось. Маршъ-маршъ проскакало вдоль строя нѣсколько генераловъ, наскоро отдавая послѣднія приказанія.

Прокипъ перевелъ глаза по направленію дороги, куда теперь обращены были взоры всѣхъ... Облако быстро приближалось, такъ что черезъ нѣсколько минутъ можно было различить мундиры и даже лица всадниковъ.

— Смир-р-р-но! — Пронеслась команда.

Прокипу показалось, что не только люди, лошади, но даже самый воздухъ замеръ на мгновеніе.

Но вотъ, сперва глухо, а потомъ все громче и яснѣе донеслось перекатнымъ эхомъ, неумолкаемое «ура», которымъ народъ, во множествѣ собравшійся около плаца, привѣтствовалъ своего госу-

даря. Еще минута—и какъ-то тревожно забили барабаны, музыка заиграла встрѣчу, знамена медленно склонились. Императоръ приближался.

Прокипъ сразу узналъ его, и почувствовалъ, что какія-то мурашки пробѣжали у него по спинѣ, волосы поднимаются вверхъ, такъ что тяжелая каска словно ползетъ съ головы, а изъ глазъ одна за другой катятся непонятныя слезы.

На бѣломъ конѣ, шедшемъ такимъ аллюромъ, какимъ далеко не всякій кавалеристъ сумѣетъ заставить идти его, въ бѣломъ кавалергардскомъ мундирѣ, все яснѣе и яснѣе вырисовывалась величественная фигура государя Николая Павловича.

— Здорово, конногвардейцы! — прозвучалъ его могучій голосъ совсѣмъ близко отъ Прокипа.

Прокипъ вздрогнулъ и впился глазами въ лицо подѣзжавшаго государя.

Конногвардейцы радостно и дружно грянули отвѣтъ на царское привѣтствіе. Но Прокипу было не до крику; да едва ли бы онъ и припомнилъ теперь, что именно слѣдовало ему отвѣчать. Взглядъ государя на минуту скользнулъ по немъ, и Прокипу показалось, что онъ сейчасъ, сію минуту умереть, не выдержитъ этого взора. «А казали що вінъ чоловік! И що у него рідний братъ е»,—подумалъ онъ, провожая глазами скакавшую уже далѣе фигуру императора. «Та и кінь (конь) его! Хіба це и взаправду кінь? Вінъ летить, по воздуху летить, и до земли не хвата»...

На другой же день въ Плющи полетѣло, написанное подѣ диктовку Прокипа однимъ полуграмотнымъ его товарищемъ, письмо, въ которомъ Кнышъ сообщалъ своимъ односельчанамъ, что вчерашній день онъ, Прокипъ Кнышъ, видѣлъ своими собственными глазами царя. Что царь хотя и пріѣхалъ къ нимъ просто «енараломъ» (Прокипъ все-таки боялся сказать, что государь явился ему въ образѣ чловѣка), но больше всего онъ похожъ на Юрія (Георгія) Побѣдоносца, какъ онъ въ ихней сельской церкви около лѣваго клироса написанъ.

По окончаніи лагернаго сбора, Конный полкъ вернулся на зимнюю стоянку въ Петербургъ. Часто здѣсь приходилось Прокипу видать государя и на разводахъ, и на полковомъ праздникѣ, и на улицѣ; и хотя царь являлся всегда «просто енараломъ», но Кнышъ долго еще не могъ усвоить себѣ понятія о немъ, какъ объ обыкновенномъ чловѣкѣ. Чтожь изъ того, что онъ безъ Крыльевъ и будто просто «енаралъ». Отчего же на него, Прокипа, такой трепетъ нападаетъ, когда онъ находится въ присутствіи царя? Этого не было бы, еслибы онъ былъ простой чловѣкъ. Бойтся Прокипъ своего начальства, бойтся и царя, да только не такъ: онъ и бойтся его, и благоговѣетъ предъ нимъ, и любитъ его. И какъ любить? Опять-

таки не такъ, какъ любятъ людей: отца, мать, братьевъ, сестеръ. Опять это какое-то иное, особенное чувство.

— А що, дядько,—обратился онъ однажды къ земляку Панасу,— царь зна що мы ёго такъ любимо?

— А то хiba ни? Вінъ усе зна. (А то развѣ нѣтъ? Онъ все знаетъ).

И долго мѣшало Прокипу его горячее патріотическое чувство къ царю вѣрно понять личность монарха. Только свадьба дочери государя, великой княжны Маріи Николаевны, убѣдила Кныша, что царь есть человекъ, имѣющій жену, дѣтей, братьевъ, сестеръ, но что человекъ онъ все-таки совсѣмъ особенный. Во-первыхъ, говорятъ, онъ есть избранникъ Божій, попеченію и управленію котораго ввѣрена такая «громада», какъ вся Украина, Москвитина, Сибирь и еще какія-то мудренныя страны. Слѣдовательно, еслибы въ немъ не было особой силы, еслибы онъ былъ совсѣмъ обыкновеннымъ человекомъ, онъ не былъ бы избранникомъ Божиимъ и не могъ бы справиться съ такой службой. Въ казармахъ, отъ старыхъ солдатъ, Кнышъ узналъ, что царя въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, короновали и муромъ мазали, оттого онъ и называется помазанникомъ Божиимъ. А совершалось то, чтобы призвать на него благодать и благословеніе Божіе, испросить ему силы и помощи для его великаго служенія. «Всѣ мы: и я, и нашъ командиръ,—разсуждалъ Кнышъ,— есть царскіе слуги, а онъ — Божій слуга. Выше его на всемъ свѣтѣ никого нѣту. Стало быть его не только нельзя, но грѣшно къ другимъ людямъ ровнять».

Безконечной вереницей потянулись одинъ за другимъ служебные годы Прокипа. Сроднился онъ съ своимъ полкомъ, сталъ понемногу и къ нашей сѣверной столицѣ привыкать, и даже находить въ ней нѣкоторыя преимущества передъ Плющами. Съ однимъ только труднѣе всего мирился онъ: что здѣсь почти за всю зиму солнца не увидишь. Иной день выпадетъ и ясный, морозный, а оно чуть покажетъ свой край изъ-за одной трубы казармы — и скорѣе спѣшитъ спрятаться за другую. Да еще приходъ петербургской весны раздражалъ его и наводилъ тоску. Такъ бы, кажется, и перелетѣлъ онъ на это время въ свои родные Плющи. Выидеть, бывало, Кнышъ вечеркомъ на широкій дворъ своихъ казармъ, присядетъ на крылечко и замечтается. И чудится ему, что внизу гудитъ водяная мельница, въ воздухѣ пахнетъ фіалками, высоко-высоко раскинулось надъ нимъ темносинее небо съ ярко горящими «зірочками», а вотъ легенькій вѣтерокъ пронесся надъ его головой: должно быть то запоздалый аистъ спѣшитъ на ночлегъ, на крышу ихъ хаты. Оглянется Прокипъ — и злѣйка-тоска такъ и охватитъ всего. Казенныя, каменные постройки кругомъ, голый, безъ всякихъ признаковъ растительной жизни, вымощенный булыжникомъ, дворъ, однообразный шумъ экипажей, доносящійся съ

улицы, запах антрацитнаго дыма и гари въ воздухѣ, бѣлобрысая ночь и темное облако копоти надъ головой. Тяжко становилось въ такія минуты уроженцу благодатной Украйны, да горю-то не можешь. Изъ Плющей приходили кой-когда письма Прокипу, изрѣдка нарушался чѣмъ-нибудь однообразный строй казарменной жизни... А время незамѣтно все шло своей чередой.

Вотъ ужъ дядько Панасъ отслужился и сталъ въ отставку собираться.

— Щожь, дядько, — спросилъ его какъ-то Кнышъ, — ты сразу до дому підешь, якъ тобі билетъ дадутъ?

— Ни, не піду. Буду тутычки собі місця шукать (мѣста искать), — отвѣтилъ тотъ.

— А я такъ сразу-бъ пішовъ, якъ бы менэ пустили.

— Ще не дуже привыкъ, отъ и собираешься. А після и самъ не схочешь... Та чого и йты? Свои уси перемерли, отъ порядку отвыкъ, и самому теперь дома чудно буде.

Насталъ и день когда Панасъ съ другими своими сослуживцами, тоже выходившими въ отставку, долженъ былъ явиться въ Зимній дворець, чтобы проститься съ государемъ.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ Кнышъ его возвращенія оттуда. Когда же старые служаки вернулись, онъ замѣтилъ, что глаза у всѣхъ у нихъ были заплаканы. А вечеромъ по всѣмъ угламъ казармъ только и шли рассказы о томъ, какъ прощался съ ними государь.

— Привели это насъ во дворець, — повѣствоваль старый унтеръ, — выстроили въ большой залѣ и приказали обождать (государь чѣмъ-то занятъ былъ). Ну, стоимъ мы. Смотримъ, маленько сгодя, дверь направо отворилась и вошелъ онъ къ намъ... Старый генеральскій сюртукъ на немъ, орденонъ никакихъ не надѣто. Подошелъ это онъ ближе къ намъ, остановился и заговорилъ: — «Ну, молодцы, спасибо вамъ за вашу вѣрную службу. Теперь на отдыхъ пора. Идите съ Богомъ по домамъ. Ведите себя, гдѣ бы не жили, хорошо: мундира своего не срамите, не пьянствуйте, худого ничего не дѣлайте, а обижать будутъ — помните: (государь при этомъ поднялъ голосъ), мои ворота для васъ всегда открыты. Вали прямо ко мнѣ. Я самъ заступлюсь! Ну, прощайте. Богъ съ вами», — проговорилъ государь и, подойдя къ крайнему, обнялъ и поцѣловаль его. И чтò тутъ у насъ было — и рассказать не можно! Какъ упали мы ему въ ноги, какъ заголосили всѣ, и кто изъ насъ чтò говорилъ ему, того теперь и не упоминимъ. Государь еще разъ поблагодарилъ насъ за службу и пошелъ изъ комнаты, взялся ужъ за ручку двери и опять оглянулся на насъ, молча кивнулъ намъ головой, а у самого, глядимъ, тоже слезы на глазахъ... И ни за чтò я, пока живъ, никуда не пойду отсюда, — утирая глаза суконнымъ рукавомъ, закончилъ унтеръ. — Хотя когда гдѣ на улицѣ его, батюшку, увидаю. Все одно дома стоскуюсь по немъ.

Внимательно слушалъ Прокипъ эти рассказы, и молилъ въ душѣ Бога, чтобы и ему довелось при государѣ Николаѣ Павловичѣ въ отставку выйти, чтобы и ему пришлось такъ-то съ своимъ царемъ проститься, и теперь понималъ онъ отчасти почему и дядька Панасъ не хочетъ домой идти.

Была у Прокипа и еще одна усердная молитва къ Богу: ему все хотѣлось гдѣ-нибудь близко встрѣтить государя самъ-на-самъ, такъ чтобы онъ глянулъ своими орлиными глазами на него, Прокипа, одного. Случай близко видѣть царя ему, совершенно неожиданно, представился, но только государь на этотъ разъ не обратилъ особеннаго вниманія на Кныша.

А случилось это такъ:

Дядька Панасъ дѣйствительно домой не пошелъ и, по выходѣ въ отставку, получилъ, чрезъ ходатайство своего бывшаго командира, мѣсто привратника въ Павловскомъ дворцовомъ паркѣ. Устроившись на новой службѣ, старикъ задумалъ жениться. Скоро, съ помощью свахи, найдена была и подходящая невѣста въ лицѣ скромной, работающей и, въ сравненіи съ женихомъ, еще молодой, бездѣтной вдовы Арины Оедоровны. Жениха и невѣсту познакомили, оба они остались совершенно довольны другъ другомъ и рѣшено было по веснѣ отпраздновать свадьбу.

Прокипъ, какъ однополчанинъ и землякъ жениха, былъ въ числѣ приглашенныхъ на это торжество, и въ назначенный для свадьбы день, отпросившись у начальства, поѣхалъ въ Павловскъ.

Утромъ, послѣ обѣдни, молодыхъ обвѣнчали, и затѣмъ все общество отправилось пировать въ Панасову караулку. Погода стояла прекрасная. Пиръ задалъ Панасъ на славу: и обѣдъ, и «горілка», и всякое угощеніе, и даже музыка въ представительствѣ гармоніи и одной скрипки, все было на лицо. Гости веселились отъ души и такъ увлеклись пиршествомъ, что и не видали, и не слышали что дѣлалось въ это время внѣ караулки.

А между тѣмъ, къ воротамъ парка подѣхалъ, запряженный въ одну лошадь, изящный кабріолетъ. Въ немъ сидѣли кавалеръ и дама. Видя, что ворота затворены и никого нѣтъ вблизи, кавалеръ, придержавъ лошадь, издали громко кликнулъ: «ворота!» Но и на этотъ зовъ никто не явился. Тогда кавалеръ, сойдя съ кабріолета и передавъ дамѣ возжи, вошелъ черезъ калитку въ паркъ и затѣмъ въ караулку. Дверь была настежь отворена, такъ что посѣтитель, ни кѣмъ не замѣченный, пріостановился на мгновеніе у порога, и окинулъ глазами представившуюся ему картину пиршества.

Въ небольшой комнаткѣ, въ облакахъ табачнаго дыма, двигались и шумѣли разныя фигуры. Въ одномъ углу жалобно пищала скрипка, ей вторилъ хриплый голосъ сидѣвшаго на лавкѣ, подперши щеки кулаками, отставного унтера; въ другомъ — отчаянно

нажаривала «Комаринскую» гармонія, а молодой солдатикъ, стоя передъ музыкантомъ, ловко подбоченясь, выбивалъ тактъ каблукми; посреди комнаты, съ чаркой въ рукахъ и покачиваясь изъ стороны въ сторону, какая-то фигура громко ораторствовала, а пожилая женщина, примостившись на небольшомъ сундучкѣ, рассказывала очевидно что-то трогательное своей сосѣдкѣ, поминутно отирая глаза свернутымъ въ трубочку платочкомъ.

Вошедшій, простоявъ нѣсколько секундъ на порогѣ и ничего не разобравъ изъ того, что происходило передъ его глазами, наконецъ, громко спросилъ:

— Что у васъ тутъ дѣлается?

На этотъ голосъ все присутствующіе оглянулись, и женихъ, онѣмѣлый отъ страха, только вытянулся въ струнку, руки по швамъ, не въ силахъ будучи произнести ни слова. Посѣтитель повторилъ свой вопросъ.

Тогда хозяинъ, стуча зубами и заикаясь, еле проговорилъ:

— Весіле справляемъ, ваше императорское величество.

Оказалось, что вошедшій былъ государь Николай Павловичъ.

— Да какое веселье справляешь?—переспросилъ онъ.

— Свадьбу граемъ, ваше императорское величество,— пояснилъ Панасъ, сообразивъ, что онъ на своемъ родномъ и непонятномъ для государя языкѣ отвѣтилъ ему.

— А, свадьбу! Ктожъ женится-то?

— Я, ваше императорское величество.

— Семей обзаводишься? Молодецъ, хвалю,—проговорилъ государь.—А жена же твоя гдѣ?

Панасъ указалъ на низко поклонившуюся государю Арину Ѳедоровну.

— Ну, давай чарку. Надо же тебя поздравить.

Панасъ кинулся къ столу, дрожащими отъ волненія руками налилъ рюмку вина какое было «поблагороднѣе» и поднесъ царю.

Государь взялъ рюмку и, обращаясь къ молодымъ, проговорилъ:

— Ну, поздравляю васъ, желаю всякаго благополучія и счастья. Ты,—вернулся онъ къ Аринѣ Ѳедоровнѣ,—моего старика догляди, почитай его; а ты, старина, смотри, чтобы мнѣ сына родилъ. Да такого жъ молодца, какъ и самъ. А родишь — крестить позови.

Государь выпилъ вино и, наклоненіемъ головы простившись со всеми, пошелъ изъ караулки. Хозяева и гости кинулись провожать его.

Подойдя къ кабриолету, государь, обращаясь къ супругѣ своей, государынѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, громко сказалъ:

— Прости, что замѣшкался. Тутъ къ одному своему сослуживцу на свадьбу попалъ.

Государыня тоже милостиво поклонилась высыпавшей из ка-
раулки дубликѣ, и царскій кабриолетъ покатилъ дальше.

Къ марту, слѣдующаго года, наказанный государемъ сынъ, дѣй-
ствительно, родился у Панаса. Не смѣя ослушаться царскаго при-
казанія, старый гвардеецъ явился на Благовѣщеніе въ Петербургъ,
въ казармы своего родного полка, празднующаго въ этотъ день
свой полковой праздникъ.

Доложили командиру въ чемъ дѣло, тотъ приказалъ поставить
Панаса на такомъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ проходить государь.

Государь пріѣхалъ, и когда онъ, по окончаніи церковнаго па-
рада, направился мимо Панаса въ полковыя казармы, послѣдній,
снявъ фуражку, выступилъ на шагъ впередъ и вытянулся во
фронтъ.

— Чтò скажешь, старина?—обратился къ нему, поровнявшись
съ нимъ, императоръ.

— Ваше императорское величество приказать изволили..... —
путаясь и запинаясь проговорилъ Панасъ,— чтобы сына родить...
И ваше императорское величество крестить.... позволили просить...

— Родился?

— Такъ точно, ваше императорское величество.

— Молодецъ! Хорошо, буду крестить. Я помню. У тебя на
свадьбѣ гулялъ,—милостиво отвѣтилъ государь, тогда какъ окру-
жающіе его еле сдерживались отъ смѣха.

Государь заочно крестилъ новорожденнаго, названнаго въ честь
своего высокаго воспріемнаго отца Николаемъ, а конногвардейская
молодежь, къ немалой гордости стараго Панаса, величала царскаго
крестника не иначе, какъ старо-гвардейскимъ сыномъ, рожден-
нымъ «по указу его императорскаго величества».

Завидоваль Прокипъ въ душѣ своему земляку, что на долю
его одного столько счастья выпало. И видитъ-го государя онъ вся-
кій разъ одинъ-на-одинъ, когда онъ въ Павловскій паркъ пріѣз-
жаетъ, а старый Панасъ отворяетъ ему ворота, и говоритъ-то онъ
съ нимъ не разъ, и на свадьбу дождался такого гостя, и поку-
мился теперь съ нимъ. Прокипъ изъ силъ выбивался, чтобы чѣмъ-
нибудь отличиться и привлечь на себя вниманіе государя. И ста-
ранія его не пропали даромъ. Его красивая, молодецкая фигура,
картинная посадка на лошади и отважно-артистическая ѣзда, не
прошли незамѣченными предъ зоркимъ окомъ царя. На одномъ
изъ ученій, во время лагернаго сбора подъ Краснымъ Селомъ,
Кнышъ пожалованъ былъ въ унтеръ-офицеры. Пронесся во весь
опоръ мимо государя, онъ услышалъ хорошо знакомый ему, звуч-
ный голосъ:

— Лихо! Молодецъ!

Дальше онъ ужъ ничего не слышалъ. Цѣль была достигнута:
государь его замѣтилъ. Когда же, послѣ ученья, полковой коман-

дирь поздравилъ его съ царской милостью, съ производствомъ въ унтеръ-офицеры, Прокипъ прежде и ушамъ своимъ не повѣрилъ, а потомъ не выдержалъ—и заплакалъ отъ радости.

Товарищи, узнавъ о монаршей милости, также поздравляли его. Кнышъ благодарилъ, конфузился и положительно не зналъ, что ему дѣлать. Въ карманѣ не было ни гроша, а какъ не угостить однополчанъ ради такого торжественнаго дня? Кинулся было Прокипъ къ своему земляку Грицьку, но оказалось, что и тамъ пусто.

— А знаешь що?—сказалъ товарищъ.—Тутъ, у города, е одинъ жидъ, у него шинокъ свѣй. Сходи ты къ нему, може вінъ у долгъ дать. Вінъ нашихъ зна. Кой кому — не то горілку — а и гроши позыча (даетъ взаймы).

Прокипъ рѣшился попробовать счастья, и, испросивъ позволеніе отлучиться, отправился передъ вечеромъ къ жиду, надѣясь какъ-нибудь уломать его, дать въ долгъ хотя полведра водки и нѣсколько булокъ для закуски. Идти пришлось ему далеко, такъ какъ кабакъ находился въ совершенно противоположной отъ стоянки полка окраинѣ города. Быстро отбѣривъ гвардейскимъ шагомъ пространство, отдѣлявшее лагерь отъ города, пробѣжавъ нѣсколько маленькихъ переулковъ, Прокипъ только хотѣлъ переѣхать главную улицу, какъ неожиданно чуть не столкнулся съ размаха на поворотѣ за уголъ съ одиноко шедшимъ ему навстрѣчу государемъ. Кнышъ часто, идя куда-нибудь со двора, мечталъ о такой счастливой случайности, рисовалъ въ своемъ воображеніи цѣлыя картины этой желанной встрѣчи, придумывалъ къ ней діалоги и всевозможныя добавленія и, казалось, гдѣ бы и какъ не произошло это событіе, съ какимъ бы вопросомъ не соблаговолилъ обратиться къ нему императоръ, онъ всегда былъ на чеку, его никогда нельзя было застать въ этомъ дѣлѣ врасплохъ. И вдругъ все это случилось такъ неожиданно! Онъ страшно испугался этой нечаянной встрѣчи, но не растерялся въ конецъ. Ловко отступивъ шагъ назадъ, онъ поспѣшно сдернулъ фуражку съ головы и сталъ во фронтъ.

Государь, въ накинутой на плечи сѣрой шинели, шелъ медленно, задумавшись. Увидя фигуру гвардейца, онъ поднесъ машинально руку къ козырьку и, развѣянно взглянувъ въ лицо солдата, прошелъ было дальше; но чрезъ секунду, словно вспомнивъ что-то, остановился и оглянулся.

— Сегодня въ унтеръ-офицеры произведенъ?—послышался его голосъ.

— Такъ точно, ваше императорское величество.

— Куда идешь?

Прокипъ не зналъ, что отвѣчать.

— А, знаю: поздравлять будутъ,—проговорилъ государь, опуская руку въ карманъ.—Ну вотъ тебѣ! Угости товарищей. Да

смотри: пьяными не напиваться! Не люблю!—коротко сказалъ государь, протягивая руку гвардейцу.

Прокипъ кинулся къ рукѣ государя, благоговѣнно приложился къ ней, и впослѣдствіи самъ никакъ не могъ вспомнить—или онъ ужъ слишкомъ много наговорилъ государю—или вовсе не сказалъ ничего. Фигура императора была уже далеко, а Кнышъ все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ, глядя ему вслѣдъ, туго зажавъ въ рукѣ два червонца, подарокъ любимаго царя.

— «Батько, какъ есть родной батько! Его сердца на всѣхъ хватить»,—проговорилъ онъ вслухъ и, пользуясь тѣмъ, что улица была пуста, далъ волю благодарнымъ слезамъ. Въ немъ все трепетало въ эту минуту! И, казалось, прикажи ему государь сейчасъ передвинуть гору на другое мѣсто, онъ не только съ радостью, не задумываясь, кинулся бы исполнять царское приказаніе, но и твердо вѣрилъ, что смогъ бы исполнить его.

На одинъ изъ подаренныхъ государемъ червонцевъ были угощены товарищи, а другой, не взирая на всякія житейскія нужды, свято хранится Кнышемъ, какъ драгоценная память царя-отца.

А между тѣмъ, черная туча повисла надъ Россіей. Совершенно неожиданно, 18-го февраля 1855 года, государя Николая Павловича не стало. Грозовымъ ударомъ пронеслась эта вѣсть по всей Руси, и острой болью отдалась въ сердцѣ каждого истиннаго патриота.

Что творилось въ душѣ Прокипа, когда роковая вѣсть достигла казармъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка, того онъ и выразить не сумѣлъ бы. «Не уберегли»,—горько проговорилъ онъ и почувялъ, что вся цѣль, весь смыслъ его жизни словно исчезли куда-то. Какъ пережилъ онъ тѣ страшно-мучительные дни, какъ не разорвалось его сердце, уцѣлѣли мозги, тому онъ впослѣдствіи только дивился. Его безысходное горе было замѣчено даже начальствомъ. Пробовали утѣшать его: говорили, что государь оставилъ наследника, родного своего сына. Но Прокипъ могъ только соболѣзновать молодому царю въ его тяжкой утратѣ.

Не скоро оправился онъ отъ столь тяжкаго и неожиданнаго удара, и только необходимость заставила его снова приняться за свои обязанности. Онъ горячо полюбилъ молодого государя, какъ сына своего царя-батьки, но это было иное, скорѣе какое-то нѣжное чувство. Когда ему случалось на смотрахъ или парадахъ услышать изъ устъ молодого царя похвалу или благодарность, онъ бесконечно радовался, что угодилъ, утѣшилъ его. Несмотря на то, что цесаревичъ Александръ вступилъ на престолъ въ зрѣломъ возрастѣ, въ глазахъ Прокипа онъ былъ отрокъ-сирота, оставленный, какъ дорогое наследіе отечеству, государемъ Николаемъ Павловичемъ, на попеченіе ихъ, старыхъ, преданныхъ слугъ его.

Умиленно глядя на молодого государя, ему все чудилось, что позади его стоитъ ангеломъ-хранителемъ могучая, величественная

фигура царя-отца, зоркимъ, недремлющимъ окомъ слѣдящая за всѣмъ и все видящая. И онъ старался угодить царю-сыну, какъ нѣжная, любящая нянька старается угодить своему питомцу.

Механически исполняя свои обязанности, Прокипъ давно потерялъ и счетъ времени. Онъ и жилъ какъ-то безсознательно, словно не разумѣя, что живетъ. Вѣсть, что и ему пора собираться въ отставку, не только не обрадовала его, но наоборотъ, испугала. Тутъ, на службѣ, все шло своей чередой, и ему ни о чемъ не нужно было размышлять, а теперь приходилось встряхнуться, подумать, что дѣлать съ собой, куда дѣваться. Плющи ужъ больше не тянули его къ себѣ; отецъ, мать померли; братья и сестры проживуть и безъ него, да и самъ онъ отвыкъ отъ прежней жизни и обстановки. Пойти на время на родину, провѣдать свое родное село, это еще такъ-сякъ, а жить тамъ постоянно—онъ чуялъ, что не выдержитъ, стоскуется. Остаться въ Петербургѣ, какъ въ большинствѣ его старые сослуживцы дѣлали, да безъ царя-батки равно и столица пустая стала...

— «Нѣтъ, не пойду до дому, тутъ останусь»,— порѣшилъ Кнышь,— «не пришлось вѣкъ дожить съ моимъ царемъ — нехай меня хоть одна земля съ нимъ прійме».

И старый гвардеецъ, получивъ отставку и солдатскій знакъ ордена св. Анны за безпорочную службу, остался доживать свой вѣкъ въ Петербургѣ.

Десятки лѣтъ прошли со смерти императора Николая, но и теперь, одинъ разъ въ году, можно видѣть въ Красномъ Селѣ высокую, сухую фигуру отставного конногвардейца, вмѣнившего себѣ въ священную обязанность, въ этотъ достопамятный для него день, посѣтить то самое мѣсто, гдѣ онъ удостоился когда-то царскаго вниманія и милости. А если удастся разговориться съ нимъ, онъ охотно подѣлится съ вами въ этотъ день своими дорогими воспоминаніями о царѣ-отцѣ, и благоговѣнно покажетъ вамъ драгоценный червонецъ, который въ этотъ день достается изъ сундучка и обязательно находится при немъ.

К. Искеуль.

ОДИНЪ ИЗЪ РУССКИХЪ ПОНЕРОВЪ НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКЪ.

ВЪ НЫНѢШНЯГО года нашъ далекій Востокъ вступаетъ въ новую свѣтлую эру своего существованія. На рубежѣ прошлаго и грядущаго этой отдаленной окраины стоитъ знаменательный фактъ посѣщенія ея русскимъ престолонаслѣдникомъ, фактъ, который, несомнѣнно, займетъ выдающуюся страницу въ исторіи русскаго восточнаго прибрежія.

Обладаніе нами восточной окраиной имѣетъ громадное государственное значеніе и громадная заслуга передъ отечествомъ главнаго виновника этого обладанія, графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго, въ настоящее время—общепризнана. Только десять лѣтъ прошло, какъ этотъ замѣчательный государственный дѣятель оставилъ жизненное поприще, но для увѣковѣченія его достойной памяти, ближайшее потомство уже сдѣлало все, что на долю многихъ другихъ отечественныхъ дѣятелей выпадаетъ спустя многіе десятки лѣтъ послѣ ихъ кончины.

Но, если благодарное потомство не замедлило увѣковѣчить память графа Муравьева-Амурскаго, то нельзя упрекнуть его и въ томъ, что забыло оно и другихъ дѣятелей по закрѣпленію за нами восточной окраины.

Въ славной плеядѣ ближайшихъ сотрудниковъ графа Муравьева-Амурскаго, выдающееся мѣсто, безспорно, принадлежитъ адмиралу Геннадію Ивановичу Невельскому. Его заслуги въ настоящее время оцѣнены по достоинству и дѣятельность его увѣковѣчена памятникомъ, воздвигнутымъ въ нынѣшнемъ году во Владивостокѣ, гдѣ, въ 1889 г., зародилась и мысль о сооруженіи этого памятника. Въ томъ же году послѣдовало и высочайшее соизволеніе на открытіе подписки на памятникъ, давшей около 10,000 рублей. Памятникъ сооруженъ по проекту А. Н. Антипова; бюстъ Невельскаго и дру-

гіе металіческіе предметы исполнены скульпторомъ Бахомъ и отлиты въ Петербургѣ, въ мастерской Верфеля, въ магазинѣ котораго и были выставлены для обозрѣнія публики. Памятникъ, какъ видно изъ прилагаемаго рисунка, состоитъ изъ пирамиды, увѣчанной бронзовымъ шаромъ и парящимъ орломъ. Пирамида сдѣлана изъ мѣстнаго гранита, добываемаго въ бухтѣ Петра Великаго. На лицевой сторонѣ основанія пирамиды сдѣлана ниша, въ которой установленъ бюстъ Невельскаго, а на трехъ другихъ сторонахъ укрѣплены металіческія доски съ слѣдующими на нихъ надписями: 1) Въ 1851 г., по поводу смѣлаго занятія Г. И. Невельскимъ берега Амура, государь императоръ Николай Павловичъ, назвавъ поступокъ Невельскаго смѣлымъ, благороднымъ и патріотическимъ, сказалъ слова, довершившія все дѣло: «Гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ»; 2) въ 1849 г. транспортъ «Байкаль» командиръ капитанъ-лейтенантъ Г. И. Невельской 1-й; лейтенанты П. В. Казакевичъ 2-й и А. П. Гревенсъ; мичмана А. О. Геймаръ и Э. В. Гроте; кор. шт. пор. А. А. Халезовъ и подп. А. А. Поповъ, лекаръ В. Г. Бергъ; юнкеръ князь К. Ухтомскій и 28 нижнихъ чиновъ. (Передъ текстомъ на доскѣ изображена корма транспорта «Байкаль»); 3) Амурская экспедиція. Въ 1850 и 1851 гг. Капитанъ 1-го ранга Г. И. Невельской, лейтенантъ Н. К. Бошнякъ, мичманъ Н. М. Чихачовъ, проп. кор. шт. Д. И. Орловъ, лейтенантъ Гавриловъ, прапорщикъ Семеновъ, докторъ Орловъ, приказчикъ Р. А. К. Березинъ, нижнихъ чиновъ 46 человекъ. Жены участниковъ экспедиціи: Е. И. Невельская, Х. М. Орлова, жены нижнихъ чиновъ 4. Въ 1852 г. Кромѣ лейтенанта Гаврилова, всѣ остальные и мичмана: Разградскій и Л. П. Петровъ; нижнихъ чиновъ 56 человекъ. Въ 1853 г. Кромѣ гг. Чихачова и Семенова, всѣ остальные и сверхъ того кап.-лейт. Бачмановъ съ супругою Е. О., священникъ Гавріиль съ супругою Е. И., приказчикъ Бауровъ. Въ Сахалинской экспедиціи: маіоръ Н. В. Буссе, лейтенантъ Рудановскій, приказчикъ Р. А. К. Самаринъ, нижнихъ чиновъ 86 человекъ. Транспортъ «Иртышъ», подъ командою лейтенанта П. Ф. Гаврилова и К. Л. Чихачова, корабль «Николай» подъ командою Клинковстрема, боть «Кадьякъ» подъ командою Шарашова; всего нижнихъ чиновъ 91 человекъ».

Памятникъ воздвигнуть въ скверѣ и смотреть на море, для котораго такъ много потрудился Г. И. Невельской.

Имя Невельскаго чрезвычайно популярно среди моряковъ, хорошо знакомо изслѣдователямъ нашихъ окраинъ, но, къ сожалѣнію, мало извѣстно остальному обществу. Въ настоящемъ краткомъ біографическомъ очеркѣ мы познакоимъ читателей съ главнѣйшими моментами жизни и дѣятельности Невельскаго.

Геннадій Ивановичъ родился 25-го ноября 1813 года, въ Солигаличскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, и происходилъ изъ мѣст-

ной старинной семьи потомственныхъ дворянъ. Образование получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1832 года былъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ и началъ службу въ 27-мъ флотскомъ экипажѣ. Для довершенія своего морского образования, Невельской, въ чинѣ мичмана, поступилъ въ морскіе офицерскіе классы, гдѣ слушалъ курсъ высшихъ морскихъ наукъ и, по оконченіи классовъ, въ 1836 г. былъ произведенъ въ лейтенанты. Какъ во время пребыванія въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ офицерскихъ классахъ, такъ и по окончаніи ихъ, до 1846 г. включительно, Невельской ежегодно находился въ плаваніи; совершивъ нѣсколько плаваній съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, онъ одно время былъ руководителемъ его высочества въ морскихъ наукахъ.

Будучи усидчивымъ труженикомъ, Невельской съ особымъ усердіемъ занялся изученіемъ нашего Востока, его береговъ и омывающихъ ихъ водъ, по тѣмъ даннымъ, какія въ то время имѣлись въ нашей и иностранной литературахъ. Добросовѣстно изучивъ всѣ матеріалы, добытые прежними изслѣдователями побережій Восточнаго океана, Невельской пришелъ къ глубокому убѣжденію въ ошибочности ихъ заключеній, въ особенности относительно рѣки Амура, и съ тѣхъ поръ дѣятельность на Востокѣ сдѣлалась его излюбленною мечтой.

Въ 1848 г. для Невельскаго представилась возможность, хотя отчасти, осуществить свои планы; въ этомъ году онъ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, былъ назначенъ командиромъ строившагося въ Гельсингфорсѣ, транспорта «Байкаль», на которомъ Невельской долженъ былъ доставить въ Охотскъ и Петропавловскъ провіантъ и другіе грузы. Узкая, строго опредѣленная роль командира грузоваго транспорта должна была значительно ограничить осуществленіе широкихъ плановъ Невельскаго, съ какими онъ отправлялся на Востокъ. Къ тому же и свѣдѣнія, добытыя прежними экспедиціями, далеко не располагали въ то время высшія правительственныя сферы къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ Амура. Благодаря этому и императоръ Николай Павловичъ не одобрялъ попытокъ къ новымъ изслѣдованіямъ этой рѣки и былъ того мнѣнія, что «для чего намъ эта рѣка, когда нынѣ уже положительно доказано, что входить въ ея устье могутъ только одни лодки».

Послѣдняя экспедиція для изслѣдованія устья рѣки Амура и вопроса объ его судоходности была снаряжена въ 1846 г. на бригѣ «Константинъ», подъ начальствомъ подпоручика корпуса флотскихъ штурмановъ Гаврилова. Экспедиція продолжалась около трехъ мѣсяцевъ и Гавриловъ пришелъ къ заключенію, что амурскій лиманъ, въ сѣверной его части, съ большимъ трудомъ доступенъ для судовъ, имѣющихъ не болѣе шестнадцати футовъ углубленія, а дальнѣйшее плаваніе по лиману просто невозможно. Отно-

сительно же самой рѣки, Гавриловъ заключилъ, что въ нее можно найти проходы, но только для судовъ съ пятифутовою осадкою и только при наличности средствъ, какія употребляются при промѣрахъ въ финляндскихъ шхерахъ. На всеподданнѣйшемъ докладѣ о результатахъ экспедиціи Гаврилова, императоръ Николай Павловичъ написалъ: «Весьма сожалѣю. Вопросъ объ Амурѣ, какъ о рѣкѣ бесполезной, оставить; лицъ посылавшихся на Амуръ наградить».

Но, несмотря на эти неблагоприятныя для Амура мнѣнія, укоренившіяся въ государственныхъ сановникахъ того времени и раздѣляемыя императоромъ Николаемъ Павловичемъ, Невельской продолжалъ оставаться при своемъ глубокомъ убѣжденіи, что такая рѣка, какъ Амуръ, не можетъ быть не судоходна. Съ этимъ соглашались и нѣкоторые высшіе чины морского министерства, но такъ какъ вопросъ объ Амурѣ имѣлъ въ то же время и политическій характеръ, то безъ согласія министерства иностранныхъ дѣлъ Невельской не могъ получить отъ своего начальства инструкцій, соотвѣтствовавшихъ его намѣреніямъ.

Въ это самое время состоялось назначеніе графа Н. Н. Муравьева генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Бывшій въ то время начальникомъ главнаго морского штаба, свѣтлѣйшій князь А. С. Меншиковъ, расположенный къ Невельскому, посовѣтовалъ ему тотчасъ же обратиться къ Муравьеву и познакомить послѣдняго съ своими планами относительно Амура. Какъ только графъ Муравьевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, къ нему явился Невельской. Молодой, энергичный начальникъ края отнесся весьма сочувственно къ предположеніямъ Невельскаго и обѣщалъ ему свое содѣйствіе.

По отъѣздѣ Муравьева въ Восточную Сибирь, Невельской началъ дѣятельно хлопотать о скорѣйшемъ окончаніи постройки транспорта и о назначеніи на него наиболѣе способныхъ морскихъ офицеровъ, а также и о снабженіи транспорта лучшими инструментами. По настоянію же Невельскаго и припасы, отправляемые въ Петропавловскъ и Охотскъ, были заготовлены качествомъ лучше тѣхъ, какіе обыкновенно отправлялись изъ казенныхъ складовъ на отдаленныя окраины.

Въ отсутствіе Муравьева, Невельской, убѣдившись, что собственными силами онъ не въ состояніи подвинуть вопроса о новомъ изслѣдованіи Амурскаго лимана, рѣшилъ письменно обратиться къ Муравьеву за обѣщаннымъ содѣйствіемъ и въ этомъ же письмѣ изложилъ планъ своихъ дѣйствій, въ случаѣ, еслибы ему пришлось попасть на Амуръ. «Безъ ходатайства вашего превосходительства здѣсь никто о томъ и не думаетъ, а безъ предписанія я самъ собою не посмѣю дѣйствовать», — писалъ Невельской Муравьеву. Въ первыхъ числахъ мая 1849 г. Невельской предполагалъ прибыть на транспортѣ «Байкаль» въ Петропавловскій портъ, чтобы сдать тамъ

грузъ; остающуюся затѣмъ часть лѣта употребить на осмотръ и опись юговосточныхъ береговъ Охотскаго моря, начиная отъ Тугурской губы и далѣе къ востоку до лимана рѣки Амуръ, на изслѣдованіе и опись самыхъ устьевъ этой рѣки и пространства между островомъ Сахалиномъ и берегомъ Азіи. Далѣе Невельской пишетъ, что сознавая «всю важность познаній для Россіи этой страны, употребилъ бы всю свою дѣятельность, всѣ свои способности, чтобы представить подробную и добросовѣстную картину мѣсть, мракомъ доселѣ отъ насъ сокрытыхъ, представить не для одного любопытства науки, но главное для практической пользы, т. е. гдѣ и съ какими удобствами можно основать портъ, какіе находятся лѣса, растенія и качество земли, въ какой степени безопасности можно совершать плаванія, какія можно встрѣтить препятствія отъ климата, теченій и мелей» и т. д. «А при такомъ изслѣдованіи, — пишетъ Невельской, — кто можетъ теперь исчислить всѣ важныя послѣдствія, какія для блага Россіи произойти могутъ».

Въ этомъ же письмѣ Невельской просить, чтобы въ инструкціи ему было официально помѣщено предписаніе сдать въ Петропавловскѣ грузъ, назначенный въ Охотскъ, и въ концѣ мая выйти изъ Петропавловскаго порта и слѣдовать для описи новой Великокняжеской губы и лежащаго отъ нея къ востоку берега и, что, если въ продолженіе лѣта 1849 г. опись не будетъ окончена, то идти на зиму въ Петропавловскъ, и за невозможностью туда попасть, провести зиму на островахъ Тихаго океана.

Стараясь, во что бы то ни стало, попасть въ лиманъ р. Амура, Невельской просить генераль-губернатора, чтобы къ инструкціи было добавлено секретное предписаніе: «не давая подозрѣній, подъ какимъ-либо предлогомъ, происходящимъ отъ случайности, напримѣръ, туманъ, буря, теченіе и т. п. постараться зайти въ лиманъ Амура, изслѣдовать устье этой рѣки и пространство между островомъ Сахалиномъ и материкомъ до предѣла къ югу, сколь можно большому».

При полученіи такого рода инструкціи, исполнѣвшей на мѣреніямъ Невельскаго, онъ предполагалъ распорядиться слѣдующимъ образомъ: 1) на пути въ Петропавловскъ, на Сандвичевыхъ островахъ, оставить провизіи на восемь мѣсяцевъ; 2) сдать охотскій грузъ въ Петропавловскѣ и оттуда идти прямо въ лиманъ Амура, между Сахалиномъ и матерымъ берегомъ, куда, по словамъ Невельскаго, «официально занесли бы его туманъ или теченіе» и проч. и по такимъ же официально представленнымъ причинамъ не вышелъ бы оттуда до тѣхъ поръ, пока подробно все не изслѣдовалъ бы и 3) изъ Амура уже отправиться въ Новую губу и начать опись береговъ, а затѣмъ, сдавъ судно въ Охотскѣ, предоставить себя и своихъ офицеровъ въ распоряженіе генераль-губернатора. Свое письмо Невельской заключаетъ слѣдующими словами:

Адмиралъ Г. И. Невельской.

«Мнѣ бы гораздо, конечно гораздо, легче было, какъ доселѣ предполагается, отвезти грузъ въ Петропавловскъ и Охотскъ, сдать судно и преспокойно воротиться, нежели имѣть на своей отвѣтственности подобную работу. Но я вполне понимаю, сколь важны для нашего отечества подобныя изслѣдованія, священнымъ долгомъ поставилъ бы себѣ представить о всемъ этомъ добросовѣстно и такъ, какъ оно дѣйствительно есть. Чувствую, что дѣятельности, знаній и способностей моихъ достанетъ и средства и время есть. У меня и прекрасно снабженное совершенно новое судно, здоровая и хорошая команда и прекрасные офицеры. Какъ русскій, какъ преданный моему отечеству, смѣю представить о томъ вашему превосходительству, уповая на Господа, не щадя ни правъ своихъ, ни здоровья, ни самой жизни, надѣясь исполнить, но безъ ходатайства вашего превосходительства ничего не будетъ; надобно, чтобы наше начальство мнѣ вмѣнило это въ обязанность, а безъ того, вы сами изволите знать, могу ли я дѣйствовать? Смѣю надѣяться, что ваше превосходительство не оставите своимъ ходатайствомъ и почтите меня до отхода вашимъ приказаніемъ и увѣдомленіемъ».

Это письмо было получено графомъ Муравьевымъ уже въ Иркутскѣ и тогда же, согласно желанію Невельскаго, была составлена для него инструкція и отправлена въ Петербургъ черезъ морское министерство на высочайшее утвержденіе. Обо всемъ этомъ графъ Муравьевъ письмомъ извѣстилъ Невельскаго, ободряя его надеждой, что инструкція не будетъ измѣнена. Между тѣмъ, подходило время къ отправкѣ «Байкала» по назначенію. Составленная генералъ-губернаторомъ инструкція еще не успѣла получить высочайшаго утвержденія, а Невельской ушелъ въ море, имѣя лишь временную инструкцію отъ тогдашняго начальника главнаго морского штаба, князя А. С. Меншикова, и твердую увѣренность въ дальнѣйшихъ ходатайствахъ и поддержкѣ графа Муравьева, на совмѣстную работу съ которымъ Невельской шелъ полный энергіи и знаній.

Отправляя Невельскаго, князь Меншиковъ исключилъ въ данной ему инструкціи малѣйшіе намеки на посѣщеніе и тѣмъ болѣе изслѣдованіе Амурскаго лимана и предварилъ о тяжелой отвѣтственности, угрожающей Невельскому, въ случаѣ его самовольныхъ дѣйствій въ восточныхъ водахъ. Оградивъ себя такимъ образомъ отъ отвѣтственности, Меншиковъ весьма тонко далъ понять Невельскому, что, если все затѣянное имъ по изслѣдованію Амурскаго лимана произойдетъ «случайно», безъ потери людей и ущерба казнѣ, то дѣло, можетъ быть, и не будетъ имѣть для него печальныхъ послѣдствій.

21-го августа 1848 г., Невельской отплылъ на транспортѣ «Байкаль» изъ Кронштадта въ Петропавловскъ и на пути долженъ былъ посѣтить Портсмуть, Рио-Жанейро и Вальпарайзо. Условія плаванія сложились для Невельскаго такъ благопріятно, что, согласно его

первоначальнымъ предположеніямъ, «Байкалу» удалось придти въ Петропавловскъ въ первой половинѣ мая и благополучно сдать привезенный грузъ.

Между тѣмъ, въ концѣ января 1849 г., въ Петербургѣ, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ особый комитетъ по вопросу объ Амурѣ. Комитетъ призналъ необходимымъ дѣйствовать съ чрезвычайною осторожностью, чтобы не возбудить подозрѣній и неприязни со стороны китайцевъ. По мнѣнію комитета, было желательно, чтобы лѣвый берегъ устья Амура и находящаяся противъ него часть острова Сахалина не были заняты никакою постороннею державою. Чтобы предупредить это, не давъ поводовъ къ недоразумѣніямъ съ Китаемъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде полагалъ, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, отправить туда изъ Аянскаго порта небольшую морскую экспедицію, начальство надъ которой поручить благоразумному и осторожному лицу. Цѣль этой экспедиціи была торговля съ гиліаками для наибольшаго сближенія съ ними и упроченія среди нихъ нашего вліянія. Исполненіе этого предпріятія признавалось наиболѣе удобнымъ поручить Невельскому, въ то время уже находившемуся на востокѣ. Невельской долженъ былъ произвести осмотръ берега отъ Шантарскихъ острововъ до устья Амура и сѣверныхъ береговъ Сахалина. На этомъ пространствѣ и въ недалекомъ разстояніи отъ устья Амура слѣдовало отыскать удобное мѣсто, которое, въ случаѣ надобности, могло бы быть нами занято.

Только около этого времени состоялось утвержденіе инструкціи Невельскому и морское министерство отправило ее къ графу Муравьеву. Для передачи инструкціи Невельскому, генераль-губернаторъ отправилъ изъ Иркутска въ Охотскъ, состоявшаго при немъ шт.-капитана Корсакова, который долженъ былъ изъ Охотска, моремъ, отправиться въ Петропавловскъ, чтобы застать тамъ Невельскаго. Долго неоткрывавшаяся навигація задержала Корсакова въ Охотскѣ до іюня мѣсяца и только тогда состояніе льдовъ позволило ему отправиться въ Петропавловскъ на ботѣ «Кадьякъ». Но здѣсь Невельскаго уже не было и Корсаковъ, въ надеждѣ встрѣтись съ «Байкаломъ» въ морѣ, нѣкоторое время крейсировалъ между материкомъ и берегами острова Сахалина и заходилъ въ Константиновскую гавань. Потерявъ надежду найти Невельскаго, Корсаковъ на своемъ ботѣ прибылъ въ Аянъ.

Между тѣмъ Невельской, какъ уже выше сказано, въ маѣ мѣсяцѣ благополучно прибылъ въ Петропавловскъ. Не найдя здѣсь никакихъ инструкцій, кромѣ частнаго письма Муравьева, поспѣшили сдать грузъ и, не ожидая инструкцій, на свой рискъ, вышли къ берегамъ Сахалина и къ Амурскому лиману.

24-го іюня транспортъ «Байкалъ» бросилъ якорь у мыса Голвачева и Невельской отправилъ мичмана Грота и подпоручика

Попова отыскивать фарватеръ, но рекогносцировка осталась безъ результатовъ. Отсюда «Байкаль» отошелъ къ материку и 28-го іюня бросилъ якорь въ завѣтномъ для Невельскаго Амурскомъ лиманѣ. Лейтенанту Казакевичу было поручено произвести изслѣдованіе вдоль берега материка, а мичману Гроту—вдоль сахалинскаго берега. Гротъ дошелъ до отмели, идущей поперекъ пролива, а Казакевичъ нашелъ устье, вошелъ въ рѣку и, идя узкимъ извилистымъ фарватеромъ, достигъ гиляцкаго селенія Чадбахъ. 10-го іюля Невельской лично отправился на изслѣдованіе. Слѣдуя сначала вдоль лѣваго берега Амура, Невельской дошелъ до полуострова Куегда (тогда же названнаго Константиновскимъ), отсюда перешелъ къ правому берегу и вдоль него началъ спускаться къ лиману. Дойдя до мѣста, гдѣ материкъ сближается съ Сахалиномъ, Невельской лично убѣдился въ отсутствіи здѣсь перешейка, о существованіи котораго утверждали прежніе изслѣдователи: Лаперузь, Броутонъ, Крузенштернъ и Гавриловъ. Открытый Невельскимъ проливъ имѣлъ глубину въ пять сажень и ясно доказывалъ, что Сахалинъ островъ. Противоположныя мысы названы Невельскимъ именами Лазарева и Муравьева. Изслѣдованіе лимана рѣки Амура и его устьевъ продолжались до конца августа, а затѣмъ Невельской на транспортѣ «Байкаль» отправился обратно въ Охотское море.

Въ это время графъ Муравьевъ возвращался изъ поѣздки въ Камчатку. Изъ Петропавловскаго порта генераль-губернаторъ плылъ на транспортѣ «Иртышъ» въ Аянъ, рассчитывая, между прочимъ, спустившись къ сѣверной оконечности Сахалина, встрѣтиться съ Невельскимъ. Но ни тамъ, ни у Шантарскихъ острововъ, къ которымъ «Иртышъ» нарочно подходилъ, «Байкала» не было. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ безуспѣшными поисками «Байкала», произведенными Корсаковымъ, заставляло думать, что Невельской погибъ. Безвѣстное отсутствіе Невельскаго крайне озачивало графа Муравьева.

Наконецъ, 3-го сентября, еще во время пребыванія генераль-губернатора въ Аянѣ, къ общей радости, показался транспортъ «Байкаль». Обрадованный графъ Муравьевъ, тотчасъ же отправился съ своей свитой на катерѣ, навстрѣчу «Байкалу» и, еще не входя на его палубу, спросилъ Невельскаго: «откуда онъ явился?» Невельской съ палубы доложилъ генераль-губернатору: «Господь Богъ намъ помогъ... Главное кончено... все благополучно... Сахалинъ островъ, входъ въ лиманъ и рѣку Амуръ возможны для мореходныхъ судовъ съ сѣвера и юга. Вѣковое заблужденіе положительно разсѣяно. Истина обнаружилась; доношу вамъ объ этомъ нынѣ».

Таковы были результаты смѣлыхъ дѣйствій Невельскаго, принятыхъ имъ на собственный рискъ.

Тутъ же генераль-губернаторъ приказалъ Невельскому отправиться въ Иркутскъ, куда долженъ былъ самъ вскорѣ возвра-

тись. Изъ Аяна Невельской 'отправился въ Охотскъ, чтобы сдать транспортъ «Байкаль», привести въ порядокъ собранные матеріалы и исправить карты.

Въ своемъ рапортѣ главному морскому штабу, объ успѣхахъ дѣйствій Невельскаго, графъ Муравьевъ писалъ: «Множество предшествовавшихъ экспедицій (къ берегу сахалинскому) достигали европейской славы, но ни одна не достигла отечественной пользы по тому истинно русскому смыслу, съ которымъ дѣйствовалъ Невельской».

1-го января 1850 г. Невельской былъ командированъ генераль-губернаторомъ изъ Иркутска въ Петербургъ, съ подробнымъ отчетомъ о возложенномъ на него порученіи, съ рапортами и письмами графа Муравьева. По пріѣздѣ Невельскаго въ Петербургъ, надъ нимъ едва не стряслась бѣда. Нѣкоторые изъ членовъ комитета находили дѣйствія его преступными и заслуживающими строгой кары. Но, на счастье Невельскаго, между членами комитета и высшими государственными сановниками были люди, по достоинству оцѣнившіе его заслуги и вступившіеся за него.

Несмотря на все это, очевидная важность сдѣланныхъ Невельскимъ открытій и представленія, по поводу ихъ, графа Муравьева, привели къ утвержденію особой амурской экспедиціи, съ цѣлью основать зимовье въ заливѣ «Счастія» или въ другомъ мѣстѣ близъ Амурскаго лимана, но «отнюдь не въ лиманѣ, а тѣмъ болѣе на рѣкѣ Амурѣ». Въ этомъ зимовьѣ, подъ видомъ торговли «Россійско-американской компаніи», должны были происходить сношенія съ гиляками, для развѣдыванія края, «не касаясь ни подъ какимъ предлогомъ устья рѣки Амура». Для избранія мѣста для этого зимовья, въ распоряженіе генераль-губернатора былъ командированъ Невельской, произведенный въ чинъ капитана 2-го ранга.

Въ февралѣ 1850 г. Невельской выѣхалъ изъ Петербурга обратно въ Иркутскъ, а уже въ апрѣлѣ былъ командированъ графомъ Муравьевымъ, для основанія зимовья на берегахъ Охотскаго моря. Въ іюнѣ Невельской прибылъ на транспортѣ «Байкаль» въ заливъ «Счастія» къ устью рѣки Амура; вмѣстѣ съ нимъ прибыло и 25 человекъ команды. По тщательной развѣдкѣ мѣстности, Невельской рѣшилъ заложить зимовье противъ острова Лутковскаго, такъ какъ къ этому мѣсту былъ свободный доступъ судамъ и здѣсь же было удобно имъ и зимовать. Мѣстные жители, гиляки, приняли Невельскаго весьма радушно и, при ихъ помощи, 29-го іюня было приступлено къ закладкѣ поста. На слѣдующій день, наканунѣ отъѣзда Невельскаго, на нѣсколько дней, въ Аянь, къ нему явилось до 60 гиляковъ изъ сосѣднихъ деревень, чтобы освѣдомиться куда и надолго ли онъ уѣзжаетъ и завѣрить въ своемъ добромъ къ русскимъ расположеніи. Когда Невельской сообщилъ имъ, что на короткое время уѣзжаетъ въ Аянь къ своему начальнику, то

гиляки начали просить его взять съ собой нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы они могли заявить его начальнику свою преданность и выбрать въ Аянѣ необходимые товары. Невельской удовлетворилъ желаніе гиляковъ и взялъ съ собой двоихъ: Позвейна и Падхина. Отправившись въ Аянъ, Невельской оставилъ новое зимовье, названное имъ Петровскимъ, на попеченіе прапорщика Орлова, прибывшаго туда еще зимою.

Графъ Муравьевъ былъ чрезвычайно доволенъ дѣятельностью Невельскаго и писалъ о немъ графу Л. А. Перовскому, между прочимъ, слѣдующее: «Я доношу государю обо всѣхъ полученныхъ мною изъ Аяна свѣдѣніяхъ и о тѣхъ приготовленіяхъ, какія сдѣлалъ въ Охотскомъ морѣ на случай особыхъ мнѣ высочайшихъ повелѣній въ Петербургѣ; туда же вслѣдъ за мною, пріѣдутъ съ окончательными свѣдѣніями: съ устья Амура—Невельской, изъ Камчатки—Корсаковъ, и если будетъ только что приказано, то оба они изъ Петербурга могутъ отправиться прямо опять къ Охотскому морю для дѣйствія. Это два драгоценные чиновника: ихъ дѣятельность и способности изгладили 4 тысячи верстъ разстоянія между Иркутскомъ и Охотскимъ моремъ».

Эти-то 4,000 верстъ, о которыхъ пишетъ графъ Муравьевъ, можетъ быть и дали предприимчивой и рѣшительной натурѣ Невельскаго возможность во многихъ случаяхъ дѣйствовать на свой страхъ и рискъ и тѣмъ подвигать дѣло, которое могло бы, при другихъ обстоятельствахъ, затормозиться еще на много лѣтъ. Возвратясь изъ Аяна въ Петровское зимовье, Невельской, опять-таки на свой рискъ, отправился сѣвернымъ проходомъ въ рѣку Амуръ, и, пройдя, на вельботѣ, около 100 верстъ вверхъ по Амуру, въ 25-ти верстахъ отъ устья избралъ мѣсто для основанія новаго поста, близъ гиляцкаго селенія Куегда. Во время этого смѣлаго плаванія Невельскому встрѣтилась толпа гиляковъ, мангунъ и манджуръ, потребовавшихъ удаленія русскихъ. Въ отвѣтъ на это требованіе, Невельской рѣшительно объявилъ имъ, что отнынѣ Амуръ до Хинганскихъ горъ, вся приморская земля и островъ Сахалинъ, принадлежатъ Россіи и русскій царь принимаетъ жителей подъ свою защиту. 6-го августа, въ день Преображенія Господня, былъ заложенъ постъ, названный Николаевскимъ, и впервые на Амурѣ взвился русскій военный флагъ. Здѣсь было оставлено пять человѣкъ команды съ одной небольшой пушкой.

Оставивъ свой вельботъ на новомъ посту, Невельской возвратился въ Петровское зимовье сухимъ путемъ, на оленяхъ. Здѣсь онъ засталъ гамбургскій и американскій китобойные корабли, которыми также объявилъ о сдѣланномъ Россіи приобрѣтеніи Амурскаго края и острова Сахалина. Съ Амура Невельской отправился въ Аянъ, а оттуда въ Иркутскъ, для личнаго доклада генералъ-губернатору о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ на рѣкѣ Амурѣ. Въ это

время графъ Муравьевъ уже выѣхалъ въ Петербургъ и въ Иркутскѣ Невельской нашель его распоряженіе слѣдовать за нимъ туда же. Въ это же время въ Иркутскъ возвратился изъ Охотскаго моря и капитанъ Корсаковъ, вмѣстѣ съ которымъ Невельской выѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ вскорѣ послѣ графа Муравьева.

Самовольныя дѣйствія Невельскаго на Амурѣ подняли въ Петербургѣ цѣлую бурю. По приѣздѣ въ Петербургъ графъ Муравьевъ исходатайствовалъ личный докладъ государю Николаю Павловичу. Государь одобрилъ все сдѣланное на Амурѣ и приказалъ Муравьеву представить обо всемъ подробную записку. Результатомъ доклада и записки было образованіе особаго Гиляцкаго комитета, въ составъ котораго вошли: графъ Нессельроде, военный министръ князь Чернышевъ, министръ финансовъ Вронченко, начальникъ главнаго морскаго штаба князь Меншиковъ, графы Перовскій и Бергъ, тайный совѣтникъ Сенявинъ и самъ Муравьевъ. Комитетъ признавалъ всѣ наши дѣйствія на Амурѣ преждевременными и опасными. Относительно торжественнаго занятія Невельскимъ пункта на Амурѣ, графъ Нессельроде полагалъ, что это занятіе не можетъ не встревожить китайцевъ, и благоразуміе требуетъ оставить этотъ пунктъ, не ожидая никакихъ по этому поводу вопросовъ и жалобъ со стороны китайскаго правительства. Мнѣніе графа Нессельроде горячо поддерживали князь Чернышевъ и Сенявинъ. Въ этомъ засѣданіи комитета Муравьевъ старался доказать необходимость удержанія за нами пункта занятаго Невельскимъ на Амурѣ. Раздраженный князь Чернышевъ съ горечью замѣтилъ Муравьеву: «вы хотите воздвигнуть себѣ памятникъ!».

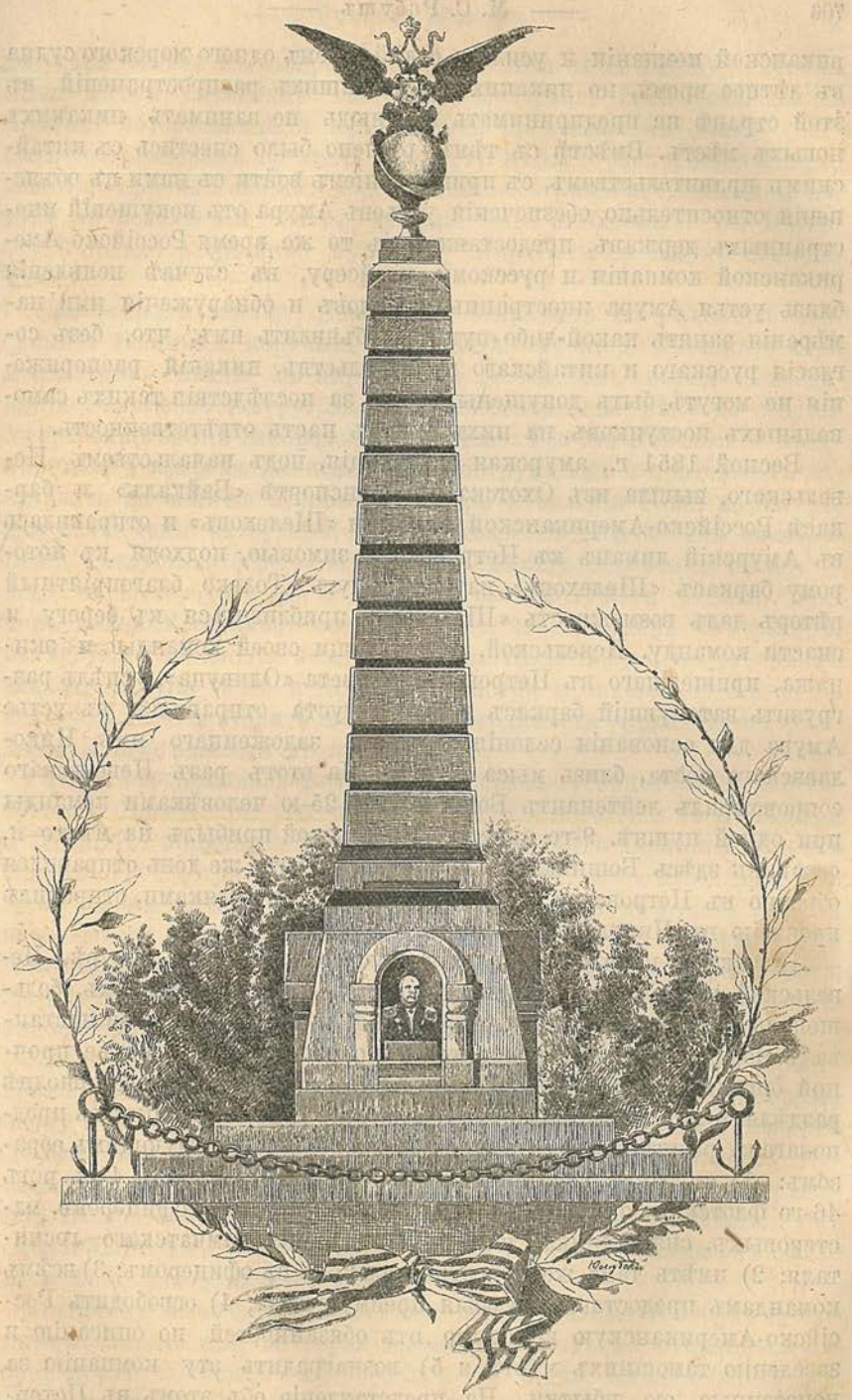
Графъ Нессельроде находилъ поступки Невельскаго настолько серьезными, что настаивалъ на его разжалованіи. Постановленіе Гиляцкаго комитета, согласно большинству мнѣній его членовъ, состоялось въ смыслѣ неблагопріятномъ для занятія Амура. Графъ Муравьевъ, конечно, остался при особомъ мнѣніи и настоялъ на докладѣ государю собственнаго мнѣнія вмѣстѣ съ журналомъ комитета. Послѣ этого Муравьевъ получилъ еще одну аудіенцію у государя и подробно доложилъ ему объ обстоятельствахъ и причинахъ, побудившихъ Невельскаго на самостоятельныя и рѣшительныя дѣйствія на Амурѣ. Государь снова одобрилъ поступокъ Невельскаго, назвавъ его «молодецкимъ», «благороднымъ» и «патріотическимъ». Вмѣсто требуемаго графомъ Нессельроде разжалованія, Невельской былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Въ одобреніе поступка Невельскаго, государь Николай Павловичъ сказалъ Муравьеву: «Гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ».

На всеподданнѣйшемъ докладѣ журнала Гиляцкаго комитета государь написалъ: «Комитету собраться вновь подъ предѣдатель-

ствомъ государя наслѣдника цесаревича». Такимъ образомъ амурское дѣло Муравьева и Невельскаго вступило на путь къ спасенію. До открытія комитета, наслѣдникъ цесаревичъ призвалъ къ себѣ Муравьева, выслушалъ его и взялъ пояснительную записку. 19-го января 1851 года состоялось засѣданіе комитета подъ предсѣдательствомъ наслѣдника цесаревича, высказавшагося въ пользу занятія Амура. Къ мнѣнію августѣйшаго предсѣдателя присоединились нѣкоторые члены комитета, но графъ Нессельроде, военный министръ князь Чернышевъ, министръ финансовъ Вронченко и тайный совѣтникъ Сенявинъ упорно продолжали оставаться противниками нашихъ дѣйствій на Амурѣ. Журналъ¹⁾ комитета былъ представленъ государю.

Прочитавъ постановленіе комитета, государь повелѣлъ, чтобы военный постъ, основанный Невельскимъ въ устьѣ Амура и названный Николаевскимъ, оставить подъ видомъ лавки Россійско-Аме-

¹⁾ При подписаніи этого журнала графъ Муравьевъ приложилъ секретную записку слѣдующаго содержанія: «Соглашаясь съ мнѣніемъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ томъ, что относительно мѣстъ, прилегающихъ къ устью Амура, должно поступать постепенно, съ осторожностью и не иначе, какъ черезъ американскую компанію, поручивъ оной объявлять иностраннымъ судамъ, которыя стали бы входить въ Амурскій лиманъ и въ устье Амура, а также заниматься или обнаруживать намѣреніе занять какой-либо пунктъ въ землѣ обитаемой гиляками, что безъ согласія русскаго и китайскаго правительствъ дѣйствія эти самовольны и нашимъ правительствомъ допускаемы быть не могутъ — я полагаю и полагаю, что нѣтъ покуда никакой причины ограничивать торговыхъ предпріятій и учрежденій американской компаніи въ землѣ гиляковъ такимъ или другимъ мѣстомъ, ибо опасенія, изложенныя министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы не встревожить китайцевъ, относятся ко всей землѣ гиляковъ и слѣдовательно, одинаково ко всемъ пунктамъ, которые бы въ этой землѣ могли быть избранными компаніей для учрежденія своихъ торговыхъ построекъ и даже самой гавани Счастія, находящейся также въ землѣ гиляковъ; а между тѣмъ для исполненія порученія объявлять иностранцамъ, какъ выше изложено, даже необходимо, чтобы компанія имѣла въ различныхъ пунктахъ гиляцкой земли свои лавки и людей при нихъ, ибо корветъ никакимъ образомъ крейсировать по лиману между отмелями не можетъ. По тѣмъ же причинамъ я не вижу надобности снимать нынѣ лавку американской компаніи и прочее, находящееся на Николаевскомъ постѣ, и полагаю бы, ожидая для всякихъ дальнѣйшихъ дѣйствій (согласно мнѣнію министерства иностранныхъ дѣлъ), что напишетъ китайское правительство по этимъ предметамъ, и тогда уже, по предварительному сношенію съ генераль-губернаторомъ, принять сообразныя съ обстоятельствами мѣры. Въмѣсто же 2-го и 3-го пунктовъ мнѣнія министерства иностранныхъ дѣлъ, я полагаю бы поручить американской компаніи продолжать упрочивать наше вліяніе между гиляками, черезъ торговыя съ ними связи и сношенія, избѣгая всякихъ дѣйствій, которыя могли бы нарушить наши дружескія сношенія съ китайскимъ правительствомъ; а генераль-губернатору предписать имѣть за этимъ особенное наблюденіе и всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами содѣйствовать американской компаніи къ исполненію возложеннаго на нее отъ правительства порученія, какъ это уже и въ началѣ нынѣшняго года предписано ему было». (Барсуковъ «Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій». Книга вторая).

Памятникъ адмиралу Невельскому въ Владивостокѣ.

риканской компаниі и усилить содѣйствіемъ одного морского судна въ лѣтнее время, но никакихъ дальнѣйшихъ распространеній въ этой странѣ не предпринимать и отнюдь не занимать никакихъ новыхъ мѣстъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣшено было снести съ китайскимъ правительствомъ, съ приглашеніемъ войти съ нами въ объясненія относительно обезпеченія устья Амура отъ покушеній иностранныхъ державъ, предоставивъ въ то же время Россійско-Американской компаниі и русскому крейсеру, въ случаѣ появленія близъ устья Амура иностранныхъ судовъ и обнаруженія ими намѣренія занять какой-либо пунктъ, объявлять имъ, что, безъ согласія русскаго и китайскаго правительствъ, никакія распоряженія не могутъ быть допущены, и что за послѣдствія такихъ самовольныхъ поступковъ, на нихъ можетъ пасть отвѣтственность.

Весной 1851 г., амурская экспедиція, подъ начальствомъ Невельскаго, вышла изъ Охотска на транспортѣ «Байкаль» и баркасѣ Россійско-Американской компаниі «Шелеховъ» и отправилась въ Амурской лиманъ къ Петровскому зимовью, подходя къ которому баркасѣ «Шелеховъ» началъ тонуть. Только благопріятный вѣтеръ далъ возможность «Шелехову» приблизиться къ берегу и спасти команду. Невельской, при помощи своей команды и экипажа, пришедшаго въ Петровское, корвета «Оливуца», успѣлъ разгрузить затонувшій баркасѣ и 5-го августа отправился въ устье Амура для основанія селенія на мѣстѣ заложеннаго имъ Николаевского поста, близъ мыса Куегда. На этотъ разъ Невельскаго сопровождалъ лейтенантъ Бошнякъ съ 25-ю человекѣми команды при одной пушкѣ. 9-го августа, Невельской прибылъ на мѣсто и, оставивъ здѣсь Бошняка съ командой, въ тотъ же день отправился обратно въ Петровское, откуда, съ нанятыми гиляками, отправилъ провизію въ Николаевской постъ.

Положивъ начало укрѣпленію нашего вліянія на Амурѣ, Невельской продолжалъ свои изслѣдованія, предпринимая ихъ, болѣею частью, безъ всякаго разрѣшенія, и въ то же время настаивалъ передъ генераль-губернаторомъ о расширеніи и болѣе прочной организаціи русскаго дѣла на Амурѣ. Графъ Муравьевъ вполне раздѣлялъ всѣ представленія Невельскаго и на основаніи ихъ предполагалъ реорганизовать амурскую экспедицію слѣдующимъ образомъ: 1) въ землѣ гиляковъ имѣть одну команду изъ 4-хъ ротъ 46-го флотскаго экипажа съ надлежащимъ числомъ офицеровъ, мастеровыхъ, священника, доктора и отдѣленія камчатскаго госпиталя; 2) имѣть тамъ же полсотни казаковъ съ офицеромъ; 3) всѣмъ командамъ предоставить особыя преимущества; 4) освободить Россійско-Американскую компанию отъ обязанностей по описанію и заселенію тамошнихъ мѣстъ и 5) вознаградить эту компанию за понесенные ею убытки. На представленіе объ этомъ въ Петербургъ, Муравьевъ получилъ отвѣтъ, что «при постоянномъ желаніи

государя, чтобы въ распространеніи нашихъ сношеній съ чуждыми намъ доселѣ племенами восточнаго азіатскаго края соблюдалась крайняя осторожность и неспѣшность, предлагаемыя нынѣ генераль-губернаторомъ по этому предмету мѣры и распоряженія, признаются при настоящихъ обстоятельствахъ рановременными и потому въ исполненіи своемъ должны быть отложены». Въ Петербургѣ только разрѣшили Муравьеву отправить на Амуръ священника.

Въ февралѣ 1852 г., Невельской отправилъ на Сахалинъ лейтенанта Бошняка, поручивъ ему пройти островъ до Охотскаго моря и осмотрѣть гавани. Въ апрѣлѣ того же года онъ снарядилъ экспедицію вверхъ по Амуру. Экспедиція обследовала рѣку до селеній Ухтръ (нынѣшній Богородскій) и Кетово. Все это Невельской предпринималъ вопреки даннымъ ему инструкціямъ и продолжалъ настаивать на занятіи залива Де-Кастри и селенія Кизи на Амурѣ, для наблюденія за судами, подходящими съ юга и для изслѣдованія Татарскаго берега. Муравьевъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе въ Петербургъ, но и на этотъ разъ получилъ отказъ, причемъ князь Меншиковъ сообщилъ ему, что «государь императоръ, вслѣдствіе объясненія канцлера графа Нессельроде, не утвердилъ занятія селенія Кизи и залива Де-Кастри и сплава по Амуру, а повелѣлъ еще повторить вамъ о необходимости крайней осторожности и неспѣшности въ этомъ дѣлѣ».

Пока продолжалась переписка генераль-губернатора съ Петербургомъ, Невельской уже основалъ русскія поселенія въ Де-Кастри и Кизи. По порученію Невельскаго, лейтенантъ Бошнякъ провелъ зиму въ Де-Кастри и въ маѣ мѣсяцѣ 1853 г. отправился на лодкѣ вдоль берега на югъ и произвелъ опись. Дойдя до бухты Хаджи, онъ назвалъ ее заливомъ императора Николая I (Императорская гавань), а внутреннія ея развѣтвленія — заливами: Крестовымъ, Маріи, Ольги, Александры и бухтами: Александровскою, Константиновскою, Владимірскою, Алексѣевскою и Михайловскою.

12-го іюля 1853 г., въ Петровское прибылъ изъ Аяна транспортъ «Байкаль», на которомъ, наконецъ, было прислано Невельскому высочайшее повелѣніе о занятіи острова Сахалина, залива Де-Кастри и селенія Кизи. Нечего говорить, какую радость Невельскому и его сотрудникамъ принесло это монаршее распоряженіе. Теперь Невельскому нечего было опасаться за послѣдствія уже сдѣланныхъ имъ распоряженій и съ свободными руками онъ смѣло могъ продолжать начатое дѣло.

Получивъ высочайшее повелѣніе и предписаніе генераль-губернатора, Невельской, не теряя времени, тотчасъ же отправился на транспортѣ «Байкаль» къ берегамъ Сахалина. Слѣдуя вдоль восточнаго берега Сахалина и пройдя черезъ Лаперузовъ проливъ, Невельской основалъ близъ рѣки Кусунай Ильинскій постъ, на

которомъ оставилъ шесть человѣкъ команды съ гилияцкой лодкой, для наблюденія за появленіемъ ожидавшейся американской эскадры. 1-го августа, Невельской поднялъ военный флагъ и основалъ постъ въ Константиновскомъ заливѣ; 5-го августа занялъ заливъ Де-Кастри, поднявъ военный флагъ и учредивъ Александровскій постъ, а 7-го августа уже былъ поднять флагъ на посту Маринскомъ, основанномъ у деревни Котовъ, при выходѣ изъ озера Киви. На обратномъ пути транспортъ «Байкаль» высадилъ на Ильскомъ посту подпоручика Орлова и еще восемь человѣкъ команды и возвратился въ Петровское зимовье, гдѣ Невельской нашелъ сообщеніе генераль-губернатора о присылкѣ, въ будущемъ году, въ составъ амурской экспедиціи, еще 250 человѣкъ, для которыхъ необходимо заготовить продовольствіе. По распоряженію Невельскаго, транспортъ «Байкаль» отправился въ Аянъ, а оттуда на зимовку въ Петропавловскій портъ, чтобы весной, нагружившись провіантомъ, доставить его въ заливъ Де-Кастри, а транспортъ «Иртышъ» изъ Аяна ушелъ въ Аниву съ грузомъ провіанта для сахалинской экспедиціи.

26-го августа, въ Петровское зимовье пришелъ корабль Россійско-Американской компаніи «Николай», на которомъ находился состоявшій при генераль-губернаторѣ майоръ Буссе съ командой, назначенной на Сахалинъ. На этомъ кораблѣ Невельской отправился на Сахалинъ и у селенія Томара-Анива высадилъ майора Буссе и лейтенанта Рудановскаго съ 80 человѣками команды.

О своихъ дѣйствіяхъ по занятію, указанныхъ въ высочайшемъ повелѣніи, мѣстностей и о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ Невельской доносилъ генераль-губернатору, который, въ свою очередь, сообщалъ объ этомъ въ Петербургъ. Рапортъ Невельскаго о занятіи Сахалина Муравьевъ препроводилъ въ Петербургъ и государь, прочитавъ его «съ видимымъ удовольствіемъ» собственноручно написалъ на немъ «весьма любопытно» и повелѣлъ наградить чиновъ амурской экспедиціи, согласно представленію объ этомъ генераль-губернатора. Невельской былъ произведенъ въ контръ-адмиралы «за найденное генераль-губернаторомъ Восточной Сибири Муравьевымъ отличное исполненіе особыхъ высочайшихъ повелѣній въ Приамурскомъ краѣ, осуществленныхъ съ ничтожными средствами, въ пустынныхъ и отдаленныхъ мѣстахъ, между дикарями и сопряженныхъ съ неимовѣрными лишеніями и постоянною опасностью для жизни, бдительностью и отважностью и за распространеніе тамъ нашего вліянія на народы, обитающіе на Сахалинѣ, на берегахъ лимана рѣки Амура, на южныхъ берегахъ Охотскаго моря, Татарскаго пролива и по берегамъ рѣки Амура, что положило основаніе къ приобрѣтенію для Россіи Приамурскаго и Приуссурійскаго края».

Здѣсь, собственно говоря, оканчивается вполнѣ самостоятель-

ная, обезсмертившая имя Невельскаго, дѣятельность Геннадія Ивановича. Узкія рамки настоящаго очерка позволяютъ только въ общихъ чертахъ познакомить читателей съ дальнѣйшей дѣятельностью этого мирнаго завоевателя обширнѣйшей изъ нашихъ окраинъ. Яркой иллюстраціей дѣятельности Невельскаго служатъ слѣдующія строки И. В. Шумахера: «Капитанъ Невельской, по возвращеніи своемъ въ октябрѣ 1853 года въ Петровское зимовье, узналъ, что туда заходилъ, во время его отсутствія, командиръ шхуны «Востокъ» Римскій-Корсаковъ и передалъ, что вице-адмиралъ Путятинъ рѣшительно противъ всякихъ занятій на материкѣ, противъ всякихъ видовъ на Амуръ, запретилъ ему, Римскому-Корсакову, входить въ эту рѣку, такъ какъ это мѣсто принадлежитъ Китаю, протестовалъ противъ занятія Сахалина, увѣряя, что это помѣшаетъ его переговорамъ съ японцами и что впоследствии онъ Сахалинъ займетъ самъ. Вліяніе графа Нессельроде было явное. Но въ это время генералу Муравьеву было не до антагонизма Путятина съ Невельскимъ: ему предстояло спасти страну отъ другого непріятели. Онъ самъ хорошо понималъ, насколько намъ нужно было заботиться о Сахалинѣ. Несмотря на все это, твердость духа и отчаянная рѣшимость начальника экспедиціи, постоянно руководимаго необычайнымъ тактомъ и мудрыми указаціями Муравьева, привели къ тому, что, по истеченіи только двухъ лѣтъ, русскіе стали твердою ногою въ устьѣ Амура на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь городъ Николаевскъ,—открыли, что рѣка, въ 300 верстахъ выше устья, весьма близко подходитъ къ единственному близъ лимана заливу Де-Кастри, почему и заняли Кизи и составляющій какъ бы второе устье Амура заливъ Де-Кастри, сдѣлавшійся въ настоящее время непремѣнною станціею для судовъ, идущихъ съ юга въ устье Амура. Въмѣстѣ съ этимъ были открыты мѣсторожденія каменнаго угля на Сахалинѣ и одна изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ—заливъ императора Николая I; собраны были положительныя данныя о независимости жителей матерого берега и острова Сахалина; доставлены свѣдѣнія о рѣкѣ Усури и ея важности—близкаго соседства ея съ незамерзающими портами Манджурскаго (Татарскаго) берега, и получены были основательныя доказательства того, что край, отъ меридіана рѣки Уды къ востоку до моря, составляетъ неотъемлемую принадлежность Россіи. Вотъ, что сдѣлали въ Примурскомъ краѣ ничтожный экипажъ транспорта «Байкаль» въ 1849 году и горсть людей, заброшенная въ 1850 году на дикое побережье, среди непроходимыхъ пустынь, за 10,000 верстъ отъ образованнаго міра. Претерпѣвая невыразимыя лишенія, зимою холодъ, часто и голодъ отъ неприсылки судовъ изъ Камчатки, подвергаясь опасности быть потопленными наводненіемъ, эти добровольные изгнанники изъ образованнаго круга не унывали среди окружавшихъ ихъ опасностей, не падали духомъ подъ бременемъ

выпавших на ихъ долю трудовъ и испытаній; руководимые своимъ достойнымъ начальникомъ, дѣйствовавшимъ часто внѣ повелѣній, подѣ ежеминутнымъ опасеніемъ, при малѣйшей неудачѣ, подвергнуться строгой отвѣтственности, они во всѣхъ случаяхъ бодро шли впередъ, подкрѣпляемые упованіемъ на волю и милосердіе Всевышняго и сознаніемъ высокихъ общественныхъ цѣлей, предназначенныхъ имъ осуществить на пользу отечества».

Не входя здѣсь въ оцѣнку мѣстныхъ распоряженій Невельскаго, скажемъ только, что нѣкоторыя его дѣйствія по отношенію Россійско-Американской компаніи и происки его недруговъ, дали первый поводъ Муравьеву сдѣлать ему официальное замѣчаніе въ слѣдующей формѣ: «Вслѣдствіе полученнаго мною секретнаго письма и сообщенія мнѣ различныхъ официальныхъ бумагъ вашихъ въ Главное (Россійско-Американской компаніи) Правленіе, я, къ сожалѣнію, долженъ замѣтить вашему высокоблагородію, что выраженіе и самый смыслъ этихъ бумагъ выходитъ изъ границъ приличія и, по моему мнѣнію, содержаніе оныхъ, кромѣ вреда для общаго дѣла, ничего принести не могло; въ заключеніи этомъ вы убѣдитесь сами, прочитавъ прилагаемую записку Главнаго правленія Россійско-Американской компаніи». Въ назиданіе Невельскому, далѣе Муравьевъ говоритъ: «Неудовольствія ваши не должны были ни въ какомъ случаѣ давать вамъ право относиться неприлично въ Главное Правленіе, мѣсто, признаваемое правительствомъ наравнѣ съ высшими правительственными мѣстами».

Не знаемъ насколько этотъ упрекъ былъ справедливъ по отношенію къ Невельскому, одно время предоставленному самому себѣ и энергически дѣйствовавшему ради высокихъ патріотическихъ цѣлей, въ одномъ и томъ же мѣстѣ и одновременно съ торговымъ предпріятіемъ, признававшимся тогда «наравнѣ съ высшими правительственными мѣстами».

Вообще, въ послѣднее время службы Невельскаго въ Восточной Сибири начало замѣчаться нѣкоторое охлажденіе въ отношеніяхъ къ нему Муравьева. Это можно видѣть и изъ нѣкоторыхъ писемъ Муравьева. Такъ, въ письмѣ къ Корсакову Муравьевъ, между прочимъ, говоритъ: «Невельской просить меня не обездолить его народомъ и строить батарею въ Николаевскомъ портѣ на увалѣ, кажется противъ своего дома, а не тамъ, гдѣ приказано—противъ входа въ рѣку. Онъ оказывается также вреденъ, какъ и атаманъ¹⁾: вотъ къ чему ведетъ честныхъ людей самолюбіе и эгоизмъ». Далѣе, въ этомъ же письмѣ, Муравьевъ пишетъ Корсакову: «Для успокоенія Невельскаго я полагаю назначить его при себѣ исправ-

¹⁾ Атаманъ и губернаторъ Забайкальской области Запольскій, которымъ генералъ-губернаторъ былъ чрезвычайно недоволенъ за неисполненіе его распоряженій и даже противодействие всему, что касалось Амурской экспедиціи.

ляющимъ должность начальника штаба... Такимъ образомъ Невельской съ громкимъ названіемъ не будетъ никому мѣшать и докончить свое тамъ поприще почетно».

Между тѣмъ, на побережьи Восточнаго океана начались непріязненные противъ насъ дѣйствія соединенной англо-французскій эскадры. Война застала Невельскаго еще въ должности начальника Амурской экспедиціи, а затѣмъ уже онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба къ генераль-губернатору. Въ началѣ мая 1855 года въ Де-Кастри собрались наши суда: фрегатъ «Аврора», корветъ «Оливуца», транспорты «Байкаль», «Иртышь» и «Двина». Туда же прибылъ и Невельской. Наши суда со дня на день ожидали появленія непріятельской эскадры, такъ какъ въ Де-Кастри было извѣстно, что часть англійской эскадры была направлена для блокады Охотскаго моря. Дѣйствительно, 8-го мая, въ виду Де-Кастри появились три непріятельскіе корабли. Въ шесть часовъ вечера англійскій корветъ вошелъ въ губу и открылъ огонь по нашему корвету «Оливуца»; между обоими судами началась перестрѣлка. Вскорѣ англійскіе суда ушли и въ Де-Кастри начали ожидать новаго нападенія на слѣдующій день. На корветѣ «Оливуца», въ присутствіи Невельскаго, состоялся военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено: въ случаѣ новаго нападенія, драться до послѣдней крайности. Въ ожиданіи непріятеля прошло нѣсколько дней, но онъ не появлялся. Тогда наша эскадра поспѣшила уйти изъ Де-Кастри къ Лазареву мысу. На другой день по уходѣ нашихъ судовъ, 16-го мая, въ Де-Кастри пришли англійскіе фрегатъ и корветъ. Высаженный десантъ ни кого уже тамъ не засталъ и англичане ограничились захватомъ имущества аптекаря, неуспѣшного перевезти его въ Кизи. Муравьевъ, узнавъ объ этомъ безнаказанномъ десантѣ англичанъ въ Де-Кастри, остался крайне недоволенъ Невельскимъ, не распорядившимся выслать туда войска изъ Кизи. Командира же поста въ Кизи, есаула Имберга, Муравьевъ предалъ суду¹⁾. Послѣ этого состоялось назначеніе Невельскаго начальникомъ штаба.

Посвятивъ Востоку лучшіе свои годы, Невельской дѣйствительно работала, не щадя ни силъ, ни здоровья, ни даже жизни. Вѣрной спутницей и добрымъ геніемъ Геннадія Ивановича была его молодая супруга Екатерина Ивановна, только передъ самымъ отправленіемъ на дальній Востокъ окончившая курсъ въ Смольномъ институтѣ. Несмотря на непривычную для нея обстановку суровой пустыни, въ которой такъ энергически дѣйствовалъ Невельской, Екатерина Ивановна безропотно дѣлила съ горячо любимымъ мужемъ всѣ многочисленныя лишенія и опасности.

¹⁾ Судъ не состоялся, такъ какъ вскорѣ была выяснена полная невиновность Имберга и онъ получилъ награду наравнѣ съ другими.

Въ концѣ 1856 года Невельской оставилъ службу въ Восточной Сибири и переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета морского министерства и въ этой должности состоялъ до самой смерти. Во время пребыванія своего въ Петербургѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общества для содѣйствія русскому торговому мореходству и былъ предѣвателемъ петербургскаго отдѣленія этого общества. Въ теченіе своей службы Невельской провелъ въ морѣ девяносто одинъ мѣсяць, т. е. почти восемь лѣтъ.

Геннадій Ивановичъ скончался 17-го апрѣля 1876 года, послѣ почти двухлѣтнихъ тяжелыхъ страданій. Смерть застигла этого замѣчательнаго дѣятеля на шестьдесятъ второмъ году отъ рожденія.

М. Робушь.

ГОЛОДЪ И НАША ПУБЛИЦИСТИКА.

АРОДНОЕ бѣдствіе, постигшее Россію въ текущемъ году, отразилось въ печати иначе, чѣмъ крупныя событія минувшаго времени. Многочисленныя статьи, справки, замѣтки, появляющіяся въ повременныхъ изданіяхъ по поводу этого бѣдствія, несмотря на разнорѣчивость ихъ содержанія, несомнѣнно, отличаются однимъ общимъ характеромъ. Излюбленнѣйшій приемъ нашей публицистики кивать то на Ивана, то на Петра, смотря по ла-

герю, къ которому принадлежит данный органъ, почти совершенно отсутствуетъ; отсутствуютъ и всякія отвлеченныя разсужденія, господствуетъ же простое желаніе энергично и дѣятельно придти на помощь голодающимъ. Выражаясь иначе, можно сказать, что духъ протеста, обобщеній и отвлеченнаго философствованія замѣнился практическимъ настроеніемъ. Сдѣлана только одна попытка перенести центръ тяжести соображеній съ ихъ естественной почвы на почву такъ называемыхъ «проклятыхъ вопросовъ». Неудачная эта попытка, прозвучавшая довольно безслѣдно, принадлежитъ философу, выступающему часто въ роли публициста, г. Владиміру Соловьеву, и живо напоминаетъ намъ мѣткое замѣчаніе одного француза,—что у русскихъ всюду наталкиваешься на «samovar» и на «repentir». О чемъ бы ни заговорилъ русскій человѣкъ, онъ обязательно приходитъ къ заключенію, что надо покаяться, но такъ какъ онъ ограничивается одними словами и

продолжаетъ грѣшить попрежнему, то ему вѣчно приходится раскаяваться. Въ данномъ случаѣ г. Соловьевъ въ своихъ разсужденіяхъ о голодѣ киваетъ на Петра послѣ того, какъ ему, видимо, наскучило кивать на Ивана. Но онъ представляетъ, какъ сказано, исключеніе. Остальные наши публицисты предпочли заняться болѣе благодарнымъ дѣломъ и, вмѣсто того, чтобы толковать о необходимости раскаянія и объ организаціи кающагося общества, — на которую во всякомъ случаѣ потребуется еще много времени, — съ рѣдкимъ единодушіемъ, забывая партійные и всякіе другіе раздоры, принялись за посильное обсужденіе практическихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ обрушившимся на насъ тяжелымъ бѣдствіемъ. Благодаря такому отношенію печати къ дѣлу, получается освѣщенная во всѣхъ деталяхъ картина бѣдствія и мѣръ, которыя могутъ и должны быть приняты для предотвращенія грозныхъ его послѣдствій. Дѣятельность печати находится такимъ образомъ на высотѣ готовности общества, чѣмъ только можно, придти на помощь пострадавшимъ и облегчить ихъ участь. Это — несомнѣнный подъемъ духа и притомъ въ направленіи осмысленно-практическомъ, вѣрнѣе всего обезпечивающемъ достиженіе положительныхъ результатовъ. Насколько эти результаты окажутся блестящими, — трудно предусмотрѣть теперь: общество наше молодо и не привыкло еще трудиться на пользу ближняго въ практической сферѣ и воодушевляться будничною, мало замѣтною и выдержанною дѣятельностью. Но что таково настроеніе его, выразившееся въ совершенно наглядныхъ фактахъ — оспоривать нельзя, и такъ какъ намъ кажется, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ не мимолетнымъ и случайнымъ, а составляющимъ неизбѣжную ступень въ развитіи нашего общественнаго самосознанія, то чрезвычайно интересно прослѣдить причины этого поворота въ исторической ихъ послѣдовательности. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы уяснимъ себѣ, насколько эта переменна въ настроеніи нашего общества и печати устойчива, т. е. можно ли разсчитывать, что она переживетъ постигшее насъ великое бѣдствіе и превратится въ постоянный факторъ нашихъ культурныхъ успѣховъ.

Давно уже замѣчено, что наша публицистика переживаетъ вмѣстѣ съ обществомъ довольно серьезный и глубокий кризисъ, выражающійся, между прочимъ, въ общихъ сѣтованіяхъ на отсутствіе идеаловъ и широкихъ жизненныхъ цѣлей. Вникая въ смыслъ этихъ постоянныхъ сѣтованій, мы убѣждаемся, что, по распространенному воззрѣнію, въ недавнемъ прошломъ, когда мы переживали переходное время, наше общество преслѣдовало ясныя и устойчивыя цѣли, а что теперь, когда государственная жизнь,

такъ сказать, яснѣе опредѣлилась, обнаруживается такой разбродъ общественной мысли, что можно, пожалуй, даже совершенно отрицать ея существованіе или, по крайней мѣрѣ, присутствіе въ ней опредѣленныхъ общественныхъ и политическихъ идеаловъ. Тогда (въ шестидесятые и семидесятые годы) мы воодушевлялись «последними словами науки» или разными громкими «лозунгами», вокругъ которыхъ группировалась значительная часть интеллигенціи и которые принимались за надежную путеводную нить. Теперь всѣ эти «последнія слова науки» и «лозунги» утратили свою свѣжесть, свое обаяніе, перемѣшались, перепутались, и общество не знаетъ, чего придерживаться, къ чему стремиться, чѣмъ увлекаться, на что негодовать. Если въ шестидесятые годы одинъ изъ самыхъ видныхъ нашихъ беллетристовъ могъ говорить о «взбаломученномъ морѣ» нашей общественной мысли, то въ настоящее время она-де представляетъ собою стоячее болото, изъ котораго поднимаются одни только вредныя и удушливья испаренія.

Вѣренъ ли этотъ взглядъ? Правда ли, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ устойчивыхъ идеаловъ? Справедливо ли, что въ немъ проявляется застой, что оно, разочарованное крушеніемъ прежнихъ идеаловъ, не находитъ въ себѣ уже силъ, чтобъ выработать новые? Вопросъ этотъ очень сложенъ, и не здѣсь мѣсто дать на него всесторонній отвѣтъ. Но стѣитъ только приглядѣться къ новымъ теченіямъ въ нашей беллетристикѣ, къ журнальнымъ статьямъ, посвященнымъ обсужденію общественныхъ и политическихъ вопросовъ, а отчасти и къ нашей художественной критикѣ, — словомъ, присмотрѣться къ проявленіямъ общественной мысли всюду, гдѣ въ ней бьетъ публицистическая жилка, чтобы придти къ одному несомнѣнному выводу, именно, что если у нашего общества и нѣтъ въ настоящее время опредѣленныхъ и ясныхъ идеаловъ, то оно къ нимъ стремится, оно ихъ ищетъ, — ищетъ, быть можетъ, съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и въ разгаръ такъ называемаго переходнаго времени. И теперь существуетъ «взбаломученное море», которое, несомнѣнно, волнуется, — если не на своей поверхности, то въ глубинѣ, — и то и дѣло выбрасываетъ ясныя свидѣтельства этого волненія, — разныя произведенія общественной мысли, которыя не обращаютъ на себя достаточнаго вниманія развѣ только потому, что значительная часть нашей критики, подчиняясь прежнимъ лозунгамъ, весьма часто не въ состояніи оцѣнить ихъ по достоинству.

Наша публицистика возникла и развилась иначе, чѣмъ западная. Это различіе проявилось, главнымъ образомъ, въ томъ фактѣ, что на западѣ публицистика касалась съ самаго своего зарожденія практическихъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ; у

насъ же, вслѣдствіе общеизвѣстныхъ причинъ, публицистика возникла въ области теоріи и притомъ крайне отвлеченной. На западѣ уже во второй половинѣ прошлаго столѣтія (съ 1769—1771 г.) могли появиться знаменитыя письма Юніа, разбивавшія съ необыкновенною смѣлостью практическіе вопросы политики. У насъ публицистика зародилась у такого источника, какъ философія Гегеля, и долгое время проявлялась только въ столь узкой сферѣ, какъ ничтожное собраніе лицъ, охарактеризованное Тургеневымъ насмѣшливымъ эпитетомъ «ein кружокъ in der Stadt Moskau». Правда, изъ этихъ кружковъ вышла плеяда писателей, составляющихъ гордость Россіи, но они, что касается до публицистики, не могли выйти изъ заколдованнаго круга крайне отвлеченнаго размышленія о государственныхъ дѣлахъ. Жизнь съ ея непреложными требованіями какъ бы не касалась этихъ размышленій. Весь вопросъ заключался въ отвлеченномъ привципѣ. Разумно ли существующее или неразумно; слѣдуетъ ли ему подчиняться или, напротивъ, возставать противъ него? Метафизическія начала измѣнялись; измѣнялась и основа публицистическихъ разсужденій. Увлекаемая Гегелемъ, Бѣлинскій писалъ, что «политика у насъ въ Россіи не имѣетъ смысла, и ею могутъ заниматься лишь пустыя головы», что «Россія не изъ себя разовьетъ свою гражданственность и свою свободу, но получить то и другое отъ своихъ царей такъ, какъ уже много получила отъ нихъ того и другого», что «правда, мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно», но что «это оттого, что мы еще должны быть рабами», что «въ понятіи нашего народа свобода есть воля, а воля—озорничество», что «не въ парламентъ пошелъ бы освобожденный русскій народъ, а въ кабакъ побѣждалъ бы онъ пить вино, бить стекла и вѣшать дворянъ, которые брѣютъ бороду и ходятъ въ сюртукахъ, а не въ зипунахъ, хотя бы, впрочемъ, у большей части этихъ дворянъ не было ни дворянскихъ грамотъ, ни копѣйки денегъ». Это писалъ въ тридцатыхъ годахъ будущій неумолимый врагъ славянофиловъ. Въ тридцатыхъ годахъ онъ признавалъ еще, что «все существующее разумно»; но вслѣдъ затѣмъ онъ уже пишетъ: «Благодарю покорно, Егоръ Ѳедоровичъ (Гегель), кланяюсь вашему философскому колпаку; но со всѣмъ подобающимъ вашему философскому филистерству уваженіемъ честь имѣю донести вамъ, что, еслибъ мнѣ и удалось влѣзть на верхнюю ступень лѣстницы развитія, я и тамъ попросилъ бы васъ отдать мнѣ отчетъ во всѣхъ жертвахъ условій жизни и исторіи, во всѣхъ жертвахъ случайности, суевѣрія, инквизиціи, Филиппа II и пр., и пр.; иначе я съ верхней ступени бросаюсь внизъ головою».

Такая рѣзкая перемѣна въ убѣжденіяхъ, случившаяся съ Бѣлинскимъ, повторилась затѣмъ со многими русскими писателями и публицистами, замѣчательно легко переходившими отъ одного

политическаго міросозерцанія къ другому. Замѣчу при этомъ, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ людьми искренними, честными, не подчинявшимися своихъ убѣжденій какимъ-нибудь житейскимъ расчетамъ или выгодамъ. Процессъ, происходившій въ ихъ душѣ, былъ, такъ сказать, процессъ самоопредѣляющійся, часто нисколько независѣвшій даже отъ внѣшнихъ перемѣнъ въ политической жизни нашего отечества. Славянофилы остались славянофилами, не смотря на севастопольскій погромъ и коренныя реформы прошлаго царствованія; западничество народилось задолго до этихъ событій. Другими словами, политическое міросозерцаніе даже выдающихся русскихъ умовъ являлось не продуктомъ зрѣлаго обсужденія реальныхъ условій жизни, а выводомъ изъ той или другой философской системы. Въ области же философіи мы только воспринимали и ничего оригинальнаго не создавали. Слѣдовательно, мы пѣли съ чужого голоса, и если новый голосъ заглушалъ прежній, то мы подчинялись этому новому голосу и соотвѣтственно измѣняли свое политическое міросозерцаніе.

Я этимъ вовсе не хочу сказать, что внѣшнія условія, т. е. реальная жизнь не имѣла уже никакого вліянія на нашу политическую мысль. Но надо прежде всего условиться относительно того направленія и тѣхъ вопросовъ, которые оказались доступными воздѣйствію внѣшнихъ условій и событій. Если славянофильство, какъ стройная и цѣльная политическая теорія, возникла у насъ, такъ сказать, въ сферѣ абстрактнаго философскаго мышленія подъ непосредственнымъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, (принявшей послѣ подъема народнаго духа во время наполеоновскихъ войнъ національное направленіе, которое отразилось и на исторіи, и на юриспруденціи, и на государствовѣдѣніи), то съ другой стороны, нельзя отрицать, что блестящія побѣды, одержанныя Россією въ ту же эпоху, и вліятельное, даже всесильное, ея положеніе среди другихъ народовъ въ значительной степени способствовали возникновенію того ученія, выразителями котораго были въ области отвлеченной мысли славянофилы и которое нашло себѣ выраженіе и въ нашей поэзіи: «Русь, кудаждъ несешься ты, дай отвѣтъ? Не дасть отвѣта. Чуднымъ звономъ заливається колокольчикъ, гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ и, косясь, посторо-ниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства»... Точно также можно сказать, что если западничество, какъ стройная и цѣльная политическая теорія, зародилось подъ вліяніемъ той же нѣмецкой философіи, то съ другой стороны недовольство внутренними условіями государственной и общественной жизни, несомнѣнно, отразилось на немъ. Но въ то же время нельзя утверждать, что родоначальники славянофильскаго и западническаго ученія, что Константинъ Аксаковъ и Вѣлинскій, — эти чисто-каби-

нетные дѣятели, были хорошо знакомы съ русскою дѣйствительностью, и что ихъ ученія возникли не на почвѣ болѣе или менѣе отвлеченныхъ философскихъ построений, а на почвѣ реальныхъ внутреннихъ и вѣшнихъ интересовъ отечества. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы поймемъ, почему ихъ ученія касались только общихъ основъ народной жизни въ связи конечно съ наилучшими пожеланіями, вытекавшими изъ ихъ благородныхъ, возвышенныхъ, идеальныхъ натуръ. Сердца ихъ жаждали удовлетворенія; ихъ пламенная любовь къ родинѣ искала пищи въ явленіяхъ дѣйствительной жизни. Но они обращали вниманіе только на тѣ явленія, которыя могли быть подведены подъ ихъ философскую, отвлеченную точку зрѣнія, опредѣлявшую ихъ аналитическое или творческое мышленіе. Все ихъ вниманіе было направлено на основы народной и государственной жизни и все приводилось ими въ связь съ тѣмъ отвлеченнымъ міромъ, въ которомъ они смолоду привыкли вращаться.

Выдающіяся ихъ способности наложили властную печать на все дальнѣйшее развитіе нашей общественной мысли, тѣмъ болѣе, что процессъ отчужденія нашей интеллигенціи отъ народа, какъ извѣстно, развивался съ большою быстротою. Петербургъ и Москва, ихъ литературные кружки и канцеляріи, отдѣленные высокою стѣною отъ народной жизни, сосредоточили въ себѣ все, что было мыслящаго на Руси, такъ что во многихъ отношеніяхъ мы и теперь еще продолжаемъ трудиться надъ открытіемъ Америки, какую намъ все еще представляется наше собственное отечество. Сколько свѣтлыхъ умовъ, составивъ себѣ, какъ имъ казалось, вполне ясное и опредѣленное политическое и общественное міросозерцаніе, къ ужасу своему убѣждались, когда они приходили въ соприкосновеніе съ народною жизнію, что это міросозерцаніе имѣетъ мало общаго съ дѣйствительностью, и не присутствовали ли мы неоднократно при громадной сенсаци, которую производилъ простой пересказъ, а тѣмъ болѣе художественное описаніе, реальной русской жизни (вспомнимъ Гоголя, Тургенева, Толстого, Гл. Успенскаго и мн. др.)? Сила впечатлѣнія, которое производили этого рода литературные труды, только подтверждала наше полное незнакомство съ тѣмъ народомъ, для котораго у насъ давно уже были готовы болѣе или менѣе коренные и всеобъемлющіе планы спасенія. Но хотя наше невѣжество въ этомъ отношеніи обнаруживалось съ большою наглядностью, мы тѣмъ не менѣе цѣпко придерживались плановъ, построенныхъ на почвѣ чистометафизической, и объективное знакомство съ нашею публицистикою даже въ лицѣ лучшихъ ея представителей не допускаетъ сомнѣнія, что наши политическіе идеалы почти исчерпывались перемѣнами въ верхнихъ этажахъ государственнаго зданія и если касались его фундамента, то развѣ только съ точки зрѣнія опять-

таки отвлеченныхъ идей, почерпнутыхъ нами изъ модныхъ иностранныхъ книгъ или брошюръ.

Словомъ, если резюмировать все вышесказанное, то мы придемъ къ заключенію, что наша публицистика руководствовалась въ своихъ сужденіяхъ и работахъ синтезомъ, сдѣланнымъ иностранцами, а къ обстоятельному анализу русской дѣйствительности приступала рѣдко и неумѣло. Это до такой степени вѣрно, что даже беллетристы съ публицистическою жилкою, изучая русскую жизнь, усматривали въ ней отрицательныя или положительныя стороны, смотря потому, къ какому лагерю они принадлежали, и даже одинъ и тотъ же беллетристъ относился къ жизни различно, смотря по тому, какой онъ въ данное время придерживался общественно-политической теоріи. Если, на примѣръ, сопоставить изображеніе народа у Тургенева, Григоровича и Успенскаго, то мы будемъ поражены крайнимъ различіемъ въ ихъ взглядахъ. Одинъ и тотъ же народъ у разныхъ писателей представляется намъ въ совершенно различномъ свѣтѣ, и причина тутъ, конечно, не можетъ быть иная, какъ различіе въ настроеніи писателей, его изображавшихъ. Противоположность же взглядовъ публицистовъ на русскую дѣйствительность еще разительнѣе: одни не допускаютъ въ ней никакихъ отрадныхъ явленій и все видятъ въ мрачномъ свѣтѣ; другіе, напротивъ, находятъ, что при нынѣшнемъ своемъ положеніи Россія представляетъ все задатки процвѣтанія. Въ одномъ только оба лагеря сходятся, именно, въ надеждахъ, возлагаемыхъ ими на народъ, т. е. на тотъ главный факторъ, который они оба менѣе всего знаютъ: и консерваторъ, и радикаль, одинаково апеллируютъ къ народу, возлагая на него свои упованія, но смотря на него не иначе, какъ сквозь призму теоріи.

Эта склонность русскихъ публицистовъ витать въ отвлеченностяхъ при недостаточномъ знакомствѣ съ реальными условіями народной жизни объясняется, конечно, не только основнымъ источникомъ, изъ котораго они заимствовали свои теоріи. Источникомъ этимъ, какъ мы видѣли, была философія, разработанная иностранцами и совершенно неразработанная у насъ, въ Россіи. Она, какъ извѣстно, долгое время составляла базисъ для всѣхъ почти остальныхъ наукъ, въ томъ числѣ и для наукъ политическихъ, которыя черпали свои основныя положенія изъ философскихъ системъ. Такимъ образомъ и юридическія науки какъ на западѣ, такъ и у насъ, были построены на метафизическихъ началахъ (вспомнимъ, на примѣръ, Неволіна, горячаго сторонника Гегеля). Было, конечно, гораздо легче усвоить себѣ западную философскую систему и положить ее въ основаніе воздвигаемаго въ Россіи зданія той или другой специальной науки, чѣмъ разработать послѣднюю индуктивнымъ путемъ, составляющимъ въ настоящее время, однако, единственно научный методъ. Для всесторонней и плодотворной

индукції не было еще собрано необходимаго матеріала, и мы, дѣйствительно, видимъ, что университетскіе курсы по юридическимъ и политическимъ наукамъ представляли собою въ лучшемъ случаѣ не болѣе, какъ компилятивный трудъ съ поклоненіемъ тому или другому иностранному научному свѣтилу, а часто простой перенесъ законодательныхъ постановленій съ весьма поверхностными и нехитрыми комментаріями. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ концѣ шестидесятихъ годовъ, когда я проходилъ университетскій курсъ. Само собою разумѣется, что подобное преподаваніе не могло дать окрѣпнуть у насъ политической мысли въ духѣ самостоятельнаго изслѣдованія русской дѣйствительности. Единственнымъ профессоромъ, оказавшимъ своимъ слушателямъ въ этомъ отношеніи пользу, былъ покойный П. Г. Рѣдкинъ. Его университетскій курсъ, какъ теперъ всѣмъ легко убѣдиться (значительная часть его лекцій появилась недавно въ свѣтъ), представляетъ собою попытку самостоятельной разработки науки и, главное, былъ направленъ къ тому, чтобъ приучить слушателей къ подобной самостоятельной работѣ. Это не была механическая группировка чужихъ выводовъ; это была оригинальная научная работа. Покойный профессоръ не задавался цѣлью сообщить возможно больше знаній: онъ ограничивался какимъ-нибудь спеціальнымъ вопросомъ и показывалъ живымъ примѣромъ, какъ слѣдуетъ разрабатывать науку. Поэтому, несмотря на то, что его предметъ, по своему содержанію, имѣлъ очень отдаленное отношеніе къ русской дѣйствительности, профессоръ принесъ своимъ слушателямъ большую пользу въ смыслѣ возбужденія въ нихъ желанія трудиться на почвѣ положительныхъ фактовъ для уясненія себѣ реальной жизни. Но одинъ въ полѣ не воинъ, и вліяніе многоуважаемаго П. Г. Рѣдкина не могло служить достаточнымъ противовѣсомъ вліянію остальныхъ преподавателей, которые либо сообщали только сырой матеріалъ, въ видѣ массы необработанныхъ законодательныхъ постановленій, и этимъ внушали слушателямъ нерасположеніе къ наукѣ, либо увлекались новоиспеченною научною теоріею и примѣняли ее весьма неискусно къ тому же матеріалу, либо наконецъ превращали науку въ средство для достиженія цѣлей практической политики. Послѣднія двѣ категоріи профессоровъ сильнѣе всего вліяли на умы и укрѣпляли въ слушателяхъ стремленіе вращаться въ отвлеченностяхъ и произносить надъ дѣйствительностью судъ съ точки зрѣнія модныхъ политическихъ лозунговъ.

Тутъ университетская и внѣ-университетская жизнь шли рука объ руку, и мы вмѣстѣ съ тѣмъ наталкиваемся еще на одну причину господствующаго у насъ стремленія обсуждать политическіе вопросы, такъ-сказать, съ птичьяго полета, не уясняя себѣ основательнымъ трудомъ, насколько наши сужденія подкрѣпляются окружающими насъ реальными условіями. Не слѣдуетъ забывать,

что русское государство развивалось иначе, чѣмъ большинство западныхъ государствъ. Тамъ многое создавалось снизу; у насъ все создано сверху. Тамъ государственная власть могла опереться на тотъ или другой вліятельный своимъ просвѣщеніемъ общественный классъ. Достаточно, напримѣръ, упомянуть о томъ фактѣ, что университетская жизнь развивалась на западѣ помимо государства, что въ борьбѣ съ феодализмомъ во всѣхъ его видахъ государственная власть могла вступить въ союзъ съ просвѣщенными и вліятельными своимъ богатствомъ, духомъ предприимчивости и промышленнымъ развитіемъ, горожанами. Тамъ государственная власть, создавая современное государство, имѣла возможность идти рука объ руку, смотря по обстоятельствамъ, съ тѣмъ или другимъ могущественнымъ общественнымъ классомъ, упрочившимся и развившимся помимо нея. У насъ государственной власти пришлось создавать все по собственному почину, создавать всѣ элементы и всѣ факторы культурной жизни. Правительство работало для всѣхъ и вездѣ наталкивалось на инертность общества. Въ своихъ усиліяхъ обезпечить военное могущество, просвѣщеніе народа, болѣе нормальныя экономическія и социальныя условія, оно было предоставлено самому себѣ и вынуждено было само постепенно готовить себѣ союзниковъ, помощниковъ, болѣе или менѣе умѣлыхъ исполнителей своихъ намѣреній. Современное русское государство создано Петромъ Великимъ, и всюду ему самому пришлось пролагать новые пути.

- «То академикъ, то герой,
- «То мореплаватель, то плотникъ,
- «Онъ всеобъемлющей душой
- «На тронѣ вѣчный былъ работникъ».

Въ этой могучей дѣятельности реформатора все было направлено къ государственной пользѣ, и его сильная рука опредѣлила дальнѣйшее развитіе нашего отечества. Сверху, съ высоты престола, шла всякая новизна, всякія начинанія, направленныя къ обезпеченію могущества и блага Россіи. Иного почина не было, да и не могло быть по вышеуказанной причинѣ. Вотъ почему наша общественная жизнь въ своемъ конечномъ выводѣ имѣла цѣлью обезпеченіе интересовъ государства. Все у насъ стало государственнымъ,—и сословія, и наука, и религія,—все получило отпечатокъ государственности. Да, у насъ создавались или поддерживались цѣлыя сословія для пользы государственной, не говоря уже о томъ, что просвѣщеніе, распространяемое исключительно сверху, носило правительственный характеръ въ смыслѣ подготовленія необходимыхъ государству воиновъ, чиновниковъ, техниковъ и даже женъ для нихъ (наши женскіе институты первоначально существовали только для дочерей военныхъ и чиновниковъ, послужившихъ государству, и имѣли основною цѣлью воспитать

для нихъ женъ). Въ этомъ направленіи продолжала развиваться русская жизнь почти въ теченіе двухъ столѣтій, и поэтому естественно, что въ обществѣ установился взглядъ, господствующій отчасти и понынѣ, именно, что все, что происходитъ въ сферѣ общественной и государственной, имѣетъ своимъ источникомъ государственную власть, которая и несетъ полную отвѣтственность за всѣ положительныя и отрицательныя стороны нашей общенародной жизни.

Только ставъ на эту точку зрѣнія, составляющую одинъ изъ краеугольныхъ камней нашего общественнаго самосознанія и объясняющую намъ многія политическія увлеченія нашего общества, мы поймемъ основной характеръ нашей публицистики, ея тенденціи, ея открытыя и тайныя стремленія, ея дѣленія на лагеря, партіи, кружки. Устраните эту основную точку зрѣнія,—и все для васъ станетъ непонятнымъ: вы лишитесь путеводной нити въ безконечномъ лабиринтѣ нашихъ публицистическихъ разсужденій, гдѣ бы вы ихъ не встрѣчали: въ политическихъ статьяхъ, художественной критикѣ, или беллетристикѣ. Между тѣмъ какъ на западѣ дѣленіе на партіи вызывается экономическими, религіозными, соціальными и политическими интересами, у насъ въ основѣ дѣленія на лагеря лежитъ главнымъ образомъ политическая доктрина. Основныя наши партіи,—западническая и славянофильская,—постепенно развѣтвлялись на множество лагерей, не благодаря воздѣйствію на нихъ дѣйствительности, а главнымъ образомъ вслѣдствіе возникновенія на западѣ разныхъ новыхъ «послѣднихъ словъ» науки или «лозунговъ». Такимъ образомъ получилось то интересное явленіе, что при почти полномъ отсутствіи въ обществѣ политической дѣятельности образовалось множество разныхъ партій въ средѣ одной общественной группы (интеллигенціи), которая въ сущности преслѣдовала общую цѣль, именно, двинуть русскій народъ на пути духовнаго и матеріальнаго благосостоянія. Получилось затѣмъ еще болѣе интересное явленіе: рѣдко кто трудился на пользу этой цѣли; всѣ только разсуждали, какъ ее достигнуть, и тратили свои силы и свой нерѣдко огромный талантъ на безконечныя споры и велерѣчивыя разсужденія о томъ, какъ вѣрнѣе достигнуть цѣли, къ достиженію которой никто дѣятельной руки не прикладывалъ. Не замѣчая фальшиваго положенія своихъ руководителей и забывая, что всякіе успѣхи зависятъ, главнымъ образомъ, отъ него самого, русское общество увлекалось этою логомахією и склонно было думать, что въ ней и заключается основное и единственное условіе прогресса.

Вотъ въ общихъ чертахъ причины крайне отвлеченнаго характера нашей публицистики. Въ виду отмѣченнаго нами происхожденія ея и условій дальнѣйшаго ея развитія, весьма понятно, что даже самыя видныя представители нашей публицистики не могли

указать обществу иныхъ путей и, напротивъ, сами поддерживали въ немъ отчужденіе отъ реальныхъ интересовъ и увлеченіе абстрактными политическими принципами и теоріями. Возьмемъ ли мы дѣятельность Герцена, Каткова, Чернышевскаго, Ивана Аксакова, или даже менѣе извѣстныхъ публицистовъ, въ родѣ К. Д. Кавелина и А. Д. Градовскаго,—мы у всѣхъ натолкнемся на ту общую черту, что они не разрабатывали политическихъ вопросовъ въ деталяхъ и почти не занимались второстепенными вопросами, отъ которыхъ такъ часто зависитъ рѣшеніе основныхъ, а если изрѣдка и входили въ обсужденіе второстепенныхъ вопросовъ, то эрудиція и талантъ имъ какъ будто измѣняли, или во всякомъ случаѣ общество почти всегда относилось къ ихъ статьямъ съ леденящимъ равнодушіемъ. Катковъ, будучи по профессіи философомъ, а не государствовѣдомъ, стяжалъ себѣ первые публицистическіе лавры въ полемикѣ съ Герценомъ. Наиболѣе блестящій періодъ его дѣятельности совпалъ съ моментомъ, когда сама жизнь выдвинула вопросъ высшей политики (во время дипломатической борьбы Россіи со всею почти Европою въ 1863 году). Вся дальнѣйшая его дѣятельность, по скольку она обращала на себя общее вниманіе, была посвящена выясненію такъ называемыхъ основъ государственной жизни. Но, что касается до второстепенныхъ вопросовъ, то ему тутъ не везло, и онъ весьма часто кореннымъ образомъ измѣнялъ свою точку зрѣнія. Онъ былъ, на примѣръ, сторонникомъ умѣреннаго классицизма, а затѣмъ строгаго классицизма по нѣмецкому образцу, горячимъ сторонникомъ началъ свободы торговли, а затѣмъ столь же горячимъ сторонникомъ протекціонизма, приверженцемъ Бисмарковской Германіи, а затѣмъ Франціи. Чернышевскій, начавшій свою дѣятельность съ филологическихъ изслѣдованій и критики художественныхъ произведеній, очень скоро посвятилъ себя изученію западныхъ экономическихъ теорій, явно преслѣдуя при этомъ широкія политическія цѣли. Герценъ страстно занимался высшею политикою и вѣчно колебался между своеобразнымъ славянофильствомъ и западничествомъ. Объ Аксаковѣ и говорить нечего. Будучи единственнымъ изъ нашихъ первоклассныхъ публицистовъ, получившимъ юридическое образованіе и практически ознакомившимся съ административною дѣятельностью, онъ представляетъ полную послѣдовательность во всѣхъ своихъ политическихъ разсужденіяхъ и одинъ съ начала до конца не измѣняетъ своимъ идеаламъ, воспринятымъ у брата Константина. Но въ своихъ стихотвореніяхъ онъ, какъ извѣстно, мало занимался политикою и является совершенно инымъ человѣкомъ. Посвящая свои публицистическія статьи исключительно вопросамъ высшей политики, онъ во многихъ своихъ стихотвореніяхъ съ болію въ сердцѣ отмѣчаетъ, что мы все подвиговъ ищемъ и брезгаемъ упорнымъ трудомъ и черною работою. А. Д. Градовскій, какъ публицистъ, занимался также такъ назы-

ваемой haute politique и былъ въ началѣ своей дѣятельности славянофиломъ, а затѣмъ, какъ извѣстно, рѣшительно примкнулъ къ либеральному лагерю. К. Д. Кавелинъ въ концѣ концовъ совершенно охладѣлъ къ публицистикѣ и началъ заниматься этикой. Только при отрѣшенности отъ реальныхъ интересовъ жизни мы можемъ уяснить себѣ тотъ фактъ, что наши видные публицисты вынуждались настроеніемъ общества къ обобщеніямъ, къ синтезу, къ которому они не были подготовлены ни по своимъ прежнимъ занятіямъ, ни по наличности необходимыхъ предварительныхъ матеріаловъ, весьма часто колебались въ своемъ міросозерцаніи, черпали свои основные политическіе принципы изъ теорій, сложившихся на западѣ, и почти совершенно избѣгали обсуждения практическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ наши публицисты шли очень долго разъ намѣченнымъ путемъ. Въ уклоненіи отъ этого пути они не могли ощущать и потребности, во-первыхъ потому, что онъ соотвѣтствовалъ полученной ими подготовкѣ, преимущественно философской, а во-вторыхъ, и потому, что само общество предъявляло имъ запросы только въ этомъ направленіи.

Если мы спустимся многими ступенями ниже и возьмемъ средняго русскаго публициста, не отличавшагося ни образованіемъ, ни выдающимися способностями, подобно такимъ виднымъ представителямъ русской публицистики, какими были Катковъ, Аксаковъ, Герценъ, Чернышевскій, Градовскій, то мы еще яснѣе поймемъ, почему, въ общемъ, наша публицистика не могла избрать болѣе вѣрнаго пути въ обсужденіи общественныхъ и государственныхъ вопросовъ. Отъ средняго публициста нельзя было, конечно, требовать, чтобы онъ отрѣшился отъ настроенія общества; все, чего отъ него можно было ожидать, это болѣе или менѣе вѣрнаго выраженія господствующихъ взглядовъ. Въ этомъ направленіи трудились, дѣйствительно, и пріобрѣтали извѣстность публицисты средней руки. Вдумываясь теперь въ прошлое, нельзя не удивиться на видъ крайне непослѣдовательному образу дѣйствій нашей журналистики въ этомъ отношеніи. Въ шестидесятые и семидесятые годы публицистикѣ во всѣхъ ея видахъ отводилось въ нашихъ журналахъ и газетахъ самое широкое мѣсто, и она признавалась, такъ сказать, нервомъ всякаго неспеціального періодическаго изданія. При такихъ условіяхъ можно подумать, что журналы и газеты весьма дорожили подготовленными дѣятелями въ области политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ. На самомъ дѣлѣ, ничего подобнаго не было. Вѣрность знамени и бойкость пера, а не научная и практическая подготовка служили цензомъ для публициста. Притомъ въ публицистикѣ тотчасъ же установилась извѣстная іерархія между разными вопросами: на первомъ мѣстѣ ставились соціальныя вопросы, второе мѣсто занимали экономическіе, затѣмъ слѣдовали вопросы внутренней политики, а послѣднее мѣсто уже занимали

вопросы вѣшной политики. Такъ было въ либеральномъ лагерѣ. Въ консервативномъ же установилась обратная іерархія: вопросы вѣшной политики занимали тутъ первое мѣсто, а соціальныя — послѣднее. Но такъ какъ въ упомянутую эпоху либеральныя органы преобладали, а консервативныя составляли незначительное меньшинство, то публицистика средней руки развилась преимущественно въ либеральномъ лагерѣ. Тутъ сознание тѣсной неразрывной связи между политическими, соціальными и экономическими науками было очень мало распространено; да и самая наука не пользовалась ни влияніемъ, ни почетомъ. Выводы, къ которымъ приходили серьезные государствовѣды, игнорировались, сами эти ученые признавались отсталыми при полномъ незнакомствѣ съ ними, а Лассали, да Марксы возводились въ міровые гении. Соотвѣтственно этому вербовались и газетныя и журнальныя сотрудники. Создалась какая-то особая соціальная и экономическая наука *ad usum* русскаго читателя, который, ставя публицистику очень высоко, въ то же время избѣгалъ всякаго головоломнаго труда для выясненія себѣ политическихъ и общественныхъ вопросовъ. Что же касается до вопросовъ вѣшной политики, которою въ значительной степени обуславливается и внутренняя жизнь государства, то для нихъ въ либеральномъ лагерѣ не было пониманія. Проявлять тутъ горячность въ защитѣ интересовъ Россіи признавалось неумѣстнымъ, а патриотизмъ этого рода — отсутствіемъ истиннаго патриотизма. Достаточно упомянуть, на примѣръ, о фактѣ, что журналъ, занимавшій руководящую роль и проникнутый во всѣхъ отдѣлахъ публицистическими тенденціями, считалъ лишнимъ имѣть спеціальнаго сотрудника по отдѣлу вѣшной политики и довольствовался... корреспонденціями иностранца. Цензомъ для сотрудника по вѣшной политикѣ обыкновенно признавалось только знаніе иностранныхъ языковъ и бойкость пера. Знакомство съ исторіей и политической наукой считалось роскошью. Въ общемъ, можно сказать, что въ нашихъ либеральныхъ органахъ вѣшняя политика долгое время составлялась исключительно на основаніи иностранныхъ газетъ лицами, не имѣвшими ни исторической, ни политической подготовки. Поэтому весьма естественно, что у насъ установился двойственный взглядъ на публицистовъ и публицистику: съ одной стороны публицисты ставились очень высоко, съ другой — очень низко. Названіе публициста было и почетное и пренебрежительное. Помнится, на одномъ публичномъ обѣдѣ зашла рѣчь о Салтыковѣ, и застольный ораторъ (не безызвѣстный журнальный дѣятель), желая почтить заслуги покойнаго писателя, въ горячей рѣчи торжественно заявилъ, что Салтыковъ былъ не только «сатирикомъ», что онъ былъ даже «публицистомъ». Слѣдовательно, въ глазахъ оратора, слава Ювенала и Свифта оказывалась недостаточною для почтенія заслугъ Салтыкова. По его мнѣнію, истин-

ный дѣятель даже въ области беллетристики, долженъ быть публицистомъ. Но въ то же время подъ публицистомъ у насъ часто разумѣютъ составителя дешевыхъ статей для журналовъ и газетъ. Однако, если обсужденіе государственныхъ и общественныхъ вопросовъ составляетъ одно изъ высшихъ проявленій человѣческаго мышленія, то можно ли довѣрять его людямъ совершенно къ нему неподготовленнымъ? Можно ли проводить рѣзкую границу между дипломатическою или административною дѣятельностью, т. е. государственною въ широкомъ значеніи этого слова, и дѣятельностью людей, обсуждающихъ государственные вопросы въ печати? Можно ли превозносить послѣднихъ, когда они возвращаются въ сферѣ крайнихъ отвлеченностей и говорятъ эзоповскимъ языкомъ, и относиться пренебрежительно къ дѣятелямъ, спускающимся изъ сферы отвлеченныхъ разсужденій въ жизнь и изучающимъ практическіе вопросы народнаго благополучія? Даже въ политическихъ лексиконахъ говорится, что «публицистъ имѣетъ большое сродство съ государственнымъ человѣкомъ, что у нихъ должно быть очень много общихъ качествъ, и что разница между ними заключается только въ томъ, что публицистъ пишетъ, а государственный человѣкъ дѣйствуетъ». (Maurice Block. Dictionnaire général de la politique). Но у насъ на газетную и журнальную публицистику, посвященную обсужденію практическихъ вопросовъ, смотрѣли свысока, довѣряли ее лицамъ, совершенно неподготовленнымъ къ трудной своей задачѣ, и поэтому публицисты средней руки принесли такъ мало пользы, плыли только по теченію и поддерживали общество въ его скороспѣлыхъ и поверхностныхъ сужденіяхъ.

Мы только-что упомянули о Салтыковѣ. На смертномъ одрѣ онъ собирался еще напомнить о «забытыхъ словахъ». Слова эти, конечно, были: человѣчность, правда, любовь къ родинѣ, совѣсть, честь. Слова эти, однако, стары, какъ мѣръ, и тѣмъ не менѣе постоянно чувствуется потребность напоминать о нихъ. Очевидно, они остаются только словами и мало проникаютъ въ жизнь, мало воплощаются въ дѣлахъ. Поэтому напоминать о нихъ не мѣшаетъ, но еще болѣе, быть можетъ, не мѣшаетъ изыскивать способы и пути осуществленія въ жизни понятій, которымъ они служатъ символами. И далѣе, быть можетъ, существеннѣе заслуга тѣхъ, кто находитъ и указываетъ эти практическіе пути, чѣмъ тѣхъ, кто только напоминаетъ о постоянно «забываемыхъ словахъ». Мы въ предыдущемъ старались выяснитъ, какимъ отвлеченнымъ характеромъ отличалась русская общественная мысль, какъ много русское общество выдвинуло талантливыхъ представителей слова, и какъ мало она создала представителей дѣла. Наша изящная литература въ яркихъ образахъ представила намъ цѣлую галерею блестящихъ общественныхъ говоруновъ и застыла на бесплодныхъ попыткахъ указать намъ въ живыхъ образахъ на обществен-

ныхъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи нашей литературѣ не повезло. Она оказалась, да и не могла не оказаться, безсильной, потому-что изящная литература есть ничто иное, какъ отраженіе жизни, а русская дѣйствительность, если и создаетъ героевъ дѣла, то въ весьма небольшомъ числѣ и притомъ не въ такихъ сферахъ, о которыхъ мы привыкли говорить и писать.

Практическое осуществленіе забываемыхъ нами вѣковѣчныхъ нравственныхъ и общественныхъ истинъ требуетъ не только самоотверженія, но и знаній. Въ сферѣ индивидуальной, быть можетъ, знанія не такъ необходимы; но въ сферѣ общественной созданіе условій благоприятныхъ для торжества нравственныхъ началъ является задачею многосложною. Общественнымъ и политическимъ реформаторомъ можетъ быть съ пользою только человекъ, изучившій какъ законы, управляющіе человеческимъ обществомъ, такъ и среду, въ которой онъ дѣйствуетъ. Поэтому мы и видимъ, что вліяніе публицистовъ, не подготовленныхъ къ своей задачѣ, даже при значительномъ талантѣ, скоропреходяще, и что ихъ дѣятельность, несмотря на вызываемый ею шумъ, замѣтнаго слѣда не оставляетъ.

Въ этомъ смыслѣ указанный нами поворотъ въ русской публицистикѣ представляетъ большой исторической и практической интересъ. Тысячи признаковъ совершенно наглядно показываютъ, что отсутствіе въ нашемъ обществѣ идеаловъ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ признанія имъ прежнихъ, крайне отвлеченныхъ, идеаловъ несостоятельными. Всюду наблюдается стремленіе приобрѣтать знанія пригодныя для непосредственнаго примѣненія къ жизни; всюду проявляется стремленіе уяснить себѣ жизненныя цѣли, соотвѣтствующія не какому-то будущему совершенному состоянію общества, а задачамъ, выдвигаемымъ реальными условіями окружающей насъ дѣйствительности. Быть можетъ, никогда еще книги, сообщающія общепользныя знанія, не распространялись у насъ съ такою быстротою, какъ именно въ настоящее время. Никогда еще въ публицистикѣ не замѣчалось такого явнаго стремленія обсуждать разные общественные вопросы съ точки зрѣнія непосредственныхъ потребностей данной минуты и рѣшать ихъ въ соотвѣтствіи съ существующими условіями. Никогда еще въ нашемъ обществѣ интересъ къ историческимъ изслѣдованіямъ, разъясняющимъ преемственность задачъ русской дѣйствительности, не проявлялся съ такою силою, какъ теперь. Отвлеченныя разсужденія, очевидно, обществу наскучили, потому что оно извѣрилось въ ихъ пользѣ. Взятые у иностранцевъ на-прокатъ идеалы, общественные и политическіе, также мало насъ занимаютъ; зато русское общество чрезвычайно чутко ко всему, что происходитъ у насъ и за границею въ сферѣ практическаго осуществленія вѣковѣчной нравственной и общественной правды.

Мы поставлены тутъ лицомъ къ лицу съ рѣшительнымъ поворотомъ въ нашемъ общественномъ самосознаніи. Молодыя литературныя силы, живѣе чувствующія пульсъ русской общественной жизни, даютъ этому повороту уже довольно ясное выраженіе въ своихъ трудахъ. Не мѣсто здѣсь входить въ соотвѣтственныя указанія, подвести, на примѣръ, разныя современныя беллетристическія произведенія подъ эту точку зрѣнія. Достаточно будетъ привести одинъ примѣръ этого рода. До сихъ поръ молодые критики, поэты и беллетристы, признавали себя провозвѣстниками всякаго рода правды. Но когда къ покойному Надсону обратились его юные друзья съ излюбленнымъ вопросомъ: что же намъ дѣлать? онъ имъ отвѣтилъ стихотвореніемъ ¹⁾, изъ котораго мы и приводимъ здѣсь главное мѣсто:

«Учить не властны мы... Учись у мудрецовъ;
 «На жадный твой запросъ у нихъ нищи отвѣта.
 . . . . .
 «Мы каждую твою побѣду воспоемъ,
 «На каждую слезу откликнемся слезою,—
 «Но указать тебѣ спасительный исходъ
 «Не намъ, о родина!... Исхода мы не знаемъ».

Основной мотивъ этого стихотворенія, очевидно,—сознаніе невозможности для поэта дать отвѣтъ на главный запросъ, предъ-являемый жизнію. Поэтъ можетъ воспѣть «побѣду» родины, т. е. всякій ея успѣхъ, «откликнуться слезою на ея слезу», но «указать спасительный исходъ» онъ не въ состояніи. Для этого теперь нужны не люди «сладкихъ звуковъ и молитвъ», а люди дѣла.

Указанный нами поворотъ въ нашей общественной мысли пред-усмотрѣнъ давно уже съ замѣчательнымъ пророческимъ даромъ лучшими представителями нашего общества, и если ихъ слова прозвучали въ свое время безслѣдно, то только потому, что они были сказаны слишкомъ рано, когда общество еще не было подготовлено воспринять ихъ. Вотъ, на примѣръ, основной мотивъ музыки Ивана Аксакова:

«И понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
 «Влестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
 «Пора прошла,—и намъ въ замѣну ихъ
 «Борьбы глухой достался подвигъ скучный...
 . . . . .
 «Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка:
 «Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
 «Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
 «Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень».

Но яснѣе еще въ этомъ смыслѣ высказался Тургеневъ. Такъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящихся къ 1874 г., онъ говоритъ: «Для предстоящей общественной дѣятельности... нужно тру

¹⁾ Родина.

любіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеска и треска,—нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы,—я беру слово жизненный въ смыслѣ простоты, безхитростности, *terge à terge*'а. Что можетъ быть, наприимѣръ, жизненнѣе — учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д.?.. Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова,—вотъ все, что нужно. А Базаровъ все-таки еще типъ, провозвѣстникъ, крупная фигура, одаренная извѣстнымъ обаяніемъ, нелишенная нѣкотораго ореола: это все теперь неумѣстно,—и смѣшно толковать о герояхъ или художникахъ труда. Влестящихъ натуръ въ литературѣ, вѣроятно, не проявится; тѣ, которые бросаются въ политику, только даромъ погубятъ себя. Все такъ; но примириться съ этимъ фактомъ, съ этой сѣренькой средой, съ этой скромной рѣшительностью, многіе не могутъ сразу, особенно впечатлительныя и энтузіастическія женщины, какъ вы. Чтобы бы вы ни говорили,—вамъ все-таки хочется восторгаться и увлекаться; вы сами пишете, что вы желаете преклоняться: а передъ только полезными людьми не преклоняются. Мы вступаемъ въ эпоху только полезныхъ людей... и это будутъ лучшіе люди. Ихъ, вѣроятно, будетъ много; красивыхъ, плѣнительныхъ—очень мало. А въ вашемъ исканіи Базарова—настоящаго—все-таки сказывается, быть можетъ, безсознательно, жажда красоты,—конечно, своеобразной. Всѣ эти мечты надо бросить».

Восемь лѣтъ спустя, въ 1882 г., за годъ до смерти, Тургеневъ резюмировалъ свою мысль въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: «Въ жизни не слѣдуетъ искать идеала общаго, — а, напротивъ, спеціальнаго, единственно живого. Такой идеалъ и свойственную ему дѣятельность указываетъ человѣку то, что называется его прирожденною способностью, талантомъ, говоря проще, охотой, расположеніемъ къ извѣстному дѣлу. Я еще не встрѣчалъ человѣка, который не былъ бы одаренъ такого рода талантомъ. Но многіе либо не стараются сознать его, либо находятъ его слишкомъ мелкимъ или недостойнымъ того, чтобы посвятить ему свою дѣятельность,—и въ этомъ заключается большая ошибка. Спеціальныи идеалъ не только не противорѣчитъ общему, но оплодотворяется имъ и взаимно даетъ ему жизнь».

Эти глубокія слова могли въ свое время не обратить на себя вниманія, но, заключая въ себѣ жизненную правду, они оправдались на дѣлѣ и постепенно становятся руководящимъ принципомъ нашего общества. Число лицъ, ищущихъ не столько «общаго», сколько «спеціальнаго» идеала, «оплодотворяющаго» первый и «дающаго ему жизнь», становится все значительнѣе. Нѣтъ теперь сферы, въ которой не встрѣчались бы дѣятели этого рода и наповѣрку, можетъ быть, окажется, что эти дѣятели, только по-

лезные, вѣрнѣе двинуть прогрессъ и сдѣлають больше для торжества «забытыхъ словъ», чѣмъ «крупныя фигуры, провозвѣстники правды, одаренные обаяніемъ и не лишены ореола. Быть можетъ, окажется, что въ нихъ-то русская жизнь главнымъ образомъ нуждается, что безъ нихъ преобладающимъ типомъ нашихъ общественныхъ дѣятелей попрежнему будутъ «мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, темнота и глушь подземная, толкачи, изъ пустого въ порожнее переливатели, да палки барабанныя» или люди, «до позорной тонкости самихъ себя изучающіе, щупающіе безпрестанно пульсъ каждому своему ощущенію и докладывающіе самимъ себѣ: вотъ что моль я думаю, вотъ что я чувствую», російскіе гамлеты, да донъ-кихоты, которыхъ самъ Тургеневъ изобразилъ намъ въ такихъ живыхъ и глубоко-печальныхъ образахъ.

Исканіе этихъ «спеціальныхъ» идеаловъ проявляется теперь съ необыкновенною силою и въ публицистикѣ. Тяжелое народное бѣдствіе, постигшее насъ, только яснѣе опредѣляетъ это новое направленіе нашей общественной мысли. Не нытье надъ «общими условіями», не взаимныя обвиненія, составляютъ доминирующую ноту всѣхъ статей, замѣтокъ и разсужденій. Несмотря на тяжесть постигшаго насъ испытанія, во всякой строчкѣ чувствуется бодрость, энергія, пылливость ума, желаніе придти на помощь пострадавшимъ. Благодаря этой работѣ, получается ясная картина бѣдствія и чрезвычайно цѣнныя указанія на средства предотвращенія его опасныхъ послѣдствій. Печать слилась съ остальными факторами народной жизни для дружныхъ усилій, направленныхъ къ устраненію голода. Не есть ли это проявленіе настоящей любви къ ближнему, бодрой, энергической, дѣятельной и лучшихъ качествъ человѣческой природы: гуманности, состраданія, челоуѣколюбія? И если, благодаря этимъ дружнымъ усиліямъ всѣхъ факторовъ народной жизни, удастся въ значительной степени ослабить бѣдствіе, предотвратить его грозныя послѣдствія, осушить много слезъ, избѣжать обѣднѣнія и разоренія массы людей изъ того народа, передъ которымъ мы до сихъ поръ только преклонялись, не находя въ себѣ силъ и способовъ оказать ему дѣятельную помощь, то не будетъ ли это сознаніе исполненнаго долга въ тысячу разъ плодотворнѣе и не возвыситъ ли оно насъ въ собственныхъ глазахъ гораздо болѣе, чѣмъ вѣковая скорбь надъ участью народа, не проявляющаяся въ жизненныхъ наглядныхъ дѣйствіяхъ? Если русское общество въ этомъ смыслѣ окончательно убѣдится въ превосходствѣ «спеціального» идеала надъ «общимъ», то постигшее насъ тяжелое испытаніе пройдетъ не безслѣдно и сослужитъ важную службу нашему общественному самосознанію. Времена народнаго бѣдствія пройдутъ, но въ обществѣ крѣпко засядетъ мысль, что мы довольно занимались спорами о правдѣ, что пора подумать и о средствахъ ея осуществленія въ жизни, и что наиболѣе вѣр-

нымъ средствомъ является не вѣчное недовольство, а энергическій починъ каждого индивида въ устраненіи ближайшихъ несовершенствъ, бодрая, жизнерадостная дѣятельность, соединенная съ знаніями и съ пониманіемъ спеціальныхъ идеаловъ, присущихъ нашему народу и обществу въ данное время.

Въ области публицистики это значитъ—внимательнѣе изучать дѣйствительность, не оцѣнивать ее исключительно съ точки зрѣнія заемныхъ теорій, разсматривать всякое явленіе въ историческомъ его развитіи, пользоваться опытомъ всѣхъ народовъ для исцѣленія общественныхъ недуговъ, отводить историческимъ, государственнымъ, экономическимъ знаніямъ гораздо больше значенія, чѣмъ до сихъ поръ, и относиться отрицательно къ разнымъ утопіямъ, порождаемымъ голымъ воображеніемъ и побуждающимъ насъ произносить приговоръ надъ дѣйствительностью, надъ успѣхами, которыхъ мы достигаемъ въ ограниченной сферѣ, надъ цѣлями, къ которымъ мы стремимся въ смыслѣ удовлетворенія реальныхъ интересовъ. Наше время требуетъ логики не только въ словахъ и мысляхъ, но и въ дѣйствіяхъ, и когда наша публицистика вмѣстѣ съ обществомъ окончательно проникнута этимъ сознаніемъ, когда вопросы не только мысли, но и жизни, будутъ ею разсматриваться и обсуждаться съ полною компетентностью, когда она приметъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи практическихъ задачъ, указываемыхъ исторією и условіями, въ которыхъ мы поставлены, ея голосъ, какъ выразительницы общества, будетъ раздаваться, быть можетъ, не такъ шумно, какъ прежде, но гораздо авторитетнѣе и съ неотъемлемымъ правомъ быть голосомъ совѣщательнымъ и во многихъ случаяхъ рѣшающимъ.

Р. Сементковскій.

ЧЕРТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ И БЫТА ЭПОХИ ПЕТРА II ¹⁾.

IV.

Къ исторіи русской литературы и науки.—Старость Софронія Лихуда.—Князь Иванъ Лихудіевъ.—Аванасій Скіяда.—Аванасій Кондопди.—Алексѣй Барсовъ.—Иоакимъ Богомолевскій.—Иеронимъ Колпецкій.—Феофілъ Кроликъ.—Федоръ Поликарповъ.—Князь А. М. Черкасскій и его школа.

ОМУ изъ русскихъ неизвѣстны досточтимыя имена братьевъ Лихудовъ? Потомки византійскаго княжескаго рода царской крови, получивъ въ Италіи самое лучшее научное образованіе своего времени, они, по совѣту восточныхъ патриарховъ, были приглашены русскимъ правительствомъ въ Москву для устройства въ ней высшаго научнаго образованія, и, ведя это дѣло, по мѣрѣ возможности, съ полнымъ умѣньемъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, за самое скудное вознагражденіе (Софроній Лихудъ, какъ видно изъ дѣлъ настоящаго тома, завѣдуя «греческою школою» въ Москвѣ, жалованья за свое учительство не получалъ никакого, довольствуясь тѣмъ вознагражденіемъ, какое выдавалось ему «за библейный его трудъ, т. е. за трудъ по исправленію славянской бібліи, по 50 руб. въ годъ), то въ Москвѣ, то въ Новгородѣ при митрополитѣ Іовѣ, то снова въ Москвѣ, успѣли образовать первое поколѣніе велико-русскихъ уче-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XLVI, стр. 409.

ныхъ. Въ то же время они составили первые учебники по предметамъ академическаго курса; наконецъ, они же вынесли на своихъ плечахъ всю тягость защиты ученія церкви восточной о евхаристіи противъ ученія католическаго и протестантскаго, составивъ нѣсколько крупныхъ и капитальныхъ по тому времени сочиненій по богословію вообще. Старшій изъ братьевъ трудился такимъ образомъ тридцать два года (съ 1685 по 1717 г.), а младшій—тридцать семь лѣтъ — по 1722 годъ, когда, вслѣдствіе слитія «греческой школы» съ школою славяно-латинскою, подъ общимъ названіемъ Московской славяно-греко-латинской академіи, причемъ на должность ректора послѣдней стали назначаться ученые кіевляне, онъ долженъ былъ оставить свое излюбленное дѣло и былъ назначенъ въ настоятели Солотчинскаго монастыря въ рязанской епархіи. Большая часть біографіи приснопамятныхъ подвижниковъ науки извѣстна въ подробностяхъ (см. «Исторію Московской славяно-греко-латинской Академіи» С. К. Смирнова и статьи протоіерея І. Я. Образцова); но свѣдѣнія о послѣднихъ годахъ жизни Софронія Лихуда—съ 1722 года, которыя находимъ въ VIII томѣ «Описанія синодальнаго архива», являются совершенною новостію.

Солотчинскій монастырь былъ изъ числа весьма достаточныхъ—владѣлъ большимъ количествомъ земли и большимъ числомъ крестьянъ, съ которыхъ получались хорошіе доходы. Софроній могъ бы въ немъ въ достаткѣ и спокойно проводить свою старость. Но съ самаго его прибытія въ монастырь начались въ немъ для него бѣды. По установившемуся порядку, архимандриты въ монастыри обыкновенно назначались по заручнымъ принятіямъ братіи, вкладчиковъ (т. е. лицъ, дѣлавшихъ періодически или едино-временно въ монастырь вклады—пожертвованія деньгами, провизіей или вещами) и монастырскихъ крестьянъ. Затѣмъ въ каждой изъ монастырей, имѣвшихъ крестьянъ и земли, для управленія оными существовали особые управители изъ подъячихъ, называвшіеся «стряпчими» — эти лица обыкновенно были дѣйствительными хозяевами монастырскихъ владѣній. Злоупотребленія всякаго рода со стороны этихъ лицъ были явленіемъ обыкновеннымъ, и монастырскія дѣла синодальнаго архива за описанные годы наполовину почти состоятъ изъ жалобъ на такія злоупотребленія и изъ вызваннаго ими дѣлопроизводства. Когда о. Софроній прибылъ въ Солотчинскій монастырь, монахи, особенно монастырскія власти—ризничій, казначей, намѣстникъ—встрѣтили недружелюбно архимандрита, не ими избраннаго, чужеземца-гречина, до заслугъ котораго для православной церкви и русскаго государства имъ было мало дѣла. Но особенную неприязнь встрѣтилъ о. Софроній со стороны монастырскаго стряпчаго, Панкрата Иванова. Этотъ стряпчій можетъ быть признанъ типическимъ представителемъ людей своей профессіи въ то время, и исторія борьбы съ нимъ о. Софро-

ня служить прекрасной картиной монастырскаго быта старыхъ временъ. Прошлое его было таково. Неизвѣстно, съ котораго года состоялъ онъ стряпчимъ монастыря. Въ 1717 г. указомъ митрополита рязанскаго Стефана Яворскаго, «за вѣдомое коварство, возмутительный мятежъ, лжесоставное ябедничество, и за присвоеніе себѣ цѣлаго большаго участка монастырскаго участка земли» (Чешуевской) онъ былъ отрѣшенъ отъ должности стряпчаго, съ отнятіемъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, земли и сѣнныхъ покосовъ и съ запрещеніемъ быть у дѣлъ гдѣ-либо. Однако, онъ этого указа не исполнилъ, «однолично своею наглостію, благодаря нажитому отъ монастыря богатству и подкупленнымъ имъ судьямъ, остался у дѣлъ монастырскихъ стряпчимъ попрежнему, завѣдуя монастырскими вотчинами и подрядами». По вторичному указу митрополита Стефана, вслѣдствіе жалобъ тогдашняго солотчинскаго архимандрита Исаакія, «за многое воровство, ругательство ко властямъ, противности, за денные и ночные приступы къ монастырю съ многочисленнымъ собраніемъ и со всякимъ разбоемъ» Панкратъ былъ взятъ въ Переяславль и битъ «снемъ рубаху» плетями нещадно предъ Приказомъ, послѣ чего его велѣно было «выслать въ Москву. Успѣвши, однако, выкрасть изъ монастырскаго казны подлинныя указы о немъ митрополита Стефана, онъ снова самовольно остался при монастырѣ, и наглостію своею взялъ въ свое владѣніе монастырскую землю—50 нивъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, получалъ съ этой земли дохода 50 руб., а показывалъ получку въ 30 руб., не отдавая, впрочемъ, монастырю ничего и «напрасно» пользуясь также упомянутою выше Чешуевскою землею. Въ 1720 г. Чешуевская земля была отнята отъ Панкрата и возвращена монастырю. Когда о. Софроній прибылъ въ монастырь на архимандритство, Панкратъ, между другими бумагами, подложилъ ему для подписи свое прошеніе о томъ, чтобы Чешуевская земля была отдана ему вновь во владѣніе. О. Софроній «за новостію приѣзда внезапно закрѣпилъ» это прошеніе, не читавъ, и Панкратій снова сталъ отдавать эту землю въ наймы въ свою пользу, богатѣя на счетъ монастыря. Затѣмъ, какъ доносилъ о. Софроній, уже въ бытность его архимандритомъ, Панкратъ «убилъ до смерти» рекрутнаго солдата Никиту, за чтѣ, по доносу, держанъ былъ подъ стражей долгое время; за подарки, подъ предлогомъ болѣзни, онъ освобожденъ былъ на росписку, и скоро затѣмъ совершилъ второе убійство,—монастырскаго пономаря Аванасія, о чемъ сдѣланъ былъ извѣтъ всею братіей. Но и на этотъ разъ, за великіе презенты, ему никакого наказанія не учинено, ибо «убитые солдатъ и пономарь были люди бездомные и дѣла о ихъ убійствѣ явились безгласны». Въ мартѣ 1728 г., когда главный свидѣтель по дѣлу объ убійствахъ, совершенныхъ Панкратомъ, конюшій Шариковъ, былъ потребованъ для очной ставки

съ убійцей въ Переяславль, сыновья Панкрата, Александръ и Никита, подговорили его къ бѣгству и невѣдомо куда ухоронили,— можетъ быть убили. Въ 1724 г., Александръ Панкратовъ, будучи въ Тамбовской вотчинѣ монастыря, собралъ съ нея многое число денегъ, которыя подѣлили между собою и товарищами, и несмотря на то, что на такое воровство его подана была жалоба, онъ, возвратясь въ монастырь, «озорничествомъ и богатымъ проискомъ» снова вступилъ въ монастырское вотчинное правленіе. О. Софроній съ братіей со слезами жаловались на него тогдашнему епископу рязанскому Сильвестру: Александръ былъ битъ плетями нещадно и отрѣшенъ отъ стряпческой должности, но и послѣ того не прекратилъ своихъ неистовствъ въ монастырѣ. Когда, въ 1727 г., по просьбѣ о. Софронія, въ монастырь назначенъ былъ новый намѣстникъ, Галактіонъ, Панкратъ съ сыновьями богатыми подарками, лжековарнымъ проискомъ, своими нападками, согнали его изъ монастыря,—его потребовали въ Коллегію Экономіи подъ тѣмъ предлогомъ, что до него есть тамъ касательство. Однимъ словомъ, жаловался о. Софроній, «Панкратъ съ сыновьями, что хотятъ, то и творять надъ монастыремъ». «И отъ того ихъ воровства да отъ возмущенія тамбовскихъ и рязанскихъ крестьянъ монастыря (которое произошло влѣдствіе несправедливыхъ поборовъ съ нихъ того же Панкрата) обитель святая раззорена и пустѣеть явно, писалъ о. Софроній, а мы обруганы и наконецъ живота моего тирански гонить меня изъ монастыря пятый годъ и морить голодомъ безвинно». Доброжелательные архимандриту монахи безъ всякой вины были изгнаны изъ монастыря и «обороны на Панкрата съ сыновьями—вѣдомыхъ воровъ и смертоубійць—не можемъ получить, писалъ Софроній, понеже оныя воры на тяжбу приказнымъ людямъ въ презенты даютъ монастырскія деньги и разный хлѣбъ, собирая съ крестьянъ всякій запасъ и деньги, въ чемъ возбранить имъ никто не смѣетъ, потому-что всѣ убѣждены отъ нихъ страхомъ чрезвычайно и всю ихъ воровскую волю отъ нестерпимаго ихъ раззоренія и тяжкихъ боевъ по неволѣ должны исполнять». Къ числу противниковъ архимандрита присоединились низшія монастырскія власти: казначей Корнилій, іеродіаконъ Ануфрій и другіе. О Корниліѣ о. Софроній въ другомъ прошеніи въ Синодъ писалъ: «опредѣленный за многолѣтніе труды свои въ Солотчинъ монастырь на покой во архимандриты... я нынѣ во всемъ злостражду: казначей іеромонахъ Корнилій морить меня голодомъ и, всячески ругаясь, называетъ безтолковымъ и бездушнымъ дровомъ; по запрещенію его іеромонахи монастыря съ 1727 г. меня не поминають (на эктеніяхъ) и антидора мнѣ не даютъ, и прочіе изъ братства, взирая на Корнилія, ругаются надо мною, никакого чина церковнаго и служебнаго не исправляютъ, токмо во всемъ по волѣ своей безчинствуютъ...» Жалуюсь на Панкрата

и Корнилія, о. Софроній домогався, чтобы на мѣсто Панкрата стряпчимъ монастыря назначенъ былъ прежде занимавшій эту должность Дмитрій Чижовъ, а на мѣсто Корнилія намѣстникомъ монастыря—іеромонахъ Герасимъ.

По двумъ прошеніямъ о. Софронія началось судебное разбирательство. Прежде всего у Софронія спросили, кто составлялъ ему его прошенія, и о томъ, что содержится въ доношеніяхъ, онъ знаетъ ли, не будетъ ли спорить противъ нихъ, и самъ ли къ тѣмъ прошеніямъ приложилъ руку. Софроній отвѣчалъ, что его доношенія составлялъ его келейный, Иванъ Родіонсвъ, служившій въ Иностранной Коллегіи копистомъ, что доношенія писаны съ вѣдома его, Софронія, и подписаны имъ собственноручно. Противники же его доносили, что самъ о. Софроній русскаго письма съ 1724 г. не читаетъ, и руку прикладываетъ съ немалюю нуждою, съ образца, и просили, чтобы доношеніямъ его не вѣрить и оныхъ не принимать. «Никакого русскаго обхожденія и письма онъ не знаетъ ни малой части», писали они въ другой разъ; не только по-русски, но и по своему языку отъ случившейся ему болѣзни говорить мало, а всѣ его доношенія пишутъ обрѣтающіеся при немъ переводчики. Въ третій разъ на него жаловались: по-русски не говорить, по присылаемымъ указамъ, за древностію лѣтъ, никакого отпращиванія не чинить; объ обители старанія никакого не имѣть, точію обитающіе при немъ переводчики, не растолкуя ему сущей правды, просителямъ дѣлають неправду. Доносили даже, будто о. Софроній дѣйствуетъ во вредъ интересамъ монастыря: по указу Петра I, часть земельныхъ владѣній Солотчина монастыря, съ крестьянами, отдана была во владѣніе генераль-маіору Ульяну Синявину; съ воцареніемъ Петра II, всѣ владѣнія монастырей, когда-либо розданныя свѣтскимъ лицамъ, велѣно возвратити монастырямъ. Софроній, доносили его враги, держитъ сторону Синявина, котораго убѣждаетъ тѣхъ вотчинъ монастырю не отдавать, а Синоду хочеть донести, что тѣ вотчины монастырю и не надобны... Много и другихъ обвиненій ввозили на о. Софронія его враги. Особенно указывали на безобразія находившагося при Софроніи его внука, князя Ивана Лихудіева: въ архимандритскихъ кельяхъ онъ игралъ въ гудки, въ тѣхъ же кельяхъ и баняхъ блудилъ съ крестьянскими женками, которыхъ бралъ къ себѣ въ кельи насильно для пляски, билъ крестьянъ и корыстовался ихъ имѣніемъ и т. д. Дѣло тянулось долго, и еще въ 1729 году было не окончено. Въ іюнѣ 1728 г. было постановлено рѣшеніе, которое удивляетъ своею несправедливостію по отношенію къ о. Софронію: въ то время, какъ онъ, архимандритъ, жаловался на злоупотребленія, угнетенія и истязанія, чинимыя ему со стороны казначея Корнилія, Синодъ опредѣлилъ: впредь не принимать отъ о. Софронія никакихъ доношеній иначе, какъ

за подписаніемъ казначея и братіи. Дѣло въ томъ, что какъ только началось въ Синодѣ дѣло по жалобамъ Софронія, двое наиболѣе энергичные изъ его враговъ, іеромонахъ Ануфрій и Александръ Панкратовъ, оказались въ Москвѣ на лицо, захвативъ съ собою монастырскія деньги и цѣлые возы припасовъ, которые и раздавали щедро подъячимъ, а можетъ быть кому-либо и выше ихъ; Софроній же въ это время сидѣлъ въ монастырѣ подъ арестомъ своихъ подчиненныхъ, не будучи въ состояніи ни самъ явиться въ Синодъ для объясненій, ни прислать кого-либо отъ себя довѣреннымъ. Послушаемъ, какъ рассказываетъ объ этомъ самъ о. Софроній въ своихъ донесеніяхъ Синоду, отъ 16-го іюня 1728 г. Послать кого-либо отъ себя повѣреннымъ въ Синодъ, писалъ о. Софроній, ему некого, такъ какъ служителей Солотчинскаго монастыря при немъ никого не имѣется, а которые изъ тѣхъ служителей, заобычайные къ приказному дѣлу, и есть, тѣхъ, за угрозою отъ Панкрата, послать онъ не смѣетъ, а посторонняго человека, за раззореніемъ отъ Панкрата, нанять ему не на что, понеже которые и являются, просятъ за труды плату немалую; а денегъ ни келейныхъ собственныхъ, ни казенныхъ монастырскихъ, при немъ, Софроніѣ, не имѣется, такъ какъ монастырскія деньги казначей всѣ забралъ съ собою, никому ничего не отдавъ. Въ доношеніи, отъ 21-го марта 1729 г., о. Софроній писалъ: въ февралѣ 1729 г., бывший стряпчій монастыря Александръ Панкратовъ привезъ въ монастырь невѣдомо откуда подозрительнаго монаха Александра Пименова, называя его намѣстникомъ, который и занялъ келью намѣстничью, безъ вѣдома его, архимандрита, и не предъявивъ ему какого-либо указа о своемъ назначеніи. А быть ему, Александру, намѣстникомъ по силѣ святыхъ правилъ, невозможно, понеже онъ чернецъ слабый и весьма невоздержный... Водворивъ новоприбывшаго въ кельяхъ намѣстника, Панкратовъ съ конюшимъ и съ служителями, многолюднымъ собраніемъ, съ дубьемъ и съ оглоблями, обступили кругомъ архимандричью келью, разломали у ея загородки двери и увели на конюшню двухъ лошадей, которыхъ онъ, Софроній, держалъ при себѣ. Боясь за свою жизнь, Софроній велѣлъ запереть свою келью; тогда собравшіеся стали бранить его матерно и бросать въ него камнями, перебили всѣ стекла въ окнахъ кельи и «тщались убить» самого его, о. Софронія, съ находившимися при немъ. Трой сутки сидѣлъ онъ съ слугами своими въ осадѣ, не получая даже пищи отъ монастыря и питаюсь лишь тѣмъ, что удалось пронести къ нему тайкомъ людямъ, ему преданнымъ, — за что этихъ послѣднихъ, узнавъ о томъ, Панкратовъ мучилъ смертельно, отнявъ при этомъ и находившіеся при немъ деньги и скарбъ. Боясь быть убитымъ, о. Софроній рѣшился тайкомъ бѣжать изъ монастыря и велѣлъ изготовить себѣ самыя простыя сани. Но Панкратъ узналъ о томъ, велѣлъ согнать

изъ монастыря всѣхъ лошадей, оставивъ двухъ (для себя), къ которымъ приставилъ карауль. Тогда, «забывъ свою старость», о. Софроній самъ отправился на конюшенный дворъ и, при помощи своихъ людей, успѣлъ взять оставшихся лошадей, и бросивъ на произволь судьбы свою келью съ находившимся въ ней скарбомъ, успѣлъ доѣхать до монастырскаго села Григоровскаго. Здѣсь ему сказали, что монастырскими управителями запрещено давать ему подводы и провіантъ, чтобы онъ не уѣхалъ въ Москву; что, впрочемъ, все уже забрано Панкратовымъ, который, за преданность архимандриту, билъ смертнымъ боемъ четырехъ крестьянъ, которые лежатъ при смерти, — прочіе же жители деревни разбѣжались «куда глаза глядятъ»... Одинъ одиухонекъ отправился старецъ въ Москву. Служители его, не имѣя возможности оставаться въ монастырѣ, прибѣжали, уже послѣ, также въ Москву, пѣшіе... Удалось ли о. Софронію, по прибытіи въ Москву, при личномъ состязаніи одержать побѣду надъ своими противниками — о томъ въ дѣлахъ за 1728 годъ свѣдѣній нѣтъ.

Кстати здѣсь сообщимъ свѣдѣнія о родѣ Лихудовъ, какія находимъ въ другомъ дѣлѣ настоящаго тома. Князь Николай Лихудій, племянникъ Иоаннікія и Софронія, прибылъ изъ Кефалоніи въ Москву (годъ прибытія не обозначенъ), былъ пожалованъ въ стольники и опредѣленъ на службу у корабельнаго строенія въ Воронежѣ, затѣмъ перешелъ на какую-то службу въ Сибирь, гдѣ и скончался. Жена его вышла замужъ, послѣ его смерти, за отставнаго прапорщика Ивана Чаплыгина. У Николая Лихудія былъ единственный сынъ, который, будучи семи лѣтъ, опредѣленъ былъ для обученія въ греческую школу, которою завѣдовалъ его дѣдъ Софроній, гдѣ Иванъ и находился по 1723 годъ. Въ этомъ году онъ переселился къ дѣду въ Солотчинскій монастырь, гдѣ оставался до 1726 года, когда снова поступилъ въ школьники славяно-греко-латинской академіи. Въ 1728 г. онъ значился еще въ спискахъ учениковъ академіи, какъ доносилъ ректоръ академіи архимандритъ Германъ на запросъ о немъ Синода, вызванный донесеніемъ прапорщика Смоленскаго полка Елисея Авинина о томъ, что Иванъ Лихудіевъ укрывается отъ военной службы.

При объясненіи злоключеній о. Софронія въ Солотчинскомъ монастырѣ, слѣдуетъ принять въ соображеніе, что во главѣ церковнаго правительства въ это время находился Теофанъ Прокоповичъ и другіе ученые киевляне, которые вообще не любили грековъ, прибывавшихъ въ Москву, за ту энергическую защиту ученія восточной церкви, какую они, съ Лихудами во главѣ, вели противъ то отчасти латинствовавшихъ, то отчасти протестантствовавшихъ киевлянъ, выдвинутыхъ въ составъ русской церковной іерархіи Петромъ I. Еще покойный Хомяковъ совершенно справедливо замѣтилъ, что въ сочиненіяхъ даже Стефана Яворскаго видна

«католическая окраска», а въ сочиненіяхъ Теофана «окраска протестантская». Можетъ быть даже болѣе, чѣмъ окраска..... Борьба восточнаго и западнаго богословія на русской почвѣ довольно извѣстна. Побѣда осталась на сторонѣ западниковъ—Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича; ученые греки и защитники восточнаго ученія сошли со сцены; Иоанникій Лихудъ первый палъ въ этой борьбѣ; за нимъ послѣдовалъ его братъ Софроній, который вскорѣ послѣ смерти Иоанникія долженъ былъ покинуть созданную братьями греческую школу въ Москвѣ и едва нашелъ себѣ убѣжище у митрополита Іова въ Новгородѣ, откуда, впрочемъ, продолжалъ борьбу за чистоту восточнаго православія противъ то латинствовавшихъ, то полупротестантствовавшихъ западниковъ—киевлянъ. Возвращенный въ Москву, гдѣ созданная имъ греческая школа безъ него не могла существовать, онъ, однако, въ 1722 г. снова, и уже окончательно, сошелъ со сцены, удаленный въ почетную ссылку въ Солотчинскій монастырь. Какъ видно изъ изложенныхъ выше подробностей о пребываніи его въ этомъ монастырѣ, его принципиальные враги не оставили его и здѣсь въ покоѣ. Что касается Теофана, то онъ, кромѣ принципиальной вражды къ Лихудамъ, имѣлъ и личныя причины враждовать противъ Софронія; еще въ то время, когда Теофанъ лишь предназначался въ архіереи, Софроній, у котораго нашли нужнымъ спросить мнѣнія объ образѣ мыслей кievскаго кандидата въ великорусскіе архіереи, далъ о немъ письменный отзывъ, въ которомъ аттестовалъ Теофана, какъ еретика. Подобныхъ вещей Теофанъ никогда не забывалъ и мстилъ за нихъ безпощадно, тѣмъ болѣе, что и теперь, уже по смерти Петра, въ царствованіе Екатерины I, продолжались еще попытки со стороны старорусской партіи скомпрометировать его богословскій образъ мыслей, о чемъ мы узнаемъ какъ изъ происходившаго въ это время процесса по доносу Родышевскаго, такъ въ особенности изъ дѣла іеродіакона Невскаго монастыря Макарія, который осмѣлился заняться изслѣдованіемъ Ахиллесовой пяты Теофана—киевскихъ «ересей» (т. е. ученія и церковной практики, которыя перенесены были отчасти и въ Великороссію учеными киевлянами), былъ схваченъ Теофаномъ подъ предлогомъ неимѣнія паспорта, подвергнутъ заключенію и разнообразнымъ истязаніямъ при Синодѣ и, наконецъ, сосланъ въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ монастырей Сибири (см. мою статью о Макаріѣ въ «Христ. Чтеніи» за 1883 годъ).

Въ это же время, тремя годами ранѣе Софронія, сдѣлался жертвой ученыхъ киевлянъ еще одинъ изъ грековъ, оставшихся въ Москвѣ у дѣла высшаго научнаго образованія—Анастасій Скіяда, въ числѣ услугъ котораго русскому просвѣщенію, какъ значится въ дѣлахъ VIII тома, было приведеніе въ порядокъ («разобраніе») греческихъ рукописей, находившихся въ вѣдѣніи синодальнаго дома, и составленіе ихъ каталога,—за что ему дано было

50 рублей. Когда Софроній еще былъ въ Москвѣ, завѣдуя греческой школой, Скіяда состоялъ въ этой школѣ въ должности аудитора (репетитора). По удаленіи Софронія, его помощникъ, Скіяда, назначенъ былъ на его мѣсто съ званіемъ профессора. Софроній за свои труды по греческой школѣ ничего не бралъ; Скіядѣ назначено было жалованье изъ Каморь-Конторы по 150 р. въ годъ, да изъ типографіи 50 р., да на дрова 22 р. въ годъ. Но вотъ, по представленію ученаго кіевлянина-протектора школъ и типографій архимандрита Гавріила Бужинскаго, состоялось распоряженіе: закрыть греческую школу, какъ особое учрежденіе, и вмѣсто ея открыть классы греческаго языка въ славяно-латинской академіи, такъ чтобы прежней греческой школѣ быть подъ вѣдѣніемъ ректора славяно-греко-латинской академіи (т. е. ученаго кіевлянина Теофилакта Лопатинскаго). Скіяда долженъ былъ удалиться отъ своего дѣла, находя, что если бы изъ прежняго начальника особаго ученаго учрежденія онъ сталъ простымъ учителемъ академіи, то чрезъ это «честь его безъ вины умалилась бы». Онъ сталъ проситься въ свое отечество; его освободили отъ занятій преподаваніемъ греческаго языка, но «абшита» вдругъ не дали, оставивъ ему на 1725 г. часть жалованья, (именно 50 р. выдававшіеся изъ типографіи), которая положена была ему сверхъ профессорскаго трамента, ради его иноземчества, да изъ выдававшагося ему оклада изъ Каморь-Конторы дана половина по 1726 годъ... Вскорѣ за Скіядой потерялъ вліяніе на общій ходъ церковныхъ дѣлъ Аванасій Кондоиди, послѣдній изъ грековъ, оказывавшій нѣкоторое покровительство своимъ соплеменникамъ въ Россіи въ бытность свою членомъ Синода. Въ 1726 году онъ назначенъ былъ епископомъ въ Вологду, гдѣ съ первыхъ же дней оказался весьма дѣятельнымъ и полезнымъ администраторомъ. Донося о своей дѣятельности по церковному управленію, онъ между прочимъ, какъ на источникъ доходовъ архіерейскаго дома, указывалъ на устройство имъ конюшеннаго завода, якоже и въ прочихъ (т. е. разумѣется архіерейскихъ) домахъ, то имѣется (VIII, 136).

На должность учителя греческаго языка въ славяно-греко-латинской академіи въ мартѣ 1725 года, на мѣсто Скіяды, назначенъ уже чисто русскій ученый, ученикъ Лихудовъ—справщикъ типографіи Алексѣй Барсовъ. Получивъ эту должность съ прекращеніемъ занятій въ типографіи, гдѣ онъ получалъ жалованья 110 р., да по экземпляру каждой отпечатанной книги, Барсовъ обратился въ Синодъ съ прошеніемъ, въ которомъ объяснялъ, что онъ, будучи теперь въ большемъ нежели типографскомъ градусѣ и трудѣ, за выдачею половины каморь-конторскаго жалованья за 1725 г. Скіядѣ, имѣеть умаленіе трамента противъ прежняго, и просилъ назначить ему прежній полный окладъ своего антецессора. Эта просьба оставалась, однако, безъ исполненія въ продолженіе

трехъ почти лѣтъ. Лишь въ 1728 г., ему назначены были какъ недоданная часть каморь-конторскаго оклада, такъ и полное жалованье, положенное по штату всѣмъ учителямъ славяно-греко-латинской академіи. Въ своемъ прошеніи 1728 г. Барсовъ хвалился, что проходя курсъ греческаго языка по регулѣ академической въ четырехъ классахъ—фарѣ, инфимѣ, грамматикѣ и синтаксисѣ, онъ приготовилъ пятьдесятъ шесть знатоковъ греческаго языка, которые перешли затѣмъ къ изученію языка латинскаго.— Алексѣй Барсовъ былъ единственный изъ учениковъ Софронія, не покинувшій своего учителя въ тяжелую годину его солотчинскихъ страданій. Вышеупомянутый Панкратъ Ивановъ указывалъ на него, въ одномъ изъ своихъ доношеній Синоду, какъ на одного изъ главныхъ руководителей и помощниковъ Софронія въ борьбѣ его съ врагами.

Кстати здѣсь будетъ сообщить свѣдѣнія о доселѣ малоизвѣстномъ ученomъ южно-русскѣ, недавно выдвинутомъ на сцену нашей исторической литературой. Г. Шляпкинъ въ своемъ сочиненіи о св. Димитріѣ Ростовскомъ упоминаетъ объ «учителѣ» Іоакимѣ Богомолевскомъ, имя котораго фигурируетъ между прочимъ въ матеріалахъ, которыми авторъ пользовался, какъ имя одного изъ дѣятелей просвѣщенія въ южной Руси (стр. 373). Вотъ какія свѣдѣнія находимъ мы въ VIII томѣ «Описанія» объ этой личности. Сынъ священника кіевской епархіи, села Краснаго, обучившись въ домѣ отца грамотѣ и письму, Богомолевскій былъ затѣмъ отданъ въ Кіево-Печерскій монастырь, гдѣ пребывалъ «для услуженія» у своего родственника, іеромонаха Барановскаго, въ продолженіе трехъ лѣтъ; затѣмъ поступилъ въ кіево-братскія школы, въ которыхъ учился 12 лѣтъ. Затѣмъ префектомъ Кіевской академіи Стефаномъ Яворскимъ былъ отправленъ для наукъ въ Польшу и въ другія государства, учился въ Львовѣ, Люблинѣ, Краковѣ, Варшавѣ, Калишѣ, годъ былъ въ Познани—въ Гданскѣ и Королевцѣ, откуда переселился въ Вильно, затѣмъ возвратился снова въ Кіевъ, въ Кіево-братскій монастырь. Послѣ столькихъ трудовъ и путешествій ради науки, онъ, повидимому, долженъ былъ бы занять болѣе или менѣе видное мѣсто въ Кіевской академіи. Но, какъ видно, на него здѣсь не обратили должнаго вниманія, и изъ Кіева онъ отправился въ Москву, къ митрополиту Стефану, въ которомъ видѣлъ своего покровителя. Стефанъ, посвятивъ его въ монашество, взялъ съ собою въ Рязань; оттуда онъ возвратился въ Москву, въ Заиконоспасскій монастырь, гдѣ пять лѣтъ былъ учителемъ, потомъ, вмѣстѣ съ двумя учителями, Прибыловичемъ и Томиловичемъ, былъ возвращенъ въ Кіевъ, въ распоряженіе митрополита Іоасафа Краковскаго, который опредѣлилъ его въ Николаевскій пустынный монастырь въ званіи соборнаго старца. Отсюда, съ разрѣшенія игумена Чернуцкаго, Іоакимъ отбылъ опять въ Петербургъ, къ митрополиту Стефану, для подачи прошенія объ отдачѣ ему имущества отца, которое находилось въ

Софійскомъ соборѣ (въ Кіевѣ). Стефанъ далъ ему письмо къ софійскому намѣстнику, по которому и было возвращено ему имущество отца. Возвратившись въ Кіевъ, онъ снова жилъ два года въ Николаевскомъ монастырѣ, но затѣмъ отправился въ Нѣжинъ, гдѣ годъ жилъ въ Благовѣщенскомъ монастырѣ, а потомъ снова отправился въ С.-Петербургъ, гдѣ явился къ преосвященному Теофилакту, отъ котораго получилъ паспортъ для поѣздки затѣмъ-то въ Новгородъ. По поводу его «нужды» Стефанъ и Теофилактъ дали ему письма къ митрополиту кіевскому Варлааму. Возвращаясь въ Кіевъ, въ Москвѣ онъ взялъ паспортъ до Кіева и обратно до Москвы. Митрополитъ Варлаамъ, получивъ отъ него письма Стефана и Теофилакта, оказалъ ему вниманіе—бралъ его съ собою въ Нѣжинъ и Глуховъ, въ Глуховѣ у него затѣялось дѣло съ сотникомъ Стожкомъ, который обвинялъ его въ грѣховныхъ «сношеніяхъ съ шинкаркою». Эта тяжба его не была рѣшена ни въ Глуховѣ, ни въ Кіевѣ, и была перенесена въ Синодъ въ Москву, куда по этому случаю прибыли оба тяжущіеся.—Очевидно, это былъ сторонникъ Стефана Яворскаго, почему ему и не дано было никакого дѣла въ области научной ни въ Кіевѣ, ни въ Москвѣ, такъ какъ въ Кіевѣ, въ особенности въ это время, вліяніе Теофана Прокоповича, врага и антагониста Стефана, господствовало безусловно.

Та же судьба постигла въ Москвѣ другого подобнаго ученаго кіевлянина, іеромонаха Іеронима Колпецкаго. Будучи монахомъ Кіево-Печерскаго монастыря, онъ опредѣленъ былъ учителемъ въ кіево-братскія школы, гдѣ трудился три года; въ 1722 г. архимандритъ Теофилактъ Лопатинскій, ректоръ Московской славяно-греко-латинской академіи, самъ кіевлянинъ, перевелъ его въ свою академію, гдѣ онъ трудился въ преподаваніи и въ сказываніи проповѣдей четыре года. Въ 1726 г. онъ былъ посланъ въ Голландію къ полномочному министру графу Ивану Гавриловичу Головкину, при которомъ состоялъ два года. Возвратившись въ 1728 г., вмѣстѣ съ Головкинымъ, въ Россію, онъ просилъ у Синода милостиваго опредѣленія къ какому-либо дѣлу. Отъ него спрашивали «желательнаго извѣстія», т. е. чего именно онъ желаетъ. Колпецкій выразилъ желаніе быть архимандритомъ какого-либо монастыря въ Москвѣ, съ тѣмъ, чтобы ему позволено было сказывать по его желанію проповѣди въ соборѣ и въ другихъ знатныхъ мѣстахъ. Синодъ такого мѣста не нашелъ для него, и онъ долженъ былъ возвратиться въ Кіево-Печерскій монастырь «на обѣщаніе». Очевидно, что въ 1728 г. даже въ Синодѣ, гдѣ засѣдали Теофанъ Прокоповичъ и Теофилактъ—оба ученые кіевляне, находили, что ученыхъ кіевлянъ въ Великороссіи въ составѣ іерархіи и на ученой службѣ уже довольно, считали возможнымъ не продолжать дальѣ въ этомъ отношеніи церковную политику Петра I.

Интересныя новыя свѣдѣнія находимъ въ VIII томѣ «Описанія»

о жизни и судьбѣ знаменитой въ исторіи русскаго образованія личности—чудовскаго архимандрита Теофила Кролика, одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. Здѣсь напечатана полностью его автобіографія, представленная имъ въ видѣ прошенія въ Синодъ. Сначала онъ былъ учителемъ и префектомъ Московской академіи въ то время, когда ею управлялъ, въ качествѣ ректора, Теофилактъ Лопатинскій; изъ любви къ просвѣщенію онъ, по выраженію Теофилакта, «уходомъ ушелъ»—выпросился—за границу учиться богословію, философіи и иностраннымъ языкамъ. Въ 1716 году получилъ порученіе заняться въ Богеміи, въ качествѣ чело­вѣка, латинскому языку довольно ученаго, переводомъ на російскій языкъ «нѣкихъ книгъ, которые съ нѣмецкаго языка на чешскій имѣли быть переложены». Прибывъ въ Прагу, онъ «усмотрѣлъ, что чешскаго перевода книгъ исправлять невозможно, развѣ вновь съ чешскаго на славянскій языкъ перевода, что ему, яко нѣмецкій языкъ лучше нежели чешскій знающему, не было удобно». Онъ успѣлъ перевести лишь два изъ четырехъ томовъ Буддеева историческаго лексикона—непосредственно съ нѣмецкаго, причемъ имъ ущажена знатная сумма, которая имѣла быть иждивена на неспособный ему чешскій переводъ». Въ 1722 г. онъ по волѣ Петра I назначенъ ассесоромъ Синода, въ возведеніемъ въ санъ іеромонаха, а въ 1723 году сдѣланъ архимандритомъ Чудова монастыря и совѣтникомъ Синода. Когда, въ 1726 году, Синодъ былъ преобразованъ въ своемъ устройствѣ (раздѣленъ на два апартамента) такъ, что собственно присутствіе Синода должно было состоять изъ однихъ архіереевъ, онъ былъ отчисленъ отъ Синода и назначенъ состоять, оставаясь Чудовскимъ архимандритомъ, у управленія дѣлъ въ Московской синодальной канцеляріи. Но и отъ этой должности онъ въ томъ же 1726 г. былъ отставленъ по настоянію ростовскаго архіепископа Георгія. Теофиль былъ чело­вѣкъ довольно либеральнаго образа мыслей, что доказывается его дружбой съ знаменитымъ сатирикомъ княземъ Кантемиромъ, въ честь котораго онъ написалъ извѣстное стихотвореніе, печатавшееся прежде въ изданіяхъ сочиненій Кантемира. Это былъ западникъ—въ полномъ смыслѣ этого слова—между духовными лицами того времени: долго пробывъ за границей, онъ свободно объяснялся на иностранныхъ языкахъ, дружилъ съ иностранцами, бывшими въ Россіи, и живо интересовался западною политическою, общественною и литературною жизнью. Это направленіе его вообще и въ частности дружба съ сатирикомъ, осмѣивавшимъ между прочимъ и духовныхъ сановниковъ того времени, членовъ Синода (слова Кантемира въ одной изъ сатиръ: «тотъ, что чинъ патріаршѣ ища достати, свой конскій заводъ раздарилъ не кстати» не могли быть отнесены ни къ кому другому, какъ къ члену Синода архіепископу ростовскому Георгію Дашкову), имѣло для него бѣдствен-

ныя послѣдствія. Въ 1727 году его неожиданно назначили «состоять при російскомъ войскѣ, посылавшемся въ помощь цесарскому войску — для искусныхъ съ чужестранными духовными людьми поступковъ» (ироническій намекъ на сношенія его съ католикомъ Рибейрой). При этомъ, вопреки существовавшему обычаю, его не оставили въ занимаемой имъ должности чудовскаго архимандрита, хотя на этой должности онъ заявилъ себя хорошимъ администраторомъ, съэкономивъ для монастыря въ короткое время 5,000 руб. Между тѣмъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ собраться и отправиться въ эту командировку, въ Цесаріи состоялось перемиріе, російская помощь тамъ не понадобилась, и Теофиль остался, по его выраженію, «яко граждански или натурально умершій, безъ всякаго прирѣнія», найдя себѣ пріютъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, гдѣ ему ни священнослуженія не было назначено, ни келии, ни пропитанія «яко забвенному извергу, не было дано, чтò и въ важныхъ винахъ не токмо духовнымъ, но и свѣтскимъ злодѣямъ по правамъ дается». Теофанъ Прокоповичъ, котораго горячимъ сторонникомъ онъ всегда былъ, въ это время малодушно отступился отъ него, и не раньше, какъ уже при императрицѣ Аннѣ, въ 1730 году, ему вновь дана была архимандрія—въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Съ довольно несимпатичными чертами характера является въ дѣлахъ 1728 года директоръ московской типографіи Ѳеодоръ Поликарповъ, бывшій въ этой должности еще при Петрѣ I, отставленный отъ нея, вслѣдствіе обнаруженныхъ злоупотребленій, и замѣненный Замятинымъ, но потомъ, по устраненіи Замятина, снова занявшій должность директора типографіи. Почему онъ оказался вновь необходимымъ для Синода—изъ дѣлъ не видно, но восстановленный въ своей прежней должности, онъ держитъ себя по отношенію къ Синоду съ большимъ достоинствомъ: медлитъ и вовсе манкируетъ представленіемъ отчетовъ по типографіи, такъ что Синодальная канцелярія должна неоднократно напоминать ему объ этой обязанности; представленные имъ отчеты обыкновенно неполны (напримѣръ, исчисливъ подробно расходы, доходы онъ представляетъ лишь въ общемъ итогѣ, безъ подробнаго перечня ихъ, какъ требовалось),—обыкновенно это худшіе изъ отчетовъ подвѣдомственныхъ Синоду учреждений. Въ концѣ концовъ, на немъ, какъ директоръ типографіи, оказывается начетъ денегъ—бывшихъ доходовъ типографіи, не представленныхъ въ Синодъ—болѣе чѣмъ въ 10,000 рублей, сумма по тому времени громадная. Въ связи съ производившимися въ 1728 г. дѣлами о Ѳеодорѣ Поликарповѣ, въ VIII томѣ содержится много новыхъ подробностей изъ исторіи типографіи и вообще книжнаго дѣла въ Россіи при Петрѣ I, Екатеринѣ I и Петрѣ II. Обзоръ этихъ свѣдѣній можетъ составить предметъ особой статьи.

Вообще объ alma mater великорусскаго научнаго образованія—

Московской славяно-греко-латинской академіи—въ восьми томахъ «Описанія Синодальнаго Архива» находится большое количество совершенно новыхъ свѣдѣній, не бывшихъ въ рукахъ у составителя единственной доселѣ печатной исторіи ея—С. К. Смирнова: о числѣ и составѣ по сословіямъ учившихся въ ней, о программахъ ея курсовъ, о диспутахъ и коллоквиумахъ, о средствахъ содержанія, объ учащихъ и начальствующихъ и т. д. Мы не будемъ сообщать здѣсь всѣхъ этихъ новыхъ, весьма интересныхъ свѣдѣній, такъ какъ это потребовало бы много мѣста. Но не можемъ не упомянуть о весьма оригинальной школѣ, существовавшей въ Москвѣ, при домѣ князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, доселѣ неизвѣстной въ исторіи. Школа эта—изъ дѣла не видно, для однихъ ли его дворовыхъ она существовала, или была общедоступной—ни много, ни мало—была нечѣмъ инымъ, какъ копіей не то академіи Кіевской, не то Московской славяно-латинской академіи. Кромѣ обученія русскому чтенію и письму, въ ней преподавались славянскій языкъ, латинскій языкъ, риторика. Для преподаванія латинскаго языка и риторики избранъ былъ, по особой рекомендаціи, одинъ изъ лучшихъ учениковъ славяно-греко-латинской академіи, Иванъ Змилевскій, который вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ быть вторымъ священникомъ домовою церкви князя Черкаскаго. Въ этой церкви два священника по очереди совершали богослуженіе два раза въ недѣлю, кромѣ дней воскресныхъ и праздничныхъ, сказывая при этомъ каждый разъ поученія; Змилевскій, кромѣ того, обязывался имѣть полное смотрѣніе надъ учениками школы, «чтобы жили и поступали благочинно, въ надлежащіе дни ходили въ церковь къ утренѣ, литургіи и вечернѣ»; по субботамъ, особо отъ классныхъ уроковъ, Змилевскій обязанъ былъ толковать ученикамъ символъ вѣры, заповѣди и прочее, принадлежащее къ познанію христіанскаго закона. За всю эту службу Змилевскому назначалось содержаніе, по тому времени весьма щедрое: при готовомъ помѣщеніи въ домѣ—деньгами 40 р. въ годъ, муки ржаной по 20 четвертей, пшеничной по 3 четверти, крупъ гречневыхъ по 2, а овсяныхъ или ячныхъ—по 3 четверти, солоду ячнаго по 6, ржаного по 4 четверти, гороху по 3, а овса по 12 четвертей, мяса по 12 пудовъ, да барановъ съ овчинами по 10 въ годъ, вина простого по 3, а водки—по 1 ведру, дровъ по двѣ сажени, масла коровья по 3 пуда, масла коноплянаго по 2 ведра, рыбы соленой по 1 пуду въ годъ. Князь А. М. Черкасскій былъ, очевидно, русскій меценатъ въ родѣ боярина Ртищева.

V.

Отношенія помѣщиковъ къ священникамъ: Сытинъ и Ржевскій.—Монастырскіе «управители» и ихъ значеніе въ народной исторіи.—Отставные служивые времени Петра I: Евстратовъ и Лихаревъ.—Учительница дѣтей фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева.—Матросъ Гуляевъ.—Приказный Военной Коллегіи Галкинъ.—Стольникъ Мякиннинъ и солдатъ Титовъ.—Стольникъ Порошинъ.—Романъ монахини Маргариты.—Монастырскій «бунтовщикъ».

Въ VIII томѣ есть нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о дикихъ нравахъ лицъ изъ образованнаго сословія того времени и о крайне униженномъ положеніи, по отношенію къ помѣщикамъ, бѣдныхъ сельскихъ священниковъ. Погъ города Старицы Алексѣй Васильевъ былъ приглашенъ помѣщикомъ Сытинымъ въ его имѣніе отслужить литургію въ его церкви, послѣ чего помѣщикъ позвалъ его къ себѣ на обѣдъ. Послѣ обѣда, приказавъ своимъ людямъ запереть всѣ ворота и двери, Сытинъ началъ «бить о. Алексѣя, и увѣчить его, нагого, мучительски и ругательски, дубьемъ, плетью и топтунками, изодралъ его суконную рясу и кафтанъ китайчатый...» По жалобѣ о. Алексѣя въ Старицкую воеводскую канцелярію, его осматривали и нашли, что лицо его исцапано, грудь вепухла, спина и бока изстеганы и синебагровы. Однимъ осмотромъ избитаго канцелярія и ограничилась, въ то время какъ о. Алексѣй «лежалъ при смертной кончинѣ». Синодъ сообщилъ о поступкѣ Сытина Сенату, требуя разслѣдованія и сатисфакціи, но была ли дана таковая изъ дѣла не видно.

Подобные факты, en masse, сдѣлались извѣстными, въ 1728 г., въ Смоленской епархіи. Епископъ Гедеонъ доносилъ, что смоленская шляхта и другихъ чиновъ многіе помѣщики причетниковъ, дьяконовъ и священниковъ, бьютъ безвинно дубинами, тростями, плетью и всякими прочими побоями, безъ всякаго милосердія, держатъ въ цѣпяхъ и въ кандалахъ, отнимаютъ данныя имъ съ давнихъ поръ вмѣсто руги земли, такъ что въ Смоленской епархіи въ священнослуженіи и совершеніи требъ происходитъ не малая остановка. Помѣщикъ села Леташева, отставной полковникъ Василій Ржевскій, имѣлъ обыкновеніе требовать къ себѣ въ домъ по ночамъ мѣстнаго священника, Ивана Иванова, — тотъ не осмѣливался отказываться отъ приглашенія, — специально для того, чтобы бранить его всякою скверною бранью, бить смертнымъ боемъ; а молодую жену мѣстнаго дьячка, сына священника Иванова, Сытинъ бралъ по ночамъ же силою въ свой дворъ «незнаемо для чего»; о. Иванъ долго терпѣлъ и не жаловался. Наконецъ, 6-го ноября 1728 г., послѣ литургіи, Ржевскій, призвавъ къ себѣ того попа на обѣдъ, по окончаніи обѣда безъ всякой причины билъ его смертнымъ боемъ палкою, трепалъ за волосы и, наконецъ,

взявъ ножницы, остригъ ему бороду и усы. Такъ какъ при этомъ присутствовали крестовый попь Ржевскаго, да съ сосѣднихъ желѣзныхъ заводовъ иноземцы Янъ Янусовъ и Николай Вахромѣвъ, обучавшій сына Ржевскаго, то о. Иванъ рѣшился на этотъ разъ пожаловаться на обидчика, ссылаясь на упомянутыхъ лицъ, какъ на свидѣтелей. По осмотру оказалось, что усы и борода у о. Ивана дѣйствительно обстрижены, а на спинѣ и плечахъ у него багрово. Билъ Ржевскій о. Ивана, принуждая его пить и при каждомъ ударѣ приговаривая: «пей-ка, пей, такая твоя мать!» 15-го января 1729 г. Ржевскій и попь Иванъ подали въ Синодъ мировое прошеніе: о. Иванъ прощаль нанесенныя ему обиды, если Ржевскій внесетъ на церковь села Леташева сто тридцать рублей, на чтѣ Ржевскій соглашался. Но 5-го августа 1730 г. сынъ о. Ивана, дьяконъ села, донесъ Синоду, что отецъ его, бывъ позванъ къ Ржевскому яко-бы для причащенія больной жены его управителя, былъ имъ убитъ, что малолетсваецкій воевода, которому донесено было о томъ, велѣлъ погребсти убитаго не производя разслѣдованія, хотя самъ убійца сознавался въ преступленіи, уговаривая дьякона-доносчика на него не жаловаться. Св. Синодъ передалъ это доношеніе дьякона Иванова для разслѣдованія дѣла въ Сыскной Приказъ (690).

Монастырскіе «управители», въ родѣ упоминаемаго въ дѣлѣ Софронія Лихуда Панкрата Иванова, были настоящимъ бѣдствіемъ для монастырскихъ крестьянъ. Въ дѣлахъ Синодальнаго архива за 1721—1728 г. находится масса жалобъ и со стороны крестьянъ и отъ настоятелей монастырей на ихъ злоупотребленія. Такъ, староста села Большаго Рогачева съ товарищи, рѣшаясь хлопотать предъ Синодомъ объ отпискѣ отъ Троице-Сергіева монастыря монастыря Пѣсношскаго, которому принадлежало, въ числѣ другихъ деревень, и Рогачево, жаловался, что со времени приписки монастыря Пѣсношскаго къ Троице-Сергіеву, сверхъ прежней работы и денежныхъ сборовъ для монастыря Пѣсношскаго, на нихъ наложено вновь многое излишество, и отъ присылаемыхъ монастырскихъ служителей чинятся имъ всякіе убытки и разореніе, что въ собранныхъ съ нихъ деньгахъ собиратели не даютъ имъ росписокъ, а бить за то на нихъ челомъ имъ, крестьянамъ, негдѣ и не смѣютъ, боясь, дабы, злобствуя, ихъ не разорили до конца. Синодъ не уважилъ просьбы крестьянъ объ отпискѣ отъ Троице-Сергіева монастыря монастыря Пѣсношскаго, которому бы одному и платились тѣми крестьянами пошрины, и это имѣло своимъ послѣдствіемъ открытый бунтъ крестьянъ Рогачева и другихъ деревень противу собирателей податей, присланныхъ изъ монастыря Сергіева. Въ 1729 году власти Сергіева монастыря жаловались на крестьянъ Пѣсношскаго монастыря, что они уже два года не платятъ Сергіеву монастырю никакихъ оброковъ; согласно ихъ просьбѣ въ Рогачево и прочія деревни Пѣсношскаго монастыря послана

была военная экзекуція (солдаты съ офицерами подъ начальствомъ подполковника Вавиловича), съ которою отправлено было письмо къ воеводѣ города Дмитрова майору Маслову съ просьбою оказать свое содѣйствіе экзекуціи, отправивъ съ своей стороны къ сопротивляющимся подъячаго. Возвратившись въ Сергіевъ монастырь Вавиловичъ донесъ его властямъ, что письмо Маслову онъ подалъ, но онѣй воевода сказалъ, что не только не пошлетъ къ нимъ въ Рогачевъ своего подъячаго, но и ему, подполковнику, ѣхать туда не велить, а если онъ съ солдатами туда поѣдетъ, и будетъ допрашивать съ крестьянъ тѣ монастырскіе сборы съ принужденіемъ, а онѣе крестьяне будутъ ему на то жаловаться, то когда онъ, Вавиловичъ, будетъ въ Сергіевъ монастырь возвращаться, они, крестьяне, будутъ его провожать, а онъ, воевода, встрѣчать, и отвезуть-де его, Вавиловича, куда онъ, воевода, знаетъ. — Въ 1728 г. архимандритъ Калязина монастыря жаловался Синоду, что комисаръ Василій Григоровъ, присланный въ вотчины монастыря для сбора оброка, билъ приказчиковъ, сотскихъ и выборныхъ этихъ вотчинъ смертнымъ боемъ безвинно, вымогая излишнее, что самъ онъ, а также прибывшіе съ нимъ его мать, жена, дѣти и служки, вымогали отъ крестьянъ великія взятки, отъ которыхъ взяткоѣ и несносныхъ налоговъ крестьяне пришли во всеконечную скудость и, побросавъ свои дома, разбѣжались, такъ что многія цѣлыя деревни запустѣли.

Подобнымъ же образомъ и по тѣмъ же причинамъ крестьяне Рождественскаго монастыря въ Торжкѣ просили объ отпискѣ ихъ монастыря отъ монастыря Борисоглѣбскаго: и съ нихъ, какъ съ крестьянъ Пѣсношскаго монастыря монастырскими свѣтскими управителями вымогались двойные оброки, въ пользу того и другого монастыря, такъ что отъ непомерныхъ поборовъ они пришли во всеконечную скудость. Отобравъ отъ крестьянъ всѣ деньги, управители затѣмъ поотбирали отъ нихъ хлѣбъ и всякіе припасы, такъ что, побросавъ свои дома, крестьяне разбрелись побираться Христовымъ именемъ, а много было изъ нихъ и поумиравшихъ голодною смертію. Подобныхъ фактовъ, неизвѣстныхъ не только первому историку крестьянства на Руси, покойному И. Д. Бѣляеву, но и новѣйшему его историку, В. И. Семевскому, въ восьми томахъ «Описанія» содержится очень много, такъ что изъ нихъ могъ бы составиться цѣлый томъ.

Какъ извѣстно, по силѣ указовъ императора Петра I, оставные солдаты, за не имѣніемъ инвалидныхъ домовъ, отсылались для пропитанія въ монастыри. Нельзя сказать, чтобы здѣсь положеніе ихъ всегда было хорошее и безбѣдное. Вотъ два факта, знакомящіе насъ съ судьбою Петровскихъ героев послѣ ихъ отставки... Солдатъ Иванъ Евстратовъ состоялъ въ дѣйствительной службѣ—въ Смоленскомъ и Ингерманландскомъ полкахъ—сорокъ

лѣтъ, былъ въ первомъ крымскомъ и второмъ азовскомъ походахъ, участвовалъ въ Полтавской битвѣ, имѣлъ нѣсколько ранъ и невывнутую пулю въ боку; затѣмъ былъ подъ Ригою, на турецкой акціи и на морѣ, какъ брали фрегаты, причемъ былъ раненъ въ ротъ и въ щеку, причемъ пули вынималъ у него самъ его императорское величество. Это ли не герой? Онъ ли не заслуживалъ, находясь въ глубокой старости, покоя и призраній? Однако, вотъ что съ нимъ произошло. Въ 1715 г. по смотру генераль-крихсъ-коммисара князя Долгорукова онъ уволенъ въ отставку, и шесть лѣтъ неизвѣстно чѣмъ существовалъ, — вѣроятно питался милостыней. Лишь въ 1723 г., по смотру генерала Чернышева онъ отосланъ былъ для пропитанія въ Болдинъ монастырь (Смоленской епархіи) съ назначеніемъ ему содержанія въ количествѣ 5 четвертей хлѣба и 5 рублей денегъ въ годъ. Но съ 1723 г. и по 1727 г. ни хлѣбнаго, ни денежнаго жалованья ему здѣсь не давали. Онъ побывалъ въ Смоленскѣ и жаловался тамъ архіепископу Филоею, но тотъ по прошенію его ничего не учинилъ, а когда возвратился въ монастырь, то намѣстникъ за то его прошеніе у архіерея билъ старца смертнымъ боемъ батогами, снявъ рубаху, и тростью, и выбросилъ его, еле живого, за монастырь. Оправившись отъ побоевъ, старецъ отправился жаловаться въ Москву, въ Свнодальную Каморь-Контору; жалоба его была уважена и ему было выдано жалованье за 1723 и 1724 годы, но не по 5 руб. за годъ, а лишь по 3 руб., а за 1725 г. лишь 2 руб. 50 коп. Въ ноябрѣ 1725 г. его препроводили на пропитаніе изъ Болдина монастыря въ Бизюковъ, но здѣсь опять жалованья ему не давали ни копѣйки — за 1725 г., 1726 и 1727 г. по той причинѣ, что указомъ велѣно давать ему жалованье не изъ Бизюкова, а изъ Болдина монастыря. По новой его жалобѣ посланъ былъ указъ изъ Каморь-Конторы къ комиссару Смоленской епархіи о выдачѣ Евстратову слѣдующаго ему жалованья, но этотъ указъ остался безъ исполненія, а архимандритъ Болдина монастыря хвалился даже, что если Евстратовъ снова явится за пропитаніемъ въ его монастырь, то онъ, архимандритъ, велитъ убить его до смерти. Тогда заслуженный доблестный воинъ рѣшился жаловаться въ Верховный Тайный Совѣтъ. Совѣтъ препроводилъ его жалобу въ Свнодъ; Свнодъ поручилъ разсмотрѣть ее тому же епископу смоленскому, который раньше уже отказался удовлетворить просьбѣ Евстратова, принявъ сторону архимандрита Болдина монастыря (очень извѣстнаго, по дѣламъ архива, не съ хорошей стороны) Флавіана. Филоей отвѣчалъ Свноду, что за отбытіемъ обоихъ архимандритовъ — болдинскаго и бизюковскаго — въ Москву, слѣдствія по жалобѣ Евстратова онъ произвести не можетъ. Свнодъ потребовалъ къ себѣ Евстратова вмѣстѣ съ архимандритомъ монастыря, и такъ какъ въ это время архіепископъ Филоей былъ смѣщенъ и отправленъ на жительство въ Нѣжинъ,

а на мѣсто его назначенъ Гедеонъ, бывшій ректоръ Московской славяно-греко-латинской академіи, человекъ просвѣщенный, то этому послѣднему и было поручено вновь разсмотрѣть жалобу Евстратова. А казалось бы что тутъ разсматривать? Дѣло ясное: монастырь долженъ былъ давать пропитаніе и жалованье заслуженному воину по точному смыслу закона и по силѣ даннаго указа. Какая резолюція была постановлена Гедеономъ, неизвѣстно.

Были, однако, и такіе случаи, что Синодъ не только охотно давалъ отставнымъ солдатамъ назначенное имъ содержаніе, но и назначалъ имъ для мѣстопробыванія тѣ монастыри, въ которыхъ жить изъявляли они желаніе сами,—обыкновенно ближайшіе къ ихъ родинѣ (—513).

Другой фактъ подобной исторіи Евстратова, представляетъ дѣло отставнаго сержанта Семеновскаго полка Лихарева. Онъ началъ службу еще въ потѣшныхъ, въ 1681 г., былъ въ «потѣхахъ» подъ Семеновскимъ, въ Переяславль-Залѣскомъ и подъ Кожуховымъ, былъ затѣмъ въ трехъ азовскихъ походахъ—на приступахъ и на вылазкахъ; подъ Нарвой былъ раненъ пулей въ плечо,—отъ той раны у него вывалилось девять костей при вырѣзываніи пули, которая сидѣла въ плечѣ семь мѣсяцевъ. Выздоровѣвъ отъ этой раны, онъ опять поступилъ въ строй и былъ въ походахъ: подъ Шлишенбургомъ, во второмъ нарвскомъ походѣ, въ польскихъ городахъ и въ Митавѣ; въ Гроднѣ сидѣлъ въ осадѣ отъ шведовъ, былъ въ сраженіяхъ подъ Головцынымъ, подъ Добрымъ, подъ Лѣснымъ, подъ Полтавою, подъ Переволочной, въ турецкой акціи, въ Помераніи, подъ Фридрихштадтомъ, подъ Штеиномъ и лишь въ 1715 г. за ранами получилъ отставку. Сослуживцы Лихарева были повышены въ рангахъ—кто произведенъ въ поручики, а кто и въ капитаны, а онъ лишь отосланъ «къ дѣламъ» въ Дворцовую Канцелярію. Какъ человекъ по тому времени образованный—грамматный, Лихаревъ просилъ Синодъ опредѣлить его для пропитанія въ подъячіе въ Троицкій монастырь. Синодъ отказался исполнить эту просьбу на томъ основаніи, что опредѣленія въ подобныхъ случаяхъ дѣлаются не по личнымъ прошеніямъ, а по доношеніямъ Военной Коллегіи.

1-го марта 1728 г. въ Синодальную канцелярію поступило прошеніе прибывшей изъ Кенигсберга дѣвки жидовской вѣры, Шарлотты Мейеръ, о томъ, что обученная въ малолѣтствѣ русскому языку и читая божественныя христіанскія книги, въ которыхъ греческое благочестіе сіяетъ, она убѣдилась въ истинности христіанскаго ученія, и такъ какъ потеряла уже и родителей и двухъ братьевъ, то желаетъ воспріять святое крещеніе. Личность и искренность желанія просительницы удостовѣрили чиновникъ канцеляріи отъ строеній Иванъ Алексѣевъ, купецкій человекъ Егоръ Иноземцевъ и посадскій Андрей Евдокимовъ. При соблюденіи всѣхъ про-

чихъ формальностей, просительница была крещена протопопомъ петербургскаго Троицкаго собора Іоанномъ Семеновымъ и получила имя Евдокіи. Но не прошло и недѣли послѣ того, какъ въ юстицъ-коллегію явился бывшій боцманъ грекъ Георгій Галатьяновъ и заявилъ, что новокрещенная — не жидовка, а природная русская, крѣпостная жены фельдмаршала графини Шереметевой, ея «верховая», бѣжавшая изъ дома фельдмаршала, по имени Ненила Емельянова. Это доношеніе подтвердилъ служитель Шереметевой, Коровинъ, по порученію графини отыскивавшій бѣжавшую и подававшій о сыскѣ ея челобитную въ московскую полиціейстерскую канцелярію. Призванная къ допросу въ юстицъ-коллегію и затѣмъ въ Синодальную канцелярію, Ненила созналась въ своемъ обманѣ и рассказала свои приключенія. Родилась она въ домѣ Шереметевой; лѣтъ пятнадцать тому назадъ она была отдана графиней въ Вознесенскій женскій монастырь старицѣ Евдокіи для обученія грамотѣ; выуча ея, старица опредѣлила учительницей къ дѣтямъ флотскаго капитана Захарія Данилова Мишукова; когда Мишуковъ съ семействомъ поѣхалъ въ Померанію, она послѣдовала за нимъ; тамъ, оставаясь въ продолженіе двухъ лѣтъ, она обучилась хорошо нѣмецкому языку. По возвращеніи въ Москву, Мишуковъ отдалъ ее обратно въ Вознесенскій монастырь той же старицѣ Евдокіи, отъ которой взяла ее къ себѣ обратно Шереметева и поручила ей обученіе собственныхъ дѣтей. Ненилѣ, однако, плохо жилось въ домѣ графа и въ почтенномъ званіи учительницы его дѣтей: она была все-таки крѣпостная графини, и въ штатѣ ея дома значилась не болѣе, какъ ея горничною — «верховою». «Опасаясь себѣ уничтоженія и отъ зависти другихъ служащихъ въ домѣ», писала Ненила, она, безъ вѣдома графини, ушла отъ нея и скрылась на первый разъ въ Нѣмецкой слободѣ у знакомаго ей купецкаго человека Григорія Холщевникова, который, впрочемъ, держалъ ее у себя лишь пока не огласилась молва о ея побѣгѣ. Не желая быть открытой и вновь возвращенной къ Шереметевой, она назвалась жидовкой Шарлоттой (на обратномъ пути изъ Помераніи она, вмѣстѣ съ Мишуковымъ, пробыла два мѣсяца въ домѣ жида Меэра Рыхтера въ Кенигсбергѣ, гдѣ и научилась манерамъ жидовокъ и порядкамъ ихъ жизни, такъ что изобразить изъ себя жидовку ей было очень легко) и уѣхала въ Петербургъ, имѣя спутницей солдатку Матрену Аверкіеву. Здѣсь она двѣ недѣли жила у служителя г. Салтыкова, Матвѣя, который принялъ ее къ себѣ по рекомендаціи дворецкаго князя Мих. Мих. Голицына; этотъ Матвѣй былъ крещенный еврей и не сомнѣвался, что Шарлотта дѣйствительно еврейка. Затѣмъ, рассказывала Ненила, недѣли три прожила она въ домѣ иноземца Христофора Иванова; наконецъ — недѣль пять въ домѣ Василія Опухтина, у упомянутой солдатки Аверкіевой. Въ числѣ жильцовъ въ домѣ Опухтина былъ канце-

лярить Иванъ Алексѣевъ, который, приходя къ Шарлоттѣ, склонялъ ее жить съ нимъ блудно. Она ему отвѣчала, что ей, не крестясь, оставаясь жидовкою, сожителствовать съ нимъ невозможно; тогда, съ согласія ея, Алексѣевъ написалъ челобитную въ Синодъ о крещеніи ея. Не сказала она при этомъ, что уже крещена, ради стыда и чтобы не обнаружить своего бѣгства отъ Шереметева. Живя у Матвѣя жидка, она, какъ и всегда послѣ, держала себя православной христіанкой, и втайнѣ въ совѣсти своей христіанскія молитвы исправляла, только образамъ не кланялась, чтобы показать себя жидовкою, а какое различіе между христіанствомъ и жидовствомъ она совершенно не вѣдаетъ и сказать не умѣетъ; жидовкою называлась отъ простоты своей, не вѣдая, что это грѣхъ; что таинство крещенія не повторяется, также не знала; въ этомъ своемъ неразуміи и грѣхѣ просить прощенія у его императорскаго величества и разрѣшенія отъ Синода. Синодъ опредѣлилъ: какъ Ненилу, такъ и всѣхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ—Алексѣева, Обезьянинова, Иноземцева, Аверкіеву—отослать въ юстицъ-коллегію для жестокаго наказанія по градскимъ законамъ, дабы впредь другимъ на то глядя чинить такъ было неповадно.

Русскій корабль «Кронделивдъ» шелъ мимо Копенгагена; здѣсь ему понадобился штурманъ, за которымъ и послана была въ городъ шлюпка съ матросомъ Петромъ Гуляевымъ. Выйдя на берегъ, Гуляевъ неожиданно встрѣтилъ здѣсь двухъ земляковъ, русскихъ солдатъ, убѣжавшихъ изъ отечества и по волѣ своей постушившихъ въ датскую королевскую службу въ одномъ изъ копенгагенскихъ полковъ. Земляки уговаривали его послѣдовать ихъ примѣру. Они пришли къ третьему русскому эмигранту, бывшему солдату Преображенскаго полка Герасиму; здѣсь продолжали его уговаривать не только перейти въ датскую службу, но и принять тамошнюю вѣру—обратиться въ лютеранство. Земляки, по случаю радостной встрѣчи, изрядно выпили; затѣмъ полупьянаго Гуляева привели къ поручику датскаго «финскаго полка», который записалъ его въ датскую службу, взявъ съ него присягу въ вѣрности датскому королевскому величеству. Кстатѣ съ него взяли при этомъ и отреченіе отъ православной вѣры и онъ принялъ причастіе отъ лютеранскаго пастора. Изъ дѣла не видно, когда и какимъ образомъ Гуляевъ затѣмъ возвратился въ отечество, гдѣ подалъ покаянное прошеніе, былъ воссоединенъ съ православною церковію и вновь поступилъ на службу.

Одно изъ оригинальныхъ явленій въ области духовно-религіозной жизни того времени представляетъ нѣкто Иванъ Галкинъ. Съ 1707 г. онъ служилъ въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, съ 1719 г. находился въ военной коллегіи, у дѣлъ шведскихъ полоняниковъ, имѣлъ семейство—самъ пять. Внезапно заболѣвъ, и страдая затѣмъ разными болѣзнями, отъ которыхъ ни-

как не могъ освободиться, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что тѣ болѣзни постигли его вслѣдствіе «наложенія» на него кѣмъ-либо «молитвы и клятвы». Исповѣдуясь и причащаясь повсягодно, онъ тщетно старался узнать отъ духовниковъ, отъ кого наложена та клятва и молитва, такъ какъ отцы духовные ничего не могли сказать ему по этому предмету. Болѣзни продолжались, работать онъ не могъ, обѣднѣлъ и не зналъ, чѣмъ кормиться. Продолжая думать, что причина его болѣзней и бѣдъ — наложенная на него отъ духовнаго чина клятва, которая и гнететъ его денно и ночью, неослабно, уже семь лѣтъ, хотя о той клятвѣ ни откуда ему указа не объявлено, и никакимъ правительственнымъ учрежденіемъ не показано правильныхъ государственныхъ причинъ той клятвы, онъ рѣшился обратиться въ Верховный Тайный Совѣтъ съ прошеніемъ о томъ, что ежели клятва та наложена Синодомъ, то чтобы повелѣно было оную съ него снять или по крайней мѣрѣ объяснить причины и вины ея и велѣть Синоду его освидѣтельствовать. Въ Верховномъ Совѣтѣ ему объяснили, что съ такимъ прошеніемъ ему слѣдуетъ обратиться въ Синодъ. Синодъ призвалъ его въ свое собраніе и «увѣщеваль», но и по увѣщаніи Галкина утверждалъ, что, несомнѣнно, на немъ тяготѣетъ клятва отцовъ духовныхъ и другихъ причинъ его бѣдъ нѣтъ и не можетъ быть. Синодъ, не находя въ немъ какихъ-либо признаковъ помѣшательства и признавая его вполне въ здоровомъ умѣ, опредѣлили дѣло по его просьбѣ обратитъ снова въ Верховный Тайный Совѣтъ, а пока держать его неизменно подъ карауломъ при Синодѣ. Призванный предъ собраніе Верховнаго Тайнаго Совѣта, Галкинъ и здѣсь продолжалъ утверждать прежнее и слезно просилъ о снятіи съ него ничѣмъ не заслуженной имъ клятвы. Тайный Совѣтъ пришелъ къ убѣжденію, что онъ «въ несостоятельномъ умѣ», о каковомъ своемъ мнѣніи и извѣстилъ Синодъ. Синодъ опредѣлили: подъ арестомъ Галкина болѣе не держать, и велѣть отцамъ его духовнымъ по часту къ нему на домъ приходитъ, и наставлять о всемъ, въ чемъ онъ сомнѣніе имѣетъ, представляя резоны отъ св. Писанія.

Стольникъ Иванъ Макининъ былъ въ ссорѣ съ солдатомъ Преображенскаго полка Василиемъ Титовымъ. Однажды послѣдній, въ присутствіи двухъ офицеровъ полка, сказалъ Макинину, что у него образъ Богородицынъ подъ пятою. Услышавъ такую «богомерзость», стольникъ пришелъ въ «жестокое недоумѣніе», и просилъ тѣхъ офицеровъ осмотрѣть его, «понеже то дѣло важное, касающееся къ Божеству, которое не токмо чинить, но и помыслить страшно». Офицеры велѣли денщику разуть Макинина и осмотрѣть стопы его ногъ. Макининъ просилъ и всего его обнажить и освидѣтельствовать. Богородица образа ни подъ пятою, ни вообще на тѣлѣ Макинина не оказалось. Тогда Макининъ принесъ жа-

лобу на Титова въ Сѹнодь, прося поступить съ нимъ по законамъ. Сѹнодь отнесся къ дѣлу вполне серьезно: опредѣлилъ «допросить Титова и изслѣдовать все обстоятельно и достовѣрно», для чего посланъ былъ указъ въ Преображенскую канцелярію о присылкѣ Титова въ Сѹнодальную канцелярію.

Стольнику Якову Порошину (вѣроятно дѣдъ извѣстнаго автора знаменитыхъ мемуаровъ) въ 1714 г. были вырваны ноздри и онъ былъ посланъ въ каторжную работу. Въ іюнѣ 1721 г., по случаю мира съ Швеціею, вмѣсто ссылки въ Тобольскъ, по его прошенію, ему велѣно постричься въ монашество. До 1728 г. онъ, однако, этого не исполнилъ и свободно проживалъ въ имѣніяхъ своего сына, въ селѣ Масловѣ, Московскаго уѣзда и въ селѣ Пустошкѣ, Мещовскаго уѣзда. Сѹнодь, узнавъ о томъ, распорядился сыскать его, чтобы приговоренный къ монашеству не оставался мірскимъ человѣкомъ. Найденный въ Москвѣ, въ домѣ своего сына, Порошинъ объявилъ посланнымъ, что явится въ Сѹнодь «собою», однако не пришелъ. Когда посланные явились вторично, его уже не нашли въ домѣ. Позже, однако, Порошинъ самъ обратился въ Сѹнодь съ просьбою о постриженіи его въ монашество въ Высоцкомъ Серпуховскомъ монастырѣ.

VI.

Князь и княгиня Вяземскіе.—Флигель-адъютантъ Щербининъ.—Копіистъ Алексѣинцевъ и мельничный мастеръ Симаковъ.—Купецъ Лалтевъ и его жена.

30-го мая 1728 г. генераль-маіоръ князь Василій Матвѣевичъ Вяземскій и жена его Марья Васильевна подали въ Сѹнодь прошеніе, въ которомъ писали, что онъ, князь, женился на нынѣшней женѣ своей вторымъ бракомъ, и она вышла за него замужъ будучи вдовою, осмнадцать лѣтъ тому назадъ; оба они обрѣтаются въ престарѣлыхъ лѣтахъ, къ тому жъ онъ, князь, въ службахъ израненъ, да и она, княгиня, за старостію, бываетъ въ частыхъ болѣзняхъ. Того ради положили они между собою любовное намѣреніе другъ съ другомъ отъ супружества разлучиться и того разлученія она, княгиня, желаетъ безъ принужденія, почему и просятъ ихъ развести. Сѹнодь опредѣлилъ 8-го іюня: супруговъ Вяземскихъ допросить въ подтвержденіе обстоятельно Духовной Дикастеріи, при архимандритѣ Знаменскаго монастыря Серапіонѣ и при духовномъ отцѣ княгини: Вяземскій жену свою отъ супружества отрѣшаетъ по любовному ли общесогласію, за немощами и древностію и не изъ принужденія ли; княгиня поручала ль прошеніе свое за себя подписывать внуку своему, лейб-регимента поручику князю Якову Шаховскому, и подлинно ль

отъ мужа къ тому разлученію нѣтъ никакого принужденія, и по разлученіи жительство гдѣ она имѣть будетъ. На допросѣ, произведенномъ въ ихъ домѣ архимандритомъ Серапіономъ, въ присутствіи духовника княгини, при секретарѣ Алексѣѣ Волковѣ, супруги подтвердили свое письменное прошеніе и удостовѣрили добровольное свое согласіе на разводъ. Княгиня присоединила къ тому, что жить она послѣ развода будетъ въ имѣніяхъ своихъ въ Старицкомъ, Ржевскомъ и Ярославскомъ уѣздахъ. Сѣнодъ, принявъ во вниманіе соотвѣтственныя церковныя и гражданскія узаконенія, опредѣлил: онымъ генераль-маіору князю Василию Вяземскому и княгинѣ Марьѣ Вяземской по самовольному ихъ желанію ради вышепоказанной старости и частыхъ ихъ болѣзней, по силѣ словъ апостола Павла 1 Кор. VII, 10, 11 и правилъ св. отцевъ, въ Кормчей напечатанныхъ, отъ законнаго супружества другъ отъ друга быть свободнымъ, токмо по вышеозначеннымъ словамъ апостола и отеческимъ правиламъ, какъ ему, князю, иныя жены въ супружество не понимать, такъ и княгинѣ Марьѣ за иного мужа не посягать, но жить коемуждо особно безбрачнымъ, и беззаконныхъ, правиламъ противныхъ, никакихъ дѣлъ имъ не чинить, и въ томъ обязать ихъ письменно по надлежащему съ рукоприкладіемъ, подѣ страхомъ правильнаго за несодержанье по тому самовольному своему разлученію въ церковное покаянье приведенія и достойнаго запрещенія и наказанія, а въ Москвѣ учинить заказъ, что ежели кто изъ нихъ впредь дерзнетъ къ брачному приступити бракосочетанію, то священникамъ ихъ оного не вѣнчать подѣ опасеніемъ лишенія священства безъ всякаго упущенія, и о томъ въ Духовную Дикастерію послать указъ. Въ слушаніи и исполненіи этого постановленія Сѣнода князь и княгиня дали собственноручныя росписки.

Флигель-адъютантъ генераль-фельдмаршала князя Василя Владиміровича Долгорукаго Андрей Григорьичъ Щербининъ, прикомандированный къ Азовскому полку, находившемуся въ составѣ низоваго корпуса, отправился вмѣстѣ съ полкомъ въ іюлѣ 1722 г. на происходившую въ то время войну съ Персіей и затѣмъ находился въ гарнизонѣ новозавоеванныхъ городовъ до 1728 г. Молодая жена его, урожденная Афросимова, оставалась на попеченіи его матери и проживала въ ихъ родовомъ имѣніи въ Псковской губерніи. Какъ ни строго смотрѣла свекровь за невѣсткой, послѣдняя «не соблюла себя» и измѣнила мужу — «жила блудно съ его человѣкомъ, Ананіемъ Θεоновымъ, да кромѣ того, съ человѣкомъ поручика Михайлы Чихачева, прижила съ Ананіей сына, котораго отдала тайно на воспитаніе крестьянину сосѣдняго помѣщика Козодавлева, и, кромѣ того, самое имѣніе мужа привела во всеконечную скудость. Мать въ письмахъ къ сыну въ Персію доносила ему объ этихъ его семейныхъ несчастіяхъ. Возвратившись

Щербининъ подалъ въ Сѹнодь прошеніе о разводѣ, хотя жена слезно умоляла его о прощеніи. Сомнѣнія въ виновности быть не могло: кромѣ ея собственнаго сознанія и доноса ея свекрови, о нарушеніи ею супружеской вѣрности свидѣтельствовали собственный отецъ виновной и ея духовникъ. Тѣмъ не менѣе Сѹнодь поручилъ—по мѣсту ея жительства, Псковскому архіерею—произвести разслѣдованіе. Щербинина была взята архіерейскими подъячими изъ своего имѣнія и привезена въ Псковъ, гдѣ произведенъ былъ судъ по формѣ, послѣ котораго, по силѣ правилъ, она была отлучена отъ супружества съ мужемъ, ей запрещено впредь вновь посягать замужъ и велѣно отнюдь неблудодѣйствовать, и, кромѣ того, велѣно ей исполнить духовное покаяніе и оставаться затѣмъ въ домѣ своихъ родителей подъ строгимъ надзоромъ.

Мельничнаго дѣла мастеръ Филиппъ Симаковъ былъ одинъ изъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», человѣкъ ученый: въ 1718 году «для разныхъ наукъ» онъ, вмѣстѣ съ другими, посылался правительствомъ въ Голландію; по возвращеніи оттуда ему даны были особья права — онъ носилъ шпагу и имѣлъ особенную форменную одежду, присвоенную его роду службы — ученаго техника. Кругъ его знакомыхъ въ Петербургѣ состоялъ изъ подобныхъ ему ученыхъ техниковъ-спеціалистовъ—въ числѣ ихъ были «мастеръ ботоваго дѣла» Грабленовъ и «академическій геодезистъ» Герасимовъ. Онъ завѣдывалъ ижорской пильной мельницей; ему же, между прочимъ, поручено было устройствомъ казенной пильной мельницы въ петербургской гавани. Но вмѣстѣ съ европейскими техническими знаніями онъ привезъ съ собою съ запада и европейскіе нравы. Однажды, придя въ гости къ кошісту Сарваевской оберъ-конторы (адмиралтейскаго вѣдомства) Алексѣинцеву, Симаковъ «выпросился у него пожить малое время» и пробывъ «около мѣсяца», дурно отблагодарилъ его за гостепримство: «учинилъ ему пакость—сжился съ его женою блудно», и былъ пойманъ Алексѣинцевымъ на мѣстѣ преступленія.... Алексѣинцевъ подалъ жалобу въ Сѹнодь. На допросѣ въ Сѹнодальной канцеляріи и предъ мужемъ виновная Алексѣинцева доказывала, что Симаковъ долго ее обольщалъ прежде, чѣмъ она пала, и склонилъ ее ко грѣху, напоивъ ее виномъ; Симаковъ починъ грѣха приписывалъ самой Алексѣинцевой. Начался уже судъ по формѣ; какъ вдругъ, неожиданно для судей, въ простомъ русскомъ человѣкѣ заговорили добрая русская душа и христіанскій разумъ: 11 декабря оскорбленный мужъ подалъ въ Сѹнодь новое прошеніе, въ которомъ объяснялъ, что «не желая перваго, отъ Бога дарованнаго къ совокупленію законнаго брака, вѣнца оставить», онъ простилъ Симакову его вину съ тѣмъ, чтобы онъ поношенія женѣ его никакого, ни письменнаго, ни словеснаго, не производилъ, въ чемъ Симаковъ и далъ ему обязательство. Несмотря, однако, на то, Сѹнодь постановилъ: жену Алексѣинцева, осво-

бодивъ изъ-подъ-ареста, отдать мужу въ супружество попрежнему, такъ какъ хотя она и виновна въ прелюбодѣяніи, но мужъ ее прощаетъ и разлученія съ нею имѣть не хочетъ, почему Синодъ и предоставляетъ на его волю требовать развода съ нею, или, наказавъ ее, продолжать съ нею сожителъствовать; что же касается Симакова, то его наказать въ Синодальной канцеляріи плетью безъ пощады; затѣмъ обоихъ прелюбодѣевъ отдать подъ наблюденіе отцовъ ихъ духовныхъ и подъ епитимію.— Въ слѣдъ за этою резолюціей, данной архіепископомъ Пителимомъ, значится дополненіе, писанное рукою секретаря: «а лучшаго ради отъ поползновенія удержанія, наказать и прелюбодѣйцу плетью при Синодѣ неотложно».

Житель Конюшенной слободы въ Москвѣ, Семень Лаптевъ, женился на дочери купецкаго челоуѣка Макара Алексѣева; послѣ девятимѣсячнаго ихъ сожителъства неожиданно оказалось, что жена Лаптева—раскольница. Послѣ свадьбы къ ней по-часту приходили дочь оброчнаго крестьянина дворцоваго села Покровскаго, Кирилла Константинова, Катерина, да невѣдома какая кривая дѣвка, Кузьмина дочь. Уходя изъ дома Лаптева, эти дѣвки, какъ доносили Лаптевъ, каждый разъ уносили съ собою что-либо изъ его имущества, а наконецъ и жена его отпросилась у мужа яко бы къ обѣднѣ въ церковь св. Николая, что на Пупышевѣ, забравъ съ собою свой скарбъ и значительную часть денегъ мужниныхъ, всего, по показанію Лаптева, на 528 руб., бѣжала и скрылась невѣдомо гдѣ, оставивъ мужу, матери, сестрамъ и бабкѣ письма, въ которыхъ просила ихъ ее не искать.

«Вселюбезнѣйшій мой государь сожителъ, преблагой буди ко мнѣ грѣшней рабѣ твоей Парасковѣ Марковой, какъ милостивъ Отецъ нашъ небесный до своихъ людей: прошу тебя пожалуй умилосердися ради свѣта Христа, не ищи меня, но оставь Господу моему молитися о грѣхахъ моихъ и не тужи; да управить Господь путь нашъ предъ собою... Я тебѣ нарокомъ сказывала, что брюхата... А хотя ты меня и найдешь, то я съ тобою не хочу жить и ты изволь себѣ другую присокупить. Да еще тебѣ доношу Семень Логиновичъ, буде хочешь меня съ пути совратить, то я тебѣ жива въ руки не дамся, либо утоплюсь, либо желѣзу предамся... Съ тобою не хочу жить, хочу себѣ спасеніе получить. Меня ничто не можетъ отъ любви Христовой отвратить: ни страхъ, ни мука, ни огонь, ни вода: пожалуй Христа ради, побойся Бога, полно тебѣ, того ты не знаешь, что сегодня живъ, завтра умерь... Миръ тебѣ. Прощенія прошу». «Вселюбезный мой сожителъ, своею рукою тебѣ пишу: яви милость на мнѣ рабѣ твоей... оставь меня грѣшную Богу работати... Развѣ тебѣ того хочется, чтобы меня на площадѣ въ срубѣ сожгли: то я рада пострадати». «Государыня матушка! въ милости Божіей живи, да за насъ Бога моли.

Обо мнѣ не тужи, Господь управить путь нашъ предъ собою... Хотя меня и приведете къ мужу, узрѣте вскорѣ мертву... Итакъ я васъ потѣшила, что дѣвство свое растлила. Господь меня избавилъ отъ прелести прелестнаго свѣта. Пожалуй, свѣтъ мой, радость моя, не плачь по мнѣ... только возведи печаль ко Господу, да подасть тебѣ вѣдѣти, гдѣ мы живемъ... Кто мене отъ любви Христовы можетъ отлучити? Ни огненное прещеніе, ни водное топление, ни грозное прещеніе и страшное мученіе. Я вить вамъ говорила, когда я грѣшная еще у васъ жила: не можно мнѣ ради отца и матери Христовой любви отречься, (еще) тогда я только положила обѣщаніе на себя, что се меня Господь увидѣлъ, не дѣла моя, но помыслы сердца моего исправилъ, и управилъ путь мой предъ собою. Азъ грѣшная и говорити сего недовольна—только у Господа милости прошая, къ Нему рудѣ свои воздѣваю и гласъ на небо возсылаю, да подасть намъ мирно жити и сокровенную радость отъ любимаго Христа желаемаго получитьи. Яко ко Господу прибѣгнувъ, всѣхъ золь отбѣгнемъ». «Государыня моя бабушка, живи въ милости Божіей, да за насъ Бога моли». «Государыня моя сестрица, съ сожителемъ своимъ и съ чады, живите, да Бога молитесь. Парасковья Маркова Лихачева кланяюся». «Вселикобная моя государыня матушка! со слезами я тебя прошу, къ ногамъ твоимъ припадаю. Прости ради Христа! Во всемъ была тебѣ досадница, во всемъ я тебѣ согрубительница, въ словахъ и дѣлахъ. Прости меня! Либо намъ видѣться, либо нѣтъ, да не плачь о мнѣ, моя государыня, только Богу молися. Миръ вамъ даю и прощенія прошу, а сама въ путь свой иду. Аминь».

Прилагая эти письма, Лаптевъ просилъ позволенія жениться на другой, такъ какъ безъ того ему прожить невозможно: отъ роду онъ имѣлъ 33 года, и безъ жены ему, купецкому человѣку, во время отлучекъ для купецкаго промысла, за его имуществомъ присмотрѣть некому. На справку по этому прошенію канцелярія выписала изъ Кормчей правила собора Гангрійскаго 9 и 12, Василия В. 9-е и 35-е съ толкованіями, «новыхъ заповѣдей» Юстиніана, гл. 44, § 4, и грани 13 гл. 3, закона градскаго §§ 9 и 10. Синодъ жениться вторично Лаптеву не позволилъ, такъ какъ для совершеннаго развода правильной вины о своей женѣ онъ не показалъ, объявивъ токмо, что она отъ него бѣжала, а гдѣ она обрѣтается не сыскалъ, а только письма ея, содержащія нѣкакія угроженія, представилъ; почему ему, Лаптеву, слѣдуетъ ту его утекшую жену сыскивать, а кромѣ ея на другой весьма не жениться.

Унтеръ-лейтенантъ Преображенскаго полка, Иванъ Казимеровъ, въ декабрѣ 1726 г., за прелюбодѣянiе своей жены былъ разведенъ съ нею съ позволеніемъ вступить ему въ бракъ вторично, на что выданъ былъ ему изъ тѣнскаго конторы Синода «аттестатъ». 3-го ноября 1728 г., онъ подалъ въ Синодъ прошеніе, въ которомъ

объяснял, что возимѣль намѣреніе жениться вторично, а вѣчной памяти ему не даютъ. 20-го ноября, преосвященный Теофанъ словесно объяснилъ, что, какъ дошло до его свѣдѣнія, Казимеровъ повѣнчался уже безъ вѣчной памяти, увѣривъ священника въ разрѣшеніи на такое повѣнчаніе отъ него, Теофана, сказанномъ, будто бы, чрезъ состоящаго при немъ іеродіакона Адама, но что на самомъ дѣлѣ онъ, Теофанъ, такого разрѣшенія не давалъ, и та клевета произносится на него отъ непотребныхъ и честь его повреждающихъ людей. По изслѣдованію оказалось, что Казимеровъ дѣйствительно повѣнчанъ на иноземкѣ вдовѣ Софьѣ Эверсъ, священникомъ Алексѣемъ Безсоновымъ. Синодъ призналъ бракъ этотъ незаконнымъ и опредѣлилъ Безсонова отрѣшить отъ мѣста и послать въ монастырь на мукомольные труды, а бракъ расторгнуть. Казимеровъ, на время производства дѣла уѣзжавшій въ свое помѣстье вмѣстѣ съ женой, явившійся неожиданно въ Синодъ, объявилъ, что онъ надѣется жену свою обратить въ православіе и дѣтей отъ нея будетъ крестить въ православной вѣрѣ и просилъ рѣшеніе о разводѣ его второго брака отмѣнить. Синодъ, въ виду этихъ заявленій, призналъ бракъ дѣйствительнымъ. Одновременно съ этимъ и Безсоновъ, по ходатайству прихожанъ, которые доносили, что онъ служа при ихъ церкви безпорочно многіе годы, о церковномъ строеніи и украшеніи имѣлъ радѣніе старательное, и что онъ имъ впредь угоденъ, былъ вновь опредѣленъ къ церкви св. Николая, что въ Москвѣ, за Покровскими воротами.

Подобныхъ ненормальныхъ явленій въ семейномъ быту крестьянства, вытекавшихъ изъ условій крѣпостного права, указывается въ дѣлахъ за 1728 годъ еще нѣсколько.

Въ своей статьѣ мы отнюдь не имѣли въ виду исчерпать все интересное содержаніе VIII тома «Описанія Синодальнаго архива», желая лишь сообщить читателямъ понятіе о томъ историческомъ матеріалѣ, какой въ немъ содержится. Думаемъ, что вышеизложеннаго для этой цѣли вполне достаточно. Позволяемъ себѣ еще разъ повторить сказанное вначалѣ: почтенное изданіе Высочайше учрежденной Синодальной архивной комиссіи вполне заслуживаетъ того, чтобы въ наличной исторической нашей литературѣ занять мѣсто на ряду съ другими первоисточниками отечественной исторіи.

Н. Барсовъ.

ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ НАРОДНЫХЪ КАРТИНЪ.

ОМИТЕТУ Грамотности, въ нынѣшнемъ году, пришла весьма счастливая мысль — устроить въ зданіи Вольно-Экономическаго Общества первую выставку «народныхъ картинъ». Въ указателѣ, изданномъ для обзора этой оригинальной выставки, сказано, что она имѣеть цѣлью «ознакомить съ современными картинами этого рода, показать тѣ успѣхи, которые сдѣланы въ ихъ исполненіи, и тѣмъ самымъ способствовать установленію правильного на картины взгляда и ихъ улучшенія, какъ со стороны художественной, такъ и со стороны воспитательной и учебной». Въ виду этой цѣли, на выставку «народныхъ картинъ» принимались картины по слѣдующимъ отдѣламъ:

I. Старинныя лубочныя картины. II. Народныя картины религіознаго содержанія, почерпнутыя какъ изъ св. Писанія, такъ и изъ отеческихъ книгъ и преданій. III. Народныя картины нравственнаго содержанія, изображающія гибельныя послѣдствія пороковъ, высокое преимущество добродѣтели и т. д. IV. Народныя картины, изображающія притчи и сказанія. V. Народныя сатиры и карикатуры. VI. Картины историческаго и географическаго содержанія (виды городовъ и монастырей; сцены изъ военного быта и т. д.). VII. Картины естественно-историческаго содержанія. VIII. Портреты историческихъ лицъ. IX. Дѣтскія картины. X. Народныя картины, изданныя за границею (въ особенности изданныя для распространенія въ Россіи).

Особыми заявленіями къ участию въ выставкѣ приглашены были частныя лица, владѣтели коллекцій, учрежденія, составители и издатели картинь, какъ въ Петербургѣ находящіеся, такъ и иногородные. Экспонентамъ были назначены награды отъ Комитета Грамотности въ видѣ большихъ и малыхъ серебряныхъ медалей, медалей бронзовыхъ и похвальныхъ листовъ.

Приглашенія къ участию въ выставкѣ были разсланы нѣсколько поздно, да и самая выставка «народныхъ картинь» явилась такою небывалою у насъ новинкою, что очень многіе собиратели и производители «народныхъ картинь» не успѣли своевременно прислать свои экспонаты на выставку; многіе отнесли къ этому важному дѣлу съ нѣкоторыми недовѣріемъ и даже небрежностью, и намѣренно уклонились отъ участія въ выставкѣ... Но, несмотря на все это, выставка оказалась весьма любопытною, довольно полною и въ многихъ отношеніяхъ настолько поучительною, что о ней несомнѣнно слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, такъ какъ народныя картины, очевидно, являются весьма важнымъ элементомъ народнаго воспитанія.

Прежде, чѣмъ дать вполне ясное понятіе о современномъ положеніи народныхъ картинь въ Россіи, необходимо нѣсколько оглянуться назадъ. Несомнѣннымъ, прежде всего, является тотъ фактъ, что значеніе народной картины, въ данное время, совершенно измѣнилось, отчасти потому, что измѣнилась самая среда, для которой народная картина создается. Если сравнимъ, по сюжетамъ, коллекціи старинныхъ лубочныхъ картинь съ составленными въ послѣднее время обширными коллекціями народныхъ картинь, то намъ бросится въ глаза не только иной выборъ сюжетовъ, иная обработка ихъ, но даже вообще — иное направленіе во всей массѣ этого низкопробнаго художественнаго матеріала. Даже и съ перваго взгляда на новыя коллекціи, замѣчаешь, что и производитель у народной картины уже не тотъ, что прежде — и покупатель ея не тотъ... Покупатель, очевидно, заявляетъ новыя требованія, вслѣдствіе нѣсколько повышеннаго уровня развитія и образованности; производитель, понимая это, ищетъ, высматриваетъ, придумываетъ, изобрѣтаетъ, выбивается изъ силъ, чтобы удержать за собою рынокъ и наполнить его ходкимъ товаромъ. Дѣло въ томъ, что каждый изъ образованныхъ народовъ Европы, въ свое время, переживалъ тоже, что переживаетъ въ данный моментъ народъ русскій; а именно: періодъ перехода отъ полной безграмотности, сначала, къ полуграмотности, а потомъ — къ грамотности обширно распространенной и болѣе или менѣе равномерно-распределенной между различными слоями народонаселенія. Этотъ переходный періодъ оказывается особенно-тягостнымъ именно въ томъ смыслѣ, что даже и при усиленномъ желаніи читать и учиться, народъ не можетъ сразу найти удовлетвореніе этому жела-

нію настолько полное и разнообразное, насколько бы ему того хотѣлось. Школы всюду (и у насъ, и въ Европѣ), распространялись довольно медленно, отчасти по недостатку въ матеріальныхъ средствахъ, отчасти по врожденной народнымъ массамъ косности. Еще медленнѣе создавалась литература народно-учебная, духовно-нравственная, общедоступная и общеобразовательная; для появленія такой литературы, въ наиболѣе счастливомъ случаѣ, оказывались необходимы десятки лѣтъ, а иногда и цѣлое полустолѣтіе... Чѣмъ же довольствовался въ такіе переходные періоды народъ, уже вкусившій «отъ плодовъ» грамотности? Большою утѣхою ему, въ подобные періоды—отчасти даже подспорьемъ развитію и образованію народному—оказывались въ Западной Европѣ тѣ народныя гравюры, которыя у насъ на Руси, по свойству матеріала, служившаго для ихъ издѣлія, получили названіе лубочныхъ картинъ. На Западѣ, особенно въ XV и XVI вв., народныя гравюры пріобрѣли чрезвычайно важное значеніе не только потому, что онѣ давали наглядное и всѣмъ понятное изображеніе предметовъ, но и потому, что при изображеніяхъ постоянно находились соответственныя подписи, иногда довольно подробныя, и всегда мѣткія, остроумныя, рассчитанныя на пониманіе народной массы. Въ основѣ этихъ подписей лежалъ нерѣдко грубоватый юморъ, направленный на то, чтобы потѣшить и разсмѣшить читателя, или же — нравственное назиданіе и поученіе, связанное отчасти съ желаніемъ дать народу многое въ маломъ объемѣ. Послѣднее направленіе на Западѣ даже взяло, наконецъ, верхъ надъ первымъ: — народная гравюра, мало-по-малу, отъ карикатуры и памфлета, перешла въ огромномъ большинствѣ къ изображенію предметовъ священныхъ и поучительныхъ для народа, а въ подписяхъ къ подобнымъ гравюрамъ явились соответствующія изображеніямъ назиданія, пословицы или изреченія, заимствованныя изъ св. Писанія. Милліоны народныхъ гравюръ, распространенныя по Западной Европѣ, въ періодъ Реформаціи и первое время послѣ изобрѣтенія книгопечатанія (при отсутствіи народной литературы) въ значительной степени способствовали внесенію въ массу многихъ здравыхъ понятій и расширенію тѣснаго круга возрѣній народа, еще чуждавшагося и науки, и школы.

До нѣкоторой степени подобную же услугу нашему народу оказали и первыя явившіяся у насъ лубочныя картины. Въ основѣ ихъ лежало также преимущественно юмористическое или назидательное начало, почерпавшее сюжеты для лубочныхъ картинъ изъ противоположенія добродѣтели и порока, или изъ осмѣянія, отживающей, гонимой старины и восхваленія вводимыхъ новшествъ. Къ тѣсному кругу этихъ лубочныхъ картинъ примѣшались съ теченіемъ времени—пословицы и сказки въ лицахъ, изображенія Страшнаго Суда и наконецъ изображенія святыхъ

лицъ и святыхъ мѣстъ. Эти картины, въ долгій періодъ полной безграмотности нашего народа, составляли единственное произведение искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ единственное наглядное подспорье къ просвѣщенію темныхъ массъ, проникавшее въ самые отдаленные и самые темные углы нашего отечества. Главнымъ центромъ производства лубочныхъ картинъ являлась въ этотъ долгій періодъ Москва и московскія подгородныя села, въ которыхъ отпечатанные въ Бѣлокаменной лубки раскрашивались варварскимъ образомъ въ два или три сплошныхъ колера. Главнымъ мѣстомъ сбыта лубочной картины была Нижегородская ярмарка; главными сбытчиками—офени и всякаго рода коробейники. Производство было довольно значительное, распространеніе лубочныхъ картинъ—широкое; но образованные классы русскаго общества еще очень мало обращали вниманія на это важное производство и даже цензура, непридававшая ему надлежащаго значенія, относилась къ лубочнымъ картинамъ довольно снисходительно.

Но съ половины нынѣшняго столѣтія въ развитіи лубочныхъ картинъ наступилъ совершенно новый періодъ. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ обществѣ нашемъ проявилось благородное и высокое стремленіе—просвѣщать народъ, учить его, вести къ свѣту, къ развитію, къ образованности. Разомъ явилось множество школъ, множество дѣятелей въ различныхъ углахъ Россіи. Планъ школы былъ невыработанъ; дѣятели спѣшили, желая научить народъ грамотѣ поскорѣе и вѣря въ возможность очень быстрого сближенія съ нимъ на почвѣ развитія и образованія. Первые попытки въ большинствѣ случаевъ окончились полною неудачею; историческая послѣдовательность развитія народной массы, недопускающая никакихъ пропусковъ и пробѣловъ, сказалась ясно и заявила свои права... Притомъ оказался недостатокъ въ книгахъ, въ пособіяхъ пригодныхъ для русскаго школы... Почти четверть вѣка прошло въ исканіяхъ и выработкѣ того типа народной и церковно-приходской школы, который теперь всеми признанъ за наиболѣе цѣлесообразный. Но этотъ періодъ выработки, сопровождавшійся борьбою различныхъ началъ, партій и воззрѣній, ни для кого незамѣтно, нашелъ себѣ весьма существенные отголоски въ совершенно иной области, несвязанной тѣсно со школою:—въ области народныхъ картинъ.

Сближеніе съ Западомъ, рѣзко сказавшееся (и далеко не вездѣ и не во всемъ въ пользу Россіи) у насъ въ бурный періодъ 60-хъ годовъ, когда мы такъ охотно все воспринимали отъ Европы, и такъ настойчиво и неразумно спѣшили отказаться отъ всего своего—повліяло весьма существенно и на производство народныхъ картинъ. Масса картинъ западнаго производства (преимущественно нѣмецкая литографія) нахлынула къ намъ въ Россію, благодаря облегченнымъ тарифамъ. Дешевизна и разнообразіе этого иноземного наплыва «на-

родныхъ» картинь были поразительныя. Чего тутъ только не было? И пейзажи съ водопадами, и морскіе виды съ кораблями и чудовищами подводнаго царства, и сцены изъ жизни животныхъ, и снимки съ сюжетовъ св. Писанія (разработанные по оригиналамъ первѣйшихъ художниковъ) и просто иконы, самаго опредѣленнаго католическаго пошиба, и даже типы нѣмецкой деревни и нѣмецкаго кнейпа! Товаръ былъ казѳвый, яркій:—передъ нимъ стирались и блѣднѣли скромныя произведенія московскихъ литографій третьей руки, давно уже вытѣснившихъ лубокъ... Офени запаслись новымъ товаромъ на ярмаркѣ въ Нижнемѣ—и понесли его во всѣ концы свѣта бѣлаго! Тогда насталь очень тяжелый періодъ для нашей торговли народными картинами. Вопросъ о ея существованіи былъ поставленъ на очередь:—въ рукахъ народа были уже несравненно лучшіе образцы иноземной дешевой картины, правда, не вполне подходящіе по сюжету, но заманчивые по выполненію. Приходилось отказатся отъ вѣкового застоя, отъ способовъ выполненія, отжившихъ свой вѣкъ, отъ сюжетовъ, утратившихъ свое прежнее значеніе въ силу новой эры, наступившей такъ неожиданно въ нашей общественной и народной жизни. Чтобы удержать за собою рынокъ, нужно было одновременно искать и новыхъ сюжетовъ, и новыхъ способовъ ихъ выполненія.. А тутъ еще и власти за умъ взялись—поняли значеніе народной картины; и цензурныя условія ея печатанья сдѣлались, вслѣдствіе этого, крайне стѣснительными.

И надо отдать справедливость тѣмъ простымъ русскимъ людямъ, которые издавна держали въ рукахъ своихъ производство и распространеніе въ массѣ народныхъ картинь;—они, при наступленіи этого кризиса, выказали много пракческаго ума и такта, много устойчивости и тонкаго пониманія народныхъ нуждъ, и, благодаря этимъ качествамъ, не только удержали все дѣло въ своихъ рукахъ, но даже сумѣли внести въ него много новаго и важнаго... Отдѣльные, мелкіе дѣятели соединились въ большіе кружки и товарищества, маленькія литографійки и печатни съ допотопными станками и ручными машинами замѣнились огромными и сильными паровыми скоропечатнями, изъ которыхъ стали выходить въ свѣтъ хромофотографіи, ни въ чемъ неуступавшія заграничнымъ народнымъ картинамъ! Конкуренція нѣмецкаго художественнаго товара съ русскимъ оказалось невозможною, благодаря поразительной дешевизнѣ русскихъ народныхъ картинь... Но это мало: въ послѣднее десятилѣтіе не только художественный уровень производства народныхъ картинь значительно поднялся, но и самые сюжеты сдѣлались болѣе осмысленными. Такъ, напримѣръ, явилось желаніе давать не фантастическія изображенія св. горы Аѳонской или Кіево-Печерскаго монастыря, а дѣйствительныя, снятыя съ фотографій; въ снимки чудотвор-

ныхъ иконъ внесено было болѣе сходства съ подлинниками; сцены и лица св. Писанія не перерисовывались уже болѣе съ иностранныхъ, готовыхъ образцовъ и явились попытки создать нѣчто иное, болѣе подходящее къ православнымъ воззрѣніямъ массы. Мало-по-малу стали являться среди народныхъ картинь сюжеты историческіе и, рядомъ съ портретами историческихъ дѣятелей и народныхъ героевъ, стали являться портреты русскихъ авторовъ, окруженные эпизодическими картинками, заимствованными изъ ихъ произведеній. Не вполнѣ изсякла и прежняя струя, нѣкогда преобладавшая среди нашихъ лубочныхъ картинь: сказочные сюжеты, подвиги Еруслана и Ильи Муромца, встрѣчаются и нынѣ среди массы современныхъ народныхъ картинь, хотя и въ лучшей обработкѣ и въ лучшемъ исполненіи, нежели прежде. Въ другихъ старыхъ сюжетахъ (напримѣръ, въ изображеніяхъ Страшнаго суда, въ «Ступеняхъ чelовѣческаго вѣка»), еще удержавшихся въ современной народной картинѣ, замѣтны также новыя вѣянія: многое въ нихъ урѣзано, измѣнено, примѣнено къ современнымъ условіямъ жизни. Менѣе всего осталось слѣдовъ прежняго юмористическаго направленія народной картины, которая замѣтно, становясь болѣе осмысленною, становится и болѣе серьезною, и до нѣкоторой степени, болѣе сухою; въ нѣкоторой части современной народной картины замѣтно даже стремленіе къ утилитаризму: народную картину многіе производители хотятъ приравнять къ наглядному пособию, которое бы одинаково могло распространиться и въ массѣ народа, и въ школѣ...

Все это вполнѣ ясно показала намъ первая выставка народныхъ картинь, устроенная Комитетомъ Грамотности при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, выставка, на которой собраны были довольно значительныя коллекціи и старыхъ лубочныхъ картинь, и весьма полный подборъ народныхъ картинь новѣйшаго періода (драгоцѣнная коллекція А. М. Калмыковой). Чрезвычайно любопытны были и самыя цифры, сообщенныя производителями и распространителями народныхъ картинь, указывающія на распространенность этихъ художественныхъ произведеній въ народѣ:—цифры громадныя, среди которыхъ сотни тысячъ экземпляровъ оказываются весьма обычнымъ явленіемъ...

Въ общемъ выводѣ, для каждаго посторонняго наблюдателя, внимательно обозрѣвшаго собранный на этой выставкѣ матеріалъ, получается одно несомнѣнное убѣжденіе:—народныя картины представляютъ собою весьма важный элементъ въ дѣлѣ народнаго образованія и развитія въ народѣ художественнаго вкуса. И самыя производители народныхъ картинь, и даже распространители ихъ въ народѣ—составляютъ немаловажную силу, которую нельзя упускать изъ виду и съ которою слѣдуетъ считаться... Эти производители уже додумались до того, что привлекаютъ къ участию въ

своёмъ дѣлѣ крупныхъ художниковъ и платять имъ большія деньги за хорошее выполненіе сюжетовъ, избранныхъ для народной картины; но самый выборъ сюжетовъ и общее направленіе, преобладающее въ массѣ народныхъ картинъ, оставляють еще желать очень многого. Мы думаемъ, что, при крайней бѣдности и ограниченности нашей народной литературы, очень важнымъ подспорьемъ для распространенія въ народѣ необходимыхъ ему элементарныхъ научныхъ свѣдѣній и даже элементарныхъ основъ морали должна бы была явиться—именно—народная картина! Составленныя умно и толково, по извѣстному, строго-выработанному и строго-обдуманному плану, народныя картины могли бы сослужить весьма серьезную службу въ дѣлѣ развитія народнаго самосознанія. Картины эти, выпущенныя въ свѣтъ отдѣльными серіями, могли бы обнимать цѣлыя области знанія, то знакомя народъ съ нашей отечественной исторіей, то съ исторіей русской церкви и ея подвижниковъ, то съ различными отраслями сельскаго хозяйства и простѣйшей техники, то съ практическими сторонами различныхъ промысловъ и производствъ, то съ богатствами Россійской имперіи и ея разноплеменнымъ населеніемъ и т. д. Но для того, чтобы внести все это въ кругъ нашихъ народныхъ картинъ, необходимо было бы привлечь къ участию въ составленіи ихъ и литераторовъ, и ученыхъ, и техниковъ—и подчинить выборъ и выработку новыхъ сюжетовъ народной картины особому жюри, составленному изъ специалистовъ... Полагаемъ, что производители народныхъ картинъ и до этого додумаются... Въ этомъ убѣждаетъ насъ все то, что намъ удалось видѣть на выставкѣ народныхъ картинъ. Мы вѣримъ въ возможность дальнѣйшаго и весьма серьезнаго развитія народной картины, которой предстоить въ будущемъ весьма видная и важная роль въ дѣлѣ образованія народа и распространенія среди него общепользныхъ свѣдѣній.

Пепо.

РОСТОВСКИЙ БОРИСОГЛѢБСКИЙ МОНАСТЫРЬ, ЧТО НА УСТЬѢ, ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХІИ.

«Все къ размышенью здѣсь влечетъ невольно насъ!
«Все въ душу томную уныніе вселяетъ;
«Какъ будто здѣсь она изъ гроба важный гласъ
«Давно минувшаго внимаешь!..»

БОРИСОГЛѢБСКИЙ монастырь находится въ 18-ти верстахъ отъ Ростова по углической большой дорогѣ и расположенъ почти на самомъ берегу рѣки Устья. По своему живописному положенію — это безъ сомнѣнія одинъ изъ лучшихъ монастырей во всей Ярославской епархіи, а по числу своихъ древнихъ построекъ и массивности стѣнъ, онъ представляется издали цѣлымъ городомъ, какъ это замѣтилъ императоръ Александръ Благословенный, проѣзжая изъ Ярославля къ Ростову 23-го августа 1823 года. Легендарныя сказанія говорятъ, что на мѣстѣ нынѣшняго монастыря было нѣкогда жилище какого-то заморскаго великана «Акула» и что тутъ жили «паны». Эти паны были на столько велики и сильны, что перекидывали каменя, топоры и плахи, къ своимъ женамъ «въ городецъ на Сарѣ», т. е. слишкомъ за двадцать верстъ¹⁾. Дѣйствительно, верстахъ въ пяти отъ монастыря находится и посейчасъ такъ называемый «Акуловскій городокъ», имѣющій четырехъугольную форму. Городокъ помѣщается на высокомъ мѣстѣ, на склонѣ горы къ рѣкѣ Устью. Внѣшнія укрѣпленія — валы и рвы отчасти сохранились съ трехъ сторонъ. Что это былъ за городокъ — никакихъ историче-

¹⁾ «Ростовскій уѣздъ Ярославской губ.» А. Титова. Москва, 1885 г. стр. 352.

скихъ записей не существуетъ; но народное преданіе говорить то же, что на этомъ мѣстѣ жили «паны». Лѣтомъ здѣсь бывають гулянья, называемыя «игрищенскими», собираясь на которыя крестьяне, говорятъ: «пойдемъ на игрища»¹⁾. Монастырь основанъ былъ въ 1363 году, по благословенію преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца, при ростовскомъ князѣ Константинѣ и при епископѣ Игнатіи III, въ княженіе великаго князя московскаго Дмитрія Ивановича Донскаго. Сначала на этомъ мѣстѣ поселился одинъ пустынникъ, по имени Θεодоръ, прибывшій сюда изъ Новгорода, а потомъ къ нему вскорѣ пришелъ и братъ его, Павелъ. Нѣсколько времени жили они въ выстроенной ими среди дремучаго лѣса лачужкѣ, питаясь милостыней отъ проходившихъ и проѣзжавшихъ по дорогѣ (изъ Ростова къ Угличу и Бѣлоозеру), пролежавшей черезъ этотъ лѣсъ. Узнавъ однажды о прибытіи преподобнаго Сергія въ Ростовъ, для поклоненія ростовскимъ святынямъ, пустынники поспѣшили увидѣться съ преподобнымъ и упростили его посѣтить и благословить ихъ жилище. Преподобный не замедлилъ исполнить ихъ желаніе и указалъ мѣсто для построенія храма въ честь благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, чего между прочимъ желали и сами св. князья, открывшись пустынникамъ въ чудномъ видѣніи. Благословляя мѣсто для храма, преподобный Сергій предсказалъ, что «сіе мѣсто вельми возродится и въ предбудущія времена будетъ превозносимо предъ большими лаврами». И эти пророческія слова вполнѣ подтвердились дальнѣйшей исторіей обители. Въ непродолжительное время, какъ и во всѣхъ новооткрываемыхъ русскихъ монастыряхъ, около первыхъ пустынниковъ собралось очень значительное число братіи, и преподобный Θεодоръ былъ избранъ игуменомъ. Въ новоустроенномъ монастырѣ стали искать мѣста своего погребенія многіе изъ ростовскихъ вельможъ, и на поминъ души ихъ поступали во владѣніе монастыря села, деревни и пожни.

Вскорѣ послѣ постройки второй теплой церкви во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, Θεодоръ, ища уединенія, удалился съ двумя учениками въ предѣлы вологодскіе, на мѣсто называемое «святая лука»,—гдѣ они поставили «малу клѣтцу», но «неразумніи невѣгласіи людіе и еще чудское бяше сего преподобнаго трудника изгнаша и клѣтцу ону размѣташа»²⁾ Вслѣдствіе такого отношенія «неразумныхъ людей», преподобный удалился въ Бѣлоозерскую область и здѣсь, на рѣкѣ Ковжѣ, основалъ мужской Николаевскій монастырь, испросивъ у бѣлоозерскаго князя Андрея Дмитріевича жалованную грамоту, которой отдавались во владѣніе новаго монастыря разные починки, покосы и право на рыбную

¹⁾ Ibid, стр. 467.

²⁾ Рукописное житіе преп. Θεодора моего собранія по охр. кат. № 43.

Общій видъ Боржомльбскаго монастыря.

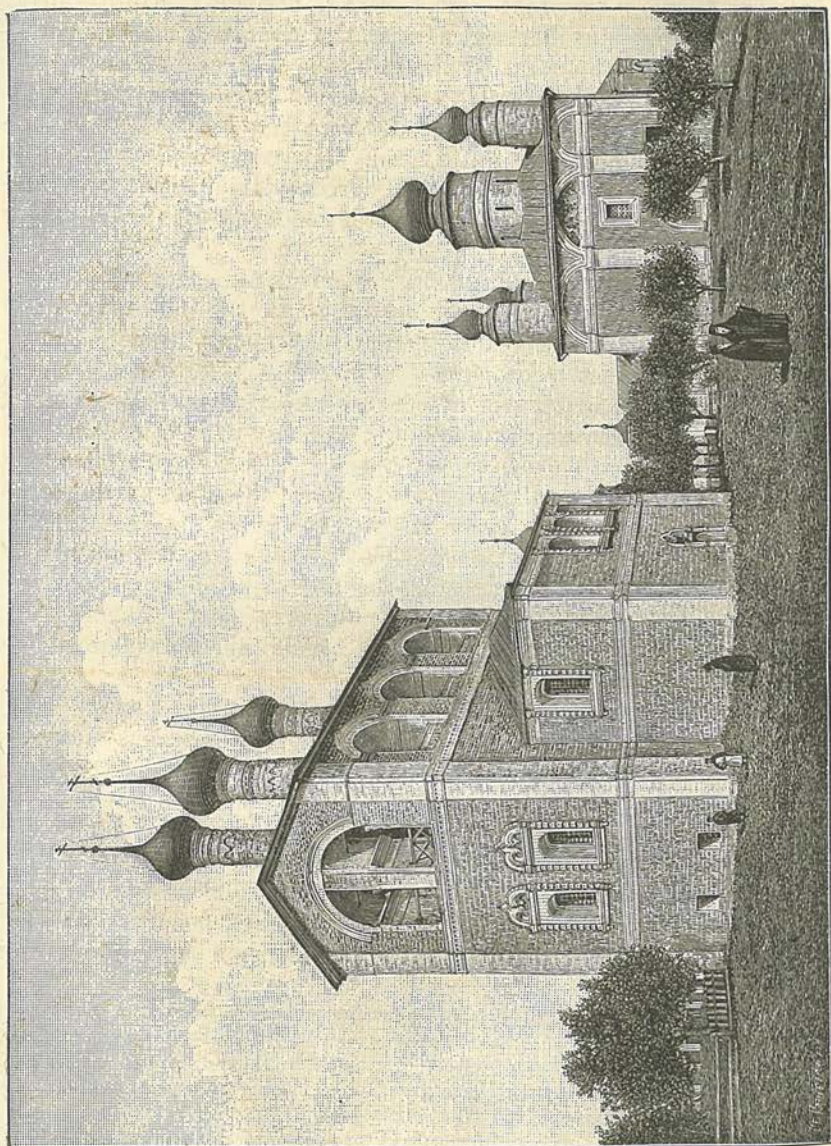
ловлю по рѣкѣ Ковжѣ, что впоследствии было подтверждено также грамотами князя Михаила Андреевича, царя Михаила Феодоровича и друг. Изъ этихъ грамотъ видно, что Николаевскій монастырь находился въ вѣдѣніи Борисоглѣбскаго, «а кого», говорится тамъ, «игумень борисоглѣбской въ томъ монастырѣ посадить игумена и тотъ игумень тѣхъ людей вѣдаетъ и судить. А у борисоглѣбскаго игумена збратѣю того монастыря не отымать». Ковженскій монастырь до самаго упраздненія своего состоялъ такимъ образомъ приписнымъ къ Борисоглѣбскому.

Уже преклонныхъ лѣтъ преподобный Феодоръ возвратился въ Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ и скончался 22 октября 1410 года, передавъ игуменство брату и сподвижнику своему Павлу, которому завѣщалъ также заботиться и объ основанномъ имъ на Ковжѣ монастырѣ. Погребенъ преподобный въ церкви Бориса и Глѣба; рядомъ съ нимъ былъ потомъ положенъ и братъ его Павелъ.

Молва о первыхъ подвижникахъ новаго монастыря и живописное положеніе послѣдняго привлекли сюда жителей, такъ что вокругъ обители образовались вскорѣ цѣлыя слободы, въ которыхъ въ настоящее время насчитывается болѣе 165 дворовъ. Эти слободы прежде принадлежали монастырю; но, по учрежденіи штатовъ, императрица Екатерина II подарила слободы со всѣми монастырскими угодьями графу Григорію Орлову, а затѣмъ они перешли въ родъ графа Панина.

Кругомъ монастыря прежде можно было видѣть прекрасные сосновые и еловые лѣса, и многіе пріѣзжали сюда лечиться отъ грудныхъ болѣзней, но въ началѣ семидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія управляющій графа Панина продалъ за безцѣнокъ эти лѣса ростовскимъ лѣсопромышленникамъ, которые свели ихъ въ конецъ и пустили сѣчу подъ пастбище. Мѣстность такимъ образомъ навѣки лишилась своего украшенія, если не считать тѣ рощи, которыя кое-гдѣ еще и теперь виднѣются къ югу отъ монастыря.

Борисоглѣбскій монастырь замѣчателенъ и въ историческомъ отношеніи. Во время несчастнаго царствованія царя Василя Іоанновича Шуйскаго и въ смутную годину междуцарствія, когда поляки и литовцы хозяйничали въ сѣверной Россіи подъ начальствомъ Кожинскаго, Лисовскаго, Микулинскаго, Сапѣги и др., этотъ монастырь былъ спасенъ отъ разоренія единственно заступничествомъ препод. Иринарха, которому гетманъ Сапѣга подарилъ отъ себя еще 5 рублей. Въ житіи препод. Иринарха между прочимъ записаны слова Сапѣги, сказанныя окружающимъ послѣ посѣщенія преподобнаго: «Я такого батька видѣть не видалъ, ни здѣ, ни во иныхъ земляхъ, крѣпка зѣло и небоязлива». На западной сторонѣ, въ полуверстѣ отъ монастыря, до сихъ поръ видны слѣды правильно расположеннаго когда-то лагеря поляковъ, отчего и самая мѣстность называется «лагерями». Такъ живы въ народѣ преданія

Колокільня и соборъ св. Бориса и Глѣба

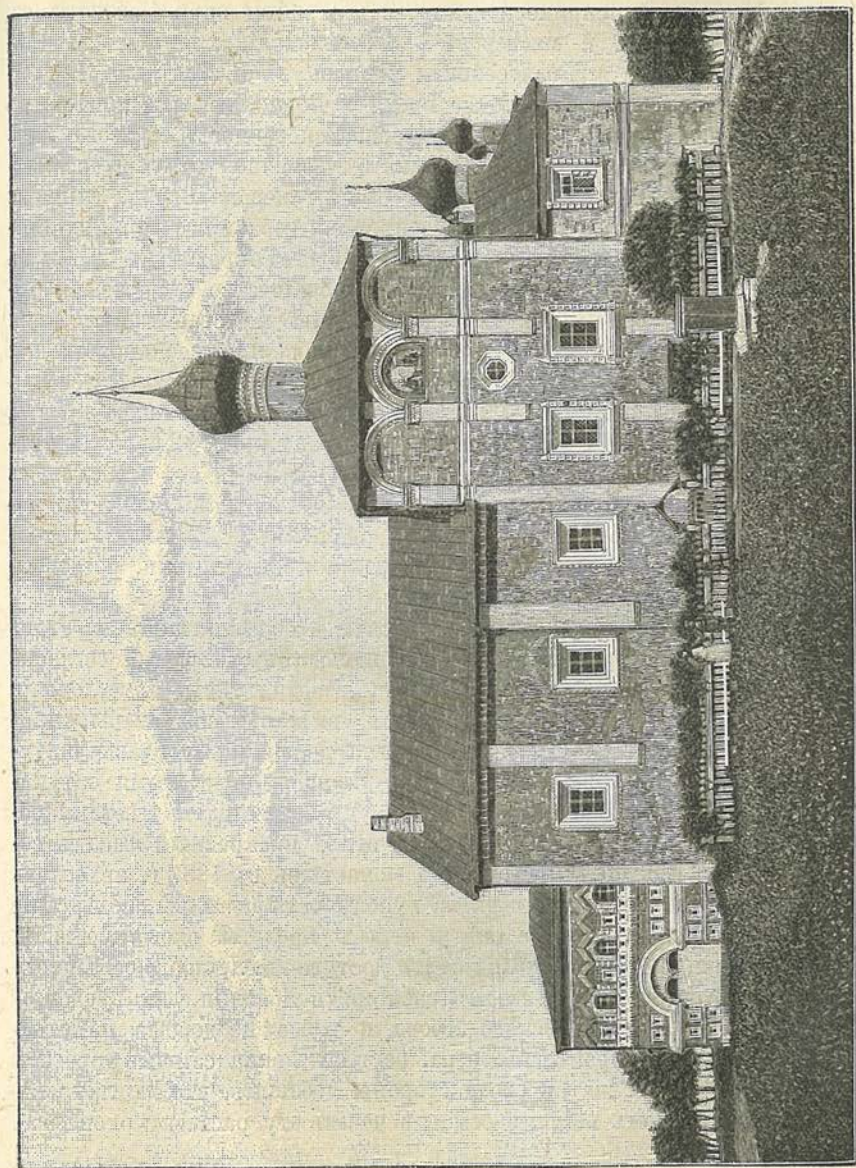
о бѣдственномъ времени въ Россіи! Въ 1545 году, при архіепископѣ ростовскомъ Алексіѣ, царь Иванъ Васильевичъ Грозный, въ бытность свою въ Ростовѣ, посѣтилъ и Борисоглѣбскій монастырь, гдѣ угощалъ братію и жаловалъ «отъ царскихъ щедротъ». Въ 1612 году князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, собираясь идти на освобожденіе Москвы, прибылъ сюда, чтобы получить благословеніе отъ препод. Иринарха. Праведный мужъ благословилъ князя крестомъ, предсказавъ ему полный успѣхъ въ его святомъ дѣлѣ. Пожарскій, по исполненіи своей высокой миссіи, возвратилъ крестъ св. пророзорливцу¹⁾ и грамотой освободилъ Борисоглѣбскій монастырь отъ доставленія припасовъ для войска, собираемыхъ тогда по случаю войны.

Строеніе въ монастырѣ первоначально было деревянное, какъ-вымъ оно было въ продолженіе 159 лѣтъ. Но въ 1522 году, при игуменѣ Теофилѣ, начались постройки каменныхъ зданій. Этотъ энергичный игуменъ испросилъ у великаго князя Василя Ивановича грамоту для отысканія извести въ окрестностяхъ Ростова и Переяславля. Когда же таковой нигдѣ не могли найти, препод. Теофилъ обратился съ молитвою къ Богу о своей нуждѣ и молитва его была услышана: на другой день одинъ крестьянинъ въ пяти верстахъ отъ монастыря указалъ мѣсто, гдѣ известъ лежала поверхъ земли и отличалась необыкновенной бѣлизной. Это обстоятельство было большимъ подспорьемъ для начала построекъ, предпринятыхъ игуменомъ Теофиломъ при щедрыхъ жертвахъ царя Василя.

Въ настоящее время монастырскія зданія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1) Соборная церковь во имя св. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба построена по благословенію архіепископа ростовскаго Іоанна, которымъ и освящена 1524 года сентября 22 дня. Своды храма поддерживаютъ два столпа, украшенные иконами. До 1830 года, какъ этотъ храмъ, такъ и остальные, кромѣ ниже упоминаемаго Ильинскаго придѣла, сохранялись почти во всей неприкосновенности. Но въ 1824 г. на ярославскую кафедру поступилъ преосв. Авраамъ, изъ вдовихъ московскихъ поповъ, большой любитель построекъ и торжественныхъ освященій церквей. Какъ

¹⁾ Крестъ этотъ украденъ съ гробницы преподобнаго въ 1830 г. По словамъ же нѣкоторыхъ старожиловъ, архимандритомъ Рафаиломъ былъ проданъ раскольникамъ за значительную сумму. Впрочемъ, о. архимандритъ деньгами, вырученными отъ продажи историческаго креста, лично не воспользовался, а употребилъ на благоуукрашеніе и переломку драгоценныхъ архитектурныхъ памятниковъ XVI вѣка. Онъ уничтожалъ ихъ во время своего двѣнадцатилѣтняго пребыванія на столько, на сколько у него доставало средствъ для этой затѣи. Рисунокъ съ пропавшаго креста преосвященнымъ Амфилохіемъ, епископ. угличскимъ, случайно найденъ въ числѣ собранія снимковъ съ крестовъ, принадлежащихъ Обществу Любителей духовнаго просвѣщенія и помѣщенъ имъ въ житіи преп. Иринарха. Москва. 1874 г.

Церковъ Благовѣщенія.

разрушительный ураганъ пронесся тогда почти надъ всеми древними памятниками Ярославской губерніи. Чѣмъ древнѣе было зданіе, тѣмъ безжалостнѣе оно обрабатывалось въ новѣйшемъ вкусѣ. Уцѣлѣвшія во всей неприкосновенности постройки царя Грознаго, съ датами строителя и мастеровъ — Богоявленскій храмъ Аврааміевскаго монастыря¹⁾, Вознесенская церковь въ Ростовѣ — были варварски передѣланы. Въ это же время и Борисоглѣбскій монастырь не миновалъ рукъ доблестнаго старца. Вскорѣ послѣ образованнаго архимандрита Палладія, переведеннаго въ законоучители Ришельевского одесскаго лицея, и Теофила — друга генерала Витта, бывшаго также законоучителемъ лицея, — преосв. Авраамомъ архимандритомъ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ былъ опредѣленъ Рафаиль Верховскій, бывший до поступления въ монашество сторожемъ ярославской духовной консисторіи. Мы не станемъ касаться нравственнаго облика о. Рафаила, такъ какъ прежнее прохожденіе извѣстной должности достаточно его характеризуетъ, а легенда утраты этимъ почтеннымъ архимандритомъ историческаго креста, болѣе двухъ вѣковъ сохранявшагося на ракъ преподобнаго, не требуетъ даже и коментарій. Мы укажемъ только на то, что сдѣлалъ этотъ современный «тамерланъ» изъ древнихъ зданій обители, пощаженныхъ не только вѣками, но даже буйными шайками литовскихъ полчищъ Льва Сапѣги и другими проходимцами, разорявшими Русь въ XVII столѣтіи.

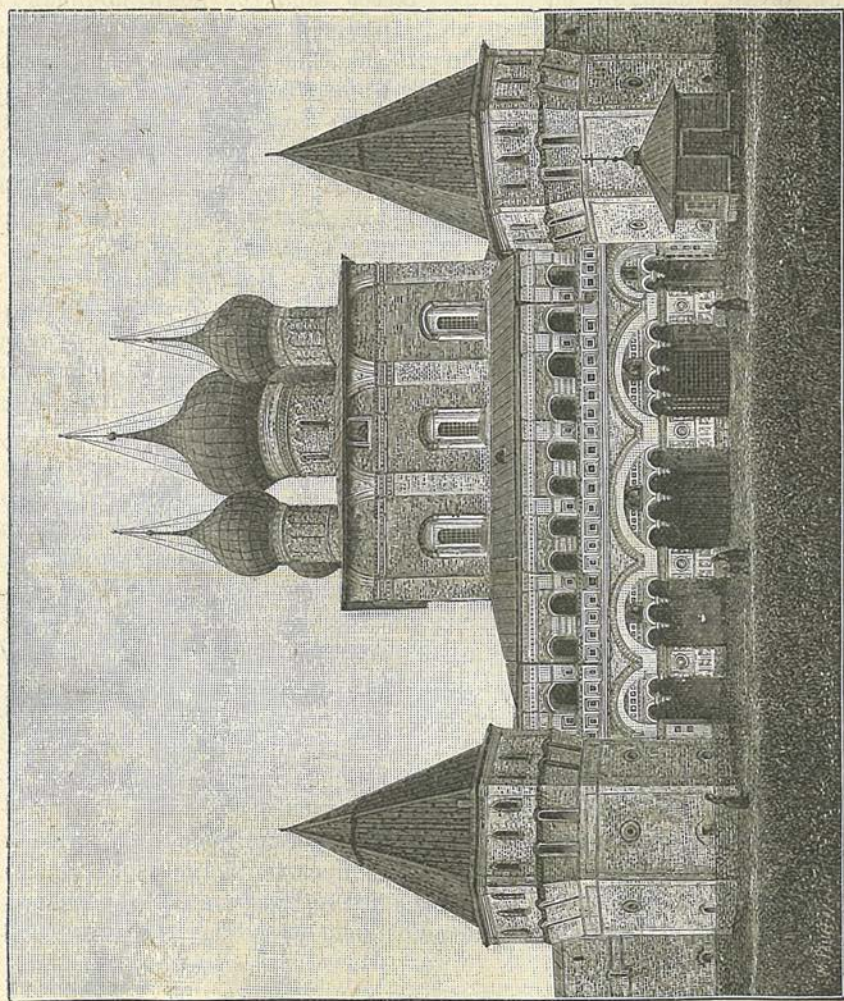
Въ первый же годъ Рафаиль обратилъ свое вниманіе на этотъ древнѣйшій соборный храмъ. И вотъ, въ 1836 г., согласно монастырской записи архимандритъ Рафаиль, съ благословенія преосв. Авраама, своего покровителя, вмѣсто одной главы, пристроилъ по угламъ храма четыре новыхъ деревянныхъ главы, оштукатуренныхъ по древесной драни. Въ настоящее время штукатурка этихъ главъ новѣйшей конструкціи начинаетъ мѣстами обваливаться. «Лишивъ первобытнаго стиля прекрасный фасадъ собора, — говоритъ посѣтившій этотъ монастырь въ 1887 г. археологъ И. А. Шляковъ, — пристроилъ на куполѣ четыре главы, вслѣдствіе чего стало падать менѣе свѣту черезъ пролеты оконъ большой главы, архимандритъ Рафаиль, для достиженія лучшаго освѣщенія въ храмѣ, счелъ необходимымъ расширить прежнія узко-продолговатыя окна Борисоглѣбскаго собора и вовсе не дорожа памятью отца Грознаго — строителя собора, растесалъ окна самымъ грубымъ образомъ»²⁾. Мы же съ своей стороны добавимъ, что по личномъ и неоднократномъ нашемъ осмотрѣ черезъ эту растеску оконъ са-

¹⁾ Впрочемъ, несмотря на всѣ синодскіе указы и Высочайшія повелѣнія, уцѣлѣвшіе отъ Грознаго остатки этого храма благоукрашаются и посейчасъ благопечетельными оо. архимандритами.

²⁾ «Путевыя замѣтки о памятникахъ древне-русскаго зодчества» И. А. Шлякова, Ярославль, 1887 г., стр. 33.

мый храмъ опасенъ и въ алтарѣ стѣна дала уже трещину. Нужны скорыя и серьезныя мѣры, чтобы сохранить этотъ замѣчательный храмъ, одинъ изъ немногихъ памятниковъ XVI вѣка.

Иконостасъ въ храмѣ очевидно XVII вѣка, но иконы въ немъ не только-большею частію переписаны, но даже замѣнены новыми,

Церковь св. Сергія и святыхъ вратъ.

впрочемъ и теперь еще уцѣлѣло нѣсколько образовъ современныхъ постройкѣ Борисоглѣбскаго храма. Прекрасное стѣнное письмо, сдѣланное еще при Иванѣ Грозномъ, было цѣло до 1783 г., тогда оно было возобновлено, а въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія тѣмъ же архимандритомъ Рафаиломъ замарано голубой краской съ

живописными клеймами. Эта современная живопись плохо гармонируетъ съ величіемъ и древностію храма. Въ сѣверозападномъ углу скромно помѣщается гробница основателей монастыря преп. Θεодора и Павла, обитая съ двухъ сторонъ мѣдью съ тремя чеканными позолочеными клеймами. На правой сторонѣ соборнаго храма устроена придѣльная церковь во имя пророка Іліи, тоже съ двумя столпами посрединѣ. Здѣсь подъ спудомъ почиваютъ мощи преподобнаго Ирнарха († 1615 г.), какъ уже было выше сказано подвизавшагося слишкомъ 38 лѣтъ въ этомъ монастырѣ. При гробницѣ находятся тяжелыя цѣпи и другія орудія молитвенныхъ подвиговъ преподобнаго, то же къ сожалѣнію не всѣ уцѣлѣвшія. Этотъ придѣльный храмъ былъ передѣланъ въ 1809 году архимандритомъ Анатоліемъ. Прежде же съ XVII вѣка на этомъ мѣстѣ примыкало къ соборному храму каменное со сводами зданіе, покрытое деревянной чешуйчатой крышей, которое и называлось «гробничной палаткой преподобнаго Ирнарха». Близъ алтаря соборной церкви, въ особой палаткѣ, погребенъ мѣстнотимый юродивый Алексѣй Степановичъ, скончавшійся въ 1781 году и жившій въ монастырѣ въ юродствѣ 32 года. Здѣсь же погребенъ и преосвященный Тихонъ, жившій въ монастырѣ съ 1503 года на покоѣ¹⁾.

2) Теплая церковь во имя Благовѣщенія пресвятой Богородицы заложена игуменомъ Θεофіломъ въ 1524 году іюня въ 30 день, по благословенію архіепископа Іоанна; освящена въ 1526 преосвященнымъ Кирилломъ, архіепископомъ ростовскимъ. Эта церковь замѣчательной архитектуры, одноглавая; прелестный иконостасъ XVII вѣка уничтоженъ въ 1829 году тѣмъ же приснопамятнымъ для обители архимандритомъ Рафаиломъ и замѣненъ очень плохимъ. Имъ же сдѣланъ подъ верхнимъ сводомъ для теплоты накатъ въ родѣ потолки, причемъ живопись временъ Грознаго также замалевана. Сводъ храма поддерживается однимъ столпомъ по срединѣ. На лѣвой сторонѣ церкви находится еще придѣлъ въ честь святителя Николая новѣйшаго созданія.

3) Средину монастыря близъ Борисоглѣбской церкви занимаетъ громадная колокольня. (На ней были прежде знаменитые часы). Изящный портикъ съ замѣчательными кафельями довершаетъ красоту этого зданія. Подъ колокольней устроена холодная цер-

¹⁾ Преосвященный Тихонъ Малышкинъ рукоположенъ въ 1489 году изъ архимандритовъ Ярославскаго Спасскаго монастыря. Онъ извѣстенъ по участию на двухъ соборахъ: противъ жидовствующихъ (1491 г.) и для утвержденія новаго пасхальнаго круга на VIII тысячу лѣтъ. Еще до 1830—1840 г., какъ рассказывали старожилы, была цѣла его надгробная плита изъ бѣлаго камня, съ уцѣлѣвшими буквами вязью, но архимандритомъ Рафаиломъ, вмѣстѣ со многими другими, драгоценными для исторіи, была извержена и употреблена на разныя монастырскія постройки.

ковъ во имя Иоанна Предтечи. Стѣнной живописи нѣтъ. По преданію, все это зданіе построено въ XVII вѣкѣ ростовскимъ митрополитомъ Іоной Сысовичемъ и снаружи имѣетъ самое близкое сходство съ ростовской соборной колокольной, сооруженной тѣмъ же митрополитомъ. Но это едва ли справедливо. Судя по характеру постройки, очевидно она была построена въ томъ же XVI вѣкѣ вмѣстѣ съ церквами игуменомъ Теофиломъ или его преемникомъ. Митрополитъ Іона только взялъ за образецъ это зданіе

Церковь Срѣтенія съ Водяными воротами.

для постройки соборной колокольной въ Ростовѣ и въ Угличѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ¹⁾. На колокольнѣ имѣется 8 колоколовъ, изъ которыхъ самый большой въ 261 пудъ (слить въ 1758 г.). До Петра I на колокольнѣ было много больше колоколовъ, но въ виду недостатка артилеріи, они были вмѣстѣ съ другими ростовскими вытребованы въ Москву и перелиты въ пушки.

4) Съ южной стороны, надъ святыми воротами выстроена большая пятиглавая каменная церковь во имя преподобнаго Сергія Радо-

¹⁾ «Истор. Вѣстн.» 1887 г. Церкви упраздненнаго Воскресенскаго монастыря въ Угличѣ.

нежскаго чудотворца. Къ этому храму за алтаремъ пристроено особое зданіе въ видѣ тайника, ходъ въ который по изслѣдованію И. А. Шлякова ¹⁾ идетъ изъ алтаря чрезъ капитальныя стѣны храма по узкой каменной лѣстницѣ. Тайникъ этотъ чуть освѣщается маленькими окнами, въ стѣнахъ сдѣланы печурки, съ деревянными дверками на массивныхъ желѣзныхъ крюкахъ. И. А. Шлякову передавали, что въ этомъ тайникѣ, по преданію, во время польскаго погрома спасалась оставшаяся часть монашествующей братіи, а внизу подъ тайникомъ, въ кладовой палаткѣ, были скрыты монастырскія деньги и ризница. Въ иконостасѣ уцѣлѣло еще нѣсколько древнихъ иконъ, но къ сожалѣнію этотъ иконостасъ передѣланъ въ 1837 году. Своды поддерживаются двумя столпами.

5) Съ сѣверной стороны надъ вѣзжими или водяными воротами возвышается пятиглавая церковь во имя Срѣтенія Господня съ двумя папертями, на которыхъ, по словамъ г. Шлякова, достойны вниманія арки входныхъ дверей, выдѣланныя изъ простого кирпича въ видѣ разнообразныхъ розетокъ. Этотъ окладъ арки, какъ образецъ каменнографическаго дѣла въ Россіи XVI вѣка, свидѣтельствуетъ о высокомъ процвѣтаніи тогдашняго русскаго водчества.

Келии настоятелей, каменные, устроены въ связи съ теплой Благовѣщенской церковью; подъ ними помѣщается братская трапеза съ кухней. Неподдалеку отъ настоятельскихъ келій, близъ водяныхъ воротъ, находится каменный корпусъ, предположенный для братскихъ келій. Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій, изъ которыхъ одно занимается келіями казначея, а два остальные отведены для монаховъ. На западной сторонѣ, противъ соборной церкви, расположенъ двухъэтажный корпусъ, издавна именуемый архіерейскимъ домомъ. Онъ построенъ, какъ говоритъ преданіе, архіепископомъ Самуиломъ Миславскимъ ²⁾, который имѣлъ этотъ монастырь своей лѣтней резиденціей. Здѣсь нѣкогда помѣщалось уѣздное духовное училище. Возлѣ этого дома находится одноэтажный каменный флигель, служившій помѣщеніемъ для архіерейской свиты.

Вокругъ монастыря идетъ высокая ограда съ 14 огромными башнями; особенно высоки наугольныя башни. Ограда и башни съ бойницами и амбразурами; высота ея 5 саж., толщина 3¹/₂ арш., высота башенъ въ 8 саж. и болѣе, а ширина въ поперечникѣ 3 саж. и болѣе. Вся ограда въ окружности имѣетъ 480 саж.; по ней есть ходъ, крытый тесомъ. Внѣшній видъ ограды имѣетъ поразительное сходство съ оградой лавры преподобнаго Сергія и она едва ли не современна послѣдней. На западной сторонѣ за огра-

¹⁾ «Путевыя замѣтки» И. А. Шлякова, стр. 35.

²⁾ Бывшимъ въ послѣдствіи 1783—1796 митрополитомъ кіевскимъ.

дою—длинный и широкій прудъ, имѣющій сообщеніе съ небольшимъ прудомъ, находящимся въ саду.

Внѣ ограды монастырю принадлежатъ: скотный дворъ съ постройками для лошадей и экипажей и гостинница, каменная, от-

Знамя, данное Сапѣгой преподобному Ириварху.

даваемая въ аренду. Къ оградѣ же пристроены въ послѣднее время лавки. Хотя постройка ихъ совершенно испортила и архитектуру ограды и самый видъ монастыря, но доходъ съ нихъ служитъ нѣкоторой поддержкой прелестныхъ зданій этой древней обители.

*

До учрежденія штатовъ (1764 г.) за монастыремъ было, съ приписными монастырями, 6,785 душъ крестьянъ. Слѣдовательно монастырь былъ богатый и имѣлъ всѣ средства производить тѣ огромныя постройки, о которыхъ мы говорили нѣсколько выше. Вкладчиками монастыря были цари, князья, бояре, духовные и міряне. Ихъ жертвы въ теченіе трехъ вѣковъ очень тщательно заносились въ Кормовыя и Вкладныя книги¹⁾. Пробѣгая эти послѣднія, нельзя не обратить вниманія на личности самихъ вкладчиковъ. Въ этой живой лѣтописи мелькаютъ имена и неизвѣстные и крупно-историческія. Тутъ и царь Иванъ Васильевичъ съ жертвами его гнѣва; тутъ и его многочисленныя жены-царицы; тутъ и Борисъ Годуновъ, и «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ; наряду съ ними: крестьяне, епископы, простые чернецы, патріархи, торговые люди, митрополиты, подъячіе, игумены, князья и княгини и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, тутъ вся Русь, начиная съ Грознаго царя, окруженнаго тѣнями (какъ выражается нашъ лѣтописецъ) «опальныхъ людей», и кончая бѣднякомъ-смердомъ. Но въ этомъ разнообразіи есть удивительное единство. Это — вѣра. Всѣ — отъ царя, до его послѣдняго раба, котораго онъ считаетъ за ничто, всѣ вѣрують въ чудодѣйственную силу своихъ жертвъ предъ святыми угодниками Борисомъ и Глѣбомъ; всѣ наполняютъ монастырскую казну, по мѣрѣ своихъ средствъ. Золото и серебро, села и деревни, и самые ничтожныя вклады, заносятся въ монастырскую лѣтопись ея творцомъ, съ одинаковымъ безпристрастіемъ. Для лѣтописца нѣтъ ужасной пропасти между добромъ и зломъ, между правдой и кривдой. Одинаково твердымъ почеркомъ онъ пишетъ, что вотъ такого-то лѣта и дня пожертвованы такимъ-то крестьяниномъ «меринъ каръ да корова» за его здравіе; а вотъ-де царь и государь Иванъ Васильевичъ всея Руссіи прислалъ по опальныхъ людяхъ, по Никитѣ Фуниковѣ «съ товарищи», «триста рублевъ денегъ». Обитель получила извѣстный вкладъ; она обязана творить за вкладчика извѣстныя молитвы, давать братіи тѣ или другіе кормы: вотъ что важно для монастырскаго лѣтописца! На все остальное онъ смотритъ спокойно, равнодушно, «не вѣдая ни жалости, ни гнѣва»²⁾).

Изъ древнихъ вещей, разграбленныхъ ляхами, уворованныхъ нечестивыми иноками, растроченныхъ легкомысленными настоятелями, какими-то судьбами уцѣлѣли слѣдующіе замѣчательные предметы: 1) Старинное знамя изъ шелковой красноватаго цвѣта матеріи, довольно широкое, водруженное на длинномъ древкѣ. На немъ съ обѣихъ сторонъ вышиты золотомъ, серебромъ и разными шелками изображенія: а) Господа Саваоа, сѣдящаго на

¹⁾ Книги эти напечатаны нами въ 1881 г.

²⁾ «Вкладныя и Кормовыя книги Борисоглѣбскаго монастыря, А. Титова».

облакахъ и благословляющаго обѣими руками, о) архистратига Михаила, въ воинскихъ доспѣхахъ, держащаго въ рукѣ мечъ и в) Иисуса Навина, тоже въ воинскомъ вооруженіи, припавшаго предъ нимъ съ лѣвой стороны на правое колѣно. На знамени имѣется надпись, изъ которой можно разобрать только слѣдующія слова, вышитыя вязью: «Кю Иисусу: иззуй сапогъ съ ногу твою, мѣсто бо, на немъ же ты стоиши, свято есть и сотвори Иисусъ тако» (Кн. Ис. Нав., гл. 5, ст. 15). Когда и какъ появилось знамя въ монастырѣ, сказать объ этомъ что-нибудь опредѣленное очень трудно. Преданіе, впрочемъ, говоритъ, что его подарилъ монастырю гетманъ Сапѣга, осаждавшій монастырь въ 1609 году и пощадившій обитель изъ уваженія къ препод. Иринарху. По другой легендѣ—это знамя положено неизвѣстнымъ лицомъ въ память стрѣleckихъ бунтовъ. Замѣтимъ кстати, что въ войскѣ Сапѣги могли быть знамена и съ славянскими надписями. 2) Орудія подвижничества препод. Иринарха: суровая власяница, схимонашескіе наглавники; желѣзные вериги: праздничныя, будничныя и поліелейныя; наглавникъ, поясъ, цѣпи, ужище, камень, палица (дубинка), кресты наперстные (по 3 фун.). Вѣсу во всѣхъ этихъ вещахъ 9 пуд. 19 фун. 3) Семь старинныхъ, поясныхъ, писанныхъ на холстѣ портретовъ царей: Іоанна Грознаго, Θεодора Іоанновича, Михаила Θεодоровича, Алексеѣ Михайловича, царицы Натальи Кирилловны, Θεодора Алексеѣвича и Іоанна Алексеѣвича. 4) Въ ризницѣ хранятся: а) мѣдные кресты, принадлежавшіе препод. Иринарху; б) крестъ серебряный позолоченный съ мощами 80 святыхъ, съ частицею Креста Господня и камнемъ отъ гроба Господня, устроенный въ 1716 году архимандритомъ Іосифомъ; в) крестъ архимандритскій серебряный съ мощами еванг. Марка, Іоанна Златоуста, св. Николая, Ефрема Сирина, Іоанна Многострадальнаго, Павла Послушливаго и г) крестъ каменный, обложенный серебромъ.

Въ библиотекѣ, по словамъ изслѣдователя ярославской епархіи прот. Троицкаго, достойны вниманія: а) рукописный сборникъ съ завѣщаніемъ св. Димитрія; б) краткій катихизисъ, по мѣстамъ направленный противъ раскольниковъ; в) «Чудо новое» препод. Кирилла Новоезерскаго, гдѣ между прочимъ значится, что за Ковженскимъ монастыремъ по новой ревизіи считается 240 душъ крестьянъ; г) Лѣтописецъ отъ сотворенія міра, краткій, въ концѣ котораго упоминается о привезеніи въ Москву Стеньки Разина; д) древній синодикъ, въ которомъ записаны, между прочимъ, роды: кн. Іоанна Дмитріевича Бѣльскаго, кн. Андрея Ростовскаго, кн. Юрія Івановича Темкина, князей Ростовскихъ—Хохолковыхъ, кн. Іоанна Гвоздева-Ростовскаго, кн. Ивана Михайловича Шуйскаго, кн. Петра Михайловича Щенятева, князей Пронскихъ, кн. Ивана Андреевича Гондурова, кн. Ивана Михайловича Хворостинина, кн. Алексеѣ

Михайловича Львова, Михайла Михайловича Салтыкова, стольника Титова, окольничаго Колгузина и др.¹⁾.

Настоятели монастыря сперва были игумены, но съ 1688 года, при царяхъ Иванѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ и при святѣйшемъ патріархѣ Іоакимѣ, учреждена была архимандрія. По настольной грамотѣ, данной 1719 года октября 29 дня, Георгіемъ, епископомъ ростовскимъ и подтвержденной преосв. Іоакимомъ, здѣшнимъ архимандритамъ дозволено было служить съ набедренникомъ, палицею, въ шапкѣ среброкованной, съ рипидами и на коврѣ.

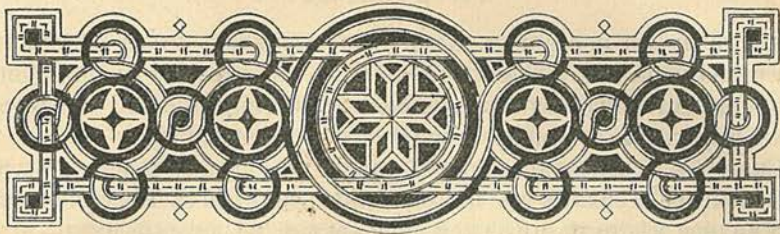
Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ «о тѣсной келіи преподобнаго Иринарха», въ которой онъ провелъ 38 лѣтъ и 4 мѣсяца, обремененный желѣзными цѣпями. Она уцѣлѣла до нашего времени и находится у стѣны за алтаремъ Борисоглѣбской соборной церкви. Въ ней узенькое, едва пропускающее свѣтъ, окошечко и голыя мрачныя стѣны... Какъ три вѣка назадъ, такъ и теперѣ:

«Весна сихъ сводовъ не видала,
«Ты не найдешь на нихъ цвѣтка,
«На нихъ затворника рука
«Страданій повѣсть начертала»...

А. Титовъ.

¹⁾ Синодикъ находится въ Ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей и напечатанъ нами почти весь въ Описаніи рукописей этого музея.

РУССКІЙ ДВОРЪ ВЪ 1826—1832 ГОДАХЪ.

ЕДАВНО появился въ печати первый томъ записокъ генерала Леопольда Герлаха подъ заглавіемъ «Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs, Generals der Infanterie und General-Adjutanten König Friedrich Wilhelms IV. Nach seinen Aufzeichnungen herausgegeben von seiner Tochter»¹⁾.

Такъ какъ авторъ записокъ занималъ видное мѣсто при прусскомъ дворѣ, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, его братомъ, принцемъ Вильгельмомъ, (впослѣдствіи германскимъ императоромъ) и другими членами королевской фамиліи, кромѣ того, неоднократно путешествовалъ въ свитѣ принца Вильгельма и нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи, то его записки не лишены интереса и для русскихъ читателей. Имѣя случаи бесѣдовать съ высокопоставленными лицами о событіяхъ современной политики и къ тому же отличаясь твердостью политическихъ убѣжденій и замѣчательными способностями, авторъ записокъ получилъ возможность сообщить потомству множество любопытныхъ подробностей о придворномъ бытѣ въ Пруссіи и Россіи и о важнѣйшихъ вопросахъ политики въ царствованіе императора Николая и прусскихъ королей Фридриха-Вильгельма III и Фридриха-Вильгельма IV. То обстоятельство, что чуть ли не на каждой страницѣ записокъ Герлаха идетъ рѣчь о принцѣ Вильгельмѣ, которому было суждено впослѣдствіи занять столь важное мѣсто и въ обще-европейской

¹⁾ Berlin, Verlag von Wilhelm Hertz, 1891. Erster Band; 848 стр.

политикъ и въ исторіи нашего вѣка, придаетъ этому источнику особое значеніе. Въ настоящемъ очеркѣ мы извлекаемъ изъ записокъ Герлаха свѣдѣнія относящіяся къ Россіи, именно въ первое время царствованія императора Николая Павловича.

Скажемъ нѣсколько словъ о личности Герлаха и его карьерѣ.

Семейство Герлахъ въ продолженіе послѣднихъ столѣтій занимало видное мѣсто въ прусской бюрократіи; нѣкоторые члены этого семейства служили въ военной службѣ. Отецъ автора записокъ былъ бюргермейстеромъ въ Берлинѣ въ то время, когда Пруссія находилась въ нѣкоторой зависимости отъ Франціи (1809—1813 гг.). И онъ и сыновья его принадлежали постоянно къ партіи консерваторовъ. Братъ автора записокъ, Людвигъ, въ 1849 г. основалъ извѣстную «*Neue Preussische Zeitung*» (такъ называемую «*Kreuz-Zeitung*»), въ которой проповѣдывались до новѣйшаго времени начала реакціи противъ всякой попытки прогресса и либерализма. Людвигъ Герлахъ до семидесятихъ годовъ упорно боролся противъ конституціонализма и въ качествѣ члена, такъ называемой, клерикальной партіи нападалъ иногда на Бисмарка, на извѣстнаго министра Фалька и пр. Младшій братъ, Оттонъ, посвятилъ себя богословію, сдѣлался пасторомъ, былъ профессоромъ, и имѣлъ нѣкоторое значеніе, какъ писатель, въ своей спеціальности.

Авторъ записокъ, Леопольдъ, родившійся въ 1790 году, воспитывался сначала въ гимназій, затѣмъ въ военной академіи и участвовалъ въ походахъ противъ Франціи. Онъ сражался при Ауэрштетѣ въ 1806 году и немного позже былъ взятъ въ плѣнъ французами. По возвращеніи на родину, онъ нѣкоторое время былъ студентомъ въ Гёттингенѣ, гдѣ занимался изученіемъ литературы, богословія, права и пр. Уже въ это время довольно сильно развивалась въ немъ ненависть противъ либерализма и революціонной Франціи. Въ 1813 году онъ участвовалъ въ войнѣ за освобожденіе Германіи и находился въ главной квартирѣ при Блюхерѣ. Послѣ заключенія Вѣнскаго мира онъ, оставаясь въ военной службѣ, занимался изученіемъ политическихъ теорій въ смыслѣ реакціонныхъ стремленій противъ переворота 1789 г. и слѣд. Въ 1824 году, онъ былъ причисленъ къ свитѣ принца Вильгельма, что и представляло ему случаи побывать въ разныхъ странахъ, между прочимъ и въ Россіи. Не раньше какъ въ 1859 г. онъ сдѣлался генераломъ отъ-инфантеріи, но во все время и до этого онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ не только принца Вильгельма, но и короля Фридриха-Вильгельма IV, всюду и всегда и во всѣхъ отношеніяхъ поддерживая реакціонныя стремленія. Простудившись на похоронахъ короля Фридриха-Вильгельма, Леопольдъ Герлахъ скончался въ началѣ 1861 года.

Изданіе записокъ его будетъ обнимать, въ двухъ томахъ, время отъ 1825 года до конца царствованія Фридриха-Вильгельма IV.

Первый томъ доведенъ до 1852 года. Особенно любопытно изложеніе перваго времени царствованія короля Фридриха-Вильгельма IV. Частыя бесѣды Герлаха съ королемъ и кронпринцемъ о текущихъ дѣлахъ, о вопросахъ внѣшней и внутренней политики, объ опасности чрезмѣрно-либеральнаго развитія государственнаго права, отношенія Герлаха къ другимъ коронованнымъ лицамъ, къ министрамъ, къ замѣчательнымъ представителямъ науки и литературы, глубоко нравственное отношеніе его ко всемъ вопросамъ свѣтскимъ и духовнымъ, широкая эрудиція, даже, смѣемъ сказать, односторонность его политическихъ и религиозныхъ воззрѣній—все это придаетъ запискамъ Герлаха довольно важное значеніе.

Четыре раза онъ, вмѣстѣ съ принцемъ Вильгельмомъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ, именно въ 1826, 1828, 1832 и 1834 годахъ. О четвертой поѣздкѣ мы не находимъ данныхъ въ изданіи. За то рассказы о впечатлѣніи, произведенномъ на него Россіей, дворомъ, членами царской фамиліи и пр. до 1832 года, имѣя характеръ краткихъ, отрывочныхъ замѣтокъ, все-таки отличаются рельефностью и могутъ считаться занимательными. Во время первой поѣздки Герлаха въ Петербургъ, главнымъ предметомъ вниманія его были: перемѣна на престолѣ въ Россіи, декабристы и произведенное надъ ними слѣдствіе; въ 1828 году, Герлаха и лицъ съ которыми онъ встрѣчался при русскомъ дворѣ главнымъ образомъ интересовали восточный вопросъ, греки, предстоявшая турецкая война. Когда принцъ Вильгельмъ, а въ свитѣ его и Герлахъ, прибыли въ Россію въ 1832 году, имъ, какъ и другимъ современникамъ, приходилось, въ виду событій въ разныхъ государствахъ, заниматься вопросомъ о революціи и о конституціонализмѣ.

Принцъ Вильгельмъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ январѣ 1826 г. и оставался тамъ до апрѣля, безъ малаго три мѣсяца. Между нимъ и императоромъ Николаемъ существовали еще до этого близкія, родственныя отношенія. Съ 1817 года, сестра принца, принцесса Шарлотта—императрица Александра Ѳеодоровна—была супругою Николая. Берлинскіе гости были приняты въ Петербургѣ особенно радушно. Любезность въ обращеніи государя съ лицами свиты принца не могла не произвести глубокаго впечатлѣнія на Герлаха и его товарищей. Генераль Тиле былъ въ восхищеніи отъ личности Николая. Въ разговорѣ съ генераломъ, государь замѣтилъ, что онъ, Николай, относится къ королю Фридриху-Вильгельму III съ любовью и довѣріемъ, какъ сынъ къ отцу. «Скажите всемъ моимъ товарищамъ въ Берлинѣ,—сказалъ онъ генералу Тиле,—что я съ отѣнною радостью вспоминаю о времени, проведенномъ мною въ Берлинѣ». Весьма радушно Николай бесѣдовалъ и съ Герлахомъ понѣмецки, показывалъ ему и другимъ лицамъ свиты принца своихъ дѣтей, наслѣдника цесаревича, которому тогда было восемь лѣтъ и великихъ княженъ. Веселость и рѣзвость дѣтей при серьез-

ности положенія двора непосредственно послѣ воцаренія Николая Павловича произвели впечатлѣніе на Герлаха. Неоднократно и послѣ Герлахъ имѣлъ случай видѣть этихъ дѣтей, удивляясь ихъ красотѣ и развязности. Во время пребыванія принца въ Петербургѣ, 10-го (22 го) марта, праздновали день его рожденія. Съ поздравленіемъ сначала пріѣхала императрица съ дѣтьми, не въ черномъ платьѣ, затѣмъ и государь. Онъ обнялъ всѣхъ лицъ свиты принца, а императрица замѣтила: «Бѣдный Вицъ (Вильгельмъ) празднуетъ день своего рожденія при довольно печальныхъ обстоятельствахъ», т. е. во время придворнаго траура. Личность Николая производила самое благопріятное впечатлѣніе. Удивлялись его прекрасной наружности. Говорили о его благочестіи. Нѣкто Мортимеръ, пасторъ гернгутерскаго прихода, рассказывалъ Герлаху, что государь ежедневно занимается чтеніемъ священнаго писанія; подтверждая рассказъ Мортимера, Гриммъ, служившій тогда при гардеробѣ государя, прибавилъ, что въ этихъ занятіяхъ, т. е. въ чтеніи священнаго писанія по утрамъ и по вечерамъ, регулярно участвовалъ и великій князь Михаилъ Павловичъ.

Въ первое пребываніе принца въ Петербургѣ русскій дворъ находился подъ вліяніемъ впечатлѣнія кончины императора Александра и печальныхъ событій, сопровождавшихъ воцареніе Николая. Когда берлинскіе гости прибыли вновь въ Петербургъ въ 1828 году, общее настроеніе двора было какъ-то веселѣе, спокойнѣе. Герлахъ въ своемъ дневникѣ говоритъ объ этой, бьющей въ глаза, разницѣ. Императрица въ 1826 году имѣла болѣзненный видъ; теперь она была здороваю и отличалась красотой. Тогда всѣхъ занимала мысль объ опасности, грозившей со стороны заговорщиковъ, и слѣдствіе надъ декабристами было при дворѣ главнымъ предметомъ бесѣды и заботы; теперь же дворъ могъ предаваться обычнымъ удовольствіямъ. Особенно часто играли «à la mouche». Императрица, какъ замѣчаетъ Герлахъ, веселостью походила на брата Вильгельма. 2-го (14-го) января 1828 г. былъ балъ при дворѣ, великолѣпіе котораго, при этомъ случаѣ, удивило Герлаха и его товарищей. Государь весьма любезно разговаривалъ со всѣми, шутилъ съ Герлахомъ, затрогивалъ слегка вопросы политики и проч. Была устроена и охота на медвѣдей въ окрестностяхъ Петербурга, при чемъ костюмы заголицы обратили на себя вниманіе Герлаха. Петергофъ, куда всѣ отправились на два дня и откуда была предпринята экскурсія въ Кронштадтъ для осмотра тамошнихъ укрѣпленій, не особенно понравился Герлаху и онъ удивлялся тому, что въ Петербургѣ говорили о прелести природы, окружающей Петергофъ, съ такимъ же восхищеніемъ, съ какимъ могъ бы расхваливать мѣстоположеніе своей столицы король неаполитанскій. Дѣло въ томъ, что Герлахъ былъ въ Петергофѣ въ январѣ.

Вмѣстѣ съ принцемъ Герлахъ бывалъ у нѣкоторыхъ вель-

можъ, завтракать у князя Голицына, у князя Кочубея, и друг. Однажды, его къ себѣ пригласила императрица, и онъ просидѣлъ у нея часъ. Другой разъ онъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго эпизода. На вечерѣ у императрицы собралась нѣсколько болѣе многочисленная компанія. Сначала бесѣдовали, затѣмъ принялись за игру «à la mouche»; наконецъ императрица предложила игру фара (или фарао). Государь шутя не согласился дозволить эту азартную игру, говоря: «Non ma chère, et je vous prie sérieusement de ne pas faire cela, sur tout comme nous ne sommes pas entre nous; on en parlera dans la ville». Обращаясь затѣмъ къ бывшему тутъ же виртембергскому принцу, Николай Павловичъ прибавилъ: «Et Monseigneur racontera aussi de vous à Stuttgart».

Герлаху разсказывали, что императоръ Николай Павловичъ въ это время регулярно работалъ по утрамъ отъ 8 до 12 часовъ, а по вечерамъ отъ 9 до глубокой ночи. Въ дневникѣ Герлаха выражается удивленіе фамильярности въ обращеніи государя и государыни съ лицами ихъ окружающими. Какъ кажется, въ Берлинѣ и въ тѣсномъ кругу правила этикета имѣли бѣльшее значеніе. Разсказы объ обращеніи государя съ дѣтьми, о разныхъ шуткахъ его, производятъ чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе. Однажды, когда Герлахъ ужиналъ за однимъ столомъ съ императоромъ, императрицею и принцемъ, послѣдній, замѣтивъ, что одинъ столъ былъ поставленъ повыше другого, сказалъ: «C'est la chambre haute et la chambre basse», а Николай Павловичъ возразилъ: «Ne me parlez pas ici de constitution». Это было въ 1832 г. Тогда именно въ Англии газеты сильно нападали на Николая Павловича, что ему казалось очень забавнымъ. Однажды вечеромъ, онъ, встрѣтивъ Герлаха, сказалъ ему и прусскому дипломату Каницу, что въ англійскомъ парламентѣ его сравнивали съ Нерономъ, называли его Каннибаломъ и проч. и что весь англійскій словарь оказался недостаточнымъ для выраженія всѣхъ ужасныхъ качествъ, которыми отличается всероссійскій императоръ. Лордъ Дургамъ, англійскій дипломатъ, прибывшій въ Россію, находился въ неловкомъ положеніи, а императоръ Николай шутя говорилъ: «Je me signerai toujours Nicolas cannibal».

Неоднократно Герлахъ въ своихъ запискахъ говоритъ и о другихъ членахъ царскаго дома. Его трогала любезность, съ которою обращался съ нимъ и съ другими лицами великій князь Михаилъ Павловичъ, который съ Герлахомъ иногда, хотя и сдержанно, говорилъ о политикѣ, напимѣръ о декабристахъ, о грекахъ и проч. Великаго князя Константина Павловича Герлахъ не видалъ. Когда онъ въ свитѣ принца Вильгельма въ началѣ 1826 г. былъ проездомъ въ Варшавѣ, великій князь не показывался лицамъ свиты и пригласилъ къ себѣ обѣдать только одного принца. Консулъ Шмидтъ въ Варшавѣ, у котораго обѣдали Герлахъ и другія лица свиты

принца, рассказывалъ нѣкоторыя подробности о характерѣ и дѣйствіяхъ великаго князя, замѣчая при этомъ, что бракъ съ княгинею Ловичъ оказалъ весьма благоприятное вліяніе на нравъ Константина Павловича, такъ что въ послѣднее время измѣнилось въ лучшему его суровое обращеніе съ поддаными. Онъ былъ нѣжнымъ супругомъ. Кончина императора Александра такъ сильно подѣйствовала на него, что онъ рыдая обнималъ принца Вильгельма при встрѣчѣ съ нимъ. Шмидтъ рассказывалъ далѣе, что великій князь вполне одобрялъ мысль императора Александра сохранить нѣкоторую самостоятельность и своеобразность Польши и проч.

Императрица-мать, Марія Ѳеодоровна, удивляла берлинскихъ путешественниковъ своею неумоимою дѣятельностью въ завѣдываніи школами. Герлахъ замѣчаетъ, что, бывало, даже ночью, послѣ придворныхъ вечеровъ, довольно часто происходившихъ въ ея покояхъ, она была занята дѣлами по администраціи учреждений, находившихся въ ея вѣдомствѣ. Герлахъ прибавляетъ, что несмотря на неусыпные труды императрицы, весьма часто совсѣмъ неожиданно посѣщавшей эти училища, въ нихъ происходили замѣчательныя злоупотребленія.

Понятно, что во время перваго пріѣзда Герлаха въ Петербургъ, непосредственно послѣ кончины императора Александра, весьма часто заходила рѣчь о покойномъ государѣ. Говорили о болѣзненномъ состояніи его въ послѣднее время жизни, о его душевномъ разстройствѣ; императрица Александра Ѳеодоровна рассказывала Герлаху о нѣкоторыхъ чертахъ сюда относящихся. Марія Ѳеодоровна сказала Герлаху объ Александрѣ: «Онъ былъ лучшимъ другомъ вашего короля» и проч. Герлахъ далѣе говоритъ въ своихъ запискахъ о когда-то происходившей бесѣдѣ императора Александра съ своимъ шуриномъ, принцемъ Вильгельмомъ, въ которой Александръ выразилъ намѣреніе отказаться отъ престола. Герлахъ къ этому прибавляетъ нѣкоторыя данныя о намѣреніи Александра назначить себѣ преемникомъ Николая, о чрезмѣрномъ довѣреніи Александра къ Аракчееву и проч. Саксонскій дипломатъ Розенцвейгъ, съ давнихъ поръ проживавшій въ Петербургѣ, сообщилъ Герлаху нѣкоторыя подробности объ отношеніяхъ Александра къ Наполеону во время событій въ Тильзитѣ. Александръ, говоритъ Розенцвейгъ, былъ «de bon coeur» союзникомъ Наполеона, но послѣ заключенія Тильзитскаго мира въ продолженіе нѣсколькихъ дней не выходилъ изъ своихъ покоевъ и никого не принималъ (?). Дибичъ рассказывалъ генералу Тиле, будто главною причиною душевнаго разстройства, меланхоліи, Александра было отчаяніе по поводу страшныхъ злоупотребленій въ администраціи и что покойный государь сомнѣвался въ возможности помочь этому злу. Далѣе Дибичъ говорилъ, что ему самому ничего не было извѣстно объ отреченіи великаго

князя Константина Павловича отъ престола, что императоръ Александръ во время послѣдней болѣзни ни слова не сказалъ ему объ этой перемѣнѣ въ порядкѣ престолонаслѣдія и что поэтому онъ, Дибичъ, на другой день послѣ кончины Александра послалъ докладъ Константину и только тогда, значить довольно поздно, получилъ въ отвѣтъ отъ великаго князя приказаніе, обращаться съ докладами къ императору Николаю Павловичу. И князь А. Н. Голицынъ, съ которымъ Герлахъ сошелся близко, благодаря бесѣдамъ о религіи, сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія объ Александрѣ, при чемъ замѣтилъ: «Je suis lié à l'empereur Alexandre depuis trente ans; notre amitié date des temps de l'impératrice Cathérine». Похороны Александра происходили во время пребыванія берлинскихъ гостей въ Петербургѣ, и Герлахъ сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ этой церемоніи; гробъ сначала былъ привезенъ въ Царское Село, императрица Марія Ѳеодоровна, увидѣвъ тѣло сына, нѣсколько разъ цѣловала руку покойника и воскликнула: «Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre, ah, comme il a maigri». Герлахъ присутствовалъ при погребеніи въ Петербургѣ, при церемоніи въ Казанскомъ соборѣ и въ Петропавловскомъ соборѣ, при чемъ особенно сильно на него подѣйствовало церковное пѣніе. По его разсказу, отсутствіе вдовы Александра и великаго князя Константина при погребеніи Александра возбудило неблагопріятныя толки.

Главнымъ предметомъ бесѣдъ при русскомъ дворѣ во время перваго пребыванія принца Вильгельма въ Петербургѣ при Николаѣ, разумѣется, были декабристы. Всѣ находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ событій, совершившихся при перемѣнѣ на престолѣ. Марія Ѳеодоровна говорила Герлаху объ этихъ событіяхъ: «Ужасныя сцены происходили въ моихъ глазахъ, подъ окнами моихъ комнатъ; оба сына находились въ крайней опасности; бѣдные солдаты были приведены въ заблужденіе. Для меня было утѣшеніемъ видѣть, какъ при этомъ случаѣ держалъ себя мой сынъ Николай; лучшею поддержкою при этомъ ему служила его супруга, которая поступала во всѣхъ отношеніяхъ какъ нельзя лучше, моя милая, любезная дочь!» . . . . .

До Герлаха доходили кое-какія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ слѣдственной комиссіи, судившей декабристовъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ Герлаху о слѣдствіи, въ которомъ онъ принималъ дѣятельное участіе: «Ce n'est pas seulement une fatigue physique, mais aussi une fatigue morale; cela blesse le coeur. Ces messieurs parlent avec un sangfroid de ces horreurs, comme s'ils étaient en plein droit. Ou nous sommes des faquins et ces messieurs là des honnêtes gens, ou ils sont des faquins et nous les honnêtes gens. Ils sont sans foi et sans loi absolument; ils ne veulent que l'assassinat et le pillage». Принцъ Вильгельмъ сообщалъ лицамъ, его окружавшимъ, нѣкоторыя подробности о слѣдствіи надъ декабристами. Допросы происходили въ помѣщеніи смежномъ съ покоями императрицы Маріи Ѳеодоровны, такъ что въ послѣднихъ было слышно, что говорили при допросахъ. Случился слѣдующій эпизодъ. Одинъ молодой человѣкъ открыто сознался въ своей винѣ и въ слезахъ упалъ въ ноги императору. Послѣдній сказалъ ему, что его наказаніе ограничится шестимѣсячнымъ заключеніемъ въ Выборгскомъ замкѣ. Молодой человѣкъ хотѣлъ вытереть слезы, но при этомъ замѣтилъ, что у него не было платка, государь далъ ему свой платокъ, замѣтивъ при этомъ: «Оставь платокъ у себя и не забывай, что ты проливалъ слезы раскаянія».

Говорили далѣе о намѣреніи заговорщиковъ, а именно нѣкоторыхъ офицеровъ - артиллеристовъ, убить великаго князя Константина на пути изъ Варшавы въ Таганрогъ. Дибичъ говорилъ Герлаху, что онъ съ своей стороны считаетъ положеніе не столько опаснымъ, и что арестованіе 300 человѣкъ положило конецъ бунту; онъ же рассказывалъ о молвѣ въ народѣ, будто Александръ еще живъ и въ могилу опущенъ пустой гробъ.

Во время пребыванія Герлаха въ Петербургѣ, государь на парадѣ обратился съ рѣчью къ двумъ полкамъ, участвовавшимъ въ беспорядкахъ; въ отвѣтъ на эту рѣчь раздалось громкое «ура!» Николай Павловичъ сказалъ Дернбергу, присутствовавшему при этой сценѣ: «Теперь я на нихъ вновь могу надѣяться вполне».

При всемъ томъ, однако, положеніе двора считалось очень опаснымъ. Кто-то изъ придворныхъ говорилъ генералу Тиле: «Будьте увѣрены, что не всѣ заговорщики находятся въ крѣпости: они отчасти еще между нами; мы съ ними встрѣчаемся въ передней у государя, и у него въ рукахъ имѣются доказательства ихъ измѣны».

Герлахъ видѣлъ выраженіе крайней заботы на

лицѣ императора. Императрица Марія Ѳеодоровна неоднократно въ сильномъ волненіи спрашивала принца Вильгельма, считаетъ ли онъ вообще возможнымъ, чтобы русскіе отважились на столь ужасныя преступленія?

Вообще, положеніе Россіи казалось Герлаху далеко неудовлетворительнымъ. Онъ говорилъ съ разными лицами, въ томъ числѣ и русскими, объ исторіи Россіи, о ея государственномъ и общественномъ строѣ, экономическомъ положеніи народа и приходилъ къ выводу, что въ разныхъ отношеніяхъ коренныя реформы оказывались необходимыми. Во время пребыванія въ Кронштадтѣ, въ февралѣ 1826 года, Герлахъ вынесъ впечатлѣніе о крайне неудовлетворительномъ состояніи флота. При другомъ случаѣ онъ удивлялся тому, что русскіе офицеры не были хорошими всадниками. Въ этомъ родѣ въ его запискахъ разсыпаны и другія замѣчанія о положеніи Россіи въ религіозномъ отношеніи, о крестьянахъ, о положеніи дѣлъ на Кавказѣ и проч. Во второе пребываніе въ Петербургѣ, наканунѣ турецкой войны, Герлахъ замѣтилъ: «Борьба предстоящая внутри Россіи опаснѣе войны въ долинахъ Балканскихъ горъ».

Нѣкоторыя замѣчанія объ Аракчеевѣ и военныхъ поселеніяхъ не лишены интереса. Герлахъ видѣлъ Аракчеева при дворѣ, и бывшій любимецъ Александра произвелъ на него самое невыгодное впечатлѣніе. Полковникъ Мердеръ, занимавшій мѣсто наставника цесаревича, говорилъ съ Герлахомъ объ Аракчеевѣ, порицая его нравъ и неудачную административную дѣятельность. Всѣ въ одинъ голосъ, — пишетъ Герлахъ въ другомъ мѣстѣ, «осуждаютъ военныя поселенія, тираннія неслышанная» и проч. Разказывали разные случаи деспотизма Аракчеева. Удивлялись тому, что государь не выражалъ болѣе энергично свое нерасположеніе къ Аракчееву, который счастливъ только тогда, когда бываетъ мучителемъ. До отъѣзда, весною 1826 г., принцъ и лица его окружавшія, отправившись въ Новгородскую губернію смотрѣть военныя поселенія. Здѣсь Аракчеевъ произвелъ на путешественниковъ самое неблагоприятное впечатлѣніе. Пробывъ не болѣе одного дня въ этихъ военныхъ поселеніяхъ, принцъ Вильгельмъ и его свита убѣдились въ полной справедливости всѣхъ неблагоприятныхъ отзывовъ объ этомъ учрежденіи. Они нашли военныя поселенія «отвратительными, ужасными» (in ihrer ganzen Abscheulichkeit), основанными на всеобщемъ неправильныхъ началахъ и поддерживаемыхъ исключительно жестокостью и проч. Генералъ Головинъ замѣтилъ при этомъ: «L'homme dans ces colonies est sujet au caporalisme jusqu'aux détails de sa vie privée».

Любопытны также нѣкоторыя замѣчанія о вліяніи протестантизма въ Россіи. Герлахъ на вопросы религіи обращалъ особенное вниманіе. Его поэтому въ высшей мѣрѣ интересовали лица въ

родѣ князя Голицына, Госнера, Ливена и друг. Онъ справлялся о дѣятельности Госнера, игравшаго довольно важную роль въ послѣднее время царствованія императора Александра. Гернгутерскій пасторъ Мортимеръ рассказывалъ Герлаху о необычайно успѣшной пропагандѣ Госнера, бывшаго прежде католикомъ и перешедшаго въ протестантскую вѣру, о его краснорѣчии, объ отношеніяхъ къ нему императора Александра и пр. Съ Ливеномъ Герлахъ подробно бесѣдовалъ и состояніи протестантизма, о расколѣ, о князѣ Голицынѣ, объ отношеніяхъ Александра къ вопросамъ религіи и т. под. Въ то время, когда Герлахъ прибылъ въ Петербургъ, тамъ не было болѣе Госнера. Однако послѣдній, находясь въ Германіи, оттуда переписывался съ братьями Гриммами и чрезъ нихъ старался все еще оказывать вліяніе на русскій дворъ, какъ видно между прочимъ изъ письма его къ Гримму, напечатаннаго въ изданіи дневника Герлаха (стр. 16—17). Объ Александрѣ I Герлаху рассказывали, что Меттернихъ всячески уговаривалъ его принять мѣры противъ масоновъ, но что государь возразилъ: «Laissez les franc-maçons; ce sont de bons gens»; вскорѣ однако началось гоненіе на Библейское Общество. Что касается до Госнера, то Герлахъ досталъ себѣ рукописи съ проповѣдями этого извѣстнаго пропагандиста и по прочтеніи ихъ доставилъ всѣ бумаги принцу Вильгельму, который также занимался ими и находилъ, что все содержаніе проповѣдей и писемъ Госнера вполне соответствовало духу христіанской религіи. Вопросъ о библейскихъ обществахъ былъ тогда предметомъ бесѣдъ при дворѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, въ разговорѣ съ принцемъ Вильгельмомъ, намекнулъ на опасность, грозившую со стороны библейскихъ обществъ для народа и ссылался при этомъ на мнѣніе высказанное духовенствомъ. Принцъ Вильгельмъ и Герлахъ все это, въ бесѣдѣ между собою, подвергали подробному обсужденію. Императоръ Николаи говорилъ о Госнерѣ и другихъ пропагандистахъ: «Эти люди намъ нанесли много вреда». Напрасно принцъ въ бесѣдѣ съ государемъ попытался было оправдать Госнера, ссылаясь на содержаніе прочитанныхъ имъ бумагъ этого проповѣдника. Николай указалъ на какую-то книгу Госнера, считавшуюся чрезвычайно вредною и заставившую правительство удалить его. Принцъ и Герлахъ узнали, что архимандритъ Фотій въ борьбѣ противъ Голицына, Госнера и библейскихъ обществъ, воспользовался Аракчеевымъ какъ орудіемъ для того, чтобы заставить императора Александра принять строгія мѣры. Впрочемъ, берлинскіе гости узнали также, что императоръ Николай презиралъ Фотія.

Принцъ Вильгельмъ и лица его свиты не могли не обращать вниманія на положеніе иностранцевъ въ Россіи. При дворѣ они встрѣтили многихъ выдающихся представителей прибалтійскаго края, нѣмцевъ, французовъ, англичанъ. Герлахомъ были собраны

данныя о значеніи иностранцевъ въ исторіи внѣшней торговли и фабричной промышленности Россіи, о врачахъ-иностранцахъ и пр., и его замѣчанія о вліяніи этихъ пришельцевъ на развитіе культуры Россіи не лишены интереса. Онъ также старался узнать подробнѣе о состояніи Дерптскаго университета, причемъ особенно выставлялъ на видъ значеніе медицинскаго и богословскаго факультетовъ. Ему казалось, что учрежденіе этого университета императоромъ Александромъ имѣло особенно важный успѣхъ и принесло великую пользу.

Во все время перваго пребыванія принца Вильгельма въ Россіи при императорѣ Николаѣ, въ дневникѣ Герлаха почти вовсе не говорится о внѣшней политикѣ. Все вниманіе путешественниковъ сосредоточивалось на событіяхъ при дворѣ и въ столицѣ. Когда два года спустя принцъ Вильгельмъ и его адъютантъ опять прибыли въ Россію, восточный вопросъ обращалъ на себя одинъ вниманіе. Въ октябрѣ 1827 года, происходила битва при Наваринѣ, въ которой соединенный англо-руско-французскій флотъ разбилъ турецкій. 19—31 декабря прибылъ въ Петербургъ принцъ Вильгельмъ. Весною 1828 года началась турецкая война. Борьба грековъ за независимость началась еще въ послѣднее время царствованія императора Александра; однако европейскія державы вмѣшались въ дѣла на Балканскомъ полуостровѣ не раньше какъ съ 1826 года. Особенно Англія старалась въ пользу грековъ; Каннингъ дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ на Балканскомъ полуостровѣ, Веллингтонъ въ Петербургѣ. О пріѣздѣ знаменитаго англійскаго полководца въ Россію, въ мартѣ 1826 г., упомянуто въ дневникѣ Герлаха; тамъ же сказано нѣсколько словъ о грекахъ. Однако гораздо подробнѣе говорится о Турціи и о Греціи въ 1828 году. Россія готовилась вмѣстѣ съ Англіею объявить войну Оттоманской Портѣ. Спрашивалось: можно ли будетъ рассчитывать и на содѣйствіе Пруссіи? Во время пребыванія принца Вильгельма въ Петербургѣ до конца апрѣля 1828 года этотъ вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно. Король Фридрихъ-Вильгельмъ III объявилъ, что не считаетъ возможнымъ присоединиться къ коалиціи. Понятно, что принцъ Вильгельмъ и Герлахъ въ это время зорко слѣдили за событіями.

Уже императоръ Александръ I думалъ о разрывѣ съ Оттоманскою Портою. Въ началѣ царствованія Николая приходилось рѣшить вопросъ о мирѣ или войнѣ. Герлахъ иногда принималъ участіе въ бесѣдахъ по этому предмету. Уже въ 1826 году онъ говорилъ о грекахъ и туркахъ съ княземъ Меншиковымъ, причемъ удивился уму и способностямъ этого сановника. На пути въ Россію принцъ Вильгельмъ бесѣдовалъ съ Герлахомъ постоянно о турецкихъ дѣлахъ и о принципахъ вмѣшательства въ дѣла другихъ державъ. Послѣ пріѣзда въ Петербургъ, Герлахъ разговари-

валъ объ этомъ же предметѣ съ Дибичемъ, который объяснялъ, при какихъ условіяхъ можно думать о взятіи Константинополя, о выгодахъ для Россіи расширить свои предѣлы въ Азіи и пр. Герлахъ въ своемъ дневникѣ приводитъ слова императора Николая Павловича: «La Russie ne fera pas des conquêtes en Europe; pour l'Asie c'est autre chose». Меншиковъ объяснилъ Герлаху, что при размѣрахъ торговыхъ сношеній Россіи съ Азіею нельзя не думать о принятіи мѣръ для обезпеченія караваннаго движенія. Кочубей выразилъ мысль объ учрежденіи въ Константинополѣ республики (!?). Вопросъ о томъ: достойны ли греки заступничества за нихъ европейскихъ державъ или нѣтъ, становился жгучимъ. Принцъ Вильгельмъ считалъ вмѣшательство въ турецкія дѣла необходимымъ, называя такую «intervesion» не иначе, какъ «la bonne cause». Герлахъ не раздѣлялъ этого взгляда и сомнѣвался въ правѣ державъ вмѣшиваться въ дѣла, происходившія на Балканскомъ полуостровѣ. Въ его глазахъ греки состояли въ тѣсной связи съ либерализмомъ въ Европѣ и поэтому онъ не могъ понять, какимъ образомъ принцъ Вильгельмъ могъ желать вмѣшательства въ ихъ пользу. Императоръ Николай Павловичъ сначала былъ такого же мнѣнія; но пріѣздъ Веллингтона все-таки имѣлъ слѣдствіемъ составленіе «петербургскаго протокола», въ которомъ въ принципѣ была высказана мысль о заступничествѣ за грековъ. 11-го марта, государь встрѣтилъ Герлахъ въ покояхъ императрицы и спросилъ его: «Скажите, Герлахъ, будетъ ли война или нѣтъ?» Герлахъ отвѣтилъ: «Рѣшеніе этого вопроса въ рукахъ вашего величества». — «А мнѣ почему знать, что будетъ? Нужно спросить султана». При Герлахѣ Николай Павловичъ велѣлъ принести планы Константинополя и объяснялъ технику дѣла при бомбардированіи города. Другой разъ Герлахъ бесѣдовалъ объ этомъ же предметѣ съ графомъ Строгоновымъ, объяснявшимъ, что при неминуемо предстоящемъ паденіи Порты нужно принять нѣкоторыя мѣры предосторожности, и что поэтому придется поддерживать грековъ, но что послѣдніе не будутъ въ состояніи управлять собою, и что если другіе не позаботятся объ устройствѣ ихъ дѣлъ, то можно ожидать анархіи въ этомъ краѣ.

Между тѣмъ состоялось заключеніе союза Россіи съ Англіею и Франціею. Герлаху казалось, что это соглашеніе заключало въ себѣ нѣкоторымъ образомъ союзъ этихъ державъ съ якобинизмомъ и что Греція будетъ исходною точкою чрезвычайныхъ усложненій. Меттернихъ былъ того же мнѣнія. 5-го (17-го) апрѣля Дибичъ говорилъ Герлаху: «Въ случаѣ нашего перехода чрезъ Балканы и побѣды надъ турками близъ Адрианополя, мы, пожалуй, возьмемъ и Константинополь; а потомъ что будетъ? Самое лучшее было бы обезпечить самостоятельность христіанскихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ, организовать тамъ нѣкоторое число независи-

мыхъ государствъ для отвращенія опасности въ случаѣ сокрушенія Оттоманской Порты и для обезпеченія интересовъ торговли».

Таково было положеніе дѣлъ въ ту минуту, когда принцъ и Герлахъ покинули Петербургъ. Съ одной стороны Герлахъ порицалъ объявленіе войны Турціи, съ другой онъ сожалѣлъ о нежеланіи Пруссіи участвовать въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, присутствіе принца Вильгельма могло предотвратить нѣкоторыя несправедливыя мѣры Россіи, которыхъ Герлахъ опасался.

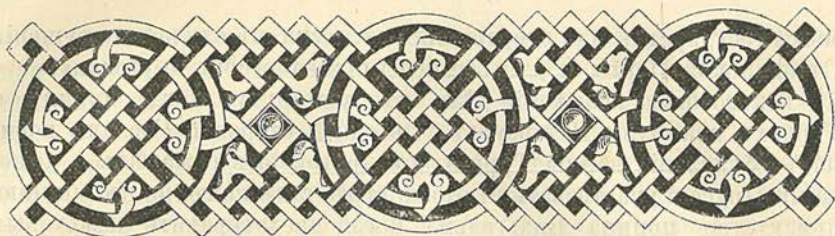
Въ февралѣ 1829 г. принцъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Герлахъ, были въ Веймарѣ, гдѣ происходила помолвка Вильгельма на принцессѣ Августѣ. Здѣсь былъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, который выразился довольно рѣзко о грекахъ: «*Ces gueux, ces Grecs; quelle quantité de braves gens doit périr pour ces canailles*». Три года спустя, когда принцъ Вильгельмъ съ Герлахомъ, лѣтомъ 1832 года, опять находились въ Петербургѣ, великій князь Михаилъ Павловичъ на балу въ Елагинскомъ дворцѣ, замѣтивъ Герлаха, подошелъ къ нему, заговорилъ о политикѣ и сказалъ между прочимъ: «*Les malheurs de l'Europe ont commencé avec cette malheureuse Grèce*».

Во время этого третьяго пребыванія берлинскихъ гостей въ Россіи, лѣтомъ 1832 г., довольно часто заходила рѣчь о революціонныхъ событіяхъ во Франціи и въ другихъ странахъ, о польскомъ возстаніи и пр. Однажды, на вечерѣ у императрицы, императоръ Николай заговорилъ съ Герлахомъ о крайне опасномъ положеніи Европы, при чемъ указывалъ на необходимость для Россіи, Австріи и Пруссіи дѣйствовать сообща, замѣчая при этомъ: «*Съ революціями шутить нельзя; нужно подавлять ихъ по возможности скорѣе; иначе онѣ окажутся сильнѣе насъ*». При другомъ случаѣ государь съ раздраженіемъ говорилъ о Франціи и сказалъ о Людовикѣ-Филиппѣ: «*Ce qu'on appelle roi de France*». Также и великій князь Михаилъ Павловичъ въ бесѣдѣ съ Герлахомъ сказалъ между прочимъ: «*Un pauvre vermisseau comme moi ne peut pas se mêler de la politique, mais il me paraît cependant un devoir des'opposer à la révolution*», а въ тотъ же вечеръ императоръ Николай Павловичъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ говорилъ о польской революціи и о необходимости принятія самыхъ крутыхъ мѣръ противъ трехцвѣтной кокарды и пр.

Ограничиваясь краткими выдержками изъ дневника Герлаха, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что первый томъ этихъ записокъ заключаетъ въ себѣ еще нѣкоторыя данныя объ отношеніяхъ Россіи къ западной Европѣ во время революціи 1848 г., при чемъ также приводятся замѣчанія императора Николая о событіяхъ во Франціи, въ Германіи и пр. Можно думать, что во второмъ томѣ записокъ Герлаха найдутся любопытныя данныя для исторіи Крымской войны, переменны на престолѣ въ Россіи въ 1855 г. и перваго времени царствованія императора Александра II.

А. Брикнеръ.

16*

САЛЮТИСТЫ ВЪ БЕЛЬГИИ.

ВЪ СТАТЬѢ моей «Что такое салютизмъ», напечатанной въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», я очертилъ дѣятельность салютистовъ въ Швейцаріи. Для полноты представленія, какъ о существѣ ученія салютистовъ, такъ и о внѣшней сторонѣ этого ученія, будетъ небезполезно бросить также взглядъ на картину дѣятельности «Арміи спасенія» въ Бельгіи.

Салютисты бельгійскіе отличаются отъ швейцарскихъ многими признаками. Разница эта сказывается и въ болѣе свободѣ проповѣди и въ способахъ и приѣмахъ пропаганды, хотя въ основныхъ взглядахъ на конечныя цѣли и стремленія Арміи различія нѣтъ, и все, что находится подъ властною рукою генерала Бутса и признаетъ его авторитетъ, идетъ прямо и твердо къ поставленной цѣли — вербовать какъ можно болѣе народа въ ряды спасителей человѣчества и всемѣрно радѣть объ увеличеніи матеріальныхъ средствъ Арміи.

Въ Бельгіи салютисты чувствуютъ себя привольнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Нѣмцы, т. е. германцы, вовсе не пускаютъ ихъ къ себѣ; въ Швейцаріи, странѣ политической и религіозной свободы, идетъ формальное преслѣдованіе салютистовъ; во Франціи имъ много мѣшаетъ католическое духовенство, и только въ Бельгіи они безпрепятственно могутъ уловлять въ свои сѣти кого хотятъ, гдѣ хотятъ и какими средствами имъ угодно. Полиція ихъ ни мало не стѣсняетъ, печать къ ихъ услугамъ, а потому и уличныя процессіи и

всякія демонстраціи тамъ до-нельзя шумны, собранія бурны и, словомъ, та «наступательная» пропаганда (*christianisme agressif*), сторонниками которой салютисты себя объявляютъ, не встрѣчаетъ тамъ никакого противодѣйствія. Весь успѣхъ, такимъ образомъ, зависитъ отъ воспріимчивости и здраваго смысла бельгійцевъ.

Къ немалому разочарованію бельгійскихъ руководителей салютизма, народъ, и особенно голландцы и фламандцы, оказались мало податливы къ проповѣди спасенія. Въ Брюсселѣ, на пятьсотъ тысячъ населенія, имѣется всего только два «корпуса», т. е. двѣ залы (въ одной проповѣдь идетъ на французскомъ языкѣ, а въ другой—на фламандскомъ),—а во всей прочей Бельгiи не насчитывается пока и десяти корпусовъ. Выходитъ, такимъ образомъ, что самъ народъ не симпатизируетъ усиліямъ Арміи, а слѣдовательно и властямъ не приходится ограждать населеніе отъ дѣйствія «свободной проповѣди» салютизма. Не далѣе какъ въ прошломъ году бельгійцы сами оградили себя отъ назойливой пропаганды салютистовъ и, что называется, разнесли въ Брюсселѣ «французское» собраніе самымъ безопаснымъ образомъ.

Въ Бельгiи власть не принимаетъ никакого участія въ дѣлѣ и ограничивается ролью спокойнаго созерцателя. Напротивъ, въ Швейцаріи сама власть ввязалась въ борьбу съ салютистскою пропагандой (воспрещеніе сходокъ салютистовъ и уличныхъ процессій, сажаніе въ тюрьму, арестованія и пр.), но такъ какъ свободный швейцарскій народъ не терпитъ никакого насилія, а тѣмъ болѣе правительственнаго, то вмѣшательство власти только прибавило друзей салютизма и дѣло ихъ въ Швейцаріи не падаетъ, а цвѣтетъ и развивается. Въ Бельгiи также оно потихоньку развивается.

Еще недавно, въ прошломъ году, салютисты одержали въ Швейцаріи большую «моральную» побѣду и при томъ самымъ легальнымъ образомъ. Извѣстный «Евангелическій Союзъ» (*Alliance Evangelique*), вѣтви котораго имѣются повсюду, а также и въ Швейцаріи, обратился къ салютистамъ съ такимъ предложеніемъ: мы-де васъ будемъ защищать отъ преслѣдованія швейцарскихъ властей и исходатайствуемъ вамъ разныя льготы,—а вы, съ своей стороны, откажитесь отъ уличныхъ процессій и всѣхъ вашихъ, такъ сказать, внѣшнихъ оказательствъ (*manifestations exterieures*). Салютисты страшно вознегодовали и не только предложенія не приняли, но разразились громовой брошюрой («*La liberte de sauver*»), въ которой заключался цѣлый обвинительный актъ противъ самаго Евангелическаго Союза. Объявляя, что они живутъ вовсе не для себя, а для Того, Который ихъ возлюбилъ больше чѣмъ другихъ, они высказали, что не ищутъ какихъ-либо новыхъ правъ, а требуютъ только того, что у нихъ произвольно отнято, т. е. свободы проповѣдывать и спасать людей. Больше-де ничего они не

желають, а что касается до формы ихъ проповѣди, что касается до уличныхъ процессій и всякихъ внѣшнихъ оказательствъ, то форма не имѣетъ для нихъ никакого значенія и нападеніе на форму только доказываетъ, что весь Евангелическій Союзъ есть ничто иное какъ «орудіе сатаны» — ибо только сатана подстрекаетъ нападать на форму, когда нападающіе чувствуютъ себя безсильными опровергнуть сущность ученія. Нисколько не отрицая того, что они прибѣгаютъ къ «возбужденію нервовъ» — но только для лучшаго воспринятія ихъ ученія, салютисты поясняютъ, «что въ нашъ вѣкъ, то дѣловой, то разсѣянной жизни, они не знаютъ другого способа привлечь народъ и что это-де всегда такъ было, какъ свидѣлствуетъ сама Библия».

Когда, одновременно съ этимъ, только-что описаннымъ эпизодомъ, швейцарскій высшій судъ высказалъ по одному дѣлу: 1) что къ салютистамъ не могутъ быть примѣнены тѣ мѣры, какія были примѣнены къ іезуитамъ¹⁾; 2) что ученіе ихъ не опасно для государства; 3) что они не возбуждаютъ никакихъ распрей между разными вѣроисповѣданіями; 4) что они не вмѣшиваются въ политику и 5) что обвиненіе ихъ въ корысти неосновательно, — то торжеству и ликованію салютистовъ не было предѣловъ и цѣлюю недѣлю сряду, во всѣхъ швейцарскихъ и заграничныхъ «корпусахъ» не было другой рѣчи, какъ объ одержанной побѣдѣ. Брошюра «La liberté de sauver» разошлась очень быстро и не только въ «корпусахъ», но и на улицахъ торговали ею очень бойко.

И такъ въ Бельгіи полное раздолье салютистамъ. Ихъ не стѣсняють ни въ свободѣ «спасать людей», ни въ свободѣ проповѣди и вербованія новыхъ прозелитовъ, ни въ свободѣ распространенія десятковъ тысячъ брошюръ, всегда необыкновенно дешевыхъ и ясныхъ, вышедшихъ, большею частью, изъ-подъ пера или самого «генерала» или дочери его «madame la marechale», по мужу Клиборнъ, или еще кого-нибудь изъ штаба генерала.

Все препятствіе быстрому и широкому развитію салютизма въ Бельгіи и признанію тамъ полного авторитета «notre-general», оказывается, такимъ образомъ, заключается только въ здоровомъ смыслѣ самого народа, — но это-то препятствіе явилось весьма трудно преодолимымъ и только приложенныя салютистами экстраординарныя старанія и усилія успѣли открыть путь къ сердцамъ спокойныхъ и флегматичныхъ голландцевъ и фламандцевъ.

Зато и принятыя въ борьбѣ съ равнодушіемъ бельгійской публики мѣры были исключительнаго характера. Тутъ были испробованы всѣ способы для «возбужденія нервовъ».

Цѣлую недѣлю я ходилъ въ брюссельскій «храмъ спасенія» и убѣдился и въ непреодолимой энергіи и настойчивости мѣстныхъ

¹⁾ Примѣненія этихъ мѣръ требовали нѣкоторые пасторы.

вожаковъ салютизма и въ ихъ пламенномъ желаніи спасать всѣхъ и вся прежде всего отъ власти сатаны...

Еще раньше, въ Швейцаріи, мнѣ приходилось не разъ слышать въ салютистскихъ собраніяхъ о повсемѣстномъ присутствіи сатаны, и бывало когда долго не появляется охотниковъ возсѣсть на «скамью покаянія», — капитанъ или капитанша никогда не затруднялись приписать это присутствію въ собраніи дьявола... Врагъ рода человѣческаго предполагается салютистами присутствующимъ вездѣ и всюду, но онъ какъ бы специально занятъ противодѣйствіемъ благимъ начинаніямъ именно салютистовъ... Каждый воздерживающійся отъ признанія ученія салютистовъ, по мнѣнію ихъ, смущаемъ сатаной, каждый колеблющійся — также; всѣ сомнѣнія — отъ сатаны, заблужденіе миллионovъ людей, не признающихъ пока салютизма, — есть также дѣло сатаны... Сатана вездѣ и всюду, отъ сатаны зависитъ весь неуспѣхъ проповѣди и обращенія, и отъ него, полагаютъ они, не избавленъ рѣшительно никто, кромѣ разумѣется уже достигшихъ святости, т. е. салютистовъ. Легко себѣ представить, что съ такимъ аргументомъ въ рукахъ легче всего справляться съ простымъ народомъ, который и такъ достаточно вѣруетъ въ могущество сатаны, — а съ другой стороны понятно, что всякій успѣхъ салютистовъ выставляется ими какъ побѣда надъ сатаной и всякій видитъ, что уже одна непрерывная борьба съ злымъ духомъ должна свидѣтельствовать о томъ, какіе великіе труды подъемлютъ салютисты для спасенія рода человѣческаго.

И такъ тема о сатанѣ стоитъ на первомъ мѣстѣ, хотя въ Бельгіи пугаютъ дьяволомъ гораздо меньше чѣмъ въ Швейцаріи. Причина этому та, что въ Швейцаріи въ собранія салютистовъ стекаются рабочіе, преимущественно даже чернорабочіе, а въ Бельгіи (собственно въ Брюсселѣ) публика больше интеллигентная и рабочихъ почти нѣтъ. Такая разниа въ составѣ публики происходитъ отъ того, что въ Брюсселѣ входъ въ собраніе платный и въ этомъ заключается первое отличіе швейцарскихъ салютистовъ отъ бельгийскихъ.

Взиманіе платы, прежде всего, очень уменьшаетъ численность собранія, не говоря уже про то, что платная публика идетъ въ собраніе какъ въ кафе-шантанъ, съ намѣреніемъ и позубоскалить, и потѣшиться; эта публика считаетъ себя вправѣ громко критиковать все созерцаемое и высказывать свои сужденія громко и не стѣняясь. Сами бельгийскіе салютисты признаютъ, что требованіе денегъ за входъ въ ихъ собраніе — есть большая ошибка, но, съ одной стороны, они видятъ въ этомъ источникъ средствъ для содержанія своего «корпуса», а съ другой — взиманіе платы предохраняетъ ихъ отъ нашествія буйной брюссельской черни, которая уже разъ разнесла «храмъ спасенія».

Этот храм находится въ одной изъ самыхъ людныхъ частей Брюсселя. Издали уже видна надъ большимъ домомъ огромная красная вывѣска: «Armée du salut», а изъ оконъ этого дома, занимаемаго сплошь одними салютистами, смотрятъ портреты Бутса и другихъ столповъ салютизма, съ разными виньетками и рисунками, и тутъ же выставлены на продажу брошюры, газеты и вся литература «Арміи спасенія».

Здѣсь салютисты, не такъ какъ въ Швейцаріи, не скрываются въ подвальныхъ этажахъ узкихъ и кривыхъ улицъ, здѣсь они всѣмъ видны и замѣтны и о своихъ вечернихъ собраніяхъ возвѣщаютъ огромными афишами. Какой-нибудь салютистъ въ красномъ джерсеѣ, съ надписью на груди «алилуія», возитъ по городу телѣжку, на которой высится огромное, перпендикулярно поставленное, полотно, съ приглашеніемъ пожаловать къ салютистамъ. На этомъ полотнѣ то объявлено просто: «Soirée», то «Grande soirée», а то съ такой прибавкой «Grande soirée, présidée par monsieur commissaire Cliborn, avec 40 officiers de son état-major». Въ такихъ случаяхъ развѣзжающую вывѣску сопровождаетъ хоръ пяти-шести трубачей, конечно салютистовъ, непременно въ красныхъ джерсеяхъ и форменныхъ шапкахъ.

Когда затѣвается такое «grande-soirée», то кромѣ предварительныхъ объявленій, возимыхъ на телѣжкѣ за нѣсколько дней, прибѣгаютъ для привлеченія публики еще къ такому маневру. Телѣжку съ объявленіемъ возятъ по городу передъ самымъ началомъ собранія. Надпись на полотнѣ гласитъ: «Черезъ полчаса майоръ Коссанде или комиссаръ Шателенъ откроютъ большую конференцію». Идущая за телѣжкой и трубачами толпа, разумѣется, все сгущается и сгущается, и когда она подходитъ къ самому храму спасенія, то рассчитываютъ, что толпа, доведя процессію до воротъ, не остановится передъ ними, а войдетъ въ храмъ и полюбопытствуетъ послушать конференцію, — но расчетъ этотъ почти никогда не удается, потому что толпа, уже вошедшая въ ворота, натывается на плотную цѣпь салютистовъ, стоящихъ передъ будкою, надъ которой красуется надпись: «entrée 20 centimes». При видѣ этой надписи толпа рѣдѣетъ и большая часть поворачиваетъ назадъ, нерѣдко съ громкими ругательствами.

Если мы войдемъ въ брюссельскій «храмъ спасенія» (французскій), то увидимъ очень большую и высокую залу, почти квадратной формы. Ряды скамеекъ занимаютъ двѣ трети залы; передъ ними «скамья покаянія» (banc de penitence), а за этой скамьей круто, амфитеатромъ, поднимаются скамьи салютистовъ, такъ что верхній рядъ приходится почти подъ потолкомъ. На стѣнахъ развѣшаны объявленія: «просятъ не курить».

Въ самомъ отправленіи culte'a сразу замѣтна разница между швейцарскими и бельгійскими порядками. На сколько тамъ чинно,

тихо и солидно, на столько здѣсь развязно, шумно, весело. Съ эстрады «обращенныхъ» несутся не только веселыя рѣчи и пѣсни, но иногда какой-нибудь «спасенный», должно быть большой весельчакъ, громко засвищетъ, воспользовавшись короткимъ антрактомъ между молитвами, пѣніемъ и проповѣдью. Это веселое настроеніе, очевидно рассчитанное на то, чтобы расшевелить тяжелыхъ фламандцевъ, не ослабѣваетъ весь вечеръ.

Всѣ стѣны испещрены надписями то назидательнаго, то вопросительнаго характера. Напримѣръ: «*Ou allez-vous passer l'éternité?*» или: «*Êtes-vous sauvé?*» или: «*Votre coeur est-il droit?*» или «*Le monde pour Dieu, l'espoir pour vous! La vie est courte,—l'éternité est longue!*» и т. под.

Какъ и въ Швейцаріи, каждый вечеръ, съ восьми часовъ совершается culte собственно для публики¹⁾. Благодаря платѣ за входъ, въ залѣ бываетъ обыкновенно довольно пусто, но въ іюлѣ нынѣшняго года была въ Брюсселѣ большая шестинедѣльная ярмарка, такъ называемая «Кермесъ» и у салютистовъ перебывало довольно много любопытствующихъ.

Съ восьми часовъ вечера въ храмѣ спасенія уже гремитъ музыка и раздается пѣніе. Шесть мѣдныхъ трубъ, восемь бубновъ, одна гитара, одна ручная гармонія и піанино—вотъ необыкновенный составъ оркестра. Къ этой музыкѣ присоединяются голоса поющихъ (а поютъ почти всѣ), и легко себѣ представить какой шумъ поднимается въ этой залѣ, съ отличной акустикой, и въ особенности пока храмъ еще достаточно не наполнился.

Въ первый разъ, какъ я попалъ къ бельгійскимъ салютистамъ, мнѣ пришлось услышать рѣчь капитана Шока. Капитанъ этотъ фламандецъ, говоритъ отчаяннымъ французскимъ языкомъ и все сбивается на фламандскую рѣчь, но такъ какъ это собраніе «французское», то опять переходитъ на французскій языкъ. Самъ капитанъ сидитъ на передней скамьѣ; рядомъ съ нимъ старенькая дама—его жена, а за піанино—дочь. Madame Шокъ часто обращается къ собранію и какимъ-то ноющимъ голосомъ призываетъ къ покаянію; дочь аккомпанируетъ и себѣ и другимъ и поетъ громче всѣхъ.

Шокъ только-что пріѣхалъ изъ Лондона, гдѣ былъ «по службѣ» и теперь докладываетъ собранію о своей поѣздкѣ. Оказывается, что въ іюнѣ этого года Бутъ произвелъ въ Лондонѣ смотръ тридцати тысячамъ воинамъ своей англійской арміи (такъ докладывалъ Шокъ) и докладчикъ былъ вызванъ присутствовать на этомъ смотрѣ. Смотръ, состоявшійся въ Кристалльномъ дворцѣ, разумѣется, оказался блестящимъ. Тридцать пять странъ прислали своихъ делегатовъ, четыре тысячи музыкантовъ играли подъ управленіемъ одного

¹⁾ По регламенту сами салютисты проводятъ въ молитвѣ и бесѣдахъ весь день или все свободное время.

капельмейстера, шестьдесятъ двѣ тысячи зрителей присутствовало на смотру и генераль Бутсъ — «самый великій христіанинъ» — (такъ называлъ его Шокъ) остался все́мъ очень доволенъ.

Все это Шокъ разсказалъ съ большимъ увлеченіемъ и завѣрялъ публику, что во время смотра дѣйствіе Св. Духа проявилось особенно видимымъ и замѣтнымъ образомъ въ томъ, что два хора пѣвцовъ, по четыреста человѣкъ каждый, спѣли удивительно согласо и притомъ безъ всякаго приготовленія, нѣсколько гимновъ и священныхъ пѣсенъ.

«Говорятъ,—такъ заключилъ свой докладъ капитанъ Шокъ,— что мы, салютисты, нѣчто въ родѣ сумасшедшихъ, и что мы способны дѣлать одни глупости!... Но собраніе въ Кристалльномъ дворцѣ, кажется, свидѣтельствуеетъ, что мы вовсе не такіе дураки, какими насъ воображаютъ! Въ одинъ годъ и въ одномъ только Лондонѣ, на скамьѣ покаянія перебивало двѣсти тридцать тысячъ человѣкъ! Какіе же мы послѣ этого глупцы? Не показываетъ ли эта цифра, что мы кое-что значимъ? Вѣдь это фактъ! Вѣдь это нѣчто! Или мы глупцы потому только, что ищемъ небесъ?!»

И тотчасъ же Шокъ затягиваетъ *cantique*, въ которомъ безпрестанно повторяется: *Jésus est là! Jésus est là!* а все собраніе, поднявъ правыя руки къ потолку, а очи къ небесамъ, восторженно припѣваетъ:

«Là, plus de deuil, plus de douleurs

«Là, Jésus séchera nos pleurs

«Aucun péché n'entrera là

«Jésus est là! Jésus est là!»

Благоговѣнное настроеніе продолжается послѣ окончанія *cantique* еще нѣсколько секундъ и прерывается бурнымъ маршемъ, съ участіемъ все́хъ голосовъ и все́хъ инструментовъ. Шестъ трубъ, восемь бубновъ, гитара и гармонія—все гремитъ, трещитъ и завываетъ. Дѣвица Шокъ колотитъ по фортепіано, пѣвцы усиливаются перекричать трубы. И вдругъ, разомъ, по-солдатски пѣніе оборвалось.

Къ эстрадѣ подходитъ молодой «капитанъ» этого собранія; онъ обводитъ публику глазами и, иронически улыбаясь, говоритъ:

— Что вы, друзья мои, такіе скучные!? Ужъ не были ли вы на ярмаркѣ? Вѣдь тамъ, говорятъ, такъ весело, — а вы скучны! Чего же вы скучаете? Вѣдь жизнь свѣта, когда не знаютъ Бога, а служатъ сатанѣ, такъ весела? Вотъ мы, какъ видите, не скучаемъ, — и хоть я не говорю, что мы, салютисты, лучшіе люди (хотя мы на самомъ дѣлѣ лучшіе—говоритъ капитанъ, обращаясь къ эстрадѣ,—откуда отвѣчаютъ единогласнымъ «амен»), но намъ всетаки лучше живется чѣмъ вамъ...

— О друзья и братья, кричитъ капитанъ, оставьте вашихъ идиоловъ, разбейте ихъ, вы выиграете! Вы помните, какъ одному индій-

скому завоевателю предложили пощадить какого-то особо почитаемаго идола, и когда онъ не согласился и приказалъ его разбить, то въ немъ оказалось золото и драгоценные камни... Разбейте вашихъ идоловъ, и вы приобретете также и золото и драгоценные камни. Не смотрите на свѣтъ, смотрите на Христа, и вамъ будетъ, вы увидите, такъ легко, легко... Посмотрите, какъ легко намъ! Мы всегда ровны, всегда одинаковы, намъ всё завидуютъ и вамъ будутъ завидовать также. Или вы не надѣетесь достигнуть святости? Или вы сомнѣваетесь? О я вижу, что вы жаждете узнать отъ меня, какъ достигнуть святости! Ну такъ слушайте:

— Нужно всего только три условія: первое, это убѣжденіе въ необходимости сдѣлаться святымъ, второе—отреченіе отъ всего злого, дурного или сомнительнаго (напримѣръ, вина, сигаръ, вредныхъ и расточительныхъ привычекъ) и третье — посвященіе себя всецѣло Богу,—въ лицѣ нашей благодатной арміи, посвященіе полное, не какой-нибудь сантиментальный разговоръ, а истинная жертва, т. е. нужно отдать Богу все, что мы имѣемъ, все что мы называемъ нашимъ и сдѣлаться покорнымъ исполнителемъ его велѣній, чрезъ посредство нашей благодатной арміи. Это только вначалѣ кажется будто нелегко, но разъ на алтарь принесено все, все — тѣло, душа, умъ, честь, репутація, состояніе,—и тогда на васъ сойдетъ небесный огонь, онъ сожжетъ въ васъ все нечистое и наполнитъ душу пламеннымъ рвеніемъ, любовью и могуществомъ!

— Друзья мои и братья,—продолжалъ капитанъ,—это посвященіе есть какъ бы ваше распятіе и крестная смерть! Своимъ посвященіемъ вы знаменуете смерть всѣмъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, источникъ которыхъ есть себялюбіе, восхищеніе и удивленіе свѣта, обладаніе имуществомъ, излишнія и преувеличенныя привязанности къ роднымъ и друзьямъ... Но откажитесь отъ всего и тѣло ваше сдѣлается обителью Св. Духа,—все ваше достояніе пойдетъ на распространеніе владычества Бога, а вы сдѣлаетесь чистыми сердцемъ и святость достигнута будетъ вами навсегда...

— Сказать ли вамъ, какіе плоды вы пожнете, посвятивъ себя Богу? Прежде всего вы обрѣтете душевный миръ, радостное возбужденіе и небесные восторги. Вы получите спокойную и продолжительную увѣренность въ божьемъ благословеніи и дарованіи вамъ особыхъ умственныхъ и духовныхъ преимуществъ (*faveurs spirituelles*). Вамъ будетъ дарована великая сила служить Богу, не отступая ни передъ чѣмъ; вы проникнетесь равнодушіемъ къ честолюбію и свѣтскимъ удовольствіямъ, и вы не только одержите полную побѣду надъ всѣми страстями и искушеніями, но и сдѣлаетесь впредь неуязвимы для какихъ бы то ни было искушеній. Да, друзья мои, сдѣлайтесь святыми, не отлагая это до другого раза... Это такъ легко!—мечтательно закончилъ капитанъ и, склонившись на колѣна, заплѣлъ:

«Le ciel est ma belle patrie
 «Les anges y font leurs séjour
 «Le soldat qui lutte et qui prie
 «Y sera bientôt à son tour!»

А хоръ, со всѣми бубнами и трубами, подхватилъ:

«En marche! En marche!
 «Soldat vers la patrie!»

Послѣдній куплетъ этого чуть ли не двадцатистрофнаго гимна былъ пропѣтъ съ особеннымъ жаромъ:

«Choisissez le ciel pour la patrie
 «Amis ne le méprisez pas!
 «Toute l'Armée vous convie,
 «Ce soir!—Faites le premier pas!»

Настала полная тишина. «Перваго шага», однако, никто не пожелалъ сдѣлать, несмотря даже на то, что красные джерсеи, разсѣявшись по залъ, подсѣли къ разнымъ, вѣроятно, по ихъ мнѣнію, болѣе воспримчивымъ субъектамъ, и начали съ ними тихій шопоть...

Пока красные джерсеи убѣждали тѣхъ, которые имъ казались наиболѣе удрученными и подготовленными возсѣсть на скамью покаянія, капитанъ спѣлъ, подъ акомпаниментъ дѣвицы Шокъ, что-то на манеръ романса: «*Quel honneur d'être salutiste!*»—а хоръ, въ концѣ каждаго куплета, зычно вскрикивалъ: «*Vends tout! Vends tout! Vide ta bourse et sois heureux!*»

Все это призываніе къ святости и къ небесамъ закончилось впрочемъ совершенно банально и прозаически. Молодой капитанъ очень шутивно и развязно подошелъ къ эстрадѣ и, весело улыбаясь, обратился къ публикѣ:

— Ну, друзья мои,—сказалъ онъ,—я цѣлый часъ просилъ васъ раскрыть ваши сердца, но вы этого не захотѣли сдѣлать,— такъ хоть раскройте ваши кошельки... для нашей коллекты...

Въ залѣ раздался громкій смѣхъ,—но три джерсея тотчасъ спустились съ эстрады и съ глубокими кошельками на длинныхъ палкахъ стали обходить по рядамъ. Капитанъ все это время громко объяснялъ, что Армія не могла бы существовать, еслибы не дѣлались коллекты и, подъ звуки этой рѣчи, сантимы падали въ кошельки.

Приведенный образецъ проповѣдничества очень наглядно рисуетъ, какъ бельгійскіе салютисты энергично зазываютъ въ свой лагерь и какъ они безцеремонны въ собираніи средствъ на нужды всеобщаго спасенія.

Вслѣдъ за описаннымъ, обыкновеннымъ *soirée*, мнѣ довелось присутствовать на *grande soirée*, объявленномъ заблаговременно и съ большою помпой. На 16-е іюля возвѣщалось о предстоящемъ прибытіи маіора Клиборна, съ сорока офицерами своего штаба и о предполагаемой конференціи: «о необходимости Арміи спасенія для каждаго государства».

Тема эта была такъ интересна, что несмотря на удручившій зной и возвышенную плату (вмѣсто 10 — 20 сантимовъ), храмъ спасенiя наполнился до верху. На нижней скамьѣ эстрады сидѣли десять джерсеевъ; слѣдующій рядъ состоялъ изъ музыкантовъ; затѣмъ три скамьи были заняты салютистками въ форменныхъ шляпахъ и платьяхъ, и они-то собственно и составляли штабъ Клиборна.

Маіоръ заставилъ себя ждать недолго. Время ожиданiя было наполнено пѣніемъ и шумными маршами. При входѣ Клиборна на эстраду, весь штабъ дружно грянулъ привѣтственное: «алилуia»; а маіоръ, въ отвѣтъ, помахалъ нѣсколько разъ въ воздухѣ своей форменной фуражкой. Тотчасъ же раздалась «Марсельеза», — на извѣстный мотивъ, но съ перефразировкой въ духѣ салютизма.

Первый куплетъ пропѣтъ такъ:

«Allons enfants de la lumière
 «Par le ciel mis en liberté
 «Fils de Dieu dont Christ est le frère
 «Affranchi par la vérité!
 «En avant,—tous avec courage,
 «Sans peur annoncer le salut,—
 «Qui change et la vie et le but
 «Du pécheur, brisant l'esclavage!»

Во второмъ куплетѣ поется про égalité, — въ третьемъ — про fraternité, — совершенно такъ, какъ въ «Марсельезѣ», и къ каждому куплету слѣдуетъ припѣвъ:

«Aux armes! Combattants!
 «Formez vos bataillons!
 «Marchons, marchons!
 «Au nom de Dieu
 «Sauvons! Sauvons! Sauvons!»

Когда смолкла эта салютистская «Марсельеза», — Клиборнъ подошелъ къ эстрадѣ и на очень плохомъ французскомъ языкѣ открылъ свою «conférence!» Произнесенная Клиборномъ рѣчь интересна въ томъ отношенiи, что она рисуешь размѣры претензiй салютистовъ, ничего будто бы не желающихъ, кромѣ насажденiя «чистаго христіанства» и не претендующихъ ни на какую политическую роль.

Клиборнъ началъ съ того, что повторилъ рассказъ Шока о смотрѣ въ Кристальномъ дворцѣ, хвастливо прибавивъ въ концѣ рассказа: «вы видите, что для самого императора (Вильгельма) собралось только сорокъ три тысячи зрителей, — а у насъ ихъ было шестьдесятъ три тысячи!»

— Кажется, насъ нельзя игнорировать, — продолжалъ онъ. — Кажется, мы идемъ въ счетъ и признаемся не какими-нибудь нулями, — задорно вопрошалъ маіоръ, — а нынѣшній вечеръ, я надѣюсь, друзья

мои, съ помощью Бога, доказать вамъ, что у насъ не какія-либо простыя обязанности къ государству, а что у насъ отношенія съ властями, и что не мы нуждаемся въ правительствѣ, а всякое правительство нуждается въ насъ. Смотрите и слушайте:

1) Мы научаемъ населеніе уважать законъ. Вы, можетъ быть, думаете, что масса подчиняется власти по убѣжденію? Если вы такъ думаете, вы очень заблуждаетесь,—она подчиняется по принужденію;—но вотъ мы беремъ подъ свое покровительство массу бродягъ, забираемъ къ себѣ все способное на совершеніе преступленія и обучаемъ эту массу уваженію къ закону и, такимъ образомъ, избавляемъ государство отъ тысячей лицъ для него опасныхъ....

2) Мы внушаемъ людямъ страхъ Божій. Вы, можетъ быть, скажете, что на это у васъ есть учителя?! Знаю я вашихъ учителей! Чѣмъ болѣе они учатъ, тѣмъ болѣе развиваютъ наклонность къ сопротивленію, потому что они развиваютъ только умъ, а мы—душу и сердце!

3) Мы проповѣдуемъ всемірное братство и равенство. У насъ одна задача: спасай себя подобныхъ! И сколько уже лицъ перешли къ намъ, пренебрегши житейскими радостями, блестящими браками, роскошью, карьерами, чтобы отыскивать и спасать заблудшихъ овецъ.

4) Мы призрѣваемъ несчастныхъ.... Тутъ ораторъ привелъ громадныя цифры денежныхъ и всякихъ иныхъ пожертвованій салютистовъ, не забывъ упрекнуть тѣхъ, кто «держитъ кошелекъ закрытымъ» для дѣла всеобщаго спасенія и не ревнуетъ о «союзѣ душъ»,— союзѣ одновременно любви и ненависти,—любви—къ добру, ненависти ко злу....

5) Мы исправляемъ общественную нравственность.... Вы знаете, пояснилъ ораторъ, чтобы поднять тѣсто, нужно положить немного дрожжей,—такъ точно достаточно, чтобы завелся гдѣ-либо хоть одинъ салютистъ, чтобы нравственность начала подниматься.... На всѣхъ нашихъ верфяхъ, фабрикахъ и въ шахтахъ, уже замѣтно вліяніе салютизма. Я бы вамъ могъ указать такія мѣста, которыя недавно были адомъ и гдѣ теперь, сравнительно, рай; я могъ бы перечислить вамъ многіе пункты, гдѣ рабочіе посвящали время своего отдыха пьянству и картамъ и гдѣ теперь идутъ религиозныя бесѣды, а карты и пьянство изгнаны. Да, мы исправляемъ общественную нравственность!

6) Мы возвращаемъ на путь массу погибшихъ женщинъ! Богу угодно было особенно благословить наши усилія въ этомъ отношеніи. Давъ надежный пріютъ многимъ несчастнымъ изъ низшаго класса, мы теперь озабочены устройствомъ убѣжища для падшихъ женщинъ высшаго класса, дабы они вновь не сбивались съ пути. Вы, можетъ быть, не знаете, сколько образованныхъ женщинъ по-

грязаетъ въ развратъ? Сколько трогательныхъ сценъ я могъ бы вамъ разсказать относительно обращенія этихъ женщинъ! Они всецѣло возвращаются на путь добродѣтели, слыша наши постоянныя бесѣды о небесахъ, вѣчности, святости! Ихъ буруеваетъ ужасъ предъ грозящей душѣ ихъ вѣчной погибелью и они преображаются въ честнѣйшихъ женъ и матерей...

Каждый изъ этихъ пунктовъ Клиборнъ разяснялъ съ самыми утомительными подробностями, стараясь быть вполне доказательнымъ и приводя множество фактовъ и именъ. Рѣчь его тянулась около полутора часа и онъ все еще не исчерпалъ всѣхъ пунктовъ, доказывающихъ, что у салютистовъ существуютъ къ государству не обязанности, а отношенія.

— Мало того, продолжалъ онъ перечислять эти отношенія, что всѣ видятъ, что всѣ обращенные всегда хорошо одѣты и обладаютъ хорошими манерами,—но и не только по внѣшности, но дѣйствительно они счастливы. Правда намъ приходится иной разъ бороться и иногда отчаянно,—напримѣръ съ кабатчиками,—но мы не смущаемся и идемъ впередъ...

7) Мы возбуждаемъ желаніе знаній... Достаточно сказать, неожиданно похвалился Клиборнъ, что наши только два журнала: «*Cri de guerre*» и «*Le petit soldat*», — расходятся въ количествѣ 450 тысячъ экземпляровъ въ недѣлю...

8) Мы улучшаемъ матеріальное положеніе массы...

9) Мы благотворно вліяемъ на молодое поколѣніе, на дѣтей, ибо «возрожденные и спасенные родители спасаютъ своихъ дѣтей»...

10) Мы увеличиваемъ число честныхъ рабочихъ (отовсюду до благодарности) и т. д. и т. д.

Клиборнъ перечислилъ еще нѣсколько пунктовъ благотворныхъ результатовъ дѣятельности Арміи спасенія и закончилъ такими словами: «И такъ вы видите какими способами мы дѣйствуемъ... Наше великое реформаторское дѣло покоится на великихъ принципахъ личной и общественной нравственности. Мы вовсе не принадлежимъ къ разряду тѣхъ слѣпцовъ, которые рады принять большой дымъ за огонь. Вы кричите и протестуете противъ шума и треска (*éclat*), которыми мы окружаемъ наши операціи?! Но если вы захотите посмотреть на вещи поближе, вы увидите, что и шумъ и трескъ неизбѣжны,—потому что тѣ, на кого мы хотимъ дѣйствовать, не поддадутся никакимъ другимъ средствамъ. О, друзья мои, я вмѣстѣ съ вами готовъ оплакивать то состояніе умственной приниженности массы, которое дѣлаетъ необходимымъ всѣ эти манипуляціи... но таково положеніе вещей (*les choses sont ainsi*), и если вы хотите быть услышаны чернью, то вы можете это сдѣлать только приспособивъ вашу манеру мыслить, выражаться, дѣйствовать, къ натурѣ этой черни. Мы имѣемъ

поразительныя доказательства, что всякія попытки проповѣдывать, съ соблюденіемъ такъ называемаго *comme il faut*—никуда не годятся... Всѣ ваши епископы, священники, пасторы, признають это! Между тѣмъ и здравый смыслъ и христіанская мораль вамъ подсказываетъ: пошлите народу такихъ проповѣдниковъ, которыхъ онъ не только хочетъ, но и можетъ понять! Низойдите до этихъ темныхъ людей, на сколько позволяетъ ваша совѣсть, чтобы ихъ возвысить до себя, вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ во тьмѣ, пока вы кичитесь вашимъ достоинствомъ (*tandis que vous restez perchés sur votre dignité*). Я вамъ говорю, друзья мои, что одно уже чувство вашей личной безопасности должно заставить васъ понять, что тутъ нечего думать о сохраненіи достоинства, когда идетъ рѣчь о спокойномъ существованіи васъ и семей вашихъ, когда возникаетъ рѣчь объ имущественной безопасности, о сохраненіи вашихъ гражданскихъ правъ и, быть можетъ, вашей жизни»...

Закончивъ свою рѣчь такимъ яснымъ намекомъ на приближающуюся грозу соціальной революціи, Клиборнъ преклонилъ колѣно и вся зала грянула хоромъ:

«Une couronne nous attend
«A la fin de cette vie
съ припѣвомъ: «Toujours soldats en avant
«Nous aurons la victoire!»

Эти картинки, списанныя съ натуры достаточно характеризуютъ и внѣшнюю и внутреннюю стороны проповѣдничества салютистовъ въ Бельгіи и въ какихъ-либо комментаріяхъ, приведенные образцы проповѣдей, не нуждаются.

Можетъ быть для полноты картины дѣятельности бельгійскихъ салютистовъ слѣдовало бы упомянуть еще объ одномъ изъ самыхъ могущественныхъ способовъ ихъ пропаганды—именно о печати,—но едва ли это нужно, такъ какъ въ печатныхъ органахъ салютистовъ воспроизводятся тѣ же мысли и положенія, которыя высказываются со всѣхъ эстрадъ, съ вариантами по усмотрѣнію и по вдохновенію проповѣдниковъ и проповѣдницъ. Газетные листки и сотни тысячъ брошюръ распространяются въ народѣ безпрепятственно, то по общедоступнымъ цѣнамъ, то совсѣмъ даромъ и, такимъ образомъ, салютистскія идеи находятъ себѣ повсюду свободный доступъ. Достойно развѣ упоминанія только то обстоятельство, что во всѣхъ этихъ газетныхъ листкахъ печатается множество стиховъ, въ качествѣ плодовъ вдохновенія, ниспосланнаго Св. Духомъ. Стиховъ этихъ такъ много, что ни одинъ номеръ газеты не появляется безъ 4—5 рифмованныхъ произведеній; всѣ эти стихи принадлежатъ преимущественно офицерамъ обоого пола и всегда снабжены не только подписью автора, но и указаніемъ его чина или званія. Больше всѣхъ пишутъ стиховъ: маіоръ Косанде

маіоръ Клиборнъ и адъютантъ Шателенъ. Затѣмъ цѣлый отдѣлъ: «Flèches de salut» (Стрѣлы спасенія)—ведетъ комисаръ Говардъ, другой отдѣлъ называется «Святость» (Sainteté), третій — «Зерна золота» (Grains d'or); въ обоихъ послѣднихъ печатаются случаи обращенія. Наконецъ, какъ подобаеть военному журналу, «Cri de guerre» имѣеть двѣ чисто военныя рубрики. Одна изъ нихъ называется: «По всей линіи» (Le long de la ligne), а другая «Наша битва» (Notre combat). Въ отдѣлѣ беллетристическомъ, въ теченіе всего лѣта m-me Бутсъ печатала длинный романъ: «Sauve-toi», въ которомъ высказывала такіа положенія: лучше тридцать минутъ молитвы, нежели три часа пріятнаго разговора; лучше имѣть корону на небесахъ, нежели дворець на землѣ; лучше нравиться Богу, чѣмъ друзьямъ; лучше умереть въ борьбѣ, нежели на постели; лучше прославиться чистою жизнью, нежели хорошимъ голосомъ и т. д.

Такъ салютисты ведутъ свое дѣло въ Бельгіи. Не взирая на малую податливость голандской расы и буйный характеръ брюссельской черни, они все-таки имѣють успѣхъ. И словомъ, и дѣломъ, и примѣромъ, и убѣжденіемъ, а гдѣ можно хитростью и даже насиліемъ, они понемногу умножаютъ число своихъ приверженцевъ и идутъ, что называется, на проломъ, не смущаясь ни насмѣшками, ни даже побоями. И чтобы не говорили объ ихъ балаганныхъ процессіяхъ и подчасъ шутовскомъ тонѣ ихъ культа, всякій можетъ видѣть, что успѣхъ салютистской пропаганды обеспечивается столько же рѣдкой энергіей ея руководителей, огромной дисциплиной арміи и единствомъ цѣли этого своеобразнаго ученія, сколько широкой благотворительностью и обиліемъ добрыхъ дѣлъ. Воздѣйствуя, всѣми способами, на грубую и невѣжественную толпу, и изъ нея пополняя свои ряды, салютисты, однако, успѣли завербовать, въ число если не совсѣмъ своихъ сторонниковъ, то, во всякомъ случаѣ, въ число лицъ прямо или косвенно имъ симпатизирующихъ много интеллигентныхъ, богатыхъ и вліятельныхъ особъ¹⁾ и пока не только нѣтъ никакихъ признаковъ паденія салютизма,—но онъ получаетъ все большее распространеніе. Что будетъ далѣе неизвѣстно и, можетъ быть, пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ вполнѣ выяснится, что это такое: широкое ли благотворительное предпріятіе, на неслыханныхъ до сихъ поръ началахъ, или социальная утопія, или дикая, еретическая секта, или, наконецъ, практическая попытка—осуществить недостижимый на землѣ идеалъ, всеобщей любви, равенства и братства.

Н. Дингельштедтъ.

¹⁾ Въ одной изъ салютистскихъ брошюръ (Quelques jugemens sur l'Armée du salut) приведены мнѣнія о салютизмѣ разныхъ высокопоставленныхъ особъ, начиная съ королевы Викторіи, Джона Брайтта и кончая епископами Йоркскимъ, Винчестерскимъ и др. Всѣ эти мнѣнія благопріятны для салютистовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Н. М. Ядринцевъ. Сибирскія инородцы, ихъ бытъ и современное состояніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія. Спб. 1891.

ИЗЪВАНІЕ, которое г. Ядринцевъ далъ своей книгѣ, во многихъ отношеніяхъ не соотвѣтствуетъ ея содержанию. Въ числѣ «этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій» оказывается рядъ главъ — статей или чисто-историческаго содержанія или такихъ, которыя представляютъ живой интересъ для историка по своимъ подробностямъ. Послѣ небольшихъ очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ высшаго быта сибирскихъ татаръ, вогуловъ, остяковъ, самоѣдовъ и калмыковъ, г. Ядринцевъ переходитъ на историческую почву и даетъ главы культурно-историческаго содержанія: «Изслѣдованіе по исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ», «причины вымиранія инородцевъ и ихъ способность къ культурѣ», «взаимодѣйствіе русскаго и инородческаго населенія», «вліяніе культуры и просвѣщенія на инородцевъ Сибири», «кочевый бытъ и его значеніе въ исторіи человѣческой культуры». Длинный рядъ сибирскихъ инородцевъ и между ними такіе важныя, какъ якуты и буряты, остаются внѣ изслѣдованія, и читатель послѣ прочтенія «Сибирскихъ инородцевъ» съ полнымъ правомъ можетъ повторить слова, сказанныя авторомъ книги въ предисловіи: «матеріалъ (по вопросу о сибирскихъ инородцахъ) далеко не сведенъ въ одно цѣлое, а въ самомъ изученіи склада инородческой жизни остается еще многого желать». Мы не будемъ впрочемъ упрекать почтеннаго автора за то, о чемъ онъ не говоритъ, и обратимся къ тѣмъ главамъ его книги, которыя имѣютъ историческій интересъ.

На первомъ планѣ и по мѣсту въ книгѣ и по своему научному достоинству стоитъ глава съ недостаточно-опредѣленнымъ названіемъ «ислѣдованіе по исторіи культуры урало-алтайскихъ племенъ». Въ ней г. Ядринцевъ первый, насколько намъ извѣстно, прилагаетъ къ изслѣдованію внѣшняго быта сибирскихъ инородцевъ установившееся въ наукѣ исторіи культуры положеніе, что степени развитія отдѣльныхъ элементовъ культуры (жилища, одежды, орудій труда), наблюдаемые въ пространствѣ, у различныхъ современныхъ народовъ, соотвѣтствуютъ періодамъ развитія этихъ элементовъ во времени; одинъ народъ удерживаетъ болѣе раннюю, другой болѣе позднюю форму. Онъ даетъ намъ нѣсколько весьма удачно обработанныхъ эпизодовъ изъ исторіи внѣшняго быта сибирскихъ народовъ—исторію сибирскаго земледѣлія, сибирскаго жилища, отмѣчая факторы, подъ вліяніемъ которыхъ возникаютъ переходы отъ одного типа внѣшняго быта къ другому (переселеніе народа изъ степи въ лѣсъ, въ горы). По пути авторъ рѣшаетъ на основаніи своего матеріала общіе культурно-историческіе вопросы, напримѣръ, о происхожденіи осѣдлости (вліяніе лѣса). Положенія, къ которымъ приходится въ этомъ случаѣ г. Ядринцевъ, нуждаются, конечно, въ провѣркѣ на другой почвѣ, внѣ Сибири, но для исторіи древней культуры въ Европѣ и въ особенности восточной, вслѣдствіе аналогіи условій (степь, лѣсъ, горы), они имѣютъ существенно важное значеніе; игнорировать ихъ не вправѣ будетъ, мы думаемъ, ни одинъ изслѣдователь древней культуры славянъ и германцевъ.

Слѣдующія главы имѣютъ болѣе публицистическій, чѣмъ научный характеръ. Факты выбираются и пригоняются такъ, чтобы въ сознаніе читателя глубже врѣзывалась та или другая основная мысль; частности обобщаются, не выгодныя для приводимой идеи данныя ступшеваются. Глава о вымираніи инородцевъ направлена къ тому, чтобы опровергнуть высказываемое кое-къмъ въ Сибири убѣжденіе, что инородцы вырождаются и заботы объ охраненіи ихъ ни къ чему не приведутъ, побудить общество и власть отнестись къ нимъ съ большимъ вниманіемъ и заботливостью. Г. Ядринцевъ утверждаетъ, что «вымираніе и уменьшеніе инородцевъ въ разныхъ группахъ случайное, локальное, но не постоянное, неизбежное, непреодолимое... тѣ же племена при другихъ условіяхъ и при всякой перемѣнѣ къ лучшему обнаруживаютъ всѣ задатки жизнненности» (151). Читатель имѣетъ полное право желать, чтобы выводъ такой капитальной научной и практической важности былъ основанъ на достаточномъ количествѣ достовѣрныхъ данныхъ. Ничего подобнаго мы не находимъ, къ сожалѣнію, въ книгѣ нашего автора; рѣшительный тезисъ слѣдуетъ за единственной страничкой, на которой сообщается голословно, что у такихъ-то инородцевъ наблюдается частичное вымираніе, у такихъ-то нѣтъ (150). Мало того—относительно одного и того же племени мы встрѣчаемъ противорѣчивыя извѣстія: на стр. 150 авторъ говоритъ, что «мы не имѣемъ никакихъ данныхъ и свидѣтельствъ вымиранія цѣлаго племени», на стр. 153 мы читаемъ: «о томъ, что это явленіе (смертность) общее у вогуловъ, свидѣтельствуетъ вымираніе цѣлаго племени», а въ слѣдующей главѣ сообщается, что у вогульскихъ и остаткахъ женщинъ замѣчается наименьшая и притомъ убывающая плодовитость (важнѣйшій признакъ вырожденія). Благодаря такой постановкѣ «ислѣдованія», вопросъ о вымираніи сибирскихъ инородцевъ остается въ прежнемъ состояніи. Мы можемъ желать вмѣстѣ съ г. Ядрин-

цевымъ, чтобы торгаша не эксплуатировали инородцевъ, чиновники не грабили ихъ, чтобы на эпидеміи, поражающія ихъ, было обращено вниманіе властей—и въ то же время считать необходимымъ не публицистическое, а строго-научное рѣшеніе вопроса.

Такой публицистическій характеръ имѣеть и глава о взаимодействіи русскаго и инородческаго населенія въ Сибири. Г. Ядринцевъ желаетъ обратить вниманіе общества и власть имѣющихъ на необходимость школъ, просвѣщенія для русскаго населенія Сибири. Никто, вѣроятно,—кромѣ чуйскихъ и туруханскихъ исправниковъ,—не будетъ оспаривать этой необходимости. Аргументовъ, доказывающихъ ее, въ русской публицистической литературѣ высказано не мало. Авторъ «Сибирскихъ инородцевъ» думаетъ иначе и старается ошеломить скептиковъ—вѣроятно, сибирскихъ—категорическимъ заявленіемъ, что безъ школъ русское населеніе Сибири превратится въ бурятовъ, якутовъ и другихъ монголоидовъ.. Посвятивъ главу взаимодействию русскаго и инородческаго населенія, онъ вскользь говоритъ о вліяніи русскихъ на инородцевъ и сосредоточиваетъ все свое вниманіе на воздѣйствіи туземцевъ на прошлое русское населеніе. Картина, которая складывается изъ искусно подобранныхъ фактовъ, выходитъ, по собственному выраженію автора, безотрадной. Русское населеніе перерождается или вырождается физически: въ Туруханскомъ краѣ мужчины становятся меньше ростомъ и слабосильнѣе, женщины утрачиваютъ плодovitость, повсюду славянской типъ смѣняется монголообразнымъ. Рядомъ съ физическими измѣненіями замѣчаются и психическія, культурныя. «Заимствование инородческой культуры, обычаевъ и языка русскими на востокѣ составляетъ несомнѣнный фактъ... Съ кѣмъ бы они ни сталкивались—остяки, тунгусы, якуты, буряты и киргизы имѣли сильное вліяніе и русскіе уступали имъ». «Въ общемъ (sic!) русскіе переходили къ полигаміи, къ инородческимъ возрѣніямъ на женщину; они воспринимаютъ фетишизмъ, антропоморфизмъ, шаманизмъ и идолопоклонство, усваиваютъ примѣты и суевѣрія инородцевъ, измѣняютъ одежду, переходятъ къ образу жизни и промысламъ инородцевъ, забываютъ русскій языкъ и воспринимаютъ инородческой»... (200) Узнавъ о всѣхъ этихъ ужасахъ, въ особенности о фетишизмѣ и антропоморфизмѣ, даже чуйскій исправникъ завопитъ, вѣроятно, о школахъ, но историкъ, который ищетъ въ книгѣ Ядринцева научнаго объективнаго изслѣдованія результатовъ трехвѣковаго сожителства русскихъ съ инородцами Сибири, отнесется скептически къ тому, чтобы «въ общемъ» дѣла въ Сибири стояли такимъ образомъ. Еслибы мы не имѣли никакихъ свѣдѣній относительно Сибири, и тогда мы позволили бы себѣ усомниться, чтобы народъ, ассимилировавшій безъ остатка и продолжающій ассимилировать столько тюркскихъ и финскихъ племенъ въ Европѣ, перейдя за Уралъ, оказался способнымъ только къ превращенію въ бурятовъ, якутовъ и т. д. Но мы имѣемъ факты,—и факты эти вразбросъ и необобщенные заключаются въ самой книгѣ г. Ядринцева.

Телеуты или черные татары, селенія которыхъ расположены въ Кузнецкомъ округѣ между русскими волостями, быстро русуютъ, въ большинствѣ православные, хорошо говорятъ по-русски и занимаются земледѣліемъ (93). Кумышскіе татары совершенно утратили свои инородческія черты и въ нѣсколько лѣтъ переродились въ русскихъ (94, 120). Лѣсные кочевники вообще, замѣчаетъ г. Ядринцевъ, въ противоположность степ-

нимъ быстро русѣютъ, принимаютъ русскія орудія, русскій костюмъ и затѣмъ сливаются съ русскими крестьянами (120). Среди многихъ енисейскихъ и томскихъ инородцевъ, по наблюденіямъ Адріанова, уже трудно отыскать ихъ происхожденіе (121). Обрусеніе замѣтно и въ Забайкальи и въ Якутской области, гдѣ, какъ мы видѣли, русское населеніе представляется наиболѣе утратившимъ свои національныя черты. На стр. 173 г. Ядринцевъ говоритъ объ обрусѣлыхъ якутахъ, на стр. 174, 177 объ обрусѣвшихъ ясачныхъ или осѣдлыхъ бурятахъ. Предполагается, что многіе или даже большая часть русскихъ, живущихъ вмѣстѣ съ ясачными, являются обрусѣвшими потомками старыхъ ясачныхъ бурятовъ (175). Эти ясачные буряты по наружности даже кажутся совершенно русскими крестьянами (177). Фактовъ, которые мы нашли въ самой книгѣ г. Ядринцева, вполне достаточно для того, чтобы выдвинуть истинные и вполне согласные съ европейскими данными результаты воздѣйствія русскихъ на инородческія племена Сибири. Количество ихъ увеличится несомнѣнно, если изслѣдователь обратится къ литературѣ существующей относительно этихъ племенъ. Г. Ядринцевъ ничего, напримѣръ, не говоритъ объ обрусѣвшихъ вогулахъ, а между тѣмъ они составляютъ уже значительный процентъ въ этомъ племени. Эти факты даютъ другой смыслъ предполагаемому подчиненію русскихъ пришельцевъ культурѣ мѣстныхъ инородцевъ. Если среди русскаго населенія значительную часть составляютъ обрусѣлые инородцы, то вполне естественнымъ представляется фактъ, что они сохранили то, что держится крѣпче всего у народа—старыя вѣрованія—держатъ тайно домашнихъ идоловъ, шаманствуютъ. Этнографическая неопредѣленность тѣхъ данныхъ, которыя лежатъ въ основѣ выводовъ г. Ядринцева, позволяетъ предполагать, что миссіонеры и путешественники не отдѣляли обрусѣвшихъ инородцевъ отъ русскихъ (см. стр. 189). Выдвигая это предположеніе, мы не хотимъ вполне отрицать фактъ воздѣйствія, инородцевъ на русскихъ и даже случаевъ полной ассимиляціи послѣднихъ съ первыми; такія явленія извѣстны и въ европейской Россіи, но они не остановили естественнаго хода исторіи, не спасли инородцевъ отъ обрусѣнія. Что касается заимствованій, сдѣланныхъ русскими у инородцевъ Сибири въ области вѣшняго быта, то, причисляя это явленіе къ «безотраднымъ», г. Ядринцевъ забываетъ цитированныя имъ самимъ по другому поводу слова Миддендорфа: «Слѣсивый европеецъ, не упускающій случая все устроить по своему, лучше глупыхъ туземцевъ Сѣверной Азіи, вскорѣ послѣ жестокихъ уроковъ отказывается отъ всякаго умничанья и, если не хочетъ погибнуть, превращается въ кочующаго азіатца» (162).

Глава о «вліяніи культуры и просвѣщенія на инородцевъ Сибири» заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ фактовъ, относящихся къ исторіи миссіонерскаго и школьнаго дѣла въ Сибири. Въ заключеніе авторъ высказываетъ нѣсколько соображеній относительно нормальной постановки инородческаго просвѣщенія. Первымъ условіемъ успѣха въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ онъ считаетъ первоначальное преподаваніе на родномъ для инородца языкѣ. Всякій знакомый съ постановкой школьнаго дѣла въ инородческихъ краяхъ вполне согласится съ г. Ядринцевымъ по этому пункту относительно перваго года ученія. Но сибирскіе публицисты, которыхъ сочувственно цитируетъ нашъ авторъ, идутъ дальше и ставятъ подчасъ весьма курьезныя хотя и благожелательныя требованія: «дайте ему (инородцу)

описаніе его жизни, его племени, его исторіи... пусть онъ узнаеть, что его племя совершило и что ему слѣдуетъ совершить», говорить, напримѣръ, одинъ изъ нихъ въ газетѣ «Сибирь». Желали бы мы знать, кто и на основаніи какихъ источниковъ будетъ въ состояніи дать вогулу, тунгузу, камчадалу, его исторію и начертать то, что ему слѣдуетъ совершить (конечно, примѣнительно къ совершенному уже).

Интересная книга г. Ядринцева заканчивается главой о «значеніи кочеваго быта въ исторіи человѣческой культуры». Публицистика, въ видѣ полемики съ неизвѣстными культуртрегерами, угрожающими превратить кочевниковъ разомъ въ земледѣльцевъ, занимаетъ по страннчкѣ въ началѣ и концѣ главы и не отражается на ея содержаніи, подборѣ и группировкѣ фактовъ. Читатель найдетъ въ ней массу данныхъ прекрасно иллюстрирующихъ кочевой бытъ и тѣ завоеванія, которыя сдѣланы благодаря ему цивилизаціей. Приложенныя къ книгѣ статистическія таблицы могутъ, конечно, интересовать только спеціалистовъ. И. С.

Н. П. Лихачевъ. Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Историко-археографическій очеркъ. Спб. 1891.

Лишнимъ, конечно, будетъ говорить о томъ, насколько важно бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не говоримъ ужъ точно, но даже хоть приблизительно, опредѣлить, къ какому времени относится тотъ или другой актъ, тотъ или другой документъ. А между тѣмъ сдѣлать это далеко не всегда бываетъ возможно и нисколько не удивительно, если изслѣдователь, несмотря на все свое стараніе не придетъ ни къ какимъ результатамъ, или допустить какую-нибудь ошибку, иной разъ крупную и досадную. Для опредѣленія, напримѣръ, хронологіи какого-нибудь документа, изслѣдователь, русскій конечно, располагаетъ въ настоящее время лишь палеографіей, которая нельзя сказать, чтобы давала какія-нибудь прочныя основанія, позволяла высказать мнѣніе вѣрное и точное. «Кому много приходилось, говорить г. Лихачевъ, заниматься старинными русскими актами, можетъ засвидѣтельствовать, что если московская приказная скѣропись даетъ еще возможность прослѣдить постепенныя ея измѣненія по періодамъ въ 20—30 годовъ, то изученіе документо въ, писанныхъ въ то же время частными лицами, способно разрушить все эти наблюденія. Если въ московской официальной каллиграфіи господствовали извѣстныя традиціи, то частные люди, какъ всегда, писали, кто какъ умѣлъ. Да и въ московскомъ подъяческомъ письмѣ встрѣчаются иной разъ поразительныя отступленія... Легко видѣть, насколько точныя основанія даетъ изслѣдователю палеографія. Значеніе этой вспомогательной науки совершенно незначительно. Г. Лихачевъ, издавая настоящій свой трудъ, имѣлъ главнымъ образомъ ввиду придти на помощь изслѣдователю, дать въ его руки еще одинъ ключъ къ разрѣшенію тѣхъ «мучительныхъ сомнѣній», которыя приходится испытывать челоѣку, передъ которымъ лежитъ недатированный документъ. Дѣлаеть это г. Лихачевъ такимъ образомъ. Древняя Русь долгое время, почти до конца XVII вѣка, не имѣла собственныхъ бумажныхъ мельницъ, а вслѣдствіе этого должна была пользоваться привозной бумагой, иностранной, которая была снабжена тѣмъ или другимъ, смотря по времени и странѣ, откуда

привозилась бумага, водянымъ знакомъ. Авторъ, замѣтивъ такое соотношеніе между водяными знаками и временемъ, рѣшилъ воспользоваться имъ для опредѣленія хронологіи бумаги, снабженной этими знаками. Для этого, г. Лихачеву пришлось изучить громадную литературу, существующую на Западѣ по исторіи бумаги, такъ и самые водяные знаки. Авторъ собралъ всѣ рисунки филиграней (водяныхъ знаковъ), встрѣчающихся во всей уцѣлѣвшей отъ старины бумаги, точно опредѣлилъ на основаніи данныхъ, заключающихся въ самихъ документахъ, хронологію ихъ и такимъ образомъ далъ возможность изслѣдователю по водяному знаку, справившись съ альбомомъ, состоящимъ изъ 116 таблицъ съ изображеніями бумажныхъ водяныхъ знаковъ, и указателемъ, приложенными къ настоящему труду, почти безъ труда опредѣлить хронологію всякаго документа. Насколько этотъ способъ удобенъ легко видѣть изъ слѣдующаго примѣра, приведеннаго г. Лихачевымъ. Въ собраніи Императорской Академіи Наукъ хранится одна изъ знаменитѣйшихъ бумажныхъ рукописей древней Руси, такъ называемая Ипатьевская лѣтопись, прежде входившая въ составъ бібліотеки Ипатьевского монастыря въ Костромѣ. Въ 1843 году издатели лѣтописи (собственно редакторъ Березниковъ), за неимѣніемъ точнаго хронологическаго указанія времени написанія рукописи, опредѣлили ее такимъ образомъ: «Ипатьевская лѣтопись въ спискѣ конца XIV или начала XV в., въ листѣ 306 лл., писана на бомбицинѣ, въ двѣ колонны, разными почерками»... Часть рукописи, по мнѣнію издателей, отъ 103 до 196 л., повидимому, древнѣе первыхъ и послѣднихъ тетрадей, писанныхъ особыми почерками, хотя въ бумагахъ и непримѣтно различія. Изслѣдованіе бумаги, на которой написана лѣтопись, приводитъ однако къ другимъ выводамъ, а именно, что вся бумага относится къ одному и тому же времени. «Какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ листахъ рукописи встрѣчается тождественный водяной знакъ ввидѣ дельфина. Эта типичная филигрань точно указываетъ на французское происхожденіе бумаги ею помѣченной. Совершенно подобныя дельфины находятся въ сборникѣ «Midout», извлеченные изъ различныхъ актовъ 1417—1422 года» (стр. 53). Такимъ образомъ, принимая во вниманіе то обстоятельство, что филигрань дельфинъ относится къ 1417—1422 гг., можно болѣе увѣренно отнести списокъ Ипатьевской лѣтописи къ началу XV вѣка, приблизительно къ 1425 г., такъ какъ филигранны, заключающіеся въ бумагахъ лѣтописи, встрѣчаются лишь въ первой четверти XV вѣка. Само собой понятно, что не всегда можно полагаться и на филигранны, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ переживали довольно длинные періоды, что, конечно, мѣшаетъ опредѣленному уясненію хронологическихъ датъ. Трудъ г. Лихачева, конечно, этого неудобства устранить не могъ, но тѣмъ не менѣе даетъ возможность получить во всякомъ случаѣ болѣе вѣрный результатъ, чѣмъ это можно сдѣлать при помощи палеографіи. Все, что только можно было сдѣлать—г. Лихачевъ сдѣлалъ и его трудъ, основанный на изученіи громадной западно-европейской литературы и русской старинной бумаги, является единственнымъ руководствомъ, необходимымъ для каждаго, кому только приходится имѣть дѣло съ разборомъ старинныхъ документовъ. Являясь руководствомъ, книга кромѣ того даетъ намъ исторію бумаги, главнымъ образомъ въ Россіи, и вотъ выводы, къ которымъ пришелъ г. Лихачевъ. Писчая бумага вошла въ употребленіе на Руси еще въ первой половинѣ XIV столѣтія; наиболѣе вѣроятно, что ее первые занесли ганзейцы черезъ

Новгородъ. Въ XIV в. бумага, обрацавшаяся въ Россіи, преимущественно быда итальянскаго происхожденія и только къ концу столѣтія начала появляться бумага французская. XV и XVI столѣтія были, можно сказать, вѣками господства французской бумаги. Съ конца XV столѣтія замѣчается сильная примѣсь нѣмецкой бумаги, со второй половины XVI в. — незначительная примѣсь бумаги польской выдѣлки. XVII столѣтіе представляеть время борьбы французской бумаги съ голландскою; продукты голландскаго производства уже во второй половинѣ XVII в. берутъ верхъ, и господствуютъ въ XVIII. Употребленіе англійской бумаги до Петра сводится почти къ нулю. Въ самомъ Московскомъ государствѣ происходитъ рядъ попытокъ дѣлать свою бумагу. Эти попытки оказались болѣе или менѣе неудачными. Одна изъ такихъ попытокъ принадлежала патриарху Никону, который при типографіи устроилъ бумажную мельницу (стоила 400 руб.), но была размыта водой. Правильное бумажное производство началось у насъ при Петрѣ, при чемъ голландцы оказали большое вліяніе какъ на устройство мельницъ, такъ и на рисунокъ филиграней. Славилась выдѣлкой бумаги во второй половинѣ XVIII вѣка, кромѣ Петербурга и Москвы, — Ярославль и Калуга.

В. Б.

Сибирская бібліографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ II. Составилъ И. В. Межовъ. Издалъ И. М. Сибиряковъ. Спб. 1891.

О первомъ томѣ этого труда уже говорилось на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Второй томъ отличается тѣми же несомнѣнными солидными достоинствами. Онъ содержитъ перечень трудовъ по исторіи, географіи, статистикѣ, этнографіи и картографіи Сибири и заключаетъ въ себѣ около 11,000 указаній. Уже одна эта цифра показываетъ, съ какою полнотою составлена бібліографія г. Межова, и, если мы позволимъ себѣ сдѣлать два-три, по нашему мнѣнію, важныхъ дополненія къ замѣчательному труду почтеннаго бібліографа, то это, разумѣется, нисколько не умалитъ его достоинствъ. Изъ пропущенныхъ болѣе или менѣе крупныхъ трудовъ мы можемъ указать на статью Пейзена: «Историческій очеркъ колонизаціи Сибири», напечатанную въ «Современникѣ» за 1859 г., статью «Водвореніе въ Западной Сибири переселенцевъ изъ Европейской Россіи» («Журналъ Мин. Гос. Им.» 1856 г.); не указаны также статьи Чудновскаго: «Колонизаціонное значеніе сибирской ссылки» («Русская Мысль», 1886, № 10), Н. Н. Оглоблина: «Мангазѣйскій чудотворецъ Василій», Д. И. Иловайскаго «Ермакъ и покореніе Сибири» («Русскій Вѣстникъ», 1889 г., № 9), А. Н. Пыпина—рядъ статей, посвященныхъ исторіи изученія Сибири («Вѣстникъ Европы», 1888 г.). Не нашли мы также у Межова книги г. Н. М. Ядринцева: «Сибирь, какъ колонія», книги Максимова: «Сибирь и каторга». Не всегда точно указаны изданія; напримѣръ, трудъ Анучина «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака» указанъ какъ книга, а въ дѣйствительности онъ былъ напечатанъ въ «Древностяхъ, трудахъ Московскаго Археологическаго общества», отдѣльные же оттиски, если не ошибаемся, въ продажу не поступали. Наоборотъ, статья Дмитріева «Вологовъ, какъ историкъ рода Строгоновыхъ» не только была напечатана въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», но

вышла и отдѣльной брошюрой. Неполны и указанія на рецензїи, напри- мѣръ отзывы о книгѣ Латкина: «Красноярскій округъ Енисейской губерніи», помимо «Этнографическаго Обзорїя» были еще въ «Историческомъ Вѣст- никѣ» и въ «Новомъ Времени». Мы, конечно, не ручаемся, что указанныя книги не скрываются гдѣ-нибудь въ «Библиографіи» г. Межова, но, по крайней мѣрѣ, мы, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, никакъ не могли ихъ отыскать, а старанія пришлось приложить не мало, такъ какъ во-первыхъ раздѣленія по отдѣламъ далеко не строго выдержаны (хоть бы, напри- мѣръ, отдѣлъ празднованія 300-лѣтняго сибирскаго юбилея — иныя указанія, которыя должны были быть именно въ этомъ дѣлѣ, попали въ отдѣлъ «Исторїи Сибири вообще»), а во-вторыхъ, не выдѣлены нѣкоторые отдѣлы, часто довольно важные, какъ, напри- мѣръ, исторія колонизаціи Сибири. Ко- нечно, этотъ недостатокъ будетъ устраненъ въ значительной степени общимъ алфавитнымъ указателемъ къ труду г. Межова, если только неразыскан- ные нами труды дѣйствительно затерялись среди той массы матеріала, ко- торую собралъ г. Межовъ. С. А.—въ.

Американская республика Джемса Брайса, автора книги «Свя- щенная римская исторія» и члена палаты депутатовъ отъ Абердина. Часть III. Пер. В. Н. Невѣдомскій. Изд. К. Т. Солда- тенкова. Москва. 1890.

Третій томъ книги англійскаго публициста (отчетъ о двухъ первыхъ см. «Ист. Вѣст.» 1890 года), заканчиваетъ его монографію: онъ заключаетъ въ себѣ главы отъ 76—116 и распадается на три отдѣла: общественное мнѣніе, объяснительные примѣры и замѣчанія, и строй обще- ственной жизни. Первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія главы: характеръ общественнаго мнѣнія; роль общественнаго мнѣнія въ системѣ управленія; какимъ образомъ управляетъ общественное мнѣніе въ Америкѣ? вліяніе народныхъ нравовъ на общественное мнѣніе; вліяніе различныхъ классовъ населенія на него; мѣстные типы общественнаго мнѣнія, дѣятель- ность общественнаго мнѣнія, фатализмъ народной массы; тиранія больши- ства; въ чемъ общественное мнѣніе бессильно? въ чемъ общественное мнѣніе дѣйствуетъ успѣшно? Эти главы, кромѣ массы весьма интересныхъ и по- учительныхъ указаній на положеніе вещей въ Америкѣ, заключаютъ въ себѣ нѣчто въ родѣ теорїи общественнаго мнѣнія — главнаго двигателя современной намъ жизни, теорїи, изложенной съ чисто-англійской наглядностью и ясностью. Конечно, не всѣ положенія Брайса могутъ считаться аксіомами, тѣмъ болѣе, что сфера его наблюденій все-таки довольно ограничена: онъ хорошо знаетъ только Англїю и Штаты и умышленно избѣгаетъ историче- скихъ паралелей; но все же эти положенія въ высшей степени поучительны. Брайсъ убѣжденъ, что 19 человѣкъ изъ 20 даже въ просвѣщенной демокра- тической Америкѣ не выражаютъ собственнаго мнѣнія, а довольствуются чужимъ навязаннымъ имъ извнѣ; 20-й же человѣкъ, хотя и имѣетъ собствен- ное мнѣніе, но внимательно прислушивается и до извѣстной степени руко- водствуется тѣмъ пассивнымъ мнѣніемъ, которымъ живутъ 19 его товарищей (стр. 6). Такимъ образомъ существуетъ постоянное взаимодѣйствіе между вожаками и массой, и результатомъ его является такъ называемое «обще- ственное» мнѣніе. Отношеніе между его составными частями различно въ

разныхъ мѣстахъ и колеблется, по убѣжденію автора, между $\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{4}$, то есть въ иныхъ странахъ «вожакамъ принадлежитъ $\frac{3}{4}$ всего, что входитъ въ составъ общественнаго мнѣнія, а народной массѣ принадлежитъ только $\frac{1}{4}$; въ другихъ странахъ мы находимъ совершенно противоположное» (стр. 10). Какъ измѣритъ это отношеніе, авторъ къ сожалѣнію не объясняетъ.

Брайсъ убѣжденъ, что когда низшіе классы расходятся во мнѣніяхъ съ высшими, то правы обыкновенно бываютъ первые: не имѣя собственности, они менѣе робки, и не имѣя, такъ называемаго, образованія, которое въ сущности вовсе не даетъ намъ указаній на то, что въ данный моментъ выгодно для общества и что нѣтъ, они болѣе работаютъ надъ уясненіемъ того, о чемъ должны составить мнѣніе.

Въ формированіи общественнаго мнѣнія Брайсъ, естественно, придаетъ большое значеніе газетамъ; публицисты, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, именно та малая часть общества, которая должна имѣть не пассивное, а активное мнѣніе. Но такъ какъ съ другой стороны газета только тогда пользуется успѣхомъ, когда проводимыя ею идеи соответствуютъ мнѣнію большинства, то ея редакторъ и сотрудники стараются изо всѣхъ силъ подладиться къ послѣднему. Такимъ образомъ здѣсь это взаимодѣйствіе между руководителями и руководимыми выражается особенно наглядно. Рядъ интересныхъ сообщений и замѣчаній объ американскихъ газетахъ, пользующихся, какъ извѣстно, неограниченной свободой и переполненныхъ постоянно «разоблаченіями», Брайсъ заключаетъ такимъ выводомъ: «хотя своею неосмотрительностью пресса иногда приноситъ вредъ людямъ невиннымъ, за то она оказываетъ большую услугу, обнаруживая такія дурныя дѣла, которыя остались бы безнаказанными, если бы она сообщила только то, что основано на достаточныхъ доказательствахъ. Пресса—дворовая собака, лай которой слѣдуетъ выносить даже тогда, когда онъ вызванъ приближеніемъ человѣка, не замышляющаго ничего дурного. Не подлежитъ сомнѣнію, что газетныя нападки не рѣдко бываютъ очень легкомысленны и что въ Америкѣ на нихъ обращаютъ менѣе вниманія, чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ обиженный чаще возбуждаетъ преслѣдованіе за клевету. Но гласность часто разоблачаетъ злоупотребленія и еще чаще заставляетъ воздерживаться отъ нихъ» (стр. 22). Слѣдующій отдѣлъ подъ заглавіемъ «обяснительные примѣры и замѣчанія» состоитъ изъ 10 главъ, довольно разнообразныхъ по содержанію: кружокъ Твида въ городѣ Нью-Йоркѣ (такъ называлась шайка людей, грабившихъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ богатѣйшій городъ Америки и наконецъ благополучно истребленная опомнившимися гражданами); Газовой кружокъ въ Филадельфій (онъ продолжаетъ господствовать въ городѣ до сихъ поръ, вслѣдствіе того же равнодушія высшихъ классовъ, которое долго поддерживало и Твида въ Нью-Йоркѣ); Кирнеизмъ въ Калифорніи; проблема територіальнаго расширенія; *laissez faire* (здѣсь авторъ выражаетъ и развиваетъ убѣжденіе американцевъ, что чѣмъ меньше правительство вмѣшивается въ дѣла гражданъ и чѣмъ меньше граждане надзираютъ за правительствомъ, тѣмъ лучше живется и отдѣльнымъ гражданамъ и всему обществу); представленіе женщинамъ права голоса (авторъ убѣжденъ, что въ концѣ концовъ женщины побѣдятъ, такъ какъ права ихъ расширяются въ разныхъ мѣстахъ постепенно и почти нигдѣ не берутся назадъ); мнимые недостатки демократіи; дѣйствительные недостатки американской демократіи (такowymi авторъ считаетъ: ослабленіе индивидуаль-

ности, апатію высшихъ классовъ, некомпетентность правительственныхъ органовъ и нерадѣніе въ завѣдываніи общественными дѣлами; все это проявляется въ болѣе или менѣе сильной степени, но во всякомъ случаѣ не на столько въ сильной, чтобы могло грозить серьезными бѣдствіями); сила американской демократіи; въ какой мѣрѣ опытъ американцевъ можетъ быть полезенъ для Европы (въ этой главѣ авторъ перечисляетъ рядъ основныхъ положеній, которыми американская конституція положительно или отрицательно можетъ послужить примѣромъ для развивающихся въ Европѣ демократій).

Третій отдѣлъ называется «строй общественной жизни» и заключаетъ въ себѣ 19 главъ о разныхъ сторонахъ американской культуры, о правосудіи, наукѣ, религіи, искусствѣ, женщинахъ, общемъ складѣ жизни и пр., изъ которыхъ почти каждая настолько интересна, что рецензентъ подвергается искушенію изложить ея содержаніе на 3-хъ—4-хъ страницахъ. Мы ограничимся въ видѣ примѣра одной СІІ главой объ университетахъ.

По отчету Воспитательнаго Бюро (Education Bureau) за 1885—1886 въ штатахъ было 345 высшихъ школъ, которыя болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ нашимъ университетамъ, съ 4670 профессорами и 67623 студентами; въ томъ числѣ философскихъ факультетовъ было 90, на нихъ профессоровъ 974, студентовъ 10532.

Богословскихъ факультетовъ	142,	проф.	803,	студ.	6,344
Юридическихъ »	49,	»	283,	»	3,054
Медицинскихъ »	175,	»	2,829,	»	16,407
(Въ томъ числѣ гомеопат. . . . .)	13,	»	212,	»	1,103).

Поразительныя цифры! По словамъ Брайса, онѣ никакъ не выше, а навѣрно ниже настоящихъ, такъ какъ многія заведенія, выдающія ученые дипломы, не представляютъ своихъ отчетовъ правительству и вовсе не изъ страха, что ихъ дипломамъ не придадутъ надлежащей силы—правительство никогда не отказываетъ учебнымъ заведеніямъ въ правахъ, а просто по небрежности или по бесполезности правительственной санкціи. При такихъ грандіозныхъ цифрахъ американская наука, повидимому, должна бы далеко обогнать европейскую; а между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное, американцы до сихъ поръ ѣдутъ доучиваться въ Европу, преимущественно въ Германію, и почти во всѣхъ областяхъ знанія стараются только слѣдить за тѣмъ, что дѣлается въ наукѣ европейской.

Разгадка въ томъ, что изъ этихъ 345 университетовъ по крайней мѣрѣ 300 на самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ гимназіи или реальныя училища, съ тою только разницею, что ученики въ нихъ пользуются большею сравнительно съ нашими свободой. Настоящихъ университетовъ Брайсъ насчитываетъ всего 8 или 9. Между гимназіями и настоящими университетами среднее мѣсто занимаютъ 35—40 учебныхъ заведеній съ претензіями давать высшее образованіе, но съ чрезвычайно ограниченными средствами ¹⁾.

Въ настоящіе университеты поступаютъ обыкновенно молодые люди 18—19 лѣтъ изъ всѣхъ классовъ общества. Они остаются тамъ 4 года, ведутъ себя большею частью серьезно и прилично; работаютъ для знанія, а не для награды, но держать экзаменъ и получаютъ дипломы. Лучшіе изъ

¹⁾ Есть университеты, наличный преподавательскій составъ которыхъ ограничивается двумя специалистами!

студентовъ по окончаніи курса переходять иногда въ другой университетъ, гдѣ слушаютъ только спеціальные курсы, соотвѣтствующіе нѣмецкимъ семинаріямъ; но это дѣло, по словамъ Брайса, еще только въ зародышѣ.

Въ большихъ университетахъ есть братства или общества, составляющія нѣчто среднее между англійскими клубами и нѣмецкими «корами», но съ принесеніемъ благородной цѣли взаимнаго усовершенствованія. Членомъ братства бывшій студентъ остается на всю жизнь, и если онъ принадлежалъ къ братству сравнительно старому и многочисленному, онъ найдетъ собратьевъ, а стало быть и помощь во всякомъ городѣ Штатовъ, куда бы ни забросила его судьба.

Американскіе университеты управляются комитетомъ «регентовъ», которые не принадлежатъ къ преподавательскому персоналу, а выбираются согражданами или назначаются правительствомъ Штата. Исполнительная власть принадлежитъ, такъ называемому, президенту, который часто бываетъ членомъ комитета «регентовъ» и въ то же время профессоромъ; президентъ пользуется большимъ уваженіемъ и часто принадлежитъ къ духовенству господствующаго вѣроисповѣданія.

Допущеніе женщинъ во многіе американскіе университеты, по словамъ Брайса, имѣло благотворное вліяніе на нравы студентовъ. Число женщинъ никогда не равняется числу мужчинъ, а всегда значительно меньше его: рѣдко оно доходитъ до одной четверти числа студентовъ; это объясняется между прочимъ тѣмъ, что для женщинъ открыто нѣсколько особыхъ университетовъ, а иногда при большихъ университетахъ для нихъ учреждаются особые курсы.

Мы убѣждены, что кому бы книга Брайса не попала въ руки, всякій найдетъ въ ней для себя много интереснаго и поучительнаго. Это одно изъ лучшихъ пріобрѣтеній въ русской переводной литературѣ, такъ усердно обогащаемой фирмой К. Т. Солдатенкова.

А. К.

В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. Спб. 1891.

Въ нашей литературѣ до сихъ поръ не было сколько-нибудь полнаго свода псевдонимовъ русскихъ писателей — самый полный изъ нихъ С. Пономарева, содержитъ лишь 700 указаній съ небольшимъ. А между тѣмъ подобный словарь можетъ не мало оказать услугъ историку нашей новой литературы. Настоящій трудъ и имѣетъ въ виду пополнить такой пробѣлъ. Въ «Опытѣ» собрано до 4,000 псевдонимовъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ литераторовъ. Конечно, и въ немъ есть пропуски — нѣтъ, на примѣръ, такого крупнаго псевдонима, какъ А. В.—инъ, маститаго сотрудника «Вѣстника Европы», но вѣдь сразу ничего не дѣлается, и надо благодарить составителей уже за тотъ громадный шагъ впередъ, который они совершили сравнительно съ своими предшественниками. Гораздо труднѣе примириться съ другимъ недостаткомъ — составители не приложили къ своему труду указателя истинныхъ фамилій, упоминаемыхъ въ ихъ словарѣ, а этимъ значительно затрудняется пользованіе «Опытомъ». Для того, на примѣръ, чтобы собрать всѣ подписи хоть бы Авсеенко, нужно просмотрѣть весь словарь отъ начала до конца. Надѣемся, что въ слѣдующемъ изданіи этотъ недостатокъ будетъ устраненъ. Затѣмъ, въ разбираемой книгѣ есть еще одна

нехорошая сторона — раскрыты многіе псевдонимы живых писателей и раскрыты без их согласія. Можетъ быть гг. составители и руководились при этомъ какими-нибудь особыми соображеніями, но, мы думаемъ, что подобныя вещи въ литературѣ не приняты, и навѣрно за это авторы услышатъ больше порицанія, чѣмъ благодарности.

С. А.—въ.

Спутникъ-толмачъ по Индіи, Тибету и Японіи. Составилъ А. В. Старчевскій. Спб. 1891.

Къ полулѣтнему юбилею своей литературной дѣятельности старѣйшій изъ нашихъ журналистовъ, занимающійся теперь лингвистическими работами, издалъ полезную книгу, которою заканчивается серія составленныхъ имъ руководствъ для практическаго ознакомленія съ языками нашихъ инородцевъ и сосѣдей. Знаніе языковъ индоостанскаго, тибетскаго и японскаго, конечно, необходимо для сношеній со странами, если и не находящимися въ сферѣ русскаго вліянія, то и не чуждыми сближенія съ нами. Г. Старчевскій говоритъ, что «Спутникъ», выпускаемый имъ нынѣ въ свѣтъ, былъ готовъ уже десять лѣтъ тому назадъ, а теперь только дополненъ по новѣйшимъ источникамъ и на основаніи изслѣдованій іеромонаха Смирнова по японскому языку. Мы не можемъ, однако, вполне согласиться съ почтеннымъ составителемъ «Спутника», что практическое знакомство, хотя и поверхностное, съ какимъ-либо языкомъ полезнѣе его основательнаго изученія. «Лингвистическіе труды моихъ предшественниковъ,—говоритъ онъ,—предпріятыя на Руси исключительно съ ученой цѣлью, тлѣютъ въ разныхъ бібліотекахъ, я первый рѣшился распуścić (?) лингвистическія свѣдѣнія въ русскои публикѣ и сдѣлать ихъ доступными для каждаго». Но именно эта-то распущенность свѣдѣній и дѣлаетъ ихъ во многихъ случаяхъ весьма сомнительными источниками знанія. Откуда и отъ кого составитель собиралъ всѣ эти слова, фразы, разговоры, обороты рѣчи? Отъ живыхъ людей или изъ книгъ? Простонародный языкъ вездѣ далекъ отъ книжнаго. Слова, напримѣръ, индоостанскаго языка, выраженные русскими буквами, переданы съ тѣми ли отгѣнками произношенія какъ у туземцевъ, нерѣдко измѣняющими свое значеніе отъ перенесенія ударенія, смягченія или усиленія гласныхъ и согласныхъ звуковъ? На первой же страницѣ «Спутника» находимъ двусложныя слова съ удареніемъ на каждомъ слогѣ. Какъ же ихъ произносить? Не говоримъ уже о томъ, что иногда въ двухъ сосѣднихъ мѣстностяхъ господствуютъ совершенно различныя нарѣчія. «Спутникъ» даетъ слова и правила официальнаго языка въ Индіи—урду, обязательнаго для войскъ и чиновниковъ, но образовавшагося при великихъ моголахъ, а не природнаго языка индусовъ, употребляющихъ даже и другой алфавитъ—даванагаръ (санскритскій). Стало быть, по «Спутнику» можно бесѣдовать въ Индіи только съ чиновниками да съ индѣйскими мусульманами, а не съ туземцами. Въ тибетскомъ языкѣ 17 нарѣчій, но «Спутникъ» не указываетъ, которому изъ нихъ принадлежатъ приводимыя общія и спеціальныя слова и фразы. Японскій языкъ находится теперь въ періодѣ реформъ и принимаетъ латинскій алфавитъ. Этому языку отведено болѣе трети «Спутника», состоящаго изъ 430-ти страницъ, за которыя назначена довольно высокая цѣна, ее можно было бы уменьшить, раздѣливъ руководство къ изученію трехъ языковъ на три части.

Желательны были бы также болѣе подробныя объясненія при переводѣ словъ. Такъ, напримѣръ, глаголь «накладываю» переводится по-японски: «цума кому, цуми агеру, цуми касмеру». Въ какихъ же случаяхъ употребляется первое, второе или третье выраженіе? А такихъ словъ, по поводу которыхъ можно сдѣлать подобные вопросы,—въ книгѣ не мало.

В. 3.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1888 годъ. Спб. 1891.

Вышедшій недавно отчетъ Публичной Библіотеки за 1888 г. открывається жалобой на недостатокъ помѣщенія, особенно въ отдѣленіи русскихъ книгъ, гдѣ, «за недостаткомъ мѣста, приходилось складывать книги на полъ». Въ послѣднее время жалобы такого рода раздаются все чаще и чаще и, хотя онѣ свидѣтельствуютъ о возрастаніи количества книгъ въ нашемъ отечествѣ, однако, заставляютъ конечно задумываться прежде всего о помѣщеніи для нихъ, а затѣмъ и надъ несчастной судьбой будущихъ поколѣній, которымъ далеко не легко будетъ разобратся во всей массѣ печатнаго матеріала, остающагося въ наслѣдство отъ насъ. Не считая уже газетъ, ежедневно выпускающихся по громадному листу, и журналовъ, дающихъ въ годъ по 12 обязательныхъ книжекъ, у насъ выходитъ еще множество книгъ, брошюръ. Въ отчетномъ году, напримѣръ, въ библіотеку поступило печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листовъ 26,538 сочиненій, въ 30,066 томахъ (стр. 180), рукописей, автографовъ и актовъ—5,801, не считая уже фотографій, эстамповъ, картъ, плановъ, нотъ (стр. 181).

Матеріалъ растетъ съ каждымъ годомъ, а помѣщеніе для библіотеки остается все такимъ же, все больше и больше заваливается книгами, которыя помѣщаются и на лѣстницахъ, такъ что почти загоразиваютъ проходъ, и въ подвалахъ, откуда изгоняются служители, вслѣдствіе чего, въ 1888 году, уменьшенъ штатъ служителей на 7 человекъ. Все это вполнѣ естественно отнимаетъ нѣкоторыя удобства у людей пользующихся библіотекой и вызываетъ иногда совершенно неосновательныя выраженія неудовольствія, высказывавшіяся неразъ даже печатно. Конечно, хорошо было бы расширить помѣщеніе, но для этого нужны средства, которыхъ у библіотеки не много. Въ 1888 году, библіотека, напримѣръ, получила 92,873 р. 32 к., а израсходовала 89,073 р. 32 к., такъ что осталось всего 3.800 р., на которые не только построить новаго, болѣе обширнаго, помѣщенія нельзя, да врядъ ли возможно и это расширить.

Билетовъ для занятій въ 1888 году было выдано—11,127 (въ 1887 г.—11,234), при чемъ на долю женщинъ приходится 1,569 (въ 1887 г.—1,574). Читателей въ общей читальной залѣ было 102,538 (въ 1887 г.—97,815). Общее число взятыхъ посѣтителями книгъ, какъ выданныхъ изъ отдѣленій, такъ и находящихся въ библіотекѣ при читальной залѣ—185,104 т. (въ 1887 г.—176,389 т.), повременныхъ изданій—54.563 номера (въ 1887 г.—43,135 ном.). Въ теченіе года, по разнымъ причинамъ, библіотекѣ приходилось отказывать по нѣкоторымъ требованіямъ. Иногда требовались книги, которыхъ въ библіотекѣ нѣтъ, или же которыя въ это время читались, иногда даже сочиненія, никогда не появлявшіяся въ печати; подавались неточныя и неразборчивыя требованія. За неизмѣнимъ книгъ, впрочемъ, и за неполученіемъ

книгъ въ моментъ ихъ требованія изъ цензурныхъ установленій, было отказано всего по 4,208 требованіямъ, при чемъ въ русскомъ отдѣлѣ только по 325 требованіямъ (въ 1887 г.—по 3,997 требованіямъ, въ томъ числѣ въ отдѣленіи русскихъ книгъ по 1,040 требованіямъ). Всего же было отказано изъ отдѣленій по 10,740 требованіямъ, а изъ бібліотеки при читальной залѣ по 13,088. Изъ 496 повременныхъ изданій на русскомъ языкѣ, какъ это видно изъ списка, болѣе всего читались: «Вѣстникъ Европы», выданный 2,132 раза, при чемъ отказано по 309 требованіямъ, а изъ газетъ — «Новое Время», которое было выдано 1,232 раза и отказано 151 разъ. Изъ иностранныхъ — «*Révue des deux Mondes*» (339 разъ и 72 отказано), «*Ateneum*»—327 разъ и 54 отказано и «Иверія» (грузинская газета)—264 раза и 40 отказано...

Помимо такихъ статистическихъ данныхъ, знакомящихъ насъ съ состояніемъ бібліотеки, отчетъ заключаетъ въ себѣ еще описаніе прибрѣтеній бібліотеки, изъ которыхъ особенно замѣчательны — собраніе рукописей XIV—XVIII в. (числомъ 125), принесенное въ даръ бібліотекѣ крестьяниномъ деревни Гуськовъ, Новгородской губ., П. Д. Богдановымъ, часть переписки графовъ Румянцовыхъ, при чемъ письма графа Н. П. Румянцева къ Александру I и Аракчееву, въ которыхъ идетъ рѣчь объ отставкѣ канцлера, какъ чрезвычайно важныя для характеристики графа, напечатаны цѣликомъ, затѣмъ богатое собраніе матеріаловъ, состоящее изъ одиннадцати томовъ, для исторіи раскола частью въ XVIII в., главнымъ же образомъ въ текущемъ столѣтіи (до конца пятидесятихъ годовъ) вмѣстѣ съ изслѣдованіями и официальными записками по исторіи раскола и мн. др. Кромѣ того, напечатаны въ видѣ приложений: «Письма митрополита московскаго Филарета», хранящіяся въ собраніи автографовъ Императорской Публичной Библіотеки (стр. 1—77), «Каталогъ собранія славяно-русскихъ рукописей П. Д. Богданова, составленный П. А. Бычковымъ (стр. 77—202), «Матеріалы для исторіи Арзамасскаго общества, «Рѣчь Д. Н. Блудова въ одномъ изъ его засѣданій» (стр. 1—8) и «Флорентинская эллка», даръ И. Е. Бецкаго, листы 6-й и 7-й.

В. Б.

Аріостъ. Неистовый Роландъ. Переводъ подъ редакцію В. Р. Зотова. Спб. 1892.

Одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ книгопродавцевъ Н. А. Шигинъ, издатель лучшаго перевода на русскій языкъ «Донъ-Кихота», выдержавшаго три изданія, и множества оригинальныхъ романовъ, выпустилъ въ свѣтъ другое классическое произведеніе, которымъ зачитывалось образованное общество XVI и XVII вѣка. Редакторъ русскаго перевода поэмы Аріоста, написавшій обширное введеніе о ея значеніи въ исторіи всемірной литературы, нашелъ необходимымъ объяснить причины ея появленія въ нашъ далеко не поэтическій вѣкъ. «Кто изъ любителей чтенія обратится отъ современнаго романа съ его протокольною психологією и холоднымъ пессимизмомъ къ описанію сказочныхъ поединковъ, небывалыхъ событій, въ которыхъ дѣйствуютъ невозможные герои карловинской саги? И однако переводчикъ находитъ, что эти сказочныя времена производятъ на многихъ и въ наше время сильное обаяніе, и читатели, пресытившись психопатическимъ романомъ, могутъ заинтересоваться старою романтическою сказкою, занимавшею съ эпохи возрожденія интеллигентный міръ. Желаемъ, чтобы издатель не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ и чтобы публика 1891 года встрѣтила съ такимъ же вниманіемъ

поэму Ариоста, съ какимъ сто лѣтъ тому назадъ читатели 1791 года приняли первое появленіе на русскомъ языкѣ «Неистоваго Роланда» въ переводѣ Петра Молчанова. Этотъ переводъ, составляющій теперь библиографическую рѣдкость, выходилъ въ Москвѣ въ теченіе трехъ лѣтъ (1791—93) въ трехъ томахъ, конечно, съ огромными пропусками и безъ имени переводчика, обнаруженнаго Сопиковымъ, хотя Петръ Степановичъ Молчановъ еще въ вольномъ благородномъ университетскомъ пансіонѣ упражнялся въ словесности и стиходѣйствѣ, перевелъ, конечно съ французскаго, итальянскую повѣсть «Венеціанскій арапъ», въ 1787 году и былъ усерднымъ сотрудникомъ въ журналахъ «Покоющійся Трудолюбецъ» (1784—85) «Зеркало свѣта» и «Распускающійся цвѣтокъ». Какъ ни слабъ переводъ Молчанова, но онъ все-таки даетъ болѣе обстоятельное понятіе о поэмѣ, чѣмъ стихотворное искаженіе ея бездарнымъ Раичемъ, издававшимъ въ теченіе шести лѣтъ (1832—37) въ трехъ томахъ 15 первыхъ пѣсень, пляшущимъ размѣромъ (четырехстопный ямбъ въ перемежку съ трехстопнымъ), замѣнявшимъ звучную октаву Ариоста. Но попытки и другихъ нашихъ писателей, неисключая Пушкина — перевести итальянскаго поэта, доказываютъ сочувствіе, къ послѣднему въ русской литературѣ. Переводъ, являющійся въ настоящее время, сдѣланъ правильнымъ литературнымъ языкомъ, хотя мѣстами тонъ его нѣсколько приподнять, что было впрочемъ неизбежно при передачѣ, возможно близко къ подлиннику, поэтическихъ оборотовъ свойственныхъ итальянскому эпосу XVI вѣка. Но русский переводъ, точно и добросовѣстно слѣдя за оригиналомъ, не измѣняетъ и не пропускаетъ ни одного стиха, даже и въ томъ эпизодѣ поэмы, гдѣ скромный Ариостъ, недопускавшій въ своемъ произведеніи никакихъ эротическихъ сценъ, какими переполнена лирика того времени, дѣлаетъ единственное исключеніе, передавая съ самыми откровенными подробностями скабресную исторію Жюконда, которую воспользовался и Бокачіо въ своемъ «Декамеронѣ». Вообще изданіе г. Шигина можно причислить къ такъ называемымъ «роскошнымъ изданіямъ». Къ нему приложено двадцать большихъ гравюръ, исполненныхъ извѣстными французскими художниками и самый схожій портретъ Ариоста. Сжатый и четкій шрифтъ текста и большой форматъ изданія позволили умѣстить на 542-хъ страницахъ, всѣ 46 пѣсень поэмы. Введеніе къ ней опредѣляетъ ея значеніе, передаетъ біографію поэта и подробное содержаніе поэмы Боярдо «Влюбленный Роландъ», которому «Неистовый Роландъ» служилъ продолженіемъ, до того органически связаннымъ съ первою поэмою, что безъ нея непонятны ни лица, ни эпизоды послѣдней. Приключенія многихъ лицъ, начатыя Боярдомъ, окончены у Ариоста, хотя русский энциклопедическій словарь Брокгауза увѣряетъ напротивъ, что Боярдо продолжалъ Ариоста, хотя и умеръ за 20 лѣтъ до появленія «Неистоваго Роланда». Жаль, что редакторъ русскаго перевода не обставилъ хотя бы главныхъ мѣстъ поэмы примѣчаніями и комментаріями. Они положительно необходимы въ твореніи, написанномъ почти четыре вѣка назадъ. Если наше поколѣніе, несмотря на его классическое образованіе, мало знакомо съ мѣологическими именами и преданіями, упоминаемыми чуть не въ каждой октавѣ поэмы, то историческія лица и событія итальянскихъ герцогствъ и республикъ, къ которымъ очень часто обращается Ариостъ, уже и вовсе чужды нашему времени. Правда, при обширныхъ комментаріяхъ переводъ поэмы увеличился бы въ своихъ размѣрахъ и принялъ научно-литературное значеніе, а цѣль издателя была дать книгу для лег-

каго чтенія, романтическую сказку, которая заинтересовала бы читателя разнообразіем содержанія, запутанностью приключеній, а не объясненіем малоизвѣстныхъ подробностей, приводимыхъ поэтомъ. Можно было, конечно, въ переводѣ выбросить эти подробности, но тогда поэма явилась бы не въ полномъ видѣ и потеряла бы свой средневѣковой, легендарный колоритъ. Поэтоу редакція перевода, принявъ въ основаніе полный текстъ поэмы, оставила безъ примѣчаній ея малосущественныя миеологическія историческія подробности.

В—ъ.

А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Томъ III. Этнографія малорусская. Спб. 1891.

О первыхъ двухъ томахъ названнаго сочиненія А. Н. Пыпина мы уже имѣли случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (т. XL, стр. 212 — 213 и т. XLIV, стр. 410 — 432). Третій томъ посвященъ исторіи изученій малорусскаго племени, которое, будучи русскимъ по глубочайшей своей основѣ, цѣлые вѣка прожило раздѣльно отъ племени великорусскаго. «Все различныя условія, дѣйствовавшія на образованіе народности, а именно: свойства и обстановка природы, искони вліявшія на физическій складъ племени и его бытъ; племенное союжество въ древніе и средніе вѣка, издавна дѣйствовавшее въ южномъ племени иначе, чѣмъ въ сѣверномъ, на этнологическій составъ народности; остатки первобытной старины, уцѣлѣвшіе на югѣ и забытые на сѣверѣ, или, наоборотъ, позднѣйшія историческія отношенія, неизвѣстныя на сѣверѣ и сообщавшія новыя понятія и обычаи; національная историческая борьба XV—XVII столѣтій и т. д., все это вмѣстѣ создавало типъ народности, столь отличный отъ сѣвернаго, что при «возсоединеніи», въ половинѣ XVII столѣтія, онъ не могъ слиться съ господствующей народностью и прибавился къ ней особымъ отгѣнкомъ».

Первыя проявленія интереса къ малорусской народности относятся къ прошлому столѣтію. Уже въ 1777 г. появилось «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ» Калиновскаго. Тогда же малорусскія пѣсни, наряду съ великорусскими, вошли въ сборники Чулкова и Новикова. Специально къ изученію малорусской поэзіи первый обратился князь Н. А. Цертелевъ («Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней», 1819 г.). Цертелевъ, по замѣчанію г. Дашкевича, находился подъ вліяніемъ романтическаго движенія и примыкалъ къ сознательно выработанной программѣ народности. Во имя послѣдней «онъ требовалъ вниманія литераторовъ къ народной поэзіи, изученія родной природы, нравовъ и характеровъ своего народа и его языка. Этому призыву и подобнымъ послѣдовали украинскіе литераторы съ конца двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка». Ближайшимъ преемникомъ Цертелева былъ М. А. Максимовичъ (1804—1873). Къ 20 и 30-мъ годамъ относится также этнографическая дѣятельность оригинальной и даровитой личности—Адама Чарноцкаго, — поляка, не только писавшаго, но и жившаго (и даже путешествовавшего на средства правительства) подъ псевдонимомъ Зоріана Доленгиходаковскаго. Затѣмъ, въ лицѣ ученыхъ слѣдующаго поколѣнія, И. И. Срезневскаго и О. М. Бодянскаго, также не чуждыхъ романтическаго увлеченія народностью, малорусская этнографія приходитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ славяновѣдѣніемъ, получившимъ въ то время вполне научную постановку.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1891 г., т. XLVI.

18

Бъ началу 60-хъ годовъ постоянно возростающій этнографическій интересъ переходить въ такъ называемое «украинофильство», мѣстный малорусскій патриотизмъ. Начало этого направленія очень часто возводятъ къ «Основѣ» — журналу 1861—1862 гг., во главѣ котораго стояли Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко. Въ дѣйствительности «Основа» не имѣла приписываемаго ей значенія: это изданіе было однимъ изъ проявленій общественнаго настроенія того времени и «далеко не всегда совпадало съ другими проявленіями мѣстнаго малорусскаго патриотизма въ то время и послѣ». Дѣятели «Основы» имѣли предъ собой уже готовыя народно-литературныя стремленія какъ въ этнографіи, такъ и въ беллетристикѣ на малорусскомъ языкѣ. «Основа» явилась только органомъ для выраженія этихъ стремленій, чему благоприятствовало и современное состояніе всего русскаго общества. Руководители «Основы» были проникнуты горячей любовью къ народу, стремленіемъ къ изученію малорусской старины и народности и желаніемъ содѣйствовать успѣхамъ книжнаго малорусскаго языка и народнаго образованія. До тѣхъ поръ малорусская литература жила только въ своемъ замкнутомъ кругѣ и не имѣла опредѣленнаго положенія; тогда явилась потребность выяснить положеніе этой литературы и защитить право существованія ея противъ возраженій и нападокъ, появлявшихся съ разныхъ сторонъ. Великорусское общество большею частью равнодушно относилось къ интересамъ малорусской литературы, о которой оно и знало очень мало, считая ее ненужнымъ отвлеченіемъ силъ отъ общаго хода образованія; появилось уже мнѣніе, что она вредна, какъ противорѣчіе національному единству. «Въ то же время съ польской стороны можно было замѣтить отношеніе къ малорусскому движенію не весьма дружелюбное: это движеніе обыкновенно соединялось съ оживленіемъ старыхъ историческихъ преданій, а эти преданія могли только подновлять старую племенную и религіозную вражду, тогда какъ полякамъ на западѣ и юго-западѣ хотѣлось безмятежно первенствовать надъ малорусскимъ населеніемъ или попрежнему считать его однимъ отдѣлкомъ того же польскаго народа. Надо было, наконецъ, опредѣлить тѣ племенные особенности малорусскаго народа, припомнить тѣ черты его исторіи, которыя создавали его вравствено-національную характеристику и утверждали его народное право. Всѣ эти вопросы и положенія составили предметъ многочисленныхъ работъ, которыя касались ихъ прямо или косвенно и доставлены были въ «Основу» какъ представителями стараго кружка, такъ и цѣлымъ рядомъ другихъ писателей старыхъ и молодыхъ».

Хотя «Основа» и не была чужда нѣкоторыхъ крайностей, какъ, напр. сантиментальной идеализаціи малорусскаго народнаго характера, въ нѣкоторыхъ статьяхъ, она имѣла важное значеніе въ малорусской литературѣ и этнографіи. Въ ней появились беллетристическія произведенія Шевченко, Марка Вовчка, А. Стороженка, Кулиша и др. Въ каждой книжкѣ ея помѣщались статьи этнографическаго содержанія, въ томъ числѣ замѣчательныя статьи Костомарова. «Общимъ выводомъ были: необходимость изученія народной жизни, уваженіе къ народной мысли и чувству, къ народной личности—въ томъ же смыслѣ, какъ объ этомъ говорилось тогда и въ цѣлой русской литературѣ, по давно слагавшемуся убѣжденію, которое особенно усилилось тогда подъ вліяніемъ крестьянской реформы; у писателей малорусскихъ это стремленіе сказывалось лишь съ тѣми видоизмѣненіями, какія

приводились очевидными различіями племенными, историческими и бытовыми». Этнографическій интересъ, нашедшій свое выраженіе въ «Основѣ», отразился важными трудами въ области этнографіи, исторіи и археологіи въ послѣдующія десятилѣтія, когда выступили новые дѣятели, выросшіе подъ вліяніемъ общественнаго движенія конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ. Первое мѣсто въ ряду этихъ дѣятелей, безспорно, принадлежитъ П. П. Чубинскому, труды котораго по собранію и объясненію этнографическаго матеріала по истинѣ грандіозны (этнографическо-статистическая экспедиція въ западно-русскій край, 1869—1870 гг.).

Намѣченное нами постепенное развитіе изученія Малороссіи представлено авторомъ не въ сухой, отвлеченной формѣ, а живо, въ связи съ духовнымъ ростомъ самаго общества. Этому способствуетъ введеніе биографическаго элемента, которому г. Пыпинъ справедливо придаетъ важное значеніе: «не лишено исторической важности, — говоритъ онъ, — именно въ изученіяхъ народныхъ, и особливо мѣстныхъ, опредѣлить, въ какихъ условіяхъ возникло влеченіе къ изслѣдованіямъ народности, какъ взаимно питались и вліяли чувство личное и общественное съ одной стороны, и съ другой — чисто научный интересъ».

Паралельно съ указанными изслѣдованіями, имѣли мѣсто изученія малорусской народности поляками и галицкими русскими. Этими изученіямъ авторъ также отводитъ не мало мѣста (гл. IV, VIII, IX, частію X и XII), при чемъ постоянно обращаетъ вниманіе на польско-галицкія и польско-украинскія отношенія, не только научныя, но и социально-политическія, что, вмѣстѣ съ ранѣе отмѣченными чертами, дѣлаетъ его книгу интересною какъ для спеціалиста, такъ и для всякаго образованнаго читателя. С.

Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный Иркутскимъ городскимъ головою В. П. Сукачевымъ. Москва. 1891.

Книга, изданная г. Сукачевымъ, распадается на 2 отдѣла: первый, меньшій, заключаетъ въ себѣ компилятивное изложеніе исторіи Иркутска, второй большій — описаніе современнаго положенія этого города. Редакторъ труда самъ называетъ свой трудъ компиляціей и главную цѣну книги видятъ въ ея направленіи, которое можно охарактеризовать въ двухъ словахъ это изданіе стремится указать темныя стороны иркутской общественной жизни и по мѣрѣ силъ и возможности изыскать средства къ ихъ устраненію. На основаніи нѣкоторыхъ намековъ въ самой книгѣ мы заключаемъ, что изданіе это преслѣдуетъ нѣкоторыя практическія цѣли и, вѣроятно пойдетъ въ руки, отъ которыхъ будетъ зависѣть исполненіе деидератъ г. Сукачева. Въ такомъ случаѣ намъ остается только пожелать «Иркутску» полнаго успѣха — съ публицистической точки зрѣнія этотъ трудъ несомнѣнно не лишень важныхъ достоинствъ; научныхъ же требованій предъявлять къ нему мы не имѣемъ права, разъ самъ редакторъ не претендуетъ на научность. Впрочемъ г. Сукачевъ обѣщаетъ подарить насъ въ скоромъ времени «самостоятельнымъ трудомъ по изслѣдованію не только исторіи и культурнаго развитія, но и экономическаго положенія нашего города и мѣстности

лежащей въ сферѣ его вліянія». Этотъ трудъ будетъ основанъ «на разработкѣ архивнаго и всякаго другого рода нетронутаго еще матеріала» и несомнѣнно будетъ гораздо цѣннѣе теперешняго. С. А.—въ.

Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ Ея иконъ, чтимыхъ Православною церковью на основаніи Священнаго Писанія и церковныхъ преданій. Составила Софья Снеессорева. Съ изображеніями въ текстѣ праздниковъ и иконъ Божіей Матери. Спб. 1892.

Имя г-жи Снеессоревой давно извѣстно всѣмъ любителямъ духовно-правственныхъ сочиненій. Новый трудъ ея, изданный подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, восполняетъ еще одинъ пробѣлъ, давно ощущавшійся въ нашей духовно-исторической литературѣ. Конечно, нельзя сказать, чтобы у насъ до сего времени не было вполне удовлетворительныхъ сказаній о земной жизни Пресвятой Богородицы, но настоящее изданіе отличается отъ прочихъ тѣмъ, что представляетъ простой, безхитростный рассказъ, понятный для дѣтей и народа; это и составляетъ главное достоинство труда г-жи Снеессоревой.

Излишне было бы распространяться о томъ, какія знаменательныя событія русской исторіи соединены съ воспоминаніями о нашихъ чудотворныхъ иконахъ Пресвятой Богородицы. Въ трудѣ г-жи Снеессоревой описанію этихъ иконъ отведена половина книги. Въ настоящее время это самый полный списокъ существующихъ въ Россіи чудотворныхъ иконъ Божіей Матери; рисунки, приложенные къ описаніямъ, не оставляютъ желать лучшаго. Къ сожалѣнію, въ списокѣ иконъ есть пропуски, (напр. не упомянуто о иконахъ Касперовской (Хер. губ.), Мариупольской (Екат. губ.) и др.), но нѣтъ сомнѣнія, что при слѣдующемъ изданіи книги будутъ сдѣланы дополненія.—Желательно, чтобы лица, сочувствующія этому полезному изданію, доставили, если у нихъ есть, изображенія рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ, но мѣстно чтимыхъ, иконъ Божіей Матери. Такого рода сообщенія, конечно, легче всего было бы сдѣлать черезъ посредство издателя книги петербургскаго книгопродавца И. Л. Тузова.

Н. Ш.

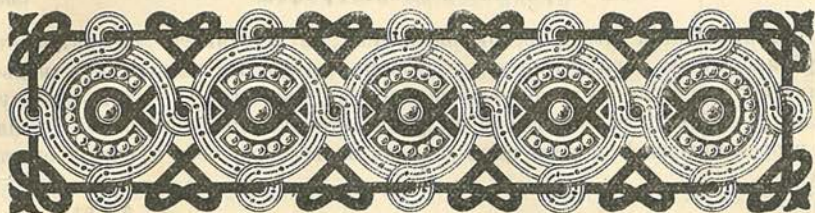
Вл. Боцяновскій. Публичная библіотека въ Житомирѣ. По поводу ея 25-ти лѣтія.—Кіевъ. 1891.

Трудъ г. Боцяновскаго, собственно говоря, даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ его заглавіе: мы находимъ въ немъ не только исторію и современное состояніе Житомирской библіотеки, но и очень любопытныя свѣдѣнія по исторіи публичныхъ библіотекъ въ Россіи вообще, и, затѣмъ, весьма недурной опытъ исторіи внутренней жизни города Житомира за послѣднее полу столѣтіе. За этимъ введеніемъ, которое, впрочемъ, занимаетъ добрую половину всего труда, слѣдуетъ описаніе прошедшаго и настоящаго самой библіотеки. Тутъ привлечено къ дѣлу все, что только возможно, и нѣкоторой полноты, недостаетъ только въ статистическихъ данныхъ за послѣднее время, но это повидимому, произошло не столько по винѣ автора, сколько влѣдствіе того,

что администрація Житомирской бібліотеки не особенно-то торопится съ опубликованіемъ своихъ отчетовъ. Словомъ, трудъ г. Боцяновскаго свидѣтельствуеетъ о томъ, съ какою любовью и усердіемъ отнесся онъ къ своему маленькому дѣлу, и, несомнѣнно, будущій историкъ провинціальной жизни во второй половинѣ нашего вѣка не безъ пользы для себя прочтетъ этотъ трудъ.

С. А—въ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Принцъ Луи-Лукіанъ Бонапартъ.— Романъ генерала Дюмурье, какъ прототипъ романа Булаже.— Тайное общество лже-Богородицы во время французской революціи.— Бѣгство прусскаго принца въ 1848 году.

ПРИНЦЪ Луи-Лукіанъ Бонапартъ. Съ именемъ Бонапартовъ обыкновенно связывается у всѣхъ представленіе о политикѣ и интригѣ. Такую печать наложили на это имя личности Наполеона I, Наполеона III, явившагося сфинксомъ на тронѣ, и Плонъ-Плона, краснаго принца. Однако, и среди членовъ этой семьи были представители, державшіеся вдали отъ заговоровъ и политической дѣятельности, находившіе удовлетвореніе въ негромкомъ положеніи ученаго и умѣвшіе одерживать безкровныя побѣды на мирномъ полѣ. Таковы: 1) въ 1857 году скончавшійся принцъ Карлъ, съ прозвищемъ Канино, составившій себѣ имя, какъ ориентологъ, и 2) недавно отшедшій въ лучший міръ— братъ его Луи-Лукіанъ.

Въ политическомъ смыслѣ, большее значеніе принадлежитъ брату Наполеона I — Лукіану, единственному изъ всѣхъ братьевъ завоевателя, не принявшему отъ него короны. Объ его силѣ воли свидѣтельствуетъ прежде всего его отказъ оттолкнуть отъ себя любимую женщину и жениться на какой-нибудь принцессѣ, на что Жеромъ поддался съ такой легкостью. Оба его брака были дѣломъ сердца, — ни Христины Бойе, ни Александрины де-Блешампъ, несмотря на всѣ протесты со стороны императора и короля, отъ въ обиду не далъ. 4-го января, 1813 года, Александра родила ему четвертаго сына—Луи-Лукіана, колыбель котораго стояла на англійской почвѣ, въ Торнтропѣ, около Ворчестера, приобрѣтённомъ отцомъ его незадолго передъ тѣмъ, за 9,000 фунтовъ стерлинговъ. Событія 1814 года привели Лукіана съ его семействомъ въ Римъ, гдѣ папа пожаловалъ ему титулъ князя Канино и гдѣ онъ провелъ большую часть своей жизни; онъ умеръ въ Ви-

гербо 30-го іюня 1840 года, а Александрина — 12-го іюля 1855 года въ Синегалии.

Луи-Лукіанъ получилъ превосходное воспитаніе, провелъ юность въ Музизьяно, много путешествовалъ и занимался химіей и минералогіей въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки, а затѣмъ во Флоренціи; онъ сдѣлалъ очень многое по этимъ наукамъ, но больше всего извѣстенъ, какъ полиглотъ. Онъ владѣлъ совершенно необычайными лингвистическими познаніями, доказательствомъ чему служатъ его «Specimen lexicæ comparativæ omnium linguarum europæarum» (Флоренція, 1847 г.) и библиографическая рѣдкость «Притча о сѣятелѣ въ евангеліи Маттея на 72 европейскихъ нарѣчіяхъ» (Лондонъ, 1857 года, на латинскомъ языкѣ). Онъ акуратно посѣщалъ ученые конгрессы въ Италіи, въ 1849 и 1851 годахъ состоялъ членомъ Парижскаго жюри, а въ 1854 году во время лондонской выставки отъ Оксфордскаго университета получилъ степень доктора гражданскаго права; кромѣ того, былъ почетнымъ членомъ Петербургской Академіи Наукъ, равно какъ и чѣлаго ряда другихъ ученыхъ обществъ въ Европѣ, вице-президентомъ «Philological Society», въ изданіяхъ коего помѣщались многія его сочиненія, сотрудникомъ «Revue de linguistique», «Revue de philologie et d'ethnologie», «Academie» и другихъ журналовъ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе многочисленными научными трудами.

Перворазряднымъ авторитетомъ считался Луи въ довольно заброшенной области—литературѣ басковъ. Онъ извѣдиль земли басковъ во Франціи и Испаніи, по всѣмъ направленіямъ, очень заинтересовался діалектами въ Гуйпуцкоа, Бискайѣ и Лабурдѣ, поставилъ въ церкви, въ Сарѣ, памятникъ краснорѣчивѣйшему писателю басковъ Педро Аксулару, издалъ очень много новаго, напримѣръ, «Canticum trium puerosum» (Лондонъ, 1858 г.), многое перевелъ, какъ напримѣръ, «La cantique des cantiques de Salomon» на Гуйпуцкоанское нарѣчіе (Лондонъ, 1862 г.) и составилъ (Лондонъ, 1863 г.) карту языковъ семи провинцій басковъ, напечатанную въ 1869 году роскошнымъ изданіемъ и, несмотря на многія возраженія, признанную трудомъ весьма цѣннымъ. Затѣмъ, въ 1869 году, вышла лучшая его работа по изслѣдованію земли басковъ, явившаяся результатомъ пяти лингвистическихъ поѣздокъ «Le verbe basque» (Лондонъ); въ періодъ между 1859—1869 гг. онъ принималъ участіе въ изданіи перевода библіи на языкъ басковъ. Въ коротенькомъ сочиненіи «Langue basque et langues finnoises» (Лондонъ, 1862 г.), напечатанномъ въ небольшомъ числѣ нумерованныхъ экземпляровъ, онъ указываетъ на поразительную аналогію въ грамматикѣ этихъ языковъ. Лукіанъ занимался также изслѣдованіемъ корейканскихъ нарѣчій и въ 1878 г. появились въ Парижѣ «Remarques sur la classification des langues ouraliques». Считаясь перворазряднымъ авторитетомъ, какъ филологъ по языку басковъ,—такъ именно аттестовалъ его профессоръ Жюльенъ Винсонъ въ Парижѣ въ 1891 г.—онъ съ огромнымъ успѣхомъ занимался также изслѣдованіемъ шотландскихъ и сѣверо-англійскихъ діалектовъ. Весьма интереснымъ для филологіи является изданный имъ въ 250 экземплярахъ трудъ «Song of Salomon in twenty—five English dialects». Онъ многократно проѣхалъ по различнымъ частямъ Англій. До сихъ поръ не существуетъ вполнѣ удовлетворительной въ научномъ смыслѣ классификаціи современныхъ англійскихъ нарѣчій, и лучшей, относительно, все-таки считается напечатанная имъ въ 1875—1876 гг. «Transactions of the Philological Society» классификація на

13 главныхъ нарѣчій, подраздѣляющихся еще на другія второстепенныя нарѣчія. За труды его по изслѣдованіямъ этихъ нарѣчій королева Викторія и Гладстонъ назначили ему въ іюнѣ 1883 года ежегодную пенсію въ 250 фунтовъ стерлинговъ, изъ *liste civile*. Единственной страстью Луи была страсть къ ученю, пріятнѣйшее для него общество составляли ученые, и въ кружкахъ послѣднихъ его цѣнили очень высоко, равно какъ и въ англійскихъ литературныхъ кружкахъ. Чертами лица и тембромъ голоса онъ очень напоминалъ Наполеона I, своего дядю, а жаждой познаній — отца своего Луиана.

Несмотря на то, что Луи принималъ малое участіе въ политикѣ, самое имя его помѣшало ему навсегда удалиться отъ общественной жизни. Вслѣдствіе революціи 1848 года онъ отправился во Францію, 28-го ноября Корсика избрала его въ конституціонное національное Собраніе, но 9-го ноября избраніе это было объявлено недействительнымъ. «Union électorale» выставила его кандидатомъ въ Законодательное Національное Собраніе, куда онъ вступилъ членомъ сенскаго департамента 8-го іюля 1849 года и занялъ мѣсто на правой сторонѣ. Горячо защищая политику своего кузена, принца-президента, онъ не принималъ, однако, никакого участія въ государственномъ перевотѣ 2-го декабря. Съ возникновеніемъ Второй Имперіи Луи 2-го декабря 1852 года сталъ французскимъ принцемъ, получилъ титулъ высочества и мѣсто сенатора, 13-го января сдѣлался кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона, но въ сенатѣ роли никакой не игралъ. Паденіе имперіи въ 1870 г., направило его въ Лондонъ. Еще почти юношей 4-го октября 1883 г., во Флоренціи, принцъ Бонапартъ женился на красивой дочери одного скульптора изъ Лукки — Маріаннѣ Чекки (рожд. 27-го марта 1812 г.); но супружество это было несчастливо — бездѣтные супруги разошлись. Маріанна жила въ «Casa Bonaparte» въ Аяччіо, гдѣ она и скончалась въ мартѣ нынѣшняго года. Принцъ въ теченіе многихъ лѣтъ уже страдалъ параличными пораженіями, нѣсколько недѣль тому назадъ онъ отправился къ своей племянницѣ, графинѣ Браччи, въ Фаво, находящемся на берегу Адриатическаго моря, тамъ 3-го ноября умеръ отъ паралича сердца. Англію считалъ онъ своимъ отечествомъ, въ Лондонѣ же нашелъ онъ и свою могилу.

— Романъ генерала Дюмурье, какъ прототипъ романа Буланже. Въ прошломъ имѣется прототипъ романа, во многихъ пунктахъ поразительно схожій съ романомъ Буланже. Дѣло идетъ о генералѣ Дюмурье, въ періодъ первой республики нѣкоторое время игравшемъ выдающуюся роль и затѣмъ кончившимъ свою карьеру позорно. Приведемъ слѣдующія черты изъ изслѣдованія Вельшингера, которое было помѣщено имъ въ «Revue bleue». Какъ Дюмурье, такъ и Буланже, оба вели романическую жизнь, полную приключеній; и тотъ, и другой были солдаты и большую часть жизни провели на полѣ брани; оба были честолюбивы и мстительны, оба льстили народу и партіямъ, въ то же время оба испытали энтузіазмъ народнаго расположенія, триумфальныя шествія и упоеніе побѣды; оба, наконецъ, умерли въ изгнаніи, покинутые всѣми, забытые, въ положеніи вѣроломныхъ супруговъ, остававшихся вѣрными лишь своимъ возлюбленнымъ, явившимися для нихъ злыми геніями и, вмѣстѣ съ тѣмъ единственными, настоящими предметами ихъ любви. Молодымъ человекомъ, именитаго происхожденія, красавецъ собой, въ 1762 году, Дюмурье познакомился съ mademoiselle де-Беллуа, приходившейся ему ку-

зиной, прелестной дѣвушкой 17 лѣтъ. Онъ не замедлил влюбиться въ нее и намѣревался жениться на ней, но родители не хотѣли о томъ и слышать, ибо оба они были слишкомъ молоды, да и женихъ былъ недостаточно богатъ. Чтобы порвать дѣло на первыхъ порахъ, они заточили дѣвушку въ монастырь. Дюмуре хотѣлъ ее увести, но это ему не удалось, послѣ чего онъ травился опиумомъ, и безуспѣшно. Затѣмъ онъ отправился въ Италію, въ Корсику, гдѣ сражался противъ Паоли, и въ Испанію. Мало-по-малу горе его стало ослабѣвать, и онъ снова началъ находить удовольствіе въ дамскомъ обществѣ. Въ Мадридѣ онъ познакомился съ одной барышней, mademoiselle Марке, которой клялся въ ненарушимой вѣрности, пиша въ то же время кузинѣ своей въ монастырь, что никогда не разлюбитъ ее. Возвратившись въ Парижъ, онъ сошелся съ г-жей Легранъ, пріятельницей дю-Барри, и вель веселую жизнь. Тѣмъ временемъ дѣвица Беллуа заболѣла оспой; тогда она положительно отказалась отъ мірскихъ радостей, постриглась въ монахини и умоляла своего кузена сдѣлать то же самое и точно также посвятить себя Богу. Но онъ, почувствовавъ себя свободнымъ, отправился въ Польшу, на войну. По возвращеніи оттуда, Дюмуре впалъ въ немилость и былъ посаженъ въ Бастилію. Тутъ у него снова воскресла старая любовь и по освобожденіи своемъ изъ заключенія, онъ розыскалъ монахиню въ ея монастырь. Она какъ разъ въ это время была больна, и онъ ухаживалъ за ней съ такой горячей самоотверженностью, что, растроганная дѣвушка, по выздоровленіи, вышла изъ монастыря. Родители ея умерли, и такимъ образомъ не представлялось болѣе никакого препятствія для соединенія ея съ Дюмуре. Они поженились и имѣли уже двоихъ дѣтей, когда Дюмуре въ Шербургѣ познакомился съ сестрой Ривароля, именованной баронессой д'Анжель и жившей въ разводѣ съ мужемъ. Это была проницательная интригантка, но въ то же время образованная и ловкая женщина. Она сумѣла привязать къ себѣ Дюмуре и держала его при себѣ крѣпко. Она высмѣивала благочестіе и строгость г-жи Дюмуре и, подъ ея вліяніемъ, Дюмуре осыпалъ жену упреками: она-де манкируетъ имъ ради Бога и церкви, ревнива, постоянно больна, требуетъ отъ него бережливости и т. п. Эти ложныя претензіи были лишь предлогомъ для развода: Дюмуре заставлялъ жену идти въ монастырь. Никакія просьбы и увѣщанія жены, никакія апелліаціи къ старой любви и указанія на пятнадцатилѣтнее мирное супружество не помогали. Столь же бесполезными оказались уговоры матери и сестры генерала, а также его друзей, пытавшихся его образумить. Подъ вліяніемъ баронессы д'Анжель, онъ остался при своемъ намѣреніи: бракъ былъ расторгнутъ. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ жена его писала ему: «Льщу себя надеждой, что, по нѣкоторомъ размысленіи, вы отдадите большую справедливость моимъ чувствамъ къ вамъ и поимете, что особа, стоящая къ вамъ ближе всего, составляла половину васъ самого и была любима вами до тѣхъ поръ, пока другая связь и лукавыя совѣты не отстранили васъ отъ нея. Дни мои отъ страшнаго горя пресѣкутся гораздо ранѣе, но и ваше существованіе навѣрное будетъ отравлено гнетущимъ сознаніемъ: я причинилъ горе той, которая любила меня больше всѣхъ!» Такимъ образомъ, оказывается, что бѣдная женщина знала о постороннемъ вліяніи, повергшемъ ее въ несчастіе. Вскорѣ связь генерала съ баронессой сдѣлалась вѣсмъ извѣстной.

Въ своихъ мемуарахъ генераль говоритъ, что возлюбленная его «жен-

щина великой кротости и любезности, желавшая раздѣлить съ нимъ его судьбу и скрасить жизнь его постоянствомъ и благородствомъ своихъ чувствъ». Онъ прибавляетъ, — что она «болѣе всего привязывала его къ жизни», и что «безъ нея жизнь была бы для него невыносимой». Развѣ это не тѣ же слова, что произносилъ Буланже! Въ первые годы революціи Дюмурье жилъ на средства баронессы, которая, по словамъ его, лишала себя необходимаго, чтобы дать ему возможность выплачивать разведенной женѣ его обѣщанную ей пенсію. Развѣ это опять не тотъ же Буланже? Среди близкихъ людей Дюмурье—баронесса пользовалась уваженіемъ и внушала страхъ. Его любимцы разсыпались передъ ней въ любезностяхъ, сообразно съ возроставшимъ вліяніемъ ея на Дюмурье. Его адъютантъ Фавролле никогда не забывалъ, въ видѣ постскриптума, къ каждому дѣловому письму присовокуплять выраженіе почтенія баронессѣ. Ни дать, ни взять, сочлены патриотической лиги. Небезызвѣстно, что Дюмурье, подъ вліяніемъ баронессы, сталъ во главѣ недовольныхъ и придворныхъ стараго режима, расточая притомъ обѣщанія въ своемъ содѣйствіи всѣмъ самымъ противоположнымъ партіямъ, обѣщанія, сдержатъ которыя онъ не могъ или не желалъ.

Судьба его извѣстна: въ 1792 году въ теченіе нѣкотораго времени онъ занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ получилъ званіе главнокомандующаго надъ центральной арміей и одержалъ тогда много побѣдъ. При этомъ онъ велъ переговоры съ австрійцами о возстановленіи королевства. Конвентъ, которому онъ давно внушалъ уже подозрѣніе, рѣшилъ его арестовать. Не найдя поддержки въ собственныхъ войскахъ, Дюмурье вынужденъ былъ бѣжать къ австрійцамъ (4-го апрѣля 1793 года). Впослѣдствіи онъ отправился въ Англію, куда за нимъ послѣдовала и его возлюбленная. Онъ умеръ близъ Лондона въ 1823 году, забытый и покинутый всѣми.

— Тайное общество лже-Богородицы. Однимъ изъ самыхъ нелѣпыхъ тайныхъ обществъ во время французской революціи было общество Екатерины Тео, въ своемъ сумасбродствѣ величавшей себя Богородицей, и Дона Жерле. Общество это преслѣдовало какія-то политико-религіозныя цѣли, которыя до сихъ поръ остались невыясненными. Правительственный агентъ Сенаръ, уполномоченный накрыть это общество и арестовать его членовъ, сообщаетъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія:

Комитетъ Общественнаго Спасенія, получивъ свѣдѣнія о фанатическомъ собраніи, назначенномъ въ отдѣленіи парижской обсерваторіи, у одной женщины, именующей себя Богородицей, далъ мнѣ предписаніе самолично удостоверить въ этомъ засѣданіи, прослѣдить всѣ его дѣйствія и опросить и поближе приглядѣться къ людямъ, посѣщающимъ эти собранія. Мнѣ отрядили нѣсколько человекъ на помощь и снабдили проводникомъ, для входа въ собраніе, подъ предлогомъ желанія вступить въ число его братьевъ. Я размѣстилъ своихъ спутниковъ по соседнимъ трактирамъ и кафе. Затѣмъ мы согласились съ проводникомъ принять на себя лицезѣрно благочестивый видъ и выдавать себя за людей принадлежащихъ къ обществу помѣщавшемуся на улицѣ Contrescarre, въ третьемъ этажѣ.

Мой проводникъ позвонилъ. Вышла женщина. Они взаимно продѣлали нѣсколько условныхъ знаковъ на лбу. «Братъ» былъ узнавъ, и она сказала: «Войдите, братья!» Мы вошли въ комнату, въ родѣ передней. Немедленно

послѣ насъ туда же вошелъ человѣкъ въ длинной бѣлой одеждѣ. Условные знаки были повторены, послѣ чего онъ обратился къ намъ съ словами: «Братья и друзья, присядьте!» Спутника моего одного отвели въ сосѣднюю комнату. Онъ возвратился оттуда съ какой-то женщиной, которая сказала мнѣ: «Приди, смертный человѣкъ! Приди въ безсмертіе. Богородица разрѣшаетъ тебѣ войти».

Внутренно я смѣялся надъ этими глупостями: наружно же старался сохранить видъ благоговѣнія.

Меня ввели въ комнату Богородицы. Пришла женщина, которая, не смотря на то, что было 8 час. утра и вполне свѣтло, зажгла трикриій, приготовила кресло и стулъ безъ спинки, затѣмъ на первый положила книгу.

Взглянувъ на стѣнные часы, она сказала: «Часъ приближается. Богородица явится и приметъ дѣтей своихъ». Вслѣдъ затѣмъ вошла женщина, которую называли свѣченосицей. Она сказала намъ: «Чада Божіи! Приготовьтесь воспѣть славу высшаго существа. Преподготовьте себѣ мѣста напротивъ!» И въ то же мгновеніе въ глубинѣ залы мы увидали бѣлое кресло, къ которому вели три ступени. Рядомъ съ нимъ направо стояло голубое кресло на первой ступени, а налѣво ярко-алое кресло на той же высотѣ.

Завзвонили и вдругъ изъ алкова, закрытаго бѣлыми занавѣсами, выступила старуха, которую поддерживали съ обѣихъ сторонъ, при чемъ голова ея и руки находились въ непрерывномъ движеніи. Ее усадили въ большое бѣлое кресло, затѣмъ обѣ женщины, приведшія ее, преклонили колѣна, приложились къ ея туфлѣ, и поднялись, восклицая: «Слава и честь Богородицѣ!».

Затѣмъ послѣдней поднесли чашку молока и нѣсколько бисквитовъ. Послѣ завтрака ей обмыли лобъ, носъ, глаза, уши, подбородокъ, щеки и руки. Затѣмъ она произнесла: «Чада Божіи! Ваша Мать находится среди васъ. Желая очистить нечестивыхъ».

Каждый занялъ свое мѣсто, поочередно преклонилъ колѣна и облобызалъ Богородицу въ лобъ, причемъ она клала руку на голову стоявшаго передъ ней съ словами: «Друзья моего Сына, я люблю васъ всѣхъ».

Наконецъ, явился Жерле, картезіанскій монахъ и бывшій членъ конституціоннаго собранія. При его появленіи всѣ низко поклонились, оставаясь въ такомъ положеніи нѣкоторое время, затѣмъ снова поднялись. Жерле всталъ на колѣна и облобызалъ Екатерину Тео въ щеку, причемъ она сказала ему, не возлагая, однако, руки своей ему на голову:—«Пророкъ Божій! садись!» Онъ сѣлъ на красное кресло слѣва и воскликнулъ, поднявъ правую руку: «Друзья Божіи! Соединимся!»

Женщина, называемая «свѣченосицей», взяла книгу съ кресла и положила ее между нами, новообращенными, близъ Жерле.

Далѣе, въ сторонѣ, на другомъ стулѣ, сидѣла прекрасная собою блондинка, которую называли пѣвицей, а съ другой стороны, передъ голубымъ стуломъ, напротивъ насъ, сидѣла еще прекраснѣйшая брюнетка, юная и свѣжая, именовавшаяся голубкой.

Жерле сдѣлалъ поклонъ по направленію свѣченосицы, которая отвѣчала ему тѣмъ же, съ словами: «Братья и сестры! Внимайте!»

Затѣмъ она обратилась къ намъ, новообращающимся, и прибавила:

— И вы, нечестивые! Приготовьтесь къ благодати Божіей. Поднимите правую руку и отвѣчайте: клянетесь ли вы пролить даже послѣднюю каплю

вашей крови, поддерживая и защищая дѣло и славу высшаго Существа, хотя бы даже съ оружіемъ въ рукахъ, хотя бы даже подвергаясь всѣмъ возможнымъ родамъ смерти.

Я поднялъ руку и сказалъ:

— Да, я клянусь въ этомъ!

— Клянётесь ли вы, общаетесь ли вы пребывать въ послушаніи и почтеніи передъ присутствующей здѣсь Богородицей?

Тотъ же отвѣтъ: «Клянусь».

— Клянётесь ли вы, общаетесь ли пребывать въ подчиненіи у пророковъ Божіихъ и ихъ слугъ?

Тотъ же самый отвѣтъ: «Клянусь».

Затѣмъ свѣченосица открыла книгу и прочла изъ Апокалипсиса.

Жерле разглядывалъ насъ, испытывалъ нашу твердость, освѣдомился о нашихъ именахъ, мѣстѣ жительства, званіи, потребовалъ отъ насъ общанія письменно изложить отвѣты на эти вопросы, чтобы остался письменный документъ. Свѣченосица прочла намъ затѣмъ Евангеліе, читаемое на Христовой заутрени и, для нашего убѣжденія, сказала проповѣдь на слова: «Богородица есть Екатерина Тео. Слово Бога есть слыш Его. Она получаетъ откровенія отъ Бога». Затѣмъ Жерле воздѣлъ руки къ небу. Насъ повели къ Богородицѣ и велѣли мнѣ стать на колѣна на первой ступенькѣ. Какая-то женщина схватила меня за голову. Екатерина нагнулась. Жерле надѣлъ мнѣ на голову чепецъ, а Екатерина сказала мнѣ: «Сыны мой! Принимаю тебя въ число моихъ избранныхъ. Ты будешь безсмертенъ». Послѣ того она напечатлѣла свой поцѣлуй на моемъ лбу, ушахъ, щекахъ, глазахъ и подбородкѣ, произнося слова: «Тебѣ воздана благодать».

Затѣмъ она облизала мои губы своимъ отвратительнымъ языкомъ, причемъ Жерле воскликнулъ «*Difusa est gracia in labiis tuis*». Я въ точности повторилъ всѣ знаки Екатерины, и она мнѣ сказала:

— Чадо Господне! Избранникъ Богородицы! Ты получилъ семь даровъ, ты безсмертенъ!

Она сдѣлала мнѣ съ лѣваго боку знакъ большимъ пальцемъ, другой надъ бровями, еще одинъ на правой сторонѣ, при чемъ послѣдній подъ острымъ угломъ сошелся съ знакомъ на лѣвой сторонѣ. По подобнымъ знакамъ у мужчинъ на лбу, у женщинъ на сердцѣ и лѣвой ногѣ, когда за ними наблюдали, или они конфузились, избранники различали другъ друга во всѣхъ уголкахъ вселенной. Избранники Богородицы, умирая при участіи въ мятежахъ или на войнѣ, должны были снова воскреснуть и затѣмъ не умирать болѣе никогда.

Вдругъ вошла одна сестра, возвѣстившая собранію о томъ, что въ соседнихъ тавернахъ находятся вооруженные люди, которые пьютъ здравицу Богородицы, а вдали маленькой улицы совсѣмъ близко къ дому, замѣтень усиленный патруль.

Жерле тотчасъ же воскликнулъ: «Насъ выдали». Я открылъ окно и далъ знакъ, по которому поспѣшили къ намъ солдаты. Но прежде чѣмъ они успѣли добраться до третьяго этажа, на меня было сдѣлано нападеніе, мнѣ угрожали ножами. Меня спасла женщина, которая встала передо мною, воскликнувъ:

— Не станемъ никого убивать; объявимъ себя.

Дверь выломали, и все собраніе было арестовано.

— Бѣгство прусскаго принца въ 1848 году. Въ виду того, что бѣгство принца Вильгельма прусскаго извѣстно лишь въ общихъ чертахъ, слѣдующее описаніе одного момента этого бѣгства, сообщенное недавно въ «Kölnische Zeitung», можетъ быть небезынтереснымъ. Рѣчь идетъ объ обнаруженіи личности принца въ «Перлебергѣ». Показанія основываются на разсказахъ современныхъ очевидцевъ, изъ коихъ многіе живы по сіе время. Принцъ Вильгельмъ прибылъ незамѣченнымъ въ Перлебергъ и остановился отдохнуть въ отелѣ «Zur Stadt London». Въ это время одинъ сѣдельный мастеръ, изъ Церковной улицы, шелъ мимо вышеуказанной гостинницы, поспѣвая выпить стаканчикъ вина на тошакъ. Проходя мимо, онъ заглянулъ въ окна отеля и увидѣлъ принца, котораго звалъ въ лицо, стоящимъ близъ окна и занятымъ разговоромъ съ какой-то другою особой. По собственному его свидѣтельству, въ первый моментъ, онъ страшно перепугался, затѣмъ, придя въ себя, въ нѣсколько прыжковъ добрался до мѣста ранней своей выпивки и, словно бомба, разразился возгласомъ среди бюргеровъ, за кружками пива засѣдавшихъ въ горячихъ политическихъ преніяхъ: «Принцъ Вильгельмъ тутъ рядомъ!» Бѣгство принца было уже извѣстно, тѣмъ не менѣе непосредственная близость бѣглеца страшно смутила провинціаловъ. Стаканы, какъ пустые, такъ и полные, остались нетронутыми, не прошло минуты, какъ толпа народа стояла передъ гостинницей «Городъ Лондонъ», и съ быстрой молніи разнеслася вѣсть по городу о появленіи принца. Когда же стоявшіе снаружи вздумали навести справки въ гостинницѣ, принцъ ментально исчезъ, какъ въ воду канулъ. Перлебержцы до сего времени не могутъ понять, куда могъ тогда скрыться принцъ. Густая толпа народа двинулась по дорогѣ въ Квитцовъ, сосѣднюю деревню по пути къ Гамбургу, но о принцѣ нигдѣ не было ни слуху, ни духу. Принцъ дѣйствительно пѣшкомъ отправился въ Квитцовъ, вошелъ тамъ въ первый попавшійся домъ,—то былъ домъ пастора,—и не найдя никого въ домѣ, спустился въ садъ. Священникъ, занятый въ бесѣдкѣ своею проповѣдью, съ удивленіемъ увидѣлъ незнакомца и выразилъ ему сожалѣніе, что не можетъ дать лошадей, такъ какъ всѣ лошади, не только его, но и остальныхъ поселянъ, находились въ полѣ. Затѣмъ Вильгельмъ открылъ свое имя; и тогда пасторъ вмѣстѣ съ высокимъ гостемъ поспѣшилъ на поиски за экипажемъ. Они нашли хромую рабочую лошадь, не взятую на полевые работы, запрягли ее въ повозку, и принцъ двинулся въ путь—въ имѣніе Ставенонъ (а не Хагенонъ), принадлежавшее Фоссу. Находившійся какъ разъ въ то время въ имѣніи инспекторъ Эксъ велѣлъ заложить карету и довезъ принца до мекленбургскаго города Грабова, станцію Берлинско-Гамбургской желѣзной дороги. Оттуда принцъ ѣхалъ до Бернедорфа передъ Гамбургомъ, а отсюда, т. е. изъ Гамбурга, продолжалъ путешествіе въ Англію. Въ 70-хъ годахъ въ народѣ, въ Германіи, ходили слухи, что состоявшій тогда начальникомъ ремесленной управы, бывшій инспекторъ Эксъ, за провозъ свой короля Вильгельма, при восшествіи его на престолъ, получилъ цѣнный подарокъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Гончаровъ въ оцѣнкѣ французовъ и англичанъ.—Еврейскій вопросъ въ Россіи.—Какъ судятъ объ немъ французы, нѣмцы и швейцарцы.—Русскіе писатели, невѣстные въ Россіи, но восхваляемые за границей.—Международный словарь современныхъ писателей Губернатиса.—Самоубійство Буланже.—Жюль Гриви.—Послѣдній комунаръ.—Нѣмецкій историкъ Рима.—Музыкальный эксцентрикъ.

МЕРТЬ И. А. Гончарова вызвала въ «Атенеумѣ», журналѣ, посвященномъ англійской и иностранной литературѣ, всего строкъ тридцать, въ которыхъ перечислены труды романиста съ ненужными и недостоверными подробностями. Такъ при упоминаніи о литературномъ юбилеѣ Гончарова, сказано, что въ 1883 году депутація отъ русскихъ женщинъ поднесла ему поздравительный адресъ и двѣ фарфоровыя вазы. Говорится также, что, по его собственному сознанію, три его романа «воспроизводятъ обстоятельства его собственной жизни» и въ нихъ онъ мастерски обрисовалъ окружающихъ его лицъ. Но и сообщая эти нехитрыя подробности, журналъ не далъ даже себѣ труда напечатать правильно фамилію писателя и называетъ его въ своей статейкѣ: Гучаровъ (Goucharov). О значеніи его въ русской литературѣ нѣтъ ни одного слова. Гораздо внимательнѣе отнесся къ нему критикъ «Revue bleue» и посвятилъ оцѣнкѣ нашего автора нѣсколько столбцовъ, хотя и нельзя сказать, чтобы отнесся къ нему съ особенной похвалою. Общій выводъ статьи тотъ, что теперь сочиненія Гончарова уже устарѣли и врядъ ли будутъ перечитываться, хотя написаны превосходнымъ языкомъ: русскій романистъ отдѣлывалъ свой слогъ также тщательно какъ Флоберъ. Авторъ статьи, подписавшійся инициалами Т. W., говоритъ, что хотѣлъ перевести одинъ изъ романовъ Гончарова и писалъ ему объ этомъ. Романистъ совѣтовалъ ему лучше переводить Тургенева или

графа Толстого. «Я никогда не вѣрилъ въ безсмертіе литературныхъ произведеній,— писалъ онъ.— Когда книгъ было мало, онѣ могли еще имѣть цѣну въ теченіе лѣтъ двадцати, но затѣмъ потомкамъ оставалось только удивляться сочиненіямъ своихъ предковъ, не понимая ихъ. Кто теперь понимает Софокла или Виргилія? О второстепенныхъ авторахъ нечего и говорить. Теперь условія литературныхъ произведеній совершенно измѣнились. Каждый пишетъ только для своего времени: о будущемъ думаютъ немногіе. Литература теперь такое же искусство, какъ шляпное или мебельное. Каждому времени нужны свои книги, какъ свой фасонъ шляпы и новая форма кресель. Въ свое время я пользовался успѣхомъ какого и не заслуживалъ. Теперь мой трудъ устарѣлъ, какъ и я самъ, и пытаться обновить его было бы напрасно». Эти обломовскія мнѣнія совершенно въ духѣ покойнаго романиста, котораго критикъ напрасно называетъ «совершеннѣйшимъ изъ русскихъ авторовъ» (*le plus parfait*) и напрасно говоритъ, что онъ не написалъ ни одной строки послѣ «Обрыва». Что онъ былъ «менѣе философомъ, чѣмъ Толстой и менѣе поэтомъ, чѣмъ Тургеневъ» — съ этимъ можно согласиться, но что онъ былъ болѣе глубокимъ наблюдателемъ и обладалъ бѣльшимъ даромъ творчества—это невѣрно, также какъ сравненіе съ «Человѣческой комедіей» Бальзака трехъ романовъ Гончарова, гдѣ выведенъ «таинственный, странный (*baroque*), національный русскій типъ». По словамъ критика, Тургеневъ, такъ хорошо знавшій своихъ соотечественниковъ, и такой хорошей психологъ, говорилъ въ концѣ своей жизни, что русскій народный характеръ для него непостижимъ. «Да и самъ Тургеневъ,— прибавляетъ критикъ,— такой добрый и такой злой, такой вѣрный въ дружбѣ и такъ часто измѣнявшій друзьямъ, развѣ не является въ ихъ памяти какимъ-то фантастическимъ лицомъ? Все представляетъ контрастъ въ этихъ странныхъ натурахъ, смѣси самыхъ противоположныхъ качествъ. Лихорадочная жажда дѣятельности встрѣчается въ нихъ съ совершенно пассивною лѣнью; доброта чередуется съ жестокостью, скептицизмъ съ суевѣріемъ, практическій смыслъ съ неумѣньемъ вести дѣла, добродушіе съ насмѣшкой, откровенность съ притворствомъ—и изъ всего этого нельзя создать никакого опредѣленнаго типа». Критикъ видитъ въ трехъ герояхъ Гончарова—Адуевѣ, Обломовѣ и Маркѣ Волоховѣ—одно и то же лицо; ту же самую мысль проводилъ и самъ Гончаровъ, объясняя свои типы, но съ этимъ нельзя согласиться, также какъ съ мнѣніемъ критика, что романы Гончарова можно оцѣнить только послѣ глубокаго изученія ихъ. Никакой глубины нѣтъ въ его типахъ, и изъ нихъ только одинъ Обломовъ, художественно обрисованный, останется въ галерей портретовъ русскихъ людей, но и тутъ авторъ, съ любовью отдѣлывая малѣйшіе оттѣнки своего типа, заботясь болѣе всего о подробностяхъ, и объ изящномъ слогѣ, упускалъ изъ виду общую идею и цѣль романа.

— Еврейскій вопросъ въ Россіи сильно интересуеетъ европейскую журналистику, но вездѣ объ немъ говорятъ во враждебномъ тонѣ къ намъ. Даже французы склоняются на сторону Израиля и о преслѣдованіи его вопіютъ радикальные листки. Справедливо относятся къ намъ только серьезные и консервативные органы. Такъ въ журналѣ «Correspondant», въ статьѣ «La question juive en Russie» Анго де-Ротуръ доказываетъ, что всѣ мѣры принимаемыя у насъ противъ евреевъ вполне логичны и легальны. Эмансипація евреевъ въ Европѣ была узаконена ровно сто лѣтъ назадъ въ одномъ

изъ послѣднихъ засѣданій учредительнаго собранія въ Парижѣ въ 1791 году. Равноправность этого семитическаго племени съ гражданами государства была признана съ большимъ трудомъ, неохотно и послѣ продолжительныхъ преній, хотя политическія права другихъ религій и даже магометанства были признаны безспорно и гораздо раньше. Съ тѣхъ поръ народныя массы не разъ поднимались противъ еврейской эксплуатаціи и оттискивающаго національнаго характера евреевъ. Практическая жизнь на каждомъ шагѣ возбуждала столкновенія между пришлыми семитами и кореннымъ населеніемъ, но теоретики продолжали отстаивать равноправность всѣхъ религій, хотя вовсе не религія дѣлала евреевъ ненавистными для всѣхъ націй. Берлинскій конгрессъ заставилъ Румынію дать политическія права этимъ семитамъ—и румыны тотчасъ же возстали противъ своихъ новыхъ согражданъ. Лондонскій митингъ 10-го декабря 1890 года провозгласилъ необходимость такого же уравненія правъ и въ Россіи и лордъ-меръ подалъ объ этомъ петицію русскому монарху, оставшуюся безъ отвѣта. Никакихъ новыхъ законовъ о евреяхъ въ Россіи не издавалось, а только съ 1882 года къ нимъ стали строже примѣняться прежнія постановленія, плохо исполнявшіяся. Съ этими постановленіями, довольно запутанными и часто дополняемыми и измѣняемыми, европейская дипломатія могла познакомиться въ «Ежегодникѣ иностраннаго законодательства» 1883 года, въ статьѣ гр. Ив. Капниста. До раздѣла Польши Россія не знала еврейскаго вопроса. Петръ I не пускалъ ихъ въ Россію, Елисавета изгоняла тайно поселившихся купцовъ-евреевъ. Польская шляхта, напротивъ, не могла обойтись безъ этого племени, игравшаго въ Рѣчи Посполитой преобладающую роль и, сдѣлавшись русскими подданными, жида тотчасъ же начали эксплуатировать и русскій народъ. Екатерина II въ 1786 году допустила существованіе кагала, официально уничтоженнаго въ 1845 году, но негласно существующаго до сихъ поръ. Въ 1772 году было въ Россіи до полумилліона жидовъ, теперь ихъ до шести милліоновъ. Въ 1882 году подтвержденъ только законъ, не позволяющій евреямъ селиться въ деревняхъ и выходить за черту осѣлости. Законъ этотъ плохо соблюдался и вліяніе евреевъ было такъ велико, что комсія для пересмотра постановленій объ нихъ, подъ предсѣдательствомъ Палена, такъ и закрылась, ровно ничего не постановивъ. Наплывъ евреевъ въ западной Россіи сдѣлался, однако, такъ великъ, что они начали сами выселяться изъ нея въ другія страны, хотя вездѣ встрѣчали ихъ недружелюбно. Въ восточномъ кварталѣ Лондона ихъ до 45 тысячъ и между ними 25 тысячъ польскихъ жидовъ. Обезпокоенные все продолжавшимся наплывомъ ихъ, англичане требуютъ, чтобы остановили эмиграцію семитовъ, отбывающихъ хлѣбъ у туземныхъ рабочихъ. Въ парламентѣ назвали только эту мѣру неполитичною, но признали, что правительство имѣетъ полное право принять ее. И въ то же самое время эти же лица обвиняютъ русскія власти въ томъ, что принимаются мѣры противъ переполненія жидами русской земли. А еще въ юлѣ нынѣшняго года на митингѣ въ Лондонѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ бедфордскій епископъ, ораторъ говорилъ: «не надо позволять людямъ континента, чтобы они считали Англію помойною ямой, куда могутъ сваливать свои нечистоты». Сѣверо-американцы, изгнавшіе китайскихъ рабочихъ, примѣняютъ теперь и къ жидамъ законъ, запрещающій бѣднякамъ переселеніе въ штаты. Французскій критикъ говоритъ о романѣ какого-то Руслана «Софіевскій жидъ» (Le juif de Sofievka), вышедшемъ въ

Парижѣ еще въ 1883 году. Романъ плохо написанъ, но изъ него видно, какъ одинъ жидъ раззоряетъ цѣлую деревню, поселившись въ ней и постепенно пручая крестьянъ къ пьянству и безнравственнымъ поступкамъ. Леруа-Болье, защитникъ жидовъ, сознается, что все населеніе западныхъ губерній Россіи въ рукахъ жидовскихъ ростовщиковъ. Полную зависимость этого населенія отъ жидовъ признаетъ и авторъ очерка въ мартовской книжкѣ «Contemporary Review» за 1891 годъ—«Царь и жида» (The Tsar and the Jews)—единственной статьѣ защищающей Россію во всей англійской печати, такъ какъ благосклонная къ намъ статья въ «Revue britannique» (іюль, 1891 г.) написана съ французской точки зрѣнія. Статья журнала «Correspondant» оканчивается извѣстіемъ объ обществѣ «еврейскій союзъ колонизаціи», основанномъ въ Лондонѣ въ сентябрѣ нынѣшняго года барономъ Гиршемъ, взявшимъ себѣ 19,990 акцій общества; еще семь акцій, каждая въ сто фунтовъ стерлинговъ, розданы Ротшильду, Гольдсмиту, Рейнаху и другимъ жидамъ. Критикъ совѣтуетъ интеллигентнымъ людямъ отказаться отъ ученія талмуда, осужденнаго всѣми безпристрастными людьми, запрещеннаго во Франціи еще Людовикомъ IX.

— О жидовскихъ выходкахъ противъ Россіи въ нѣмецкой печати нечего и говорить: клеветы и грубости въ ней доходятъ до послѣдней степени. Даже такія чисто-литературныя изданія какъ «Magazin für Litteratur» распинаются за излюбленныхъ иудеевъ. Пауль Марксъ въ статьѣ «Русскіе жида» (Russische Juden), описывая печальное положеніе бѣглыхъ семитовъ, отъскакивающихъ въ Бразилію и Аргентинѣ обѣтованную землю, прямо говоритъ, что оставшіеся въ Россіи жида обречены неминуемой гибели, не мученической смерти, какъ ихъ предки, а постепенному, систематическому истребленію. Россія не изгоняетъ жидовъ, но заключая ихъ въ опредѣленныя мѣстности, заставляетъ умирать съ голоду. Марксъ увѣряетъ, что въ 1882 году издано графомъ Игнавьевымъ постановленіе: «евреямъ запрещается пріобрѣтать средства къ своему существованію». О такомъ знаніи русскихъ законовъ нечего и распространяться.

— Швейцарскіе періодическіе органы заговорили о жидакъ по поводу московской выставки, которую иудофилъ, если не жидъ, Дотремъ собирался предоставить жидовской эксплуатаціи, уступивъ миллионъ входныхъ билетовъ какому-то петербургскому мѣховщику изъ жидовъ (онъ, впрочемъ, свидѣтельствовалъ въ газетахъ, что онъ и другой его братъ—жида крещеные, и что только третій ихъ братъ, не участвующій въ аферѣ, не крестился). Эта постыдная спекуляція была, впрочемъ, какъ извѣстно, уничтожена вслѣдствіе бѣгства банкира выставки Жуанно и прогнація Дотрема. Журналъ «Bibliothèque universelle» говоритъ, однако, что плодовитость евреевъ заставляетъ опасаться, что они скоро сдѣлаются господствующимъ племенемъ въ западной Россіи и хотя они вѣчно находятся подъ угрозой высылки, но обходятъ всякіе законы и предписанія, подкупая мелкія, а подчасъ и крупныя власти. Они увѣряютъ, что рѣдко встрѣчаютъ неподкупныхъ людей и, судя по тому, какъ имъ все удается, это кажется правдоподобнымъ. Тотъ же журналъ сообщаетъ акуратно, въ письмахъ изъ Россіи, извѣстія о выходящихъ новыхъ книгахъ. Знакомить съ ними западную Европу не мѣшаетъ, но, къ сожалѣнію, корреспондентъ сообщаетъ нерѣдко изъ Петербурга въ Лозанну свѣдѣнія о такихъ произведеніяхъ, о которыхъ здѣсь никто не говоритъ, ни въ печати, ни въ обществѣ. Такъ, въ послѣднихъ книжкахъ

журнала корреспондентъ восторгается повѣстями Лугового, Орловскаго, Ясинскаго, г-жи Назарьевой, Лѣтневой, посмертнымъ романомъ неудавшагося писателя и министра Валуева, откапываетъ уже совершенно никому неизвѣстнаго романиста Михаила Майкова, рассказывающаго въ «Исторіи одного брака» походженія молодого шалопаю, женившася на артисткѣ, которая выгоняетъ, на второй годъ замужества, своего прощальгу-мужа. И всѣ эти, ни для кого неинтересныя свѣдѣнія сообщаются вмѣстѣ съ сборомъ такихъ серьезныхъ произведеній, какъ «Дмитрій Ростовскій» г. Шляпкина или изслѣдованіе античной комедіи Эрнстета. Швейцарскій корреспондентъ очень симпатично относится къ Россіи, но вѣдь надо же сообщать объ ней только то, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія.

— Мы не говорили еще о законченномъ нынѣшнимъ лѣтомъ превосходномъ «Международномъ словарѣ современныхъ писателей» Анджело Губернатиса (*Dictionnaire international des écrivain du jour*). Этотъ огромный томъ въ 2,088 страницъ въ два столбца изданъ со всею тщательностью, отличающею почтеннаго составителя, и является положительно настольною, необходимою книгою для каждаго писателя. Она печаталась въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ, и къ предполагавшимся первоначально 12-ти выпускамъ пришлось прибавить еще семь, чтобы придать словарю желаемую полноту и законченность. Въ немъ помѣщены біографіи 9,152 писателей съ перечисленіемъ и краткою оцѣнкою ихъ новѣйшихъ произведеній. Эта армія интеллигенціи, составленная изъ бойцовъ за права слова во всѣхъ образованныхъ націяхъ, постоянно борется съ невѣжествомъ, предрасудками, злоупотребленіями власти, и ея нравственныя побѣды приносятъ, конечно, больше пользы человѣчеству, чѣмъ всѣ военные подвиги. Къ послѣдному выпуску приложенъ списокъ авторовъ, умершихъ во время печатанія словаря. Жаль, что нѣтъ указателя по національностямъ. Біографіи русскихъ писателей не велики, но составлены старательно и безъ большихъ ошибокъ. Трудъ Губернатиса можетъ служить образцомъ для всѣхъ изданій подобнаго рода.

— Вышло не мало брошюръ и журнальныхъ статей о выдающихся лицахъ, умершихъ въ послѣднее время. Болѣе всего обратило на себя вниманіе общества самоубійство Буланже. «Revue bleue» посвятило двѣ статьи этому странному, опереточному герою, кончившему такъ трагически, хотя и въ театральной обстановкѣ, свою жизнь, полную неожиданныхъ переворотовъ. Человѣкъ безъ имени, безъ блестящихъ дарованій, безъ широкихъ плановъ, безъ твердаго характера, едва не сдѣлался диктаторомъ Франціи, благодаря совершенному ничтожеству остальныхъ членовъ правительства. Да и въ это правительство онъ попалъ случайно, не имѣя въ немъ никакого вліянія, не производя никакихъ выдающихся реформъ. Народъ обратился къ нему, когда онъ возсталъ противъ парламента, гдѣ разныя партіи, не думая объ отечествѣ, только грызлись между собою изъ-за власти, да опрокидывали одно министерство за другимъ. Въ этомъ заурядномъ генералѣ, дѣлавшемъ частые смотры и парады, красиво гарцовавшемъ на черномъ конѣ, храбро размахивавшемъ саблею, французы думали видѣть олицетвореніе силы, которая избавитъ ихъ отъ болтуновъ-казнограбителей. Оказалось, что сила эта была такая же мишурная и фальшивая, какъ всѣ подвиги «браваго генерала», вослѣвавшіеся въ кафе-шантанахъ. Въ немъ не было даже рѣшимости заговорщика, которая помогла въ 1851 году Луи-Наполеону овладѣть Франціей. Буланже не осмѣлился ни захватить власть,

ни обратиться къ народу: онъ зналъ, что армія не будетъ на его сторонѣ, а безъ нея невозможенъ никакой переворотъ. Солдаты не стали бы разстрѣливать ни въ чемъ неповинныхъ парижанъ во имя Буланже, какъ стрѣляли во имя Луи-Наполеона 2-го декабря 1851 года. И когда министры, напуганные его диктаторскими замашками, неимѣвшими, впрочемъ, никогда серьезнаго значенія, начали травить его самыми недостойными средствами, онъ поступилъ еще недостойнѣе, предлагая свои услуги всѣмъ партіямъ, входя въ переговоры то съ бонапартистами, то съ орлеанистами, то съ социалистами, обманывая всѣхъ и вербуя только для себя приверженцевъ, которые — увы! таяли съ каждымъ днемъ. И когда его предали суду, онъ бѣжалъ въ Брюссель, какъ говорятъ, по настоянію г-жи Бонменъ, женщины порядочнаго общества, влюбившейся въ пятидесятичетырехлѣтняго казарменнаго солдата. И когда она умерла отъ чахотки, положеніе неудавшагоса цезаря сдѣлалось невозможнымъ, а средствъ къ жизни не было, политическая карьера его была кончена безвозвратно, общественное мнѣніе осыпало его насмѣшками, разведенная съ нимъ жена высылала ему жалкую пенсію. Онъ дождался еще чего-то два съ половиною мѣсяца и, наконецъ, застрѣлился изъ казеннаго револьвера на могилѣ своей возлюбленной — конецъ достойный жалкаго неудачника.

— Незадолго передъ бывшимъ министромъ сошелъ въ могилу и бывший президентъ республики, котораго этотъ министръ собирался сплавить, если бы общественное негодованіе не выбросило его раньше изъ правительственной сферы. И этотъ президентъ, какъ и его министры, не обладалъ никакими особенными способностями и достигнуть высшаго званія въ странѣ только благодаря своей репутаціи честнаго республиканца. Но и на высотѣ общественного положенія бывший адвокатъ Жюль Греви, въ восемьдесятъ лѣтъ, оказался, если не взяточникомъ, то участникомъ въ постыдной продажѣ его зятемъ орденовъ и доходныхъ должностей. На чтѣ копилъ эти милліоны старикъ, у котораго была только одна дочь, выданная имъ за проходимца, чтобы спасти ее отъ романической страсти къ пѣвцу парижской оперы, бывшему парикмахеру? Уже бывъ президентомъ, Греви скупалъ въ Парижѣ дома и собиралъ съ жильцовъ плату за квартиру, пряча въ то же время въ карманъ суммы, отпускаемаяя страню на представительство, путешествія, балы и пріемы. Это странное скопидомство и погубило старика, низачто не хотѣвшаго оставить мѣсто съ такимъ хорошимъ содержаніемъ. Онъ припоминалъ, вѣроятно, историческія слова маршала Сульта при Луи-Филиппѣ: «жалованье мое возьмутъ у меня только съ моею жизнью». Не знаемъ, оставила ли республика бывшему президенту пенсію, которой онъ былъ, конечно, недостойнъ, какъ человѣкъ, и какъ гражданинъ, такъ позорно кончившій свое политическое поприще.

— Умеръ также въ Парижѣ бывший членъ, потомъ врагъ комуны, Шарль Люлье, дикой энергіи котораго достало бы на десять безхарактерныхъ Буланже, хотя она не привела его ни къ чему, кромѣ каторги. Онъ былъ лейтенантомъ во флотѣ, когда, послѣ покушенія Орени, министръ потребовалъ, чтобы всѣ офицеры поднесли адресъ императору съ увѣреніями въ вѣрноподданствѣ. Люлье отказался подписать адресъ и былъ сосланъ въ Сенегаль, потомъ вовсе уволенъ изъ службы за нарушеніе дисциплины. Онъ вернулся въ Парижъ и оскорбленный въ газетѣ Полемъ Кассаньякомъ даль ему пощечину. За выходы противъ правительства его засадили въ тюрьму,

оттуда онъ вышелъ 4-го сентября 1870 г., но не ужился и съ правительствомъ народной обороны. 18-го марта комунa назначила его начальникомъ національной гвардіи, но онъ вскорѣ поссорился и съ нею. Дальшїяшїя похождения свои онъ описалъ въ книгѣ «Мои темницы» (Mes cachots), изданной въ 1881 году. Въ этой книгѣ высказывается его непомѣрное самолюбїе и неукротимый характеръ. Осыпая грубою бранью палату, Мак-Магона, правительство, и относясь снисходительно только къ Тьеру, Люлье осыпаетъ насмѣшками и комуну и, весьма вѣроятно, разогналъ бы ее, еслибы она не отняла у него начальство надъ войскомъ черезъ недѣлю послѣ назначенїя, и не заперла его въ тюрьму. Онъ бѣжалъ оттуда въ началѣ апрѣля, былъ опять схваченъ на каюдрѣ церкви св. Евстафія, превращенной въ клубъ, вторично бѣжалъ изъ тюрьмы и вошелъ въ переговоры съ Тьеромъ, чтобы съ нѣсколькими батальонами національной гвардіи захватить членовъ комуны. Но пока шли переговоры, версальскія войска взяли Парижъ, и Люлье былъ захваченъ въ ту минуту, когда собирался бѣжать въ Швейцарїю. Его приговорили къ смерти, но вслѣдствіе заступничества Тьера, сослали въ Новую Каледонїю. Онъ ни за что не хотѣлъ надѣть костюмъ каторжника, дрался съ надсмотрщиками и его связаннымъ перевезли черезъ океанъ. Лежа все время въ трюмѣ, онъ принималъ пищу только для того, чтобы не умереть съ голоду и отомстить своимъ врагамъ. На каторгѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ постоянной борьбѣ съ тюремщиками и начальствомъ, никого не слушалъ, не исполнялъ никакихъ предписанїй. Желѣзная натура выдержала всѣ испытанїя, но когда амнистія позволила ему вернуться во Францію, бывшіе комунары встрѣтили его недружелюбно, продолжая обвинять въ измѣнѣ. На публичной сходкѣ его осудили, оскорбили, оплевали. Напрасно онъ пытался оправдаться, хотѣлъ уѣхать въ Америку, но сдѣлался буланжистомъ и на собранїи въ Ваграмской залѣ стрѣлялъ изъ револьвера въ тѣхъ, кто кричалъ: долой Буланже! Это было его послѣднимъ сумасбродствомъ. Видя, что ему ничего не удастся, онъ принялъ скромное мѣсто агента въ трансатлантической панамской компанїи и умеръ въ Панамѣ 53-хъ лѣтъ.

— Празднуя полувѣковой юбилей ученой дѣятельности Гельмгольца, получившаго чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника — за то, что онъ занимался политикою, и Вирхова, ничего не получившаго за то, что онъ всегда принималъ участїе въ дѣлахъ своего отечества, Германїя забыла объ юбилей еще одного своего ученаго — историка Грегоровїуса, умершаго еще лѣтомъ, 70-ти лѣтъ. Фердинандъ Грегоровїусъ родился въ маленькомъ городѣ восточной Пруссїи — Нейденбургѣ. Отецъ его былъ чиновникъ, предки — рыцари тевтонскаго ордена. Онъ слушалъ лекціи въ Кенигсбергскомъ университетѣ по богословскому факультету и, выдержавъ уже экзаменъ, отказался отъ пасторства и отправился скромнымъ учителемъ въ Сольдау, городокъ на польской границѣ. Въ 1843 году онъ получилъ докторское званїе за диссертацию — «Идея прекраснаго у Плотина». Волненїя 1848 года заставили его обратиться къ политикѣ. Онъ написалъ «Идею польщизны: двѣ книги исторїи польскихъ страданїй» (Die Idee des Polenthums: zwei Bücher polnischer Leidensgeschichte). Затѣмъ послѣдовалъ «Сборникъ польскихъ и мадыарскихъ пѣсенъ», въ которыхъ поэтъ оплакиваетъ паденїе свободы, и «Вильгельмъ Мейстеръ Гете, въ развитїи его соціальныхъ элементовъ». Идея этого сочиненїя та, что новое общество возродится съ по-

мощью самоотверженія и принудить державы заключить между собою всемирный союз. Первымъ историческимъ трудомъ Грегоровіуса была трагедія «Смерть Тиверія» (1851 г.), скорѣе психологическій этюдъ этого тирана мизантропа, чѣмъ сценическое произведеніе. Тогда же явилась его «Исторія императора Адріана и его времени». Черезъ тридцать лѣтъ историкъ совершенно переработалъ эту книгу и издалъ ее вторично. Весною 1852 года онъ уѣхалъ въ Римъ и тамъ прожилъ двадцать два года. Онъ объѣхалъ и описалъ весь полуостровъ, соединяя картины природы съ изображеніемъ историческихъ событій. Шестъ томовъ его «Странствованій по Италіи» выдержали шесть изданій. Потомъ онъ перевелъ салернскаго поэта Джіованни Моли, написалъ поэму «Евффіопъ», въ которой очертилъ великолѣпную картину разрушенія Помпеи. Послѣ этюда о папскихъ гробницахъ, онъ, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, написалъ свой главный трудъ «Исторію города Рима въ Средніе вѣка» (8 томовъ 1859—72 г.) отъ паденія римской имперіи до реформаціи. Эта книга поставила Грегоровіуса въ число первыхъ историковъ нашего времени. Правительство перевело ее на итальянскій языкъ, Римъ далъ автору титулъ почетнаго гражданина. Въ 1874 году историкъ вернулся въ Германію и поселился въ Мюнхенѣ, гдѣ онъ былъ членомъ академіи наукъ. Но онъ всякое лѣто возвращался въ свою любимую страну — работать въ архивахъ Венеціи и Рима. Затѣмъ онъ написалъ еще монографію «Лукреція Борджія», гдѣ доказываетъ, что она вовсе не была такою дурною женщиною, какъ ее изображаютъ враги ея. Въ 1879 году онъ издалъ біографію папы Урбана VIII, потомъ переписку Александра Гумбольдта съ своимъ братомъ Вильгельмомъ, отправился путешествовать въ Грецію, Палестину и Сирію, и написалъ «Аѳины въ темные вѣка» и «Атенаиса — исторія византійской императрицы». Наконецъ, въ 1889 году явилась «Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка отъ временъ Юстиніана до турецкаго завоеванія». Онъ умеръ въ Мюнхенѣ, давно уже страдая головными болями и приготовившись къ смерти съ твердостью стоика. Историкъ завѣщалъ, чтобы тѣло его было сожжено и пепель развѣянъ по вѣтру. Роднымъ разрѣшалось, впрочемъ, если они захотятъ, собрать этотъ пепель въ урну. За нѣсколько часовъ до смерти онъ написалъ телеграмму, которую должны были отправить въ Римъ послѣ его кончины: «e morto Ferdinando Gregorovius, cittadino romano» — послѣдній знакъ привязанности этого сына сѣвера къ вѣчному городу, которому историкъ, поэтъ и философъ отдалъ лучшую часть своей жизни и своего дарованія.

— Почти въ одно время съ политическимъ эксцентрикомъ Люлье умеръ во Франціи и музыкальный эксцентрикъ, извѣстный своею бурною жизнью, композиторъ и виртуозъ Генрихъ Литольфъ. Онъ родился въ Лондонѣ, но былъ сынъ француза и матери эльзаски; прославился онъ болѣе всего въ Германіи. Его тощая фигура, костлявое, блѣдное лицо, на которомъ выдѣлялся носъ хищной птицы, загнутый крючкомъ между темными впалыми глазами, густые, взъерошенные волосы — придавали ему странный характеръ. Какъ дирижеръ оркестра, съ своими рѣзкими жестами и движеніями, онъ походилъ на фантастическую фигуру изъ сказокъ Гофмана. Но его манера держаться была дѣланная: онъ подражалъ Паганини, копировалъ Листа слава котораго не давала ему покоя. Въ своей бродячей жизни онъ побывалъ во всѣхъ главныхъ городахъ Европы, вездѣ ссорясь съ музыкантами въ стремленіи прослыть новаторомъ и непризнаннымъ гениемъ; былъ и

въ Петербургѣ два раза, но здѣсь его рѣзкіе приемы и эксцентричности не понравились публикѣ. Онъ былъ женатъ четыре раза, похитилъ свою первую жену, бросилъ вторую, развелся съ третьею. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ отъ симфоній и концертовъ до ригурнелей къ фіеріямъ, и извѣстенъ особенно какъ піанистъ и издатель дешевыхъ коллекцій, сдѣлавшихъ музыку доступною для всѣхъ. Началъ онъ съ серьезной оперы «Тампьеры», увертюрь къ «Жирондистамъ» и «Робеспьеру», кончилъ комической опереткой «Элоиза и Абельяръ», имѣвшей большой успѣхъ въ 1872 году, и дирижерствомъ кафе-концертовъ въ Елисейскихъ поляхъ. Въ его произведенияхъ разбросано много таланта, который могъ бы создать замѣчательныя вещи, если бы шелъ правильнымъ путемъ. Несмотря на свою безпорядочную жизнь, Литольфъ умеръ 73-хъ лѣтъ, переживъ Листа и Берліоза, высоко цѣнившаго знаніе, вдохновеніе и даже увлеченіе даровитаго музыканта, въ которомъ ярко высказывалась семитическая натура его предковъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Голодъ въ Нижегородской губерніи въ 1754—1755 гг.

ВЪ ГОЛОДНЫЕ 1732—1736 годы¹⁾ въ числѣ пострадавшихъ мѣстностей находилась и Нижегородская губернія. Мрачную картину положенія крестьянъ этой губерніи въ 1734—35 гг., довольно полно рисуешь одинъ любопытный документъ Москов. Архива Мин-ва Юстиціи, носящій такое длинное заглавіе: «Вѣдомость — коликое число въ Нижегородской губерніи по вѣдомостямъ дворцовыхъ волостей управителей и по скаскамъ помѣщиковъ и прикащиковъ и старость, въ прошломъ 734 году посѣяно было ржаного и ярового всякого хлѣба четвертей и противъ сѣву въ умолотѣ, и что къ нынѣшнему 1735 году ржи посѣяно, и сколько въ которой вотчинѣ по осмотру наличнаго хлѣба явилось, и какимъ хлѣбомъ питаютца, и коликое число на которой вотчинѣ на прошлые годы подушныхъ денегъ имѣтца въ доимкѣ—явствуетъ въ оной вѣдомости»²⁾.

«Вѣдомость» составлена на мѣстѣ, въ Нижегородской губерніи и отправлена въ Сенатъ, по требованію его «указа». Цифры «вѣдомости» внушаютъ полное довѣріе, такъ какъ взяты губернской администраціей изъ «сказокъ» помѣщиковъ, старость и другихъ мѣстныхъ свѣдущихъ людей.

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ голодѣ см. въ интересномъ историческомъ очеркѣ В. Н. Щепкина «Голода въ Россіи» («Историч. Вѣстн.», 1886, № 6), с. с. 501—503.

²⁾ «Дѣла разныхъ городовъ» кн. № 52, л. л. 1170—1257.—Подъ этимъ заглавіемъ въ А—въ М. Юст. хранятся документы Разряднаго Приказа и кн. № 52 содержитъ дѣла приказа за 1678—1707 гг. (л. л. 1—1169). Но Нижегородская «Вѣдомость» 1734—35 гг. не относится къ вѣдомству Разряднаго Приказа и очутилась среди его документовъ совершенно случайно, послѣ передачи въ Сенатъ дѣлъ упраздненнаго Приказа.

«Вѣдомость» составлена по «вотчинамъ»: по каждой вотчинѣ собраны (и расположены въ графахъ) свѣдѣнія о количествѣ «душъ», о числѣ бѣжавшихъ, о размѣрахъ посѣва и умолота озимаго и яровыхъ хлѣбовъ, о состояніи наличныхъ запасовъ хлѣба, о «пропитаніи» крестьянъ, о недоимкѣ въ подушномъ сборѣ и проч. Извлекаю нѣсколько свѣдѣній по Нижегородскому уѣзду (л. 1171 об.—1203):

Первою описана вотчина «тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и обоихъ російскихъ орденовъ кавалера и ея императорскаго величества кабинетъ-министра», кн. Алексѣя Михайловича Черкаскаго. Его вотчину составляли—с. Ворсма съ 5 приселками и 13 деревнями. Во всей вотчинѣ числилось «по перениси» 3024 «души», изъ нихъ въ 1734—35 гг. «бѣжало» 1008 человѣкъ. «Показанные крестьяне бѣжали отъ скудости и хлѣбнаго недороду, а и сверхъ-де оныхъ бѣглыхъ, многіе, оставя дома свои, съ женами и съ дѣтьми (для) прокормленія бродятъ по міру»...

У оставшившихся крестьянъ въ 1734 г. «имѣлось въ посѣвѣ»: 389 четвертей ржи, 96 четв. пшеницы, 142 четв. ячменя, 338 четв. овса и 252 четв. гречи.

«Въ умолотѣ» у нихъ получилось: 205 ч. ржи, 59 пшеницы, 42 ячменя, 118 овса и 112 гречи. Такимъ образомъ, на всѣхъ поляхъ крестьяне не только не получили ни зерна «приплода», но даже всѣхъ сѣмянъ не собрали... Бѣлѣдствіе этого значительно сократилась площадь посѣва озимой ржи къ 1735 году: крестьяне Ворсменской вотчины посѣяли осенью 1734 г. всего 109 четвертей ржи.

Далѣе «вѣдомость» замѣчаетъ: «посѣянной-де всякой хлѣбъ родился по мѣстамъ, а въ протчихъ мѣстахъ и ничего не уродился и сѣмень не собрано. И къ нынѣшнему 735 г. сѣяно отъ крестьянъ, которые исправитца могли покушнымъ хлѣбомъ—четвертей по двѣ отъ тягла, а отъ скудныхъ—по осминѣ и меньши. И нынѣшнею весною яровымъ хлѣбомъ, которые могутъ исправитца своимъ, а другіе покушнымъ хлѣбомъ—осѣменить могутъ только 4-ю часть, достальной (земли) за скудостью осѣменить не могутъ»...

Особенно тяжелое впечатлѣніе производитъ слѣдующая рубрика «вѣдомости», гдѣ рассказывается—чѣмъ кормились въ это ужасное время голодные крестьяне «кабинетъ-министра» кн. А. М. Черкаскаго...

«Оной вотчины крестьяне пропитаніе имѣютъ—немногіе чистымъ хлѣбомъ, а достальные за неимѣніемъ хлѣба ѣдятъ дубовые желуди, лебеду, оліяной колоколець, грѣчную и овсяную мякину, съ примѣшаніемъ малаго числа ячной и овсяной муки, понеже по осмотру у крестьянъ въ житницахъ явилось овса, ячмени и грѣчи четверти по три и по четыре, а у иныхъ ржи по малому числу, и то у не многихъ, а у другихъ никакого хлѣба въ житницахъ не явилось»...

Послѣдняя рубрика говоритъ, что «подушныхъ денегъ въ доимкѣ» числилось за вотчиною: за 1728 г.—519 р. 48 к., за 1729 г.—2058 р. 40 к., за 1734 г.—1022 р., всего за эти 3 года—3594 р. 88 к.

Нѣсколько лучше было положеніе другой вотчины того же кн. А. М. Черкаскаго—с. Павлова съ 1 приселкомъ и 4 деревнями. Изъ 3695 «душъ» этой вотчины бѣжало «отъ хлѣбнаго не дороду» только 248 чел. Объясняется это тѣмъ, что урожаемъ хлѣба здѣсь былъ сносный—не только всѣ сѣмена были собраны, но и получился нѣкоторый «приплодъ»: въ 1734 г.

озимой ржи было посѣяно 160 четвертей ржи и 256 ч. разнаго яроваго хлѣба, а въ умолотѣ получалось 365 ч. ржи и 272 ч. яроваго. Къ 1735 г. посѣяно 265 ч. ржи, но изъ яровыхъ полей могли осѣменить весною только «4-ю часть». Однако и озими только «немногіе крестьяне сѣяли собственнымъ и покупнымъ (хлѣбомъ) по четверти и по двѣ», а «не имущіе» по осминѣ и меньше, иные же «скудные и ничего не сѣяли и тѣ претерпѣваютъ гладную нужду»...

Въ самомъ селѣ Павловѣ «крестьяне имѣютъ за собою промыслы и мастерства, и тѣ пропитатца могутъ», но въ приселкѣ и 4 деревняхъ вотчины крестьяне «весьма скудные и отъ неимущества питаютца лебединымъ хлѣбомъ, смѣшивая съ гречневою и овсяною мякиною, и бродятъ отъ скудости въ мірѣ, а по осмотру у крестьянъ въ житницахъ никакого хлѣба кромѣ лебеды не явилось»...

Въ третьей вотчинѣ того же кн. А. М. Черкаскаго—с. Панино съ 5 приселками и 33 деревнями—положеніе крестьянъ было просто отчаянное.. Недородъ хлѣба былъ страшный: изъ посѣянныхъ въ 1734 году 3052 четвертей ржи получено въ умолотѣ всего 46 четвертей!.. Изъ 450 ч. пшеницы получено 270 ч., изъ 372 ч. ячменя—203 ч., изъ 1600 ч. овса—640 ч., а изъ 235 ч. гречи ничего не собрано: всю «гречю побилло мразомъ безъ остатку».. Къ 1735 г. озимую рожью засѣяна только «половина земли», равно какъ и въ 1734 г. «осѣменена» была «только половина земли» тѣми крестьянами, которыя могли «исправитца своимъ и покупнымъ» зерномъ, но «многіе» крестьяне «за совершенною скудостію ничего не сѣяли»... Весною 1735 г. изъ яровыхъ полей могутъ осѣменить едва «10-ю часть, по малому числу отъ тягла».

Изъ 3927 «душъ» Панинской вотчины бѣжало 1016 человекъ. Оставшіеся крестьяне претерпѣваютъ «гладную нужду и до новаго хлѣба пропитатца никакъ не могутъ».

А питались княжескіе крестьяне ужасно: «питаютца дубовою гнилою колодою (sic!) и желудями, оліянымъ колокольцомъ, лебедою, гречною мякиною, съ малымъ примѣшаніемъ ржаной, ячной и овсяной муки»... «Большая же часть» крестьянъ «никакого хлѣба не имѣютъ» (л. 1174).

Вслѣдствіе такой ужасной пици крестьяне «пришли въ безспіе и впадаютъ въ болѣзни»... Съ 1 января по 22 апрѣля 1734 г. померло въ вотчинѣ 242 мужчинъ и 254 женщины, о чемъ «по указу изъ правительствующаго Сената присланнымъ полковникомъ Тиханомъ Мерзлюкинымъ да штабъ-лекаремъ Зуромъ имѣлось свидѣтельство и о томъ-де въ правит. Сенатъ рапортовано».

Остановлюсь еще на небольшой вотчинѣ кн. Петра Борисовича Черкаскаго, показавшаго въ это тяжелое время рѣдкій примѣръ благородной заботливости о своихъ крестьянахъ... Вотчина его—с. Давыдово съ 3 деревнями—была невелика: въ ней было всего 87 крестьянъ (изъ нихъ бѣжало 48 чел.). Въ 1734 г. «посѣяно было на помѣщика» (эта рубрика рѣдко встрѣчается въ «вѣдомости»): 60 четв. ржи (въ умолотѣ 40 ч.), 18 ч. пшеницы (въ умолотѣ 7 ч.), 20 ч. ячменя (въ умолотѣ 51 ч.), 49 ч. овса (умол. 59 ч.), 12 ч. гречи (умол. 5 ч.). Такимъ образомъ, по ячменю и овсу получился даже приплодъ. Но крестьяне даже по этимъ хлѣбамъ сѣмянъ не собрали: у нихъ было посѣяно 40 четв. ржи (умолотъ 20 ч.), 7 пшеницы (умол. 3 ч.), 60 ячменя (умол. 30 ч.), 50 овса (умол. 25 ч.) и 48 гречи (умол. 24 ч.). Въ 1735 г.

посѣяно у крестьянъ всего 30 четвертей озимой ржи. Весной могутъ осѣменить поля яровымъ хлѣбомъ только 10 человекъ...

Крестьяне, какъ и вездѣ, ѣдятъ «дубовые желуды, оліяной колоколець, лебеду, гречную мякину, примѣшивая по малому числу ржаной, ячной и овсяной муки». Мука держится у нихъ въ маломъ количествѣ именно благодаря помощи помѣщика, которымъ весь собранный у него хлѣбъ (см. выше) «розданъ не имущимъ на пропитаніе безъ остатку»... (л. 1175).

Совершенно иное впечатлѣніе производятъ отношенія владѣльца къ крестьянамъ въ с. Елнѣ—вотчинѣ «преосвященнаго» Питирима архіепископа Нижегородскаго и Алаторскаго... Здѣсь изъ 1038 крестьянъ (бѣжало 30 человекъ) только «немногіе» имѣютъ хлѣба по 2—3 четверти, а большая часть ничего не имѣетъ и питается дубовыми желудями, лебедою и проч. «Но токмо—пронически оговаривается «Вѣдомость»—по осмотру въ архирейскихъ житницахъ имѣется архирейскаго хлѣба всякаго съ 300 четвертей, о которомъ оной вотчины управитель показалъ, что оставленъ на пропитаніе монахомъ и дому архирейскаго служителямъ»... (л. 1189).

Такое же тяжелое впечатлѣніе производитъ и замѣчаніе «Вѣдомости» о бѣдственномъ положеніи крестьянъ огромной вотчины «ея высочества благовѣрной государыни царевны» Даріи Арчилловны Имеретинской—с. Терюшева съ его «волостью». Волость имѣла 11331 «душу» (изъ нихъ бѣжало 1106 человекъ), за коими накопилось недоимки по подушному сбору 8003 р. 46 к. (за 1724—34 гг.) «Вѣдомость» замѣчаетъ, что «отъ скудости подушныхъ денегъ платить имъ (крестьянамъ) нечѣмъ, и отъ непрестаннаго правежа тѣхъ подушныхъ денегъ принуждены въ нѣкоторыхъ деревняхъ тяглыя земли цѣлыми полями закладывать изъ самой малой цѣны, на многіе годы, а именно—отдаютъ десятину по 11 копѣекъ»... (л. 1180 об.).

Вообще видно, что для центральной власти голодъ не оказался достаточно уважительною причиною къ прекращенію взысканія недоимокъ... Мѣстная же власть видимо становилась на сторону обезсильнаго населенія и старалась доказать, что недоимки «взыскать невозможно»... Кажется именно для подтвержденія этой истины и была составлена разсматриваемая «Вѣдомость». Она заканчивается общимъ итогомъ подушныхъ «доимокъ» по 6 уѣздамъ губерніи—Нижегородскому, Балахонскому, Арзамасскому, Алаторскому, Курмышскому и Ядринскому; всего накопилось по этимъ уѣздамъ за 1724—34 гг. недоимки—78750 р. 73½ копѣйки. Приведя эту цифру «Вѣдомость» замѣчаетъ: «для взысканія оной доимки посылаются на экзекуцію оберъ и ундеръ-офицеры, только той доимки за крестьянскую скудость и за хлѣбнымъ недородомъ взыскать невозможно, и въ неплатежѣ оныхъ денегъ (крестьяне) содержатца подъ карауломъ»... (л. 1257).

Возвращаюсь еще нѣсколько къ даннымъ «Вѣдомости» о положеніи голодающаго населенія Нижегородскаго уѣзда. Приведенныя выше свѣдѣнія о вотчинахъ А. М. Черкаскаго и друг. вполнѣ достаточны для характеристики состоянія всего уѣзда: во всѣхъ остальныхъ вотчинахъ положеніе крестьянъ было болѣе или менѣе аналогично съ положеніемъ сс. Ворсмы, Панина, Давыдова и др. Вездѣ число бѣжавшихъ отъ голода крестьянъ также велико, какъ и въ указанныхъ селахъ: бѣжала 3—5 часть, иногда даже половина населенія... Вездѣ встрѣчаемъ тѣ же печальныя отношенія умолота къ посѣву: въ большинствѣ случаевъ даже сѣмена не были собраны съ полей и

очень рѣдко получался полный сборъ сѣмянъ, а еще рѣже—очень небольшой «приплодъ».

Вездѣ была засѣяна осенью 1734 г. только небольшая часть озимыхъ полей и только частію крестьянъ. Еще болѣе уменьшилась площадь яровыхъ посѣвовъ весною 1735 года. Но нерѣдки случаи, когда почти вся вотчина не могла осѣменить своихъ полей. Такой примѣръ представляетъ с. Бараново (вотчина полковника Григорія Каирева), гдѣ изъ 521 «души» (80 изъ нихъ бѣжало) могли осѣменитъ яровымъ хлѣбомъ только «3 или 4 человека» (по 1 четверти или по 1½ каждый)... (л. 1175 об.).

Кромѣ недостатка хлѣба, другою причиною уменьшенія площади посѣва были недостатокъ скота. Такъ, въ с. Алиствѣвѣ большая часть крестьянъ не осѣменила полей, потому что—замѣчаетъ «Вѣдомость»—«какъ хлѣба, такъ и скота не имѣютъ» (л. 1178). Падаль ли скотъ отъ безкормицы, или были сѣдены голодающимъ населеніемъ, или же проданъ на пополненіе подушной «доимки»—«Вѣдомость» не объясняетъ.

Вездѣ въ Нижегородскомъ уѣздѣ населеніе кормилось тѣми же ужасными суррогатами хлѣба («съ малымъ примѣшаніемъ» настоящаго хлѣба)—лебедею, мякиною и проч. Нерѣдки случаи употребленія «дубовой коры» въ качествѣ хлѣбнаго суррогата, напр. въ с. Барановѣ, вотчинѣ Мих. Ив. Ниротморцева (л. 1177) и друг. Въ томъ же селѣ крестьяне ѣли «траву колоколець и прочее быліе травное»... Въ с. Алиствѣвѣ крестьяне ѣли между прочимъ «траву колоколець, избойну—что называется дуранда, и прочее быліе»... (л. 1178). Вездѣ отъ такой пищи несчастные крестьяне «пришли въ безсиліе»...

Довольно сносное положеніе крестьянъ оказывается только тамъ, гдѣ населеніе занималось не однимъ земледѣліемъ, но и разными промыслами. Напр. относительно лежавшей на берегу Волги слободы Подгорной (около с. Безводнаго) «Вѣдомость замѣчаетъ, что слободскіе «крестьяне кормятца отъ рыбной ловли», а другіе «ходятъ» на купеческихъ судахъ, и потому могли осѣменитъ покупнымъ зерномъ, притомъ же на нѣкоторыхъ слободскихъ поляхъ мѣстами «рожь родилась съ приплодомъ»... Вообще, рыбная ловля была большимъ подспорьемъ для крестьянъ многихъ приволжскихъ селеній.

Въ аналогичномъ положеніи съ Нижегородскимъ уѣздомъ были и остальные уѣзды губерніи—Балахонскій (л. 1204), Арзамасскій (л. 1210), Алаторскій (л. 1229), Курмышскій (л. 1241) и Ядринскій (л. 1251): вездѣ положеніе крестьянъ было очень бѣдственное... Н. Оглоблинъ.

Анекдотъ объ императорѣ Александрѣ I.

Въ Суджанскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, проживалъ еще до конца восьмидесятыхъ годовъ и умеръ въ глубокой старости нѣкто Сибилевъ, который, состоя въ должности становаго пристава, сопровождалъ по своему стану императора Александра Павловича во время его послѣдней поѣздки на югъ въ 1825 году.

Этотъ эпизодъ старикъ очень любилъ рассказывать при всякомъ случаѣ и, хотя рассказывалъ, правда, на разные лады, — суть разсказа оставалась однако болѣе или менѣе одинаковою.

Сибилевъ ѣхалъ впереди верхомъ, стараясь гнать свою лошадь, дабы неходиться въ достаточномъ отдаленіи, а не пылить на коляску царя, а также, чтобы во время успѣвать свернуть съ дороги случайныхъ встрѣчныхъ. Въ одномъ мѣстѣ изъ-за лѣска попался на встрѣчу мужикъ въ телѣгѣ, запряженной кобылой, возлѣ которой бѣжалъ жеребенокъ. Остановивъ его для пропуска коляски и приказавъ строго-на-строго не двигаться, пока государь проѣдетъ, Сибилевъ поскакалъ дальше. Не прошло и 10 минутъ, какъ онъ услышалъ сзади окликъ; оглянувшись, онъ подекочилъ къ коляскѣ, которая двигалась малою рысью, около нея путался жеребенокъ. Государь все время махалъ ему рукою, видимо желая отогнать.

— Надо его прогнать, а то онъ заблудится, или, пожалуй, попадетъ подъ колесо,—замѣтилъ государь.

Сибилевъ началъ гнать жеребенка, а тотъ, точно нарочно, поджимается къ коляскѣ.

— Стой, стой!—сказалъ государь и началъ выходить изъ экипажа,—вѣдь бѣдный крестьянинъ лишится будущей рабочей лошади.

Съ этими словами государь, сдѣлавъ два шага по дорогѣ, началъ полами шинели гнать жеребенка; тотъ отскочить назадъ, да опять къ лошадамъ.

— Ваше величество, я долечу, верну крестьянина; тогда жеребенокъ за маткой пойдетъ,—осмѣлился сказать Сибилевъ.

— Пожалуйста, сказалъ государь, только пожалуй онъ далеко уѣхалъ; какъ онъ самъ не догадался вернуться.

Крестьянинъ, оказалось, вернулся въ отчаяніи и тутъ же подѣзжалъ за бугоркомъ. Жеребенокъ, какъ только увидѣлъ телѣгу, тотчасъ побѣжалъ къ ней; государь, давъ Сибилеву серебряный рубль, велѣлъ передать его крестьянину, а самъ поѣхалъ дальше.

Сибилевъ, потерявъ нѣсколько минутъ, не могъ уже догнать коляску и скакалъ сзади. Подѣхалъ онъ къ коляскѣ уже тогда, когда на слѣдующей станціи государю перемѣнили лошадей и онъ собирался ѣхать дальше.

— Гдѣ ты былъ?—спросилъ государь.

— Простите ваше величество,—сказалъ дрожащимъ голосомъ Сибилевъ,—отдавая крестьянину рубль, я замѣшкался и не могъ догнать коляски.

— Ахъ, это моя вина,—отвѣтилъ ласково государь,—я въ разсѣянности не подождалъ; можно-ли быть такимъ разсѣяннымъ!

Этотъ разговоръ Сибилевъ всегда заканчивалъ монологомъ:

Вотъ какое счастье мнѣ Богъ послалъ въ жизни! Сколько ангельской доброты и глубокой нѣжной ласки было во взглядѣ царя, когда онъ посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «Усталъ? Ну, спасибо, большое спасибо», и уѣхалъ. До сихъ поръ взгляды этотъ какъ бы передо мною; несмотря на то, что шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; эти синіе добрые глаза смотрять на меня, и не могу я ихъ забыть. Ужъ подлинно не даромъ вся Европа и весь міръ называли царя Александра I ангеломъ кротости; да будетъ его имя благословенно!

И. К. А.

С М Ъ С Ъ .

СТАВРАЦІЯ Успенскаго собора во Владимірі на Клязьмѣ.

Владимірскій Успенскій соборъ, освященіе котораго, въ обновленномъ видѣ, происходило 29-го сентября, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ храмовъ древней Руси. Просуществовавъ болѣе семи вѣковъ, соборъ пережилъ и блестящую славу свою, когда онъ былъ главнымъ храмомъ всей Руси великокняжеской, и цѣлый рядъ ужасныхъ бѣдствій, которыя, не сокрушивъ его, тѣмъ не менѣе оставили на немъ

свой глубокой слѣдъ. Начало соборнаго храма Успенія во Владимірі восходитъ ко временамъ великаго князя Андрея Боголюбскаго.

Этотъ князь, желая возвысить городъ Владиміръ на степень великокняжеской столицы, рѣшилъ воздвигнуть здѣсь такой храмъ, который долженъ былъ затмить своимъ великолѣпіемъ всѣ храмы, ранѣе созданные на Руси. И дѣйствительно онъ создалъ такой храмъ, который, по сказанію лѣтописца, горѣлъ золотомъ и серебромъ, и драгоценными камнями, и представлялъ собою «свѣтлость нѣкую зрѣти». Соотвѣтственно этому богатству и великолѣпію извнѣ, соборъ былъ также великолѣпно украшенъ и внутри множествомъ драгоценныхъ иконъ и другихъ предметовъ церковной утвари: въ немъ было множество золотыхъ и серебряныхъ паникадилъ, сосудовъ, даже цѣлый амвонъ былъ сдѣланъ «отъ золота и серебра», по сказанію лѣтописи. Здѣсь же была поставлена и икона Божіей Матери Владимірской, писанная по преданію, евангелистомъ Лукой.

Но не долго соборъ блисталъ своимъ великолѣпіемъ. Послѣ смерти Боголюбскаго, въ 1185 году, во время сильнаго пожара, отъ котораго едва не сгорѣлъ весь городъ, соборный храмъ Успенія лишился всѣхъ своихъ драгоценностей, и отъ прежняго величія остались однѣ обгорѣвшія стѣны. Братъ Боголюбскаго, великій князь Всеволодъ III, «Большое гнѣздо», возстановилъ обгорѣвшій храмъ, причѣмъ расширилъ и увеличилъ его пристройкою новыхъ стѣнъ и увѣнчалъ его пятью главами, отчего соборъ сдѣлался еще величественнѣе. Не прошло и 50 лѣтъ со времени обновленія

собора, какъ онъ подвергся новому ужаснѣйшему бѣдствію. Въ 1237 г. во время нашествія монголовъ, татары расхитили сокровища храма и во время пожара погнѣло все бывшее тамъ великокняжеское семейство, святитель Митрофанъ, много женъ боярскихъ и инокинъ.

Въ тяжелыя години ига татарскаго владимірскій Успенскій соборъ, возстановленнй великимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, отцомъ Александра Невскаго, около ста лѣтъ служилъ объединяющимъ центромъ для всей раздробленной и плѣненной Руси, какъ главный храмъ великокняжеской столицы, хранящій въ себѣ главную святыню русскую, икону Богоматери Владимірской. Въ концѣ XIV вѣка, съ возвышеніемъ Москвы и паденіемъ города Владиміра, начинаются вѣка уничтоженія и временного упадка и соборнаго храма Успенія. Передавъ въ 1395 г. икону Божіей Матери городу Москвѣ, а затѣмъ въ 1412 г. лишившись всѣхъ своихъ драгоценныхъ утварей во время нашествія татарскихъ полчищъ Талыча, Успенскій соборъ, не поддерживаемый обѣдѣвшими жителями павшаго Владиміра, началъ быстро приходить къ разрушенію: кровля его истлѣла, въ стѣнахъ показались огромныя трещины, стекла въ окнахъ были выбиты и въ самомъ храмѣ птицы вили гнѣзда...

Исполнилась, наконецъ, мѣра бѣдствій, предназначенныхъ для многострадальнаго собора. Въ половинѣ XVII вѣка здѣсь открыты были мощи великаго князя Георгія, убитаго во время нашествія монголовъ на р. Сити, а затѣмъ въ 1702 г. мощи Андрея Боголюбскаго, перваго строителя храма, и сына его князя Глѣба. Съ того времени слава древняго храма какъ бы воскресла вновь: тысячи богомольцевъ потекли на поклоненіе, любители благолѣпія церковнаго поддерживали ветхія стѣны собора отъ дальнѣйшаго разрушенія. Наконецъ, настало время и для возстановленія собора, какъ внутри, такъ и снаружи. Трудами архимастыра владимірскаго Феоноста, Успенскій соборъ явился нынѣ въ первобытной красотѣ временъ Боголюбскаго и Всеволода III, первыхъ строителей его.

Цѣлыхъ десять лѣтъ непрерывно шла реставрація собора. Сначала были возстановлены древнія фрески XII вѣка, обновленныя въ XV вѣкѣ кистью Андрея Рублева, художникомъ Сафоновымъ подъ руководствомъ московскаго археологическаго общества, а затѣмъ было пристушено къ возстановленію наружнаго вида собора, искаженнаго позднѣйшими пристройками, и обновленію главъ и кровли, проржавѣвшихъ отъ времени. Отняты были громадные и бесполезные контрфорсы, облежавшіе со всѣхъ сторонъ соборъ; своды были освобождены отъ ненужныхъ прикладовъ, давившихъ ихъ своею тяжестью и скрывавшихъ красоту кровли. Наконецъ, главы сдѣланы были вновь и возстановлены въ первоначальномъ видѣ, а средняя глава при этомъ вызолочена черезъ огонь, такъ что соборъ снова возвратилъ свое древнее имя «златоглаваго». Много требовалось денежныхъ средствъ для этой реставраціи. Какъ безмолвный свидѣтель минувшаго древней Руси, какъ усыпальница великихъ князей русскихъ, какъ памятникъ древне-русскаго зодчества и иконографіи, соборъ имѣетъ такое же значеніе, какъ св. Софія кіевская и новгородская, какъ непосредственный преемникъ его славы, московскій Успенскій соборъ. Въ древнихъ стѣнахъ его сосредоточилась вся минувшая слава древнестольнаго Владиміра; въ немъ цѣлыя поколѣнія великихъ князей русскихъ, начиная съ Андрея Боголюбскаго до Іоанна III, восходили на престолъ великаго княженія.

Какъ рѣдкій памятникъ древне-русскаго зодчества, храмъ Боголюбскаго представляетъ замѣчательнѣйшій образецъ изящнаго храма, достойнаго времени процвѣтанія византійскаго искусства. Стройность и соразмѣрность всѣхъ его частей, красота арокъ и главъ, крѣпость стѣнъ, уцѣлѣвшихъ послѣ цѣлаго ряда бѣдствій, которыя постигали его въ теченіе болѣе чѣмъ семивѣковаго существованія, заставляютъ невольно удивляться искусству

зодчих Боголюбскаго. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ Успенскій соборъ былъ идеальнымъ образцомъ для многихъ древле-русскихъ храмовъ; въ Юрьевѣ, въ Ростовѣ, въ Звенигородѣ, наконецъ въ самой Москвѣ (Успенскій соборъ) были выстроены по образцу Владимірскаго собора. Не меньшее значеніе имѣетъ реставрированный соборъ и какъ памятникъ древне-русской иконографіи съ его фресками XII вѣка. Эти фрески, по полнотѣ иконографическихъ сюжетовъ, по художественности исполненія, не имѣютъ себѣ равныхъ среди памятниковъ древне-русскаго искусства и иконографіи, сохранившихся до нашего времени за исключеніемъ развѣ кіево-софійскихъ мозаикъ и фресокъ и стѣнописи Спасъ-Нередицкой церкви.

И это художественное сокровище внутри было скрыто подъ слоями штукатурки, а снаружи подъ разными ненужными пристройками, обезображивавшими наружный видъ собора. Лишь только теперь, послѣ реставраціи, соборный храмъ Успенія является во своей первобытной красотѣ и снова получаетъ названіе «златоверхаго».

Седьмое присужденіе пушкинскихъ премій. На пушкинскій конкурсъ въ текущемъ году представлено было въ Академію Наукъ семь сочиненій, въ томъ числѣ пять въ стихотворной формѣ, изъ которыхъ четыре были оригинальныя и одинъ—переводъ. Оцѣнку этихъ трудовъ приняли на себя литераторы: Д. В. Аверкіевъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, В. В. Латышевъ, Л. И. Поливановъ и Н. Н. Страховъ. Въ составъ распредѣляющей награды комисіи вошли: А. Н. Майковъ, Н. Н. Страховъ, Д. В. Григоровичъ, И. В. Помяловскій и А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Первая премія въ половинномъ размѣрѣ была балотировкою присуждена Я. П. Полонскому за его сборникъ «Вечерній звонъ». Стихи 1837—1890 гг. Разборъ Л. И. Поливанова. Въ своемъ отчетѣ рецензентъ задаетъ два вопроса: сохраняетъ ли поэтъ въ новыхъ произведеніяхъ прежнія достоинства своей поэзіи, не ослабли ли ея звуки и краски? и представляютъ ли эти произведенія позднѣйшихъ годовъ выраженіе чувствъ, вновь переживаемыхъ поэтомъ, т. е. не повторяется ли въ нихъ лишь пережитое въ дни былые? Отвѣчая на нихъ, Л. И. Поливановъ приводитъ на память важнѣйшія черты поэзіи П. П. Полонскаго за все время его поэтической дѣятельности и сопоставляетъ ихъ съ произведеніями, вошедшими въ новый сборникъ. Полонскій, по его мнѣнію, одна изъ тѣхъ задумчивыхъ русскихъ натуръ, которыя не торопятся сообщать свои чувствованія. Ощущеніе западаетъ въ душу такого поэта и потомъ при благоприятныхъ условіяхъ извлекается имъ оттуда. Поэтому произведенія лирики Я. П. Полонскаго являются по большей части выраженіемъ такихъ ощущеній, которыя оставались въ глубинѣ души его дольше, чѣмъ это бываетъ у поэтовъ другого темперамента. Поэзія его—не блестящая, а задумчивая. Национальность умственного и нравственнаго склада нашего поэта составляетъ отличительную черту его поэзіи: изъ всѣхъ лириковъ онъ—болѣе русскій и благодаря этому муза его является намъ кроткою, но въ то же время не уступчивою въ завѣтныхъ своихъ чувствахъ; образъ мыслей ея благороденъ, но чуждъ рщарства; она выразительна, но далека отъ всякихъ эффектовъ, линіи ея красивы, но свободны отъ всякой позы. На вопросъ: какія же думы волнуютъ нашего поэта нынѣ? рецензентъ отвѣчаетъ, что Я. П. Полонскій чаще и чаще обращается къ мысли о вѣчности. Въ сборникѣ есть два стихотворенія, въ которыхъ авторъ высказываетъ свои думы о современномъ европейскомъ поколѣніи, и думы эти безотрадны: идеализмъ поэта оскорбляется матеріализмомъ и милитаризмомъ вѣка и неискренностью провозглашеній любви («Золотой телець» стр. 20). Приведя массу выдержекъ изъ сборника, рецензентъ находитъ, что трудъ этотъ вполне достоинъ увѣнчанія преміей, потому что въ небольшой періодъ времени, съ апрѣля 1837 по 1890 г. включительно, Я. П. Полонскій обогатилъ русскую литературу: нѣсколькими вы-

сокими въ художественномъ отношеніи лирическими произведеніями, не уступающими лучшимъ его стихотвореніямъ прежнихъ лѣтъ: прекрасною балладою, достойно пополняющею одинъ изъ поэтическихъ образовъ всемірной литературы, и оригинальною комическою поемою, имѣющею крупныя достоинства. Сравнительная оцѣнка этихъ произведеній съ его прежними лучшими произведеніями приводитъ, по мнѣнію рецензента, къ отрадному заключенію, что творчество маститаго поэта не только не ослабѣваетъ, но продолжаетъ служить выраженію новыхъ идей и создаетъ новые образцы или равные прежнимъ, или превышающіе ихъ художественными достоинствами.

Поощрительная премія присуждена И. Н. Потапенко за его «Повѣсти и рассказы», томъ второй. Рецензія Н. Н. Страхова, который находитъ, что имя автора еще недавно только появилось въ литературѣ, но уже приобрѣло себѣ извѣстность, во-первыхъ, необыкновенной живостью разсказа и, во-вторыхъ, совершенной ясностью темы въ каждомъ произведеніи. Темы развиваются у автора съ извѣстной долей реализма, хотя послѣдній не довольно глубоко и ярокъ. У автора нѣтъ ни одной страницы, которая могла бы поравняться въ реализмъ съ отдѣльными мѣстами Чехова, Гаршина, Эртеля, Альбова, Ясинскаго, Бѣжецкаго, Гнѣдича и другихъ авторовъ современной литературы. Тѣмъ не менѣе, во вниманіе къ таланту, обнаруженному авторомъ, и при всей строгости рецензіи, признаваемой самимъ критикомъ, комисія признала справедливымъ присудить г. Потапенко поощрительную премію въ 300 рублей.

Такою же премію комисія назначила А. Д. Львовой за ея «Поэмы и пѣсни». Трудъ этотъ разсматривалъ гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ. Сборникъ раздѣляется на двѣ части: лирическія произведенія и поэмы. Рецензентъ приходитъ къ заключенію, что сборникъ г-жи Львовой, хотя и не можетъ быть признанъ цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу современной русской литературы, но все же явленіе отрадное и подающее надежды, и что дарованіе г-жи Львовой преимущественно лирическое, но въ выраженіи субъективныхъ ощущеній, въ рисовкѣ небольшихъ пейзажей она можетъ достигнуть значительной степени совершенства.

Комисія, за неимѣніемъ достаточной денежной суммы, принуждена была выразить автору свое одобреніе лишь почетнымъ отзывомъ.

Въ заключеніе отдѣленіе Академіи за труды по разбору представленныхъ трудовъ присудило по золотой пушкинской медали Д. В. Аверкіеву, В. В. Латышеву и Л. И. Поливанову.

Историческое Общество. Изъ докладовъ, прочитанныхъ въ послѣднемъ засѣданіи особенно заинтересовалъ слушателей докладъ Е. А. Бѣлова о «верховникахъ и дворянствѣ». Докладчикъ, на основаніи историческаго матеріала, показалъ развитіе аристократіи и дворянства въ Россіи. Аристократическіе роды до XVIII вѣка состояли изъ потомковъ св. Владиміра, литовскаго князя Гедимина и нѣкоторыхъ татарскихъ князей. Къ нимъ принадлежали также нѣсколько боярь-дружинниковъ удѣльнаго періода. Всѣхъ аристократическихъ фамилій было немного, около 80-ти. При Петрѣ Великомъ старая аристократія уступила свое первенствующее мѣсто въ государствѣ новымъ людямъ, незнатнымъ по происхожденію. Многие изъ нихъ, по своему государственному значенію, имѣли болѣе и силы, и вліянія, другіе сравнялись съ древнею аристократіею. Еще Иванъ Грозный далъ возможность быть незнатнымъ людямъ въ составѣ боярскаго думы. Онъ же установилъ титулъ думнаго дворянина. Съ того времени званіе дворянина стало «жаловаться» государями, но до Петра все-таки древніе боярскіе роды, за немногими исключеніями, первенствовали. Петръ I своею табелью о рангахъ пожелалъ уравнивать сословія. Согласно табели, званіе дворянина приобретается служебными заслугами. Явилось много новыхъ дворянскихъ фамилій и вы-

служившееся дворянство. Родовитые аристократы старались съ своей стороны противодействовать появленію новыхъ дворянскихъ фамилій и держались въ сторонѣ отъ нихъ. Иногда, напримѣръ, при воцареніи Анны Ивановны, антагонизмъ между родовитымъ аристократизмомъ и новымъ дворянствомъ проявлялся въ рѣзкой формѣ. Другой рефератъ, прочитанный въ томъ же засѣданіи, представлялъ научное изслѣдованіе г. Форстена о ливонскихъ проектахъ XVI вѣка, когда Ливонія переживала критическій моментъ. Ей пришлось долго бороться за свое существованіе съ сильными сосѣдними державами и въ концѣ концовъ исчезнуть, слившись съ Польшей, Швеціей и Даніей.

Экономическое Общество въ одномъ изъ своихъ собраній слушало докладъ Д. Н. Бородина о голодовкахъ, бывшихъ въ Россіи за все время ея существованія, и о тѣхъ мѣрахъ, которыя принимало правительство противъ голода. До царствованія Бориса Годунова, т. е. до 1601 года, въ лѣтописяхъ встрѣчаются только указанія на бывшія въ разное время голодовки, но ничего почти не говорится о предпринимаемыхъ противъ нихъ мѣрахъ. Къ голодовкамъ правительство относилось съ философскимъ спокойствіемъ и заботилось лишь о томъ, чтобы уменьшить несчастіе въ данную минуту. О будущемъ не думали. Съ 1024 по 1601 г. лѣтописи насчитываютъ 15 крупныхъ голодовъ. Ужасный историческій голодъ 1601 года, въ царствованіе Бориса Годунова въ первый разъ вызвалъ правильно организованную помощь голодающимъ. Исторія подробно описываетъ это страшное бѣдствіе, когда люди умирали отъ голода на улицахъ, ѣли человѣческое мясо, которое продавалось на рынкахъ, какъ говядина. Въ одной Москвѣ погибло отъ голода болѣе 5,000 человекъ. Четверть ржи стоила болѣе 20 руб. на наши деньги. Всѣ палативныя мѣры, какъ пожертвованія деньгами, не привели ни къ чему. Деньги не давали хлѣба. Тогда Годуновъ открылъ для народа всѣ хлѣбныя запасы государства, передвинулъ къ Москвѣ изъ окраинъ находившіеся тамъ хлѣбныя запасы и учредилъ общественныя работы. Эти мѣры положили конецъ голоду. Въ послѣдующія царствованія никакихъ мѣръ противъ голодовокъ не принималось, за исключеніемъ лишь обыкновенной помощи голодающимъ. Въ царствованіе императрицы Елисаветы, князь Трубецкой и Шуваловъ составили проектъ общегосударственныхъ хлѣбныхъ запасовъ, правильнаго подвоза хлѣба и организациі общественныхъ работъ на случай голода. Но проектъ этотъ не осуществился. Также не осуществилась и мысль императрицы Екатерины II—устроить хлѣбныя магазины въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ царствованіе Александра I мысль эта получила, наконецъ, практическое осуществленіе. Послѣ голода 1822 г. въ Россіи начали устраивать общественныя хлѣбныя магазины и было положено начало учреженію продовольственнаго капитала. Свой историческій обзоръ г. Бородинъ закончилъ сопоставленіемъ тѣхъ противоголодныхъ мѣръ, которыя примѣнялись во Франціи и Ирландіи въ 1846 г., т. е. сравнительно недавно, и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Въ заключеніе г. Бородинъ представилъ рядъ слѣдующихъ положеній для предупрежденія послѣдствій и даже самой возможности голодовокъ: Организациія общегосударственнаго страхованія отъ неурожая. Учрежденіе центральныхъ государственныхъ хлѣбныхъ складовъ. Организациія общественныхъ работъ въ неурожайные годы. Устройство правильнаго и скорого подвоза хлѣба въ нуждающіяся мѣстности, и упорядоченіе вообще дѣла сельскаго хозяйства, какъ главнѣйшее средство и противъ неурожая, и противъ послѣдствій неурожая—голодовокъ.

Археологическое общество. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія, подъ предѣлательствомъ барона В. Р. Розена, былъ выслушанъ докладъ В. А. Жуковского «Объ избіеніи бабидовъ въ Ездѣ», основанный на полученномъ нашимъ ориенталистомъ изъ Персіи письмѣ, которое и будетъ напечатано въ ближай-

шемъ выпускѣ «Записокъ Восточнаго Отдѣленія». Какъ извѣстно, бабиды—религіозно-политическая секта, основатель которой Бабъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, положилъ начало этому движенію. Возникши несомнѣнно подъ христіанскими вліяніями, это движеніе, проникнутое высоко-нравственными началами, подрываетъ основы правовѣрнаго мусульманства. Во время послѣдняго рамазана, въ городѣ Ездѣ, гдѣ постъ губернатора занимаетъ внукъ шаха Джемаледдуэ, сынъ извѣстнаго испанскаго генералъ-губернатора, объявившаго себя, вопреки волѣ отца, претендентомъ послѣ его смерти на персидскій престолъ, два бабида только за то, что пришли въ мечеть, были схвачены и вмѣстѣ съ пятью другими, обвиненными въ принадлежности къ бабизму, заключены въ крѣпость. Отказавшись отречься отъ бабизма передъ судомъ улемовъ, всѣ семеро обвиненныхъ были приговорены къ смерти. Въ исполненіе этого приговора, губернаторъ города Езда далъ приказъ убить осужденныхъ бабидовъ. Въ присутствіи самого принца на перваго изъ бабидовъ накинули петлю и отдали его евреямъ, которые потащили его на базаръ; прочихъ вывели изъ крѣпости съ музыкой и барабаннымъ боемъ, въ сопровожденіи громадной толпы правовѣрныхъ, стремившихся присоединиться къ процессіи, чтобы получить вознагражденіе за доброе дѣло. Бабидовъ протыкали ковыями, рубили имъ головы, чтобы затѣмъ ихъ разстрѣливать, трупы ихъ забросали камнями и потомъ ихъ сжигали, и, сдѣлавъ это, толпа испросила у правительства разрѣшеніе въ честь такого торжества надъ отступниками мусульманства устроить пятидневную иллюминацію; но празднество это сопровождалось такими безчинствами, что черезъ два дня было приостановлено. Какъ разъясняетъ докладчикъ, отношенія къ бабидамъ обостряются тѣмъ, что персидскія власти облыжно объявляютъ бабидами и тѣхъ чтимыхъ народомъ потомковъ пророка—сеидовъ, которые подлежатъ обвиненіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь. Докладъ В. В. Бартольда «О пизанцѣ Исолѣ» былъ прочитанъ Н. И. Веселовскимъ, по отзыву котораго этотъ молодой оріенталистъ, только окончившій курсъ на восточномъ факультетѣ и въ настоящее время продолжающій свои занятія за границей, обратилъ на себя серьезное вниманіе уже студенческими своими работами. Въ ближайшемъ VII томѣ «Трудовъ» восточнаго отдѣленія будетъ помѣщенъ трудъ г. Бартольда, представляющій сводъ всѣхъ извѣстныхъ арабскихъ писателей о христіанствѣ въ Средней Азій. Относительно пизанца Исола, занимавшаго важный постъ при дворѣ монгольскаго императора въ концѣ XIII вѣка, г. Бартольдъ сдѣлалъ цѣнныя въ научномъ отношеніи сопоставленія китайскихъ и западныхъ источниковъ. Докладъ о. А. Виноградова, издающаго въ настоящее время большой трудъ по исторіи библии въ Китаѣ былъ посвященъ ереси китайскаго императора Юнь-Дженъ. Въ томъ же засѣданіи С. Θ. Ольденбургъ прочиталъ некрологъ недавно скончавшагося нашего молодого оріенталиста Е. Ф. Каля, успѣвшаго за время пятилѣтней службы въ Ташкентѣ обратить на себя вниманіе своими работами по изученію мѣстныхъ нарѣчій и древностей. Въ засѣданіи классическаго отдѣленія, подъ предѣлательствомъ Н. И. Стояновскаго, сдѣлано было сообщеніе А. К. Марковымъ «о греческихъ медальерахъ» и А. Н. Щукаревымъ «о микенской культурѣ и гомеровскомъ вопросѣ». А. К. Марковъ въ своемъ докладѣ указалъ на художественное значеніе изображеній въ монетахъ. Художественнаго совершенства въ этихъ изображеніяхъ достигли въ концѣ V вѣка до Р. Х. медальеры греческихъ колоній въ Сициліи и Южной Италіи (Великой Греціи); знаменитѣйшіе изъ нихъ въ Сиракузахъ Киманъ и Эвенетъ и въ Регіумѣ—Ипократь. Какъ сообщилъ А. Н. Щукаревъ, найденные въ Микенахъ, Родосѣ и Файюмѣ памятники микенской культуры, вмѣстѣ съ картушами фараоновъ XVIII династіи, даютъ основаніе опредѣлять время процвѣтанія этой культуры періодомъ отъ XVI до XIII вѣка до Р. Х. Между тѣмъ детальное знаком-

ство съ этой культурой сказывается въ гомеровскихъ поэмахъ, возникновеніе жоторыхъ относится къ IX—VII вв. до Р. Х., согласно съ чѣмъ допускается предположеніе, что поэты, участвовавшіе въ развитіи этого эпоса, весьма близко передавали преданія, которыя задолго до нихъ возникли и передавались рапсодами изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ перемѣнъ.

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ засѣданіи ректоръ Новороссійскаго университета И. Ст. Некрасовъ сдѣлалъ сообщеніе о нѣкоторыхъ областяхъ нашей древней литературы, которыя не были еще изучены надлежащимъ образомъ. Съ особенною обстоятельностью референтъ остановился на разборѣ состава и значенія того рода литературныхъ памятниковъ, который носитъ названіе лечебниковъ. Лечебники у насъ были переводные съ польскаго или нѣмецкаго, съ значительнымъ иногда вліяніемъ итальянскаго языка. Содержаніе ихъ гораздо шире и разнообразнѣе, нежели это полагаютъ; авторитетъ, который придавался имъ, основывался на источникахъ первостепенной важности: лечебники или цѣлебники, какъ говорится въ заглавіяхъ ихъ, выбраны изъ книгъ ветхаго и новаго завіта и изъ русскихъ, эллинскихъ и сербскихъ лѣтописцевъ. Сначала слѣдуютъ главы о дняхъ творенія съ замѣтными вліяніями другихъ родовъ литературы, напримѣръ, хронографа, физиолога и пр., затѣмъ идутъ главы о сельско-хозяйственныхъ предметахъ, о поваренномъ искусствѣ, понятія о времени, предсказанія о погодѣ и наставленія, какъ держать себя въ обществѣ и въ отношеніи къ женѣ. Но особенное мѣсто занимаютъ медицина и повѣрья при леченіи. Такъ, куніяца помогаетъ при болѣзни глазъ, печенка свиньи—при ядовитыхъ укушеніяхъ, змѣиная кожа извлекаетъ вошедшее въ тѣло желѣзо. Камни, металлы и травы, какъ средства леченія, находятъ себѣ также обширное примѣненіе. Переходя затѣмъ къ повѣрьямъ и разнымъ обычаямъ, напримѣръ, свадебнымъ, докладчикъ указалъ на старопечатныя книги, какъ на новый источникъ при изученіи этого вопроса, и для образца привелъ выдержки изъ «Московскаго Апостола» 1646 г. и изъ «Тверскихъ епархіальныхъ вѣдомостей за 1865 годъ». Вторая половина доклада была посвящена разбору классификаціи русской народной поэзіи и отысканію главныхъ признаковъ дѣленія этого рода народнаго творчества. Всплѣвъ за Рыбниковымъ, Гильфердингомъ и Потемблею референтъ также находилъ, что наплѣвъ и размѣръ пѣсенъ должны считаться существеннымъ основаніемъ классификаціи, и въ заключеніе указываетъ на необходимость собранія и критическаго изданія произведеній былевой словесности.

† 8-го октября одинъ изъ весьма полезныхъ общественныхъ дѣятелей, Аполлонъ Ивановичъ Граве. Онъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ Тамбовской губерніи и всю свою долгую жизнь (умеръ 71 года) посвящалъ улучшенію быта мѣстныхъ крестьянъ, пользуясь среди нихъ большимъ авторитетомъ и уваженіемъ. Главная заботливость его была обращена на развитіе народнаго образованія. Лично имъ и преимущественно на его средства учреждено въ губерніи до ста народныхъ школъ. На устройство тамбовской губернской гимназіи онъ, въ качествѣ попечителя ея, израсходовалъ до 35 тыс. рублей своихъ денегъ, за что помѣщенъ его портретъ въ актовомъ залѣ гимназіи. Точно также устроена была имъ гимназія въ родномъ небольшомъ городкѣ Елатъмѣ. Со дня открытія мировыхъ судебныхъ учреждений Граве былъ почетнымъ мировымъ судьей.

† 10-го октября военный инженеръ генералъ-лейтенантъ Ариадій Захаревичъ Теляковскій, извѣстный какъ авторъ перваго полнаго курса фортификаціи на русскомъ языкѣ и какъ одинъ изъ лучшихъ теоретиковъ этой отрасли военныхъ наукъ. «Государство, которое имѣетъ такихъ практиковъ фортификаціи, какъ Тотлебенъ, и такихъ теоретиковъ, какъ Теляковскій, можетъ быть спокойно за свою сохранность»—вотъ отзывъ прусскихъ военныхъ писателей. А. З. происходилъ изъ дворянъ Ярославской губ., родился въ

1806 г., образованіе получилъ въ главномъ инженерномъ училищѣ. За отличные успѣхи въ наукахъ имя его записано на мраморную доску. По окончаніи курса онъ былъ произведенъ въ прапорщики. Во время русско-турецкой войны 1828 г. назначенъ адъютантомъ къ генералу Дену. При осадѣ Браилова молодому офицеру пришлось впервые проявить свои инженерныя знанія и удалось съ успѣхомъ исполнить выпавшую на его долю задачу. Съ 1831—35 годъ занималъ должность адъютанта директора строительнаго департамента по морской части, въ 1836 году прикомандированъ къ штабу главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній. Съ этого времени начинается его преподавательская дѣятельность, продолжавшаяся до 1862 г. А. З. читалъ лекціи по фортификаціи въ Пажескомъ корпусѣ, въ школахъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ Павловскомъ и 2-хъ кадетскихъ корпусахъ. Большинство нынѣшнихъ заслуженныхъ офицеровъ и генераловъ обязано покойному своими знаніями фортификаціи. Въ это же время онъ написалъ курсы полевой и «долговременной» фортификаціи, переведенные на французскій, нѣмецкій и шведскій языки. Фортификація Теляковского выдержала четыре изданія и была въ свое время незамѣнимой. Въ 1863 г. онъ назначенъ членомъ технического комитета главнаго инженернаго управленія, а черезъ два года зачисленъ въ запасныя войска.

† 18-го октября, въ Берлинѣ, изслѣдователь крестьянской жизни и сельской общины, Владимір Григорьевичъ Трироговъ, 57 лѣтъ. Онъ былъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ. Ученую извѣстность получилъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ многочисленными статьями по податному и общинному вопросамъ, о податной душѣ, о значеніи сельской общины въ народномъ хозяйствѣ и т. п. Статьи эти помѣщались въ повременныхъ изданіяхъ. Въ 1882 г. изслѣдованія Трирогова были собраны въ одну книгу, выпущены въ свѣтъ подъ названіемъ «Община и подать» и вызвали сочувственные отзывы періодической печати, какъ видный вкладъ въ нашу литературу о свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ мірскихъ порядковъ. Изслѣдованія эти основаны на непосредственномъ знаніи народной жизни авторомъ. До перехода въ Петербургъ онъ служилъ, между прочимъ, по крестьянскимъ учрежденіямъ Саратовской губерніи, къ числу землевладѣльцевъ которой принадлежалъ. Скончался В. Г. отъ изурительной болѣзни, которую давно уже страдалъ и отъ которой предпринялъ заграничное леченіе.

† Въ деревнѣ Керки, на Аму-Дарьѣ, близъ границы Афганистана, отъ аму-дарьинской лихорадки одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и талантливыхъ изслѣдователей Средней Азии Е. Ф. Каль, едва 30 лѣтъ. Окончивъ съ золотомъ медалью курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, по факультету восточныхъ языковъ и отбывъ воинскую повинность Е. Ф. поступилъ на службу, на должность младшаго чиновника особыхъ порученій при туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ. Онъ былъ единственный въ этомъ краѣ лингвистъ, поставившій себѣ цѣлью изученіе древностей Средней Азии и языка тѣхъ горныхъ народовъ, которые представляютъ собою остатки аборигеновъ Средней Азии. Въ числѣ ихъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаютъ ягноубцы, несомнѣнно родственные древнимъ персамъ и нынѣшнимъ таджикамъ. Е. Ф. Каль собралъ богатый матеріалъ по изслѣдованію ихъ языка; ему поручены были также изысканія и раскопки въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ, на бывшемъ мѣстѣ жительства несторіанъ уйгуровъ.

† Въ Москвѣ, въ глубокой старости Ирина Семеновна Кони, вдова драматурга, издателя журнала «Пантеонъ» и мать сенатора А. О. Кони. Это была одна изъ даровитыхъ русскихъ женщинъ, полезная и умная артистка и писательница, повѣсти которой имѣли заслуженный успѣхъ. Въ дѣвчествѣ Юрѣва, она родилась въ январѣ 1811 г. въ Москвѣ и получила воспитаніе весьма недурное для того времени, въ одномъ изъ мѣстныхъ пансіо-

новѣ. Съ молодыхъ лѣтъ она почувствовала влеченіе къ театру и въ тридцатыхъ годахъ поступила на сцену, которую не покидала, даже въ преклонныхъ лѣтахъ, играя то въ Петербургѣ и въ Москвѣ, то въ провинціи на любительскихъ спектакляхъ. Особенно хороша она была въ роляхъ комическихъ старухъ и, можно сказать, создала нѣкоторые роли, какъ городничихи въ «Ревиворѣ» и свахи въ «Женитбѣ». Играла она на петербургской сценѣ подъ именемъ Сандуновой (это была фамилія ея перваго мужа). Въ литературѣ она дебютировала книгою «Повѣсти дѣвницы Юрьевой», вышедшей въ 1837 г. затѣмъ участвовала въ «Литературной Газетѣ» Краевского, въ «Пантеонѣ», «Сынѣ Отечества» Фурмана, «Сѣверномъ Цвѣткѣ» и проч. Ея перу принадлежатъ повѣсти и рассказы: «Идеалъ жены», «Сапожный снарядъ», «Цѣлковый», «Соля и доля», «Пуля—дура», «Цыганка», «Купеческая дочь», «Морская пѣна» и мн. друг. Кромѣ того, она написала нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ «Порывъ и страсть или два женскихъ сердца», драма въ 2-хъ дѣйствіяхъ, шла въ ея бенефисъ въ 1850 г. и имѣла успѣхъ, особенно благодаря игрѣ Жулевой. Послѣднимъ произведеніемъ И. С. Кони была повѣсть, напечатанная въ 60-хъ годахъ въ журналѣ доктора Хана «Самообразование». Она была немного и музыкантша и оставила нѣсколько пьесъ салоннаго характера.

† **Фома Матвѣевичъ Августиновичъ**, принадлежавшій къ числу первыхъ изслѣдователей климатическихъ и почвенныхъ особенностей острова Сахалина и Якутской области. Собранныя имъ во время путешествій коллекціи растеній изъ 40,000 экземпляровъ представляетъ одну изъ замѣчательныхъ коллекцій Ботаническаго сада. Отчеты о своихъ путешествіяхъ Августиновичъ помѣщалъ въ 70-хъ годахъ въ «Голосѣ». Покойный по происхожденію вольный крестьянинъ Сѣверо Западнаго края, родился въ 1809 г., учился сперва къ свислоцкой гимназій, затѣмъ въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1835 г. съ серебряною медалью лекаремъ. Съ 1835 г. по 1842 г. онъ служилъ врачомъ въ Брянскомъ егерскомъ полку и въ 7-й артилерійской бригадѣ, въ концѣ 1868 года—врачебнымъ инспекторомъ Пермской губерніи. **Ф. М.**, живя долгое время въ Малороссіи, изслѣдовалъ мѣстный способъ леченія водобоязни у человѣка и вмѣстѣ съ докторомъ Грабовскимъ составилъ наставленіе волостнымъ фельдшерамъ о помощи укушеннымъ бѣшенными собаками и заразившимся сибирскою язвою. Любимымъ занятіемъ покойнаго было наблюденіе явленій природы и ихъ изученіе. Онъ особенно интересовался врачебными свойствами дикорастущихъ растеній.

† Намѣстникъ Троицкой Сергіевой лавры архимандритъ **Леонидъ**, 22-го октября. Въ лицѣ его огромную утрату понесла не только церковь наша, но и русская наука, потерявшая въ немъ одного изъ усерднѣйшихъ изслѣдователей русской старины. Отличавшійся глубокою ученостью, архимандритъ **Леонидъ**, по его собственному признанію, еще съ молодыхъ лѣтъ почувствовалъ любовь къ занятіямъ отечественной исторіей и археологіей, и имъ посвятилъ всю свою труженническую жизнь. Онъ обогатилъ русскую науку изданіемъ цѣлаго ряда цѣнныхъ историческихъ актовъ, относящихся главнымъ образомъ къ петровскому времени. Масса самостоятельныхъ его изслѣдованій по русской и славянской исторіи, по церковной исторіи, по этнографіи, археологіи, генеалогіи, множество біографій, критическихъ статей и замѣтокъ разбѣяно по разнымъ изданіямъ, какъ спеціальнымъ, ученымъ, такъ и общелитературнымъ, начиная съ средины сороковыхъ годовъ. Онъ участвовалъ этими разнообразными трудами въ «Иллюстраціи» Кукольника, въ «Финскомъ Вѣстникѣ», «Литературной Газетѣ», «Москвитянинѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Чтеніяхъ Общ. Исторія и Древностей» и пр. Накоонецъ, и духовная литература обязана **Леониду** изданіемъ матеріаловъ для исторіи духовнаго краснорѣчія въ Россіи и памятниковъ стариннаго

витійства церковнаго. Покойный былъ глубокимъ знатокомъ своего предмета и не боялся труда, какъ бы онъ кропотливъ и неблагодаренъ ни былъ. Отдыха онъ не зналъ и излюбленному труду посвящалъ все время, оставшееся у него отъ занятій, сопряженныхъ съ управленіемъ вѣрною ему части. Архимандритъ Леонидъ, въ мірѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, давшаго нѣсколько выдающихся дѣятелей, въ томъ числѣ и извѣстнаго писателя Константина Дмитриевича Кавелина, и родился въ 1822 году. Воспитаніе получилъ онъ въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, съ 1835 по 1840 годъ, и служилъ 12 лѣтъ въ гвардіи. Въ 1852 г. постригся въ монашество въ Оптиной пустыни, гдѣ и былъ нѣсколько времени настоятелемъ. Затѣмъ провель много лѣтъ въ Иерусалимѣ, сперва въ свѣтѣ епископа Кирилла, потомъ въ качествѣ настоятеля при русской миссіи, послѣ чего назначенъ былъ настоятелемъ посольской церкви нашей въ Константинополѣ, за тѣмъ настоятелемъ Воскресенскаго монастыря «Новаго Иерусалима», а въ 1877 г., по кончинѣ Антонія, занялъ его мѣсто въ Троице-Сергіевской лаврѣ, какъ наместникъ ея.

† Въ Москвѣ, 23-го октября Алексѣй Алексѣевичъ Гатцугъ, основатель самаго популярнаго изъ дешевыхъ календарей «Крестнаго Календаря». Онъ родился 2-го октября 1832 г. въ Одессѣ, одиннадцати лѣтъ поступилъ во 2-ю московскую гимназію и по окончаніи курса обучался въ московскомъ университетѣ съ 1853 по 1857 г., откуда выпущенъ кандидатомъ историко-филологическаго факультета. Черезъ два года онъ получилъ каеедру русской словесности въ Ришельевскомъ лицей, гдѣ читалъ этотъ предметъ съ 1859 по 1861 г., когда слухи о преобразованіи лицея въ университетъ заставили его перебраться въ Москву. Въ немъ давно уже билась публицистическая жилка, и онъ по переѣздѣ въ столицу весь отдался литературно-журнальной дѣятельности, которую началъ въ Одессѣ, въ «Одескомъ Вѣстникѣ», и въ еврейскихъ органахъ «Сіонѣ» и «Разсвѣтѣ». Онъ, между прочимъ, напечаталъ въ «Сіонѣ» статью «Евреи въ русской исторіи и поэзіи», посвященную развитію народно-литературныхъ идей на Руси относительно евреевъ, которою обратилъ на себя вниманіе. Затѣмъ онъ сталъ сотрудничать въ «Основѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Голосѣ» и другихъ изданіяхъ и, будучи украинофиломъ, написалъ нѣсколько статей о малороссійской литературѣ, о языкѣ малороссіяня, занимался также археологіей и исторіей и принималъ участіе въ археологическихъ раскопкахъ въ окрестностяхъ Москвы. Между прочимъ, онъ издалъ двѣ популярныя книжки: «Старина русской земли» и «Николай Коперникъ, основатель новой астрономіи», которыя выдержали нѣсколько изданій и одобрены ученымъ комитетомъ мин. нар. проsv. Въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» и «Трудахъ московск. археологическаго Общества» онъ помѣстилъ любопытныя статьи: «О курганахъ, господствующихъ въ Московск. губ.» и «Исслѣдованіе кургановъ Московск. губ. въ 1863 и 1864 гг.», изъ которыхъ послѣднее вышло и отдѣльно. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ числѣ другихъ статей, у него были помѣщены «Очерки книгопечатнаго дѣла въ Россіи», а въ «Русскомъ Архивѣ» замѣтки объ указѣ царя Алексѣя Михайловича касательно нѣмцевъ, о древнихъ вещахъ изъ чертковскаго собранія и проч. Въ 1865 г. онъ началъ издавать «Крестный Календарь», первый дешевый иллюстрированный календарь въ Россіи, имѣвшій, особенно въ первыя 10 лѣтъ, необычайный успѣхъ и расходящійся въ ста тысячахъ экз. Съ 1875 г. началось его изданіе «Газета Гатцуга», въ которой онъ возставалъ противъ еврейской эксплуатаціи и еврейскаго хищничества вообще. Это обстоятельство и другія поссорили его съ покойнымъ М. Н. Катковымъ, съ которымъ раньше того онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ: ссора и послѣдовавшая затѣмъ горячая полемика Гатцуга съ Катковымъ дурно отра-

зились на «Газетѣ Гатцуга», ему вскорѣ окончательно не повезло: онъ продалъ свою обширную типографію, а затѣмъ и «Газету», и въ послѣднее время кое-какъ перебывался крохами, уцѣлѣвшими отъ его прежняго недурнаго состоянія.

† 26-го октября, въ Москвѣ поэтъ, сотрудникъ всевозможныхъ журналовъ, иллюстрированныхъ и другихъ изданій Илюдоръ Ивановичъ Пальминъ, талантливый юмористическій стихотворецъ, болѣе тридцати лѣтъ работавшій въ литературѣ. Происходя изъ стариннаго рода дворянъ Ярославской губ., онъ родился 15-го іюля 1841 года и по смерти отца, за его заслуги, какъ бывшаго члена комитета о раненыхъ, былъ помѣщенъ казеннокоштнымъ пансіонеромъ въ 3-ю петербургскую гимназію. По окончаніи курса съ большимъ успѣхомъ, онъ поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго университета, но долженъ былъ вскорѣ выйти изъ него по случаю его закрытія въ 1863 г. Разстроенныя обстоятельства старухи-матери заставили его искать средствъ къ жизни въ литературѣ, къ которой онъ чувствовалъ склонность съ дѣтскихъ лѣтъ, наследовавъ любовь къ поэзіи отъ отца, который также писалъ и печаталъ стихи въ журналахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Первые стихотворные опыты Пальмина появились въ «Вѣнкѣ» П. И. Вейнберга и «Библиотекѣ для чтенія» А. Ф. Писемскаго. Вскорѣ онъ вошелъ въ кружокъ сотрудниковъ «Искры» В. С. Курочкина и сдѣлался самымъ усерднымъ ея сотрудникомъ, работая въ ней почти до самаго ея прекращенія. Курочкинъ принималъ въ молодомъ поэтѣ большое участіе, окончательно склонилъ его къ литературной дѣятельности и вообще, И. И., по его собственному признанію, былъ обязанъ Курочкину многимъ: добрымъ руководствомъ, совѣтами и глубокимъ нравственнымъ вліяніемъ. Съ 1869 г. И. И. поселился въ Москвѣ и сдѣлался сотрудникомъ почти всѣхъ изданій, въ ней выходившихъ, начиная отъ серьезныхъ и кончая мелкими листками, въ то же время не оставляя сотрудничества и въ петербургскихъ изданіяхъ. Пальминъ участвовалъ: въ «Дѣлѣ» (Дурново), «Женскомъ Вѣстникѣ», «Литературной Библиотекѣ» (Богусевича), «Наблюдателѣ», «Русской Мысли», «Русской Сценѣ» (Михно) «Будильникѣ», «Занозѣ», «Стрекозѣ», «Осколкахъ», «Всемирной Иллюстраціи» и проч. Трудно перечислить изданія, въ которыхъ онъ работалъ, какъ подъ своимъ именемъ, такъ и подъ безчисленными псевдонимами: Трефоваго короля, Маралы Герихонскаго, гр. Калиостро, графа Мемента-Мори и друг. Ни одинъ изъ юмористическихъ журналовъ и листовъ нашихъ не обходился безъ участія И. И. Плодовитость его была изумительная, но она нисколько не вредила достоинству произведеній И. И., превосходно владѣвшаго формой и носившаго всегда въ сердцѣ огонекъ поэзіи, который чувствовался даже въ самомъ мелкомъ произведеніи его. И. И. очень любилъ Гейне, до нѣкоторой степени воспитался на его идеяхъ, и оттого-то въ стихахъ И. И. всегда болѣе или менѣе звучала гейневская нота. И. И. Пальминъ весьма недурно переводилъ Мицкевича, Сырокомлю и другихъ польскихъ поэтовъ, также удачно передѣлывалъ на русскій ладъ юмористическіе романы нѣмецкаго карикатуриста и поэта Буша. Стихотворенія И. И. выходили и отдѣльными изданіями, подъ заглавіями: «Сны на яву», «Цвѣты и змѣи», а «Полное собраніе» его стихотвореній издано редакціей журнала «Русская Мысль». И. И. умеръ 50 лѣтъ. Въ его лицѣ литература наша и бѣдная дарованіями отечественная поэзія понесла потерю чувствительную. Добраго характера, тихій, скромный, не заносчивый, И. И. Пальминъ внушалъ къ себѣ невольную симпатію всѣхъ, сколько-нибудь его знавшихъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ воспоминаніямъ Н. И. Иванова.

Въ ноябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщено продолженіе «Воспоминаній театральнаго антрепренера» г. Н. И. Иванова.

Въ «Воспоминаніяхъ» этихъ допущены нѣкоторыя неточности относительно тверскаго театра и столкновенія автора съ тверскимъ губернаторомъ Бакунинымъ, неточности происшедшія безъ сомнѣнія, вслѣдствіе «печатающей съ лѣтами памяти», какъ указываетъ и самъ г. Ивановъ.

Мнѣ пришлось прожить постоянно въ Твери съ 1845 по 1869 г.; очень хорошо помню и тверскую жизнь, и тверское общество, за то время, котораго касается г. Ивановъ, помню и его самого.

Неточности заключаются въ слѣдующемъ:

Говоря о закрытіи тверскаго театра по случаю кончины государя императора Николая Павловича, слѣдовательно въ февралѣ 1855 года, г. Ивановъ упоминаетъ объ услугѣ, оказанной ему полиціймейстеромъ Д—льномъ. Я не увѣренъ, что въ это время существовалъ еще постоянный театръ въ Твери, но во всякомъ случаѣ положительно могу сказать, что полиціймейстера Д—льна въ Твери, не было. При губернаторѣ Бакунинѣ были три полиціймейстера: Дамичъ, Астромовъ и майоръ Колзаковъ; послѣдній былъ какъ разъ въ то время, котораго касается г. Ивановъ.

Въ другомъ мѣстѣ, говоря о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ слѣдующимъ лѣтомъ, т. е. въ 1855 году, при открытіи представленій въ Вышневолоцкомъ театрѣ, г. Ивановъ подробно описываетъ свое столкновеніе по этому предмету съ губернаторомъ Бакунинымъ, жалобу на послѣдняго министру внутреннихъ дѣлъ Бибикову, распоряженіе министра объ открытіи Вышневолоцкаго театра, съ возложеніемъ на Бакунина всѣхъ понесенныхъ г. Ивановымъ убытковъ и немедленную отставку губернатора за допущенныя въ отношеніи къ автору пристрастныя дѣйствія. О возложеніи на Бакунина убытковъ мнѣ слышать тогда не пришлось, хотя, нѣтъ сомнѣнія, такой казусъ, да еще при отставкѣ губернатора, получилъ бы гласность въ обществѣ небольшого губернскаго города. Что же касается до самой отставки, то все о томъ сказанное положительно невѣрно. Бакунинъ оставался губернаторомъ не только въ 1855 г., но и въ 1856 году, во время коронаціи получилъ чинъ тайнаго совѣтника и вышелъ въ отставку осевию 1857 года когда министромъ былъ уже Дявской.

Николай Рубцовъ,

Виленскій городской голова.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1891 г.¹⁾

А.

Али-паша, великій визирь, т. XLIII, 398, 401, 409.

Абаза, К. К. *Библиографическая заметка* о соч. его: Казаки. Донцы. Уральцы. Кубайцы. Терцы. Очерки изъ истории староказацкаго быта. Т. XLIV, 495, 496.

Аблесимовъ, драмат. писатель, т. XLV, 441.

Августиновичъ, Оома Матв., врачъ, изслѣдователь Сахалина и Якутской области. *Некрологъ* его. Т. XLVI, 861.

Авейро, Хозе Маскареньясъ, португальскій герцогъ, т. XLV, 173, 174, 176, 460—467, 470—476.

Аверкиевъ, Д. В., писатель. *Библиографическая заметка* о переводѣ его: Разговоры Гете, собраніе Эккерманомъ. Часть первая, т. XLIII, 861—864; часть вторая, т. XLVI, 502—504.

Авксентьевъ, Константинъ, посолъ въ Константинополь, т. XLV, 23, 304.

Авраамъ (Шумилинъ), ярославскій епископъ, т. XLVI, 772.

Аврамовъ, московскій подъячій въ Константинополь, т. XLV, 304.

Агреньевъ (Славянскій), Дм. Александр., русскій пѣвецъ, т. XLVI, 603, 604.

Адашевъ, Оедоръ Григ., столярникъ, русскій предствитель въ Константинополь, т. XLV, 25, 304.

Адриановъ, С. А. *Библиографическія заметки* его: В. Васильевскій, Обзорніе трудовъ по Византійской исторіи. Вы-

пускъ I. Т. XLIII, 246—248. Исторія арианства на латинскомъ западѣ (353—430). Вячеслава Самуилова. Т. XLIII, 261, 262. Историческое Обзорніе. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ за 1890 годъ. Т. XLIV, 232—236. Красноярскій округъ Енисейской губерніи. Очеркъ Н. В. Латкина, члена Импер. Русскаго Географич. Общества. Т. XLIV, 489—491. Санскритскія поэмы соч. Калидасы. Сакунгала, Рагу-Венча и Мега-Дута. Перевелъ Н. Волоцкой. Т. XLIV, 500. Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Т. XLIV, 500. Исторія Сибири. Части I и II. Историческій очеркъ Сибири. Часть III. Сибирь въ царствованіе императрицы Екатерины II. Части I и II. Сибирь въ XIX вѣкѣ. Части I и II. Составилъ В. К. Андріевичъ. Т. XLV, 739—744. Опытъ систематическаго повторительнаго курса по Всеобщей и Русской исторіи. Учебникъ для учениковъ VIII класса гимназій. Выпуски I и II. Составилъ Евстаѣй Крыловъ. Т. XLV, 747, 748. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и одиѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ II. Составилъ В. И. Межовъ. Изд. И. М. Сибиряковъ. Т. XLVI, 816, 817. В. С. Карцовъ, и М. Н. Мазаевъ. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. Т. XLVI, 820, 821. Иркутскъ. Его мѣсто

¹⁾ Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и въ приложеніяхъ къ «Историческому Вѣстнику».

и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и издавший Иркутскимъ городскимъ головою В. П. Сукачевымъ. Т. XLVI, 827, 828. Вл. Боцяновскій. Публичная бібліотека въ Житомирѣ. По поводу ея 25-ти лѣтія. Т. XLVI, 828, 829.

Адрианъ, патриархъ московскій. *Библіографическая замѣтка*: Расходная книга Патриаршаго Приказа кушаньямъ, подававшимся патриарху Адриану и разнаго чина лицамъ съ сентября 1698 по августу 1699 г. Т. XLIV, 491—494.

Айвазовскій, Ив. Конст., профессоръ живописи морскихъ видовъ, т. XLVI, 455, 456.

Айтемировъ, гонецъ въ Крымъ, т. XLV, 34.

Аксаковы:

— Ив. Сер., писатель. *Письмо его о пропагандѣ православія въ Чехіи*. Т. XLV, 775—777. *Упомят.* т. XLVI, 723.

— Сергѣй Тимоѣв., писатель. *Библіографическій очеркъ* по поводу столѣтія со дня его рожденія. Т. XLV, 648—666.

Алабинъ, П. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Четыре войны. Часть II. Походныя записки въ 1853 и 1854 годахъ. Т. XLIV, 499.

Александра Федоровна (Шарлота, принцесса прусская), императрица, т. XLIII, 493; т. XLVI, 786, 787, 789.

— Александръ I Павловичъ, императоръ. *Замѣтка* объ изданной корреспонденціи его съ Наполеономъ I. Т. XLIV, 510—513. *Пребываніе его въ Оренбургскомъ краѣ* въ 1824 году. Т. XLV, 709—719. *Анекдотъ объ немъ*. Т. XLVI, 851, 852. *Упомят.* т. XLIII, 490, 491, 576; т. XLIV, 223, 224, 226—231, 470—873, 569, 572—593, 659, 669—671; т. XLV, 82, 88, 89, 157, 158, 285, 286, 288, 290, 634; т. XLVI, 788—790, 792, 793.

Александръ II Николаевичъ, императоръ. *Воспоминанія* объ немъ. Т. XLIII, 204—209. *Привѣтствіе* польскаго поэта Одынца по случаю изданія рескрипта 20 ноября 1857 г. Т. XLIV, 173—178. *Открытіе памятника* въ Одессѣ. Т. XLV, 520, 521. *Пребываніе* въ Оренбургскомъ краѣ въ 1837 году. Т. XLVI, 172—182. *Упомят.* т. XLIII, 112, 284, 285, 393, 399, 405, 695; т. XLV, 69; т. XLVI, 328, 704.

Александръ III Александровичъ, императоръ, т. XLIII, 147, 150—156, 158—160, 162, 165, 166, 171, 176—178, 180, 186—188, 191—198, 200—203.

Александръ VI (Боржіа), римскій папа. *Замѣтка* о его апартаментахъ. Т. XLV, 766, 767.

Александръ Казиміровичъ Ягеллонъ, вел. князь литовскій, а потомъ король польскій, т. XLV, 22, 23.

Алексѣевы:

— (Гостенковъ), Мих. Ив., дьякъ, посылъ въ Константинополь, т. XLV, 25, 304.

— Мих. Яков., комикъ ярославскаго театра, т. XLVI, 74—77.

— Никита, подъячій, гонецъ въ Константинополь, т. XLV, 305.

Аленсѣй Михайловичъ, царь московскій, т. XLIV, 154, 156—158, 162; т. XLV, 28.

Аленсѣинцевъ, копіистъ Сарваевской оберъ-конторы адмиралтейскаго вѣдомства, т. XLVI, 757, 758.

Али-Кули-Ханъ-Мухберъ-уд-Даула, персидскій министръ народнаго просвѣщенія, горныхъ дѣлъ, торговли и телеграфовъ, т. XLVI, 234.

Алябьевъ, московскій дьякъ въ Константинополь, т. XLV, 304.

Алфимовъ, А. А., композиторъ, т. XLV, 112.

фонъ-Альвенслебенъ, полковникъ, командиръ прусской гвардейской бригады. *Замѣтка* о пожалованіи ему русскаго ордена. Т. XLIII, 576.

Альтамиръ-и-Кревеа, Рафаэль, *Замѣтка* о его исторіи общиннаго владѣнія. Т. XLIII, 279, 280.

Амилохвари, князь, начальникъ Кавказской кавалерійской дивизіи, т. XLIII, 147.

Ангея, португальскій маркизь, т. XLV, 471, 472.

Андреевскій, Ив. Ефимов., тайн. сов., профессоръ, директоръ археологическаго института. *Некрологъ его*. Т. XLV, 238, 239.

Андреевы:

— Александръ, Никол., литераторъ и журналистъ. *Некрологъ его*. Т. XLIV, 278, 279.

— Вас. Никол., актеръ (Бурлакъ), т. XLVI, 343—345.

Андрѣевичъ, В. К. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Исторія Сибири. Части I и II. Историческій очеркъ Сибири. Часть III. Сибирь въ царствованіе Екатерины II. Части I и II. Сибирь въ XIX столѣтіи. Части I и II. Т. XLV, 739—744.

Анна Ивановна, русская императрица, т. XLV, 45; т. XLVI, 47—57, 60—63.

Анна Петровна, герцогиня голштинская, т. XLVI, 59, 422, 423.

Анненкова, урожд. Гебель, жена декабриста. *Замѣтка* о французскомъ переводѣ ея записокъ. Т. XLIII, 277.

Антоній, священникъ, вполѣд. іеромонахъ, т. XLVI, 420, 421.

Антонович, В. Б., кievскій профессоръ. *Замѣтка* о его археологическихъ открытіяхъ. Т. XLVI, 279, 280.

Антоновъ, Александръ Александровичъ, инспекторъ классовъ Петербургскаго Екатерининскаго института. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 898.

Анучинъ, Д. Г., профессоръ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе „О челоуѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“. Археолого-этнографическій этюдъ. Т. XLIV, 729—731.

Апраксинъ, гр. Ѡ, М., генераль-адмиралъ, эстляндскій генераль-губернаторъ, Т. XLV, 102.

Арачевъ, гр. Алексѣй Андреевъ, генераль-отъ-артиллеріи, военный министръ. т. XLIII, 496, 497; т. XLIV, 661, 666—671; т. XLVI, 791.

Ардашевъ, П. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря отъ начала столкновенія послѣдняго съ сенатомъ до его смерти. Т. XLV, 744—747.

Арнольдъ, генераль-отъ-артиллеріи, т. XLIII, 495.

Арсеньевы:

— Варвара, въ иночествѣ Варсонофія, т. XLVI, 434.

— С. В., археологъ, т. XLIII, 290.

Архаровъ, Ив. Петр., содержатель игорнаго дома, т. XLV, 116, 122.

А-сній, И. К. *Сообщилъ* александру о соч. его: Императоръ Александръ I. Т. XLVI, 851, 852.

Атугій, Херонимо де-Атанде, португальскій графъ, т. XLV, 176, 463, 466, 468, 470, 472.

Афанасьевъ, Георгій. *Замѣтка* о соч. его: Голодный договоръ. Т. XLIV, 514, 515.

Ахматова, Елизав. Никол., писательница, т. XLV, 331—333, 561—563, 571.

Афанасій (Кондоиди), епископъ вологодскій, т. XLVI, 740.

Б.

Багалъй, Д. И., профессоръ. *Библиографическая замѣтка* о его книгѣ: Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерній въ XVI—XVIII столѣтіяхъ. Томъ II. Т. XLVI, 259—261.

Багратиды, царственная династія Грузія, т. XLIII, 171.

Банунинъ, Александръ Павловичъ, тверской губернаторъ, т. XLVI, 325, 329—332.

Бантеевъ, поручикъ пограничной стражи, т. XLIII, 785.

Балуганскій, Мих. Андреевъ, профессоръ и ректоръ Петербургскаго университета, сенаторъ, статсъ-секретарь, т. XLV, 83, 84, 98.

Бальцеръ, профессоръ. *Замѣтка* объ ирѣльскаго книжкѣ издающагося подъ его редакціей „Kwartalnik'a“. Т. XLIV, 517, 518.

Барановскій, флигель-адъютантъ, ярославскій губернаторъ, т. XLVI, 78.

Барановъ, М. И. *Сообщилъ* разсказъ старой Станиславы: Бѣлогорскій панъ. Т. XLVI, 359—368.

Барантъ, баронъ. *Библиографическая замѣтка* о воспоминаніяхъ его. Т. XLIV, 249—251.

Барилей-де-Толли, кн. Мих. Богдановичъ, генераль-фельдмаршалъ, военный министръ, т. XLIV, 395—397, 405.

Баррасъ, членъ французской директоріи, т. XLV, 218, 219.

ль-Барри, фаворитка короля Людовика XV, т. XLIV, 450, 452, 453.

Барсовы:

— Алексѣй, преподаватель славяно-греко-латинской академіи, т. XLVI, 740, 741.

— Н. И., профессоръ. *Статья* его: Черты русской исторіи и быта эпохи императора Петра II. Т. XLVI, 409—439, 732—759. *Воспоминаніе* его объ И. А. Гончаровѣ. т. XLVI, 624—635. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Какъ училъ о крестномъ знаменіи все-російскій патриархъ Іоанъ. По поводу „бесѣды о перстосложеніи“ преосв. Никанора. Т. XLIII, 564, 565.

Барсуковы:

— Ив. П., дѣйств. членъ Импер. Общества исторіи и древностей русскіихъ и членъ-корреспондентъ Импер. Общества любителей древ. письменности. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, официальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ (Двѣ книги). Т. XLV, 484—486.

— Николай П. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга четвертая. Т. XLV, 192—194.

Бартольдъ, В. В., ориенталистъ, т. XLVI, 858.

Барщъ, Фридрихъ, духовникъ Сигизмунда III, т. XLVI, 647.

Басковъ, Ѳздовой, погібшій 17 октября 1888 г., т. XLIII, 198.

Батюшковы:

— Помпей Никол., дѣйств. тайн. совѣт., почетный опекунъ, т. XLIV, 179.

— Софья Никол., урожд. Кривцова. *Приютство* ей польскаго поэта Одннца. Т. XLIV, 179, 180. *Упомин.* Т. XLIV, 183.

— Конст. Никол., поэтъ. *Замѣтка* о портретахъ его. Т. XLIV, 773—776.

Бахметевъ, Никол. Ив., гофмейстеръ, директоръ придворной пѣвческой капеллы. *Некрологъ* его. Т. XLVI, 285.

Баширицева, Марья. *Замѣтка* о вышедшей во Франціи біографіи ея. Т. XLV, 506, 507.

Башуцій, генераль, комендантъ Зимняго дворца, т. XLIV, 622.

Баязидъ II, турецкій султанъ, т. XLV, 22—25.

Беггровъ, А. И., издатель художествъ произведеній, т. XLIII, 764, 772.

Бегичевъ, Иванъ, русскій представитель въ Константинополѣ, т. XLV, 304.

Безсоновъ, поручикъ Архаровскаго пол., т. XLV, 122.

Бенкеръ, К. Ф. *Библиографическая замѣтка* о его древней исторіи, обработанной Вильгельмомъ Мюллеромъ. Часть вторая. Т. XLIII, 856.

Бенкешовъ, Александръ Андреевъ, московскій главнокомандующій, т. XLV, 110.

Бельчиковскій, А., польскій писатель. *Замѣтка* о его статьяхъ. Т. XLV, 771, 772.

Бендеревъ, штабсъ-капитанъ болгарскаго генеральнаго штаба. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Военная географія и статистика Македоніи и соседнихъ съ нею областей Балканскаго полуострова. Т. XLIV, 244—246.

Беневискій, авантюристъ, т. XLIII, 463, 464.

Бенкендорфъ, гр. Александръ Христофоровъ, генераль-адъютантъ, шефъ жандармовъ, т. XLIV, 663.

Бернадоттъ, Жанъ-Батистъ-Жюль. См. Карлъ XIII.

Бернетъ, псевдонимъ поэта. См. Жуковскій, А. К.

Бессанъ. *Замѣтка* о соч. его: Великіе дни колдовства. Т. XLV, 216, 217.

Бестужевы-Рюмины:

— Аграфена. См. кн. Волконская.

— Декабристъ, т. XLIV, 614, 620.

— Дмитрій, стольникъ, т. XLV, 36, 305.

де-Беттонъ, маркизъ, посолъ французскаго короля въ Москву, т. XLIV, 164.

Бибииковъ, Дм. Гавр., генераль-отъ-ин-

фантерин, министръ внутр. дѣлъ, т. XLVI, 331.

фонъ-Биронъ, Іоаннъ-Эристъ, герцогъ курляндскій и семигальскій, правитель и регентъ Россіи. *Замѣтка* о скелѣхъ съ его останками. Т. XLVI, 284. *Упомин.* Т. XLVI, 49, 51—53, 62, 63.

фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузенъ, Отто, прусскій государственный челоувѣкъ. *Замѣтка*: Князь Бисмаркъ и принцъ Наполеонъ въ 1866 году. Т. XLIV, 501—503. *Библиографическая замѣтка* о соч. Ренненкампа: Конституціонныя начала и политическія воззрѣнія князя Бисмарка. Т. XLIV, 236—240. *Упомин.* т. XLIII, 672, 673, 677, 699, 700, 702—704; т. XLIV, 644.

Битяговскіе:

— Данила, обвинен. въ убійствѣ царев. Дмитрія, т. XLIV, 311, 312, 318—320.

— Михайло, правитель земскихъ дѣлъ въ Угльчѣ, т. XLIV, 309, 312,

Блаватская, Елена Петр., путешественница и писательница (Рада-Бай). *Некрологъ* ея. Т. XLIV, 771, 772.

Благовъ, Борисъ, русскій представитель въ Константинополѣ, т. XLV, 304.

Бланшъ, арендаторъ игорнаго пригона въ Монте-Карло, т. XLVI, 474—482.

Блашфельдъ, Е. Г. и Е. У. *Этюды ижъ*: Парнятъ трехъ мушкетеровъ. Т. XLVI, 200—222.

Блудова, гр. Антонина Дмитр., камеръ-фрейлина. *Некрологъ* ея. Т. XLIV, 770.

Блюмфельдъ, лордъ, т. XLIII, 673.

Богдановскій, Е. И., хирургъ, профессоръ медико-хирургической академіи, т. XLIII, 39.

Богдановъ, Петръ Ив., магистръ, т. XLV, 109.

Богомолевскій, Іоакимъ, учитель св. Дмитрія Ростовскаго, т., XLVI, 741.

Болдаковъ, И. М., бібліотекаръ Императорской Публичной Библіотеки. *Обозрѣніе* изданнаго подъ его редакціей собранія сочиненій Лермонтова. Т. XLVI, 132—135.

Боннефуа, Бертранъ, французскій капитанъ, прѣѣзжавшій въ Москву, т. XLIV, 153, 154.

Борисовы:

— Андрей, декабристъ, т. XLV, 220, 222—227.

— Иванъ, судья дома кн. А. Д. Меншикова, т. XLVI, 433.

— Петръ Ив., подпоручикъ, декабристъ, т. XLV, 220, 222—227.

Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, царь московскій, т. XLIV, 309, 317—324, 329,

331 — 336; т. XLVI, 637, 639 — 642, 651—655, 660, 661.

Борисякь, профессоръ Харьковскаго университета, т. XLV, 381.

Бормосовъ, московскій дьякъ въ Константинополь, т. XLV, 304.

Бородинъ, Д. Н., издѣватель вопроса о голодовкахъ, т. XLVI, 857.

Ботвиневъ, московскій подъячій въ Константинополь, XLV, 304.

Боцяновскій, Вл. О. *Статьи его*: Кто убилъ царевича Дмитрія? Т. XLIV, 308—337. Святой Сергій Радонежскій. Т. XLV, 636—647. *Библиографическія замѣтки его*: Живая Старина. Периодическое издание отдѣленія этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей предсѣдательства въ отдѣленіи этнографіи В. И. Ламанскаго. Выпускъ I. Т. XLIII, 242—246. *Исторія Россіи*. Соч. Д. Иловайскаго. Томъ третій. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI вѣкъ. Т. XLIII, 251—255. Путеводитель по Киеву и его окрестностямъ съ адресными отдѣлами, планомъ и фототипическими видами г. Киева. Т. XLIV, 494. Д. Н. Анучинъ. Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе „О челоуѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“. Археолого-этнографическій этюдъ. Т. XLIV, 729—731. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ третій. Изданъ подъ редакціей Н. Дубровина. Т. XLIV, 734, 735.

Павель Строевъ. Описаніе рукописей монастырей Волоколамскаго, Новій-Иерусалимъ, Саввина-Старожевскаго и Пафнутьева-Боровскаго. Сообщилъ архимандритъ Леонидъ, съ предисловіемъ и указателемъ Николая Барсукова. Т. XLIV, 746, 747. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 годъ. Биографическіе очерки по первоисточникамъ и главнѣйшимъ пособиямъ, А. В. Экземплярскаго. Томъ второй. Т. XLV, 197, 198. Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый комиссіей для разбора древнихъ актовъ. Часть седьмая, т. II. Акты о заселеніи юго-западной Россіи. Историческіе матеріалы изъ архива министерства государственныхъ имуществъ. Выпускъ I. Т. XLV, 490, 491. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Кн. VII. Т. XLV, 752, 753. Edgar Boulaugier. Notes de voyage en Sibirie. Т. XLV, 755, 756. Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти

Курской и Воронежской губерній въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные Д. И. Багалъемъ. Томъ II. Т. XLVI, 259—261. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія. М. Довнара-Запольскаго. Т. XLVI, 261, 262. Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ четвертый, подъ редакціей Дубровина. Т. XLVI, 498—500. Членія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга пятая. Издана подъ редакціей М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Т. XLVI, 508, 509. Харьковскій сборникъ подъ редакціей члена-секретаря В. И. Касперова. Литературно-научное приложеніе къ Харьковскому календарю на 1891 годъ. Выпускъ 5. Т. XLVI, 510, 511. Сборникъ русской старины Владимірскаго губерніи. Составилъ и издалъ И. Голышевъ. Рукописный синодикъ 1746 года. Изданіе Голышева. Т. XLVI, 512, 513. Хронологическія таблицы къ исторіи русской литературы новаго періода. Составилъ Н. Марковъ. Вып. I. Писатели XVIII столѣтія. Т. XLVI, 515. Н. П. Лихачевъ. Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. Историко-археографическій очеркъ. Т. XLVI, 814—816; Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1888 годъ. Т. XLVI, 822, 823. *Библиографическая замѣтка о соч. его*; Публичная бібліотека въ Житомирѣ. По поводу ея 25-ти-лѣтія. Т. XLVI, 828, 829.

Бошнякъ, Н. К., лейтенантъ, участникъ амурской экспедиціи, т. XLVI, 707.

Брайсъ, Джемсъ, англійскій историкъ и публицистъ. *Библиографическая замѣтка о соч. его*: Американская республика. Часть III. Пер. В. Н. Невдомскій. Изд. К. Т. Солдатенковъ. Т. XLVI, 817—820.

Брандтъ, Л., фельетонистъ „Сѣверной Пчелы“, т. XLIII, 747, 757.

Брантъ, А. В., писатель, т. XLV, 337.

Брешъ, штабсъ-капитанъ, фельдъегерь, погибшій 17 октября 1888 г., т. XLIII, 198.

Бриннеръ, Алекс. Густавовъ, дѣйств. ст. сов., профессоръ. *Статьи его*: Русскій дворъ въ 1728—1733 годахъ. По донесеніямъ англійскихъ резидентовъ. Т. XLVI, 36—63. Русскій дворъ въ 1826—1832 годахъ. Т. XLVI, 783—795. *Библиографическая замѣтка* объ изд. его: Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина. Томы II, III и IV. Т. XLV, 191, 192.

Бровковы, старосвѣтскіе помѣщики въ г. Миргородѣ, т. XLIV, 355.

де-Брольи, Ашиль-Шарль-Леонъ-Викторъ, герцогъ, французскій министр, впослѣд. президентъ совѣта, т. XLIV, 214—218, 463, 464.

Бронниковъ, хорунжій, надзиратель декабристовъ, т. XLV, 224.

Брунновъ, гр. Эрнстъ-Филиппъ Ивановичъ, русскій посолъ при великобританскомъ дворѣ, т. XLIII, 100, 102, 107—114, 116—119, 392, 688, 691, 693—695.

Брюсъ, гр. Екатер. Алексѣевъ, рожд. кн. Долгорукая, т. XLVI, 47.

Брюховъ (Морозовъ), Ив. Сем., русскій представитель въ Константинополѣ, т. XLV, 304.

Буагобе. *Замѣтка* о романѣ его: „Фонтенъ—шпашный боецъ“. Т. XLIII, 584.

Бубликъ, В. Д. *Библиографическая замѣтка* объ изданіи его: Путеводитель по Киеву и его окрестностямъ съ адреснымъ отдѣломъ, планомъ и фотографическими видами Киева. Т. XLIV, 494.

Будиловичъ, Ант. Сем., профессоръ Варшавскаго университета, т. XLIII, 287.

Букаловъ, московскій толмачъ въ Константинополѣ, т. XLV, 304.

Буланже, французскій генераль. *Замѣтка* объ немъ. Т. XLVI, 842, 842. Упомн. т. XLVI, 832, 834.

Буланжье, Эдгардъ. *Библиографическая замѣтка* о его Notes de voyage en Sibirie. Т. XLV, 755, 756.

Булгановы:

— Як. Ив., посланникъ въ Константинополѣ, т. XLV, 280—282, 305.

— О. И., писатель. *Статьи* его: Принцесса Ламбаль. Т. XLIII, 225—236.

Шлиманъ и его археологическая дѣятельность. Т. XLIII, 521—548, 905, 906.

Жанъ-Луи-Месонье. Т. XLIII, 828—852.

Замѣтка его: Неизданныя карикатуры Теккерея. Т. XLVI, 483—491.

Библиографическая замѣтка о его Альбомѣ русской живописи. Т. XLIII, 255—257.

Историческія мелочи. Т. XLIII, 266—275, 567—576, 876—885; т. XLIV, 254—264, 501—509, 749—764; т. XLV, 200—210, 493—502, 757—767; т. XLVI, 263—271, 516—525, 830—837.

Булгаринъ, Оадей Венедикт., писатель и журналистъ, т. XLIII, 748, 756, 758; т. XLV, 312, 335, 590.

Бунге, Н. Х., профессоръ Кіевскаго университета, потомъ министръ финансовъ, т. XLV, 569, 570.

Буоль-Шаунштейнъ, гр. Карль-Фердинандъ, австрійскій мивистръ иностран. дѣлъ, т. XLIII, 110, 112, 118, 391, 405, 406, 409, 413, 673, 697.

Бурдинъ, О. А., артистъ Александринскаго театра. *Изъ воспоминаній* его: Первое представленіе „Свадьба Кречинскаго“, Т. XLIV, 302—307.

Буренинъ, В. П., писатель (Графъ Алексисъ Жасминовъ). *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Хвостъ. Т. XLIV, 488, 489.

Бурнашевы:

— Е., писательница, т. XLV, 338.

— Т., начальникъ нерчинскихъ заводовъ, т. XLV, 224—227.

Бутеневъ, Аполлиарій Петр., русскій посланникъ въ Константинополѣ, т. XLV, 305, 306.

Бутсы:

— „Генералъ“ салютистовъ, т. XLIV, 643—658, т. XLVI, 95—108

Бутсъ-Клиборнъ, коммисаръ салютистовъ, зять „генерала“ Бутса, т. XLVI, 95—97, 801, 802.

Бутурлинъ, Ив. Вас., ближайшій бояринъ, суздальскій намѣстникъ, т. XLIV, 170, 171.

Буховъ, секретарь Теофана Прокоповича, т. XLVI, 426.

Буше-Лекрерръ, А. *Библиографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціей соч. Дройзена: Исторія Эллинизма. Томъ первый. Исторія Александра Великаго. Т. XLIV, 738—740.

Быковы:

— Екатер. Оедосѣев. См. Степанова.

— Оедосѣй, генераль, т. XLIII, 466.

Бѣлинскій, Виссар. Григ., критикъ, т. XLIII, 747; т. XLIV, 186—190.

Бѣловы:

— Е. А., преподаватель исторіи въ Александр. лицей, т. XLVI, 856.

— Яковъ Аванъ, подполковникъ, командиръ резерв. бат. 13 пѣх. див., т. XLIII, 497—499.

Бѣляевъ, Александръ, доцентъ Московской духовной академіи. *Библиографическія замѣтки* о соч. его: О пакое воскреснаго дня. Т. XLIV, 735, 736. Очерки современной умственной жизни. Т. XLIV, 740—742. Характеристика археологіи. Т. XLV, 491, 492.

Бѣльская (Иванова), Екат. Никол., актриса, т. XLVI, 599.

Бюлеръ, баронъ Оедоръ Андреевъ, гофмейстеръ, директоръ Московскаго глав. архива мни. иностр. дѣлъ. *Замѣтка* по поводу пятидесятилѣтняго юбилея его. Т. XLV, 525, 526.

Бэконсфильдъ, гр. Веніаминъ (Дизраели), виконтъ Юендъ, англійскій государственный человѣкъ, писатель. *Замѣтка* о вышедшей биографіи его. Т. XLIII, 887, 888.

В.

Вадковская, Екат. Фед. См. Кривцова.
Вакманъ, ярославскій помѣщикъ, теат-
раль, т. XLVI, 79, 82.

Валевскій, графъ, французскій министръ
иностр. дѣл, т. XLIII, 108—111, 114,
116, 118, 119, 386, 391—395, 402, 405—
412, 678—685, 691, 695—698.

Вамбери, русофобъ. *Замѣтка* о его
исслѣдованіи: *Die Sarten und ihre Sprache*.
Т. XLVI, 273, 274.

Вандаль, Альберт. *Замѣтка* о соч.
его: *Наполеонъ и Александръ I. Отъ*
Тильзита до Эрфурта. Т. XLIV, 510—
513.

Ванцети, хирургъ, профессоръ Харь-
ковского университета, т. XLV, 380.

Варнгагенъ фонъ-Энзе. *Замѣтка* о со-
бранныхъ имъ подробностяхъ арестова-
нія Вольтера въ Франкфуртъ, т. XLV,
761—766.

Василій (Петровичъ), черногорскій ми-
трополитъ, т. XLV, 265, 266.

Василій Ивановичъ (Шуйскій), царь
московскій, т. XLIV, 311, 318, 320—
322, 328—337; т. XLV, 25.

Васильевскій, В. Г., профессоръ Петер-
бургскаго университета. *Библиографиче-
ская замѣтка* о соч. его: *Обозрѣніе тру-
довъ по Византийской исторіи*. Т. XLIII,
246—248.

Васильевы:

— Алексѣй, священникъ г. Старицы,
т. XLVI, 746, 747.

— Вас. Карповъ, актеръ Петербург.
театра, т. XLVI, 67, 70—73.

— Никол. Петр., главный докторъ
Александровской больницы. *Некрологъ*
его. Т. XLIV, 527, 528.

— Пав. Вас., актеръ, т. XLVI, 332.

Василько - Петровъ, либреттистъ, т.
XLIII, 338, 339.

Васнецовъ, В., художникъ-жанристъ,
т. XLVI, 456.

Ватсонъ, Эрнестъ Карловъ, публицистъ.
Некрологъ его. Т. XLV, 238.

Вахрамѣевы:

— Н. А. *Библиографическая замѣтка*
объ изданіи его: *Расходная книга Па-
триаршаго Приказа кушавьямъ, подава-
вшимся патриарху Адриану и разнаго
чина лицамъ съ сентября 1698 по ав-
густъ 1699 г.* С. XLIV, 491—494.

— Иванъ, московскій дьякъ въ Кон-
стантинополѣ, т. XLV, 304.

Введенскій, Арс. Ив., литераторъ. *Ста-
тья* его: М. Ю. Лермонтовъ въ изданіяхъ
1891 года. Т. XLVI, 119—136. *Библио-
графическая замѣтка* его: *Исторія но-*

вѣйшей русской литературы (1848—1890),
А. М. Скабичевскаго. Т. XLVI, 246—
249.

Веберъ, Георгъ. *Библиографическая за-
мѣтка* о его Всеобщей исторіи, томъ
13. Т. XLV, 187, 188.

Вейбергъ. П. И., писатель, т. XLV,
387.

Величко, В. Л. *Библиографическая за-
мѣтка* о соч. его: *Восточные мотивы*
(стихотворенія). Т. XLIII, 257—259.

Вельтманъ, Елена Ив., писательница.
т. XLV, 568.

Вельяминовъ-Зерновъ, Владим. Владим.,
тайн. совѣт., попечитель Кіевскаго учебн.
округа. *Замѣтка* о 40-лѣтнемъ юбилеѣ
его. Т. XLIII, 592.

Венюковъ, московскій подьячій въ Кон-
стантинополѣ, т. XLV, 304, 305.

Верещагинъ, В. П., профессоръ исто-
рической живописи. *Библиографическая*
замѣтка объ изданіи его: *Исторія Гсу-
дарства Россійскаго въ изображеніяхъ*
державныхъ его правителей, съ краткимъ
пояснительнымъ текстомъ. Т. XLIV,
724—726. *Упомян.* т. XLIV, 683—686.

Вержень, французскій посланникъ въ
Константинополѣ, т. XLV, 266.

Верстовскій, Алексѣй Никол., инспек-
торъ московскихъ театровъ, т. XLVI,
86, 87, 325, 326, 328—330.

Веске. *Библиографическая замѣтка* о
соч. его: *Славяно-финскія культурныя*
отношенія по даннымъ языка. Т. XLVI,
241—246.

Вещняковъ, Алексѣй Андреевъ, резидентъ
въ Константинополѣ, т. XLV, 41, 43,
46—48, 305.

Виландъ, французскій писатель, т. XLIV,
466—469.

Вильгельмы:

— III., голландскій король. *Воспоми-
нанія* о немъ. Т. XLIII, 266—268.

— Принцъ Оранскій, прозванный «Prin-
ce Citron», т. XLIII, 268.

Виницкая, А. А., писательница. *Изъ*
воспоминаній ея: Исторія одного письма.
Т. XLIV, 27—41.

Виниусъ, Андрей, русскій посолъ къ
французскому королю, т. XLIV, 162, 163.

Виноградскій, П. Я. *Сообщилъ* письмо
отца Г. Т. Меллицкаго къ своей тещѣ.
Т. XLIII, 283—286.

Висковатовъ, Пав. Ал. *Обозрѣніе* из-
даннаго подъ его редакціей собранія со-
чиненій Лермонтова. Т. XLVI, 121—131.

Витте:

— Баронъ, управляющій юго-запад-
ными дорогами, т. XLIII, 194.

— Майоръ, т. XLIII, 156.

- Вишневецкіе, князья:**
 — Адамъ, т. XLVI, 637, 639, 641—643, 661.
 — Костянтинъ, т. XLVI, 637, 643, 645, 661.
 — Урсула, рожд. Мнвшекъ, т. XLVI, 637, 639, 661.
Вишневскій, Ф. Г., московскій хлѣбосоль, т. XLV, 124.
Владимірскій-Будановъ, М. Ф., профессоръ. *Библіографическая замѣтка* объ изданной подъ его редакціей 5-й книгѣ чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Т. XLVI, 508, 509.
Власевъ, Аѳанасій, московскій дьякъ, т. XLVI, 661, 662.
Возницынъ, Прокофій Богдановичъ, русскій дипломатъ, т. XLV, 28, 29, 305.
Война, Венедиктъ, виленскій латинскій епископъ, т. XLVI, 644, 650.
Волжинъ, Аѳанасій, подпоручикъ, игрокъ, т. XLV, 113—115, 117, 119.
Волковы:
 — Е. Е., пейзажистъ, т. XLVI, 457.
 — Художникъ, редакторъ журнала „Маларъ“, т. XLIV, 635.
Волконскіе, князья:
 — Аграфена Петр., рожд. Бестужева-Рюмина, т. XLVI, 423.
 — Марья Никол., рожд. Раевская, т. XLV, 220, 222.
 — Петръ Мих., начальникъ главнаго штаба, т. XLIV, 391, 397, 401, 659—671, 677, 681.
 — Сергѣй Григ., флигель-адъютантъ, генераль-маіоръ, масонъ, декабристъ, т. XLV, 220—227.
Волоховы:
 — Васпліса, мамка царевича Дмитрія, т. XLIV, 312, 318.
 — Осипъ, обвин. въ убійствѣ царев. Дмитрія, т. XLIV, 311, 312.
Волоцкой, Н. *Библіографическая замѣтка* о переводѣ его: Санскритскія поэмы соч. Каллидасы, Сакунтала, Рагунча и Меча-Дута. Т. XLIV, 500.
де-Вольтеръ, Франсуа-Мари-Арузъ, французскій писатель и энциклопедистъ. *Замѣтки* о его ссорѣ съ Ж. Ж. Руссо; т. XLV, 200—207; объ арестованіи его въ Франкфуртѣ въ 1753 г.; т. XLV, 761—766. *Упомян.* т. XLV, 498—502.
Вонлярарскій, Вас. Александр., писатель, т. XLV, 568, 572.
Воронцовы:
 — Екат. Ром. См. Дашкова.
 — Екат. Сем. См. Пемброкъ.
 — Елизавета, рожд. гр. Бронницкая, XLIV, 408.

- Мих. Семен., свѣтлѣйшій князь, фельдмаршалъ, кавказскій намістникъ, т. XLIII, 790—792; т. XLIV, 391, 398—409, 666—671, 676—681.
 — Семень Мих., т. XLIV, 409.
 — Семень Роман., дипломатъ, т. XLIV, 398.
Воскресенскій, Н. В. *Библіографическая замѣтка* о соч. его: Пятидесятитѣтіе „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Историческій очеркъ. Томъ I. Т. XLV, 748—750.
Врангель, Егоръ Петр., адъютантъ генерала Красовскаго, т. XLIV, 621.
Вредень, Эдмондъ Романовъ, профессоръ Петербургскаго университета. *Некрологъ* его. Т. XLV, 783, 784.
Времель, инспекторъ студентовъ Харьковскаго университета, т. XLV, 385.
Вронченко, гр. Фед. Пав., дѣйстви. тайный совѣтникъ, министръ финансовъ, т. XLVI, 703, 704.
Врубель, художникъ, т. XLVI, 459.
Вылузгинъ, Елизарій, дьякъ, слѣдователь по дѣлу царев. Дмитрія, т. XLIV, 311.
Выходцевъ, Григ. Алексѣевъ, актеръ, т. XLVI, 334—336.
Вяземскіе, князья:
 — Вас. Матв., генераль-маіоръ, т. XLVI, 754—755.
 — Марья Вас., супруга предыдущаго, т. XLVI, 754—755.
 — Петръ Андреевъ, поэтъ и критикъ. *Письмо* его къ П. В. Зинovieву. Т. XLIII, 56. *Упомян.* т. XLIII, 39, 53; т. XLV, 656.

Г.

Габдрафиковъ, Абдулсаламъ, оренбургскій магомеганскій муфтіи, т. XLVI, 175, 176.
Гавриловъ, подпоручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ, т. XLVI, 694, 695.
Гаевскій, Викт. Пав., дѣйстви. ст. совѣтн., писатель, т. XLIII, 42.
Гаймъ, Робертъ, профессоръ Галльскаго университета. *Библіографическая замѣтка* о сочин. его: Романтическая школа. Вкладъ въ исторію нѣмецкаго ума. Переводъ Невѣдомскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Т. XLIII, 868—870.
Галаховъ, А. Д., тайн. сов. писатель, *Отрывокъ* изъ воспоминаній его: Исторія одной книги. Т. XLIV, 561—567.
Галинъ, Иванъ, подвергнувшійся „клятвѣ отъ духовнаго чина“, т. XLVI, 753.
Гамлей, Эдуардъ, генераль. *Замѣтка* о его книгѣ: Война въ Крыму. Т. XLIII, 278, 279.

Ганнавъ, Эмануиль, директоръ Вѣнскаго педагогическаго института. *Библиографическая записка* о передѣланномъ и исправленномъ имъ соч. Карла Шмидта: *Исторія педагогики*. Томъ первый. Дохристіанская эпоха. Переводъ Эдуарда Циммермана. Т. XLIII, 870—873.

Ганскау, костромской губернаторъ, т. XLVI, 69.

Ганъ, профессоръ Харьковскаго университета, т. XLV, 383.

Гарбель, Адольфъ. *Библиографическая записка* объ изданіи его: Энциклопедическій словарь. Объясненіе словъ по вѣсьмъ отраслямъ знанія. 13 выдусковъ. А.—Бож. Т. XLIV, 484—486.

Гарди, Эдмундъ. *Записка* о соч. его: Буддизмъ по древнимъ сочиненіямъ, на языкѣ пали. Т. XLIV, 761, 762.

Гарибальди, Джузеппо, освободитель Италіи. Политическое завѣщаніе его. Т. XLVI, 519, 520. Выдающийся качества его. Т. XLVI, 510, 521.

Гарнакъ, О. *Записка* о соч. его: Отношеніе Гёте къ русскимъ писателямъ. Т. XLV, 217, 218.

Гартъ-Девисъ. *Записка* о его переводѣ на англійскій языкъ „Ревизора“ Гоголя. Т. XLV, 214, 215.

Гаршинъ, Евг. Мих., писатель. *Записка* его: Выставка древностей въ императорской археологической комисіи. Т. XLIV, 534—536. *Библиографическая записка* его: Сочиненія Д. П. Горчакова. Т. XLIII, 873—875.

Гатцукъ, Алексій Алексѣев., издатель газетъ его имени. *Некрологъ* его. Т. XLVI, 862, 863.

Гаусманъ, баронъ, сенскій префектъ. *Записка* о его мемуарахъ. Т. XLIII, 567, 571.

Гацискій, А. С. *Библиографическая записка* объ изданномъ подъ его редакціей Нижегородскомъ Сборникѣ. Т. XLIV, 727—729.

Гедесоновы:

— Александръ Мих., директоръ театровъ, т. XLIV, 303—305; т. XLVI, 86.

— С. А., директоръ театровъ, т. XLIII, 132, 133, 137.

— Сынъ предыдущаго, директоръ театровъ, т. XLIII, 343.

ванъ-дъ-Гейнъ, патеръ. *Записка* о соч. его: „L'origine européenne des Aryas“. Т. XLV, 216.

Гейфельдеръ, Оскаръ. *Записка* о статьѣ его: Степныя звѣри и цивилизація въ Закаспійскомъ краѣ. Т. XLV, 212, 213.

Геласій, митрополитъ, т. XLIV, 311.

Генкель, Вас. Егоровъ. *Записка* о его переводѣ разсказа Салтыкова: „Какъ одинъ мужикъ прокормилъ двухъ генераловъ“. Т. XLIV, 268.

Генрихъ IV, французскій король, т. XLIV, 147.

Георгій Александровичъ, великій князь, т. XLIII, 159, 160, 165, 180.

Георгій (Дашковъ), архіепископъ ростовскій, въ схимѣ Гедеоны, т. XLV, 414, 429.

Георгій Михайловичъ, великій князь. *Библиографическая записка* объ изданіяхъ его: Монеты царствованія императора Павла I и императора Александра I. Т. XLIV, 716—724. Русскія монеты 1881—1891. Т. XLIV, 722—724.

Георгъ IV, король Великобританіи, т. XLIV, 749—751.

Герлахъ:

— Леопольдъ, прусскій генералъ-отъ-инфантеріи. *Извлеченіе* изъ записокъ его. Т. XLVI, 733—795.

— Людвигъ, основатель „Neue Preussische Zeitung“, т. XLVI, 784.

— Оттонъ, прусскій пасторъ и профессоръ, т. XLVI, 784.

Германъ, Ф., врачъ. *Библиографическая записка* о соч. его: Врачебный бытъ до-Петровской Руси. Т. XLV, 179.

Герценъ, Александръ Ив., писатель, эмигрантъ, т. XLVI, 723.

Гете, Юганъ-Вольфгангъ, нѣмецкій поэтъ. *Библиографическая записка*: Разговоры Гете, собранныя Эккерманомъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д. В. Аверкіева. Часть первая, т. XLIII, 861—864; часть вторая, т. XLVI, 502—504. *Упомян.* т. XLIV, 228, 229; т. XLV, 217, 218.

Гладкій, запорожскій атаманъ, т. XLIII, 496.

Глинка:

— Людмила Ив. См. Шестакова.

— Мих. Ив., композиторъ, т. XLIII, 137, 140, 338—341, 477, 480—487, 750.

— Сергій Никола., писатель, основатель „Русскаго Вѣстника“, т. XLV, 89, 108, 109, 111.

— О. С. *Сообщилъ* записку къ біографіи Н. А. Некрасова. Т. XLIII, 585, 586.

Глинскій, Борисъ Борисовъ. *Статья* его: Метафизикъ XVII столѣтія. Т. XLIII, 817—827.

Глэвъ, Е. *Извлеченіе* изъ его записокъ о Конго. Т. XLV, 134—153.

Гоголь:

— Вас. Аван., отецъ писателя, т. XLIV, 363.

— Никол. Вас., писатель. *Анекдотъ объ немъ*. Т. XLIV, 594—598. *Замѣтка о переводѣ на англійскій языкъ комедіи его „Ревизоръ“*. Т. XLV, 214, 215. *Упомин.* т. XLIII, 711; т. XLIV, 363.

Голицынь-Нутузовъ-Смоленскій, Мих. Иларіон., свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-отъ-инфантеріи, т. XLIV, 393, 395, 396; т. XLV, 111, 282, 285, 305.

Голицыны, князья:

— Александр. Мих., генералъ-фельдмаршалъ, главнокомандующій молдавскою арміею, т. XLV, 270, 271.

— Вас. Вас. Старшій, ближній бояринъ, намѣстникъ новгородскій, т. XLIV, 165, 167.

— Дм. Мих., дѣйств. тайн. совѣтникъ, т. XLV, 30, 305.

— Л. Л. *Библиографическая замѣтка объ изданіи его: Укекъ. Доклады и изслѣдованія по археологіи и исторіи Укека*. Т. XLIV, 747, 748.

Головины:

— К. Ѳ. *Статья его: П. А. Гончаровъ, литературная характеристика*. Т. XLIV, 368—388.

— Семень, думный бояринъ, т. XLIV, 151.

Голохвастовы:

— Алексѣй Яков., мсковскій посолъ въ Константинополь, т. XLV, 24, 304.

— Бористъ, посолъ въ Константинополь, т. XLV, 25, 304.

— Мих. Ив. См. Алексѣевъ.

Голубевъ, А. А. *Разсказъ его: Соперники*. Т. XLIII, 660—671. *Библиографическая замѣтка о соч. его: Бродячая вольница, хрощика-романъ первой половины XVIII столѣтія*. Т. XLIII, 565, 566.

Голубиновъ, субъ-инспекторъ Харьковскаго университета, т. XLV, 385.

Голышевъ, П. А., крестьянинъ-археологъ. *Библиографическая замѣтка объ изданіяхъ его: Сборникъ русской старины Владимірской губерніи. Рукописный синодикъ 1746 года*. Т. XLVI, 512, 513.

Гонкуръ, Эдмондъ. *Замѣтка о воспоминаніяхъ его*. Т. XLIV, 516, 517.

Гонто-Биронъ, воспитательница герцога Бордосскаго. *Замѣтка о мемуарахъ ея*. Т. XLIV, 763, 764.

Гончаровъ, Ив. Александр., писатель. *Литературная характеристика его*. Т. XLIV, 368—388. *Некрологъ его*. Т. XLIV, 549—552. *Отзывы* иностранной печати объ немъ. Т. XLVI, 838, 839. *Воспомин.* о немъ. т. XLVI, 628—635.

Горбуновъ, Ив. Ѳед., артистъ. *Замѣтка о 35 лѣтней артистической и лите-*

ратурной дѣятельности его. Т. XLIII, 292—294.

Гордѣнко, профессоръ Харьковскаго университета, т. XLV, 382.

Горевъ-Тарасенковъ, актеръ, т. XLVI, 589,

Городецкій, Митроф. Ив. *Статья его: Русскія симпатіи въ польской поэзіи. Неизданныя произведенія поэта А. Э. Одынца*. Т. XLIV, 172—185. *Библиографическія замѣтки его: Витебская губернія. Историко-географическій и статистическій обзоръ*. Выпускъ I. *Исторія. Природа. Населеніе. Просвѣщеніе. Съ рисунками и картами. Составленъ по программѣ и подъ редакцію Витебскаго губернатора, тайнаго совѣтника, князя В. М. Долгорукова*. Т. XLIII, 263. *Славянскій календарь на 1891 годъ. Изданіе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества*. Т. XLIV, 251, 252. *Сообщилъ замѣтку къ портрету поэта К. Н. Батюшкова*. Т. XLIV, 773.

Гортензія (Богарне), супруга голландскаго короля Луи Бонапарта. *Замѣтка объ ней*. Т. XLIII, 268—272.

Горчаковы:

— Анна Вас., рожд. Суворова, т. XLV, 77.

— Кн. Д. П. *Библиографическая замѣтка о сочиненіяхъ его*. Т. XLIII, 873—875.

— Свѣтлѣйшій князь Александр. Мих., государственный канцлеръ, т. XLIII, 672.

Госенць, Иванъ, переводчикъ русскаго посла Потемкина, а потомъ посолъ отъ французскаго короля въ Москву, т. XLIV, 159, 162.

Госнеръ, протестантскій пропагандистъ въ Петербургѣ, т. XLVI, 792.

Граевъ:

— Аполлонъ Ив., помѣщикъ Тамбовской губ., просвѣтитель народа. *Некрологъ его*. Т. XLVI, 859.

— Леонидъ Григ., поэтъ. *Некрологъ его*. Т. XLIV, 277.

Градовскій, Александр. Дмитр., профессоръ С.-Петербургскаго университета. *Библиографическая замѣтка о сборникѣ: Памяти Александра Дмитриевича Градовскаго. Изданіе Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ*. Т. XLIII, 857, 858. *Упомин.* т. XLVI, 723.

Грени, Жюль, президентъ французской республики. *Замѣтка объ немъ*. Т. XLVI, 843.

Грегоровіусъ, Фердинандъ, нѣмецкій историкъ. *Замѣтка объ немъ*. Т. XLVI, 844, 845.

Грей, графъ. *Замѣтка* объ изданной перепишкѣ его съ книжицею Ливень. Т. XLIV, 265, 266.

Грейгъ, С. С., адмиралъ, главный командиръ Черноморскаго флота, т. XLV, 634.

Гречъ, Никол. Ив., писатель, т. XLV, 312, 315, 316.

Григорій, патриархъ константинопольскій, т. XLV, 288.

Григорій Гика, молдавскій князь, т. XLV, 268.

Григоровскій, Ф. Гр., дворянинъ, развлекавшій крымскаго хана, т. XLIV, 610, 611.

Григорьевы:

— В. В. Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, т. XLIV, 637.

— П. И., актеръ, т. XLV, 336.

Гриппенбергъ, полковникъ, инспекторъ студентовъ Харьковскаго университета, т. XLV, 385, 386.

Гродзицкій, польскій іезуитъ, т. XLVI, 647.

Громова (Вормотова), актриса, т. XLVI, 78.

Гроссъ, Г., докторъ правъ при Вѣнскомъ университетѣ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Научная сторона экономической системы Карла Маркса. Переводъ и предисловіе Н. С. Рашковскаго. Т. XLV, 488—490.

Гротъ, мичманъ, участникъ амурской экспедиціи, т. XLVI, 699, 700.

Грумъ-Гржимайло, Г. Е., путешественникъ. *Замѣтка* его: Дунганскій партизанъ Да-ху Балич-хуръ. Т. XLIV, 626—632.

Губаревъ, командиръ Виленскаго полка, т. XLIII, 499.

Губернатисъ, Анджео. *Замѣтка* о его международномъ словарѣ современныхъ писателей. Т. XLVI, 842.

Губеръ, поэтъ, т. XLIII, 758.

Губинъ, Третьякъ, Вас. Мих., русскій представитель въ Константинополѣ, т. XLV, 304.

Гулдари, грекъ. *Излеченія* въ его записной книжкѣ. Т. XLIII, 488—500, 784—792.

Гуляевъ, Пегръ, матросъ, измѣнникъ върѣ и отечеству, т. XLVI, 752.

Гурьевъ, Вакъ Васильевъ, калишскій протоіерей. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 296.

Густавъ-Адольфъ, шведскій король, т. XLIV, 146.

Гутслефъ, Эбергардъ, эзельскій суперинтендентъ. *Замѣтка* объ немъ. Т. XLV, 100—107.

Гюббенетъ, И. А., помощникъ директора государственнаго и петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностр.

дѣлъ. *Замѣтка* о 50-лѣтней научной дѣятельности его. Т. XLIII, 896.

Гюго, Викторъ - Мари, французскій поэтъ. *Замѣтка* его о могзѣ Талейрана. Т. XLV, 209, 210.

Д.

Давыдовы:

— Вас. Львовъ, декабристъ, т. XLV, 220, 221—227.

— Ценсъ Вас., поэтъ-партизанъ, т. XLIV, 391, 673.

— И. П., директоръ Педагогическаго института, т. XLIV, 566, 567.

Дадешкилани, княжеская династія Сванетіи, т. XLIII, 190.

Дамке, В., музыкальный критикъ, т. XLV, 580—584.

Данзей, представитель французскаго короля въ Даніи, т. XLIV, 146.

Данилевскій, Григ. Петр., писатель, редакторъ „Правительственнаго Вѣстника“. *Изъ литературныхъ воспоминаній* его (Н. Ф. Щербина). Т. XLIII, 32—69. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 299—304. *Упоми.* т. XLIII, 758; т. XLV, 336, 560.

Даниловъ, московскій дьякъ въ Константинополѣ, т. XLV, 304.

Даргомыжскіе:

— А. С., композиторъ, т. XLIII, 336, 341, 747—750, 753; т. XLIV, 118.

— Софья Серг. См. Степанова.

Даудовъ, Василій, московскій толмачъ въ Константинополѣ, т. XLV, 304, 305.

Да-ху Баянь-хуръ, дунганскій партизанъ. *Замѣтка* объ немъ. Т. XLIV, 626—632.

Дашневичъ, Н. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада. I. Переломъ въ западноевропейской этикѣ въ XII—XIII вв. Средневѣковая романтика въ Италіи. Т. XLIII, 555—559.

Дашковы:

— Алексій Ив., посланникъ въ Константинополѣ, т. XLV, 305.

— Архіепископъ ростовскій. См. Георгій.

— Дмит. Вас., повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, т. XLV, 305.

— Княг. Екат. Романъ, рожд. гр. Воронцова, президентъ Россійской Академіи, т. XLV, 109, 121.

— Яковъ, русскій представитель въ Константинополѣ, т. XLV, 304.

Дебидуръ, французскій профессоръ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его Histoire diplomatique de l'Europe, 1814—178. Т. XLIV, 497, 498.

Девонвилъ, гр. Екатер. Аманов. См. Капитанъ.

Дегз-Курмененъ, Луи, первый французскій посолъ въ Москву, т. XLIV, 148—153.

Дезире - Илари Бернадоттъ, королева Швеции и Норвегии. *Замѣтка* объ ней. Т. XLIII, 572—576.

Дейкманъ, Оскаръ Александр., горный инженеръ. *Некрологъ* его. Т. XLIV, 529.

Демидовъ, капитанъ корпуса жандармовъ въ Казани, т. XLIII, 430—432.

Деминьеръ, французскій посолъ въ Москву, т. XLIV, 156.

Демонси, профессоръ Харьковскаго университета, т. XLV, 382.

Деревицкій, А. Н. *Библиографическая замѣтка* его: Новый источникъ для исторіи Афинъ. Aristotel on the constitution of Athens, ed. by F. G. Kenyon. Printed by order of the trustees of the British Museum. Т. XLIV. 241—244.

Державины:

— Гавр. Роман., поэтъ, министръ юстиціи, т. XLIV, 360, 607; т. XLV, 108, 109.

— Дарья Алексѣев., т. XLIV, 360, 607, 608, 623.

Деринеръ, В. Р., помощникъ Сенковскаго по изданію „Библиотеки для чтенія“, т. XLV, 324, 328.

дю-Деффанъ, рожд. Виши Шамронъ, т. XLV, 498—502.

Джагангеръ-ханъ, персидскій министръ изящныхъ наукъ, т. XLVI, 234.

Джиданноне, Пьетро, юристъ. *Замѣтка* объ изданной его автобіографіи. Т. XLIII, 280, 281.

Дибичъ-Забалканскій, гр. Ив. Ив., генералъ-фельдмаршалъ, т. XLIII, 494; т. XLVI, 788—790, 794.

Димитрій:

— Царевичъ, святой. *Статья*: Кто убилъ царевича Димитрія? Т. XLIV, 308—337. *Замѣтка* о трехсотлѣтніи смерти его. Т. XLV, 231, 232.

— Кіевскій митрополитъ (?), т. XLIII, 495.

Димитрій Донской, великій князь московскій, т. XLV, 644—647.

Дингельштедтъ, Н. А. *Статья* его: Что такое салютизмъ? Т. XLVI, 90—108. Салютисты въ Бельгии. Т. XLVI, 796—809.

Дмитревскій, П. А., актеръ, т. XLV, 419, 420, 422, 425.

Добровольскій, Л. Л., чиновникъ м. и. пр., завѣдующій журнальнымъ столомъ, т. XLV, 574.

Добсонъ, Джорджъ. *Замѣтка* о книгѣ его: Жельзнодорожное движеніе Россіи

въ Центральную Азію. Т. XLIII, 886, 887.

Довнаръ-Запольскій, М. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столѣтія. Т. XLVI, 261, 262.

Долгорукіе, князья:

— Алексій Григ., сенаторъ, дѣйств. тайн. совѣтн., т. XLVI, 54, 55.

— Вас. Лук., т. XLVI, 55.

— Екатер. Алексѣев. См. Брюсъ.

— Юрій Владим., московскій главнокомандующій, т. XLV, 109, 111.

— В. М., витебскій губернаторъ. *Библиографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціею Историко-географическомъ и статистическомъ обзорѣ Витебской губерніи. Выпускъ I. Т. XLIII, 263.

— Яковъ Ѳеодор., сенаторъ, т. XLIV, 166—170.

Должиновъ, Радюка, подъячій, т. XLV, 23.

Дорнь, Рудольфъ Борисов., профессоръ. *Некрологъ* его. Т. XLIV, 772.

Достоевскій, Ѳеодоръ Мих., писатель. *Замѣтка* о соч. объ немъ Пауля Эрнста. Т. XLIII, 581.

Драгановъ, П. Д. *Замѣтка* его: А. С. Пушкинъ и М. Ю. Лермонтовъ въ всемирной литературѣ. Т. XLV, 667—675.

Драшусовъ, Александръ Никол., профессоръ Московскаго университета. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 897.

Дройзень, Г. Г. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Исторія эллинизма. Переводъ М. Шелгунова съ французскаго, дополненнаго авторомъ, изданія, подъ редакціею А. Буше-Леклерка. Томъ первый. Исторія Александра Великаго. Т. XLIV, 738—740.

Друцкой-Соколинскій, кн. М. В., смоленскій губ. предводитель дворянства, т. XLIII, 715, 722.

Дрюмонъ. *Замѣтка* о соч. его: Завѣщаніе антисемита. Т. XLIV, 760, 761.

Дубасовъ, И. П. *Статья* его: Изъ тамбовской бытовой исторіи. Т. XLV, 697—708. *Сообщилъ* замѣтку: Тамбовскій вотчинникъ XVII вѣка. Т. XLVI, 534—538.

Дубельтъ, Леоній Вас., генералъ-отъ-кавалеріи, управляющій III Отдѣленіемъ, т. XLIII, 132; т. XLV, 575.

Дубининъ, поручикъ, усмиритель манъ, т. XLIII, 448, 449.

Дубровинъ, Н. Ѳ. *Библиографическая замѣтка* объ изданномъ подъ его редакціею Сборникѣ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Соб-

ственной Е. И. В. Канцелярии. Выпуск третій, т. XLIV, 734, 735. Выпуск четвертый, т. XLVI, 498—500.

Дунвортъ, англійскій дипломатъ, т. XLV, 284.

Дурново, московскіе дворяне, т. XLV, 112.

Дуровъ, Мих. Архипов., директоръ Виленскаго учительскаго института. *Некрологъ его*. Т. XLIV, 528, 529.

Дьелафуа. *Замѣтка о романѣ его: „Паризатида“*. Т. XLIII, 582, 583.

Дьяновскій, Владим. Филип., докторъ. *Некрологъ его*. Т. XLIII, 296, 297.

Дьяковы:

— Александра Никол., т. XLIV, 608.

— Марья Алексѣев. См. Львова.

Дюма, французскій писатель, т. XLIII, 141.

Дюмурье, французскій генераль. *Замѣтка объ немъ*, т. XLVI, 832—834.

Дюранъ-Гревиль, швейцарскій писатель. *Замѣтка о соч. его: „Ivan Tourguénef“*. Т. XLIII, 577, 578.

Дютшъ, композиторъ, т. XLIII, 336.

Е.

Евгенія-Марія де-Гусманъ (донна де-Монтихо), императрица французская, т. XLIII, 692, 693, 699.

Евдокимовъ, московскій дьякъ въ Константинополь, т. XLV, 304.

Евдонія Ѳеодорова (Долухина), первая супруга Петра Великаго, въ иночествѣ Елена, т. XLVI, 415—419.

Евневичъ, В. *Библиографическая замѣтка его: Костромская старина. Сборникъ, издаваемый Костромской ученой архивной комиссіей. Выпускъ первый*. Т. XLIII, 263—265.

Евстратовъ, Иванъ, солдатъ, участникъ многихъ походовъ, не имѣвшій пріюта, т. XLVI, 748—750.

Евѣмій (Колетти), іеромонахъ, духовникъ царевича Алексѣя, т. XLVI, 421.

Екатерина II Алексѣевна (Софія-Августа-Фредерика, принцесса ангальтъ-цербергская), русская императрица, т. XLIV, 456; т. XLV, 114, 267, 268, 270—275, 282, 617—619, 622, 624.

Екатерина Медичи, французская королева. *Замѣтка объ ней*. Т. XLIII, 879—882.

Еленевъ, Ѳ. П. *Библиографическая замѣтка о соч. его: Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ*. Т. XLV, 477—480.

Елизавета:

— Принцесса, сестра Людовика XVI, т. XLIV, 710, 715.

— Румынская королева. *Замѣтка о соч. объ ней*. Т. XLV, 510, 511.

Елизавета Петровна, императрица, т. XLV, 73—75; т. XLVI, 421, 422.

Елисеевъ, Григ. Захар., писатель и журналистъ. *Некрологъ его*. Т. XLIII, 899, 900.

Елиствѣ, А. В., докторъ-путешественникъ. *Статья его: По Южно-Уссурийскому краю*. Т. XLIII, 435—456, 724—745; т. XLIV, 86—109.

Емельянова, Нила (Шарлотта Мейеръ), дважды крещенная, т. XLVI, 750—752.

Ерманъ, покоритель Сибири. *Библиографическая замѣтка: Сказаній и догадки о христіанскомъ имени Ермака*. Т. XLIV, 496, 497.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., генераль-отъ-артиллеріи, членъ государств. совѣта, т. XLIII, 158; т. XLIV, 391, 402, 407, 671, 672, 674, 676, 677, 679, 680.

Есиповъ, Григ. Вас., завѣдующій Общимъ Архивомъ министерства Двора. *Замѣтка о шестидесятилѣтней дѣятельности его*. Т. XLIII, 592—594.

Ж.

Жадовскіе:

— Валеріанъ Всеволод., русскій повѣренный въ Константинополь, т. XLV, 306.

— Павелъ Валеріан., штабсъ-капитанъ, писатель. *Некрологъ его*. Т. XLVI, 284, 285.

Жасиновъ, графъ Алексій, псевдонимъ. См. Буренингъ.

Жданова, Орина, кормилица царевича Димитрія, т. XLIV, 312.

Жерле, картезіанскій монахъ, членъ тайнаго общества, т. XLVI, 834—836.

Жеромъ-Наполеонъ, принцъ. *Изъ воспоминаній объ немъ*. Т. XLIV, 263, 264. *Замѣтка: Князь Бисмаркъ и принцъ Наполеонъ въ 1866 году*. Т. XLIV, 501—503.

Жюфъ (Бярдниковъ), фабрикантъ бердъ, отецъ антрепренера Н. И. Иванова, т. XLVI, 65, 66, 68.

Жоли, Генрихъ. *Замѣтка о ст. его о Финляндіи*. Т. XLIII, 277, 278.

Жолкевскій, Станиславъ, коренной германъ, т. XLVI, 650.

Жудра:

— П. И. Сообщилъ воспоминанія объ императорѣ Александрѣ II. Т. XLIII, 204—209. *Отрывокъ изъ воспоминаній его: Казанскіе пожары 1863 года*. Т. XLIII, 414—434.

Жуковские:

— А. К., поэт (Бернетъ), т. XLIV, 121.
— В. А., археологъ, т. XLIII, 290, т. XLVI, 857, 858.

— Вас. Андреев., поэтъ. *Переводъ* на польскій языкъ его стихотворенія „Ми-нувшихъ дней очарованіе“, комментарий къ этому стихотворенію и неизданное посланіе его къ Е. О. Вадковской. Т. XLIV, 181—184. *Замѣтка* о брошюрѣ Кондалина: Столѣтняя годовщина Жуковского. Т. XLVI, 274, 275.

Жуковъ, Ив. Александр., редакторъ „Нижегородскаго Биржеваго Листка“. *Некрологъ* его. Т. XLVI, 546, 547.

Журавлевъ, субъ-инспекторъ Харьковскаго университета, т. XLV, 385, 393.

З.

Заблочій, Ерофѣй, посолъ къ мунгалскому Цысану-хану, т. XLVI, 158, 164—167.

Забѣлинъ, А. П. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Вѣковые опыты нашихъ воспитательныхъ домовъ. Т. XLIV, 246, 247.

Завадскій, Станиславъ. *Замѣтка* его по поводу стихотвореній Одынца. Т. XLIV, 776.

Загоскины:

— Мих. Никол., драматургъ и романистъ, директоръ московскаго театра. Т. XLIII, 33—35.

— Н. П., профессоръ. *Библиографическія замѣтки* о соч. его: Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. Т. XLV, 179, 480—484. Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательные знанія, источники и литература („Библиографическій указатель“). Т. XLVI, 251—254.

Заюнчовская, Надеж. Дмитр., писательница (Крестовскій), т. XLIV, 41.

Закревскій, гр. Арсеній Андреев., сенаторъ, министръ внутрен. дѣлъ, воеводъ московскій генераль-губернаторъ, т. XLIV, 390, 392—398, 402, 403, 405—407, 660—674, 676—681.

Замойскій, гр. Янъ, гетманъ и коронный канцлеръ т. XLVI, 650, 654.

Запольскій, атаманъ и губернаторъ Забайкальской области, т. XLVI, 710.

Заостровскій, Петръ Мих., вице-вождій помѣщикъ, поручикъ. *Замѣтка* о дѣлѣ его съ Менделѣевымъ. Т. XLV, 514—519.

Засядко, субъ-инспекторъ Харьковскаго университета, т. XLV, 385.

Збаражскій, князь, брацлавскій воевода, т. XLVI, 650.

Зебжидовскій, Николай, краковскій воеда, т. XLVI, 644, 647, 648, 650.

Зеебахъ, саксонскій министръ, т. XLIII, 116.

Зернинъ, профессоръ Харьковскаго университета, т. XLV, 389.

Зерцаловъ, А. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: О мятежахъ въ г. Москвѣ и въ с. Коломенскомъ 1648, 1662 и 1771 гг. Т. XLIV, 247—249.

Зилла-Султанъ, старшій сынъ персидскаго шаха, т. XLVI, 229—232, 236, 237.

Зиновьевъ, Пав. Вас. *Письмо къ нему* кн. П. А. Вяземскаго. Т. XLIII, 56.

Злобинъ, В. А., именитый гражданинъ, карточный откупщикъ, т. XLV, 110.

Змилевскій, Иванъ, священникъ домовою церкви кн. А. М. Черкаскаго въ Москвѣ, т. XLVI, 745.

Зобниновскій, Діонисій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря (нынѣ лавры). *Библиографическая замѣтка* о соч. объ немъ. Т. XLIV, 742—744.

Зорина, Вѣра Вас., актриса, т. XLVI, 343.

Зотовъ, Владиміръ Рафаил., писатель. *Статьи* его: Записки Талейрана. Т. XLIII, 804—816; т. XLIV, 214—231. 463—488. Мемуары генерала Марбо; Т. XLV, 720—731. Враги Помбала. Историческій этюдъ. Т. XLV 160—178, 460—476. Последній игорный притонъ въ Европѣ. Т. XLVI, 472—482. *Замѣтки* его: Англія и морской нейтралитетъ. Т. XLV, 154—159. Пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности А. В. Старчевскаго. Т. XLVI, 149—155. *Библиографическія замѣтки* его: Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ. Переводъ съ нѣмецкаго Д. В. Аверкіева. Часть первая, т. XLIII, 861—864; часть вторая, т. XLVI, 502—504. Настольный энциклопедическій словарь. Объясненіе словъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Изданіе Гарбеля. Тринадцать выпусковъ. Т. XLIV, 484—486. Графъ Алексій Жасминовъ (В. Буренинъ). Хвостъ. Т. XLIV, 488, 489. Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXV. Скандинавская и турецкая литература. Т. XLIV, 731—733. Гикноръ. Исторія испанской литературы. Томъ III. Т. XLIV, 744—746. Жизнь замѣательныхъ людей. Библиографическая бібліотека Ф. Павленкова: Бѣлинскій, Каразинъ, Крамской, Мицкевичъ, Шопенгауеръ, Лойола, Дарвинъ, Гумбольдтъ, Кювье. Т. XLV, 182—185. Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXVI. Изданіе Риккера. Т. XLVI,

496—498. Спутникъ-толмачъ по Индіи, Тибету и Японіи. Составилъ А. В. Старчевскій. Т. XLVI, 821, 822. *Библиографическая записка* о переводѣ подъ его редакціей поэмы „Ненстовый Роландъ“. Т. XLVI, 823—825. *Заграничныя историческія новости*. Т. XLIII, 276—282, 577—584, 886—891; т. XLIV, 265—271, 510—518, 756—764; т. XLV, 211—218, 503—513, 768—774; т. XLVI, 272—278, 526—533, 838—846. *Мелкія замѣтки его* въ отдѣлѣ „Смѣсь“. Т. XLIII, 287—298, 587—597, 892—901; т. XLIV, 272—279, 519—532, 765—773; т. XLV, 229—240, 520—528, 778—784, т. XLVI, 279—287, 541—548, 853—864.

Зубовъ, гр. Платонъ Александр., генераль-фельдцейхмейстеръ, членъ госуд. совѣта, т. XLV, 618.

Зуевъ, Никита Ив., писатель, картографъ и журналистъ. *Некрологъ его*. Т. XLIII, 294.

И.

Ивановы:

— Александръ Андреев. *Приглашеніе* А. П. Новицкаго къ сообщенію матеріаловъ для его біографіи. Т. XLIV, 533.

— Григ. Никол., пѣвецъ, т. XLVI, 603, 604.

— Екат. Ник., актриса (Бѣльская), т. XLVI, 596.

— Иванъ, священникъ с. Леташева, Смоленской епархіи, т. XLVI, 746, 747.

— Лука, священникъ, духовникъ ки. А. Д. Меншикова, т. XLVI, 426.

— М. М. *Библиографическая записка его*; О. И. Булгаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины Г. И. Семирадскаго. Т. XLIII, 255—257.

— Московскій подъячій въ Константинополь, т. XLV, 304.

— Никол. Ив., театральнй антрепренеръ. *Воспоминанія его*. Т. XLVI, 64—89, 321—345, 581—605. *Поправка* къ этимъ воспоминаніямъ. Т. XLVI, 864.

— Панкратъ, стряпчій Салотчинскаго монастыря, т. XLVI, 733—735, 737, 741.

Иванъ III Васильевичъ, великій князь московскій, т. XLIV, 325; т. XLV, 22—24.

Иванъ IV Васильевичъ Грозный, царь московскій, т. XLIV, 308, 309, 324, 326, 327; т. XLVI, 772.

Игнатій (Смола), митрополитъ коломенскій, т. XLVI, 414.

Игнатъевъ, гр. Никол. Пав., генераль-адъютантъ, посолъ въ Константинополь, вислодѣл. министръ внутр. дѣлъ, т. XLV, 302, 306.

Измайловы:

— Левъ Дмитр., карточный игрокъ, т. XLV, 111, 112, 120, 121.

— Мих. Мих., московскій главнокомандующій, т. XLV, 114—120.

Иконниковъ, В. С., профессоръ. *Библиографическая записка* о соч. его: Страница изъ исторіи екатерининскаго наказа (объ отмянѣ пытки въ Россіи). Т. XLV, 185, 186.

Искуль, К. Д. *Разсказъ его*: Старый конногвардеецъ. Т. XLVI, 677—691.

Иловайскій, Дм. Ив., профессоръ Московскаго университета. *Статья его*: Первый Лжедмитрій. Т. XLVI, 636—667. *Библиографическая записка* о соч. его: Исторія Россіи. Томъ третій. Московско-царскій періодъ. Первая половина или XVI вѣкъ. Т. XLIII, 251—255.

Имбергъ, есаулъ, командиръ поста въ Кизи, т. XLVI, 711.

Инграмъ, Джоунъ, профессоръ Дублинскаго университета. *По поводу* сочиненія его: Исторія политической экономіи. Т. XLIV, 643—658.

Ипсиланти, князь Александръ, русскій генераль, т. XLVI, 288.

Иринархъ, игумень Ростовскаго Борисоглыбскаго монастыря, преподобный, т. XLVI, 770, 772, 776, 781, 782.

Исаія, архимандритъ Аранскаго монастыря, т. XLVI, 424.

Исленьевъ (Исляньевъ), Данилъ Ив., посолъ въ Константинополь, т. XLV, 27, 304.

Италинскій, Андрей Яков., посланникъ въ Константинополь, т. XLV, 305.

Ищенинъ-Кузьминскій, Андрей, посолъ въ Константинополь, т. XLV, 26, 304.

И.

Иевлевъ, Павелъ, коллеж. ассес., игрокъ, т. XLV, 113, 114, 117, 119.

Иеронимъ (Коллецкій), иеромонахъ, преподаватель славяно-греко-латинской академіи, т. XLVI, 742.

Иоасафъ, архимандритъ Трегуляевскаго монастыря, Тамбов. епар., т. XLVI, 420.

Иосифъ:

— I, король португальскій, т. XLV, 168—178, 463—471, 473—476.

— II, нѣмецкій императоръ, король Венгрии и Богеміи, т. XLIV, 454, 455.

К.

Кабанесъ, французскій докторъ. *Записка* о соч. его: о Моратѣ. Т. XLIV, 755, 756.

Кавелины:

— К. Д., профессоръ, публицистъ, т. XLVI, 724.

— Левъ Александр. См. Леонидъ.

Казаневичъ, лейтенантъ, вполс. адмиралъ, участникъ амурской экспедиціи, т. XLVI, 700, 702.

Казарскій, Александр. Ив., капитанъ 1 ранга, т. XLV, 634.

Казимеровъ, Ив., унтеръ-лейтенантъ Преображенскаго полка, двоюженецъ, т. XLVI, 758, 759.

Калениченко, профессоръ Харьковского университета, т. XLV, 382.

Каль, Е. Ф., изслѣдователь Средней Азіи. *Некрологъ его*. Т. XLVI, 860.

Каменскіе, графы:

— Мих. Федот., т. XLIV, 402, 403.

— Никол. Мих., шефъ Архангелогородскаго полка, т. XLIV, 392—394.

— Сергѣй Мих., т. XLIV, 392—394, 402.

Капнисть:

— Алексѣй Вас., т. XLIV, 346, 603, 612, 620—624; т. XLV, 52.

— Анастасія Никол., т. XLIV, 352, 601, 603.

— Андрей Вас., т. XLIV, 341, 357.

— Вас. Вас., кievскій губ. предводитель дворянства, потомъ директоръ театровъ и предсѣдатель полтавской уголовной палаты, т. XLIV, 341—346, 348—350, 355—361, 599, 605—607, 615—618.

— Вас. Петр., начальникъ надъ Слободскими полками, т. XLIV, 340.

— Вѣра Никол., т. XLIV, 352—354.

— Екатер. Арманов., рожд. гр. Девоновиль, т. XLV, 53—63.

— Елена Ив., рожд. Муравьева-Апостоль, т. XLIV, 614, 624.

— Иванъ Вас., смоленскій, а потомъ московскій губернаторъ, сенаторъ, т. XLIV, 605, 606, 616, 621; т. XLV, 50—52.

— Любовь Никол., т. XLIV, 352, 602, 603.

— Надежда Никол. См. Кармалина.

— Никол. Вас., т. XLIV, 341, 343, 352—357, 599.

— Петръ Вас., т. XLIV, 341, 343, 346, 349, 355.

— Петръ Никол., т. XLIV, 352, 599—601, 612; т. XLV, 53—63.

— Семень Вас., т. XLIV, 604, 608, 614, 615, 618, 621, 624, 625.

— Софья Андреев., рожд. Дунинъ-Борковская, т. XLIV, 340.

— Софья Вас. См. Скалонъ.

— Софья Никол., т. XLIV, 352—354, 600, 603—605, 615.

Наподистрія, гр. Ив. Антон., русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, вполсѣд. греческій президентъ, т. XLV, 292.

Напустинъ, Семень Яков., писатель-экономистъ. *Некрологъ его*. Т. XLIII, 899.

Наратыгинъ, Петръ Андреев., артистъ, т. XLIII, 748.

Нарауловъ, Варнавій Ив., актеръ, т. XLVI, 73.

Нарелинъ, художникъ, т. XLIV, 686—688.

Нарлейль, Томасъ. *Замѣтка о его дневникѣ*. Т. XLVI, 523, 524.

Нарль:

— II, англійскій король, т. XLIV, 752—755.

— XIII (Жанъ-Батистъ-Жюль Бернадоцъ), французскій маршалъ, герцогъ эрдерманландскій, вполсѣдствіи король Швеціи и Норвегіи, т. XLIII, 575, 576, 723, 726, 728.

Нарль-Альбертъ, владѣлецъ княжества Монте-Карло, т. XLVI, 474, 475, 481.

Нармалина, Надежда Никол., рожд. Капнисть, т. XLIV, 352, 604, 605.

Наролина Великобританская, супруга Генриха IV. *Замѣтка объ ней*. Т. XLIV, 749—751.

Нарцевъ, Александр. Степан., костромской помѣщикъ, генералъ, любитель искусствъ, т. XLVI, 66—69, 73.

Нарцовъ, В. С. *Библиографическая замѣтка о его Опытѣ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей*. Т. XLVI, 820, 821.

Насперовъ, В. И. *Библиографическая замѣтка объ изданномъ подъ его редакціей Харьковскомъ сборникѣ*. Т. XLVI, 510, 511.

Натковъ, Мих. Никиф., публицистъ, редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, т. XLIII, 49; т. XLVI, 723.

Наусъ, режиссеръ Большаго театра, т. XLIII, 133.

Началовъ, Никита, обвин. въ убійствѣ царев. Дмитрія, т. XLIV, 311, 312, 318—320.

Нашперовъ, В. Н., композиторъ, т. XLIII, 341.

Нелеръ, ревельскій типографщикъ, т. XLV, 103, 104.

Неніонъ, бібліотекаръ Британскаго музея. *Библиографическая замѣтка о соч. его: Aristotel on the constitution of Athens*. Т. XLIV, 241—244.

де-Керуаль, Луиза, герцогиня Портсмутская, метресса Людовика XIV. *Замѣтка объ ней*. Т. XLIV, 751—755.

Кириловъ, профессоръ Харьковского университета, т. XLV, 381.

Кирпичевъ, Левъ Львовъ, генераль-майоръ, профессоръ Михайловской артиллерійской академіи. *Некрологъ его.* Т. XLIII, 896.

Кирпичниковъ, Александръ Ив., докторъ всеобщей литературы, профессоръ Новороссійскаго университета. *Биографическія замѣтки его:* Р. Гаймъ. Романтическая школа. Вкладъ въ исторію нѣмецкаго ума. Перевель съ нѣмецкаго В. Невѣдомскій. Изд. К. Т. Солдатенкова. Т. XLIII, 868—870. Расходная книга Патріаршаго Приказа кушаньямъ, подававшимся патріарху Адриану и разнаго чина лицамъ съ сентября 1698 по августъ 1699 года. Изданіе И. А. Вахрамѣева. Т. XLIV, 491—494. Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ тринадцатый. Восемнадцатое столѣтіе. Переводъ Э. Циммермана. Изд. К. Т. Солдатенкова. Т. XLV, 187, 188. Лѣтопись о Ростовскихъ архіереяхъ. Изданіе Импер. Общества любителей древней письменности. Т. XLV, 194—197. П. Ардашевъ. Переписка Цицерона, какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря отъ начала столкновенія послѣдняго съ сенатомъ до его смерти. Т. XLV, 744—747. Марціалъ. Биографическій очеркъ графа Олсуфьева. Т. XLVI, 258, 259. Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка. Томъ III съ 1848—1878. Переводъ М. В. Лучицкой подъ редакціей проф. Лучицкаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. Т. XLVI, 492—496. Американская республика Джемса Брайса, автора книги «Священная римская исторія» и члена палаты депутатовъ отъ Абердина. Часть III. Пер. В. Н. Невѣдомскій. Изд. К. Т. Солдатенкова. Т. XLVI, 817—820.

Киселевъ, Дмитрій, содержатель игорнаго дома, т. XLV, 116.

Кларендонъ, лордъ, англійскій государств. чловѣкъ, т. XLIII, 108, 112—114, 117, 118, 392, 395, 400—402, 404, 406, 408, 411, 413, 678, 682—684, 696, 697.

Клеоній (Новгородовъ), іеромонахъ, духовникъ царицы Евдокіи Ѳеодоровны, т. XLVI, 416, 417.

Клешинъ, Андрей, дякъ, слѣдователь по дѣлу царев. Дмитрія, т. XLIV, 311.

Клиборнъ, майоръ, проповѣдникъ саютнствова, т. XLVI, 804—809.

Климентъ VIII, папа римскій, т. XLVI, 645.

Кнейпъ, нѣмецкій патерь-врачъ. *Замѣтка* объ немъ. Т. XLV, 773, 774.

Кoble, генераль, комендантъ Одессы, т. XLIV, 392, 393.

Ковалевскіе:

— Е. П., писатель, т. XLV, 336.

— М., писатель (Е. Горевъ), т. XLV, 560.

— М. М., московскій профессоръ. *Биографическія замѣтки* о соч. его: Законъ и обычай на Кавказѣ. Т. XLIII, 237—242. Современные обычай и древніе законы Россіи. Т. XLIV, 759, 760.

— Софья Вас., урожд. Корвинъ-Крюковская, профессоръ математики въ египетскомъ университетѣ. *Некрологъ ея.* Т. XLIII, 900, 901.

Козловъ, надзиратель декабристовъ, т. XLV, 224, 226, 227.

Кокоревъ, В. А., московскій комерсантъ, т. XLVI, 76—78.

Кошкинъ, Ѳеодоръ Ѳеодоръ, писатель директоръ Московскаго театра, т. XLV, 652, 655, 656.

Колениуръ, графъ, французскій дипломатъ, т. XLIV, 582—587.

Колзакъ, Пав. Андреевъ, вице-адмиралъ, генераль-адъютантъ. *Разсказъ* объ немъ. Т. XLV, 686—696.

Коллещій, преподаватель славяно-греко-латинской академіи. См. Іеронимъ.

Колычевъ, вологодскій поѣзщикъ, игрокъ, т. XLV, 111.

Кольберъ, маркизъ де-Круаси, французскій государств. чловѣкъ, т. XLIV, 169, 170.

Коммиссаржевскій, оперный артистъ, т. XLIII, 348, 349.

Кондаминъ, Джемсъ. *Замѣтка* о его брошюрѣ: Столѣтняя годовщина Жуковскаго. Т. XLVI, 274, 275.

Кондоиди, епископъ. См. Аванасій.

Кондротенко, Н. *Замѣтка* о его разсказѣ изъ русской жизни. Т. XLV, 214.

Кондыревъ, Ив. Гавр., московскій посолъ во Франціи и Турціи, т. XLIV, 148, 149; т. XLV, 27, 304.

Кони, Ирина Семенов., рожд. Юрьева, писательница. *Некрологъ ея.* Т. XLVI, 860, 861.

Кононовъ, Даниль, переводчикъ, голецъ въ Константинополь, т. XLV, 304.

Константинъ Николаевичъ, великій князь, т. XLIII, 337.

Константинъ Павловичъ, цесаревичъ, т. XLIII, 492; т. XLVI, 787—793.

Корниловъ, Александръ Александров., управляющій канцеляріей варшавскаго генераль-губернатора. *Некрологъ его.* Т. XLIV, 278.

Коробинъ, Вас. Андреевъ., посолъ въ Константинополь, т. XLV, 27, 304.

Коробовъ, Вас. Андреевъ., ближній бол-

- ринг, посоль въ Константинополь, т. XLV, 25, 304.
- Коробинъ, Иванъ**, русскій представитель въ Константинополь, т. XLV, 304.
- Коровинъ, Никол. Арсенг.**, авторъ воеводы, т. XLVI, 85, 86.
- Корсановы:**
— Д. А., профессоръ Казанскаго университета. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Т. XLVI, 239—241.
— Полковникъ Московскаго полка, т. XLIV, 663, 664.
— Штабсъ-капитанъ, участникъ амурской экспедиціи, т. XLVI, 699, 703.
- Кортеръ, Сюзанна.** *Очеркъ ея:* Уличная жизнь въ Мадридѣ. Т. XLV, 447—459.
- Кортинъ, Иеремія.** *Замѣтка* о его сборникахъ: „Многъ и народныя сказки русскихъ западныхъ славянъ и мадьяръ“ и „Многъ и народныя преданія Ирландіи“. Т. XLVI, 272, 273.
- Корфы, бароны:**
— А. Н. приамурскій генераль-губернаторъ, т. XLIII, 455.
— М. А., председатель тайнаго комитета по дѣламъ печати, т. XLV, 578.
- Коршъ, Валентинъ Ѳеодор.**, писатель и публицистъ. *Эпиграммы на него* Щербини. Т. XLIII, 64.
- Косичъ, Андрей Ив.**, генераль-лейтенантъ, саратовскій губернаторъ. *Воззваніе* его въ пользу голодающихъ. Т. XLVI, 288.
- Костемаревскій, Ив. Сем.**, штабсъ-лекарь, писатель, т. XLIV, 772, 773.
- Костенко, Левъ Ѳеоданов.**, генераль-майоръ, знатокъ Средней Азіи. *Некрологъ* его. Т. XLVI, 548.
- Костомаровъ, Никол. Ив.**, историкъ, профессоръ. *Статья* объ нем: Историкъ-идеалистъ. Т. XLIII, 501—520.
- Костыръ, профессоръ** Харьковскаго университета, т. XLV, 389.
- Котлевскій, бергъ-гешворенъ** нерчинскихъ заводовъ, т. XLV, 220, 224, 226.
- Коховскій, Всеволодъ Перфильев.**, директоръ педагогическаго музея. *Некрологъ* его. Т. XLV, 526.
- Коцебу, генералъ**, т. XLIII, 790.
- Кочубей, кн. Викторъ Пав.**, посланникъ въ Константинополь, вполнѣд. председатель госуд. совѣта и государств. канцлеръ, т. XLV, 283, 284, 305.
- Кошелевъ, Петръ, ст. сов.**, содержатель игорнаго дома, т. XLV, 116.
- Кояловичъ, Мих. Осип.**, заслуженный профессоръ Петербургской духовной академіи. *Замѣтка* о 35 лѣтнн ученой дѣятельности его. Т. XLIII, 292. *Некрологъ* его. Т. XLVI, 285.
- Краевскій, Андрей Александр.**, редакторъ-издатель газеты „Голосъ“, т. XLIII, 748; т. XLIV, 186—190; т. XLV, 313, 341.
- Краснодубровскій, С. С.** *Библиографическая замѣтка* объ изданіи его: Укекъ. **Кукольники:**
— Александръ Вас., т. XLV, 89, 91.
— Вас. Гринг., профессоръ, отецъ писателя, т. XLV, 79—85, 87—92, 97—99.
— Марья Вас. См. Пузыревская.
— Несторъ Вас., писатель. *Изъ воспоминаній* его. Т. XLV, 79—99. *Упомян.* т. XLIII, 747, 567, 572.
— Никол. Вас., т. XLV, 87.
— Пав. Вас., т. XLV, 89, 91, 93, 94. Доклады и изслѣдованія по археологическимъ и историческимъ вопросамъ. Т. XLIV, 747, 748.
- Крестовскій, псевдонимъ** писательницы. См. Заіончковская.
- Кривенно:**
— Вас. С. *Статья* его: Поѣздка на югъ Россіи въ 1888 году. Т. XLIII, 145—203.
— Серг. Никол. *Библиографическая замѣтка* его: Д. А. Корсаковъ. „Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка“. Т. XLVI, 239—241.
- Кривцовы:**
— Екат. Ѳед., урожд. Вадковская. *Привѣтствіе* ей Жуковскаго. Т. XLIV, 182, 183.
— Никол. Ив., герой Кульма, т. XLIV, 179, 182.
— Софья Ник. См. Батюшкова.
- Кролинъ, архимандритъ.** См. Ѳеофилъ.
- Кронебергъ, Анд. Ив.**, писатель, т. XLV, 337, 338.
- Крутиковъ, оперный пѣвецъ**, т. XLIII, 349.
- Крыжановскій, оренбургскій военный губернаторъ**, т. XLVI, 341—343.
- Крыловы:**
— Викг. Александръ. *Статья* его: Шестисотлѣтній юбилей Швейцаріи. Т. XLVI, 183—199.
— Евстаѳій. *Библиографическая замѣтка* объ учебникѣ его: Опытъ систематическаго повторительнаго курса по Всеобщей и Русской Исторіи. Выпуски I и II. Т. XLV, 747, 748.
— Ив. Андреевъ, баснописецъ, т. XLV, 315.
- Крымъ-Гирей, крымскій ханъ**, т. XLV, 269, 271.
- Крюковъ, Д. Л.**, профессоръ Московскаго университета, т. XLIV, 565.
- Кудрявцевъ, Никифоръ, полячій**, голецъ въ Константинополь, т. XLV, 305.
- Кузнецовы:**
— Е. В. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Т. XLIV, 496, 497.

— Инн. *Библиографическая заметка* о его сборникъ: Историческіе акты XVII столѣтія (1633—1699). Матеріалы для исторіи Сибири. Т. XLIII, 853—855.

Кузовлевъ, московскій дьякъ въ Константинополѣ, т. XLV, 304.

Кузьмичъ, писатель, т. XLV, 336.

— Софья Никол., рожд. Пялянкевичъ, мать писателя, т. XLV, 79—81.

Кулебякинъ, полковникъ, пострадавшій отъ взрыва 1 марта, т. XLIII, 151.

Куликовъ, Никол. Ив., писатель и театральнй дѣятель. *Некрологъ его*. Т. XLV, 771.

Нумани, Алексѣй Мих., русскій пограничнй въ Константинополѣ, т. XLV, 306.

Куракинъ, кн. Ф. А. *Библиографическая заметка* о первой книгѣ его „Архива“. Т. XLIII, 248—251.

Курицынъ, Ѳеодоръ, дьякъ, посолъ въ Венгрію, т. XLV, 22.

Курочкины:

— Вас. Степ., редакторъ „Искры“, т. XLIV, 117—120, 134, 135, 633—637; т. XLVI, 670—675.

— Наталья Ром., супруга предыдущаго, т. XLVI, 672, 674.

Кутейниковъ, Никол. Степ. *Библиографическая заметка* его: Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ. Ф. Еленева. Т. XLV, 477—480.

Куторга, Мих. Степ., профессоръ, т. XLV, 340.

Кутузовъ, Андрей, русскій представитель въ Константинополѣ, т. XLV, 304.

Кушелевъ-Безбородко, гр. Александръ Грн., т. XLV, 97.

Кушнеревъ, И. Н. *Заметки* объ изданіяхъ имъ сочиненіяхъ Лермонтова. Т. XLVI, 135, 450—459.

Кувцевскій, писатель, т. XLVI, 673.

Къръ, кронштадтскій типографчикъ, т. XLIII, 333, 334.

Л.

Лавиць, французскій историкъ. *Заметка* о соч. его: „Le père du grand Frédéric“. Т. XLIII, 571, 572.

Лавровскіе:

— Николай Алексѣевъ, попечитель Дерптскаго учебн. округа, т. XLV, 390.

— Петръ Алексѣевъ, попечитель Одесскаго учебн. округа, т. XLV, 390.

— Оперная артистка, т. XLIII, 345, 346.

Лавровы:

— Артиллерійскій полковникъ, эмигрантъ. *Эпиграмма на него* Щербины. Т. XLIII, 63.

— Ив. Ив., актеръ, т. XLVI, 79, 82. Ладарія, И., абхазскій крестьянинъ. *Воспоминанія его*: На зарѣ моей жизни. Т. XLVI, 109—118.

Лазаревскій, Леонтій, московскій дьякъ, т. XLV, 28, 304.

Ламанскій, В. И. *Библиографическая заметка* объ издаваемомъ подъ его редакціей журналѣ „Живая Старина“. Т. XLIII, 242—246.

Ламбалль:

— Марія-Тереза-Луиза, принцесса (Савойяно-Кареньянъ). *Статья* объ ней. Т. XLIII, 225—236.

— Принцъ, т. XLIII, 225, 226.

Лангеръ, цензоръ, т. XLV, 340, 341.

Лангхельнъ, Юлій, докторъ. *Заметка* о соч. его: Рембрандтъ какъ воспитатель. Т. XLIII, 890, 891.

Ланжеронъ, гр. Александръ Ѳеодоръ, генераль-отъ-инфантеріи, новороссійскій генераль-губернаторъ. т. XLIV, 608.

Лапинъ, Ив. Ѳеодоръ, актеръ, т. XLV, 419.

Лаптевы:

— Прасковья Марков., бросившая мужа для иночества, т. XLVI, 758, 759.

— Семень Логгинъ, москвичъ, т. XLVI, 758, 759.

Лапшинъ, В., профессоръ Харьковскаго университета, т. XLV, 377, 378, 381.

Ларокъ. *Заметка* объ изданіи его: Всеобщая исторія эмигрантовъ. Т. XLIV, 762, 763.

Латинны:

— В. Н., профессоръ. *Библиографическія заметки* его: М. М. Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ. Т. I и II. Т. XLIII, 237—242. В. Ренненкампфъ. Конституціонная начала и политическія воззрѣнія князя Бисмарка. Т. XLIV, 236—240. А. Зерцаловъ. О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ 1648, 1662 и 1771 гг. Т. XLIV, 247—249. В. С. Иконниковъ. Страница изъ исторіи екатерининскаго Наказа (объ отгнѣнныи пытки въ Россіи). Т. XLV, 185, 186. Н. П. Загоскинъ. Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. Т. XLV, 480—484. А. Филипповъ. О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою. Т. XLV, 734—739. Н. П. Загоскинъ. Наука исторіи русскаго права. Ея вспомогательныя знанія, источники и литература („Библиографическій указатель“). Т. XLVI, 251—254.

— Н. В., членъ императорскаго русскаго географич. общества. *Библиографическая заметка* о соч. его: Красноярскій округъ Енисейской губерніи. Т. XLIV, 489—491.

Лачиновъ, Пав. Александр.; профессоръ Лѣснаго института. *Некрологъ его*. Т. XLV, 784.

Лебедевъ, Кл. Вас., художникъ, т. XLIV, 688—690.

Левашевъ, Пав. Артемьев., писатель и дипломатъ, т. XLV, 269, 305.

Левъ, Эмиль. *Замѣтки* о соч. его: „De Livourne à Batoum“; т. XLIII, 578, 579; о путешествіи его по Кавказу; т. XLV, 211, 212.

Лего, Филиппъ. *Замѣтка* о статьѣ его: Русско-китайская задача. Т. XLIII, 276, 277.

Лене, Луи, французскій профессоръ. *Замѣтка* о соч. его: „Русская комедія XVIII вѣка. Фонвизинъ“. Т. XLIII, 579, 580. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Russes et Slaves. Т. XLVI, 504—508.

Ленки, Вильямъ. *Замѣтка* о соч. его: Исторія Англіи въ XVIII столѣтіи. Т. XLIII, 888, 889.

Леманъ, Анат. П. *Разсказъ его*: Игра случая. Быль. Т. XLV, 394—414. *Библиографическая замѣтка его*: В. Пискорскій. Франческо Ферруччи и его время. Очеркъ послѣдней борьбы Флоренціи за политическую свободу (1527—1530). Т. XLV, 486—488.

Ленскій, Дмит. Тимоѣев., водевиллистъ, т. XLVI, 87—89.

Леонидъ (Левъ Александр. Кавелинъ), архимандритъ, намѣстникъ Тронце-Сергіевой лавры. *Некрологъ его*. Т. XLVI, 861, 862.

Леоновы:

— Актеръ, т. XLVI, 338, 339.

— Дарья Мих., артистка императорскихъ театровъ. *Воспоминанія ея*. Т. XLIII, 120—144, 326—351, 632—659; т. XLIV, 73—85.

Леонтьевы:

— В., писатель, журналистъ, т. XLIV, 134—136, 638—641.

— Профессоръ Москов. университета, т. XLV, 578.

Лепарскій, ген.-маіоръ, комендантъ чернышскихъ рудниковъ, т. XLV, 222.

Лермонтовъ, Мих. Юрьев., поэтъ. *Пятидесятилѣтіе* кончины его. Т. XLV, 778. *Обзорніе* изданныхъ въ 1891 г. сочиненій его. Т. XLVI, 119—136. *Нѣсколько замѣчаній* о лицахъ въ его поэзіи. Т. XLVI, 137—148. *Замѣтка* о сочиненіяхъ его во всемирной литературѣ. Т. XLV, 667—675. *Замѣтка* объ иллюстрированіи его сочиненій. Т. XLVI, 450—459.

Львѣдимитрій, самозванецъ. *Статья* объ немъ. Т. XLVI, 636—667. *Упомянутъ*. т. XLIV, 334, 335.

Ливень, княгиня Доротея, рожд. Бенкендорфъ, супруга русскаго посланника въ Лондонъ. *Замѣтка* объ изданной перепискѣ ея съ гр. Гремъ. Т. XLIV, 265, 266.

Лиске, Ксаверій, ректоръ Львовскаго университета, польскій историкъ. *Некрологъ его*. Т. XLIV, 530—532.

Литольфъ, Генрихъ, композиторъ. *Некрологъ его*. Т. XLVI, 845, 846.

Лихаревы:

— Сержантъ Семеновскаго полка, участникъ многихъ битвъ, лишенный пріюта, т. т. XLVI, 750.

— Никита Андреевъ, охотникъ, т. XLV, 113.

Лихачевъ, П. П., приватъ-доцентъ Петербургскаго университета. *Библиографическія замѣтки его*: Великій князь Георгій Михайловичъ: „Монеты царствованія императора Павла I и императора Александра I“. Т. XLIV, 716—722. Русскія монеты 1881—1891. Т. XLIV, 722—724. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Бумага и древнѣшія бумажная мельницы въ Московскомъ государствѣ. Историко-археологическій очеркъ. Т. XLVI, 814—816.

Лихуды:

— Іоанникій, греческій іеромонахъ, преподаватель славяно-греко-латинской академіи, т. XLVI, 732, 739.

— Князь Иванъ, т. XLVI, 736.

— Князь Ив. Никол., т. XLVI, 738.

— Князь Николай, стольникъ, т. XLVI, 738.

— Софроній, греческій іеромонахъ, преподаватель славяно-греко-латинской академіи, т. XLVI, 732—741.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Борис., посолъ въ Константинополь, а потомъ въ Вѣнѣ, т. XLV, 303, 306.

Ловягинъ, Алекс. Мих. *Библиографическія замѣтки его*: Романтика Круглаго Стола въ литературахъ и жизни Запада. I. Переломъ въ западно-европейской этикѣ въ XII—XIII вв. Средневѣковая романтика въ Италіи. Историко-литературные очерки Н. Дашкевича. Т. XLIII, 555—559. Нижегородскій Сборникъ, издаваемый нижегородскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ редакціей дѣйстви. члена и секретаря комитета А. С. Гацискаго. Т. X. Т. XLIV, 727—729. Пятидесятилѣтіе „Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Историческій очеркъ. Т. I. Составилъ Н. В. Воскресенскій. Т. XLV, 748—750. Pamitnik piętnastoletniej działatności Akademii Umiałości w Krakowie. 1873—1888. Т. XLV, 753—755.

Лодыгинъ, Ник. Ив., генералъ-маіоръ,

воронежскій военный губернаторъ, т. XLIII, 210.

Ломбаръ, Жанъ. *Замѣтка* о романахъ его: „Византия“. Т. XLIII, 583, 584.

Моносоповы:

— Помѣщикъ, т. XLV, 87.

— Мих. Вас., академикъ, писатель. *Бюстъ* его въ Петербургѣ. Т. XLV, 783.

Лопатинскій, архіепископъ. См. Теофилактъ.

Лопухинъ, Авраамій, стольникъ, т. XLV, 305.

Лореръ, Никол. Ив., декабристъ, т. XLIV, 351, 352, 608, 619; т. XLV, 64—71.

Лукианъ Бонапартъ, принцъ, т. XLVI, 830—832.

Лунины:

— С. Н., т. XLIV, 608, 609.

— Мих. Серг., подполковникъ лейбъ-гв. Гроднен. гусар. полка, декабристъ, т. XLV, 65, 66.

Луцицкая, М. В. *Библиографическая замѣтка* о переводѣ ея: *Исторія Европы XIX вѣка*, Файфа. Т. III съ 1848—1878. Т. XLVI, 492—496.

Лыновъ, Богданъ, переводчикъ въ Константинополь, т. XLV, 304.

Лыткинъ, Никол. Александр., инспекторъ научныхъ классовъ Петербургской консерваторіи. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 294, 295.

Львовы:

— А. Д., поэтесса, т. XLVI, 856.

— А. Ѳ., композиторъ, т. XLIII, 750.

— Марья Алексѣев., рожд. Дьякова, т. XLIV, 342.

— Никол. Александр., т. XLIV, 342.

— Прасковья Никол., т. XLIV, 360, 361.

Любарскій, П. В. *Воспоминанія* его о Харьковскомъ университетѣ. 1850—1855 гг. Т. XLV, 373—393.

Любовичъ, Н. *Библиографическая замѣтка* его: *Pamiętnik drugiego zjazdu historyków Polskich we Lwowie. I. Referaty*. Т. XLIII, 858—861.

Любовниковъ, Алексѣй Степ., цензоръ петербургскаго комитета цензуры иностранной. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 295.

Людовикъ:

— Бонапартъ, голландскій король, т. XLIII, 269—271.

— XIII, французскій король, т. XLIV, 148, 149, 153.

— XIV, французскій король. *Замѣтка* объ немъ. Т. XLIV, 751—755. *Упоми.* т. XLIV, 154, 156, 159—168.

— XV, французскій король, т. XLIV, 450, 503—507.

— XVI, французскій король. *Письмо* его. Т. XLVI, 266, 267; т. XLIII, 232, 234, 876—879; т. XLIV, 448, 450, 452, 458, 462, 706—708, 710, 711.

— XVII, французскій король. *Замѣтка* о вскрытіи тѣла его. Т. XLVI, 265, 266, *Упоми.* т. XLIV, 706, 712, 714.

— XVIII, французскій король, т. XLIV, 218.

Людовикъ-Лукианъ Бонапартъ, принцъ. *Замѣтка* объ немъ. Т. XLVI, 830—832.

Людовикъ - Филиппъ, король французскій, т. XLIII, 271.

Люлье, Шарль, французскій лейтенантъ, бывший членъ, потомъ врагъ комунъ. *Некрологъ* его. Т. XLVI, 843, 844.

Лядовъ, капельмейстеръ императорскихъ театровъ, т. XLIII, 330, 331, 335, 339.

Лященко, Арк. Іоак. *Замѣтка* его: Наши губернскія архивныя комиссіи. Т. XLIII, 600—608.

М.

Магазинеръ, М. Я., докторъ, т. XLV, 573, 574.

Магаффи, Джонъ. *Замѣтка* о соч. его: *Греческій міръ* подъ римскимъ владычествомъ. Т. XLIV, 268, 269.

Мазаевъ, М. Н. *Библиографическая замѣтка* о его Опытѣ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. Т. XLVI, 820, 821.

Майковы:

— Ап. Ник., поэтъ, т. XLV, 341.

— Валеріанъ Никол., критикъ. *Статья* объ немъ. Т. XLIV, 186—203.

— Владим. Никол., т. XLV, 559.

— Писательница (Е. Подольская), т. XLV, 559, 560.

Манаровы:

— К. Н. *Сообщилъ* воспоминанія о поэтѣ А. И. Полежаевѣ. Т. XLIV, 110—115. *Замѣтка* его о портретахъ поэта К. Н. Ватюшкова. Т. XLIV, 773—776.

— Никол. Петр., лексикографъ и писатель. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 596, 597.

— Пав. Сем., редакторъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“. *Некрологъ* его. Т. XLV, 239, 240.

Мановскій, В. Е., художникъ-жанристъ, т. XLVI, 516.

Максимовы:

— А. М., актеръ, т. XLIV, 302, 303.

— Карлъ Ив., академикъ по кафедрѣ ботаники. *Некрологъ* его. Т. XLIV, 277, 278.

— С. В. писатель-этнографъ. *По поводу* книги его: Крылатія слова. Т. XLIII, 212—224.

Машеевъ, профессоръ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Историческій обзоръ Туркестана и поступательнаго движенія въ него русскихъ. Т. XIV, 498, 499.

Малагрида, Габріель, португальскій іезуитъ, сожженный на кострѣ, т. XLV, 177.

Малербъ, французскій каноникъ въ Москвѣ, т. XLV, 503, 504.

Мальшинскій, А. П. *Статья* его: Московскіе игроки (1795—1805 гг.). Т. XLV, 108—124.

Мансуровъ, Петръ, русскій представитель въ Константинополь, т. XLV, 304. фонъ-Мантейфель, прусскій министръ, т. XLIII, 675, 677, 678, 699, 700.

Марать, журналистъ и докторъ. *Замѣтка объ немъ*. Т. XLIII, 272, 273; т. XLIV, 755, 756.

де-Марбо, баронъ, французскій генералъ. *Извлеченіе* изъ мемуаровъ его. Т. XLV, 720—731.

Маржереть, Яковъ, французъ, состоявшій на службѣ въ Москов. государствѣ, т. XLIV, 147.

Марія Александровна (Максиміліана-Вильгельмина - Августа - Софія - Марія, принцесса гессенъ-дармштадтская), руская императрица, т. XLIII, 234—286.

Марія-Антуанетта, французская королева. *Статья* объ ней по новымъ даннымъ. Т. XLIV, 448—462, 706—715. *Улмин.*, т. XLIII, 227, 228, 230—232, 234, 235.

Марія-Бенедикта, португальская королева, т. XLV, 471, 472.

Марія Григорьевна Смуратова, супруга Бориса Годунова, т. XLVI, 653.

Марія-Терезія, нѣмецкая императрица и королева Венгріи и Богеміи, т. XLIV, 450, 454.

Марія Θεодоровна (Доротей-Софія-Августа-Луиза, принцесса виртембергская), вторая супруга императора Павла I, т. XLV, 65, 88, 94; т. XLVI, 788, 789, 791.

Марія Θεодоровна (Марія Софія-Фридерика-Дагмара, принцесса датская), императрица русская, т. XLIII, 147, 150—152, 158—160, 162, 165, 171, 177, 178, 180, 186—188, 191—198, 200—203.

Марія Θεодоровна (Нагала), пятая супруга Ивана Грознаго, т. XLIV, 309, 312, 314, 320.

Маркеллъ (Родышевскій), епископъ корельскій, т. XLVI, 418, 419, 425.

Марковы:

— Алексѣй. *Замѣтка* о его переводѣ на нѣмецкій языкъ романа Немвровича-Данченко „За кулисами“. Т. XLV, 214.

— Р. Л. *Его отрывки* изъ семейной хроники; Недавняя старина. Т. XLV, 241—262.

— Полковникъ, писатель, т. XLV, 586.

— Н. *Библиографическая замѣтка* о его хронологической таблицѣ къ исторіи русской литературы новаго періода. Вып. I. Писатели XVIII столѣтія. Т. XLVI, 515.

Марконъ, Жюль. *Замѣтка* о его гипотезѣ происхожденія названія Америки. Т. XLVI, 269, 270.

Мартыновы:

— Аргистъ, т. XLIV, 302—307.

— Педагогъ, т. XLV, 86, 87.

Марціалъ, поэтъ. *Библиографическая замѣтка* о его биографіи. Т. XLVI, 258, 259.

Марченко, Анастасія, писательница, т. XLV, 573—575.

Мареа, инокиня, мать царевича Дмитрія, т. XLVI, 653.

Масловъ, А. Н. *Статья* его: Графъ Мольтке (1800—1891). Т. XLIV, 691—705.

Масоѣдовъ, Николай, оберъ-прокуроръ, содержатель игорнаго дома, т. XLV, 116.

Матвѣевы:

— Московскій дьякъ въ Константинополь, т. XLV, 304.

— Пав. Ал. *Статья* его: Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ XVII вѣкѣ. Т. XLIV, 142—171.

де-Матось, Жоао, португальскій іезуитъ, заговорщикъ противъ короля Іосифа I, т. XLV, 177.

Махмедъ-Хасанъ-Ханъ-Эибаль-ус-Султанъ, персидскій министръ государств. имуществъ, завѣдывающій печатей, т. XLVI, 234.

Махмудъ II, турецкій султанъ, т. XLV, 288, 292, 293; т. XLVI, 349—355.

Мацѣйовскій, Бернардъ, кардиналъ-епископъ краковскій, т. XLVI, 644, 650.

Мачехинъ, московскій гонецъ къ французскому королю, т. XLV, 154—156.

Меглицкій, Гавр. Тих., настоятель Вѣнской посольской церкви. *Письмо* его къ тещѣ А. И. Голубовой. Т. XLIII, 283—286.

Межовъ, В. И., библиографъ. *Библиографическая замѣтка* о трудѣ его: Сибирская библиографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ I. Т. XLV, 198, 199. Томъ II. Т. XLVI, 816, 817.

Мейерберъ, композиторъ, т. XLIII, 141—143.

Мейсонье, Жань-Луи-Эрнестъ, французскій художникъ. *Статья объ немъ*. Т. XLIII, 828—852.

Мельборнъ, лордъ, первый министръ Англии, т. XLIII, 107.

Мельиумъ-хань, персидскій дипломатъ, открывшій въ Тегеранѣ масонскую ложу, т. XLVI, 235.

Менгли-Гирей, крымскій ханъ, т. XLV, 22, 25.

Менделѣвъ, Ив. Пав., вишневолоцкій помѣщикъ, Витебскій губ. прокуроръ. *Замѣтка о дѣлѣ его съ поручикомъ Заостровскимъ*. Т. XLV, 514—519.

Меншиковы, князья:

— Александр. Данил., генералиссимусъ, т. XLVI, 43, 44, 414—418, 423, 426, 430—434.

— Александр. Серг., адмиралъ, посылъ въ Константинополь, т. XLIII, 493, 494; т. XLV, 306; т. XLVI, 695, 698.

Мердеръ, Н. И. (Северинъ), писательница. *Статья ея*: Фамильная хроника Воротицевыхъ. Т. XLIII, 5—31, 305—325, 610—631; т. XLIV, 5—26, 281—301, 539—560; т. XLV, 5—20.

Мернь, совѣтникъ русскаго посольства въ Вѣнѣ, т. XLV, 272.

Мессеръ, Петръ Ом., капитанъ 1-го ранга, т. XLV, 69, 70.

Метлинъ, Михаилъ, діаконовъ-злодѣй Ярославск. епархіи, т. XLIV, 447.

Мехмедъ-Али, египетскій паша, т. XLV, 295—297; т. XLVI, 353.

Миклошичъ, Францискъ, профессоръ-славистъ. *Некрологъ ею*. Т. XLIV, 532.

Миллеръ, Г. Ф. *Библиографическая замѣтка о соч. его*: Исторія Академіи Наукъ. Т. XLVI, 260, 261.

Милославскіе:

— Илья Данил., стольникъ, т. XLV, 28, 304.

— Никол. Карл., актеръ, т. XLVI, 338, 339, 583—588.

Милюшъ-Обреновичъ, сербскій князь, т. XLV, 287.

Милоковъ, Пав. *Письмо ею* въ редакцію по поводу его обезрѣвія русской литературы въ „Атенеумѣ“. Т. XLIII, 298. *Замѣтка о его Очеркѣ исторіи русской литературы*. Т. XLV, 768—771.

Минаевъ, Дм. Ив., театраль, т. XLVI, 343, 344.

Минихъ, гр. Эрнстъ. *Библиографическая замѣтка* объ изданныхъ запискахъ его. Т. XLIV, 726, 727.

Минихъ, гр. Бурхардъ-Христофоръ, генералъ-фельдмаршалъ, т. XLV, 45, 46.

Минчани, Матв. Яков., русскій повѣренный въ Турціи, т. XLV, 289—291, 305.

Мирза-Али-Аснарь-Ханъ (Эминъ-Султанъ), персидскій министръ внутреннихъ дѣлъ, т. XLVI, 233, 234.

Мирза-Али-Ханъ (Эминъ-уд-Дауля), персидскій министръ путей сообщеній, почтовыхъ дѣлъ и председатель верховнаго госуд. совѣта, т. XLVI, 234.

Митропольскій, Никол. Егор., шахматистъ. *Некрологъ ею*. Т. XLVI, 285.

Михайловъ, профессоръ Петербургскаго университета, т. XLV, 569, 570.

Михаилъ Павловичъ, великій князь, т. XLV, 89; т. XLVI, 786, 787, 790, 792, 795.

Михаилъ Ѳедоровичъ, московскій царь, т. XLVI, 148, 149, 154; т. XLV, 27, 28.

Михневичъ, В. О., писатель и публицистъ. *Статичка* изъ литературныхъ воспоминаній его. Т. XLIV, 633—642.

Мнишкы:

— Марина, жена самозванца Лжедмитрія, т. XLVI, 638, 644, 651, 660, 661, 666.

— Урсула. См. кн. Вишневецкая.

— Юрий, воевода сандомірскій, т. XLVI, 637, 643—646, 649—651, 664—667.

Мограсъ. *Замѣтка о книгѣ* его. La duchesse de Choiseul et le patriarche de Ferney. Т. XLV, 498—502.

Молимоновъ, коллеж. ассес., содержатель игорнаго дома въ Москвѣ, т. XLV, 114, 115, 119.

фонъ-Мольте, гр. Гельмутъ-Карлъ-Бернаръ, прусскій генералъ-фельдмаршалъ и начальникъ генеральнаго штаба. *Статья объ немъ*. Т. XLIV, 691—705. *Замѣтка* объ изданныхъ сочиненіяхъ его. Т. XLV, 772, 773. *Замѣтка*: Мольте и Гарибальди. Т. XLVI, 520, 521.

Морела, французскій министръ, т. XLIV, 452.

Морланъ, храбрый французскій генералъ т. XLV, 728, 729.

Морни, французскій герцогъ, т. XLIII, 114.

Морозовъ, Ив. Сем. См. Брюховъ.

Москвитинъ, Конст. Ив., посолъ къ мунгальскому царю Чичину, т. XLVI, 158, 159, 168—171.

де-ла-Мотъ, графиня, авантюристка, т. XLIV, 459, 460, 462.

Мочаловъ, Пав. Степ., артистъ, т. XLVI, 85.

Музаффаръ-ед-динъ-мирза, наслѣдникъ персидскаго престола, т. XLVI, 229, 232.

Мурзавъ-Амурскій, гр. Никол. Никол., амурскій генералъ-губернаторъ. *Замѣтка* объ изготовленіи ему памятника. Т. XLIII, 288, 289. *Библиографическая замѣтка* объ изданныхъ матеріалахъ для его біографіи. Т. XLV, 484—486. *Упомин.* т. XLVI, 695, 698—704, 706—711.

Муравьевы:

— Александра Грив., рожд. гр. Чернышева, т. XLV, 222.

— Александр Мих., т. XLIV, 608.

— Анд. Ник., писатель, т. XLV, 335.

— Артамонъ Зах., полковникъ, декабристъ, т. XLV, 220—227.

— Никита Мих., корнетъ кавалергарскаго полка, декабристъ, т. XLIV, 608.

— Никол. Никол., т. XLV, 295.

Муравьевы-Апостолы:

— Елена Ив. См. Капнистъ.

— Ив. Матв., т. XLIV, 358, 361, 362, 366, 608, 609.

— Иполитъ Ив., прапорщикъ, декабристъ, т. XLIV, 614.

— Матв. Ив., подполковникъ, декабристъ, т. XLIV, 361, 362, 366, 608, 612—614, 620, 625.

— Сергій Ив., подполковникъ декабристъ, т. XLIV, 361, 362, 366, 613, 614, 620, 623.

Мурзаковъ, киргизъ, угощавшій Александра II кумысомъ, т. XLVI, 178, 179.

Мусинъ-Пушкинъ, председатель цензурнаго комитета т. XLV, 560, 584.

Мусоргскій, М. П., композиторъ, т. XLIII, 337, 347, 348; т. XLIV, 82—84.

Мустафинъ, В. *Сообщилъ замѣтку:* Къ истории русскаго театра. Т. XLVI, 538—540.

Мухинъ, Аркадій Андреев. *Статья его:* Преемникъ Вѣлинскаго. Т. XLV, 186—203.

Библиографическія замѣтки его. Н. Страховъ. Изъ истории литературнаго нигилизма 1861—1865. Письма Н. Косицы. Замѣтки лѣтописца и проч. Онъ же. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. Книжка вторая. Изд. 2-е. Т. XLIII, 559—564. Мои воспоминанія 1848—1889. А. Фета. Т. XLIII, 865—868. Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Т. XLIV, 479—483. Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ. Біографическій очеркъ и рѣчи при погребеніи. Т. XLIV, 736—738. Очерки современной умственной жизни. А. Вѣляева. Т. XLIV, 740—742. Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Варсукова. Книга четвертая. Т. XLV, 192—194.

Мюзаръ, фаворитка голланд. короля Вильгельма III, т. XLIII, 267, 268.

Мюллеръ, Вильгельмъ, профессоръ Тюбингенскаго университета. *Библиографическая замѣтка* объ обработанномъ имъ соч. К. Ф. Беккера: Древняя исторія. Часть вторая. Т. XLIII, 856.

Мякининъ, Иванъ, стольникъ, т. XLVI, 753.

Мясниковъ, Федоръ Борисов., городской голова въ Ростовѣ, Ярослав. губ., т. XLIV, 442, 443.

Н.**Наріе:**

— Андрей, т. XLIV, 311.

— Григорій, т. XLIV, 312.

— Марія. См. Марія Федоровна.

— Михаилъ, бояринъ, т. XLIV, 311, 312.

Назимовъ, Владим. Ив., попечитель Московскаго учебнаго округа, внослѣд. виленскій генераль-губернаторъ. *Воспоминанія объ немъ.* Т. XLIII, 708—723.

Наполеонъ:

— I, Бонапартъ, императоръ французовъ. *Реликви его.* Т. XLV, 732, 733. *Боевыя коши его.* Т. XLVI, 267, 268.

Упомян. т. XLIII, 100, 102—105, 108, 110—112, 114—116, 119, 269, 271, 572—574; т. XLIV, 215, 219—231, 466—477, 568—593; т. XLV, 88, 89, 155, 158, 159, 284—504, 505, 507, 508, 723, 725—730.

— II (Луи), императоръ французовъ. *Замѣтка о сватовствѣ его.* Т. XLV, 757—759. *Изъ воспоминаній о политикѣ его.* Т. XLVI, 522, 523. *Упомян.* т. XLIII, 270, 271, 386—390, 393, 395, 396, 400, 407—413, 675, 678, 681, 684, 685, 690—705. 765—769.

Направникъ урожд. Шредеръ, оперная пѣвица, т. XLIII, 344, 345.

Нарановичъ, Петръ Андреев., профессоръ Харьковскаго университета, т. XLV, 379, 380.

Нарышкины:

— Левъ Александр., оберъ-шгалмейстеръ, т. XLV, 108—110.

— Мих. Мих., полковникъ, декабристъ, т. XLV, 66, 68.

Наср-ед-динъ, персидскій шахъ. *Статья объ немъ.* Т. XLVI, 223—238.

Натали, Иеронимъ, русскій посланникъ въ Константинополь, т. XLV, 305.

Наталья Алексѣевна, царица, т. XLVI, 46, 415, 422.

Наумовичъ, Ив. Григ., протоіерей, галицкій патріотъ и писатель. *Некролог его.* Т. XLVI, 286, 287.

Нашонинъ, Григ. Аван., посолъ въ Константинополь, т. XLV, 26, 27, 304.

Небольсинъ, П. И., писатель, т. XLV, 585, 586.

Неваховичъ, Мих. Львов., карикатуристъ, издатель „Ералаша“, т. XLIII, 459—461.

Невельскіе:

— Геннадій Ив., адмиралъ. *Статья объ немъ:* Одинъ изъ русскихъ пионеровъ на далекомъ востоцѣ. Т. XLVI, 692—712.

— Екатерина Ив., т. XLVI, 711.

де-ла-Невилль, французскій посолъ въ Москву, т. XLIV, 148.

Невѣдомскій, В. Н. *Библиографическая заметка* о переводахъ его: Р. Гаймъ. Романическая школа. Вкладъ въ исторію нѣмецкаго ума. Т. XLIII, 868—870. Американская республика Джемса Бройса. Часть III. Т. XLVI, 817—820.

Невѣровъ, подъячій, московскій посоль во Францію, т. XII, 148.

Недзвѣцкій, В. И. *Статья* его: Борьба съ голодомъ въ будущую войну. Т. XLV, 42—72.

Некрасовы:

— И. Ст., ректоръ Новороссійскаго университета, т. XLVI, 859.

— Никол. Алексѣевъ, поэтъ. *Эпиграмма* на него Щербины. Т. XLIII, 63. *Къ биографіи* его. Т. XLII, 585, 586.

Нелединскіе-Мелецкіе:

— Юрій Степ., ярославскій оберъ-комедантъ, т. XLVI, 434.

— Ю. А., статсъ-секретарь, поэтъ, т. XLV, 110, 112, 116.

Нелидовъ, Александр. Ив., посоль въ Константинополь, т. XLV, 302, 306.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив., писатель. *Заметка* о нѣмецкомъ переводѣ его романа: „Закулисами“. Т. XLV, 214.

Неплюевы:

— Адрианъ Ив., резидентъ въ Константинополь, т. XLV, 48, 49, 305.

— Ив. Ив., посоль въ Константинополь, потомъ петербургскій главнокомандующій, т. XLV, 36—41, 305.

Нерсесь, католикосъ всѣхъ армянъ, т. XLVI, 462.

Неслуховскій, Ф. К. *Библиографическая заметка* его: Казаки. Донцы. Уральцы. Кубанцы. Терцы. Очерки изъ исторіи староказакскаго быта. Составилъ К. К. Абаза. Т. XLIV, 495, 496.

Нессельроде, гр. Карлъ Вас., министръ иностран. дѣлъ и государствен. канцлеръ, т. XLIII, 102—107, 116, 389, 390, 393, 399, 674, 675, 679, 682, 685, 687, 689, 690, 698, 699, 703, 704, 707.

Нестеровъ, Аванасій, столбникъ, русскій представитель въ Константинополь, т. XLV, 304.

Никаноръ (Бровковичъ), архіепископъ херсонскій и одесскій. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 596.

Никитинъ, генераль-отъ-кавалеріи, т. XLIII, 497.

Никифоровскій, П. *Библиографическая заметка* о соч. его: Краткія замѣчанія объ отношеніи русскихъ сектъ къ государству. Т. XLV, 750, 751.

Николай, Леонтій Павловъ, русскій генераль-маіоръ и латинскій монахъ. *Некрологъ* его. Т. XLV, 527, 528.

Николай Александровичъ, наслѣдникъ

цесаревичъ (1843—1865 гг.), т. XLVI, 597—599.

Николай Александровичъ, наслѣдникъ-цесаревичъ, т. XLIII, 159, 160, 164—166, 180, 188.

Николай Максимилиановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій, князь генераль-отъ-кавалеріи, генераль-адъютантъ. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 594—596.

Николай I Павловичъ, императоръ. *Статья:* Восточная политика императора Николая I. Т. XLVI, 346—358. *Упомян.* т. XLIII, 102—104, 110, 112, 137, 140, 388, 491, 402, 493, 675; т. XLIV, 663; т. XLV, 69, 71, 89, 292, 293, 295; т. XLVI, 323—325, 327, 331, 384, 385, 694, 695, 703, 704, 707, 708, 785—795.

Николюскій, оперный артистъ, т. XLIII, 334.

Новиковъ, Евг. Петр., посоль въ Константинополь, т. XLV, 306.

Новицкій, Алексій Петр. *Приглашеніе* его къ сообщенію матеріаловъ для биографіи А. А. Иванова. Т. XLIV, 533.

Новосильцевы:

— Гр. Никол. Никол., попечитель Виленскаго учебн. округа, вносилъ. статсъ-секретарь, председатель государств. совѣта, т. XLV, 82, 83, 88.

— Иванъ, посоль къ турецкому султану, т. XLV, 26, 304.

Норовъ, А. С., министръ народнаго просвѣщенія, т. XLV, 574, 587—590.

Нусбаумъ. *Заметка* о соч. его: Исторія евреевъ отъ Моисея до нашего времени. Т. XLIV, 270, 271.

Нэпиръ, англійскій адмиралтъ, т. XLIII, 769, 770.

О.

Оберъ, композиторъ, т. XLIII, 143.

Оболенскій, кн. Евг. Петр., декабристъ, т. XLV, 220—227.

Обресковъ, Алексій Мих., секунд-маіоръ, резидентъ въ Константинополь, т. XLV, 263—270, 272—275, 305.

Обрѣзковъ, Вас. Евграфовъ, помѣщикъ, антрепренеръ костромскаго театра, т. XLVI, 66—71.

Оглоблинъ, Н. Н. *Статья* его: Сибирскіе дипломаты XVII вѣка. Посольскіе „статейные списки“. Т. XLVI, 156—171. *Заметка* его: Голодъ въ Нижегородской губерніи въ 1754—1755 г. Т. XLVI, 847—851.

Одынецъ, Антоній-Эдуардъ, польскій поэтъ. Незданныя произведенія его. Т. XLIV, 172—185.

Ожеро, французъ, служившій въ вой-

скажь Франціи, Россіи и Пруссіи, т. XLV, 730, 731.

Озеровъ, Александръ Петръ, русскій повѣренный въ Константинополь, т. XLV, 306.

Оларъ, профессоръ въ Сорбонѣ. *Замѣтка* о его изсканіяхъ культа Высшаго Существа. Т. XLVI, 521, 522.

Олешевы:

— **Алексій Вас.,** д. с. с., вологодскій губ. предводитель дворянства, т. XLV, 77, 78.

— **Марья Вас.,** рожд. Суворова, т. XLV, 77.

Олсуфьевы:

— **Графъ.** *Библиографическая замѣтка* о составленной имъ биографіи Марціала. Т. XLVI, 258, 259.

— **Оберъ-гофмейстеръ,** т. XLVI, 435, 436.

Ольденбургъ, С. Ѳ., археологъ, т. XLIII, 289, 290.

Ону:

— **А. М.,** членъ Историческаго Общества, т. XLIII, 289.

— **Михаилъ Константъ,** русскій повѣренный въ Константинополь, т. XLV, 306.

Опенушинъ, А. М., скульпторъ, академикъ, т. XLIII, 288.

Опочининъ, Е. Н., *Разсказъ* его: Густава Кастанни. Т. XLV, 686—696.

Ординъ-Нащокинъ, Аенасій Лаврентьевъ, ближній бояринъ, т. XLIV, 157.

Орлай, Ив. Семенъ, медикъ, директоръ Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ, т. XLV, 82.

Орлянский, комикъ-буффъ ярославскаго театра, т. XLVI, 74.

Орловы:

— **Н.,** полковникъ. *Библиографическая замѣтка:* Штурмъ Иманла 11 декабря 1790 г. Т. XLIII, 553—555.

Орловы, графы:

— **Алексій Ѳеодоровъ,** генераль-адъютантъ, т. XLIII, 100, 102, 106, 109, 111, 117, 118, 386—413, 678—698, 702, т. XLV, 294, 295, 305.

— **Григ. Григ.,** генераль-фельдцейхмейстеръ, т. XLV, 272.

Остаповъ, купецъ, вносльд. актеръ Ярославцевъ, т. XLVI, 591.

Остенъ-Сакенъ, Дмит. Ерофьевъ, генераль-адъютантъ, т. XLIII, 494, 495.

Остерманъ, гр. Ив. Андреевъ, канцлеръ, начальникъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, т. XLVI, 38—41, 44, 45, 47, 52—54.

Островскій, А. Н., драматургъ, т. XLVI, 589.

Острожскіе, князья:

— **Конст. Конст.,** кievскій воевода, маршалъ волынской и староста владимірскій, т. XLVI, 650, 663.

— **Янушъ (Иванъ) Конст.,** краковскій каштелянъ, т. XLVI, 650, 663.

Остроумовъ, Н. П. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Сарты. Этнографическіе матеріалы. Выпускъ первый. Т. XLV, 751, 752.

Отрепьевъ, Григорій, московскій іеродіаконъ, отождествленный съ первымъ Лжедмитріемъ, т. XLVI, 639—641, 653, 658—665.

II.

Павель:

— **Монахъ** Трегулевскаго монастыря, Тамб. епар., подверженный „дьявольскимъ мечтаніямъ“, т. XLVI, 419, 420.

— **Игумень** Ростовско-Борисоглѣбскаго монастыря, т. XLVI, 768, 770.

Павель I Петровичъ, императоръ, т. XLIII, 489, 490, 494.

Павленковы:

— **А. Н.** *Статья* его: Книжное дѣло и періодическія изданія въ Россіи въ 1890 году. Приложение къ июньской книжкѣ (конецъ XLIV тома).

— **Ф.** *Библиографическія замѣтки* объ изданіяхъ его: Жизнь замѣчательныхъ людей. Библиографическая бібліотека. Бѣлинскій, Карзининъ, Крамской, Мицкевичъ, Шопенгауеръ, Лойола, Дарвинъ, Гумбольдтъ, Кьювье; т. XLV, 182—185; *Исторія новѣйшей русской литературы* (1848—1890), А. М. Скабичевскаго; т. XLVI, 251—254.

Павловъ, М. Г., профессоръ, т. XLIV, 187.

Павлуцій, секретарь горной экспедиціи, т. XLV, 221.

Пагиревъ, Д. Д. *Статья* его: Профессоръ Парротъ и вершинъ Большаго Аларата. Т. XLVI, 460—471.

Пальмерстонъ, лордъ, англійскій дипломатъ, т. XLIII, 107, 108, 413; т. XLV, 296, 299.

Пальминъ, Илюдоръ Иванъ, писатель. *Некрологъ* его. Т. XLVI, 863.

Пальмовъ, И. С., профессоръ Петербургской духов. академіи, т. XLIII, 288.

Панаевы:

— **Александръ Ив.,** писатель, т. XLV, 649, 650.

— **Ив. Ив.,** писатель, т. XLIV, 186, 187.

Панины, графы:

— **Никита Петр.** *Библиографическая замѣтка* объ изданныхъ матеріалахъ

жизнеописанія его. Тома II, III и IV. Т. XLV, 191, 192.

— Никита Ив., оберъ-гофмейстеръ, госуд. канцлеръ, т. XLV, 273.

Парротъ, профессоръ Дерптскаго университета. *Статья* о восхожденіи его на вершину Арарата. Т. XLVI, 460—471.

Паскевичъ, свѣтлѣйшій князь Варшавскій, графъ Эриванскій, Ив. Ѳеодоров., генераль-фельдмаршалъ, намѣстникъ въ царствѣ Польскомъ, т. XLIV, 679, 681.

Пастернакъ, художникъ, т. XLVI, 459.

Пашинъ, Петръ Ив., ориенталистъ-путешественникъ и писатель. *Некрологъ* его. Т. XLVI, 547. *Упомин.* т. XLVI, 670—672, 674.

Пашковъ, оберъ-егермейстеръ, членъ госуд. совѣта, т. XLV, 718.

Пейнеръ, Никол. Ив., цензоръ, т. XLV, 584, 585, 587—590.

Пеликанъ, А. А. *Статья* его: Очеркъ Японіи. Т. XLV, 343—372, 593—616.

Пелискій, К. *Изъ воспоминаній* его: Чердачная исторія. Т. XLV, 676—685.

Пембронъ, Екатер. Сем., рожд. Воронцова, т. XLIV, 399.

Пенклеръ, австрійскій интернунцій въ Константинополь, т. XLV, 269.

Перушинъ, Михайль Михѣев, завѣдующій оспопрививательнымъ заведеніемъ волебно-экономич. общества. *Некрологъ* его. Т. XLV, 238.

Перей, секретарь Талейрана, т. XLIV, 216.

Перфильевъ, М., докторъ. *Библиографическая записка* о соч. его: О положеніи медицинскаго дѣла въ Россіи. Т. XLV, 179.

Петерсенъ, В. К. *Статья* его: Историческіе свидѣтн. Т. XLIV, 389—409, 659—681.

Петерсонъ, Христофоръ Ив., полковникъ, русскій повѣренный въ Константинополь, т. XLV, 305.

Петри, Э. Ю., профессоръ. *Библиографическая записка* объ исполненіи подъ его редакцію переводъ сочиненія Оскара Пешеля „Народовѣдніе“. Т. XLV, 549—553.

Петровский, Юрій, московскій бѣглець, слуга Льва Савѣги, т. XLVI, 643.

Петровы:

— Андрей Никол. *Статья* его: Русскіе дипломаты на парижскомъ конгрессѣ 1856 года. Т. XLIII, 98—119, 386—413, 672—705. *Библиографическая записка* его. Штурмъ Измаила 11 декабря 1790 г. Составилъ полковникъ Н. Орловъ. Т. XLIII, 553—555. Историческій обзоръ Туркестана и послугательнаго движенія

въ него русскихъ. А. И. Махшеевъ. Т. XLIV, 498, 499. Четыре войны. П. Алабинъ. Часть II. Походныя записки въ 1853 и 1854 гг. Т. XLIV, 499.

— Оперный артистъ, т. XLIII, 349.

— Петръ Никол., писатель, археологъ. *Воспоминаніе* объ немъ. Т. XLIV, 433—438. *Некрологъ* его. Т. XLIV, 529, 530.

Петръ I Алексѣевичъ, императоръ, т. XLIV, 760; т. XLV, 28—32, 34—38.

Петръ II Алексѣевичъ, императоръ, т. XLVI, 44—46, 409—439.

Печатиный, Вячеславъ Петр., инженеръ-технологъ, книгопродавецъ, т. XLV, 307, 314.

Пешель, Оскаръ, профессоръ. *Библиографическая записка* о соч. его: Народовѣдніе, въ переводѣ подъ редакцію и съ предисловіемъ Э. Ю. Петри, съ 6-го изданія, дополненаго Кирхгоффомъ. Выпуски III и IV. Т. XLIII, 549—553.

Пилларъ-фонъ-Пильхау, баронъ, начальникъ кирасирской дивизіи, т. XLIII, 788, 789.

Пинаго, французскій полковникъ 82 линейнаго полка, т. XLV, 726—728.

Пинегинъ, М. П. *Библиографическая записка* о соч. его: Свадебные обряды казацкихъ татаръ. Т. XLVI, 261.

Писемскій, Алексѣй Теофилакт., писатель. *Записка* о постановкѣ его „Горькой судьбинѣ“ на берлинской сценѣ. Т. XLIV, 513.

Пискорскій, В. *Библиографическая записка* о соч. его: Франциско Ферруччи и его время. Очеркъ послѣдней борьбы Флоренціи за политическую свободу (1527—1530). Т. XLV, 486—488.

Питиримъ, архіепископъ нижегородскій, т. XLVI, 430, 850.

Пieranтони, римскій сенаторъ. *Записка* о соч. его: Автобіографія Піетро Джіанноне, его время и его темница. Т. XLIII, 280, 281.

Плавильщиковъ, Петръ Алексѣев., актеръ и писатель прошлаго вѣка. *Очеркъ* изъ исторіи русскаго театра. Т. XLV, 415—446.

Плещеевы:

— Анна Ив., урожд. гр. Чернышева, т. XLIV, 182.

— Мих. Андреев., стольникъ, посоль въ Константинополь, т. XLV, 23, 24, 304.

Погодинъ, Мих. Петр., профессоръ: историкъ. *Библиографическая записка*, Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга четвертая. Т. XLV, 192—194. *Упомин.* т. XLVI, 565.

Пожарские:

- Кн. Дм. Мих., освободитель Москвы отъ ляховъ, т. XLVI, 772.
— И., писатель, т. XLV, 567.

Полевые:

— Никол. Алексѣев., писатель и журналистъ, т. XLIV, 566; т. XLV, 657, 658.

— Петръ Никол. *Статьи его*: Историкъ-идеалистъ (Н. И. Костомаровъ). Т. XLIII, 501—520. Историческій жанръ на выставкахъ 1891 года. Т. XLIV, 682—690. Первая попытка иллюстрировать Лермонтова. Т. XLVI, 450—459. *Историческая повесть его*: Тальянская чертовка. Т. XLV, 529—558; т. XLVI, 5—35, 289—320, 555—580. *Замѣтка его*: По поводу выставки народныхъ картинъ. Т. XLVI, 760—766. *Библиографическія замѣтки его*: Архивъ князя Ф. А. Куракина, издаваемый подъ редакціею М. И. Семевскаго. Книга первая. Т. XLIII, 248—251. Бродячая вольтница, хроника-романъ первой половины XVIII столѣтія, А. А. Голубева. Т. XLIII, 565, 566. *Исторія Государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей, съ краткимъ пояснительнымъ текстомъ*. Рисунки профессора исторической живописи Императорской академіи художествъ В. П. Верещагина а. Т. XLIV, 724—726.

Полежаевъ, Александръ Ив., поэтъ. Воспоминанія объ немъ. Т. XLIV, 110—115, 776.

Полетина:

- Александръ Ив., т. XLIV, 601.
— Петръ Ив., дипломатъ, сенаторъ, т. XLIV, 602.

Поликарповъ, Федоръ, директоръ московской типографіи, т. XLVI, 744.
де - **Полиньякъ, герцогиня,** т. XLIII, 227—232.

Полонскій, Яковъ Петр., поэтъ, т. XLIII, 35, 45, 49, 50; т. XLVI, 855.

Полъновъ, В. Д., художникъ, т. XLVI, 455, 457, 458.

Помбаль, Себастьянъ-Хозе-Карвальо-е-Мелло, графъ Оейрасъ, маркизъ. *Статья объ немъ.* Т. XLV, 160—178, 460—476.

Поповы:

— Лука, содержатель игорнаго дома, т. XLV, 115, 119.

— Н. А. *Воспоминанія его.* Т. XLVI, 369—387.

— Подпоручикъ, участникъ амурской экспедиціи, т. XLVI, 700.

Поросиновъ, Аванасій, стольникъ, русскій представитель въ Константинополь, т. XLV, 304.

Порошинъ, Яковъ, стольникъ, т. XLVI, 754.

Порфирьевъ, Ив. Яковъ, заслуженный ординарный профессоръ Казанской духовн. академіи. *Некрологъ его.* Т. XLIII, 295, 296. *Библиографическая замѣтка о его биографіи и рѣчахъ, произнесенныхъ при его погребеніи.* Т. XLIV, 736—738

Постининъ-Огаревъ, посоль Бориса Годунова въ Варшаву, т. XLVI, 654.

Потапенно, И. Н., писатель. Разсказъ его: Остроумно. Т. XLVI, 606—623. *Упомянутъ.* Т. XLVI, 856.

Потемкинъ, Петръ Ив., стольникъ, т. XLIV, 158—161, 165.

Потемкинъ - Тавричскій, свѣтлѣйшій князь Григ. Александръ, генераль-фельдмаршалъ, новороссійскій генераль-губернаторъ. *Замѣтка о столѣтій кончинъ его.* Т. XLV, 617—627. *Упомянутъ.* т. XLV, 280, 628—635.

Потоцкій, гр. Иосифъ. *Замѣтка о соч. его: Охотничья замѣтка объ Индіи.* Т. XLIV, 271.

Похвисневъ, охотникъ, т. XLV, 113.

Прессанс, французскій ученый. *Замѣтка о соч. его объ Ирландіи.* Т. XLIII, 889, 890.

Пржевальскій, Ник. Мих., знаменитый русскій путешественникъ. *Замѣтка о памятникѣ ему.* Т. XLVI, 546.

Прокоповичъ, архіепископъ. См. Теофанъ.

Прончищевъ, Аванасій, русскій представитель въ Константинополь, т. XLV, 304.

Протопоповъ, Тимофей, подъячій, голецъ въ Константинополь, т. XLV, 305.

Пругавинъ. По поводу книги его: „Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области умственного развитія и просвѣщенія“. Т. XLIV, 204—213.

Пряднишиновъ, П. К. *Замѣтки* объ изданныхъ имъ сочиненіяхъ Лермонтова, т. XLVI, 135, 450—459.

Пстроносскій, коронный подканцлеръ, т. XLVI, 650.

Пузыревскіе:

— И. А. *Сообщилъ* воспоминанія Н. В. Кукольника. Т. XLV, 79—99.

— Марья Вас., рожд. Кукольникъ, т. XLV, 89, 97.

Путята, Ник. Аполлонъ, писатель. *Некрологъ его.* Т. XLIII, 296.

Путятинны:

— Гр. Е. В., министръ народн. просвѣщ., т. XLVI, 627, 628.

— Кн. Никол. Сергѣевъ. *Сообщилъ* курьезный портретъ Пушкина. Т. XLIII 210.

Пушкины:

— Александр Сергѣевъ, поэтъ. *Замѣтка* о курьезномъ портретѣ его. Т. XLIII, 210. *Сочиненія* его во всемірной литературѣ. Т. XLV, 667—675. *Упомян.* т. XLV, 217, 218.

— Е. А., председатель тверскаго окружнаго суда. *Сообщилъ* замѣтку: Изъ практикы старыхъ судовъ. Т. XLV, 514—519.

Пуштинъ, Нилъ Львовъ, начальникъ главнаго гидрографическаго управленія морскаго министерства. *Некрологъ* его. Т. XLIV, 277.

Пчельникова, А., псевдонимъ. См. Цейдлеръ.

Пыляевъ, Мих. Ив. *Замѣтка* его: Отецъ Суворова. Т. XLV, 72—78.

Пыльинъ, А. Н. *По поводу* соч. его: История русской этнографіи. Т. XLIV, 410—432. *Библиографическая замѣтка* о томъ III-мъ того же сочиненія. Т. XLVI, 825—827.

Пѣтуховъ, Е. В. *Статья* его: Нѣсколько замѣчаній о лицахъ въ лермонтовской поэзи. Т. XLVI, 137—148. *Библиографическая замѣтка* его: Louis Leger. Russes et slaves. Т. XLVI, 504—508.

Р.

Рабурденъ, Шарль. *Замѣтка* о соч. его: "Осада Севастополя". Т. XLIII, 580, 581.

Рагонъ, Петръ, московскій гонецъ къ французскому королю, т. XLIV, 145.

Рамбо, Альфредъ, профессоръ Сорбонны. *Извлечение* изъ его сборника о дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Франціей. Т. XLIV, 143—171.

Рангоны, Клавдій, напскій пунцій въ Польшѣ, т. XLVI, 644—650, 661.

Рафаилъ (Верховскій), архимандритъ, настоятель Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, т. XLVI, 772, 774—776.

Рахмановъ, Алексѣй, содержатель игорнаго дома, т. XLV, 116.

Рашковский, Н. С. *Библиографическая замѣтка* о его переводѣ: Научная сторона экономической системы Карла Маркса. Г. Гросса доктора правъ при Вѣнскомъ университетѣ. Т. XLV, 488—490.

Рейнахъ, Иосифъ, писатель. *Замѣтка* о его произведеніяхъ. Т. XLVI, 275—277.

Рейпольскій, Ив. Никол., харьковскій врачъ, т. XLV, 390—392.

Рейхель, баронъ А. И., директоръ 4 московской гимназіи, т. XLIII, 710—713.

Ремезовъ Меньшой, посоль къ калмыцкому Контайшѣ, т. XLVI, 157, 159—164.

Ренненкампфъ, В. *Библиографическая*

замѣтка о соч. его: Конституціонная начала и политическія возрѣнія князя Бисмарка. Т. XLIV, 236—240.

Репнины, князья:

— Никол. Вас., генералъ-фельдмаршалъ, посоль въ Константинополь, Варшавѣ и Берлинѣ, т. XLV, 274, 277, 278, 282, 305.

— Поручикъ, т. XLIII, 497.

фонъ-Рескинъ, прусскій агентъ въ Константинополь, т. XLV, 266, 268, 269.

Ржевскій, Василій, полковникъ, помѣщикъ с. Леташева, Смолен. губ., т. XLVI, 746, 747.

де-Риббо, Шарль. *Замѣтка* объ изданномъ имъ дневникѣ графини Мадленны де-Рошфоръ. Т. XLV, 759—761.

Рибопьеръ, гр. Александръ Ив., русскій посланникъ въ Константинополь, т. XLV, 292, 305.

Рикнеръ. *Библиографическая замѣтка* объ изданіи его: Всеобщая исторія литературы. Выпускъ XXV. Скандинавская и турецкая литература; Т. XLIV, 731—733. Выпускъ XXVI. Т. XLVI, 496—498.

Рикманъ, баронъ Петръ Ив., русскій повѣренный въ Константинополь, т. XLV, 305.

Ринъ:

— Константинъ, управляющій нерчинской горной экспедиціей, т. XLV, 222.

— Михаилъ, шахмейстеръ нерчинской горной конторы, т. XLV, 220, 222, 227.

— Никол. Сем., командиръ Селегинскаго полка, воеводѣ. командиръ бригады, т. XLV, 227.

Р-нъ, Е. *Замѣтка* его: Церковь Николы на Липиѣ близъ Новгорода. Къ вопросу о сохраненіи древнихъ историческихъ памятниковъ. Т. XVIII, 901—905.

Робушъ, М. С. *Статья* его: Одинъ изъ русскихъ пионеровъ на далекомъ востоке. Т. XLVI, 692—712. *Библиографическая замѣтка* его: Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, официальнымъ документамъ, разговорамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ. (Материалы для біографіи). Ивана Барсукова. Двѣ книги. Т. XLV, 484—486.

де-Роганъ, французскій кардиналъ, т. XLIV, 459—462.

Родышевскій, епископъ. См. Маркеллъ. Рождественскій, Сергій Егор., педагогъ и авторъ учебниковъ. *Некрологъ* его. Т. XLVI, 547, 548.

Рождественъ, А. *Сообщилъ* біографическія свѣдѣнія о П. Д. Шестаковѣ. Т. XLIII, 706—708.

Розенгеймъ, Мих. Павл., поэтъ, писатель и журналистъ. *Эпиграмма* на него Щербины. Т. XLIII 46,

- Романовы:**
 — Александр. Никит., т. XLIV, 333.
 — Ив. Никит., тамбовский вочченникъ.
Замѣтка объ немъ. Т. XLVI, 534—538.
Упомин. т. XLIV, 333.
 — Федоръ Никит. См. Филаретъ.
- Рондо:**
 — Клавдій, англійскій резидентъ въ Петербургѣ, т. XLVI, 38—63.
 — Супруга предыдущаго, по первому браку Уардъ, т. XLVI, 38, 42.
- Роскошный, Германъ.** *Замѣтка* о соч. его: „Графъ Левъ Н. Толстой. Изъ моей жизни“. Т. XLIII, 581.
- Рославскій-Петровскій, профессор.** Харьковскаго университета, т. XLV, 377.
- Ростолчины:**
 — Генераль, т. XLIV, 672, 673.
 — Графиня Е., писательница, т. XLV, 568.
- де-Ротуръ, Анго.** *Замѣтка* о защитѣ его принимаемыхъ въ Россіи мѣръ противъ евреевъ. Т. XLVI, 839—841.
- Рогъ:**
 — Генераль, т. XLIII 499, т. XLVI, 371.
 — Эдуардъ. *Замѣтка* о соч. его: Моральныя идеи настоящаго времени. Графъ Толстой. Т. XLIV, 757, 758.
- Роштейнъ, секундъ-майоръ, „академикъ“** карточной игры, т. XLV, 115, 119.
- де-Рошфоръ, графиня Модзэна.** *Замѣтка* объ изданномъ дневникѣ ея. Т. XLV, 759—761.
- Рубцовъ, Николай, виленскій городскій голова.** *Сообщилъ* поправку къ воспоминаніямъ Н. И. Иванова. Т. XLVI, 864.
- Рузевельтъ, Бланка.** *Замѣтка* о соч. ея: Elisabeth of Rumania. Т. XLV, 510, 511.
- Руместанъ, французскій артиллерійскій поручикъ, спасшій жизнь русскому унтеръ-офицеру,** т. XLV, 729.
- Румянцевы:**
 — Гр. Никол. Петр., министръ иностран. дѣлъ и предсѣдатель государств. совѣта, т. XLIV, 577, 584—587, 592.
 — Александр. Ив., сенаторъ, правитель Малороссіи, т. XLV, 38, 39, 47, 305; т. XLVI, 55, 56.
- Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр., генераль-фельдмаршалъ, малороссійскій генераль-губернаторъ,** т. XLV, 270—272, 274—276.
- Русинъ-Иозляниновъ, русскій представитель въ Константинополѣ,** т. XLV, 304.
- Руссо, Жанъ-Жакъ, французскій писатель и философъ.** *Замѣтка* о его спорѣ съ Вольтеромъ. Т. XLV, 200—207.
- Рыбаковъ, Никол. Хрисанфовъ, актеръ,** т. XLVI, 336, 589—597.

- Рѣдинъ, Петръ Григорьевъ, юристъ, профессоръ, а потомъ ректоръ Петербургскаго университета.** *Некрологъ* его. Т. XLVI, 527. *Упомин.* т. XLVI, 720.
- Рѣзановъ 2-й, Семенъ Семен., прапорщикъ 5 горнаго баталіона,** т. XLV, 222, 223, 227, 228.
- Рѣпинъ, П. Е., художникъ,** т. XLVI, 458.
- Рындинъ, Семенъ Мих., секретарь горной конторы,** т. XLV, 222, 223.
- Рындовскій, профессоръ Харьковскаго университета,** т. XLV, 382.

С.

- Сабантьевъ, Ив. Вас., корпусный командиръ,** т. XLIV, 391, 392, 401, 405, 675, 676, 679.
- Савари, адъютантъ Наполеона I,** т. XLIV, 576—578.
- Савинъ, Андрей, русскій представитель въ Константинополѣ,** т. XLV, 304.
- Савиціе:**
 — К. А., художникъ, т. XLVI, 458.
 — Польскій іезуитъ, духовникъ Лжедмитрія, т. XLVI, 647—649.
- Садовскій, Провъ Мих., артистъ,** т. XLVI, 85.
- Салиасъ-де-Турнемиръ, графъ Евгений Андреевъ, писатель.** *Сатира* на его романы. Т. XLIII, 598, 599.
- Салтыковы:**
 — (Щедринъ), Мих. Евгр., писатель. *Замѣтка* о переводѣ на нѣмецкій языкъ разсказа его: „Какъ одинъ мужикъ прокормилъ двухъ генераловъ“. Т. XLIV, 268. *Упомин.* т. XLIV, 28.
 — Гр. Алексѣй, камергеръ, содержатель игорнаго дома, т. XLV, 116.
- Самойловы:**
 — Вас. Вас., артистъ, т. XLIV, 303; т. XLVI, 321—325.
 — Вас. Мих., артистъ, т. XLVI, 323—325.
 — Петръ Вас., артистъ, т. XLVI, 321, 322.
- Самсоновъ, московскій дьякъ въ Константинополѣ,** т. XLV, 304.
- Самуиловъ, Вячеславъ.** *Библиографическая замѣтка* о соч. его: *Исторія арианства на латинскомъ западѣ* (358—430). Т. XLIII, 261, 262.
- Самуиль (Запольскій-Платоновъ), костромской епископъ,** т. XLVI, 71.
- Сандуновъ, Сила Никол., актеръ,** т. XLV, 423.
- Санги, князь:**
 — Левъ, литовскій канцлеръ, т. XLVI, 637, 639, 643—645, 650, 654, 660, 661, 666, 770, 781.
 — Янъ, т. XLVI, 657, 666.

Сатинъ, Мих. Тимоѣев., тамбовскій стряпчий-вотчинникъ, т. XLV, 702, 703.

Себастиани, французскій генераль, дипломатъ, т. XLV, 284.

Северинъ, писательница. См. Мердеръ.

Селимъ:

— I, турецкій султанъ, т. XLV, 25.

— II, турецкій султанъ, т. XLV, 26.

Семевскій, Мих. Ив. *Библиографическая замѣтка* объ издаваемомъ подъ его редакціей Архивъ князя О. А. Куракина. Т. XLIII, 248—251.

Семеновъ, Панфилю, толмачъ, посланный къ мунгалскому Цысану-хану, т. XLVI, 157, 158, 164—168.

Сементновскій, Р. И. *Статьи его*: Экономическая жизнь и церковь. Т. XLIV, 643—658. Итальянскій походъ 1799 г. и кронштадтская встрѣча 1891 г. Т. XLVI, 388—408. Голодъ и наша публицистика. Т. XLVI, 713—731.

Семирадскій, Г. И., художникъ, т. XLIII, 255—257.

Сенковскіе:

— Аделаида Александр., писательница, т. XLV, 569, 580—584.

— Осипъ Ив., профессоръ Петерб. университета, историкъ и писатель (баронъ Брамбеусъ), т. XLV, 307—334, 337, 339—342, 559, 561—572, 575—591.

Сень-При, французскій посолъ въ Константинополь, т. XLV, 273, 280.

Сенявинъ, тайный совѣтникъ, т. XLVI, 703, 704.

Сергій, игуменъ Радонежскій, чудотворецъ. *Замѣтка* по поводу 500-лѣтія кончины его. Т. XLV, 636—647. *Упомин.*, т. XLVI, 768.

Сибилевъ, становой приставъ Курской губ., сопровождавшій Александра I, т. XLVI, 851, 852.

Сибиряковъ, И. М. *Библиографическая замѣтка* объ изданіи его: Сибирская библиографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. Т. XLV, 193, 199. Томъ II. Т. XLVI, 816, 817.

Сигизмундъ III, король польскій и шведскій, т. XLVI, 644—646, 648—651, 664, 665.

Симаковъ, Филиппъ, одинъ изъ „птенцовъ гнѣзда Петрова“, т. XLVI, 756, 757.

Синявинъ, Ульянъ, генераль-майоръ, т. XLVI, 437, 736.

Синцендорфъ, графиня, сектантка, т. XLV, 105, 106.

Сиротининъ, А. Н. *Статья его*: Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ, актеръ и писатель прошлаго вѣка. Очеркъ изъ ис-

торіи русскаго театра. Т. XLV, 415—446.

Снабичевскій, А. М. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890). Изд. Ф. Павленкова. Т. XLVI, 246—249.

Сналонъ, Софья Вас., рожд. Капнистъ. *Воспоминанія ея*. Т. XLIV, 338—367. 599—625; т. XLV, 50—71.

Снарга, Петръ, иезуитъ, т. XLVI, 647.

Сиворцовъ, Дмитрій, преподаватель Тверской духовной семинаріи. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Діонисій Зобнинскій, архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря (нынѣ лавры). Т. XLVI, 742—743.

Сніяда, Аванасій, преподаватель славяно-греко-латинской академіи, т. XLVI, 739, 740.

Славянскій, Дм. Александр. См. Агреньевъ.

Смирновы:

— Актеръ, т. XLVI, 338.

— Вас. Андреевъ, виолончелистъ, потомъ антрепренеръ ярославскаго театра, т. XLVI, 80—84.

— Ив. Ник., профессоръ Казанскаго университета. *Библиографическія замѣтки его*: Веске. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Т. XLVI, 241—246. Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Т. II. Т. XLVI, 254—258. М. Н. Пинегинъ. Свадебные обычаи казанскихъ татаръ. Т. XLVI, 261. Н. З. Тиховъ. Матеріалы для исторіи славянскаго жилища. Болгарскій домъ и относящіяся къ нему постройки по даннымъ языка и народной поэзіи. Т. XLVI, 500—502. Д. Смышляевъ. Сборникъ статей о Пермской губерніи. Т. XLVI, 513—515. М. Н. Ядринцевъ. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное состояніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія. Т. XLVI, 810—814.

Смирной-Васильевъ, московскій дьякъ, т. XLVI, 640, 641.

Смирной-Отрепьевъ, московскій гонецъ въ Литву, т. XLVI, 653, 654.

Смола, митрополитъ. См. Игнатій.

Смолюковъ, антрепренеръ нижегородскаго театра, т. XLVI, 586.

Смышляевъ, Д. Д. *Библиографическая замѣтка* о его Сборникъ статей о Пермской губерніи. Т. XLVI, 513—515.

Снесорова, Софья. *Библиографическая замѣтка* о соч. ея: Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ Ея иконъ, чтимыхъ православною церковью на основаніи Священнаго Писанія и церковныхъ преданій. Т. XLVI, 828.

Сованж, французский купец в России, т. XLIV, 147.

Солдатенков, К. Т. *Библиографическія замѣтки* объ изданияхъ его: Р. Гаймъ. Романтическая школа. Вкладъ въ исторію иѣмѣдкаго ума. Переводъ В. Невѣдомскаго. Т. XLIII, 868—870. Исторія педагогики Карла Шмидта. Томъ первый. Дохристіанскій эпоха. Изданіе четвертое, значительно дополненное, исправленное и переработанное профессоромъ Эмануиломъ Ганнакомъ. Переводъ Эдуарда Циммермана. Т. XLIII, 870—873. Исторія эллинизма. Сочиненіе Г. Г. Дройзена. Переводъ М. Шелгунова. Томъ первый. Исторія Александра Великаго. Т. XLIV, 738—740. Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ 13. Восемнадцатое столѣтіе. Переводъ Э. Циммермана. Т. XLV, 187, 188. Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка. Томъ III. Переводъ М. Лучицкой поль редакціей проф. Лучицкаго. Т. XLVI, 492—496. Американская республика Джамса Брайса. Часть III. Пер. В. Н. Невѣдомскій. Т. XLVI, с. 17—820.

Соловой-Протасевъ, русский представитель в Константинополь, т. XLV, 304.

Соловьевъ, Борисъ, театральнй антрепренеръ, т. XLVI, 79, 82.

Сомовъ, русский дьякъ в Константинополь, т. XLIV, 305.

Сонцевъ, А. А., таврической вице-губернаторъ. *Письмо его къ Г. П. Данилевскому*. Т. XLIII, 56, 57.

Сорнева, Анна Алексѣевна, писательница (А. Алексѣва). *Некрологъ ея*. Т. XLVI, 548.

Сотерландъ, Эдуардъ. *Замѣтка о романѣ ея: „Тайна принцессы: разсказъ о жизни въ провинціи, лагерѣ, при дворѣ, на каторгѣ и въ монастырѣ Россіи“*. Т. XLIII, 582.

Софія, принцесса Виртембергская, супруга голандскаго короля Вильгельма III, т. XLIII, 267.

Спальдингъ, англійскій полковникъ. *Замѣтка о составленной имъ биографіи Суворова*. Т. XLIII, 279.

де-Спиноза, Бенедиктъ, философъ. *Статья объ немъ*. Т. XLIII, 817—827.

Спиридоновъ, Прохоръ, коломенскій священникъ, т. XLVI, 420.

Срезневскій, Изм. Ив., профессоръ, т. XLV, 336—339, 341.

Стааль, Егоръ Егоръ, русский повѣренный в Константинополь, т. XLV, 306.

Сталь-Гольштейнъ, баронесса Анна-Луиза, рожд. Неккеръ, по 2 браку Рокка,

французская писательница, т. XLIV, 218—220.

Станевичи:

— **Никол. Владим.**, писатель. *Библиографическая замѣтка* о соч. объ немъ. Т. XLIV, 479—483.

— **Польскій резидентъ** в Константинополѣ, т. XLV, 268.

Старичій, Владиміръ Андреевичъ, кандидатъ на московскій престолъ, т. XLIV, 327.

Старновъ, московскій подьячій в Константинополь, т. XLV, 304.

Старчевскій, Альбертъ Викентьевъ, писатель и журналистъ. *Воспоминанія его*. Т. XLV, 307—342, 559—592. *Пятидесятилѣтіе* литературной дѣятельности его. Т. XLVI, 149—155. *Библиографическая замѣтка* о его Спутникъ по Индіи, Табегу и Японіи. Т. XLVI, 821, 822. *Упомян.*, т. XLIII, 777—780.

Стасовъ, Владим. Вас., тайн. сов. бібліотекаръ публичной бібліотеки, писатель, т. XLV, 566.

Стахивъ, Александръ. *Стахивъ*, посланникъ в Константинополь, т. XLV, 279, 305.

Степановы:

— **Александръ Петр.**, енисейскій губернаторъ, писатель, т. XLIII, 465—471.

— **Екатер. Федосѣевъ**, урожд. Бякова, т. XLIII, 466.

— **Ипполитъ Семен.**, т. XLIII, 463, 464.

— **Никол. Александр.**, карикатуристъ. *Статья объ немъ*. Т. XLIII, 457—487, 746—783; т. XLIV, 116—142. *Дополненіе къ этой статьѣ*. Т. XLIV, 633—642.

— **Целаг. Степ.**, урожд. Кашгалинская, т. XLIII, 464, 465, 466, 469.

— **Петръ Александр.**, генераль-отъ-инфантеріи, парсоксельскій комендантъ, т. XLIII, 468, 471, 474—479.

— **Петръ Семен.**, козельскій городничій, а потомъ мѣшковскій судья, т. XLIII, 463—465.

— **Руфъ Семен.**, основатель гернгутерской колоніи в Саратовской губ., т. XLIII, 463, 464.

— **Софія Серг.**, урожд. Даргомыжская, т. XLIII, 478; т. XLIV, 633, 634, 636—640.

Степанъ Малый, самозванецъ, т. XLV, 271, 272.

Стефанъ (Семень Яворскій), митрополитъ рязанскій и муромскій, вполѣдъ экзархъ патриаршаго престола, т. XLVI, 738, 739.

Стефанъ Баторій, король польскій, т. XLVI, 657.

Стовисъ (Штоввишъ). *Замѣтка* о соч. его: Руководство исторіи, генеалогіи и хронологіи всѣхъ государствъ міра отъ

самыхъ отдаленныхъ временъ до нашихъ дней. Т. XLIV, 515.

Стояновскій, Никол. Ив., сенаторъ, дѣйствит. тайн. совѣтникъ, предсѣдатель департамента гражд. и духов. дѣлъ госуд. совѣта. *Замѣтка* о пятидесятилѣтней дѣятельности его. Т. XLV, 524, 525.

Странфордъ, лордъ, англійскій посолъ въ Константинополь, т. XLV, 289.

Страховы:

— П. И., профессоръ, т. XLV, 417.

— Н. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Изъ исторіи литературнаго нигилизма 1661—1865. Письма Н. Косицы. Замѣтки лѣтписца. Борьба съ западомъ въ нашей литературѣ. Книжка вторая. Т. XLIII, 559—564.

Строгоновы, графы:

— С. Г., почитель Москвитинъ учебн. округа, т. XLIV, 564, 566.

— Григорій Александр., посланникъ въ Константинополь, т. XLV, 287—289, 305.

Стровеы:

— Пав. Мих. *Библиографическая замѣтка* о его Описаніи рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый-Иерусалимъ, Саввина-Сторожевского и Пафнутьева-Боровскаго. Т. XLIV, 746, 747.

— Инспекторъ студентовъ Харьковскаго университета, т. XLV, 385.

Струве, профессоръ Харьковскаго университета, т. XLV, 383.

Суворовы:

— Авдотья Ѳедосѣев., рожд. Манукова, т. XLV, 77.

— Анна Вас. См. Горчакова.

— Вас. Ив., генераль-аншефъ, отецъ генералиссимуса. *Замѣтка* объ немъ. Т. XLV, 72—78.

— Марья Вас. См. Олешева.

Суворовъ-Рыминскій, Александр. Вас., князь Италійскій, генералиссимусъ. *Замѣтка* о вшедшей въ Англій біографіи его. Т. XLIII, 279, 465.

Суворъ, шведскій выходецъ, родоначальникъ Суворовыхъ, т. XLV, 72.

Суначевъ, В. П., иркутскій городской голова. *Библиографическая замѣтка* о редактированномъ и изданномъ имъ очеркѣ: „Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири“. Т. XLVI, 827, 828.

Сульянова, оперная пѣвица, т. XLIII, 343, 344.

Суперанскій, Мих. Ѳедор. *Статья* его: Развитие русскаго самосознанія. По поводу сочиненія А. Н. Пыпина: Исторія русской этнографіи. Т. XLIV, 410—432.

Библиографическія замѣтки его: Оскаръ Пешель. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ редакцію профессора Э. Ю. Петри, съ 6 изданіи, дополненаго К. и рхгдбффомъ. Выпуски III и IV. Т. XLIII, 549—553. Древняя исторія К. Ф. Беккера, вновь обработанная Вильгельмомъ Мюллеромъ, профессоромъ Тубингенскаго университета. Часть вторая. Т. XLIII, 856. Исторія педагогики Карла Шмидта. Томъ первый. Дохристіанская эпоха. Изданіе четвертое, значительно дополненное, исправленное и переделанное профессоромъ Эмануиломъ Ганнакомъ. Переводъ Эдуарда Циммермана. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. XLIII, 870—873. А. Забѣлинъ. Вѣковыя опыты нашихъ воспитательныхъ домовъ. Т. XLIV, 246, 247. О покоѣ воскреснаго дня. Доцента Московской духовной академіи Александра Бѣляева. Т. XLIV, 735, 736. Діонисій Зобининовскій, армандриръ Троицкаго Сергіева монастыря (нынѣ лавры). Т. XLIV, 742—744. Князь Л. Л. Голицынъ и С. С. Краснодубровскій. Укекъ. Доклады и изслѣдованія по археологіи и исторіи Укека. Т. XLIV, 747, 748. Научная сторона экономической системы Карла Маркса. Г. Гросса, доктора правъ при Вѣнскомъ университетѣ. Переводъ и предисловіе Н. С. Рашковскаго. Т. XLV, 488—490. А. Бѣляевъ. Характеристика археологіи. Т. XLV, 491, 492. И. Никифоровскій. Краткія замѣчанія объ отношеніи русскихъ сектъ къ государству. Т. XLV, 750, 751. Помощь самообразованію. Сборникъ публичныхъ лекцій, популярно-научныхъ статей и литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ, издаваемый и редактируемый врачомъ А. Ѳ. Тельнихинимъ. Выпуски I и II. Помощь самообразованію. Популярно-научный и литературный иллюстрированный журналъ, издаваемый и редактируемый А. Ѳ. Тельнихинимъ. Т. XLVI, 249, 250. А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Т. III. Этнографія малорусскаго. Т. XLVI, 825—827.

Суриковъ, В. И., художникъ-жанристъ, т. XLVI, 456.

Сутнеръ, Берга. *Замѣтка* о ея романѣ Schamyf. Т. XLIV, 759.

Сухово-Кобылинъ, писатель. *Рассказъ* о первомъ представленіи его „Свадьбы Кречинскаго“. Т. XLIV, 302—307.

Суховъ, А. П., московскій купецъ, издатель „Будильника“, т. XLIV, 136, 641.

Сухотинъ, Алексѣй, содержатель игорнаго дома, т. XLV, 116.

Сухтеленъ, графъ, оренбургскій военный губернаторъ, т. XLV, 719.

Стровъ, композиторъ, т. XLIII, 336, 337.

Стряновъ, Авкс. Лавр., академикъ-графверъ, т. XLIII, 780.

Ствовъ, оперный артистъ, т. XLIII, 329, 331, 332, 336.

Сыроматниковъ, С. Н. *Этюды его*: Провсвѣтитель эстовъ. Т. XLV, 100—107.

Сытинъ, старицкій помѣщикъ, т. XLVI, 746.

Сюрюгъ, Адрианъ, французскій абать въ Москвѣ. *Замѣтка* о его дневникѣ. Т. XLV, 503—506.

Т.

Тавора:

— Португальскій маркизь, т. XLV, 174, 175, 462, 463, 466, 468, 470, 472.

— Леонора, супруга предьдущаго, т. XLV, 175, 176, 462, 463, 466, 468—470, 472.

Талейранъ, Карль, маркизь d'Exideuil, французскій посолъ въ Москву, т. XLIV, 153.

де-Талейранъ, Шарль-Морисъ, гр. Перигоръ, кн. Дино, отенскій епископъ, французскій министр иностран. дѣлъ, впоследствии посланникъ въ Лондонѣ. *Записки его*. Т. XLIII, 804—816; т. XLIV, 214—231, 463—478. *Замѣтка* о его мозгѣ по Виттору Гюго. Т. XLV, 209, 210.

Татищевъ, С. С. *Замѣтка* объ изданіи его: Кореспонденція Александра I и Наполеона I-го 1801—1812 гг. Т. XLIV, 510—513.

Тейлоръ, Исаакъ. *Замѣтка* о соч. его: „The origine of the Arguans, an account of the prehistoric ethnology and civilization of Europe“. Т. XLV, 215, 216.

Теккерей, Уильямъ, англійскій писатель. Незданная карикатура его. Т. XLVI, 483—491.

Телепневы:

— Степ. Вас., русскій представитель въ Константинополѣ, т. XLV, 304.

— Ефимъ, думный дьякъ, т. XLIV, 151.

Тельнихинъ, А. Ѳ., сараторскій врачъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Помощь самообразованію. Сборникъ публичныхъ лекцій, популярно-научныхъ статей и литературныхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ. Выпуски I и II. Помощь самообразованію. Популярно-научный и литературный иллюстрированный журналъ. № 1 и 2. XLVI, 249, 250.

Тельгинъ, Петръ, генераль-майоръ, т. XLV, 116.

Теляновскій, Аркадій Захарьевъ, генераль-лейтенантъ, военный инженеръ. *Некрологъ его*. Т. XLVI, 859, 860.

Тео, Екатерина, „Богородица“ французскаго тайнаго общества. *Замѣтка* объ ней. Т. XLVI, 834—836.

Тепловъ, В. Н. *Статья его*: Русскіе представители въ Царьградѣ (1496—1891 гг.). Т. XLV, 21—49, 263—306. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Представители европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ. Т. XLIII, 259, 260.

Терновичъ, А. *Библиографическія замѣтки его*: А. Титовъ. Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Издалъ Г. Юдинъ. Т. XLIV, 252, 253. Е. В. Кузнецовъ. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Т. XLIV, 496, 497. Сибирская библиографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Томъ I. Источники и матеріалы для исторіи Сибири: библиографическіе указатели, историческіе и историко-юридическіе акты и документы, письма и мемуары. Составилъ В. И. Межовъ. Издалъ И. М. Сибиряковъ. Т. XLV, 198, 199.

Терпигоревъ, Сергѣй Никол. (Сергѣй Атава), писатель. *Статья его*: Потребженія тѣни. Т. XLIII, 70—97, 352—385. *Библиографическая замѣтка* объ изданныхъ историческихъ рассказахъ и воспоминаніяхъ его. Т. XLIV, 486—488.

Терскій, А. *Библиографическая замѣтка его*: Историческіе акты XVII столѣтія (1633—1699). Матеріалы для исторіи Сибири. Собралъ и издалъ Инн. Кузнецовъ. Т. XLIII, 853—855.

Тикноръ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Исторія испанской литературы. Томъ III. Т. XLIV, 744—746.

Тиличевъ, орловскій губернаторъ, т. XLIII, 477.

Тимашевъ, Ал. Егор., генераль-адъютантъ, министръ внутр. дѣлъ, т. XLIII, 39.

Титовы:

— Андрей Александр. *Статья его*: Юрьевская слобода (село въ Ростовск. уѣздѣ). Т. XLIV, 439—447. Ростовскій Борисоглѣбскій монастырь, что на Устьѣ, Ярославской епархіи. Т. XLVI, 767—782. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Издалъ Г. Юдинъ. Т. XLIV, 252, 253.

— Владим. Пав., посланникъ въ Константинополь, т. XLV, 298, 305, 306.

Тиховъ, Н. З. *Библиографическая записка* о соч. его: Материалы для истории славянскаго жилища. Болгарскій бытъ и относящіяся къ нему постройки по давнимъ языкамъ и народной поэзи. Т. XLVI, 500—502.

Тихонъ, (Малышкитъ), епископъ, т. XLVI, 776.

Толстые, графы:

— Дмит. Андреев., министръ народ. просвѣщ. и оберъ-прокуроръ св. синода, вполнѣд. президентъ академій наукъ и министръ внутр. дѣлъ, т. XLIII, 513.

— Левъ Никол., писатель. *Замѣтки* объ иностранныхъ сочиненіяхъ объ немъ: т. XLIII, 581; т. XLIV, 266—268, 757—759.

— Петръ Александр., генераль-отъ-инфантерій. предсѣдатель департа. воен. дѣлъ государств. совѣта, т. XLIV, 576, 577, 581.

— Петръ Андреев., посланникъ въ Турцію, сенаторъ, т. XLV, 31, 32, 35, 37.

Томара, Вас. Степ., посланникъ въ Константинополь, т. XLV, 305.

Тонарь, субъ-инспекторъ Харьковскаго университета, т. XLV, 385.

Трачевскій, Александр. Сем., докторъ всеобщей исторіи, профессоръ. *Статья* его: франко-русскій союзъ въ эпоху Наполеона I. Т. XLIV, 566—593. *Библиографическія замѣтки* его: Souvenirs du baron de Barante. Т. XLIV, 248—251. Debidonr Histoire diplomatique de l'Europe, 1814—1878. Т. XLIV, 497, 498. Материалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина. Изданіе А. Брикнера. Тома II, III и IV. Т. XLV, 191, 192.

Триоговъ, Владим. Григ., директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства государственныхъ имуществъ, изсѣдователь крестьянской жизни. *Некрологъ* его. Т. XLVI, 890.

Трошчинскіе:

— А. А., т. XLIV, 366.

— Дм. Прокоф., министръ юстиціи, т. XLIV, 358, 362—366, 619, 620; т. XLV, 50.

Трубачевъ, Серг. Сем. *Статья* его: Карикатуристъ Н. А. Степановъ. Т. XLIII, 457—487, 746—783, т. XLIV, 116—142. Одинъ изъ русскихъ идеалистовъ. Т. XLIII, 793—803. *Библиографическая записка* его: Сергій Атава (С. Н. Герцигоревъ). I. Историческіе рассказы и воспоминанія; II. Двѣ повѣсти: I, Безъ

воздуха и 2) На старомъ гнѣдѣ. Т. XLIV, 486—488.

Трубецкіе, князья:

— Екатер. Осипов., т. XLV, 220, 222.

— Серг. Петр., полковникъ, декабристъ т. XLV, 220—227.

Тугугъ, баронт, австрійскій интервунцій въ Константинополь, т. XLV, 276.

Тургеневъ, Ив. Сер., писатель. *Отзывъ* объ немъ швейцарской печати. Т. XLII, 577, 578. *Замѣтка* о постановкѣ его „Нахлѣбника“ на берлинской сценѣ. Т. XLIV, 513. *Упоми.* т. XLIV, 190; т. XLVI, 728, 729.

Тьеръ, Людовикъ-Адольфъ, французскій министръ, вполнѣд. президентъ республики. *Замѣтка* объ немъ. Т. XLIII, 882, 883.

Тэнъ, Ип. *Замѣтка* о соч. его: Основанія современной Франціи. Нынѣшній режимъ. Т. XLV, 513, 514.

Тюринъ, А. П., писатель, т. XLV, 339.

Тяпкинъ, Вас. Мих., стрѣлецкій голова, гоночекъ въ Константинополь, т. XLV, 304.

У.

Уардъ:

— Англійскій консулъ въ Петербургѣ, т. XLVI, 38, 39—45, 49.

— Супруга предыдущаго. См. Рондо.

Ураинцевъ, Емельянъ Игнатьевъ, думный дьякъ, посланникъ въ Константинополь, т. XLV, 29, 305.

Уманецъ, С. И. *Статья* его: Адъ и рай въ мусульманскомъ представленіи. Т. XLV, 125—133. Персидскій шахъ и его дворъ. Т. XLVI, 223—238. *Библиографическія замѣтки* его: В. Л. Велічко. Восточные мотивы (стихотворенія). Т. XLIII, 257—259. Представители европейскихъ державъ въ прежнемъ Константинополѣ. Историческій очеркъ В. Тейлова. Т. XLIII, 259, 260. Н. П. Остроумовъ. Сарты. Этнографическіе матеріалы. Выпускъ первый. Т. XLV, 751, 752.

Урусовъ, кн. Александр. Мих., т. XLV, 117, 120, 121.

Устиновъ, Мих. Мих., временно управляющій русскою миссіею въ Константинополѣ, т. XLV, 306.

Утина, Лидія Никол., издательница „Будильника“, т. XLIV, 137—140.

Ф.

Фаге, Эмиль. *Замѣтка* о соч. его: Политики и моралисты XIX столѣтія. Т. XLV, 511—513.

Фалтеевъ, Мих. Леонтьевъ, бригадиръ, строитель г. Николаева, т. XLV, 629, 630.

Фаресовъ, А. И. *Статья* его: Живая рѣчь Т. XLIII, 212—224. Поправка къ этой статьѣ. Т. XLIV, 532, 533. Запросы народа. Т. XLIV, 204—213. *Библиографическая замѣтка* его: Врачебный бытъ до-Петровской Руси. Врача Ф. Германа. Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. Проф. Н. Загоскина. О положеніи медицинскаго дѣла въ Россіи. Доктора М. Перфильева. Т. XLV, 179—182.

Ферруччи, Франческо, флорентійскій полководецъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. объ немъ. Т. XLV, 486—488.

Феттеръ, Николай. *Сообщилъ* замѣтку: Древности Пафнугьева монастыря. Т. XLIII, 597, 598.

Феть, (Шеншинъ), Аван. Аван., поэтъ. *Библиографическая замѣтка* о его Воспоминаніяхъ. Т. XLIII, 865—869.

Филаретъ, (Федоръ Никит. Романовъ), патриархъ московскій, т. XLIV, 333.

Филипповъ М. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою. Т. XLV, 734—739.

Философовъ, Мих. Александръ, директоръ Смоленской гимназіи, т. XLIII, 713—717, 719.

фонъ-Фитенгофъ, управляющій горной экспедиціей, т. XLV, 221.

Фонвизинъ, Денисъ Ив., писатель. *Замѣтки:* о соч. объ немъ Луи Леже. Т. XLIII, 579, 580. О могилѣ его. Т. XLIV, 766, 767.

Форбесъ, англійскій посланникъ въ Петербургъ, т. XLVI, 41.

Фотій, архимандритъ, т. XLVI, 792.

Фредро, гр. Александръ, польскій драматургъ. *Некрологъ* его. Т. XLV, 240.

Фридрихъ II, прусскій король, т. XLV, 266, 267, 272, 275.

Фридрихъ Великій, король прусскій. *Замѣтка* объ немъ. Т. XLIII, 273, 274. *Вызды* его. Т. XLVI, 268, 269.

Фридрихъ-Вильгельмъ:

— I, король прусскій. *Замѣтка* о вѣдшемъ сочиненіи объ немъ. Т. XLIII, 571, 572.

— IV, король прусскій, императоръ германскій. Т. XLVI, 784, 785, 791—795, 837.

Фрудъ, англійскій публицистъ и историкъ. *Замѣтка* о соч. его: Первые министры королевы Викторіи. Т. XLIII, 887, 888.

Фуджишима, Ріаунъ, членъ азіатскаго общества въ Царяжѣ. *Замѣтка* о соч.

его: Японскій буддизмъ. Т. XLIV, 761, 762.

Фунсъ, Викторъ Яковъ, членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 898, 899.

Фульдъ, англійскій министръ, т. XLIII, 108, 109.

Фурнель. *Замѣтка* о соч. его: „L'Evenement de Varennes“. Т. XLIII, 876—879.

Х.

Хвостовъ, Александръ Семенъ, русскій повѣренный въ Константинополь, т. XLV, 305.

Хилкова, княжна, воспитанница Д. П. Трошинскаго, т. XLIV, 365, 366.

Ходзько, Иосифъ Ив., геодезистъ, т. XLVI, 462—464.

Ходневичъ, Геронимъ, виленскій каштелянъ, т. XLVI, 650.

Ходневъ, профессоръ Харьковскаго университета, впослѣд. непремѣнный секретарь Вольно-экономическаго Общества, т. XLV, 381, 382.

Храбрый, штабсъ-капитанъ, т. XLIV, 392—394.

Хрипуновы, братья, московскіе выходцы въ Польшу, т. XLVI, 661.

Хоменко, капитанъ 1 мушкетерской роты Полоцкаго кадет. корпуса, т. XLV, 679—684.

Хрущевъ, И. П., членъ ученаго комитета м. н. п., т. XLIII, 288.

Худеновъ, Сергій Николъ, издатель „Петербургской Газеты“. *Сообщилъ* воспоминаніе артиста Ф. Бурдина: Первое представленіе „Свадьбы Кречинскаго“. Т. XLIV, 302—307.

Ц.

Цейдлеръ:

— Августа Андреевна, рожд. Рыхлевская, писательница (А. Пчельникова). *Некрологъ* ея. Т. XLV, 237, 238.

— Ив., Иркутскій гражданскій губернаторъ, т. XLV, 225.

Циммерманъ:

— Дармштадтскій придворный проповѣдникъ, т. XLIII, 284, 285.

— Робертъ. *Замѣтка* о его очеркѣ нѣмецкой литературы. Т. XLVI, 526—529.

— Эдуардъ. *Библиографическія замѣтки* о переводахъ его: Исторія педагогики Карла Шмидта. Томъ I. Дохристіанскаго эпоха. Изданіе четвертое, дополненное, исправленное и передѣланное проф. Эмануиломъ Ганнакомъ. Т. XLIII, 870—873. Всеобщая исторія

Георга Вебера. Т. XIII. Восемнадцатое столѣтіе. Т. XLV, 187, 188.

Цицановъ, кн., астраханскій военный губернаторъ и главнокомандующій въ Грузіи, т. XLIII, 181, 182.

Ч.

Черкасскіе, князья:

— Алексѣй Мих., кабинетъ-министръ, т. XLVI, 745, 848, 849.

— Г. С., т. XLV, 703.

— Ив. Григ., начальникъ Стрѣлецкаго, а потомъ Посольскаго Приказа, т. XLIV, 151.

— Петръ Борис., т. XLVI, 849.

Чернышевскій, Н. Г., писатель, т. XLVI, 723.

Чернышевъ, кн. Александр. Ив., военный министр, т. XLVI, 703, 704.

Чарторыжскіе (Чарторыйскіе):

— Адамъ-Георгъ, министр иностран. дѣлъ, а потомъ почитель Виленскаго учебн. округа, т. XLV, 82.

— Директоръ Лисинскаго лѣсничества, впослѣд. губернаторъ, т. XLIII, 207.

Чаусовъ, хорунжій, надзиратель декабристовъ, т. XLV, 224.

Чекуверъ, лекарскій помощникъ, погибшій 17 октября 1888 г., т. XLIII, 198.

Чередеевъ, дѣякъ, посланникъ въ Константинополь, т. XLV, 305.

Чермакъ, Богуславъ. *Замѣтка* о его Очеркѣ литературной исторіи Чехіи. Т. XLV, 772.

Черниговцевъ, главноуправляющій нерчинскими рудниками, т. XLV, 224—226.

Черняевъ, профессоръ Харьковского университета, т. XLV, 380.

Чириновъ, Илья, околничій, т. XLV, 305.

Чихачевъ, думный бояринъ, т. XLIV, 151.

Чубиновъ, Давидъ Исеевичъ, заслуженный профессоръ Петерб. университета. *Некрологъ* его. Т. XLV, 526, 527.

Чуминовъ, Влад. *Замѣтка* его о происхожденіи слова „галиматя“. Т. XLIV, 532, 533.

Ш.

Шагинъ - Гирей, послѣдній крымскій ханъ, т. XLV, 281.

фонъ-Шакъ, генералъ - лейтенантъ, т. XLIII, 171.

Шатиловичъ, почтамтскій чиновникъ, похититель денегъ, т. XLV, 114.

Шатихинъ, капитанъ, т. XLIII, 787, 788.

Шафировы, бароны:

— Петръ Ив., т. XLV, 35, 36, 305.

— Петръ Пав., т. XLVI, 437—439.

Шаховской, кн., карточный игрокъ, т. XLV, 120.

Шварцъ, командиръ Семеновскаго полка, т. XLIV, 662.

Шевляковъ, М. В. *Сообщилъ*: Разказы бывалаго челоѣвка. Т. XLIII, 488—500, 784—792. Воспоминанія театральнаго антрепренера (Н. И. Иванова). Т. XLVI, 64—89.

Шевченко:

— Субъ - инспекторъ Харьковского университета, т. XLV, 385.

— Игнатій, матросъ 30 флотскаго экипажа, т. XLV, 634, 635.

Шевыревъ, С. П., профессоръ Московскаго университета, т. XLIV, 564—566.

Шейнъ, Мих. Борис., русскій воевода, т. XLIV, 151.

Шелгуновы:

— М. *Библиографическая замѣтка* о переводѣ его: Исторія эллинизма. Сочиненіе І. Г. Дройзена. Томъ первый. Исторія Александра Великаго. Т. XLIV, 738—740.

— Никол. Вас., писатель. *Некрологъ* его. Т. XLIV, 770, 771.

Шереметевъ, гр. Мих. Борис., генералъ-майоръ, т. XLV, 35, 305.

Шерваль, баронъ, Капуть Генрихов., главный инспекторъ желѣзныхъ дорогъ, т. XLIII, 200.

Шестановы:

— Людмила Ив., урожд. Глинка, т. XLIII, 340.

— Петръ Дмитр., почитель Казанскаго учебнаго округа. *Воспоминанія* его о. В. И. Назимовѣ. Т. XLIII, 708—723.

Шигинъ, Н. А., книгопродавецъ. *Библиографическая замѣтка* объ изданіи его: Аріостъ. Неистовый Роландъ. Т. XLVI, 823—825.

Шидловскіе:

— Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, т. XLIV, 635—638.

— Цензоръ, т. XLV, 560, 564, 567, 578, 579, 584.

Шилловскій, игрокъ, т. XLV, 111, 112.

Ширинскій - Шихматовъ, кн., министръ народн. просвѣщенія, т. XLV, 561.

Ширяевы:

— Актеръ частнаго театра въ Ко-стромѣ, т. XLVI, 67, 70, 71.

— Никол. Лавр. *Замѣтка* его: Потемкинскій городъ. Т. XLV, 628—635. *Библиографическій отзывъ* его о книгѣ: Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе святыхъ чудотворныхъ ея иконъ, чтимыхъ православною церковью на основаніи св. писанія и церковныхъ преданій. Составила Софья Снегосорова. Т. XLVI, 828.

Шишинъ, Ив. Ив., профессоръ пейзажной живописи, т. XLVI, 457.

Шишковъ, Александръ Сем., адмиралъ, министръ народ. просвѣщенія, членъ госуд. совѣта, т. XLV, 653.

Шлумбергеръ, нумизматъ. *Замѣтка* о сочин. его о Никифорѣ Фокѣ. Т. XLIV, 761.

Шмидтъ, Карлъ. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: *Исторія педагогики*. Томъ первый. Дохристіанская эпоха. Изданіе четвертое, значительно дополненное, исправленное и переделанное профессоромъ Эмануиломъ Ганнакомъ. Переводъ Эдуарда Циммермана. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Т. XLIII, 870—873.

Шока, капитанъ, проповѣдникъ салютистовъ, т. XLVI, 801—804.

Шопенъ, изслѣдователь Армянской области, т. XLVI, 465, 466.

Шредеръ, оперная пѣвица. См. *Направникъ*.

Шриттеръ, І. Г. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: *Исторія Академіи Наукъ*. Т. XLIII, 260, 261.

Шуазель, герцогиня, т. XLV, 500—502.

Шуазель-Гуффье, графъ, французскій посолъ въ Константинополь, т. XLV, 281, 282.

Шуазель-Праленъ, французскій герцогъ, т. XLIV, 458, 452.

Шубинскій, Сергій Никол. *Библиографическая замѣтка* его: *Россія и русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII вѣка*. Записки и замѣчанія графа Эрнста Миниха. Т. XLIV, 726, 727. *Статья* его: *Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина*. Т. XLV, 617—627.

Шульгинъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ, т. XLIII, 499, 500, 784, 785.

Шушеринъ, Яковъ Емельяновъ, актеръ, т. XLV, 423, 425, 426, 428, 651—655.

Щ.

Щедринъ. Псевдонимъ писателя. См. *Салтыковъ*.

Щелаловъ, Василій, московскій дьякъ, т. XLVI, 661.

Щепинъ, Мих. Семенъ, артистъ, т. XLVI, 85.

Щербина:

— Никол. Ѳеодоръ, поэтъ и писатель. *Воспоминаніе объ немъ* Г. П. Данглевскаго, его письма и неизданныя стихотворенія. Т. XLIII, 32—69.

— Ив. Ѳед., братъ поэта, т. XLIII, 46, 54, 55.

Щербининъ, Андрей Григ., флягель-адъютантъ, т. XLVI, 755, 756.

Э.

Эвальдъ, Влад. Ѳеодоровъ, педагогъ. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 901.

Эварницкій, Д. И. *Замѣтка* его: *Раскопки кургановъ въ бассейнѣ рѣкъ Орели и Самари*. Т. XLVI, 440—449.

Эинбродтъ, профессоръ Харьковскаго университета, т. XLV, 381.

Экземпларскій, А. В. *Библиографическая замѣтка* о соч. его: *Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 годъ*. *Биографическіе очерки по первоисточникамъ и главнѣйшимъ пособіямъ*. Томъ второй. Т. XLV, 197, 198.

Эккерманъ, другъ и секретарь І. Гете. *Библиографическая замѣтка*: *Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ*. Переводъ съ нѣмецкаго Д. В. Аверкіева. Часть первая, т. XLIII, 861—864; часть вторая, т. XLVI, 502—504.

Эминъ, Никита Осиповъ, оріенталистъ. *Некрологъ* его. Т. XLIII, 897, 898.

Эрнстъ, Паулъ. *Замѣтка* о статьѣ его о Достоевскомъ. Т. XLIII, 581.

Эртель, московскій оберъ-полицеймейстеръ, т. XLV, 122.

Эссенъ, генералъ-адъютантъ, оренбургскій военный губернаторъ, т. XLV, 710, 714, 716.

д'Этьеннъ, графиня. *Замѣтка* о статьѣ ея о М. Башкирцевой. Т. XLV, 506, 507.

Ю.

Юдины:

— Генадій Васильевъ. *Библиографическая замѣтка* объ изданіи его: *Сибирь въ XVII вѣкѣ*. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. А. Титова. Т. XLIV, 252, 253.

— П. Л. *Статьи* его: *Императоръ Александръ I въ Оренбургскомъ краѣ въ 1824 году*. Т. XLV, 709—719. *Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Оренбургскомъ краѣ въ 1837 году*. Т. XLVI, 172—182.

Юзефовичъ, Мих. Владим., дѣйстви. тайн. совѣтникъ, предсѣдатель Киевской археологической комиссіи, т. XLIV, 594—598.

Юрьевъ, Сергій Андреевъ, писатель. *Статья* объ немъ. Т. XLIII, 793—803.

Юсуповъ, князь, директоръ театровъ, т. XLV, 425, 426.

Ютнеръ, *Замѣтка* о соч. его: *Полуостровъ Кола*. Т. XLV, 213, 214.

Я.

Яворский, Семень. См. Стефанъ.
Ягуинский, гр. Пав. Ив., кабинетъ-министръ, т. XLVI, 434, 435.

Ядринцевъ, Н. М. *Библиографическая заметка* о соч. его: Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное состояніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія. Т. XLVI, 810—814.

Языковы:

— Дмитр. Дмитриевичъ, писатель.
Статья его: Литературная дѣятельность С. Т. Аксакова. Библиографическій очеркъ. Т. XLV, 648—666.

— Симбирская красавица, погибшая на пароходѣ отъ искры, т. XLVI, 599.

Якимовъ, профессоръ Харьковскаго университета, т. XLV, 376.

Яковлевы:

— В., писатель, т. XLV, 336.

— Семень, русскій представитель въ Константинополь, т. XLV, 304.

Якубовичъ, Александръ Ив., штабъ-ротмистръ, декабристъ, т. XLV, 220—227.

Яненко, Я. Ѳ., художникъ, т. XLIII, 478.

Яновскій, архіепископъ. См. Ѳеодосій.
Ярославцевъ (Остаповъ), актеръ, т. XLVI, 591.

Ясинскій, І. І. *Отрывокъ* изъ воспоминаній его: Мои литературные дебюты и редакция „Азиатскаго Вѣстника“. Т. XLVI,

668—675. *Сообщилъ* анекдотъ о Гоголѣ Т. XLIV, 594—598.

Ѳ.

Ѳадеевъ, Иванъ, знаменитый разбойникъ Ярослав. губ., т. XLIV, 444—447.

Ѳедоровъ, начальникъ репертуара императорскихъ театровъ, т. XLIII, 138—140, 143, 328—330, 338, 343—345.

Ѳедотовъ, Пав. Андр., жанристъ и карикатуристъ, т. XLIII, 462.

Ѳеодоръ, основатель Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, преподобный, т. XLVI, 768, 770.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ, московскій царь, т. XLV, 706, 708.

Ѳеодоръ Ивановичъ, московскій царь, т. XLIV; 145, 147, 308, 309, 311, 322, 328, 331.

Ѳеодосій (Яновскій), архіепископъ новгородскій, т. XLVI, 427.

Ѳеофанъ (Проконовичъ), архіепископъ новгородскій, т. XLVI, 413—418, 424—426, 429, 738, 744.

Ѳеофилактъ (Лопатинскій), архіепископъ тверской, т. XLVI, 428, 429.

Ѳеофиль:

— (Кроликъ), чудовскій архимандритъ, т. XLVI, 743, 744.

— Игумень Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, т. XLVI, 772.

УКАЗАТЕЛЬ

ГРАВИЮРЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1891 г.

Портреты:

- Батюшковъ, Конст. Никол., поэтъ (*на отдѣльномъ листѣ*), т. XLIV, 539.
Гончаровъ, Ив. Александр., писатель, т. XLVI, 551.
Елизавета, принцесса, сестра Людовика XVI, съ гравюры де-Буазо, т. XLIV, 713.
Закревскій, гр. Арсеній Андреев., сенаторъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, впослѣд. московскій генераль-губернаторъ (*на отдѣльномъ листѣ*), т. XLIV, 281.
Ламбалль, Марія-Тереза-Луиза, принцесса (Савойянъ-Кареньянъ), съ портрета конца XVIII в., т. XLIII, 229.
Леонова, Дарья Мих., артистка императорскихъ театровъ (*на отдѣльномъ листѣ*), т. XLIII, 305.
Людовикъ XVI, французскій король, съ гравюры Ноэля-Ле-Миръ, исполненной по картинѣ Дю-Плесси, т. XLIV, 709.
Майновъ, Валер. Никол., критикъ, т. XLIV, 193.
Марія-Антуанетта, королева французская, томъ XLIV:
— по эстампу Жанине, 451.
— по гравюрѣ Рюотта, въ костюмѣ фермерши, 461.
Мейсонъ, Жанъ-Луи-Эрнестъ, французскій художникъ, т. XLIII:
— грудной портретъ, 831.
— во весь ростъ (изучаетъ движенія лошади), 849.
Мишень, Марина, жена Лже-Димитрія (*на отдѣльномъ листѣ*), т. XLVI, 555.
фонъ-Мольте, гр. Гельмутъ-Карль-Бернаръ, прусскій генераль-фельдмаршалъ и начальникъ главнаго штаба, т. XLIV:
— въ 1890 году, 693.
— въ 1859 году, 695.
— въ 1870 году, 695.
— въ 1869 году, 687.
— въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, 699.
— на смертномъ одрѣ, 701.
Невельскій, Геннадій Ив., адмиралъ, т. XLVI, 697.
Полежаевъ, Александр. Ив., поэтъ (*на отдѣльномъ листѣ*), т. XLIV, 5.
де-Полиньякъ, герцогиня, съ портрета, писаннаго Виже-Лебрень, т. XLIII, 233.
Пушкинъ, Александръ Серг., поэтъ, съ портрета, писаннаго имъ самимъ во время пребыванія его въ Гумранскомъ карантинѣ, т. XLIII, 211.

- де-Спиноза, Бенедиктъ, философъ, т. XLIII, 825.
 Степановъ, Никол. Александр., карикатуристъ, т. XLIII:
 — на отдѣльномъ листѣ, 609.
 — при работѣ по разрисовкѣ статуэттки-кариатуры, 749.
 де-Талейранъ, Шарль-Морисъ, гр. Перигоръ, кн. Дино, отенскій епископъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, вполнѣдствіи посланникъ въ Лондонѣ, т. XLIII, 809.

Шлиманъ:

- Генрихъ, докторъ, археологъ, т. XLIII, 523.
 — Жена его, т. XLIII, 525.
 Суворовъ, Вас. Ив., генераль-аншефъ, отецъ генералиссимуса (на отдѣльномъ листѣ), т. XLV, 5.
 Плавильщиковъ, Петръ Алексѣев., актеръ и писатель прошлаго вѣка, съ портрета, приложеннаго къ „Пантеону русскаго театра“ 1851 г. (на отдѣльномъ листѣ), т. XLV, 241.
 Потемкинъ-Таврическій, свѣтлѣйшій князь Григ. Александр., генераль-фельд-маршалъ, новороссійскій генераль-губернаторъ, на смертномъ одрѣ, т. XLV, 619.
 Старчевскій, Альбертъ Викентьев., писатель и журналистъ (на отдѣльномъ листѣ), т. XLVI, 5.
 Ивановъ, Никол. Ив., театральнй антрепренеръ (на особомъ листѣ), т. XLVI, 289.
 Щербина, Никол. Ѳедор., поэтъ и писатель (на отдѣльномъ листѣ), т. XLIII, 5.
 Юрьевъ, Сергѣй Андреев., писатель, т. XLIII, 797.

Копіи съ картинъ.

Венига, Убіеніе царевича Дмитрія, т. XLIV, 313.

Мейсонъ, томъ XLIII:

- Игроки въ карты, 833.
 — Курильщикъ, 835.
 — Знаменосецъ, 837.
 — Энциклопедисты у Дидро, 839.
 — Драка (La gîte), 841.
 — 1814 годъ, 843.
 — Два эскиза фигуръ къ картинѣ 1807 года, 847.

Виды городовъ, мѣстностей и зданій.

Аены, домъ археолога Шлимана, т. XLIII, 546.

Владивостокъ, общій видъ города и его порта, т. XLIII, 439.

Навказъ, томъ XLIII:

- Церковь св. Давида въ Тифлисѣ, 172.
 — Метехскій замокъ въ Тифлисѣ, 175.
 — Улица въ Тифлисѣ, 179.
 — Древняя церковь Анагуръ, 163.
 — Мостъ въ Дарьяльскомъ ущельи, 157.
 — Дѣвичья башня въ Баку, 193.
 — Кутансъ, общій видъ, 199.

Мадридъ: улица, т. XLV, 451.

Микены, кругъ могилъ, открытыхъ Шлиманомъ, т. XLIII, 533.

Николаевъ: видъ города и порта въ концѣ XVIII столѣтія, т. XLV, 631.

Памятники:

- на мѣстѣ копчяны кн. Потемкина-Таврическаго, томъ XLV: въ первоначальномъ видѣ, 621; въ настоящее время, 623.
 — въ Царево-Александровскомъ рудникѣ на мѣстѣ, гдѣ собственноручно работалъ императоръ Александръ I, т. XLV, 717.

- адмиралу Невельскому въ Владивостокѣ, т. XLVI, 705.
 Парижъ: домъ художника Жана-Луи-Эрнеста Мейсонье, т. XLIII, 851.
 Планъ „верхняго города“ въ Тиринсѣ, составленный Дерпфельдомъ, томъ XLIII, 541.
 Пуасси: домъ художника Жана-Луи-Эрнеста Мейсонье, т. XLIII, 852.
 Ростовскій-Борисоглѣбскій монастырь, что на Устьѣ, Ярославской епархіи, томъ XLVI:
 — Общій видъ монастыря, 769.
 — Колокольня и соборъ св. Бориса и Глѣба, 771.
 — Благовѣщенская церковь, 773.
 — Церковь св. Сергія и святыхъ врата, 775.
 — Церковь Срѣтенія съ Водяными вратами, 777.
 Трианонъ, замокъ во Франціи, томъ XLIV:
 — Общій видъ съ лѣваго берега рѣки, съ стороны храма любви, 455.
 — Башня Мальборо, 457.
 Троя, городъ, томъ XLIII:
 — съ сѣверной стороны, 527.
 — на мѣстѣ древней Трои, 539.
 Уссурійскій край:
 — Русскій поселокъ, т. XLIII, 445.
 — Верхнее теченіе рѣки Суйфуна, т. XLIII, 449.
 — Ночлеги въ лѣсу, т. XLIII, 729.
 — Засада на тигра, т. XLIII, 735.
 — Ущелье въ верховьяхъ Патахезы, т. XLIV, 93.
 — На низовьяхъ Сучана, т. XLIV, 101.
 Юрьевская слобода, Ростовскаго у., Ярослав. губ., томъ XLIV:
 — Старая деревянная церковь, 441.
 — Постоялый дворъ, 445.

Бытовья и другія изображенія.

- Археологическіе предметы, открытыя Шляманомъ, томъ XLIII:
 — Метонъ греческаго храма, найденный въ Новомъ Иліонѣ, съ изображеніемъ Геліоса, 528.
 — „Сокровище Пріама“, 529.
 — Троянскія золотыя серьги, 531.
 — Троянскій глиняный сосудъ съ формами человѣческаго лица, 531.
 — Троянскій глиняный сосудъ въ видѣ гиппопотама, 531.
 — Большая золотая діадема изъ Микенъ, 534.
 — Клинокъ кинжала изъ Микенъ, 535.
 — Сосудъ изъ смѣси серебра съ свинцомъ въ видѣ оленя изъ Микенъ, 535.
 — Золотой сосудъ изъ Микенъ, 535.
 — Рѣзба на золотомъ перстнѣ изъ Микенъ, 536.
 — Глиняный сосудъ изъ Микенъ, 536.
 — Серебряная голова быка изъ Микенъ, 536.
 — Золотая маска изъ Микенъ, 548.
 Ассирійскій грифонъ, т. XLV, 127.
 Вранъ (въ видѣ крылатаго коня съ лицомъ женщины), т. XLV, 129.
 Дранонъ,—эмблема высшей китайской власти, т. XLIV, 629.
 Знамя, данное гетманомъ Салтѣйю игумену Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, преш. Ирнарху, т. XLVI, 779.
 Кавказскіе типы, томъ XLIII:
 — Горцы Терской области, 149.
 — Терскій казакъ, 153.
 — Кубанскій казакъ, 152.
 — Угольщикъ въ Тифлисѣ, 183.
 — Носильщикъ воды въ Тифлисѣ, 185.
 — Гуріецъ, 189.
 — Торговецъ въ Баку, 195.

Карикатуры Степанова:

Томъ XLIII:

- Графъ Сологубъ, 476.
- Поэтъ Губеръ, 475.
- Булгаринъ, 476.
- Константинъ Булгаковъ, 477.
- Письмо матери (М. И. Глинка и Н. А. Степановъ), 479.
- М. И. Глинка въ Варшавѣ, 481.
- М. И. Глинка пишетъ партитуру оперы, 483.
- М. И. Глинка идетъ въ потомство, не ломая шапки передъ современниками, 485.
- Наконецъ-то я въ Севастополѣ! (штурмъ 6 июня), 752.
- Французы! Имперія есть миръ, а подтвержденіе этой истины—позади васъ. До свиданія! (Да здравствуетъ Наполеонъ!), 754.
- Я дѣлаю для Франціи все, что умѣю и могу, 755.
- Союзъ современныхъ бичей человѣчества: холеры, диссентеріи и к°, 757.
- Ал. Дюма въ Россіи, 759.
- Ант. Контскій, 760.
- А. А. Фегъ, 761.
- М. П. Погодинъ, 763.
- И. А. Гончаровъ и Н. А. Степановъ, 765.
- А. В. Дружининъ, 766.
- Н. О. Щербина, 767.
- В. А. Кокоревъ, 768.
- Русскій человѣкъ 769.
- Мечты и дѣйствительность, 771.
- Врачъ для бѣдныхъ, 773.
- Подчиненнаго гни въ дугу, 774.
- Начальству кланяйся ниже кармановъ, 775.
- Петербургскія дачи, 777.
- Прочь дѣти! Игра эта не для васъ, 779.
- Польза отъ криолиновъ, 781.

Томъ XLIV:

- Сенаторъ Харитоновъ (шведъ-любитель), 119.
  - Поэтъ-чиновникъ Бернетъ, 121.
  - Странникъ Павелъ Якушкинъ, 123.
  - Лазаревъ (маэстро Абиссинскій), 125.
  - Творцы будущей музыки — Вагнеръ и маэстро Абиссинскій, amico di Rossini—исполняетъ свою музыку съ будущими музыкантами, 126.
  - Абиссинскій маэстро доитъ Сирийскую корову, 128.
  - Дислугъ о томъ, кто были первые призванные къ намъ варяги—литвины или норманны, 129.
  - И. С. Аксаковъ и представители художественной и обличительной литературы, 132.
  - Журнальные олимпійцы, 133.
  - Акціонерныя общества прибѣгаютъ къ послѣднему средству, чтобы подъять акціи, 135.
  - Типъ денежнаго аристократа, 138.
  - Фонды и трансферты, 139.
  - Домовладѣлецъ, говорящій рѣчи своимъ жильцамъ передъ новымъ годомъ, 141.
- Карикатуры Теккерея (12 гравюръ), т. XLVI, 483—491.
- Конго, бельгійская колонія въ Центральной Африкѣ, т. XLV:
- Военная труба и другіе музыкальные инструменты, 137.
  - Ножи дикарей, 138.
  - Головной уборъ, поясъ палача и жертвенный ножъ, 139.
  - Туземный костюмъ, 141.
  - Туземный щитъ, 143.
  - Мушина и женщина племени Балоло, 144.
  - Рабы, выставленные для продажи, 145.
  - Скованный невольникъ, 146.
  - Лүфембїецъ-работорговецъ, 147.
  - Перевозка невольниковъ, 148.

- Конья, щать и сгрѣлы, 149.
- Конья и пруть, которымъ бьютъ рабовъ, 149.
- Матросы, 151.
- Мѣдная окова, 153.
- Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.** Съ гравюры Скородумова (*и отдѣльнымъ листъ*), т. XLV, 529.
- Крестъ,** которымъ св. Сергій благословилъ в. к. Дмитрія Донскаго передъ Куликовской битвой, т. XLV, 641.
- Кровать** (походная) Наполеона I, т. XLV, 732.
- Парижъ трехъ мушкетеровъ,** томъ XLVI:
  - Кавалеры времени д'Артаньяна, 203.
  - Костюмъ мушкетеровъ, съ изображеніемъ Лувра XVII вѣка, 205.
  - Заговоръ, 207.
  - Случайная дуэль, 209.
  - Костюмъ отряда черныхъ мушкетеровъ во времена Ришелье, 211.
  - Любезное приглашеніе къ стачкѣ, 214.
  - Женскій костюмъ времени Фронды, 217.
- Раскопки Орельскаго кургана,** т. XLVI, 442.
- Скамья Наполеона I на островѣ св. Елены,** т. XLV, 733.
- Скелеты,** томъ XLVI:
  - изъ Орельскаго кургана, 443.
  - каменнаго вѣка по р. Орели, 445.
  - найденныя въ Самарской могилѣ, 447.
- Испанскіе типы,** томъ XLV:
  - Погонщикъ ословъ, 449.
  - Крестьянинъ, 453.
  - Приключеніе на улицѣ, 454.
  - Испанская дама, 455.
  - Разносчикъ фруктовъ, 457.
  - Цыганъ, 459.

Lyon

